

ц. 30 к.

Въ провинціи и 35 к.
на ст. жел. дор.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 17.

Май—І.

1914

(Пятый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Духовно-монистическое міропониманіе.....	973	„Любовь къ предметамъ и любовь къ людямъ“ Н. М. Минскаго. — „Цѣлостность жизни“ Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. — „Новый человѣкъ“ А. А. Суворина. — „Человѣкъ съ точки зрѣнія“ науки, религіи, искусства и теософіи“ А. Г. Молокина. — „Теософическое движеніе и теософическое общество П. И. Тимофеевскаго. — „Трагедія власти“ Э. Ф. Зильмискаго. — „Толстой и судъ“ В. А. Маклакова. — „Любовь и капитализмъ“ Верн. Зомбарта. — „Поэтъ и пресса“ Поля Фера. — Темы сезона. — О преступности аборта. — О футуризмѣ. — Диспутъ о танго. — Очередыя „новыя слова“ въ искусствѣ.....	1017
2. „Міровой Разумъ“ Уоллеса.....	980	12. Отзывы о книгахъ.....	513
3. Объ интуитивномъ познаніи чужихъ душевныхъ переживаній..	984	13. Новыя книги.....	518
4. Міръ осязаемый и міръ зримый	986	14. Содержаніе журналовъ.....	538
5. Проповѣдь тишины.....	988	15. Библіографія по отд. вопросамъ. Педологія (Продолж.).....	548
6. Явленія распада личности.....	992	16. Книги, поступившія въ редакцію.	
7. Тайны творчества.....	996		
8. Мы и американцы. (Два пріятія міра).....	1001		
9. Почему застоялась наша духовная жизнь?.....	1004		
10. Питаніе съ точки зрѣнія энергетикки.....	1010		
11. Идеи, образы, факты. Лекціи и диспуты. („Христіанство и индивидуализмъ“ М. И. Туганъ-Варановскаго. — „Свѣтъ Озворскій и преображеніе ума“ кн. Е. Н. Трубецкаго. —			

Подписная цѣна: 12 м. — 4 р.,
9 м. — 3 р., 6 м. — 2 р., 3 к. — 1 р.,
1 м. — 40 к. За границу — 5 р.

Такса объявленій: 1 стр. — 40 р.,
1/2 стр. — 25 р., 1/4 стр. — 16 р.,
1/8 стр. — 10 р.

Редакція и контора: Москва, Мерзляковскій пер., домъ 6. Телеф. 5-02-08.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: 1) Москва, Б. Никитская, 10. Кн. маг. „Наука“.
2) С.-Петербургъ, Стремянная, 6. Кн. скл. „Провинція“.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПРАВОВѢДІЕ

ИВАНЪ КАЛЛИНИКОВИЧА ГОЛУБЕВА.

Коммисіонера Государственной типографіи. МОСКВА, Никольская, д. Славянского Базара.

Магазинъ имѣетъ всѣ юридическія изданія: Анисимова, Березовскаго, Исаченко, Мартынова, „Право“, Нюрнберга, „Законовѣдѣніе“, Стасюлевича и др. Имѣются въ продажѣ спеціальныя справочники, алфавитные указатели, полный сводъ сенатскихъ рѣшеній, таможенные и желѣзнодорожные тарифы, сборники циркуляровъ, военно-юридическія книги, учебники, конспекты и пр., а также портреты Государя Императора, Государственные гербы, зеркала (и. отъ 25 до 50 руб.) и др. предметы для Присутственныхъ мѣстъ. Подыскиваются и продаются номера сенатскихъ объявленій съ публикаціями о вызовѣ наследниковъ, объ объявленіи несостоятельности и проч., дѣлаются справки въ собраніи узаконеній и пр., составляются юридическія бібліотеки. Принимаются книги на комиссію отъ Гг. авторовъ и издателей. Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. Сверхъ своей спеціальности магазинъ исполняетъ заказы на всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги. Кромѣ юридическаго при магазинѣ отдѣлы: военный, духовный и техническій. Заказы исполняются немедленно. Въ прозвѣстію книги высылаются вложеннымъ платежмъ. По заказамъ отъ 10 р. желательны задатокъ.

ПОДБОРЪ КНИГЪ ПОСТОЯННО ПОПОЛНЯЕТСЯ НОВОСТЯМИ.

Каталогъ безплатно

Для телеграммъ: „МОСКВА—ЮРИСТЪ“. □ ТЕЛЕФОНЪ МАГАЗИНА № 33—28

Съ марта 1914 г. выходитъ новый журналъ

ДНЕВНИКИ ПИСАТЕЛЕЙ

подъ редакціей и при ближайшемъ участіи **ФЕДОРА СОЛОГУБА**, ежемѣсячными книжками не менѣе 2 печ. лст. Задача журнала—въ свободной формѣ дневниковъ и замѣтокъ знакомить со взглядами писателей на событія литературы, искусства и жизни. Въ вышедшихъ 2 книжкахъ помѣщены стихи и статьи Ю. Балтрушайтиса, А. Блока, Зин. Венгеровой, Ю. Верховскаго, М. Волошина, Ва. Гиллуса, Ам. Ирючкова, Н. Мининаго, О. Мартова, Ив. Рукавишниковъ, Федора Сологуба, Ано. Чеботаревской и др. Подписка (2 руб. въ годъ) принимается въ РЕДАКЦІИ, СПб., Разъѣзжая, 31, кв. 4, и въ книжныхъ магазинахъ Попова, Невскій, 66, Вольфа, Гостинный Дв., 18, и Митюрникова, Литейный, 31.

НОВАЯ КНИГА

Наталія Крандіевская.

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ.

Москва, 1914 г. Изданіе Некрасова. Стр. 72. Цѣна 75 коп.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Духовно-монистическое міро- пониманіе.

[1 (Н)]

Предлагаемый очеркъ составленъ изъ мыслей, почерпнутыхъ изъ введенія къ обширной, многолѣтней—16-лѣтней—работѣ П. П. Николаева „Понятіе о Богѣ какъ Совершенной Основѣ жизни“, и составленъ самимъ авторомъ книги. По своей сжатости, этотъ очеркъ можетъ дать лишь намекъ на тотъ путь изслѣдованія нашего сознанія и анализа сознаваемыхъ нами матеріальныхъ образовъ, который приводитъ къ обоснованію духовно-монистическаго объясненія міра.

Упомянутое „Введеніе“ недавно выпущено московскимъ кни-вомъ „Зеленая палочка“ въ видѣ отдѣльной книжки („Духовно-монистическое пониманіе міра“. Ц. 60 к.). Самый же трудъ г. Николаева, выходящій въ ближайшемъ будущемъ у того же издательства, до сихъ поръ появился въ печати лишь частью,—въ заграничномъ изданіи (два тома).

„Вникая въ первоначальный замыселъ основателей великихъ религій, — пишетъ П. Николаевъ, — и оставляя въ сторонѣ тѣ наслоения и суеть, которыми непониманіе послѣдователей окутало эти ученія и которыя такъ раздѣляютъ послѣдователей, мы убѣждаемся, что великія религіи объединены стремленіемъ выразить одну и ту же мысль.

Въ потенциальномъ замыслѣ восточныхъ религій: браманизма, буддизма, ученія Лао-Цзы и Конфуція, болѣе или менѣе ясно выражается мысль, что сознаваемая нами картина нашего тѣла, картина тѣлъ другихъ существъ и всего міра суть только матеріальные образы, которые существа создаютъ себѣ сами, вслѣдствіе несовершенства и ограниченности ихъ душевной жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ религіи эти намѣчали путь освобожденія отъ этой иллюзіи: поскольку существа расширяютъ свою душевную жизнь, поскольку они преодолеваютъ чувства своей ограниченной, эгоистической личности и

объединяются съ жизнью другихъ существъ, поскольку въ чувствахъ своемъ они достигаютъ чувства совершеннаго, всеобъемляющаго, а въ разумѣ своемъ достигаютъ Разума Совершеннаго, они приближаются къ сознанію Совершенному, Неограниченному, для котораго вовсе не можетъ существовать никакихъ матеріальныхъ образовъ, — ничего раздѣляющаго и ограничивающаго жизнь существъ.

Въ первоначальномъ замыслѣ христіанства, какъ это чудесно выяснилъ Л. Н. Толстой, мы также находимъ мысль, что въ душѣ нашей проявляется сознаніе Совершенное, Божеское, избавляющее насъ отъ ложныхъ представлений „міра сего“ со всѣми его измѣняемыми и преходящими тѣлесными образами.

По замыслу своему всѣ эти ученія являются едино-духовными или духовно-монистическими, такъ какъ они ведутъ къ утвержденію мысли, что для совершеннаго духа, который мы въ себѣ стремимся проявить, растворяются и исчезаютъ всѣ матеріальные образы.

У основателей великихъ религій духовно-монистическій замыселъ вытекалъ прежде всего изъ ихъ высокаго чувства вѣчности (вѣвремевности) и единства со всѣмъ живущимъ, которое инстинктивно открывало имъ, что сознаваемые нами преходящіе тѣлесные образы, раздѣляющіе жизнь существъ, нереальны, призрачны, какъ и образы, порожденные нами во снѣ, и что въ душѣ нашей проявляется сознаніе Совершенное, Единое для всѣхъ существъ. Неограниченное, избавляющее насъ отъ этихъ ложныхъ образовъ. Мысль эта высказывалась очень вдохновенно, часто очень ясно, она вызвала къ присущему людямъ инстинктивному чувству единства и неуничтожаемости жизни, она инстинктивно заражала людей своей истинностью, но мысль эта лишь весьма недостаточно доказывалась, т.-е. весьма мало опиралась на изслѣдованіе нашего сознанія и на анализъ сознаваемыхъ нами матеріальныхъ образовъ.

Обширный трудъ изслѣдованія нашего сознанія и анализа сознаваемыхъ нами мате-

ріальних образів єсть дѣло теоріи нашего познанія (гносеології), составляющей фундаментъ всей философіи.

Философія, хотя и должна признать, что откровенія релігійозныхъ провозвѣстниковъ удовлетворяють высшимъ запросамъ нашей души и имѣють великое значеніе въ жизни людей, однако не можетъ признать этихъ откровеній за истину, пока, идя своимъ путемъ изслѣдованія нашего сознанія и анализа создаваемыхъ нами образовъ, она, философія, не будетъ приведена къ тѣмъ же заключеніямъ.

Философія остается свободной въ своемъ пути изслѣдованія и идетъ туда, куда приводитъ изслѣдованіе. Она ищетъ абсолютную реальность, тающуюся въ глубинѣ нашей души, а также ищетъ познать, что представляетъ міръ въ дѣйствительности, т.-е. не для нашего человеческого, ограниченного и потому ложнаго сознанія, но для того совершеннаго и неограниченнаго сознанія, которое мы въ себѣ стремимся проявить, когда расширяемъ наши представленія и наши понятія о мірѣ.

И вотъ, идя своимъ путемъ изслѣдованія нашего сознанія, философія постоянно подходила къ заключенію, что создаваемые существами „тѣла“ и „предметы“ суть не что иное, какъ образы или представленія, порожаемые сознаніемъ самихъ существъ, въ зависимости отъ присущихъ имъ сознательныхъ свойствъ; мало того, философія нерѣдко подходила къ мысли, что для сознанія совершеннаго въ своихъ свойствахъ, неограниченнаго, божескаго, которое существа стремятся въ себѣ проявить, вовсе не могло бы существовать никакихъ матеріальныхъ образовъ. Путемъ изслѣдованія нашего сознанія философія неоднократно близко подходила къ утвержденію понятія о Богѣ, какъ Единой реальности всего нами создаваемаго.

Это понятіе о Богѣ, какъ совершенномъ сознаніи, въ которое стремится реализоваться жизнь всѣхъ отдѣльных и ограниченныхъ существъ, вполнѣ совпадало съ потенциальнымъ замысломъ основателей великихъ релігій, но оно рѣзко расходилось съ тѣми церковными наслоеніями, которыми эти ученія были затмѣнены. Отсюда у людей выработалось ложное мнѣніе, что философія идетъ вразрѣзъ съ релігіей. Но это совершенно невѣрно. Философское изслѣдованіе нашего сознанія и анализъ тѣхъ матеріальныхъ образовъ, которые мы себѣ рисуемъ, поскольку это изслѣдованіе вѣрно наведено, неизбѣжно приводитъ къ релігійозному міровоззрѣнію, притомъ уже не догматическому, но обоснованному, удовлетворяю-

щему не только наше инстинктивное чувство вѣчности и единства, но покоящемуся также на доказательствахъ, обязательныхъ для ума. На мѣсто инстинктивной вѣры, которая, при столкновеніи съ матеріалистическими и дуалистическими ученіями, можетъ быть поколеблена, изслѣдованіе нашего сознанія, направляясь по пути къ духовно-монастическому объясненію міра, создаетъ *увѣренность*.

— — —

Уже въ греческой философіи начала назрѣвать мысль, что наше представленіе о мірѣ обусловлено нашими собственными субъективными и ограниченными свойствами. Со времени Декарта эта мысль все болѣе уясняется въ новой философіи,—у Лейбница, Локка, Беркли, Юма и многихъ другихъ. Со времени Канта эта мысль становится основаніемъ всей послѣдующей гносеологической работы. Философія опредѣленно выяснила, что не только вкусъ, цвѣтъ, свѣтъ, запахъ, но и такіа основныя свойства предметовъ, какъ форма, величина, не существуютъ объективно, но образуются только въ сознаніи самихъ существъ въ зависимости отъ того, каковы свойства ихъ сознанія.

Кантъ особенно обстоятельно выяснилъ, что всѣ тѣ матеріальныя свойства, которыя мы приписываемъ „предметамъ“, суть не что иное, какъ продуктъ нашей собственной душевной организаціи. Самое пространство, въ которомъ мы сознаемъ матеріальные образы, не существуетъ объективно, но есть лишь субъективная форма нашего воспріятія, это есть форма, въ которую наше сознаніе облекаетъ неизвѣстную сущность нашего душевнаго воспріятія. То, что мы видимъ и называемъ міромъ, есть наше субъективное представленіе, слагающееся только въ самомъ нашемъ сознаніи. Однако мысль эта не была разработана Кантомъ окончательно, и потому въ послѣдующей философіи сохранились остатки дуализма.

Кантъ выяснилъ, что то, что мы называемъ тѣлами и предметами, суть только представленія или образы, слагающіеся лишь въ самомъ нашемъ сознаніи. Но что же вызываетъ въ нашемъ сознаніи всѣ эти образы, всѣ эти наши субъективныя и ложныя представленія о мірѣ?

Для обозначенія той объективной для насъ сущности, которая извнѣ дѣйствуетъ на наше сознаніе и вызываетъ въ немъ, какъ *чисто субъективный результатъ*, наше представленіе тѣлъ и предметовъ со всѣми ихъ качествами, Кантъ сохранилъ смутное понятіе о какихъ-то мистическихъ „предметахъ самихъ по себѣ“, лишенныхъ всѣхъ тѣхъ свойствъ, изъ которыхъ наше сознаніе слагаетъ для себя всѣ

матеріальные образы, лишенных даже протяженія въ пространствѣ. Но эти предполагаемые безкачественные „предметы сами по себѣ“, равно какъ и безкачественная „матерія сама по себѣ“, совершенно невѣроятны, такъ какъ то, что лишено всякихъ матеріальныхъ свойствъ, и даже протяженія въ мыслимомъ нами пространствѣ, не можетъ уже считаться ни предметомъ, ни матеріей. И вотъ философія послѣ Канта въ поискахъ той объективной сущности, которая вызываетъ въ нашемъ сознаніи всѣ матеріальные образы, постоянно подходит къ отрицанію какихъ-то мистическихъ „предметовъ самихъ по себѣ“. Но отдѣлаться окончательно отъ этихъ остатковъ дуализма, отъ этихъ мистическихъ „предметовъ самихъ по себѣ“ философіи еще не удалось, и это помѣшало философіи прійти къ обоснованному духовно-мистическому объясненію міра.

Поскольку философіи не удалось еще завершить свою работу изслѣдованія нашего сознанія и анализа создаваемыхъ нами матеріальныхъ образовъ, накопленного ею матеріала оказывалось недостаточно, чтобы объединить его въ цѣльное объясненіе міра. Это естественно дало людямъ поводъ сомнѣваться въ силахъ и значеніи философской работы.

Допустить, что внѣ нашего „я“ нѣтъ ничего, никакой объективной сущности, вызывающей въ нашемъ сознаніи наше представленіе о мірѣ, философіи, разумѣется, не можетъ. Отсюда слѣдуетъ, что философіи только тогда удастся отдѣлаться отъ остатковъ дуализма, только тогда удастся отмѣнить какіе-то мистическіе безкачественные „предметы сами по себѣ“, когда она замѣнитъ ихъ чѣмъ-то другимъ, притомъ явно нематеріальнымъ. Чтобы отрѣшиться окончательно отъ дуализма, необходимо выяснитъ, что всѣ матеріальные образы всецѣло, безъ всякаго матеріальнаго остатка фабрикуются самимъ нашимъ сознаніемъ и только потому, что оно несовершенно; если же мы, порождая сами матеріальные образы, вмѣстѣ съ тѣмъ объективируемъ ихъ отъ себя и представляемъ ихъ себѣ, какъ нѣчто вѣншее, то происходитъ это потому, что мы облакаемъ или даже вовсе скрываемъ въ эти образы сущность дѣйствительно для насъ пока объективную, а именно—всѣ тѣ процессы жизни, которые наша несовершенная душа отъ себя обособляетъ и которые кроются за субъективно-порождаемыми нами образами.

Для того, чтобы обосновать духовно-мистическое объясненіе міра и устранить возможные возраженія, нужна обширная гносеологическая работа, о сущности которой, насколько это возможно въ этомъ краткомъ очер-

кѣ, я постараюсь хоть въ самыхъ общихъ чертахъ дать понятіе.

— — —

Анализируя субъективно порождаемые нами матеріальные образы, намъ предстоитъ убѣдиться, что разыскивать въ этихъ образахъ какую-либо объективную матерію такъ же неосновательно, какъ разыскивать матерію, изъ которой слагаются образы, порождаемые нами во снѣ.

Пояснимъ хотя бы въ нѣсколькихъ строкахъ, почему нельзя представлять себѣ объективную для насъ сущность нашего воспріятія въ видѣ какой бы то ни было матеріи.

Объективная для насъ сущность нашего воспріятія, „сама по себѣ“ не можетъ имѣть никакого опредѣленнаго зрительнаго образа, никакой опредѣленной видимой величины, никакой опредѣленной видимой формы. Это видно уже изъ того, что зрительные образы, видимыя величины, видимыя формы различны для различныхъ существъ, и, какъ только измѣняется у существъ ихъ зрительная способность, такъ тотчасъ эти зрительные образы, видимыя величины, видимыя формы замѣняются новыми.

Если бы наша зрительная способность стала естественно и непрерывно обостряться, то случилось бы слѣдующее. Всѣ создаваемые нами зрительные образы „тѣлѣ“ и „предметовѣ“, какъ бы посредствомъ гигантскихъ телескоповъ и микроскоповъ расширились бы и въ то же время распались бы на новые образы. Мы уже никогда не представляли бы себѣ тѣхъ компактныхъ зрительныхъ образовъ, которые себѣ теперь рисуемъ и называемъ „тѣлами“ и „предметами“. Вмѣсто этихъ компактныхъ образовъ мы постоянно рисовали бы себѣ новые, совсѣмъ иные образы—совокупности движущихся и раздѣленныхъ пространствомъ атомовъ. При дальнѣйшемъ обостреніи зрѣнія эти образы атомовъ въ свою очередь расширились бы, разложились бы, и мы не имѣли бы о нихъ никакого понятія. Вмѣсто каждаго образа—компактнаго атома, мы постоянно представляли бы себѣ совокупность новыхъ отдѣльныхъ образовъ, движущихся электроновъ. Во всемъ рядѣ этихъ смѣняющихся и разлагающихся образовъ нельзя найти ничего достовѣрнаго, такъ какъ всѣ они требуютъ дальнѣйшаго и совершеннаго разложенія въ мыслимомъ нами пространствѣ. Въ дѣйствительности же, т.-е. при зрительной способности, идеально разлагающей, для насъ не могло бы существовать ничего требующаго дальнѣйшаго расширенія и разложенія—никакихъ зрительныхъ

образовъ. Всѣ зрительные образы, всѣ видимыя величины, всѣ видимыя формы порождаются сознаниемъ самихъ существъ и только потому, что оно несовершенно. Отсюда слѣдуетъ, что объективная для насъ сущность нашего воспріятія не можетъ вовсе сама по себѣ имѣть ни зрительнаго образа, ни видимой величины, ни видимой формы.

Но этого мало. Объективная для насъ сущность нашего воспріятія сама по себѣ не можетъ имѣть никакой опредѣленной тяжести и несжимаемости (плотности). Видно это изъ того, что тѣмъ совершеннѣе у существъ ихъ способность къ усилю (муравей, ребенокъ, взрослый человѣкъ), тѣмъ въ меньшей степени приписываютъ они тяжесть и несжимаемость тѣмъ зрительнымъ образамъ, которые они себѣ въ слѣдствіе несовершенства своей зрительной способности рисуютъ. Тяжесть и несжимаемость (плотность) исчезаютъ по мѣрѣ совершенствованія у существъ ихъ способности къ усилю.

Если бы наша способность къ усилю была въ тысячи разъ совершеннѣе, то мы бы уже не приписывали ни тяжести, ни плотности огромному большинству тѣхъ зрительныхъ образовъ, которые порождаются несовершенствомъ нашей зрительной способности. И если бы наша сознательная способность была вполне совершенной во всѣхъ своихъ свойствахъ, то для насъ не могло бы вовсе существовать ни неразлагаемыхъ зрительныхъ образовъ, ни той тяжести и плотности, которыя мы приписываемъ этимъ образамъ; все было бы для насъ такъ же прозрачно для взора и такъ же лишено вѣса и плотности, какъ безвоздушное пространство. Отсюда слѣдуетъ, что объективная сущность нашего воспріятія сама по себѣ не должна вовсе имѣть ни зрительнаго образа, ни видимой величины, ни видимой формы, ни тяжести, ни плотности.

Но и этого мало. Со времени Канта, все болѣе уясняется, что самое пространство, въ которомъ наше сознание представляетъ намъ всѣ матеріальные образы, не существуетъ объективно; все болѣе уясняется, что создаваемое нами пространство есть лишь свойство нашего душевнаго воспріятія, что это есть только нѣкоторая форма, въ которую мы сами облачаемъ объективную для насъ сущность нашего воспріятія. Сама же по себѣ эта объективная для насъ сущность нашего душевнаго воспріятія не должна имѣть никакого протяженія въ пространствѣ.

Итакъ, если допустить, что объективная для насъ сущность нашего воспріятія есть какая-то матерія, то мы должны признать, что эта объективная матерія сама по себѣ лишена зри-

тельного образа, тяжести, плотности, даже протяженія въ пространствѣ, или величины.

Но развѣ не ясно, что предполагаемая объективная матерія, лишенная всѣхъ тѣхъ свойствъ, изъ которыхъ наше сознание слагаетъ всѣ матеріальные образы, есть абсурдъ. Матерія есть всегда только субъективно - порождаемый нашимъ сознаниемъ образъ, который мы сами надѣляемъ тѣми или иными свойствами; матерія же, не обладающей никакими матеріальными свойствами, не только никто никогда не находилъ, но это есть совершенная несообразность. Совершенно противостественно допустить, чтобы какая-то безкачественная матерія могла какъ-либо воздѣйствовать на наше сознание, могла бы ограничивать насъ и вызывать въ нашемъ сознаниіи всѣ матеріальные образы со всѣми ихъ свойствами. Предполагаемая объективная матерія, лишенная матеріальныхъ свойствъ, не есть больше матерія, и даже какъ абстрактная причина, вызывающая въ нашемъ сознаниіи всѣ образы, она ничего не объясняетъ и никуда не годится.

Мы знаемъ вѣдь себя только одну объективную для насъ сущность, которая дѣйствительно не имѣетъ никакихъ матеріальныхъ свойствъ: это есть то внутреннее сознание существъ, тотъ процессъ жизни, который, какъ это все болѣе уясняется, скрытъ рѣшительно за всѣми субъективно порождаемыми нами образами: за образомъ нашего тѣла, за образами тѣлъ другихъ существъ, за образами растений, за образами кристалловъ, даже за образами такъ называемыхъ атомовъ, когда мы представляемъ себѣ такіе образы.

Когда люди науки мысленно обостряютъ нашу сознательную способность и разлагаютъ создаваемые нами матеріальные образы „тѣлъ“ и предметовъ, то приходятъ наконецъ къ допущенію какихъ-то самыхъ послѣднихъ, будто бы болѣе не разлагаемыхъ образовъ: движущихся „атомовъ“, „электроновъ“, „ячеекъ эира“. При этомъ люди науки все чаще приходятъ къ необходимости допустить, что даже за этими самыми мельчайшими (?) образами долженъ таиться нѣкоторый процессъ жизни. Безъ этого допущенія непонятны перемѣщенія (движенія) этихъ образовъ. Такимъ путемъ сама наука все чаще подходитъ къ гилозизму, т.-е. къ мысли, что рѣшительно за всѣми создаваемыми нами матеріальными образами скрытъ нѣкоторый процессъ жизни. При этомъ, однако, не уясняется или уясняется слишкомъ недостаточно, что всѣ атомы, электроны и т. п. суть не что иное, какъ результатъ неокончательнаго разложенія нами тѣхъ компактныхъ образовъ, которые мы себѣ фабрикуемъ; не уясняется

окончательно, что всё эти атомы, электроны, ячейки ээира всегда остаются только как субъективно порождаемые нами образы, требующие совершеннаго разложёнія въ мыслимомъ нами пространствѣ; не уясняется, что всё матеріальные образы суть только иллюстраціи въ нашемъ несовершенномъ сознаніи того процесса жизни, который кроется за этими образами.

Признавъ, что всё матеріальные образы атомовъ, образы электроновъ, образы ячеекъ ээира, или образы какихъ-то математическихъ, не лишенныхъ въ пространствѣ протяженія точекъ (точки, лишенной протяженія, нельзя мыслить) суть субъективный продуктъ нашего собственнаго несовершеннаго сознанія и не существуютъ въ объективномъ мірѣ, становится ясно, что всё измѣненія и перемѣщенія (движенія) матеріальныхъ образовъ, которыя наука принимаетъ за какія-то объективные энергіи, тоже не существуютъ въ объективномъ мірѣ, но суть лишь явленія, образующіяся и существующія только въ самомъ нашемъ сознаніи, какъ наши субъективные представленія. Мысль эта до нашего времени почти не уяснилась. *Не уясняется, что всё создаваемые нами въ пространствѣ матеріальные образы: тѣла, предметы, атомы, матерія, суть именно только образы, посредствомъ которыхъ наше несовершенное сознаніе иллюстрируетъ для себя скрытую за этими образами нематеріальную сущность—жизнь, при чемъ измѣненія этой жизни иллюстрируются въ нашемъ сознаніи въ видѣ измѣненій и движеній матеріальныхъ образовъ въ пространствѣ.*

На пути къ обоснованію духовно-мистическаго объясненія міра выясняются, помощью обширной работы, слѣдующія заключенія:

1) Наука, съ такимъ напряженіемъ и добросовѣстностью изслѣдуя и разлагая картину нашего тѣла, тѣлъ другихъ существъ и всего матеріальнаго міра, всегда изслѣдуетъ не что иное, какъ субъективно порождаемые нами образы, за которыми ничего не таится для насъ объективнаго, кромѣ жизни, скрытой этими образами.

2) Всё научные физическіе и химическіе законы относятся только къ субъективно порождаемымъ нами образамъ, которые при другихъ свойствахъ нашего сознанія были бы совсѣмъ иными, при чемъ, какъ только наша сознательная способность обостряется и мы ставимъ наше сознаніе въ положеніе менѣе ограниченное, такъ тотчасъ прежніе научные

законы рушатся и приходится создавать новые законы.

3) Законовъ абсолютныхъ, относящихся къ создаваемымъ нами матеріальнымъ образамъ, вовсе не можетъ существовать, такъ какъ при сознательной способности абсолютной, совершенной въ своихъ свойствахъ и потому неограниченной, для насъ не могло бы вовсе существовать никакихъ матеріальныхъ образовъ, а слѣдовательно не могло бы также существовать никакихъ измѣненій и перемѣненій матеріальныхъ образовъ, т.-е. никакихъ физическихъ силъ, энергій, движеній.

Хотя, несмотря ни на естественное совершенствованіе нашихъ внѣшнихъ чувствъ, ни на искусственное ихъ расширеніе помощью приспособленій, мы все еще продолжаемъ, вълѣдствіе нашей ограниченности, создавать себѣ представленія о мірѣ въ видѣ тѣхъ или иныхъ матеріальныхъ образовъ, однако разумъ нашъ, анализируя эти образы, приводитъ насъ къ заключенію, что если бы мы обладали сознаніемъ совершеннымъ, истиннымъ, и потому вовсе не ограниченнымъ, то мы вовсе не могли бы рисовать себѣ міръ матеріальнымъ. Все, что наше сознаніе представляетъ намъ какъ нѣчто несознательное, мертвое, матеріальное, есть не что иное, какъ результатъ нашей собственной несовершенной, неполной сознательности.

Только жизнь, которая скрыта рѣшительно за всѣми субъективно порождаемыми нами образами, будучи сама по себѣ невидима и неосвязаема, ни при какомъ обостреніи нашихъ внѣшнихъ чувствъ неразлагаема (Такъ, напр., жизнь человѣка не разложится, если бы даже наше зрѣніе, разъ навсегда обострившись, постоянно представляло бы намъ вмѣсто картины тѣла нѣкоторую совокупность атомовъ).

Дѣйствительную реальность надо искать лишь во внутренней жизни существъ, по мѣрѣ ея расширенія и совершенствованія; тогда какъ вся тѣлесность, вся матеріальность суть только образы, въ которые мы временно одеваемъ или даже вовсе скрываемъ отъ себя жизнь, таящуюся за этими образами.

Изслѣдованіе нашего сознанія приводитъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что дѣйствительная объективная для насъ сущность, ограничивающая наше сознаніе во всѣхъ его свойствахъ и этимъ вызывающая въ нашемъ сознаніи, какъ чисто субъективный результатъ, всё матеріальные образы, есть не что иное, какъ та жизнь, которая скрыта за всѣми этими субъективно порождаемыми образами.

Хотя объективная для насъ сущность нашего воспріятія (жизнь) сама по себѣ не

имѣть зрительнаго образа, но она ограничиваетъ наше сознание и этимъ вызываетъ въ нашемъ сознании, какъ чисто субъективный результатъ, всѣ зрительные, неразлагаемые или неокончательно разлагаемые для насъ образы, которыхъ при сознании совершенномъ для насъ вовсе не могло существовать. Хотя объективная сущность нашего воспріятія сама по себѣ не имѣетъ ни тяжести, ни сжимаемости (плотности), но она огравививаетъ нашу способность къ усилю и этимъ вызываетъ въ насъ чувство тяжести и представленіе о тяжестихъ и несжимаемостяхъ, которыхъ при сознании совершенномъ для насъ вовсе не существовало бы. Эти наши *представленія* о тяжестихъ и несжимаемостяхъ мы объективируемъ отъ себя и относимъ ихъ къ тѣмъ зрительнымъ образамъ, которые мы, вслѣдствіе нашей ограниченности, себѣ создаемъ. Въ дѣйствительности же причина, ограничивающая нашу способность къ усилю, вызывающая въ нашемъ сознании, какъ чисто субъективный результатъ, наши *представленія* тяжестей и несжимаемостей (плотностей), таится за познаваемыми нами образами и есть не что иное, какъ жизнь.

Послѣдовательно обосновывая эти мысли и устраняя возраженія, духовно-монистическое ученіе приводитъ къ увѣренности, что всѣ матеріальные образы безъ всякаго матеріальнаго остатка фабрикуются самимъ нашимъ ограниченнымъ сознаниемъ; если же мы объективируемъ отъ себя эти порождаемые нами самими матеріальные образы, то происходитъ это потому, что за всѣми этими образами таится сущность, дѣйствительно для насъ объективная, а именно та жизнь, которую мы облакаемъ или вовсе скрываемъ въ эти образы. Такъ какъ при этомъ всѣ люди въ значительной мѣрѣ одинаковы по своимъ познавательнымъ свойствамъ, то они облакаютъ жизнь міра въ одинаковые матеріальные образы. Каждому изъ людей еще потому кажется, что матеріальные образы существуютъ независимо отъ его сознания, что подобные образы существуютъ также въ сознании другихъ людей.

Признавъ, что объективная для насъ сущность, ограничивающая наше сознание во всѣхъ его свойствахъ и этимъ вызывающая въ нашемъ сознании, какъ чисто субъективный результатъ, всѣ матеріальные образы, есть жизнь, таящаяся за всѣми субъективно порождаемыми нами образами, жизнь, которую наша душа отъ себя обособляетъ, — намъ естественно представится слѣдующее заключеніе. Чѣмъ болѣе расширяется наша душевная жизнь, чѣмъ менѣе обособляетъ она отъ себя жизнь другихъ су-

ществъ, тѣмъ менѣе остается для насъ той объективной сущности, которая ограничиваетъ наше сознание во всѣхъ его свойствахъ и этимъ вызываетъ въ насъ наше ложное представленіе о мірѣ, какъ о чемъ-то матеріальномъ. Совершенствуя, расширяя нашу внутреннюю жизнь и сливая ее съ жизнью другихъ существъ, мы этимъ самымъ устраняемъ ту причину, которая насъ ограничиваетъ и которая вызываетъ въ нашемъ сознании всѣ ложные, тѣлесные, матеріальные образы.

Въ процессѣ обоснованія духовно-монистическаго міровоззрѣнія мы приходимъ къ заключенію, что внутренняя жизнь существъ не только не есть продуктъ ихъ тѣлъ, какъ это пытались утверждать матеріалисты, но что какъ разъ обратно: познаваемая нами картина тѣлъ существъ суть только субъективно порождаемые нами матеріальные образы, посредствомъ которыхъ наша душа временно иллюстрируетъ для себя жизнь, скрытую за этими образами. Мало того, мы приходимъ къ признанію, что, обладая сознаниемъ совершеннымъ въ своихъ свойствахъ, мы вовсе не могли бы представлять себѣ ни тѣхъ компактныхъ тѣлесныхъ образовъ, въ которые теперь облакаемъ жизнь существъ, ни какихъ-либо другихъ, замѣняющихъ образовъ, ни образовъ клѣточекъ, ни образовъ атомовъ, ни образовъ электроновъ и т. под.

Исслѣдованіе нашего сознания приводитъ къ заключенію, что душа связана съ тѣломъ только какъ съ образомъ, посредствомъ котораго мы иллюстрируемъ для себя скрытую этимъ образомъ жизнь. Именно въ этомъ смыслѣ должно быть объясняемо параллельное взаимоотношеніе души и познаваемого нами тѣлеснаго образа.

Духовно-монистическое ученіе приводитъ къ увѣренности, что такъ называемая плотская смерть не знаменуетъ собою уничтоженіе жизни, но есть только разрушеніе того тѣлеснаго образа, посредствомъ котораго мы временно иллюстрируемъ для себя жизнь, скрытую этимъ образомъ. Разрушается не нѣчто реальное, но только иллюзорный образъ, который мы вслѣдствіе нашей ограниченности себѣ рисуемъ и въ который временно облакаемъ жизнь.

Люди тысячелѣтія быются надъ разрѣшеніемъ вопроса, какимъ образомъ произошла познаваемая нами, людьми, картина матеріальнаго міра и какимъ образомъ въ этой картинѣ міра возникла жизнь существъ. Одни говорятъ, что познаваемая нами, людьми, картина міра создана когда-то во времена Богомъ, совершеннымъ сознаниемъ. Но это объясненіе оказывается все болѣе несостоятельнымъ.

Несостоятельно это объясненіе, во-первыхъ, потому, что нельзя допустить времени, когда подобное твореніе случилось, такъ какъ всегда остается непонятнымъ—что же существовало до этого и изъ чего именно все сотворено; во-вторыхъ, все болѣе уясняется, что картину міра создаемъ мы себѣ сами и только потому, что наше сознание несовершенно во всѣхъ своихъ свойствахъ. Поэтому становится я невозможнымъ допустить, что эта ложная картина, которую мы себѣ рисуемъ, сотворена Богомъ, Совершеннымъ сознаниемъ.

Другіе говорятъ, что создаваемая нами картина міра возникла сама по себѣ изъ какого-то хаоса, какихъ-то будто бы самыхъ мельчайшихъ атомовъ, или ячеекъ зейра; причемъ опять—таки остается непонятнымъ, откуда произошли эти атомы и ячейки и что было раньше, и такъ далѣе. Никакого начала во времени для создаваемой нами картины міра не оказывается.

Одни говорятъ, что жизнь возникла на землѣ изъ того, что не имѣло жизни, т.-е. изъ мертвой матеріи, которая когда-то была въ расплавленномъ состояніи; другіе говорятъ, что жизнь не могла возникнуть изъ мертвой матеріи, ни на нашей планетѣ, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. И всѣ предлагаемыя объясненія не удовлетворяютъ разумъ людей.

Намъ необходимо уяснить себѣ, что если люди не находятъ объясненія, то это потому, что самые вопросы ложно поставлены. Людямъ надо перевернуть ложно поставленную ими себѣ задачу. Въмѣсто того, чтобы объяснять, какъ произошла сама по себѣ создаваемая нами, людьми, картина міра и какимъ чудомъ въ этой картинѣ міра возникла жизнь существъ, надо объяснить, что картину міра со всѣми ея тѣлесными образами порождаетъ мы сами, вслѣдствіе нашего несовершенства, что мы сами фабрикуемъ себѣ всѣ матеріальные образы, облекая въ эти образы или даже вовсе скрывая жизнь, тающуюся за всѣми этими образами.

Духовно-мистическое ученіе приводитъ къ признанію, что, фабрикуя образы въ нашемъ сознаниі *пространства*, мы вмѣстѣ съ тѣмъ эволюционируемъ ихъ въ нашемъ сознаниі *времени*, и этимъ мы сами создаемъ прошдее и будущее этихъ образовъ. *Сами же по себѣ* эти образы не существуютъ въ настоящее время, они не существовали сами по себѣ въ прошломъ и не будутъ существовать сами по себѣ въ будущемъ. Намъ предстоитъ понять, что, подобно тому, какъ образы, создаваемые

нами во снѣ, производятся нами самими и нельзя искать, когда эти образы сами по себѣ создались, такъ же точно нельзя искать, какъ произошли сами по себѣ образы, создаваемые нами наяву.

Сознаваемые нами въ пространствѣ матеріальные образы эволюционируютъ во времени. И вотъ изслѣдованіе нашего сознанія убѣждаетъ насъ, что время не существуетъ гдѣ-то само по себѣ объективно, но есть свойство самого нашего сознанія. Наше сознание времени выражаетъ собою общее состояніе нашей души. Чѣмъ болѣе несовершенно наше душевное состояніе (горе, тоска, томленіе жизнью, недовольство настоящимъ и ожиданіе переменъ), тѣмъ болѣе наше сознание времени замедляется. И обратно, чѣмъ болѣе совершенно наше душевное состояніе (когда душа, напр., охвачена радостью, чувствомъ любви, сосредоточена на исканіи истины), сознание времени ускоряется и даже нерѣдко вовсе исчезаетъ.

Развивая и уясняя эти соображенія, мы приходимъ къ признанію, что если бы наше душевное состояніе становилось все несовершеннѣе и несовершеннѣе, то наше сознание времени должно было бы все болѣе замедляться, промежутокъ времени между началомъ явленій и ихъ концомъ всегда былъ бы для насъ больше, и вся эволюція создаваемыхъ нами образовъ растянулась бы въ прошлое и будущее. Напротивъ того, если бы наше душевное состояніе становилось все болѣе совершеннѣе, то наше сознание времени должно было бы безостановочно ускоряться, промежутокъ времени между началомъ явленій и ихъ концомъ былъ бы для насъ все меньше, и вся эволюція создаваемыхъ нами образовъ сближалась бы изъ прошлаго и будущаго къ одному моменту истинной жизни въ настоящемъ. Словомъ, намъ предстоитъ уяснить себѣ, что сознание времени и эволюція во времени субъективно порождаемыхъ нами матеріальныхъ образовъ есть только выраженіе нашего душевнаго несовершенства.

Путемъ анализа нашего сознанія духовно-мистическое ученіе приводитъ насъ къ заключенію, что картину нашего тѣла, картину тѣлъ другихъ существъ и всѣ вообще матеріальные измѣняющіеся во времени образы мы фабрикуемъ себѣ сами, и только потому, что наша душевная жизнь несовершенна во всѣхъ своихъ свойствахъ, создаемъ мы себѣ эти образы, подобно тому, какъ создаемъ образы, создаваемые нами во снѣ.

Различіе нашего состоянія во снѣ отъ состоянія наяву состоитъ лишь въ томъ, что

во снѣ существа совѣмъ душевно разъединены и потому каждое существо порождаетъ образы совершенно обособленно, при чемъ образы эти не скрываютъ за собою ничего объективнаго; въ состояніи же наяву существа болѣе душевно объединены, такъ что каждое существо имѣетъ объектомъ своего душевнаго воспріятія жизнь всѣхъ другихъ существъ, при чемъ сходныя существа облачаютъ одну и ту же жизнь въ одинаковыя матеріальныя образы. Во всякомъ случаѣ какъ во снѣ, такъ и наяву, всѣ матеріальныя образы порождаются только несовершеннымъ сознаниемъ самихъ существъ.

Придя къ такому заключенію, мы должны призвать, что разрушеніе сознаваемой нами картины тѣла не знаменуетъ собою уничтоженія души, но обозначаетъ лишь пробужденіе существа отъ его относительно общаго съ другими существами земнаго сознанія и переходъ съ новому, болѣе истинному жизненному состоянію, жизненному „сну“. Провѣрить сейчасъ на опытѣ возможность этого перехода мы не можемъ точно такъ же, какъ въ состояніи сна, пока сновидѣніе длится, мы не имѣемъ возможности провѣрить на опытѣ, что мы проснемся и перейдемъ къ высшему болѣе реальному состоянію наяву.

Подобно тому, какъ часто ночью во снѣ внутреннее убѣжденіе подсказываетъ намъ нереальность рисуемыхъ намъ явленій, при чемъ мы еще до пробужденія перестаемъ вѣрить въ ихъ объективное существованіе и предчувствуемъ нашъ переходъ къ болѣе реальному состоянію, такъ и наяву наиболее чуткіе люди инстинктивно предчувствуютъ свой переходъ къ болѣе реальной жизни. Но такъ какъ нашъ общій земной сонъ ярче, чѣмъ кратковременный ночной сонъ, то для того, чтобы наше предчувствіе перехода къ высшему жизненному состоянію обратилось въ обоснованную увѣренность, намъ необходимо тщательное изслѣдованіе нашего сознанія и анализъ сознаваемыхъ нами матеріальныхъ образовъ. Именно эту работу изслѣдованія стремятся подвинуть духовно-монистическое ученіе, при чемъ работа эта приводитъ къ обоснованному религіозному міровоззрѣнію.

Мы получаемъ твердое основаніе думать, что поскольку работа совершенствованія и объединенія съ жизнью другихъ существъ душою не закончена, она переходитъ къ созданію себѣ новыхъ образовъ, выражающихъ степень достигнутаго совершенствованія и единенія, и такъ до тѣхъ поръ, пока душа не достигнетъ совершеннаго сліянія съ жизнью существъ въ единое Совершенное и Неогра-

ниченное сознаніе, при которомъ растворяются и становятся ненужными всякіе матеріальныя образы“.

„Міровой Разумъ“ Уоллеса.

[1(9):575]

Дарвинъ, сдѣлавъ свое великое открытіе, всю жизнь посвятилъ его научной разработкѣ. Когда его спрашивали, какъ онъ примиряетъ теорію борьбы, выживанія приспособленійшихъ съ идеями Бога, мірового Промысла, онъ скромно отвѣчалъ: „Не знаю“.

Но его сподвижникъ Уоллесъ и одинъ изъ самыхъ горячихъ послѣдователей, апостоловъ дарвинизма, Эрнестъ Геккель сдѣлалъ всѣ конечныя выводы, какіе только могли, и построили на фундаментѣ дарвинизма законченныя теоріи міра.

Въ высшей степени интересно, что отправившись изъ одного мѣста, они не пошли рука объ руку, но создали діаметрально-противоположныя міровоззрѣнія.

Геккель провозгласилъ монистическую религію. „Благодаря успѣхамъ истиннаго познанія природы, — говоритъ онъ въ „Міровыхъ Загадкахъ“, — въ XIX столѣтіи число міровыхъ загадокъ постепенно уменьшалось. Въ концѣ концовъ оно свелось къ одной всеобъемлющей, универсальной загадкѣ — къ проблемѣ субстанции *). Что собственно представляетъ собой въ своей глубочайшей основѣ это всемогущее міровое чудо, которое реальность-естественноиспытатель превозноситъ, какъ природу, идеалистическій философъ, какъ субстанцію или космосъ, набожный вѣрующій, какъ бога?..

Чѣмъ глубже мы проникаемъ въ познаніе атрибутовъ субстанции — матеріи и энергіи, чѣмъ основательнѣе мы знакомимся съ ея безчисленными явленіями и ихъ развитіемъ, тѣмъ все болѣе чудесной и загадочной для насъ становится эта внутренняя сущность субстанции.

...Надъ всѣми успѣхами и открытіями истекшаго великаго столѣтія возвышается могучій, всеобъемлющій законъ субстанции — сохраненіе матеріи и энергіи. А такъ какъ субстанція повсюду подвержена вѣчному движенію и превращенію, то этотъ законъ получаетъ въ то же время характеръ всеобъемлющаго закона развитія. Этими онъ въ то же время разрушаетъ

*) Подъ проблемой субстанции Геккель понимаетъ проблему той невѣдомой сущности міра, которая проявляется для насъ въ видѣ матеріи, энергіи и психическихъ явленій. Психику Геккель считаетъ за одно изъ свойствъ матеріи.

три главные, центральныя догмы прежней дуалистической философіи: личнаго бога, безсмертія души и свободы воли.

Въ чистомъ культѣ истины, добра и красоты, составляющихъ основу нашей новой, монистической религіи мы находимъ достаточное возмѣщеніе утраченныхъ, антропоморфическихъ идеаловъ бога, свободы и безсмертія“.

Взгляды Уоллеса не были такъ широко извѣстны, не отличались такой законченностью, точностью, какъ взгляды Геккеля. Уоллесъ молчалъ, въ то время какъ Геккель велъ страстную проповѣдь и борьбу. *Проф. В. А. Вагнеръ* даетъ въ *апрѣльской книжкѣ „Природы“* сжатый очеркъ философскаго міросозерцанія Уоллеса.

Прежде всего Уоллесъ находить, что дарвинизмъ не въ силахъ объяснить многихъ явленій. „Я обнаружилъ, — говоритъ Уоллесъ, — что мозгъ самыхъ дикихъ племенъ и, насколько намъ извѣстно, мозгъ доисторическаго человѣка отличается только въ весьма малой степени отъ мозга высшихъ типовъ человѣчества и въ то же время стоитъ неизмѣримо выше мозга высшихъ животныхъ. Вообще принято всѣми, что объемъ мозга представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ и, вѣроятно, наиболѣе существенныхъ элементовъ интеллектуальной силы. Однако умственные потребности и способности дикарей не пр-вышаютъ понятливости животныхъ. Возвышенныя чувства чистой нравственности, тонкія ощущенія, способность къ отвлеченному разсужденію и къ идеальнымъ представленіямъ, — все это для дикарей бесполезныя свойства, которыя рѣдко или вовсе не проявляются и не находятся въ необходимой зависимости отъ нравовъ, потребностей, желаній или благосостоянія. Словомъ, они имѣютъ органъ ума, превышающій мѣру ихъ надобностей. Естественный подборъ могъ бы дать дикарю мозгъ немного больше, чѣмъ у обезьяны, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ владѣетъ мозгомъ философа.“

Происхожденіе мягкой, голой и чувствительной кожи человѣка, совершенно лишенной волосъ, свойственныхъ всѣмъ млекопитающимъ, не можетъ быть объяснено теоріей естественнаго подбора. Привычки дикарей показываютъ намъ, что они чувствуютъ недостатокъ этого покрова, который у человѣка совершенно исчезаетъ какъ разъ съ того мѣста, гдѣ онъ гуще растетъ у другихъ животныхъ. У насъ нѣтъ никакихъ основаній думать, что присутствіе волосъ было бы вредно или даже бесполезно для первыхъ людей, и вотъ почему совершенное исчезаніе ихъ до того полное, что они никогда вновь не появляются въ по-

мѣсахъ, указываетъ на дѣятельность какой-то силы, отличной отъ естественнаго подбора, опредѣлившей развитіе человѣка изъ низшаго типа животныхъ.

Совершенство въ строеніи рукъ и ногъ кажется излишнимъ для дикаря, а между тѣмъ его конечности развиты такъ же полно и такъ же по-человѣчески, какъ у наиболѣе цивилизованныхъ племенъ.

Благодаря строенію своей гортани, въ особенности у женщины, человѣкъ владѣетъ словомъ и способностью производить музыкальные звуки, но такая сложная гортань вовсе не нужна дикарямъ, а привычки ихъ, сколько намъ извѣстно, никомъ образомъ не позволяютъ заключить, что эта сложность строенія приобрѣтена половымъ или естественнымъ подборомъ.

Душа человѣка доставляетъ намъ аргументы того же рода, почти настолько же доказательныя, какъ и тѣ, которые мы вывели изъ строенія его тѣла. Многія изъ его умственныхъ способностей не имѣютъ никакого приложенія ни къ отношенію его къ своимъ собратіямъ, ни къ улучшенію матеріальной стороны его существованія. Понятіе о вѣчности и безконечности и всѣ чисто отвлеченныя представленія о формѣ, числѣ и гармоніи, играющія такую важную роль въ жизни цивилизованныхъ племенъ, находятся совершенно внѣ круга идей дикаря и не имѣютъ никакого вліянія ни на индивидуальное, ни на его племенное существованіе. Такія свойства, слѣдовательно, не могли развиваться путемъ сохраненія полезныхъ формъ мысли, а между тѣмъ мы находимъ случайные слѣды ихъ и при низкой степени цивилизаціи и еще въ такое время, когда они не могли имѣть никакого практическаго вліянія на благосостояніе отдѣльныхъ особей, цѣлаго сообщества или племени. Точно такъ же мы не можемъ объяснять естественнымъ подборомъ развитіе нравственнаго чувства или сознанія.

Съ другой стороны, мы находимъ, что каждый изъ этихъ признаковъ является необходимымъ для совершенствованія человѣческой природы. Быстрые успѣхи, которые дѣлаетъ цивилизація при благопріятныхъ условіяхъ, опредѣляются прежде всего тѣмъ, что органъ мысли былъ заготовленъ заранѣе. Онъ былъ вполне развитъ по объему, строенію, относительно размѣрамъ частей до такой степени, что достаточно только упражненія его у нѣсколькихъ поколѣній, — и онъ подучить возможность координировать свои сложныя отправленія. Голая и чувствительная кожа побуждала человѣка одѣваться и укрываться въ

въ жилища, а эти обстоятельства повели за собой болѣе быстрое развитіе способностей изобрѣтательности. Съ другой стороны, эта же обнаженность выработала мало-по-малу чувство стыдливости, а это, въ свою очередь, могло повліять на развитіе его нравственной природы. Далѣе, вслѣдствіе того, что человѣкъ держится прямо, руки его вовсе не служатъ ему при передвиженіи, а эта свобода рукъ была необходима для усовершенствованія его умственныхъ способностей. Только эта крайняя степень совершенства его рукъ создала возможность того превосходства во всѣхъ искусствахъ, которое такъ превышаетъ цивилизованнаго человѣка надъ дикаремъ и которое представляетъ, можетъ быть, только начало еще болѣе высшаго умственного и нравственного прогресса. Совершенство его голосовыхъ органовъ повело за собой образованіе членораздѣльной рѣчи, — а затѣмъ и развитіе тѣхъ музыкальных звуковъ, которые оцѣниваются надлежащимъ образомъ только высшими расами. Вѣроятно эти звуки назначены для болѣе возвышенныхъ цѣлей и болѣе утонченныхъ наслажденій въ состояніи вышемъ, чѣмъ то, котораго мы теперь достигли. Способности, позволяющія намъ переноситься мысленно чрезъ время и пространство, позволяющія намъ реализовать удивительныя понятія математики и философіи, способности, внушающія намъ горячее стремленіе къ поискамъ отвлеченной истины — всѣ эти способности иногда проявляются въ такомъ раннемъ періодѣ человѣческой исторіи, что изъ нихъ нѣ можетъ быть сдѣлано даже тѣхъ немногихъ практическихъ приложений, которыя явились впослѣдствіи. Но эти способности существенно необходимы для полнаго развитія человѣка, какъ духовнаго существа, и совершенно непонятно, какъ онѣ произошли благодаря дѣйствію закона, который ведетъ за собою единственно только матеріальное благосостояніе индивидуумовъ или племенъ.

Я вывожу изъ этого ряда явленій то заключеніе, что нѣкоторое высшее интеллигентное существо давало опредѣленное направленіе развитію человѣка, направляло его къ специальной цѣли совершенно такъ, какъ человѣкъ руководитъ развитіемъ многихъ животныхъ и растительныхъ формъ“.

Эти выводы, говоритъ проф. Вагнеръ, — или точнѣе, — этотъ выходъ изъ внутреннихъ противорѣчій, найденный наконецъ Уоллесомъ, и былъ актомъ открытаго разрыва съ дарвинистами.

...Далѣе, по отношенію къ вопросамъ соціологій Уоллесъ устанавливаетъ точку зрѣнія, су-

щественно отличную отъ той, на которой стояли дарвинисты 70-хъ годовъ: онъ опредѣленно признаетъ справедливымъ мнѣніе соціологовъ, по которому борьба за существованіе въ капиталистическихъ обществахъ не ведетъ къ побѣдѣ лучшихъ. Одно это обстоятельство кладетъ глубокую грань между нимъ и тѣмъ, что исповѣдывала геккелевская школа дарвинистовъ. Даже тогда, когда онъ признавалъ участіе естественнаго отбора въ человѣческомъ обществѣ желательнымъ, — Уоллесъ оказывался въ открытомъ противорѣчій съ дарвинистами, такъ какъ въ концѣ концовъ, несмотря на это признаніе, — выходило нѣчто совершенно не совпадающее съ ученіемъ дарвинистовъ.

Такъ, послѣдніе полагали естественный отборъ необходимымъ потому, что онъ ведетъ къ переживанію наиболѣе совершенныхъ, какъ болѣе сильныхъ и наиболѣе богатыхъ. А Уоллесъ считалъ желательнымъ вмѣшательство естественнаго отбора въ дѣла человѣческія, какъ разъ потому, что наслѣдственность богатства, по его мнѣнію, является источникомъ всѣхъ золъ человѣческаго общества. Эта наслѣдственность мѣшаетъ естественному отбору, который принесъ бы эволюціи культуры несравненно большіе услуги, чѣмъ этотъ институтъ въ человѣческомъ обществѣ.

Зло этого института представляется ему огромнымъ, такъ какъ, между прочимъ, мѣшаетъ важнѣйшему изъ факторовъ нормальной, здоровой эволюціи — половому отбору, съ одной стороны, а съ другой — разумному и справедливому общественному порядку.

Для осуществленія послѣдняго необходимо, чтобы всѣ участвовали въ физической и духовной работѣ, чтобы работники получали полную плату за трудъ, чтобы женщины получали образованіе, которое поможетъ имъ оказать вліяніе на отборъ, и т. д., и т. д. Но главное, что казалось необходимымъ Уоллесу, не желавшему признавать за естественнымъ отборомъ и борьбою за существованіе — падающей отъ всякихъ бѣдъ и золъ общественной жизни, — это возможное освобожденіе людей отъ страшно несправедливаго распредѣленія богатствъ, которое въ концѣ концовъ привело его къ идеѣ о націонализациі земли и о превращеніи ее въ государственную собственность; идея эта повела къ возникновенію „Общества націонализациі земли“, во главѣ котораго сталъ Уоллесъ и которое создало матеріалъ для извѣстнаго ученія Ллойдъ Джорджа.

Все это плохо вязалось съ воззрѣніями крайнихъ сторонниковъ дарвинизма въ соціологій. Они видѣли въ этихъ идеяхъ если не

прямое, то косвенное отрицаніе цѣлесообразности борьбы за существованіе въ человѣчествѣ обществѣ.

Въ результатѣ создается и крѣпнѣтъ непримиримый разладъ съ дарвинизмомъ и глубокое внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны, эволюція психики совершается по общему плану деспендентной ¹⁾ теоріи, а съ другой, Уоллесъ не можетъ признать эту теорію достаточной для объясненія эволюціи психики человѣка; съ одной стороны, естественный отборъ, какъ принципъ соціальной эволюціи, желателенъ, ибо искусственно созданныя условія отбора оказываются несомнѣнно пагубными; съ другой стороны, естественный отборъ съ борьбою за жизнь въ чисто біологическомъ смыслѣ этого слова, — не желателенъ, вреденъ, опасенъ.

Чтобы выйти изъ лабиринта этихъ новыхъ противорѣчій, онъ сначала дѣлаетъ рискованныя оговорки къ дарвинизму и кончаетъ провозглашеніемъ „Высшаго Разума“, какъ руководителя человѣческаго прогресса.

Для правовѣрныхъ дарвинистовъ это было ударомъ тѣмъ болѣе неожиданнымъ и тяжелымъ, что „врагомъ выступилъ никто иной, какъ соучастникъ Дарвина въ открытіи основнаго закона эволюціонной теоріи“. Последовало то, что всегда въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ: Уоллесса стали упрекать въ отступничествѣ, въ противорѣчіяхъ самому себѣ, а наиболѣе ретивые и безцеремонные объявили его сумасшедшимъ... И это совершенно понятно, если мы припомнимъ, что дарвинисты только что отпраздновали свою побѣду надъ „Вышнимъ Разумомъ“ Агасиса и туманомъ шеллинговской метафизики.

Въ порывѣ негодованія дарвинисты не замѣтили огромной разницы между „Вышнимъ Разумомъ“ Шеллинга и Уоллеса; а разница была, дѣйствительно, огромной. Философы шеллинговской школы и натуралисты школы Агасиса „творили природу по идеямъ Высшаго Разума“, тогда какъ Уоллесъ выводилъ понятіе о Высшемъ Разумѣ—изъ наблюденій надъ явленіями природы, а это вовсе не одно и то же по самому методу рѣшенія задачи. Правда, у него есть строчки, порождающія недоумѣнія и вызывающія необходимость разъяснить ихъ. Это строчки, въ которыхъ Уоллесъ говоритъ о „вышемъ интеллигентномъ существѣ“, которое давало опредѣленное направленіе развитія человѣку и направляло его къ специальной цѣли. Что это за интеллигентное существо? Есть ли это Божество или высшая суб-

станція? На этотъ вопросъ Уоллесъ, отвѣчая на страстные нападки дарвинистовъ, даетъ отвѣтъ далекій отъ опредѣленности и ясности. Очевидно, что природа этого высшаго существа была не ясна и ему самому. Онъ пишетъ: „Но если этотъ мой личный взглядъ оказался бы неправильнымъ, то все же останутся представленныя мною затрудненія, которыя, по моему, доказываютъ, что, помимо закона естественнаго подбора, существуетъ нѣкоторый другой, болѣе общій и болѣе основной законъ. Примѣромъ такого болѣе общаго закона можно поставить законъ „безсознательнаго разума“, предложенный докторомъ Леккомъ и принятый мистеромъ Мурфи, допускающими, что этимъ разумомъ проникнута вся органическая природа. Но, по моему мнѣнію, въ этомъ законѣ два неудобства: онъ непонятенъ, и его невозможно доказать какимъ бы то ни было образомъ. Болѣе вѣроятно, что настоящій законъ скрытъ слишкомъ глубоко отъ насъ, но во всякомъ случаѣ есть, какъ мнѣ кажется, достаточно доказательствъ, что такой законъ существуетъ.“

...На вопросъ о томъ: что же такое представляетъ собой его Высшій Разумъ, ведущій человечество по пути прогрессивной эволюціи?—Уоллесъ ничего, кромѣ того, что онъ *представляетъ совокупность законовъ*, не отвѣчалъ.

Яснымъ для него было слѣдующее: во-1-хъ, что эволюція человечества совершается по пути, котораго направленіе опредѣляется не силою и волею отдѣльныхъ людей, а чѣмъ-то высшимъ, лежащимъ надъ этими волями и желаніями; во-2-хъ, что факторы, которыми это эволюціонное движеніе опредѣляется, въ высшей степени сложны и отнюдь не исчерпываются одними біологическими законами естественнаго отбора, которые въ одномъ случаѣ устраняются вовсе, въ другомъ — искажаются, въ третьемъ — получаютъ мѣсто, но приводятъ отнюдь не къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ должны были бы привести въ царствѣ животныхъ, а къ инымъ, наблюдаемымъ только въ человѣческихъ обществахъ; и, наконецъ, въ-3-хъ, что результаты отъ дѣятельности біологическихъ факторовъ, масса порождаемаго ими зла такъ огромна, что для мыслящаго человѣка становится необходимымъ активное вмѣшательство въ судьбы общества во имя его идеаловъ: справедливости, равноправія и свободы. Но кто направляетъ движеніе эволюціи человечества по этому послѣднему пути, не смотря на такія условія культуры, которыми порождается неправда и зло, — на этотъ вопросъ Уоллесъ отвѣтить, разумѣется, не могъ,

¹⁾ Эволюціонный. Ред.

ибо не ясно понималъ то, о чемъ лишь догадывался, что прозрѣвалъ, но чего еще не зналъ.

Дали ли что-нибудь для выясненія волновавшихъ его вопросовъ позднѣйшія изслѣдованія?

Не дали еще, но, думается мнѣ, общають дать.

Явились изслѣдованія, въ основѣ которыхъ заложенъ принципъ, такъ называемой, междоумственной психологіи. Работы въ этомъ направленіи общають пролить свѣтъ на ту лабораторію, въ которой создаются велѣнія „высшаго разума“, — разума „сверхъ-организма“, разума общественнаго.

Правда, эта лабораторія междоумственной психологіи составляетъ лишь одну часть создающихъ эти велѣнія факторовъ, ибо въ составъ ихъ входитъ дѣятельность не одного только ума, но и дѣятельность того, что называется сердцемъ: эмоцій, чувствъ, влеченій и, главнымъ образомъ, инстинктовъ. Въ лабораторіи „Высшаго Разума“ сочетаются всѣ эти факторы, взаимно ограничивая другъ друга, взаимно помогая другъ другу развиваться въ опредѣленныхъ направленіяхъ.

Явился цѣлый рядъ социологическихъ теорій, въ основу которыхъ заложены принципы психологическіе болѣе широкаго характера, какъ теорія Тарда, напримѣръ, съ ученіемъ о томъ, что прогрессивная эволюція сводится къ избрѣтению немногихъ и подражанію массъ. Правда, мы можемъ съ достаточнымъ основаніемъ полагать, что на самомъ дѣлѣ никто не избрѣтаетъ и никто не подражаетъ, ибо избрѣтатели только суммируютъ создаваемое многими (Контъ—Лапласъ, Ламаркъ—Тревипанусъ, Дарвинъ—Уоллесъ, въ одно время открывавшіе одно и то же, всего лучше это доказываютъ), а масса вовсе не подражаетъ, а ассимилируетъ то, что узнаетъ и видитъ; процессъ, поэтому, циклическій, въ которомъ никто не можетъ указать начала и конца. Тѣмъ не менѣе, однако, эта теорія, послѣ ея исправленій и дополненій, дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ къ лабораторіи тѣхъ велѣній, того „Высшаго Разума“, который ведетъ человечество по пути эволюцій въ темное будущее. Но и признавъ цѣнность этихъ шаговъ въ полной мѣрѣ, мы все же только у дверей этой лабораторіи! И это совершенно понятно: какъ для того, чтобы создалась философія анатоміи и физиологіи, нужна была сравнительная анатомія и физиологія, такъ и для того, чтобы рѣшить вопросы философскаго характера, на основѣ данныхъ психологій, нужна сравнительная психологія, которая еще находится *in statu*

pascendi. А до тѣхъ поръ, пока она не создана во всѣхъ своихъ частяхъ, ходъ въ лабораторію этого Высшаго Разума, составляющаго среднее пропорціональное милліоновъ не только умовъ, но и сердецъ, — для насъ закрытъ и сужденія о немъ будутъ только разсужденіями. Но путь къ ней указанъ, и въ этомъ отношеніи заслуга Уоллеса передъ XX вѣкомъ такъ же огромна, какъ заслуга Бюффона передъ XVIII, Ламарка передъ XIX.

Будучи творцомъ и крупнѣйшимъ представителемъ эволюціонной теоріи, Уоллесъ, признавъ въ человѣкѣ наличность тѣхъ же, какъ и у животныхъ, психическихъ способностей, не побоялся указать на пропасть, которая отдѣляетъ психику человѣка отъ таковой у животныхъ, и въ этомъ отношеніи подошелъ къ истинѣ несравненно ближе, чѣмъ это удалось сдѣлать дарвинистамъ; будучи авторомъ ученія о борьбѣ за существованіе и естественнаго отбора, Уоллесъ не побоялся высказать свое сомнѣніе въ пригодности этого біологическаго принципа быть верховнымъ судьей и руководителемъ судебъ человѣческой эволюціи; наконецъ, установивъ эти два основныхъ положенія своего натурфилософскаго міровоззрѣнія, — Уоллесъ дошелъ до величайшаго синтеза, въ которомъ нашли примиреніе мучившіе его вопросы и противорѣчія съ имъ же установленными принципами естественнаго отбора, въ идеѣ высшаго разума.

Идея о томъ, что направленіе поступательнаго хода человечества на пути къ невѣдомому грядущему опредѣляется чѣмъ-то высоко стоящимъ надъ злободневностью, въ связи со свидѣтельствомъ исторіи, которая, по образному выраженію Ренана, сводитъ свои вѣковые балансы съ прибылью въ пользу добра и справедливости, идея эта и теперь уже можетъ служить мощнымъ призывомъ къ творческой работѣ особенно въ дни сумерекъ и тяжелыхъ сомнѣній“.

Объ интуитивномъ познаніи чувствѣхъ душевныхъ переживаній.

[153]

Въ статьѣ: „Воспріятіе чужой душевной жизни“, во 2-мъ выпускѣ 1-го тома „*Логосъ*“, за 1914 годъ, Н. О. Лосскій дѣлаетъ очеркъ интуитивнаго познанія чужихъ душевныхъ переживаній.

Знаніе о чужой душевной жизни есть частный случай знанія о внѣшнемъ мірѣ.

Чтобы познать предметъ, нужно имѣть его въ сознаніи, т.-е. достигнуть того, чтобы онъ вступилъ въ кругозоръ сознанія познающаго субъекта. Сознаніе о предметѣ есть результатъ своеобразнаго отношенія между сознающимъ субъектомъ и сознаваемымъ предметомъ: при наличности этого отношенія субъектъ созерцаетъ предметъ непосредственно, „имѣетъ его въ виду“ въ подлинникъ; обѣ стороны по своему бытію остаются независимыми другъ отъ друга, и потому отношеніе между субъектомъ и объектомъ можно назвать словомъ гносеологическая координатія. Итакъ, сознаваемое мною не обязано быть моимъ состояніемъ, оно не обязано также быть психическимъ процессомъ, оно можетъ принадлежать къ любой сферѣ міра: быть матеріальнымъ процессомъ, принадлежать также къ области не реальнаго, а идеальнаго бытія (въ платоновскомъ смыслѣ) и т. п.

Такая теорія, конечно, обязываетъ къ построенію новаго типа гипотезъ относительно роли органовъ чувствъ и нервной системы въ актахъ воспріятія. Такая гипотеза дана Бергсомомъ въ его сочиненіи „Матерія и память“. Сущность ея заключается въ утвержденіи, что движенія, напр., свѣтовые волны и т. п., передающіяся отъ предмета черезъ среду къ тѣлу человѣка, суть не причины, порождающія содержаніе воспріятія, а только поводы, побуждающіе духъ обратить вниманіе на предметъ.

Положимъ, передо мною стоитъ человѣкъ, сжимающій кулаки, характерно ударяющій ими по столу, говорящій повышеннымъ тономъ, красный какъ ракъ и т. п. Я не только вижу и слышу эти физическія проявленія его, но усматриваю также, что онъ разгнѣванъ въ высшей мѣрѣ. Я убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ ни одного психолога, который бы не согласился со слѣдующимъ утвержденіемъ: мое наблюденіе чужого гнѣва имѣетъ характеръ воспріятія въ такомъ смыслѣ, какъ и наблюденіе физическихъ явленій; какъ видимый мною цвѣтъ лица представляется мнѣ самолично теперь присутствующимъ въ моемъ сознаніи, точно такъ же и наблюдаемый мною гнѣвъ сочеловѣка представляется мнѣ, какъ самолично представшій моему умственному взору.

Сходство съ воспріятіемъ здѣсь до такой степени несомнѣнно, что споръ можно вести только о слѣдующемъ: въ самомъ ли дѣлѣ, мое представленіе о чужомъ гнѣвѣ есть воспріятіе или, можетъ быть, оно только кажется мнѣ имѣющимъ природу воспріятія, а въ дѣйствительности оно есть продуктъ умозаключенія, воображенія и т. п. Въ строеніи сознанія

нѣтъ никакихъ препятствій для такого воспріятія, и потому непосредственное свидѣтельство сознанія, что чужая душевная жизнь дана въ воспріятіи, можетъ и должно быть принято интуитивистомъ.

Главное препятствіе для распространенія ученія о непосредственномъ воспріятіи чужой душевной жизни заключается въ томъ, что оно кажется содержащимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Чужое психическое состояніе, напр., гнѣвъ или зависть, есть не въ воздухѣ висящее, само по себѣ существующее событіе, оно есть проявленіе чужого Я и навсѣвозъ пропитано этою своею принадлежностью чужому Я. Между тѣмъ, вступивъ въ кругозоръ моего сознанія, оно, повидимому, становится принадлежащимъ моему Я и, слѣдовательно, перестаетъ быть подлиннымъ проявленіемъ другого Я.

Это недоразумѣніе возникаетъ даже въ умахъ тѣхъ лицъ, которыя допускаютъ, что матеріальныя событія могутъ въ подлинникъ вступать въ кругозоръ сознанія субъекта. Матеріальное событіе, напр., колебаніе маятника, не есть проявленіе какого-либо Я, а потому представляется естественнымъ, что оно можетъ вступать въ кругъ наблюденій любого Я, но „эта вспышка гнѣва“ какъ психическое явленіе, есть исключительная принадлежность „этого Я“, и, повидимому, только само это Я можетъ воспринимать ее, быть непосредственнымъ свидѣтелемъ ея.

Эти соображенія суть плодъ недоразумѣнія, они основаны на смѣшеніи двухъ понятій, рѣзко различаемыхъ гносеологією интуитивизма: переживать что-либо и имѣть что-либо въ виду только какъ предметъ наблюденія. Переживать „эту вспышку гнѣва“ можетъ одно единственное Я и то одинъ лишь разъ въ своей жизни, но быть свидѣтелемъ ея могутъ любые Я. Аналогія съ воспріятіемъ физическихъ явленій здѣсь полная: если я наблюдаю качанія маятника, это не значитъ, что мое Я само стало качающимся; точно такъ же, когда я наблюдаю чужой гнѣвъ, это не значитъ, что я самъ сталъ гнѣвающимся.

Есть еще одно важное обстоятельство объясняющее, почему лица, понимающія, какимъ образомъ физическое явленіе можетъ быть предметомъ наблюденія многихъ субъектовъ, не допускаютъ того же относительно психическихъ явленій; заключается оно въ слѣдующемъ: очень часто, замѣчая у сочеловѣка какое-либо психическое состояніе, напр., эмоцію, при условіяхъ заразительности ея (напр. въ толпѣ), мы очень скоро перестаемъ наблюдать и сами начинаемъ переживать аналогичное чув-

ство; такіе случаи, весьма нерѣдкіе, могутъ дать поводъ къ укрѣпленію мысли, что наблюдаемое мною психическое состояніе всегда есть мое личное переживаніе, — мой собственный гнѣвъ, мой восторгъ (въ театрѣ), моя скорбь (во время панихиды) и т. п. Поэтому, чтобы понять различіе между психическимъ состояніемъ, какъ переживаніемъ, и психическимъ состояніемъ, какъ только предметомъ наблюденія, слѣдуетъ особенно обратить вниманіе на тѣ случаи, въ которыхъ исключена возможность психической заразы, напр., когда я наблюдаю въ сочеловѣкѣ зависть ко мнѣ.

Противъ ученія о непосредственномъ воспріятіи чужой душевной жизни, повидимому, говоритъ тотъ фактъ, что мы наблюдаемъ чужія психическія состоянія вмѣстѣ съ воспріятіемъ ихъ физическихъ проявленій. Если бы интуитивизмъ былъ правъ, могутъ намъ возразить, то челоѣкъ былъ бы способенъ, не видя лица своего сосѣда, не слыша его голоса и вообще, не воспринимая никакихъ физическихъ проявленій его, созерцать все теченіе его душевной жизни. Между тѣмъ, въ дѣйствительности мы улавливаемъ чужую скорбь въ звукахъ голоса, хитрость — въ бѣгающихъ по сторонамъ глазахъ и т. п.

Въ отвѣтъ на это напомнимъ замѣчаніе Бергсона о томъ, что не только психическая жизнь, но и матеріальныя явленія могли бы стать предметами созерцанія безъ помощи органовъ чувствъ: „Что матерія можетъ быть воспринята безъ помощи нервной системы, безъ органовъ чувствъ, это теоретически мыслимо; но это невозможно практически“, такъ какъ, говоритъ Бергсонъ, такое воспріятіе было бы біологически безполезно.

Чужая психическая жизнь имѣетъ перво-степенное біологическое значеніе для насъ не тогда, когда она остается замкнутою въ себѣ, а тогда, когда она, выразившись въ тѣлесныхъ проявленіяхъ, переходитъ и грозитъ перейти въ воздѣйствіе на мое тѣло. Такимъ образомъ, у насъ выработалось умѣніе наблюдать душевную жизнь сочеловѣка главнымъ образомъ по поводу его тѣлесныхъ проявленій.

Съ точки зрѣнія интуитивизма принципиально должна быть допущена возможность воспріятія чужой душевной жизни безъ примѣса воспріятія чужой физической жизни, и было бы странно, если бы эта возможность нигдѣ и никогда не осуществлялась. И въ самомъ дѣлѣ, такая чрезвычайно обостренная чуткость къ чужой душевной жизни, повидимому, встрѣчается въ случаѣ особенной душевной близости другъ къ другу двухъ существъ, а также

въ случаяхъ отношеній, имѣющихъ особенно важное біологическое значеніе: такъ, весьма вѣроятно, что къ такимъ воспріятіямъ бываетъ иногда способна мать въ отношеніи къ своему ребенку.

Міръ осязаемый и міръ зримый.

[49.916/8]

Теософическое движеніе у насъ вступаетъ, повидимому, въ новый фазисъ, — русскіе теософы начинаютъ выходить изъ тѣснаго, таинственнаго круга своей аристократической замкнутости, и дѣятельность ихъ принимаетъ характеръ „хожденія въ народъ“: читаются уже „общедоступныя“ лекціи по теософіи (и не отдѣльныя, случайныя лекціи, а циклы ихъ), устраиваются теософическіе диспуты, и представители теософическаго общества обращаются съ пропагандой своихъ идей теперь даже къ пестрой газетной аудиторіи.

Изъ такихъ газетныхъ выступленій болѣе заслуживаетъ вниманія статья товарища предсѣдателя Россійскаго теософическаго общества д-ра П. И. Тимофеевскаго въ „Нови“ (№ 34) — „Тѣ, кому становится тѣсно“.

„За послѣднее время, — пишетъ авторъ этой статьи, — все чаще приходится встрѣчать людей, чувствующихъ, что на глазахъ у нихъ надѣта повязка. Они чувствуютъ, что за этой назойливой, шумящей „дѣйствительностью“, за этой пестрой, беспорядочной смѣной страданій и наслажденій какъ будто таится какая-то другая жизнь — не въ смыслѣ обязательно невидимаго міра, а въ смыслѣ какого-то аппарата, порождающаго всю эту фантазмагорію. Долго и добросовѣстно мы были увѣрены, что фигуры, появляющіяся на экранѣ кинематографа, есть самыя подлинныя, живыя и настоящія, но, наконецъ, обилие безсмыслицы, противорѣчій и просто внутреннее чутъе начинаютъ наталкивать на мысль, что, можетъ-быть, какъ-разъ самаго главнаго мы и не замѣчаемъ, что, можетъ быть, какъ слѣбные, мы только ощущаемъ жизнь и мимо насъ проходитъ незамѣченными и смыслъ ея, и правда, и красота.

Если такая мысль начнетъ шевелиться въ мозгу челоѣка, ему становится и тѣсно, и жутко, и немного даже обидно. Наше сознаніе всегда требуетъ опредѣленности, и такія трещины въ міросозерцаніи всегда ощущаются, какъ нѣчто очень болѣзненное. Надо замазать ихъ, и вотъ начинаютъ поиски.

И результатомъ этихъ поисковъ является какъ-разъ все большее расширеніе этихъ, первоначально такихъ незамѣтныхъ, трещинокъ.

Когда мы не понимаемъ чего-нибудь въ окружающемъ насъ мірѣ, мы требуемъ отвѣта отъ людей науки. И когда насъ начинаетъ беспокоить смыслъ жизни и размышленія о реальности наблюдаемаго нами, мы, конечно, направляемся къ нимъ. Но, оказывается какъ-разъ, что поскольку они, эти люди науки, точны, они откажутъ намъ въ разъясненіи того, что насъ интересуетъ. И мало того, что откажутъ, они будутъ стараться подмѣнить вопросъ другимъ, какъ-будто бы похожимъ, но на самомъ дѣлѣ советамъ насъ не интересующимъ.

Мы можемъ притти и спросить ихъ, что такое любовь. Что это за сила, которая измѣняетъ весь міръ въ глазахъ того, кого она охватываетъ; почему она мѣняетъ относительную стоимость всѣхъ вещей, почему она безобразное превращаетъ въ прекрасное, боль—въ наслажденіе, смерть—въ жизнь? И въ отвѣтъ на это намъ начнутъ рассказывать о способахъ размноженія, и на вопросъ, почему все сознаніе стойко захватывается однимъ существомъ, будутъ отвѣчать, какъ измѣняется кровяное давленіе, если человѣкъ охваченъ тѣмъ, что имъ угодно называть эмоціей, какъ-будто бы это можетъ въ какой-нибудь мѣрѣ интересоваться того, кто ищетъ отвѣта на *загадку* любви, кто подозреваетъ, что за фактами любви скрытъ какой-то обобщающій смыслъ, обобщающій наблюденія, касающіеся не продолженія рода, а тѣхъ тонкихъ кружевныхъ переживаній, изъ которыхъ сплетается эта сказка жизни, напоминающая намъ, вмѣстѣ со смертью, о вѣчности.

Но ее нельзя винить, эту официальную, положительную науку, что она не даетъ намъ отвѣта по существу ни на вопросы о причинахъ, ни о цѣляхъ бытія, ни о красотѣ и чувствѣ долга или чести, а только описываетъ и классифицируетъ ихъ. Это—не ея область. Она сильна тамъ, гдѣ царство мѣры, вѣса и числа. Центиметръ, граммъ, секунда—вотъ базисъ, альфа и омега точнаго знанія. И если ни мѣра, ни вѣсъ не передадутъ мнѣ сущности эстетической эмоціи, вызванной звуками музыки, то виновата въ этомъ не наука. Я просто обратился не по адресу, заведя разговоръ о сущности тамъ, гдѣ изучается только форма. *Переплетчикъ не компетентенъ въ содержаніи книги.* Наука оцупываетъ міръ, какъ дѣлаетъ это каждый изъ насъ, только болѣе тщательно, болѣе точно, коллективными усилиями. Но вѣдь намъ начинаетъ казаться, что міръ можно не только осязать, но и *видѣть*. И, мало того, приемотриваясь къ тому, какъ „дѣлается“ наука, мы замѣчаемъ, что и она идетъ толчками, внезапными прозрѣніями инту-

иціи, направляющими ея изысканія на правильный путь, и, прозрѣвъ на минуту, она потомъ медленно оцупываетъ каждую точку пройденнаго въ моментъ прозрѣнія пути.

Если это такъ, если повязка надѣта такъ неплотно, что по временамъ удаеся чуточку подглядѣть въ щель ея и на этомъ подглядываніи построилась такая громадная система, какъ та позитивная наука, которой по праву гордится современная цивилизація, то, можетъ-быть, есть пути къ тому, чтобы и совсѣмъ снять эту повязку? Можетъ-быть, интуиція не есть даръ невѣдомыхъ боговъ, а сила природы, подобная тѣмъ, которыя мы подчинили? Можетъ-быть, ее можно культивировать, развивать, улучшать? Можетъ-быть, человѣкъ не есть нѣчто застывшее, а подлежитъ росту, даже и въ смыслѣ способностей своихъ къ познанию? Можетъ-быть, дѣйствительно можно создать *новаго* человѣка?

И на этотъ вопросъ все чаще и чаще приходится слышать положительный отвѣтъ. Цѣлое мировое движеніе, привлекающее къ себѣ все больше и больше сторонниковъ, движеніе теософическое, все основано на томъ, что *человѣкъ*,—эта мѣра всѣхъ вещей, эта предпосылка всѣхъ философій, этотъ базисъ всего знанія, въ окончательномъ смыслѣ покоящагося на свидѣтельствѣ органовъ чувствъ его,—что *человѣкъ* можетъ быть измѣненъ.

И мы, кому становится тѣсно въ центиметръ-граммъ-секундовомъ мірѣ, тѣсно и скучно настолько, что только мысль о наличіи какого-нибудь смысла *за* этими наблюдаемыми формами бытія одна поддерживаетъ волю къ жизни,—мы не можемъ оставить безъ вниманія, оставить безъ изслѣдованія эту единственную надежду на освобожденіе отъ рабства *этихъ* органовъ чувствъ, *этого* метода мышленія, которые даютъ намъ только раздражающее ощущеніе наличія какого-то смысла, вѣяніе какой-то тайны, но не позволяютъ хоть сколько-нибудь къ ней приблизиться.

Для теософическаго движенія, въ какую бы эпоху мы его ни разсматривали и подъ какими бы формами оно ни проявлялось, всегда характерна именно эта проповѣдь возможности измѣненія *самого* *человѣка*, возможности определенной тренировки, определенной внутренней работой создать изъ обыкновеннаго зауряднаго смертнаго мощную индивидуальность—генія или святого. Къ познанію „мудрости Бога“, теософіи, стремится, конечно, и философія и наука, но и та и другая считаются съ *человѣкомъ*, какъ съ даннымъ, какъ съ исходною своею точкою, а каждая струйка, теософическаго движенія,—будетъ ли то та или

иная организація: мистеріи древности, теософическія или антропософическія общества настоящаго времени, или просто кружки мистиковъ-окультистовъ, — насквозь проникнута идеей объ измѣненіи человѣка, алхимической возгонкѣ его и превращеніи изъ звѣря съ чуть загорѣвшимися пламенемъ разума и любви въ божественное существо съ могучими способностями познания, мудрое и свободное, какъ сама природа.

Стать *инымъ*.

Видѣть все до послѣдней мелочи, существенно отличимъ отъ прежняго.

Мы всѣ знаемъ, какъ различенъ міръ, когда мы наблюдаемъ его изъ здороваго или больного тѣла, какъ измѣняется утроемъ, когда мы поднимаемся бодрими, пейзажъ, бывшій такимъ унылымъ накануне, когда мы устали. Художники даютъ намъ проныкнуть отчасти въ то, какъ видить міръ человѣкъ, охваченный всецѣло той или иной идеей. Даже и на доступной намъ грани бытія и при однородной организаціи мы видимъ только ничтожную часть могущаго быть воспринятымъ нами міра. И вотъ взять эти фильтры, пропускающіе только часть міра, фильтры, которые подставляетъ намъ настроеніе въ свои руки, — это значитъ уже стать отчасти *инымъ*, и это, конечно, возможно. Вѣдь каждый изъ насъ, хотя однажды въ жизни, побѣдилъ свое настроеніе, а кто побѣдилъ разъ, тотъ можетъ быть хозяиномъ всегда. А посмотрите, какую тонкую наблюдательность можетъ развить въ насъ настроеніе, сколько увидитъ человѣкъ, въ которомъ роилось подозрѣніе, тамъ, гдѣ ничего не увидитъ равнодушный. А отгѣнки, которые видитъ художникъ и не видитъ профанъ, а профессиональное чутье, доходящее почти до ясновидѣнія, у талантливыхъ врачей, у слѣдователей, у гадалокъ, — вѣдь все это также подглядываніе черезъ повязку.

Словомъ, измѣненіе человѣка въ смыслѣ расширенія его способностей познания не есть мысль *очевидно* неприемлемая, и возможность эта должна быть рассмотрѣна болѣе подробно. Тѣ, которымъ становится тѣсно, должны посмотреть, не лежитъ ли гдѣ-нибудь въ этой сторонѣ возможность болѣе широкихъ горизонтовъ и болѣе осмысленнаго и глубокаго воспріятія жизни, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ возможности замѣнить, наконецъ, осязаніе зрѣніемъ“.

Проповѣдь тишины.

[(131)]

„Когда онъ перестанетъ слышать множество, тогда онъ различитъ Единое, внутрен-

ній звукъ, убивающій внѣшній“. Это многоговорящее изреченіе изъ настольной книги теософовъ „Голосъ Безмолвія“ (Е. П. Блаватской), должно бы стать „настольнымъ“, руководящимъ для всякаго человѣка, чья жизнь, въ значительной своей части, связана съ городомъ, — другими словами, для огромнаго, все растущаго большинства людей (по крайней мѣрѣ въ Западной Европѣ и Америкѣ), такъ какъ городъ, городскія условія жизни болѣе и болѣе вытѣсняють деревенскій укладъ. Наша специфически-городская цивилизація принимаетъ такіе размѣры и формы, что „проповѣдь тишины“ начинаетъ звучать все чаще и серьезнѣе, и къ *голосу безмолвія* призываютъ уже не только, такъ сказать, теоретически, но и на практикѣ. (См. о движеніи за „право на тишину“ въ № 6 „Бюлл.“ 1911/2 гг., ст. „Новая форма борьбы за полноту жизни“).

Передъ нами опять и „теорія“, и „практика“ этой проповѣди.

* * *

Въ № 29 „Нови“ пишетъ Ф. Купчинскій, въ статьѣ „Оставайтесь наединѣ съ собою“: „Отчего самоубійства? Каждый день по нѣскольку?“

Вглядитесь въ нашу обычную, очень давно и не нами налаженную жизнь. Все не такъ, какъ бы мы хотѣли, и всею мы повинемся. И мы живемъ, недовольные всѣмъ и всѣми.

Но болѣе всего, — если спросить себя тайно каждый изъ насъ, — мы недовольны самими собою. Чѣмъ, собственно, мы недовольны?..

Мы недовольны, но о себѣ думать *нѣтъ времени*. И поэтому мы не знаемъ точно. Дни разобраны по часамъ для дѣлъ и отвлеченій отъ нихъ.

Большую часть дня тратимъ на сущіе и нелѣпые пустяки: на сидѣніе за столомъ, ѣду, на поклоны и привѣты, рукопожатія и вѣжливости, на передѣлыванія и чтенія политическихъ бредней разныхъ направленій, на всякую моду, на пустую болтовню, на любопытство, на случайное останавливаніе передъ ненужнымъ, на тысячи отвлеченій отъ себя и отъ дѣла, отъ необходимаго, на сборища случайныхъ и скучныхъ людей у насъ и у нашихъ знакомыхъ... да счета нѣтъ, на что.

Чему только и кому только мы не отдаемъ время? Мы съ нимъ расточительны чрезвычайно, съ дорогимъ временемъ дня. И мы покидаемъ себя самихъ навсегда... Мы — какъ покинутый пустой домъ. Мы становимся невнимательными, очень поспѣшными, разсѣянными и, въ концѣ концовъ, мы себя медленно убиваемъ прежде,

чѣмъ пули или ядъ навсегда положить на землю наше тѣло.

Мы постепенно отвыкаемъ отъ себя. Мы забываемъ свое лицо, мы покидаемъ себя безжалостно, безразсудно и бросаемъ на улицу, гдѣ каждый можетъ насъ имѣть для себя, каждый прохожій, встрѣченный пустой и не годный намъ человекъ.

Человѣкъ, который давно живетъ такъ, уже отвыкаетъ отъ самого себя настолько, что тяготеетъ собою, оставшись наединѣ. Онъ тяжелъ, онъ невыносимъ самому себѣ. Оставшись одинъ, онъ вдругъ чувствуетъ пропасть передъ собою. У него нѣтъ почвы, по которой твердо, радостно и спокойно ступаетъ его нога.

Онъ у обрыва. Ничего сзади, ничего и никого кругомъ, ничего впереди.

У человекъ, который отвыкъ отъ самого себя, не можетъ быть и близкихъ людей: всѣ прохожіе, всѣ ненужные, всѣ надобившіе, одинаковые.

И когда онъ перебираетъ въ умѣ по очереди всѣхъ извѣстныхъ ему лицъ, которые могли бы спасти его, то ему холодно и страшно: онъ одинъ. И одинъ онъ *безъ самого себя*.

Если вспомнимъ большинство писемъ самобытъ, то всегда увидимъ именно это въ ихъ послѣднемъ настроеніи. Они всѣ утратили себя самихъ. Они потеряли себя. Растерялись. Отвлеклись отъ себя настолько, что стали въ тягость себѣ. Они въ себѣ увидѣли *чужого человека*..

Только потому, что есть, съ одной стороны, дѣла, заботы, всякая служба, а, съ другой—отвлеченія и „развлеченія“,—всѣ или большинство не тушатъ свою жизнь *сразу*, а предпочитаютъ совершать это тушеніе постепенно. Каждымъ чаепитіемъ, каждымъ обѣдомъ, завтракомъ, разговоромъ, надобность котораго неизвѣстна, каждымъ человекъ, лицо котораго возбуждаетъ зѣвоту и унылую тоску по радости, которой нѣтъ...

...Естественный и прямой исходъ: къ сознательной ломкѣ дня.

Ищите себя, оставайтесь хоть сколько-нибудь, но ежедневно одинъ на одинъ съ самимъ собою. Тогда всѣ остальные часы будутъ для васъ новыми и хорошими часами вашего дня. Они сразу наполнятся не бывшимъ прежде содержаніемъ. И ваши глаза загорятся настроеніемъ, и вы станете бодрѣе. И вы рѣшительно откинете ненужное, то, къ чему привыкли.

Ежедневно для вашей души нужна ванна одиночества.

Она нужна вашей жизни, какъ теплая ванна

вашему тѣлу, чтобы оно становилось бодрѣе, очищалось. Одинъ часъ очистить настроеніе, мысли облегчить. Старайтесь такъ устроить свою жизнь, чтобы можно было вмѣсто долгаго завтрака, обѣда, чаепитія, оперетки, болтовни,—посидѣть немного одному въ тихой комнатѣ, запертой на ключъ, или, что еще лучше, побыть въ полѣ или лѣсу, гдѣ небо не загорожено домами и трубами.

И тогда мысль о томъ, чтобы „кончить сразу“, не придетъ къ вамъ совсѣмъ и во всякомъ горѣ будете вы мудры и сильны, какъ живой, сознательный, владѣющій въ полной мѣрѣ собою человекъ“.

Въ другой своей статьѣ, — тамъ же въ „Нови“, № 77,—названный авторъ говоритъ объ этой самой „власти надъ собою“ и о путяхъ къ ней. Мало того, чтобы привычиться погружаться въ себя, въ свою мысль, душу: надо еще подчинить себѣ мысль свою. И опять мы должны пройти сквозь *тишину* и *одиночество*.

„Очень мудро говорили проповѣдники въ Индіи, что нужно умѣть не думать, для того, чтобы научиться мыслить.“

Именно черезъ это, черезъ возможность не думать, надо пройти, чтобы опредѣленному, желанному направленію подчинить свою мысль.

Наша мысль засорена безчисленными ненужностями каждаго дня. Господи, о чемъ только мы не привыкли думать каждый часъ. Любое огорченіе, неудача иссушиваютъ нашъ умъ ненужными мыслями объ этомъ совершенно въ сущности для насъ неважномъ и случайномъ. Мы привыкли къ недовольству и разочарованіямъ, къ безсилію передъ огорченіями, къ упрекамъ себѣ, и наша бѣдная голова измучена мыслями нецѣнными нисколько, тяжелыми, какъ камни. И какъ камни, онѣ насъ влекутъ на дно жизни духа, этого безпредѣльнаго океана, въ сліяніи съ которымъ—чистое и вѣчное наше блаженство.

Если вы, усталый и недовольный всѣми и собою, дѣлами и случаями, сядете удобно въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ никого кромѣ васъ и никто не придетъ, или лучше—въ лѣсу, въ полѣ, гдѣ широка даль и открыто небо, и воздухъ не насыщенъ убивающей пылью дома и города, если вы закроете глаза и постараетесь сосредоточиться, то вотъ что съ вами случится.

Во-первыхъ, вы почувствуете желаніе не двигаться, сидѣть тихо.

Въ тишинѣ мысли ваши станутъ яснѣе и медленнѣе. Вдругъ въ васъ наступитъ ясность того, что важно, и того, что незначительно нисколько. Нѣтъ свидѣтелей вашего одиночества, и вы смѣло ему отдадитесь и не насилуете

себя нисколько. Вотъ вы видите передъ собою безчисленные часы суеты и словъ, траты себя каждую минуту, своихъ нервовъ, своихъ мыслей, своей крови и силъ своихъ. Вы упускали все время нѣчто значительное, нѣчто важнѣйшее, чѣмъ все прочее, и въ глубинѣ себя вы знали это каждый часъ, но иначе поступать были безсильны.

Все, что напряжено, служить вамъ цѣлый шумный и безпорядочный день: ваши бѣдные глаза, ваши бѣдные уши, ваши несчастныя уста, руки, ноги, нервы, мозги, — вдругъ получить невыразимо сладостный отдыхъ, и вся внутренняя сила ваша получить возможность сконцентрироваться въ васъ для васъ же самихъ, а не для каждого роняемаго слова, взгляда, жеста, настроенія, темпераментнаго подъема, волненія... Вы увидите, что вы тапте въ себѣ неиспользованное могущество, которое засыпано, какъ пескомъ, вашей наружной вѣшной жизнью; это могущество вы въ себѣ любите и знаете, хотите лелѣять и растить, культивировать и тонко беречь, какъ ваше истинное и лучшее.

Это могущество ваше заключается въ томъ, что вы *властвуете* надъ собою и знаете, какъ могутъ отнестись къ вамъ посторонніе, другіе люди, замѣтившіе въ васъ вашего внутреннего человѣка.

Этотъ внутренній человѣкъ — другой. Онъ — осколокъ міровой души и, какъ міровая душа, спокойный, внимательный, тихій, заставляющій зримаго человѣка подчиняться себѣ безпрекословно, радостно и сильно. Онъ будетъ смотрѣть черезъ ваши глаза, онъ проникнетъ въ каждый вашъ жестъ, въ вашъ голосъ, въ вашъ почеркъ, въ тонкія лучистыя линіи вашихъ рукъ и во все выраженіе, во весь смыслъ вашего лица. Вы, только однажды ощутивъ въ себѣ этого внутреннего человѣка, станете его искать и звать къ себѣ постоянно. Вамъ станетъ необходимымъ съ нимъ общаться, его слушать, съ нимъ думать, закрывая глаза и не двигаясь. Ваша власть надъ собою проникнетъ во все ваши поступки.

Вы смѣло раздвинете человѣческіе ряды и найдете въ нихъ то мѣсто, которое принадлежитъ вамъ по праву. Люди сами дадутъ вамъ съ радостнымъ трепетомъ мѣсто около себя или вдали отъ себя или среди себя, нуждаясь въ вашей власти, какъ въ высшей силѣ, которую они не сумѣли разбудить и даже почувать въ себѣ.

...Люди должны быть царями надъ самими собою, и видима ежедавная частица ихъ необъятнаго „я“ должна неизмѣнно носить на себѣ печать великаго. Гоните отъ себя суету

и поспѣшность, закрывъ свои глаза, вглядитесь медленно въ себя самихъ и рассмотрите себя при свѣтѣ тишины и одиночества: что есть у васъ, что вы носите, что губите напрасно?*

* * *

„Ни въ чемъ, кажется, современное чело-вѣчество, — читаемъ въ статьѣ „Тишина“ *Евг. Кузьмина*, напечатанной въ февр. кн. „*Вѣст. Теософій*“, — въ особенности въ большихъ городахъ, такъ не нуждается, какъ въ тишинѣ, потому что никогда окружающій воздухъ не былъ такъ отравленъ столь безобразными, дикими звуками, какъ теперь.

И когда приходится слышать горделивыя слова о современной культурѣ, то невольно становится смѣшно и немножко даже стыдно: какая же подлинная культура могла бы допустить такую какофонію звуковъ изъ рева автомобилей, фабричныхъ гудковъ, трамвайныхъ звонковъ, громоханія ломовиковъ, трескотни телефоновъ и тысячи всякихъ завываній, свистовъ, тресковъ, одни другихъ хуже, одни другихъ грубѣе, одни другихъ назойливѣе.

Мы ужасно горды тѣмъ, что теперь на улицахъ не выливаютъ помоевъ, и, въ силу нашей „санитаріи“, вѣримъ, что тѣ эпидеміи, что въ средніе вѣка косили населеніе чуть ли не цѣлыхъ городовъ, теперь, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, уже совершенно невозможны. Но развѣ окружающіе насъ звуки не тѣ же помои, которыми въ самомъ прямомъ смыслѣ слова поливаютъ насъ съ утра до вечера и съ вечера до утра? О томъ, что этимъ порождается, навѣрно скоро скажетъ медицина, но кто изъ насъ не переживалъ настроенія, когда уже *всякій* звукъ билъ по обнаженнымъ нервамъ, причиняя мучительную боль?

Библейская легенда говорить о томъ, что стѣны древняго Іерихона были разрушены звукомъ трубъ. Насколько фактъ достовѣренъ — мы не знаемъ, но что звукъ обладаетъ какъ созидающей, такъ и разрушающей силой — съ этимъ спорить не приходится: не только сила, но и определенное сочетаніе звуковъ можетъ привести къ определеннымъ результатамъ.

Говорятъ, что извѣстный физикъ Тиндаль звуками определенной высоты тона разбивалъ стаканы. Мы знаемъ силу хоть маленькой, но постоянно дѣйствующей вибраціи — она та же, что дѣйствіе капли, протачивающей камень.

Камень протачивается! Что же дѣлается съ чело-вѣческимъ организмомъ, съ вѣжнымъ кру-жевомъ вѣчно напряженныхъ нервовъ?

Они приспособляются, — скажетъ ученый, —

должны приспособляться. Пусть. Но какой цѣной? спросимъ мы въ свою очередь.

Не чудовищнымъ ли огрубѣнемъ всего аппарата?

По Золовой арфѣ нельзя колотить молотками, а удары тарановъ могутъ выдержать лишь бронированныя стѣны.

Вполнѣ „приспособленнымъ“ организмъ“ при дальнѣйшемъ развитіи подобной цивилизаціи окажется тотъ, кто будетъ реагировать лишь на грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ, вой сиренъ, пронзительные свистки городскихъ. Но грубость воспріятія связана съ грубостью переживанія, и, пожалуй, недалеко то время, когда и концерты будутъ только изъ автомобильныхъ гудковъ, какъ общающіе намъ характерные показатели времени—футуристы.

Вглядитесь въ современную жизнь—она убѣждаетъ, что это дикое на первый взглядъ предположеніе далеко не столь фантастично, какъ это можетъ показаться. Посмотрите современные выставки и не только дикія на нихъ картины нашихъ Машковыхъ и Бурлюковъ, а даже дѣйствительно вполнѣ культурныя выставки, въ родѣ вѣнскаго сецессиона. Есть картины, которыя словно рассчитаны на то, чтобы причинить головную боль или рѣзъ въ глазахъ; много, очень много манерничанья, желанія во что бы то ни стало остановить, поразить, приковать не мытьемъ, такъ катаньемъ, не красотой, такъ уродствомъ.

Въ жаднѣ „бума“, необычнаго, въ страхѣ—не затеряться среди прочихъ, даже талантливыя созданія поражаютъ какой-то болѣзненной напряженностью; художнику уже не хватаетъ красокъ, тѣхъ красокъ, что у него на палитрѣ. Отсюда поиски за новымъ матеріаломъ, и въ результатѣ цѣлый новый міръ самыхъ неожиданныхъ, самыхъ причудливыхъ созданій.

Облажаются два какъ будто противоположныхъ конца: дикарь, и вотъ послѣдній крикъ—le dernier cri—цивилизации. Два человѣка смотрятъ другъ другу въ глаза. Одинъ—не пробужденный, другой—уже усталый.

И замыкается кругъ, и сближаются концы. Та же жажда яркихъ, мгновенныхъ впечатлѣній, блеска искрящихся камней и разноцвѣтныхъ ракушекъ, рѣзкихъ, бьющихъ по нервамъ красокъ, та же жажда крови, чужихъ страданій, чужихъ мукъ.

Мы любимъ кровь, именно мы, самые утонченные дѣти послѣднихъ дней. Всмотритесь въ наши картины, вчитайтесь въ наши книги, взгляните на наши зрѣлища.

Разрѣшите только бой быковъ—всѣ поймутъ, разрѣшите бой гладиаторовъ—повалятъ толпами. Нельзя настоящей крови—доволь-

ствуются хоть разыгранными картинами убійствъ. Всѣ кинематографы только ими и полны.

А романы—эти „Сады мученій“, эти „Афродиты“, гдѣ герои цѣлуютъ распятыхъ на крестѣ любовницъ,—только подобныя звѣрства способны пробудить смутныя чувства дикаря и анемичные нервы утонченнаго snob'a.

Полный кругъ долженъ замкнуться. Начало и конецъ должны сблизиться, какъ заворотъ гигантскаго винта. Самоцвѣтные камни, пурпуръ и смерть, смерть для потѣхи—таковъ былъ умирающій Римъ; ракушки, цвѣтныя бусы и плѣнникъ, привязанный къ столбу пытки—таковъ первобытный человѣкъ.

Куда приведетъ новый заворотъ винта? Кто сможетъ отвѣтить?..

...Чтобы заглушить шумъ—нужно его перекричать или... заговорить шопотомъ, чтобы самый шумъ покорился бы—уступилъ тишинѣ.

Иногда, даже въ городѣ, есть возможность слушать Баха или тихіе ноктюрны Шопена. Для этого надо только наглухо закрыть двойныя окна, опустить тяжелыя занавѣски, погасить назойливый, рѣжущій блескъ электричества, зажечь каминъ и отдаться чарующей звучной тишинѣ гармоніи, дать все смыть съ души, весь накопившійся соръ, снова стать ей нагой и бѣлой, снова стать маленькимъ дитятей.

Но тѣмъ ужаснѣе пробужденіе, тѣмъ ужаснѣе возвратъ къ трамвайнымъ звонкамъ, кровавымъ афишамъ, „потрясающимъ драмамъ“, о которыхъ выкрикиваютъ разносчики, ко всему этому ужасающему „шуму“, что ранить не одними лишь звуками.

Выбора нѣтъ—или все это нужно измѣнить, или стать папуасами.

И существуютъ грозные признаки, что наша пресловутая тромбонная цивилизація идетъ именно по послѣднему пути—недаромъ стиль „апашей“, этихъ подлинныхъ дикарей нашихъ большихъ городовъ, выходитъ изъ трущобъ и заполняетъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ и залитыя свѣтомъ гостиныя.

Та же картина,—варвары и древній Римъ. И только маги съ высоты своихъ башенъ въ глубокомъ молчаніи и тишинѣ ждутъ не дождутся—когда же на востокѣ засіяетъ свѣтъ и появится, наконецъ, давно желанная обновляющая Виселемская Звѣзда*.

* * *

XX вѣкъ уже далъ намъ новую форму культурнаго общенія жителей большихъ городовъ, въ которой—а именно въ „клубахъ молчанія“—люди, уставшіе отъ городской сутолоки

и шума всѣхъ видовъ, но въ то же время неспособные къ рекомендуемому г. Купчинскимъ одиночеству, ищутъ противоядія отъ вышеуказанныхъ золъ современной „тромбонной“ цивилизації.

Такіе клубы имѣютъ уже и Нью-Йоркъ, и Лондонъ, и Парижъ,—клубы, культивирующие безмолвіе, гдѣ не упущена ни одна мелочь, способствующая абсолютной тишинѣ: тяжелые, не пропускающіе звуковъ портьеры и ковры, мягкій электрический свѣтъ, обширныя читальни, прислуга въ войлочной обуви, высканивающие свѣтовые звонки, безгласное прислуживаніе въ ресторанахъ, гдѣ официанты молча подаютъ меню, а посѣтителі молча указываютъ перстомъ желаемое имъ блюдо и т. д., и т. д.

Какъ сообщаютъ газеты, начинаютъ обзаводиться „клубами молчанія“ большіе города и у насъ въ Россіи. Починъ дѣлаетъ Москва. Одинъ изъ учредителей новаго клуба высказалъ газетному интервьюэру о мотивахъ осуществленія этой идеи слѣдующее.

„Обычная форма разговоровъ, въ своей массѣ отрывочныхъ и безсвязныхъ, которые мы вынуждены вести почти повсюду въ часы досуга, не только не даютъ намъ возможнаго отдыха, но служатъ одной изъ главныхъ причинъ нервнаго изнуренія, столь хорошо извѣстнаго интеллигентнымъ труженикамъ. Разговоръ—это трудъ, не сознаваемый нами, но весьма значительный по размѣру затрачиваемой на него энергіи. Нерѣдко привычка разговаривать переходить въ своеобразную нервную болтливость или разговорную болѣзнь, которая въ наши дни охватываетъ широкія массы общества.

Члены новаго „клуба молчанія“ во все время пребыванія въ послѣднемъ обязаны не произнести ни одного слова. Произнесенное вслухъ слово влечетъ за собою денежный штрафъ, который, согласно предусмотрительному уставу, оставляется посѣтителемъ, въ видѣ залога, у старшины клуба.

Въ то же время къ услугамъ „молчальниковъ“ будутъ предоставлены не только игры безъ словъ—биллиардъ, шахматы и проч., но и музыка и пѣніе, въ исполненіи другихъ, приглашаемыхъ на собранія лицъ“.

Группа учредителей „клуба молчанія“ по своему составу весьма пестрая: литераторы, музыканты, художники, коммерсанты и даже адвокаты...

Явленія распада личности.

[15]

Таинственное расширеніе способностей и обостреніе всѣхъ чувствъ во время гипноза поставило предъ наукой задачу—изучить механизмъ этихъ странныхъ явленій и объяснить ихъ связь съ основными свойствами человеческой психики. Эта работа была продѣлана, и тщательный анализъ наблюдаемыхъ фактовъ далъ возможность построить совершенно новую теорію о сложности того, что принято называть человеческой „личностью“, и о возможности при извѣстныхъ условіяхъ разложенія ея на свои составныя части, или „диссоціаціи“—на научномъ языкѣ. Теорія эта, затрагивая самые основные вопросы психологіи, освѣщаетъ ихъ совершенно своеобразно, и въ недавно вышедшей книгѣ В. В. Рахманова „Психологія, какъ наука о личности“ мы находимъ интересную попытку приложить теорію „диссоціаціи личности“ къ объясненію процессовъ нашей душевной жизни. Оставляя въ сторонѣ чисто психологическую часть его труда, мы приведемъ выдержки только изъ той его части, которая говоритъ непосредственно о диссоціаціи личности и о сходныхъ съ нею явленіяхъ. Интересно замѣтить, что изученіе причинъ, вызывающихъ „диссоціацію личности“, заставляетъ задуматься надъ возможностью утилизировать „скрытыя въ человѣкѣ могущественныя силы“, путемъ созданія „новаго человѣка“ и „новыхъ силъ“, ибо „диссоціація“, при которой эти силы проявляются, есть одна изъ видовъ невроза и сопровождается потерей высшихъ способностей разума—къ творческой работѣ и къ синтезу.

Въ началѣ В. В. Рахмановъ приводитъ нѣсколько наиболѣе типичныхъ случаевъ полнаго распада личности:

„Въ случаяхъ наиболѣе рѣзкаго проявленія способности нѣкоторой части психического содержанія личности организоваться въ новую личность, пишетъ онъ, образуются двѣ, иногда больше, личности, послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга. Типичнымъ примѣромъ этого состоянія можно считать случай, описанный Мак-Нисшемъ.

Одна молодая дама, очень образованная и хорошо воспитанная, погрузилась внезапно въ глубокій сонъ. Когда она проснулась, она забыла все, что знала, и не сохранила въ своемъ воспоминаніи никакого представленія ни о словахъ, ни о вещахъ; ей пришлось всему учиться снова; такъ ей пришлось учиться снова читать, писать, считать; мало-по-малу она ознакомила съ окружающими ее лицами и обстанов-

кой, которая были для нея такъ же новы, какъ если бы она ихъ видѣла въ первый разъ. Затѣмъ успѣхи ея въ дальнѣйшемъ развитіи пошли очень быстро. Послѣ довольно продолжительнаго времени она снова погружается въ глубокой сонъ. Проснувшись она возвращается къ нормальному состоянію, бывшему до ея перваго сна, но не сохраняетъ никакого воспоминанія о томъ состояніи, въ которомъ находилась послѣ перваго сна. Въ теченіе болѣе 4-хъ лѣтъ эти явленія повторялись периодически. У этой дамы такъ же мало знанія о своемъ 2-омъ существованіи, какъ у двухъ различныхъ субъектовъ относительно другъ друга.

Мы видимъ, что здѣсь послѣ глубокаго сна отъ всей личности откалывается нѣкоторая ея часть, на которой начинаетъ строиться новая личность. Эта организція идетъ съ перерывами, которые заполняются нормальнымъ состояніемъ; но эти перерывы не мѣшаютъ организціи этой личности.

Приведемъ еще одинъ очень извѣстный примѣръ, описанный Азамомъ въ 1887 году и наблюдавшійся имъ въ теченіе 30 лѣтъ у женщины, по имени Фелида.

Въ возрастѣ съ 14½ лѣтъ послѣ угнетеннаго, похожаго на сонъ состоянія, длящагося минутъ 10, Фелида переходила во второе состояніе, которое продолжалось часъ или два, и затѣмъ послѣ угнетеннаго состоянія—въ теченіе 10 минутъ—возвращалась къ нормальной жизни.

Въ этихъ состояніяхъ бросается въ глаза рѣзкая перемѣна характера Фелиды. Мрачная, сосредоточенная, трудолюбивая и молчаливая въ своемъ первомъ нормальномъ состояніи, она становится привѣтливой, разговорчивой, веселой и легкомысленной во второмъ состояніи. Въ первомъ состояніи она ничего не помнитъ о томъ, что съ нею происходитъ во второмъ состояніи, но во второмъ новомъ состояніи она помнитъ о томъ, что происходило въ первомъ состояніи. Съ теченіемъ времени переходные періоды соннаго состоянія дѣлаются все болѣе короткими и доходятъ до нѣсколькихъ секундъ, а второе состояніе становится все болѣе длиннымъ, такъ что оно скорѣе подходит на нормальное состояніе, чѣмъ первое.

Въ этомъ случаѣ элементы личности, находящіеся, повидимому, въ потенциальномъ состояніи, именно тѣ стремленія, которыя проявляются въ ея новомъ характерѣ, отдѣляются и организуются въ новую личность. Ея прежняя личность живетъ своей особой жизнью и не участвуетъ въ жизни этой новой личности.

Нѣкоторые психологи думали объяснить по-

явленіе двухъ личностей разрозненной дѣятельностью двухъ полушарій, однако, этому противорѣчатъ тотъ фактъ, что у одного и того же индивидуума можетъ образоваться не только двѣ, но три и больше личностей. Напр., у Фелиды появлялась изрѣдка третья личность, ничего не знаяшая о первыхъ двухъ и отличавшаяся совершенно новымъ характеромъ, въ которомъ на первый планъ выступало чувство страха.

Бонги и Виготъ приводятъ исторію нѣкоего Людовика В., у котораго наблюдалось до шести различныхъ личностей, периодически смѣнявшихъ одна другую.

Далѣе авторъ сближаетъ явленія раздвоенія личности съ пассивнымъ состояніемъ нашего сознанія:

„Изъ повседневнаго опыта извѣстно, что въ состояніи разсѣянности мы не воспринимаемъ многихъ изъ окружающихъ насъ явленій. Эти явленія ускользаютъ изъ сферы нашей психической дѣятельности. Состояніе разсѣянности появляется обычно влѣдѣ за усиленнымъ сосредоточеніемъ вниманія на какомъ-либо одномъ предметѣ. У людей нормальныхъ трудно или даже вовсе нельзя вызвать этимъ путемъ столь большую степень разсѣянности, чтобы они совершенно не воспринимали ничего, кромѣ тѣхъ явленій, на которыя обращено ихъ вниманіе. У истеричныхъ такое явленіе удастся очень легко. Если ихъ вниманіе занято чтеніемъ или разговоромъ, или вычисленіемъ, то онѣ могутъ совершенно ничего не воспринять изъ того, что не относится къ ихъ занятію. Но такая полная разсѣянность, влекущая за собою этого рода нечувствительность, является слѣдствіемъ диссоціаціи личности, и, какъ результатъ этой диссоціаціи, можно наблюдать образованіе новаго психическаго субъекта, который и воспринимаетъ то, что остается не воспринятымъ самой больной“.

Такимъ образомъ „состояніе раздвоенія личности, есть лишь крайнее выраженіе того состоянія разсѣянности, которое можно наблюдать у каждаго нормальнаго здороваго человѣка. Отсюда мы въ правѣ предположить, что процессъ разложенія личности въ начальныхъ его стадіяхъ можно наблюдать уже и у здороваго человѣка, и что это разложеніе должно сопровождаться появленіемъ зачаточнаго психическаго организма, которое выразится въ какихъ-либо психическихъ явленіяхъ. Напримѣръ, у той личности, которая образуется наряду съ нашей нормальной личностью при диссоціаціи этой послѣдней, наблюдается гораздо болѣе тонкая воспримчивость, могущая превысить нормальную, по вычисленіямъ Винз—

даже въ пятьдесятъ разъ. Кромѣ того, надо замѣтить, что вторая неполная личность отличается особенно большою степенью внушаемости. Эти два явленія могутъ служить, какъ реактивы, для того, чтобы судить о диссоціаціи нормальной личности и появленіи новой зачаточной. Конечно, у здоровыхъ людей эта параллельная личность не будетъ такъ развита, какъ у истеричныхъ, у которыхъ процессъ диссоціаціи идетъ гораздо дальше, и потому явленія, наблюдаемыя у здоровыхъ, будутъ менѣе рѣзки.

Наши, такъ называемыя, безсознательныя (автоматическія) движенія, которыя мы часто производимъ, не замѣчая ихъ, психологи обычно объясняютъ стремленіемъ всякаго представленія или идеи перейти въ движеніе. Бина думаетъ, что въ данномъ случаѣ процессъ сложный, и онъ склоненъ объяснять эти движенія, какъ проявленія дѣятельности вторичной личности. Свою гипотезу онъ основываетъ на томъ явленіи, что у здоровыхъ людей, въ состояніи разсѣянности, при которой по большей части наблюдаются эти движенія, можно наблюдать тѣ же самыя явленія, какъ и у истеричныхъ, только менѣе рѣзко выраженыя⁴.

Анализируя извѣстные опыты чтенія мыслей, авторъ и ихъ объясняетъ появленіемъ вторичной личности:

„Лицо, задумавшее предметъ, должно сосредоточить все свое вниманіе на задуманномъ предметѣ. Благодаря этой концентраціи вниманія, у него появляется та разсѣянность, въ силу которой его мысли выражаются въ формѣ безсознательныхъ движеній. Эти то движенія и служатъ выраженіемъ психической дѣятельности вторичной личности... Авторъ этой книги пробовалъ становиться въ положеніе угадывающаго, и это угадываніе удавалось ему довольно часто, но лишь при томъ условіи, чтобы не стараться уловить движеній лица задумавшаго, а, наоборотъ, придя въ состояніе наибольшей пассивности, отдаться какой-то посторонней волѣ, которая ведетъ туда, куда слѣдуетъ идти, чтобы исполнить задуманное. Мы видимъ, что въ этихъ случаяхъ диссоціація и появленіе вторичной личности наблюдается также и у лица отгадывающаго, что выражается, какъ и особенно тонкимъ воспріятіемъ, такъ и движеніями, сообразующимися съ этими воспріятіями.

... Резюмируя все вышесказанное, мы можемъ сдѣлать слѣдующій выводъ относительно единства личности. Это единство сравнительно очень устойчиво въ своей основѣ, представляющей координацію психическихъ элементовъ, тѣсно связанныхъ съ жизнью фізіологическаго орга-

низма, и образующуюся въ теченіе филогенетическаго *) развитія личности; но координація тѣхъ элементовъ, которые приобрѣтены въ теченіе онтогенетическаго *) развитія личности, представляетъ изъ себя сравнительно очень неустойчивое единство, которое легко диссоциируется, при чемъ отдѣлившіеся элементы личности образуютъ тенденцію къ построикѣ новой, второй (иногда третьей, четвертой и т. д.) личности на той же самой основѣ болѣе устойчивыхъ элементовъ.

... Но состоянія диссоціаціи личности еще не обязательно ведутъ за собою образованіе второй личности; для этого образованія нужны, повидному, особыя условія, быть можетъ, особаго болѣзненнаго предрасположенія личности. Обычно же мы имѣемъ то большую, то меньшую степень концентраціи личности и въ зависимости отъ этого можемъ наблюдать различія въ протекающихъ психическихъ процессахъ.

Прежде всего посмотримъ, какими причинами обуславливается большая или меньшая степень концентраціи или диссоціаціи личности...

Gley въ своихъ опытахъ, произведенныхъ вмѣстѣ съ Richet, наблюдалъ, что послѣ легкаго отравленія гашишемъ, которое всегда усиливаетъ живость умственныхъ образовъ, какъ автоматическое письмо, такъ и другія подсознательныя движенія могутъ обнаруживаться у лицъ, которыя не представляютъ этихъ реакцій въ нормальномъ состояніи...

Физическій трудъ, напр., гимнастика, уроки ручного труда и всякое утомленіе вызываютъ состоянія, аналогичныя отравленію наркотическими ядами, и являются, слѣдовательно, причиною диссоціаціи личности и, конечно, тѣмъ больше это утомленіе, тѣмъ больше и степень диссоціаціи.

... Дѣйствіе страха у людей вполне здоровыхъ и дѣйствіе другихъ аффектовъ, возбуждающихъ не такъ сильно, какъ страхъ, скажется въ диссоціаціяхъ временныхъ, быстро преходящихъ, аналогично съ дѣйствіемъ малыхъ дозъ наркотическаго яда или небольшого утомленія. Могутъ быть случаи, когда даже не сильныя эмоціи являются причиною диссоціаціи личности. Это происходитъ при тѣхъ условіяхъ, когда мы переживаемъ такъ называемый душевный конфликтъ. Противуположныя эмоціи съ элементами стремленій, влекущими насъ въ противуположныя стороны, — вотъ что составляетъ сущность душевнаго конфликта.

*) Филогенезисъ—исторія развитія вида, семейства или рода, а онтогенезисъ—исторія развитія индивидуума. *Ред.*

Въ повседневной жизни людей можно очень часто наблюдать эти конфликты, но обычно они незначительны и вызываютъ поверхностную, быстро проходящую вмѣстѣ съ устраненіемъ конфликта, диссоціацію личности. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ душевные конфликты бываютъ столь бурны, что влекутъ за собою стойкую диссоціацію личности: чаще всего это наблюдается у людей съ патологической наследственностью. Въ беллетристическихъ произведеніяхъ описаніе глубокихъ душевныхъ конфликтовъ является излюбленною темою, дающею эпизоды, полныя захватывающаго интереса...

Дѣйствіе эмоцій и душевныхъ конфликтовъ, какъ факторовъ, диссоциирующихъ личность, настолько велико, что школа Фрейда считаетъ ихъ главною причиною распада личности, выражающагося въ появленіи того или другого невроза.

Если мы примемъ во вниманіе причины, вызывающія ту или другую степень диссоціаціи личности, то мы придемъ къ тому убѣжденію, что степень концентраціи элементовъ нашей личности въ теченіе нашей жизни постоянно подвержена колебаніямъ. Эти колебанія являются существенными элементами тѣхъ психическихъ переживаній, которыя испытываетъ личность.

... Разсмотримъ теперь, какъ измѣняются психическіе процессы подъ вліяніемъ той или другой степени диссоціаціи личности.

Этого рода явленія лучше всего изучать на тѣхъ субъектахъ, у которыхъ наблюдается значительная степень диссоціаціи личности, не дошедшая, однако, до образованія новыхъ личностей. У этихъ субъектовъ очень рельефно выражается вліяніе диссоціаціи, не затмѣваемое появленіемъ вторичныхъ личностей.

П. Жанэ тщательно анализировалъ психическіе процессы, наблюдаемые у этихъ субъектовъ. Они не способны къ такой психической дѣятельности, въ которой преобладаетъ синтезъ.

... Процессы сужденія и умозаключенія, процессы обсужденія мотивовъ и рѣшенія, т. е. такіе психическіе акты, въ которыхъ главную роль играетъ синтезъ, наблюдаются у такихъ больныхъ лишь въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ и по большей части они вращаются въ сферѣ уже извѣстнаго, привычнаго. Все, что выходитъ изъ этой сферы, все, что требуетъ новаго синтеза, является для нихъ непосильнымъ...

Тѣ явленія, которыя такъ отчетливо можно наблюдать въ случаяхъ рѣзко выраженныхъ состояній диссоціаціи личности, появляются, хотя бы и не въ столь яркой формѣ, въ обы-

денной жизни при состояніяхъ болѣе или меньшей степени диссоціаціи... Вспомнимъ, какъ трудно бываетъ для многихъ рѣшиться броситься въ холодную воду. Состояніе диссоціаціи личности объясняется и случаемъ, когда недостатокъ воли сказывается въ повышенной импульсивности, въ неумѣнн сдерживать себя...

Итакъ, мы видимъ, что состоянія болѣе или меньшей диссоціаціи личности выражаются прежде всего постепеннымъ исчезновеніемъ синтетическихъ процессовъ.

... А такъ какъ „сознаніе“ есть синтетическій процессъ, то этотъ синтезъ можетъ быть болѣе или менѣе полнымъ, т. е. можетъ быть болѣе или меньшая степень ясности сознанія, въ зависимости отъ болѣе или меньшей степени концентраціи личности. Эту концентрацію личности Вундтъ отождествляетъ съ сознаніемъ. „Эту болѣе широкую связь психическихъ процессовъ мы называемъ сознаніемъ“... „Состояніе, въ которомъ эта связь прерывается, какъ состояніе глубокаго сна, обморока, мы называемъ поэтому безсознательными“. Но между наивысшей степенью ясности сознанія и состояніемъ глубокаго сна или обморока существуетъ безчисленное множество переходныхъ состояній болѣе или меньшей степени диссоціаціи личности и въ зависимости отъ этого безчисленное множество степеней ясности сознанія.

Итакъ, большая или меньшая степень ясности сознанія — вотъ что характеризуетъ болѣе или меньшую степень концентраціи (resp. диссоціаціи) личности.

... Состоянія концентраціи и диссоціаціи личности тѣсно связаны съ двумя состояніями: *состояніемъ активности и состояніемъ пассивности.*

Личность можетъ быть активной только будучи въ достаточной степени сконцентрирована. Наоборотъ, большая или меньшая степень диссоціаціи сопровождается болѣе или меньшей степенью пассивности личности.

... Связь активныхъ и пассивныхъ состояній личности со степенью ея концентраціи сказывается и въ томъ, что активность способствуетъ концентраціи личности, и, наоборотъ, отсутствіе активности, пассивность благоприятствуетъ появленію диссоціаціи. Это обстоятельство подмѣчено врачами, которые все болѣе и болѣе отказываются отъ лѣченія неврозовъ посредствомъ гипноза. Состоянія гипноза, какъ состоянія пассивныя, еще болѣе диссоциируютъ личность. Современное направленіе психотерапіи всецѣло основывается на психологическихъ законахъ диссоціаціи личности. Школа Фрейда старается, какъ мы сказали, устранить

причину диссоціаціи—эмоцію, которая кроется въ подсознательной сферѣ больного.

Дюбуа видитъ основную причину диссоціаціи въ разстройствѣ синтетическихъ умственныхъ процессовъ и старается возстановить прежде всего эти процессы. П. Жанэ въ особенно упорныхъ случаяхъ старается вызывать активность личности, и если ему это удастся, то выздоровленіе наступаетъ даже въ отчаянныхъ случаяхъ.

Къ перечисленнымъ нами причинамъ диссоціаціи личности слѣдуетъ прибавить еще недостатокъ активной дѣятельности. Воспитаніе, при которомъ не обращаютъ вниманія на активность, можетъ быть причиною развитія личностей недостаточно цѣльныхъ, диссоціированныхъ. Въ этомъ же направленіи могутъ дѣйствовать, конечно, и другіе факторы (переутомленіе, переживание сильныхъ эмоций, алкоголь). Вотъ почему психіатры говорятъ, что причиною появленія невротозовъ, кромѣ наследственности, могутъ быть, между прочимъ, и неблагоприятныя условія воспитанія.

Активность личности выражается въ активномъ вниманіи и въ тѣхъ психическихъ процессахъ, которые съ ними связаны, т. е. въ активномъ мышленіи, въ активномъ воображеніи.

Умѣть, хотѣть,—это значить быть цѣльной активной личностью. Въ противоположность активности, пассивность личности сопровождается пассивнымъ вниманіемъ и пассивными психическими процессами, т. е. такими процессами, которые подготовлены и протекаютъ независимо отъ хотѣнія личности, какъ цѣлаго.

Какой-либо ви́шній раздражитель захватываетъ вниманіе личности, какой-либо аффектъ или одно стремленіе беретъ перевѣсъ и захватываетъ вниманіе, при чемъ вся личность, какъ цѣлое, могла этого и не хотѣть.

... Психическая жизнь личности протекаетъ при постоянномъ переходѣ изъ состояній активности и наибольшей концентраціи къ состояніямъ пассивности и диссоціаціи. Какъ же отражаются эти состоянія на самочувствіи личности?

Состоянія концентраціи и диссоціаціи личности не сознаются ею, какъ таковыя. Эти состоянія переживаются отчасти въ формѣ чувства спокойствія при концентраціи и чувства безпокойствія или волненія при состояніи диссоціаціи.

... Высшія чувства, какъ-то: религіозныя, моральныя, интеллектуальныя и эстетическія, являющіяся продуктомъ наиболѣе сложнаго синтеза, влекутъ за собою концентрацію (единство) личности и заключаютъ въ себѣ и чувство спокойствія. Эти высшія чувства совер-

шенно справедливо противоплагаются волнующимъ васъ страстямъ“.

Такимъ образомъ, В. В. Рахмановъ приходитъ къ выводу о необходимости развивать активное состояніе сознанія для противодѣйствія диссоціаціи, и указываетъ на важное значеніе воспитанія въ дѣтяхъ активности и самостоятельности:

„Психическое развитіе ребенка совершается по преимуществу въ двухъ направленіяхъ: въ первыхъ, его личность становится все болѣе богатой содержаніемъ—она растетъ. Ея знанія и стремленія все болѣе умножаются, появляются сложныя чувствованія. Въмѣстѣ съ этимъ, въ вторыхъ, происходитъ объединеніе всѣхъ этихъ элементовъ въ одно гармонически цѣльное единство. Эти два процесса находятся въ нѣкоторомъ антагонизмѣ другъ съ другомъ. Чѣмъ богаче личность, чѣмъ обширнѣе ея знанія, чѣмъ многочисленнѣе ея стремленія и чувствованія, тѣмъ труднѣе ея концентрація.

Нашъ вѣкъ характеризуется, какъ нервный вѣкъ. Это потому, между прочимъ, что мы до сихъ поръ думали только о томъ, чтобы умножить знанія своихъ дѣтей, внушали имъ тѣ или другія стремленія, но совершенно упускали изъ виду развитіе гармоническаго единства личности.

... Въ пассивности дѣтской личности кроется большая опасность для ея развитія. Благодаря этой пассивности, ребенокъ, особенно воспримчивъ къ внушенію.

... Воспитаніе, основанное на системѣ внушеній, развиваетъ пассивность, напр., воспитаніе Обломова; оно кромѣ того, мѣшаетъ развитію цѣльной личности, такъ какъ этому развитію способствуютъ, главнымъ образомъ, активныя состоянія“.

Тайны творчества.

[158.1]

„Нужно удивляться, какъ мало задумывались философы надъ однимъ изъ самыхъ поразительныхъ явленій въ области художественнаго творчества—надъ способностью поэта, музыканта, живописца, скульптора, пѣвца или актера перевоплощаться въ несходную съ нимъ индивидуальность.

Какимъ непостижимымъ путемъ художникъ создаетъ типы людей и заставляетъ ихъ жить и дѣйствовать такъ, какъ будто надъ ихъ поведеніемъ имѣетъ власть законъ психологической мотиваціи?! Изучая подобныя произведенія искусства, мы расширяемъ кругъ нашего знакомства съ реальными людьми, мы обога-

щаемся подлиннымъ жизненнымъ опытомъ. Это обнаруживается: 1) на отдѣльныхъ переживанияхъ: художникъ знакомитъ насъ съ думами и чувствами изображаемыхъ имъ людей и притомъ такихъ, которые непохожи на него; 2) на характерахъ; мы не всегда можемъ научно доказать, но мы чувствуемъ правдивость изображенія известнаго героя, и чувство жизненности изображаемаго лица нерѣдко отнюдь не является субъективной иллюзіей; 3) наконецъ, на детерминированности въ поведеніи героевъ; она точно также иногда безошибочно схвачена художникомъ, который изображаетъ судьбу своихъ созданий съ „беззаботностью жизни“, какъ выражался Пушкинъ о Шекспирѣ.

Иногда изображенные художникомъ типы встрѣчаются съ нимъ въ жизни лицомъ къ лицу, и тогда получается сцена, какую описываетъ Теккерей: „Въ романѣ „Пенденнисъ“, писанномъ 10 лѣтъ тому назадъ, есть описание нѣкоего Костигана, который былъ выдуманъ мною, какъ романисты задумываютъ своихъ дѣйствующихъ лицъ — изъ клочковъ, обрѣзковъ и отдѣльныхъ мелочей характеровъ. Однажды ночью я курилъ въ тавернѣ, и этотъ самый Костиганъ, ну, прямо, вылитый, живой, вошелъ въ комнату, поразительно похожій на мои печатные наброски этого лица... „Сэръ, сказалъ я ему, узнавая въ немъ стараго пріятеля, съ которымъ я встрѣчался въ нѣждомыхъ странахъ, могу я предложить вамъ стаканчикъ грога?..“

Какимъ же путемъ совершается это загадочное проникновеніе въ „чужое Я“ и его воссозданіе? Едва ли найдется такой философъ или художникъ, который сталъ бы утверждать, что въ этомъ творческомъ процессѣ вовсе не играетъ роли опытъ, то-есть, наблюденіе надъ живыми людьми. Но въ вопросѣ о томъ, одинъ ли опытъ играетъ тутъ рѣшающую роль, и что еще приводить въ процессъ перевоплощаемости, маѣнія рѣзко разойдутся, и тутъ можно указать на двѣ точки зрѣнія — одну мы называемъ *интеллектуалистической*, другую — *мистической*. Согласно первой, художественное воссозданіе живого типа есть чисто интеллектуальная обработка данныхъ опыта. Художникъ наблюдаетъ по тѣлеснымъ проявленіямъ чужую жизнь, восполняя пробѣлы догадкою, и систематически конструируетъ ее, такъ сказать, научнымъ методомъ. Подобный взглядъ развиваетъ Золя въ своей теоріи „экспериментальнаго романа“.

Другой взглядъ — мистическій, исходитъ изъ предположенія врожденности знанія о „чужихъ Я“. Художникъ въ процессѣ творчества непосредственно, *интуитивно*, постигаетъ чужія

души, ихъ сокровенная сущность врождена ему — духовный макрокосмъ отъ вѣка включенъ въ неопознанной формѣ въ душу художника, и процессъ творчества сводится лишь къ опознанію и объективациі мистическихъ откровеній чувства. Поразительно, до какой степени это воззрѣніе, имѣющее корни въ новоплатонизмъ, у Шеллинга и у Шопенгауэра, сходно высказано многими художниками.

Гете говорилъ по поводу созданія „Фауста“: *не носи я въ себя міра въ силу антиципации* (предвидѣнія. Ред.), и я со зрячими глазами остался бы слѣпъ, и всѣ мои изслѣдованія и опыты оказались бы тщетнымъ и мертвымъ трудомъ“. Гейне пишетъ: „У писателя, въ то время когда онъ создаетъ свое произведеніе, въ душѣ такъ, какъ будто онъ, согласно пиагорову ученію о переселеніи душъ, велъ предварительную жизнь послѣ странствованія на землѣ подъ различными видами; его вдохновеніе имѣетъ всѣ свойства воспоминанія“, Бергсонъ думаетъ, что художники воспринимаютъ окружающее не для того, чтобы дѣйствовать; они воспринимаютъ, чтобы воспринимать, — изъ-за ничего, изъ-за удовольствія. То, что находимъ мы въ различныхъ искусствахъ, есть не что иное, какъ болѣе прямое, болѣе непосредственное видѣніе реальности...“

„Чужое Я“ или конструируется художникомъ рационально, научнымъ методомъ, или постигается сверхразумнымъ мистическимъ путемъ — вотъ антиномія, передъ которою мы стоимъ лицомъ къ лицу, и которую намъ предстоитъ разрѣшить.

Н. Лапшинъ пытается подойти къ рѣшенію этого вопроса путемъ анализа способности перевоплощенія въ статьѣ: „О перевоплощеніи въ художественномъ творествѣ“, въ V выпускѣ „Вопросовъ Теоріи и Психологіи Творчества“.

„Если мы, продолжаетъ авторъ, не склонны, подобно мистикамъ, допускать интуитивное познаніе „чужихъ Я“, то мы должны предположить, что для этого познанія прежде всего необходима способность удерживать, сохранять и воспроизводить впечатлѣнія, воспріятыя отъ внѣшности, мимики, рѣчи и гнѣнія другихъ лицъ и воспоминанія собственнаго прошлаго.“

Широта и глубина перевоплощаемости, то есть распространеніе ея на большее число индивидуумовъ и способность къ подробной характеристикѣ свойствъ и поступковъ cadaго изъ нихъ, требуютъ большой способности углубленія въ собственное прошлое. Познаніе чужого Я идетъ параллельно углубленію самознанія, выражающемуся прежде всего въ ростѣ и развитіи собственной памяти.

Въ виду этого обстоятельства мы должны отмѣтить у поэтовъ-объективистовъ: 1) исключительную силу различныхъ родовъ памяти—зрительной, слуховой, моторной и аффективной, 2) исключительную способность самонаблюдения и пѣлостную память личнаго прошлаго.

Тальма говорить, что въ минуты сильнаго горя онъ непроизвольно направляетъ свое вниманіе на свое духовное нутро и находить, что актеръ безсознательно изучаетъ человѣка и подслушиваетъ природу.

Образъ „Орлеанской Дѣвы“ поразилъ 10-лѣтняго Чайковского. „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ плѣнили въ дѣтствѣ Корсакова—и позднѣе возникли у обоихъ художниковъ оперы на соотвѣтствующіе сюжеты. Колоритъ картинъ Рембрандта имѣетъ своимъ источникомъ, повидимому, дѣтскія впечатлѣнія, отъ своеобразнаго освѣщенія въ *interieur* голландскихъ мельницъ.

Однако для насъ особенно важны вниманіе и наблюдательность, направленные на чужую душевную жизнь—то, что мы называли тенденціей къ перевоплощенію.

Капитальнымъ условіемъ для развитія способности къ перевоплощенію служатъ наслѣдственныя наклонности. Ихъ наличность объясняетъ намъ нѣкоторыя загадочныя явленія, напримѣръ, когда Вагнеръ и Гете утверждаютъ, что типы Тристана и Фауста почерпнуты ими не изъ опыта; въ этомъ есть та доля правды, что упомянутые художники имѣли въ своемъ духовномъ складѣ такіа унаслѣдованныя наклонности, которыя оказались наиболѣе благоприятными для глубокаго постиженія именно этихъ типовъ. Неудержимая любознательность, покоящаяся на врожденной склонности художника, прекрасно описана Бодлеромъ.

„За витриной кафѣ сидитъ выздоравливающий, съ наслажденіемъ созерцающій проходящую толпу, и мысленно сливается съ помыслами окружающихъ лицъ. Недавно отдѣлвшись отъ призрака смерти, онъ съ упоеніемъ устремляется ко всѣмъ росткамъ и побѣгамъ жизни. Близкій столъ недавно къ забвенію всего, онъ съ увлеченіемъ припоминаетъ и хочетъ припомнить все. Наконецъ, онъ бросается въ толпу въ поискахъ за незнакомцемъ, фizioномія котораго, на мгновеніе мелькнувшая передъ нимъ, сильно заинтересовала его. Любопытство сдѣлалось его роковой неудержимой страстью. Представьте себѣ художника, для котораго подобное состояніе выздоравливающаго будетъ постояннымъ свойствомъ.

Корсаковъ слушаетъ музыку цыганъ въ Крыму, запоминаетъ крики торговцевъ (чтобы воссоздать ихъ въ „Младѣ“), его поражаетъ во-

сточный танецъ дѣвочки съ кинжаломъ подъ ударами большого барабана (сцена, использованная тоже въ „Младѣ“), своеобразные речитативы сказителя былинъ Рыбинина (использованные въ „Садко“), крики муэззиновъ на минаретахъ („Шехеразада“) и т. д.

Леонардо да Винчи пишетъ: „Весьма полезно, лежа въ постели въ молчаніи ночи, припоминать образы предметовъ, которые изучалъ и рисовалъ, очерчивать контуры фигуръ, требующихъ большого обдумыванія и сворочки, такимъ путемъ образы предметовъ дѣлаются болѣе живыми, и впечатлѣніе, произведенное предметами, укрѣпляется и долѣе сохраняется“.

Такимъ образомъ, уже наблюденіе въ процессѣ перевоплощаемости включаетъ въ себя *активный моментъ*.

Жадность художника къ притоку живыхъ впечатлѣній дѣйствительности, когда она не находитъ себѣ удовлетворенія, смѣняется тягостнымъ мучительнымъ чувствомъ; мало того, въ общенія съ изображаемымъ міромъ поэтъ, по истеченіи извѣстнаго времени, ощущаетъ *оскуднѣніе творческой способности*, по крайней мѣрѣ, онъ теряетъ возможность успѣшно примѣнять ее въ данномъ направленіи.

„Когда Грибоедовъ въ 1822 году окончилъ два первыхъ дѣйствія „Горя отъ ума“, то онъ почувствовалъ, что для окончанія комедіи у него не хватаетъ красокъ, и въ мартѣ 1823 г. онъ взялъ отпускъ на 4 мѣсяца, превратившись въ двухлѣтнее отсутствіе отъ мѣста службы, чтобы „освѣжить впечатлѣнія Москвы“.

...До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о наблюденіяхъ художниковъ, но художники сверхъ того пользуются и экспериментомъ надъ „чужимъ Я“.

О Леонардо да Винчи мы узнаемъ слѣдующее: „Часто Леонардо отравлялся на рынокъ, гдѣ торговали крестьяне, выбиралъ между ними наиболѣе поражающія его фигуры, приглашалъ ихъ къ себѣ домой и угощалъ на славу. Располюживши ихъ, такимъ образомъ, въ свою пользу, Леонардо рассказывалъ имъ уморительнѣйшія исторіи, доводя ихъ до того, что часто они надрывали, какъ говорится, животики отъ смѣху, или же онъ старался вызвать въ своихъ добровольныхъ натурщикахъ чувство страха, внезапно вынимая изъ подъ плаща фантастическихъ животныхъ, вылѣпленныхъ имъ изъ воска и двигавшихся по столу, вслѣдствіе движенія наполнявшей ихъ внутренность ртути“.

Въ экспериментированіи Иванова надъ моделью есть доля искусственности, хотя это не помѣшало ему достигнуть блестящихъ результатовъ. По поводу этюда къ картинѣ, „Хри-

стось и Магдалина“ онъ шепчетъ сестрѣ: „Она (натурщица) была такъ добра, что, припоминая всѣ свои бѣды и раздробляя на части предъ лицомъ своимъ лукъ самый крѣпкій, плакала; и въ ту же минуту я ее тѣшилъ и смѣшилъ такъ, что полные слезъ глаза ея съ улыбкой на устахъ, давали мнѣ совершенное понятіе о Магдалинѣ, увидѣвшей Иисуса.“

Диккенсъ, обдумывая свой романъ, прибѣгалъ къ зеркалу, обладая столь мимически подвижной физиономіей, что, по словамъ Карлейля, „его лицо вмѣщаетъ въ себѣ жизнь и душу пятидесяти человѣческихъ существъ“. Можетъ быть, онъ игрой физиономіи и жестикуляціей имѣлъ въ виду вызвать въ себѣ соответствующія эмоціи изображаемаго лица, т. е. глубже почувствоваться въ это лицо.

...При развитіи дара перевоплощаемости у артиста особенно важную роль играетъ переработка жизненныхъ впечатлѣній: дѣятельность фантазіи и мышленія. Въ дѣтскомъ возрастѣ замѣтна сильная наклонность къ фантастическому одухотворенію, но не ее мы имѣемъ въ виду.

Мы имѣемъ въ виду еще болѣе специальный случай: сейчасъ рѣчь идетъ о наклонности выдумывать ситуации и типы правдоподобные и соответствующіе дѣйствительности.

Это извѣстное художественное мысленное экспериментированіе. Оно бываетъ связано съ запойнымъ чтеніемъ, съ раннимъ увлеченіемъ театромъ и рисованіемъ или музыкальной композиціей.

Чтеніе не только необычайно расширяетъ у ребенка кругозоръ перевоплощенія, оно развиваетъ способность объективировать образы людей и обстановку въ столь яркія живыя формы, что онѣ приближаются къ галлюцинаціямъ.

Любители чтенія книгъ, говоритъ Анатолий Фравсъ, подобны потребителямъ гашиша. Тонкій ядъ, проникающій въ ихъ мозгъ, дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ міру дѣйствительности и отдааетъ ихъ во власть чарующихъ или ужасныхъ фантомовъ. Книга есть опиумъ Запада. Онъ пожираетъ насъ. Наставетъ день, когда мы всѣ сдѣлаемся библіотекарями—и тогда все будетъ кончено“.

Не только фантазированіе наяву, но и грезы во снѣ по поводу прочтеннаго могутъ иногда оказывать косвенное вліяніе на процессъ перевоплощенія.

Уже древніе, напримѣръ, Лукрецій, указывали на сновидѣнія, какъ на косвенный источникъ художественной перевоплощаемости, и въ новѣйшее время Ницше (въ „Происхожденіи трагедіи“) называетъ Гомера „свѣдла-

сымъ сновидцемъ“, а у Вагнера Гансъ Саксъ въ „Мейстерзингерахъ“ говорить:

Мой другъ, поэзія есть сонъ,
Видѣній сонныхъ воплощенье;
Живетъ поэтъ вдохновенъ
Во снѣ; мечтаній полонъ онъ,
И все искусство, вѣтъ сомнѣнья,
Есть вѣщихъ сновъ изображенье.

Наклонность къ перевоплощаемости у поэтовъ-объективистовъ находитъ себѣ часто выраженіе въ раннемъ увлеченіи театромъ.

По словамъ брата Чехова, М. П., онъ гимназистомъ уже чувствовалъ наклонность къ театру, онъ представлялъ сцену про градоначальника, имъ сочиненную: „Въ гимназическомъ мундирчикѣ, въ старинной дѣдушкиной шапкѣ черезъ плечо, онъ представлялъ, какъ градоначальникъ стоитъ въ табельный день въ соборѣ и какъ затѣмъ, по окончаніи обѣдни, производитъ смотръ казакамъ“.

Во всякомъ случаѣ многосторонняя одаренность характерна для поэтовъ-объективистовъ. Въ ихъ фантазіи должны играть огромную роль яркіе зрительные, слуховые и моторные образы. Постоянное размышленіе и комбинированіе образовъ создаетъ у нихъ непрестанную готовность развить какую-нибудь фабулу или набросать на бумагу какую-нибудь характерную фигуру“.

Относительно сущности процесса творческаго перевоплощенія существуютъ большія разногласія.

Представители мистицизма склонны преувеличивать значеніе стихійности, аффективнаго и непроизвольнаго начала. Бергсонъ утверждаетъ, что интуиціей мы схватываемъ самую сущность явленія, узнаемъ тайны, навѣки скрытыя отъ разума.

„Представители интеллектуализма, наоборотъ, черезчуръ переоцѣниваютъ значеніе умственной, преднамѣренной работы въ созданіи художественнаго произведенія. На самомъ дѣлѣ всякое сколько-нибудь сложное изображеніе лица или событія въ искусствѣ требуетъ и непроизвольнаго стихійнаго созданія, и исполнѣ разсудочной и произвольной работы интеллекта или, по превосходному выраженію Вл. Соловьева, „геній дѣйствуетъ не отъ ума, но съ умомъ“.

Съ одной стороны, въ моменты вдохновенія стихи „льются, какъ вода“ (Пушкинъ), сыплются, какъ искры (Грибоѣдовъ), опера „Троянцы“ растетъ, какъ сталактиты, произведеніе растетъ, какъ трава (Тургеневъ); Достоевскій говоритъ о родникѣ вдохновенія; Даргомыжскій замѣчаетъ о сочиненіи

„Каменного Гостя“: „Усилья почти нѣтъ, пишу не я, а *какая-то сила невѣдомая*; Гончаровъ сравниваетъ свое объективное творчество съ физическимъ закономъ *отраженія*, Диккенсъ—съ *закономъ тяготѣнія*, Теккерей говоритъ о *невѣдомой силѣ*, Мусоргскій сравниваетъ формированіе „Хованщины“ съ образованіемъ *почки*, Фетодовъ уподобляетъ творческій процессъ *химическому броженію* въ настойкѣ и т. д. Съ другой стороны, однако, предполагать, что творчество есть процессъ исключительно иррациональный, значитъ игнорировать факты.

Прежде чѣмъ передъ духовнымъ взоромъ художника возстанетъ живая фигура, человѣческій типъ, онъ собираетъ отдѣльныя черты для образованія родового образа, это есть процессъ своеобразнаго художественнаго обобщенія. Такъ, Тургеневъ говоритъ о необходимости для художника пробиваться сквозь случайности къ образованію типа. Достоевскій замѣчаетъ: „Лучше подождать побольше синтезу, побольше думать, подождать, пока многое мелкое, выражающее одну идею, соберется въ одно большое, въ одинъ крупный рельефный образъ, и тогда выразить его.“

Посмотримся теперь ближе къ психологической природѣ типа, какъ слитнаго образа. Дѣло нерѣдко представляется такъ, какъ будто въ сознаніи художника *нѣсколько образовъ сливаются въ одинъ*. Повидимому здѣсь происходитъ *слиянiе характернаго воспринятого образа съ воспріятіемъ живой модели*. Такъ, Леонардо да Винчи пишетъ; „Художникъ долженъ подмѣчать позу и движенія, которыя онъ захватываетъ, отмѣчаетъ и удерживаетъ въ душѣ въ самый моментъ ихъ осуществленія, онъ не долженъ ждать отъ модели симуляціи (напримѣръ) страданія, когда у модели нѣтъ повода плакать. Дѣйствіе безъ моральной причины не будетъ ни жизненнымъ, ни естественнымъ. Художнику выгодно, подмѣтивъ эти проявленія живыхъ, затѣмъ держать модель въ соответствующей позѣ, чтобы помочь воображенію и открыть при этомъ что-нибудь подходящее къ дальнѣйшей разработкѣ сюжета“.

Въ процессѣ собиранія чертъ для извѣстнаго типа возможны и еще болѣе сложныя комбинаціи, а именно *слиянiя образовъ фантазiи, этюдовъ съ живыхъ моделей и подходящихъ типовъ изъ предшествующей исторіи искусства*. Такія *слиянiя* можно прослѣдить въ процессѣ созиданія Ивановымъ картины: „Явленіе Христа народу“. Для каждой головы онъ дѣлалъ по нѣскольку этюдовъ карандашомъ и масляными красками, часто для мужскихъ головъ

писалъ этюды съ женщинами, постоянно ища идеалъ для головы Іоанна и Христа.

Формированіе типа или исканіе сюжета есть еще подготовительная стадія творчества. Любопытенъ *моментъ зарожденія замысла сложнаго произведенія*.

Чрезвычайно важно, чтобы произведеніе искусства имѣло въ центрѣ своемъ *аффективный тонъ*, который группировалъ бы вокругъ себя многочисленные образы, составляющіе самое произведеніе. Такимъ путемъ оно приобретаетъ самое существенное качество, безъ котораго ни одно произведеніе не живетъ—единство. „По словамъ Гонкуровъ, Флоберъ хотѣлъ передать въ „Бовари“ и въ „Саламбо“ впечатлѣніе въ первомъ чего-то сѣраго, во второмъ—пурпурнаго. У Флобера при возникновеніи этихъ произведеній былъ чувственный тонъ, для котораго сѣрое и пурпурное были цвѣтовыми эквивалентами“. Задумывая оперу „Золотой пѣтушокъ“, Римскій-Корсаковъ говорилъ автору либретто В. И. Бѣльскому: „Опера представляется мнѣ въ видѣ павлиняго пера“. Задумывая „Кашея безмертнаго“, Корсаковъ увидѣлъ въ саду пышные ярко красные маки—это было толчкомъ къ началу композиціи. Увидѣвъ маки, Корсаковъ сказалъ: „Теперь я не могу не сочинить „Кашея“. (Красные маки, какъ „цвѣты зла“, растутъ въ волшебномъ саду Кашевны—II картина).

...Быть можетъ, къ этому тонкому переживанію подходитъ понятіе *аффективнаго знака*, введенное въ психологію Поланомъ; это такое душевное состояніе, въ которомъ познавательные и интеллектуальные элементы сведены къ минимуму и которое замѣщаетъ другія болѣе отчетливыя и сложныя... Нѣчто подобное Бергсонъ называетъ *schème dynamique*. „Мы разумѣемъ подъ этимъ терминомъ представленіе, которое заключаетъ въ себѣ не столько образы, сколько указанія (*indication*) того направленія, по которому надо двигаться, и операція, которыя нужны для воссозданія образовъ въ сознаніи“. По терминологіи Джамса—это психическій оборотень.

...Возникновенію образа предшествуетъ комплексъ неясныхъ очертаній и настроеній, который вдругъ кристаллизуется, оформляется въ отчетливое чувство и ясный центральный образъ, около котораго уже группируются другія лица, и сюжетъ развивается. Такимъ образомъ, извѣстное лицо или событіе играетъ роль *фокуса* всего произведенія, остальное располагается въ извѣстной перспективѣ по отношенію къ этому центру.

Интересное замѣчаніе дѣлаетъ Чеховъ: „Изъ

массы героевъ и полугероевъ берешь только одно лицо—жену или мужа—кладешь это лицо на фонъ и рисуешь только его, его и подчеркиваешь, а остальныхъ разбрасываешь по фону, какъ мелкую монету, и получается нѣчто въ родѣ небеснаго свода; одна большая луна, а вокругъ нея масса очень маленькихъ звѣздъ. Луна же не удастся, потому что ее можно понять только тогда, если понятны и другія звѣзды, а звѣзды не отдѣланы. И выходитъ у меня, не литература, а нѣчто въ родѣ шитья Тришкинаго кафтана“.

...Мы подошли теперь къ самому важному пункту нашего изслѣдованія, къ вопросу, какъ возсоздаетъ художникъ „чужое Я“. Мы видѣли, что матеріалъ для своихъ художественныхъ перевоплощеній художникъ черпаетъ изъ опыта, не изъ мистическаго сверхразумнаго откровенія; что „чужое Я“ не врожденная идея, но постройка воображенія и чувствъ, сообразная съ тѣлесными проявленіями окружающихъ насъ индивидуумовъ. Но это „сообразованіе“ наше съ чужими тѣлесными проявленіями, представляетъ ли оно умственное заключеніе по аналогіи или нѣтъ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить, что въ большинствѣ случаевъ познаніе „чужого Я“ совершается не путемъ умственнаго заключенія по аналогіи, но инымъ путемъ; этотъ путь однако нельзя назвать интуитивнымъ въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову мистицисты“.

Воспринявъ извѣстную сумму моторныхъ и зрительныхъ впечатлѣній, мы относимся къ нимъ не какъ къ алгебраической суммѣ, но создаемъ изъ нихъ новое, общее ощущеніе, которое охватываетъ и объединяетъ всѣ воспринятія порознь. Къ этому цѣлому мы невольно прибавляемъ соответствующее психическое состояніе, какъ мы привыкли это дѣлать, видя счастливую улыбку, ревнивый взглядъ, злобную усмѣшку...

Беря безъ анализа результаты такого душевнаго процесса, мы получаемъ иллюзію, будто мы „видимъ, интуитивно постигаемъ чужое Я, его переживанія. Это иллюзія, но она неизбежна. Пронцируя въ воображаемаго героя цѣлостное впечатлѣніе, соответствующее эстетической эмоціи, переживаемой поэтомъ, послѣдній получаетъ иллюзію, будто онъ созерцаетъ не только вѣшность, но и внутренній міръ героя объективированнымъ, включеннымъ въ образъ статуи, картины или въ образъ фантазіи художника, достигающій въ процесѣ творчества нерѣдко яркости галлюцинаціи.

Мы не можемъ видѣть въ чужомъ тѣлѣ или въ образѣ фантазіи интуитивно, т. е. непосредственно, гнѣвъ или зависть, но мы видимъ

или слышимъ цѣлостное впечатлѣніе, порождаемое комплексомъ зрительныхъ (моторныхъ или звуковыхъ) ощущеній во вѣшнемъ воспріятіи (тоже примѣнимо и къ образу фантазіи), и инстинктивно присоединяемъ къ нему соответствующія „фактивныя“ чувства въ самихъ себѣ.

... Никакой непосредственной интуіціи „чужого Я“ у художниковъ, какъ и у простыхъ смертныхъ, нѣтъ. Значитъ ли это, что тайну творчества можно научно объяснить до конца? На это можно сказать: процессъ художественной перевоплощаемости для науки такая же безконечная проблема, какъ живой организмъ: мы можемъ находить все новыя и новыя механическія объясненія для развитія организмовъ, но мы знаемъ, что безконечно сложная машина лишь въ безконечности можетъ быть разложена на составные элементы. Точно такъ же мы можемъ все глубже и тоньше постигать психологическій секретъ „перевоплощенія“, и все же передъ нами остается „неисчерпаемость явленія“, „экстенсивная и интенсивная безконечность“ (Риккертъ) міра искусства. И только въ этомъ смыслѣ мы можемъ согласиться съ поэтомъ, который говоритъ:

... божественныя тайны

Не думай разгадать по книгамъ, мудрецовъ“.

Мы и американцы.

(Два пріятія міра).

[3.01(47:73)]

Любопытное противопоставленіе русскаго вѣтанія въ метафизическихъ сферахъ и американскаго практическаго воздѣйствія на жизнь находимъ въ статьѣ *Ст. Вольскаго* „Два пріятія міра“ (№ 4 „Завѣтовъ“). Мы и американцы, оказывается, являемся антиподами не только въ географическомъ смыслѣ, но и психологическомъ.

Существуетъ двоякое отношеніе къ дѣйствительности: одни принимаютъ ее въ томъ видѣ, какъ она есть, и стремятся ее сохранить; другіе же, наоборотъ, не мирятся съ нею и задаются цѣлью измѣнить ее въ желательномъ для нихъ направленіи. Но русскій интеллигентъ, — говоритъ авторъ, — ищетъ иной постановки вопроса. Онъ недоволенъ ролью, которая уготована ему судьбой на планетѣ Землѣ. Разбираться въ вещахъ и явленіяхъ, измѣнять безконечно малыя доли дѣйствительности—это слишкомъ мелко, буднично и скучно. Человѣку подобаетъ не лопата каменщика, амавтія судьи. Прежде чѣмъ измѣнять окружающее, надо еще рѣшить вопросъ, стоитъ ли этимъ

заниматься. А для рѣшенія этого вопроса надо перенести проблему мірозданія изъ плоскости практической въ плоскость метафизическую. Не будемъ говорить о лохмотьяхъ, тюрьмахъ, городскомъ Мымрецовѣ, уложеніи о наказаніяхъ, дѣтской преступности и легіонахъ всяческихъ болѣзней. Замѣнимъ эти будничныя слова обшій, покрывающимъ ихъ, выраженіемъ — „всееленское зло“. Не къ чему упоминать и о той массѣ осязаемыхъ вещей, которую видятъ глазъ и слышитъ ухо. Назовемъ ее „великое все“. И, наконецъ, всѣ наши симпатіи и антипатіи, частичныя оцѣнки и частичныя отверженія замѣнимъ какимъ-нибудь единымъ терминомъ, въ родѣ „добро“, „любовь“, „Богъ“. Теперь мы взобрались, наконецъ, на должную высоту. Здѣсь есть гдѣ разгуляться Ивану Карамазову. Изъ года въ годъ ходилъ онъ вокругъ этихъ вѣчныхъ темъ, рѣшая вопросъ, нужно или нѣтъ „почтительнѣйше возвратитъ билетъ“, и въ экстазѣ, захваченные смѣлостью аргументовъ, слѣдятъ за его эволюціями тысячи и тысячи русскіихъ интеллигентовъ. Проза ушла прочь, исчезла. Россійская дѣйствительность, вспыснутая живой водой метафизики, превратилась въ поэму, въ благоуханный садъ, гдѣ раскрываютъ свои загадочныя вѣнички цвѣты эзотерическаго зла и эзотерическаго добра.

Вложить персты въ видимыя, осязаемыя язы мірозданія — значитъ обязать себя къ рѣшенію, къ дѣйствию, къ акту. Вотъ больной — его надо лѣчить. Вотъ голодный — надо бороться съ голодомъ. Вотъ заушенія безправныхъ, звѣринный хохотъ Молоха — значитъ, надо реагировать на нихъ словомъ, дѣломъ, кулакомъ. Но на вещи эзотерическія и реагировать можно только эзотерически. Если грязь и неустройство жизни есть порожденіе извѣчной бездны, — на какомъ планѣ и въ какихъ инстанціяхъ прикажете съ этой бездной бороться? Если социальная борьба есть проявленіе премірнаго хаоса — не смѣшно ли соваться въ нее съ проектами свободы, союзовъ, муниципальной реформы и всеобщаго избирательнаго права? Въ мірѣ абстракцій любовь и ненависть безпредметны и бѣдствія безсмысленны. И если человѣкъ презираетъ видимое и живое и не признаетъ ничего, кромѣ глубины отвлеченнаго великаго „все“, онъ — утопленникъ навѣки, и никакіе респираторы не возвратятъ его къ жизни.

Пріятіе или непріятіе міра это — прежде всего проблема *воли*. Русскій интеллигентъ сдѣлалъ изъ нея проблему *сознанія*, превратилъ ее въ нудную, нескончаемую метафизическую головоломку. Каковы бы ни были его

отвѣты, самая постановка вопроса такова, что они ни къ чему въ сущности не обязываютъ и въ окружающей дѣйствительности ничего измѣнить не могутъ. Литераторъ В. можетъ очень убѣдительно доказывать, что міръ въ сущности никуда не годится и заслуживаетъ лишь радикальнаго и безпощаднаго отрицанія; и тѣмъ не менѣе я отлично знаю, что когда В. выйдетъ изъ зала, онъ заботливо запахнеть шубу, укутается шарфомъ, чтобы не испортить голоса, и будетъ долго и упорно торговаться съ извозчикомъ. Отрицать міръ по мелочамъ вѣдь не стоитъ: отрицать надо все, т.-е. землю плюсъ — солнечная система, плюсъ — млечный путь, плюсъ все, находящееся за его предѣлами. Литераторъ В., который говоритъ о влюбленности въ космосъ и о томъ, что надо смотрѣть на міръ свѣтозарными очами Пушкина, мелочи жизни игнорируетъ съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и его пессимистическій коллега. Безпредметное отрицаніе и безпредметное утвержденіе; покорное „возвращеніе билета“, бунтъ, похожій на капитуляцію; литературный экстазъ и кисло-сладкое, мѣщанское житіе... О, роскошныя цвѣты родимой эзотерической нивы!

Достоевскій говорилъ когда-то о внутренней трагедіи людей, которые одновременно носятъ въ груди своей культъ Мадонны и культъ Содомы; такіе люди, однако, исключеніе, и потому, какъ бы ни были мучительны ихъ личныя переживанія, общественной опасности не представляютъ. Но люди, совмѣщающіе кругозоръ Спинозы съ житіемъ Афанасія Ивановича, далеко не исключенія. Ихъ много. Они не глухи. Время какъ будто безсильно противъ нихъ. Они окрасили 80-е и 90-е годы, здоровыми и невредимыми, какъ библейскіе отроки, прошли сквозь огненную печь революціи и тридцать лѣтъ спустя такъ же смѣло вопрошаютъ великое „все“ и такъ же небрежно, лѣниво, кое-какъ шествуютъ по узенькой тропинкѣ своихъ узенькихъ существованій. И шестнадцатилѣтніе юнцы идутъ за ними, какъ за учителями жизни, оставляютъ записки съ лаконическимъ „жизнь безсмысленна“ или вырастаютъ въ такихъ же дерзновенныхъ софистовъ и хлябыхъ обывателей, какъ ихъ старшее поколѣніе.

Подмѣнить волю, дѣйствіе — аргументомъ, это — одна изъ самыхъ злыхъ шутокъ, которыя можно сыграть надъ дѣйствительностью. Космосъ, примиреніе бездны языческой съ бездной христіанской, влюбленность въ міръ, преклоненіе передъ красотой звѣря и святостью аскета — какой взлетъ мысли, какая поэтичность терминовъ! Политическое безразличіе,

робкое удаленіе въ свою скорлупу, просительно-ласковая улыбка передъ квартальнымъ, то и дѣло пробѣгающія по спинѣ мурашки страха, согбенныя плечи, сѣрое лицо неврастеника,—какое убожество, какія истинно-тюремныя краски! И все это уживается бокъ о бокъ въ моей странѣ. „Что такое Россія?“—спрашивали меня американцы. Если бы не было стыдно, я отвѣтилъ бы имъ такъ: „Россія, мм. гг., это страна, гдѣ жизни говорятъ: „ты мерзкое, скучное, подлое существо!“—и подъ шумокъ, съ циничной улыбкой, вытягиваетъ изъ нея всѣ радости и наслажденія, которыя она можетъ дать. Это—страна, гдѣ жизни говорятъ: „ты прекрасная, вѣчно-юная, благая и свѣтлая богиня!“—и, не поморщившись, смотрятъ, какъ богиню тащутъ на канатѣ въ грязь и уродуютъ до неузнаваемости лицо ея. Это—страна, гдѣ умные люди шутятъ и, игры ради, самую скверную на землѣ дѣйствительность обряжаютъ въ одежды самой дерзновенной поэмы, а самую дерзновенную поэму превращаютъ въ самую страшную на землѣ дѣйствительность. И называютъ они это культурой“.

Но вотъ другая страна, другіе люди. Страна золота и примитивно-грубыхъ, жадныхъ дѣльцовъ... Вѣшено толкая другъ друга локтями, карабкаются они къ завѣтнымъ милліонамъ. Разсчитанъ каждый ударъ, пущенъ въ ходъ каждый нервъ, каждый мускулъ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣчаетъ капиталистическій Минотавръ такого полного подчиненія, такого до безстыдства откровеннаго обожанія. О разновидностяхъ мелкаго бѣса можно было бы написать здѣсь цѣлые томы. И тѣмъ не менѣе, каковы бы ни были недостатки этихъ людей, несомнѣнно одно: они хотятъ, борются, дѣйствуютъ. Они воспринимаютъ міръ *волей*. И тѣ, пока еще немногіе, которые хотятъ измѣнить эту психологію прилавка, отзываются на жизнь тоже *волей*, тоже актомъ. Они пріемлютъ міръ не какъ отвлеченное „все“, а какъ безконечно-пестрое многое. Ничто не должно быть упущено изъ вида, ибо только на живой дѣйствительности учится человѣкъ дѣйственной ненависти и дѣйственной любви. Для русскаго интеллигента жизнь это — уравненіе. Для американца—и интеллигентнаго, и неинтеллигентнаго — жизнь это — стихійный, безпорядочный, безконечно-интересный процессъ. Русскій интеллигентъ видитъ свою задачу въ опредѣленіи иксовъ и игрековъ. Американецъ не заботится ни о какомъ конечномъ рѣшеніи; ему важны отдѣльныя звенья процесса, которыя онъ можетъ измѣнить и передѣлать. Всѣ эти черты американскаго

„пріятія міра“ находятъ полное и яркое выраженіе въ американской литературѣ.

Русскій интеллигентъ говоритъ о вѣрности принципамъ. Американецъ, въ лицѣ знаменитѣйшаго своего поэта, Уота Уитмана, говоритъ о вѣрности вещамъ. Быть вѣрнымъ принципу—это значить повѣрить въ одну идею и подъ ея угломъ разсматривать все окружающее. Быть вѣрнымъ вещамъ—это значить слѣдить за разыгрывающимися на жизненной сценѣ фарсами, драмами и трагедіями и изъ наглядныхъ уроковъ ихъ строить свои выводы и обобщенія.

Реализмъ, практицизмъ, обоготвореніе воли являлись и являются отличительными чертами американскихъ писателей. Не литературная традиція, конечно, породила эти черты. Онѣ выросли, какъ результатъ всего строя американской жизни. Жестокая борьба за существованіе требуетъ отъ человѣка непрерывнаго напряженія, нескончаемыхъ усилій; ни на одну минуту не прекращается бѣшеный бѣгъ за долларомъ, и погибъ тотъ, кто задумался, остановился, упустилъ шансъ. Нельзя думать объ общихъ проблемахъ бытія, когда перебираешься черезъ пороги Ніагары: времени хватаетъ только на то, чтобы выбрать наиболѣе удобный камень и разсчитать прыжокъ. Въ большей или меньшей степени каждый американецъ занимается переходомъ черезъ пороги, и каждый американскій читатель разсуждаетъ приблизительно такъ: „Почему и отчего герой романа задумалъ столь рискованное предпріятіе — это его частное дѣло, въ которомъ онъ никому не обязанъ отдавать отчетъ. Но прыгаетъ онъ на виду у всѣхъ—и я хочу, чтобы для меня не пропало ни одно изъ его салтомортале“. Американскій писатель удовлетворяетъ эти читательскіе требованія—отчасти потому, что и для него самого видимая драма дѣйствій гораздо интереснѣе, чѣмъ невидимая драма мотивовъ и переживаній; отчасти же потому, что иначе его не стали бычитать.

Возьмите, напримѣръ, популярнаго теперь въ Россіи Джэка Лондона. Въ его романахъ вы почти не встрѣтите описаній душевныхъ состояній и внутренней борьбы. Борьба все время происходитъ на аренѣ, передъ зрителями,—въ снѣжныхъ пустыняхъ Аляски, въ лѣсахъ и дебряхъ Скалистыхъ горъ, въ водахъ Тихаго Океана, въ небоскребахъ Чикаго и Нью-Йорка. „Survival of the fittest“—переживанія приспособленнаго—вотъ въ сущности содержаніе всѣхъ романовъ Лондона. Упорная воля, штурмъ жизни, неспособность и недовѣріе къ обобщеніямъ,—таковъ Джэкъ Лондонъ, ибо такова Америка.

А вот другой писатель, пожалуй, еще больше характерный для Америки, чѣмъ Джэкъ Лондонъ,—Вортеръ, писавшій подъ псевдонимомъ О'Генри (онъ умеръ два года назадъ). Америка, въ лицѣ своихъ критиковъ, признала его Мопассаномъ Новаго Свѣта.

Какъ понимаетъ О'Генри задачи и цѣли разсказа, это — не столько изображеніе человѣческихъ типовъ, сколько описаніе человѣческихъ *дѣлъ*. Сколько килограммовъ энергіи заключается въ томъ или иномъ индивидуумѣ—вотъ масштабъ, которымъ опредѣляется удѣльный вѣсъ героя. Указаніе этого масштаба и служить введеніемъ къ повѣсти, поясняющимъ, чего можно ожидать отъ дѣйствующихъ въ ней лицъ. Разсказъ это — кинематографъ слова, и открывается онъ бравурными звуками фанфары, то интригующими, то шутовски-веселыми, то комически-воинственными, какъ походный кличъ апашей на цирковыхъ подмосткахъ, но всегда громкими, всегда рѣзкими, всегда бьющими по нервамъ. Вой быковъ былъ бы неполонъ, мало того, почти немислимъ безъ фанфары, предупреждающей зрителей, что сейчасъ засверкаетъ чья-то шпага и прольется чья-то кровь. И такого же точно вступленія требуетъ повѣсть объ американской жизни, гдѣ люди—вѣчные гладиаторы, и дѣйствительность—вѣчная схватка.

У героевъ О'Генри нѣтъ никакихъ „общихъ точекъ зрѣнія“,—все вопросы разрѣшаются отъ случая къ случаю, въ зависимости отъ обстоятельствъ. А потому естественно, что никакихъ сложныхъ и мучительныхъ душевныхъ процессовъ у нихъ не происходитъ.

Вы открываете поистинѣ совсѣмъ новый міръ, гдѣ воля, мысль и чувство сочетаются въ комбинаціяхъ либо неизвѣстныхъ, либо непріемлемыхъ для старой Европы. На стилѣ, на языкѣ, на страстяхъ, на жестахъ—на всемъ наложена свою печать воля Америки и раздольно-хищный хаосъ ея жизненныхъ отношеній дѣйствительности. Міръ, какъ понятіе, какъ проблема познанія — ничто. Міръ, какъ актъ, какъ жестъ—это все. Таково то пріятіе міра, которое по ту сторону океана обязательно для человѣка, къ какому бы лагерю, профессіи, расѣ онъ ни принадлежалъ.

Мнѣ, конечно, не приходится въ голову разсматривать Америку, какъ идеальное человѣческаго общества. Это—страна о двухъ измѣреніяхъ, гдѣ длина и ширина громадны, но глубина отсутствуетъ, гдѣ, выражаясь словами Уайльда, „знаютъ цѣну каждой вещи, но не знаютъ цѣнности ни одной“. Конкуренція, долларъ привели къ одному знаменателю все человѣческія цѣли, все человѣческія пережи-

ванія, устранили изъ жизни кровное, неотрывное, непокупное. Человѣкъ почти упрощенъ до машины, машина почти усложнена до человѣка (Узкая полоска, еще раздѣляющая ихъ, съ каждымъ днемъ становится все уже и уже, и кажется иногда, что недалекъ тотъ день, когда Америка станетъ воистину царствомъ мертвыхъ душъ и одушевленныхъ вещей). Эмоціи становятся безконечно простыми, техника безконечно сложной; но психикѣ человѣкъ все ближе подходитъ къ праотцу-шимпанзе, по могуществу все больше уподобляется богу. Если бы можно было думать, что историческій процессъ и дальше пойдетъ въ этомъ направленіи, и что увѣнчаніемъ исторіи будетъ рожденный на американскомъ континентѣ шимпанзе-демиургъ, вопросъ о цѣнности подобной культуры пришлось бы разрѣшить въ отрицательномъ смыслѣ. Но для тѣхъ, кто не вѣритъ въ вѣчность капиталистическаго строя, вопросъ становится на иную плоскость. Рано или поздно,—и скорѣе рано, чѣмъ поздно,—армія Моргановъ, Ротшильдовъ и Менделсоновъ уйдетъ со сцены; на мѣсто явятся новые люди, которымъ придется основательнѣйшимъ образомъ перекроить міръ. А для этого надо будетъ использовать опытъ, силу и энергію, накопленную предыдущими поколѣніями, пустить въ ходъ закаленную въ жизненныхъ схваткахъ волю. И этой воли они не найдутъ въ станѣ русской интеллигенціи, которая обо всемъ можетъ разсуждать, но ничего не въ состояніи упорно, упрямо, прямолинейно хотѣть. А въ грубой, примитивной, звѣриной Америкѣ они найдутъ ея цѣлыя горы.

Почему застоялась наша духовная жизнь?

[3.01(47)].

Упадокъ идейности въ нашемъ обществѣ сдѣлался настолько замѣтнымъ, что этотъ вопросъ разбираютъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и А. Пышехоновъ, и Д. Мережковский, П. Струве.

„Окиньте взоромъ всю печать,—пишетъ въ январской книжкѣ „Русскаго Богатства“ А. Пышехоновъ,—признаковъ идейнаго оживленія вы въ ней не найдете...

Нѣтъ въ ней полемики, которая захватывала бы не только писателя, но и читателя, нѣтъ въ ней „порыва и вдохновенія“. А въ то же время печать выполняетъ — и это всѣмъ ясно — громадную работу, во много разъ пре-

восходящую своими размѣрами ту, которую она выполняла до революціи. Стало быть, мы находимъ здѣсь то же, что и въ земствѣ: работа идетъ, а идейнаго творчества не видно. Какъ будто родникъ живой мысли изсякъ, и печать отнынѣ должна довольствоваться старыми, давно всѣмъ извѣстными и никого уже не вдохновляющими идеями.

Этотъ упадокъ идейности характеренъ, въ сущности, для всей русской интеллигенціи. Взять хотя бы молодежь... Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, она вдохновляется? Недавно она увлекалась половой проблемой, теперь сбѣгается смотрѣть на дикія выходки футуристовъ. Но это вѣдь забава, вродѣ „танго“, которымъ угощали земцевъ, чтобы какъ-нибудь убить время, а не идейное воодушевленіе. Посмотрите, съ другой стороны, на „облысѣлое, посѣдѣлое, отолстѣлое и одряхлѣлое старичье“, которое, можно сказать, одно только и являлось въ послѣдніе годы на общественныхъ заведеніяхъ. Нехотя соберутся въ небольшомъ числѣ и сидятъ, какъ мухи осенью, — какое ужъ тутъ вдохновеніе!.. А вѣдь работа все время шла и идетъ, — все, что требуется профессиональнымъ долгомъ, русская интеллигенція выполняла и выполняетъ; молодежь учится, врачи лечатъ, инженеры строятъ... Вотъ только съ общественнымъ долгомъ у интеллигенціи получилась заминка. И эта заминка теперь особенно рѣзко бросается въ глаза. Массы уже пришли въ движеніе, а интеллигенція продолжаетъ пребывать въ бездѣятельномъ состояніи. Жизнь на этотъ разъ какъ бы опередила мысль въ ея порывѣ къ лучшему будущему.

Можно думать, что способность движенія уже вернулась и къ интеллигенціи. Усталость послѣ бурныхъ годовъ, видимо, прошла или проходитъ; раны зажили или подживаютъ. Почти всѣ сознаютъ, что пора браться за дѣло; есть и готовность за него взяться. Многие сами его ищутъ, другіе охотно откликаются на призывъ. Есть уже и склонность къ сплоченію, къ организаціи. Собранія становятся все оживленнѣе, съезды прямо поражаютъ своимъ многолюдствомъ. И все-таки чего-то не хватаетъ.

Соберутся люди, — и сразу же дѣлается ясно, что это „безсвязная толпа“, а не сплоченныя группы, воодушевленные одной идеей, охваченныя однимъ порывомъ. Безъ особаго воодушевленія повторяются старыя формулы, и не чувствуется свѣжей, способной зажечь и увлечь, мысли. Нѣтъ и того, чтобы эта мысль пробивалась, стремилась овладѣть собравшимися. Нѣтъ того столкновенія мнѣній, отъ

котораго вспыхиваютъ искры вдохновенія; нѣтъ той идейной борьбы, которая воодушевляла бы обѣ стороны... Способность движенія вернулась, а идейная вялость все не проходитъ. Очевидно, дѣло не въ усталости; причины, какъ мнѣ кажется, лежатъ совсѣмъ въ другой плоскости“.

А. Пѣшехоновъ видитъ причину идейнаго застоя въ истощенности темъ, подлежащихъ видренію въ самосознаніе общества.

„Право и законность, вольности и гарантіи, всеобщее избирательное право, отвѣтственность министровъ и т. д. и т. д. — всѣ эти проблемы, которыя стоятъ передъ страной и безъ разрѣшенія которыхъ нѣтъ возможности идти впередъ, проблемы, надъ которыми нѣсколько лѣтъ тому назадъ усердно работали мысль и слово, работали, воспаляясь и воспаляясь, потому что приходилось преодолевать препятствія, — теперь уже не вызываютъ и не могутъ вызвать идейнаго возбужденія. Въ извѣстныхъ предѣлахъ мысль прошла уже весь путь въ этихъ направленіяхъ, слово выполнило всю работу, и очередь осталась за дѣйствіемъ, которое было прервано, потому что не хватило силъ.“

Это не значитъ, конечно, что въ кругѣ названныхъ проблемъ всѣ возможные вопросы уже разрѣшены. Несомнѣнно, надъ многими еще придется подумать и немало еще передъ мыслью встанетъ затрудненій, которыя она должна будетъ преодолѣть и которыя способны будутъ опять ее воспламенить. Но все это лежитъ за извѣстными предѣлами и встанетъ передъ мыслью въ качествѣ жизненныхъ задачъ, когда мы хотя нѣсколько подойдемъ къ нимъ.

Точно такъ же нельзя сказать, что вся работа, какая предстоитъ въ кругѣ тѣхъ же проблемъ слову, уже выполнена, что всѣ уже согласны, какъ эти проблемы должны быть разрѣшены. Нѣтъ! имѣются инако мыслящіе и еще больше такихъ, которые объ этихъ проблемахъ не мыслили. Но мыслящіе по-разному все-больше и больше обособляются въ два лагеря, отдѣленные другъ отъ друга какъ бы широкимъ ровомъ или глухой стѣной. Въ каждомъ изъ нихъ выработался уже свой языкъ, установились свои понятія. Слово почти уже не доходитъ изъ одного лагеря въ другой, идейная борьба при такихъ условіяхъ немыслима. Трудно сказать съ увѣренностью, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ лагерей возможность убѣжденія окончательно уже истощена и остается лишь возможность дѣйствія.

„Не-мыслившіе“, не опредѣлившіе еще своего отношенія къ основнымъ проблемамъ рус-

ской жизни, находятся вѣ этихъ лагерей. Постепенно они, вѣроятно, присоединятся къ тому или другому изъ нихъ. Возможно, что тамъ, на периферіи идетъ и идейная борьба, хотя при данныхъ условіяхъ она не можетъ быть особенно оживленной: вопросъ, куда идти, къ какому лагерю присоединиться, чаще вѣроятно рѣшается тамъ не столько подъ влияніемъ работы мысли, сколько подъ давленіемъ фактовъ жизни. Во всякомъ случаѣ, эта борьба, какъ идущая на периферіи, не можетъ привести въ идейное возбужденіе все общество.

Для этого идейная борьба должна начаться внутри послѣдняго, внутри самой интеллигенціи. Припомните роль, какую сыграла такая борьба въ пережитомъ странною подъемѣ, — хотя бы роль, какую сыграла борьба марксизма и народничества. Началась она въ маленькихъ кружкахъ и, постепенно разгораясь и захватывая все болѣе широкіе круги, сплотила интеллигенцію въ значительныя группы и двинула ее въ рабочія и крестьянскія массы, уже начавшія приходить въ движеніе подъ давленіемъ жизни. Въ дальнѣйшемъ эта борьба двухъ теченій русской общественной мысли ослабилась другими и, слившись съ борьбою классовыхъ интересовъ, привела въ возбужденное состояніе чуть не всю страну, чуть, не весь народъ. Въ этомъ процессѣ происходила не только общественная дифференціація, но и интеграція, противопоставившая въ концѣ концовъ всю народную Россію — официальной, трудовую — помѣщичьей и капиталистической.

Программныя разногласія, обозначившіяся тогда въ средѣ русской интеллигенціи, въ значительной своей части сохранились и до сихъ поръ. Но они мало теперь вызываютъ споры и совсѣмъ почти не вносятъ идейнаго возбужденія въ общественную среду. Нѣкоторые склонны радоваться этому ослабленію идейной борьбы („партиіной вражды“ — тоже), совсѣмъ упуская изъ виду, что она не только раздѣляетъ людей, но и объединяетъ ихъ, не столько задерживаетъ, сколько двигаетъ, и въ конечномъ счетѣ не ослабляетъ, а усиливаетъ... Почему программныя разногласія теперь мало вызываютъ споры, это послѣ сказаннаго, я думаю, понятно: мысль въ сущности выполнила всю работу, связанную съ этими разногласіями, и использовала всѣ матеріалы, имѣвшіеся для ихъ выясненія. Повторять зады немного находится охотниковъ, и еще меньше — кого можетъ воодушевить такая работа. Нужны новыя матеріалы, — и тогда явится возможность новой провѣрки программныхъ разногласій; нужно движеніе впередъ — и тогда

явится потребность въ дальнѣйшей разработкѣ программныхъ заданій.

То же нужно сказать не только о программныхъ заданіяхъ, но и о возможностяхъ ихъ осуществленія. Вопросы этого порядка, — и большіе, такъ сказать, о путяхъ, которыми предстоитъ идти (напримѣръ, о роли личности въ исторіи, о борьбѣ классовъ въ социальной жизни и т. п.), и малые — о шагахъ, которые нужно было въ тотъ или иной моментъ сдѣлать (напримѣръ, идти ли въ Думу или не идти) — требовали въ свое время усиленной работы мысли и вызывали ожесточенные споры. Теперь — всѣ намѣчавшіеся пути обсуждены, всѣ предстоявшіе шаги сдѣланы, всѣ имѣвшіеся возможности, можно сказать, испробованы. И приходится ждать, пока откроются новыя...

Такимъ образомъ, новое оживленіе въ сферѣ мысли зависитъ въ сущности отъ жизни, — отъ тѣхъ матеріаловъ, какіе она дастъ, отъ тѣхъ перспективъ, какія откроетъ, отъ тѣхъ возможностей, какія предоставитъ. И жизнь, несомнѣнно, все это уже готовить.

Потрясенная до самой глубины великими событіями, она всѣ эти годы, можно сказать, была полна движенія. Уловить это движеніе и тѣмъ болѣе учесть его результаты до самаго послѣдняго времени было трудно, прямо невозможно, такъ какъ оно происходило, главнымъ образомъ, въ молекулярной формѣ. Перемѣщались мельчайшія частички, въ цѣломъ же — происходилъ „сдвигъ“, какъ его опредѣляютъ, сдвигъ чуть не всей жизни. Куда — это трудно еще опредѣлить и объ этомъ еще много придется спорить. Несомнѣнно одно, что въ результатѣ перемѣщенія частичекъ уже обозначились новыя скопленія ихъ въ разныхъ направленіяхъ, уже начали намѣчаться новыя пути, новыя перспективы, новыя возможности. Мысли предстоитъ громадная работа, чтобы разобраться во всемъ этомъ. Передъ нею уже не ровная поверхность, не изслѣдованная до конца мѣстность; много ей препятствій предстоитъ преодолѣть, и неизбежно при этомъ воспламениться придется. Во всякомъ случаѣ, не трудно предвидѣть новое большое оживленіе въ сферѣ общественной мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ новыя порывы и вдохновеніе въ общественной жизни“.

По мнѣнію автора, теперь настала эпоха претворенія идей въ жизнь. И самая жизнь въ процессѣ идейной борьбы вызоветъ сдвигъ общественной мысли съ той мертвой точки, на которую она сейчасъ попала.

Иначе смотреть на тотъ же вопросъ *Д. Мережковский*. Въ фельетонахъ „Тайна Тютчева“

(„Русское Слово“, № 43) онъ указываетъ на „безобщественность, духовную разобщенность нашего времени, и родоначальникомъ этого антиобщественнаго направленія считаетъ Тютчева:

„Русская поэзія больна, потому что больна Россія. Больна, заражена, отравлена. Чистѣйшій кристаллъ этого яда или чистѣйшая культура этой бациллы — въ Тютчевѣ. И никто не знаетъ о немъ, какъ зараженные не знаютъ о первомъ больномъ.

Это — зараза наслѣдственная, отъ отцовъ къ дѣтямъ: съ молокомъ матери мы всасываемъ въ себя Тютчева, но не помнимъ его, какъ взрослые не помнятъ вкуса молока матернаго.

Трудно больному судить о болѣзни. Такъ трудно намъ судить о Тютчевѣ, быть къ нему справедливымъ. А, можетъ быть, и не слѣдуетъ. Быть справедливымъ, только справедливымъ, — значить быть неподвижнымъ. Двигаться — нарушать равновѣсіе, нарушать справедливость. Будемъ же не только справедливы къ Тютчеву, будемъ любить и ненавидѣть его до конца, иначе не поймемъ, а понять его намъ нужно: понять его — значить выздоровѣть.

Лучше всѣхъ врачей больной знаетъ боль свою, потому что знаетъ ее изнутри. Такъ мы знаемъ Тютчева лучше всѣхъ критиковъ. Мы уже не ошибемся, какъ Вл. Соловьевъ: не примемъ за поваренную соль кристаллы ціанистаго кали.

Вотъ вчерашній русскій интеллигентъ-общественникъ, эсъ-декъ или эсъ-эръ, говорившій на революціонныхъ митингахъ 1905 года, сегодня разочаровался, уединился и замолчалъ, захотѣлъ „быть, какъ солнце“, по Бальмонту, „полюбилъ себя, какъ Бога“, по З. Гиппиусъ. Это смѣшно и грустно, можетъ быть, даже страшно. Но это такъ: самоубійство и самоубійственное одиночество сейчасъ въ Россіи — такое же „бытовое явленіе“, какъ смертная казнь. Кто же это сдѣлалъ? Русскіе декаденты — Сологубъ, Вальмонтъ, Влокъ, Брюсовъ, Вѣдлый, З. Гиппиусъ? Да, они. Но черезъ нихъ — Тютчевъ.

А самоубійцы такъ и не знаютъ, что ціанистый кали, которымъ они отравляются, есть молчаніе, „silentium“:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй...

Его болѣзнь — наша: индивидуализмъ, одиночество, безобщественность“.

Д. Мережковскому и А. Пѣшехову горячо возражаетъ въ мартовской книжкѣ „Русской Мысли“ *Петръ Струве*:

„До сихъ поръ у насъ въ Россіи любятъ распространяться о прелести цѣльнаго міросозерцанія. Но при этомъ забываютъ или хотятъ заставить насъ забыть, что всякое міросозерцаніе цѣльно въ живомъ лицѣ и всякое кусочно на страницахъ бумаги. Цѣльна можетъ быть лишь вѣра, а не міросозерцаніе, или міросозерцаніе, лишь поскольку оно есть вѣра.

Самое высшее явленіе духовной культуры, христіанство — поскольку оно дѣйствительно цѣльно, не будучи абсолютно индивидуальнымъ — есть не просто міросозерцаніе, а живая личная вѣра въ живую личность. Церковь (всякая) держится именно такой вѣрой. Все остальное, догматы и обряды, обрастаетъ эту живую, личную въ двоякомъ смыслѣ вѣру, изъ нея извлекая жизненные соки.

Тѣ мыслители и тѣ идеологи, которые властвовали надъ умами въ прежнее „богатырское“ время русской мысли, — кстати къ „богатырской“ эпохѣ теперь, повидимому, относятся уже и марксизмъ за первое десятилѣтіе его жизни, — властвовали лишь въ мѣру иллюзіи, что дѣйственная сила „міросозерцанія“ опредѣляется объективной логической связью его частей, а не субъективнымъ ихъ сдѣпленіемъ для вѣрующаго. Эта чисто младенческая увѣренность теперь навсегда стала невозможна именно для мыслящихъ элементовъ общества. Поэтому мыслящіе и въ особенности критически мыслящіе личности — я употребляю эти выраженія не какъ „клише“, а потому и безъ всякой ироніи — теперь не могутъ быть уловлены ни въ какія направленія, предлагающія „цѣльные міросозерцанія“.

Цѣльное міросозерцаніе — это я самъ, и ни откуда оно мнѣ не можетъ быть доставлено. На первый взглядъ это кажется провозглашеніемъ крайняго духовнаго анархизма. Но признаніе того, что „міросозерцаніе“ можетъ покоиться лишь на субъективномъ и индивидуальномъ сдѣпленіи, есть лишь признаніе самочинности или свободы каждаго индивидуальнаго духа. „Направленія“ стремятся истину, красоту и добро привести въ разъ установленный порядокъ, рассадить ихъ по мѣстамъ, заранѣе назначеннымъ. Это хорошо въ философской системѣ, но дѣло въ томъ, что живая личность можетъ жить только въ своей философской системѣ или, что то же, своею философскою системой.

Наши общественныя направленія (народничество, марксизмъ) разрушились, какъ цѣльный міросозерцаніе, въ процессъ роста здороваго духовнаго индивидуализма. И я думаю, къ былому господству такихъ міросозерцаній нѣтъ никакихъ новыхъ путей.

Эпоха общественных направлений, какъ міросозерцаній, какъ религій, отошла въ область исторіи. Теперь эти направленія — идейныя окаменѣлости, которыя никакими замѣстствованіями извнѣ не могутъ быть превращены въ живые организмы.

Какъ же можетъ быть влита жизнь и внесено движеніе въ застоявшуюся духовную жизнь? И почему духовная жизнь застоялась?

Она застоялась именно потому, что то, что было прежде естественной иллюзіей, хранился и пестуется теперь сознательно какъ спасительное ученіе. То, что было прежде увлеченіемъ и порывомъ, стало теперь уставомъ и благонамѣренностью.

Я думаю даже, что мысль нашихъ руководящихъ въ идейной жизни элементовъ, какъ она представлена въ передовой печати, въ особенности въ толстыхъ журналахъ, не только застоялась, но и прямо отстала. Въ русской культурѣ произошла огромная перемѣна: плоскости идей (мысли) и фактовъ (дѣйствій) разошлись и въ извѣстномъ смыслѣ разошлись навсегда. Наши мудрецы просмотрѣли и до сихъ поръ игнорируютъ этотъ величайшій внутренній переворотъ, обозначающій подъемъ русской культуры на высшую ступень. Между тѣмъ только съ открытаго признанія этого великаго переворота можетъ начаться, или вѣрнѣе, должно теперь каждый разъ начинаться всякое дѣйствительное культурно-идейное творчество.

Русская идейная жизнь отстала, застоялась, прямо страдаетъ отъ того, что фактически въ ней, въ смыслѣ вліянія, господствуютъ элементы, которые не понимаютъ того, что можно назвать самозаконностью мысли. Мысли въ русскомъ культурномъ обиходѣ, которымъ управляютъ эти элементы, попрежнему расцѣпываются по ихъ общественной полезности или, что то же, по ихъ общественной „направленности“ или даже прямо въ связи съ общественно-политической фізіономіей автора.

...Наши „направленія“ сѣли на мель, потому что они мелко плаваютъ и боятся глубокихъ водъ, потому что у всякой мысли они разными способами разыскиваютъ ея общественную окраску и по ней произносятъ свой судъ.

Въ частности, это приѣмъ грубо невѣрный и, да позволено будетъ такъ выразиться, медкотравчатый даже и по отношенію къ воззрѣніямъ такъ называемымъ общественнымъ. Сколько цѣнныхъ мыслей были просмотрѣны и на многіе годы оставались неиспользованными изъ-за того, что онѣ расцѣпывались именно этимъ жалкимъ способомъ, не „по существу“,

а по своимъ общественно-психологическимъ придаткамъ.

Г. Пѣшеховъ, констатируя застой мысли, говоритъ о томъ, что „въ идейное возбужденіе“, „все общество“ можетъ быть приведено лишь „идейной борьбой... внутри самой интеллигенціи, и напоминаетъ о той роли, которую „сыграла... въ пережитомъ странномъ подъемѣ... борьба марксизма и народничества“, начавшаяся въ маленькихъ кружкахъ.

Я это время помню, и на историческомъ разстояніи, теперь уже двадцатилѣтнемъ, для меня еще явственнѣе, чѣмъ прежде, выступаетъ одна характерная черта, наложившая свой отпечатокъ на весь этотъ споръ. Въ немъ были поставлены не только практическія, но и огромной важности теоретическія проблемы. И почти все время и та и другая сторона швырялась въ противника обвиненіемъ въ... реакціонности. Самый публицистическій характеръ спора и распадѣніе на два лагеря опредѣлились въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что господствующее народническое направленіе, по своей „направленности“, просмотрѣвъ неудобную и неудобную ей работу мысли, какъ таковую, сразу оцѣнило на нее, какъ на „вредное направленіе“. Существо дѣла, на примѣръ, рѣшеніе вопроса: развивается, можетъ ли развиваться въ Россіи капитализмъ? — отъ этого не только не выигрывало, но даже временами куда-то изъ поля зрѣнія исчезало. А почему? Потому, что въ работу мысли привносились критеріи, которые этой работѣ должны были бы оставаться чуждыми.

По существу то же самое повторилось въ исторіи съ „Вѣхами“. Полемическая литература противъ „Вѣхъ“, по заслугамъ не имѣвшая ни малѣйшаго успѣха, вся была построена на томъ же приѣмѣ (или принципѣ) предъявленія публицистическаго отвода противъ работы мысли.

Самозаконность мысли и ея работы — вотъ за что необходимо бороться еще внутри самого общества (интеллигенціи, назовите, какъ угодно). Этотъ великій культурный принципъ еще не утверждаетъ въ сознаніи даже большинства образованныхъ русскихъ людей.

Въ этомъ отношеніи мысли, нахожденію истины приходится гораздо хуже, чѣмъ искусству, творчеству красоты. Искусство для русскаго сознанія уже освободилось отъ подчиненія утилитарнымъ критеріямъ, тому, что Вячеславъ Ивановъ недавно назвалъ „ересью общественнаго утилитаризма“. Этотъ общественный утилитаризмъ въ отношеніи красоты — несмотря на то, что онъ тоже принадлежитъ къ завѣтамъ, — изжитъ и преодоленъ даже

значительной и вліятельной частью нашего радикализма. Но мысль и истина продолжают находиться подъ игомъ утилитаризма.

...Къ чему приводить отказъ отъ самозаконности мысли, доказываетъ примѣръ Мережковского и всего идущаго отъ него и съ нимъ религіозно-философскаго движенія. Превосходно о Мережковскомъ говоритъ Вячеславъ Ивановъ: „Димитрій Мережковский, одинъ изъ бывшихъ символистовъ, оглашаетъ воздухъ призывами къ разрушенію красоты вообще, искусства въ частности и символическаго искусства частиѣйшимъ образомъ. Конечно, онъ говоритъ это не серьезно. Слишкомъ это искусившійся человѣкъ, чтобы я не чувствовалъ въ его словахъ безсознательнаго притворства. Онъ не можетъ серьезно вѣрить, что Тютчевщина и обломовщина — одно и то же, что отъ Тютчева пошла самоубійства. Все это онъ при помощи своихъ демагогическихъ приѣмовъ распространяетъ по Россіи. Я говорю съ нѣкоторымъ негодованіемъ, потому что самое существо дѣла возбуждаетъ негодованіе. Я готовъ подчеркнуть и положительныя стороны этого явленія и помочь вамъ понять это патологическое состояніе Мережковского, патологическое и только патологическое, потому что общественность при нашихъ теперешнихъ понятіяхъ никоимъ образомъ не встрѣнуга вопросомъ, что Тютчевъ — великій поэтъ или нѣтъ“. Но Мережковский возвращается къ общественному утилитаризму не только какъ цѣнитель искусства и пожинаетъ лавры не только гимназическомъ превознесеніемъ Некрасова надъ Тютчевымъ.

Что такое то религіозное народничество, которое проповѣдуютъ Мережковский и его друзья, какъ не противоестественное соединеніе мистическаго христіанства съ политическимъ радикализмомъ и социализмомъ? Какъ въ свое время, вѣруя въ христіанство въ формѣ православія, Мережковский соединялъ дорогое ему тогда и вѣчное по его идеѣ православіе съ весьма брэнной политической формой, крушеніе которой произошло черезъ нѣсколько лѣтъ, — такъ теперь онъ какое-то новое, свое собственное христіанство, вѣроятно, считаемое имъ за вѣчную истину, объявляетъ неразрывно связаннымъ съ какими то, болѣе или менѣе брэнными, формами не то мірового, не то спеціально русскаго социализма и съ тѣмъ питаемымъ нашей реакціей оппозиціоннымъ духомъ, который разлитъ по всей Россіи.

Здѣсь есть своеобразное *sacrificium intellectus*, т.-е. сознательное умаленіе умственности, но не святая простота, а простачество изъ лукавства.

Съ одной стороны, религіозный максимализмъ, вѣра въ воскресеніе, словомъ, все главное содержаніе христіанской мистики и теологіи, а съ другой стороны, уловленіе въ качества союзниковъ-элементовъ, глубоко равнодушныхъ и даже враждебныхъ всякой религіи и религіозности. Разные, подчасъ весьма почтенные люди, пишущіе о русской общестственности, смотрятъ на Мережковского и его друзей, какъ гоголевскій Осипъ на знаменитую веревочку:

„подавай все! Все пойдетъ впрокъ“. Что тамъ? В-ревоочка? Давай и веревочку — и веревочка въ дорогѣ пригодится: тѣжка обломается или что другое подвязать можно“.

Въ дѣлѣ борьбы съ реакціей пригодится и такая веревочка, какъ религіозное народничество Мережковского. Мережковский же всячески приспособляетъ религію и религіозныя проблемы къ аудиторіи, которой нѣтъ никакого дѣла до религіи и которая интересуется исключительно „общественной“ стороной дѣла.

Если Осипы русской общественности могутъ быть съ извѣстной точки зрѣнія оправданы въ ихъ стремленіи всякую веревочку употребить въ дѣло, то для Мережковского, какъ религіознаго философа, такой утилитаризмъ совершенно непростителенъ, вѣрнѣе, онъ подвергаетъ сомнѣнію религіозную глубину и даже религіозную подлинность всей его пропаганды. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ такое смѣшеніе плановъ и идей, въ которомъ религіозный максимализмъ превращается въ оппортунизмъ, приобрѣтающій характеръ смѣшной и пошловатый.

Когда Мережковский и его друзья въ союзѣ съ В. Я. Богучарскимъ и М. И. Туганъ-Барановскимъ выступаютъ какъ отрядъ воинствующей церкви религіозно-настроеннаго радикализма, это и грустно и смѣшно. Тутъ есть не то обидная недодуманность, не то претящее лукавство.

Въ основѣ всего этого лежитъ все тотъ же утилитаризмъ, который мысль запрягаетъ въ ярмо общественной полезности. Это продѣлывается надъ религіей въ XX вѣкѣ, когда человечество, поскольку оно дѣйствительно томится по религіи, съ такой болѣзненной ясностью должно ощущать, какъ трудна, прѣмоя проблема религіозной реформы и какъ разныя общественныя полезности несоизмѣрими съ проблемой такой реформы!

...Мережковский и его друзья съ какой-то странной хлопотливостью красятъ религію и, въ частности, христіанство въ красный цвѣтъ и на социализмъ надевать религіозный лѣкъ. Это въ высшей степени несерьезно и прямо недомысленно. Положеніе религіи слишкомъ

трагично для того, чтобы предаваться таким операциям“.

Застой общественной мысли, по мнѣнію П. Струве, кончится лишь тогда, когда она „освободится отъ огромнаго тянущаго ее внизъ груза или балласта общественнаго утилитаризма“.

„Подлинное движеніе въ нашей умственной жизни начнется тогда, — пишетъ онъ, — когда самозаконность мысли, ея принципиальная независимость отъ общественно-утилитарныхъ критеріевъ окончательно проникаетъ въ сознание. Это, въ сущности, дѣло внутренняго идейнаго воспитанія. Но въ извѣстной мѣрѣ, конечно, этотъ важный шагъ въ развитіи общественнаго сознания, будетъ зависеть отъ успѣховъ нашей *политической* жизни. Утвержденіе въ странѣ извѣстнаго политическаго минимума есть важное условіе освобожденія русской мысли отъ внутреннихъ путъ, ее сковывающихъ“.

Питаніе съ точки зрѣнія энергетики.

[612.752(01)]

Съ теоріями, предлагающими бороться съ различнаго рода болѣзнями правильной и рациональной постановкой питанія, читатели „Бюллетеней“ въ общихъ чертахъ уже знакомы¹⁾. Д-ръ Бирхеръ-Беннеръ, книга котораго — „Основы леченія питаніемъ“ — недавно появилась въ русскомъ переводѣ, даетъ широко и подробно обоснованную теорію этого леченія.

„Нельзя разсматривать питаніе, — говорятъ онъ, — исключительно, какъ вопросъ объѣда веществъ, и для выясненія его недостаточно одного химическаго изслѣдованія. Ради чего организмъ днемъ и ночью воспринимаетъ кислородъ? Почему онъ съ каждымъ дыханіемъ выделяетъ углекислоту? Что происходитъ съ тѣми пищевыми массами, которыя не увеличиваютъ вѣса тѣла, а слѣдовательно не годны для построения организма? Какимъ образомъ питаніе повышаетъ температуру тѣла и составляетъ мускульную силу? Множество подобныхъ вопросовъ остается еще необъясненными.

Всякое явленіе жизни есть дѣйствіе силъ, или точнѣе — дѣйствіе энергіи. Въ живомъ организмѣ происходитъ постоянный обменъ энергіи, поэтому и *питаніе является также вопросомъ обмена энергіи, или вопросомъ энергетики, т.-е. науки объ энергіи*“.

¹⁾ См. „Бюллетени“ № 16 за 1911/2 г. ст. „Реформаторы питанія“ и „Голодь, какъ факторъ здоровья“ и № 12 за тек. годъ.

Въ вопросахъ питанія изъ всѣхъ видовъ энергіи наиболѣе важное значеніе имѣетъ химическая энергія. Этотъ видъ энергіи „проявляется въ сродствѣ элементовъ, въ ихъ стремленіи соединяться для образованія новыхъ веществъ. При этомъ, если новое соединеніе обладаетъ большей энергіей, чѣмъ энергія, отвѣчающая суммѣ его составныхъ частей, то при своемъ образованіи оно поглощаетъ еще третій видъ энергіи, напр., свѣтъ. Если же новое соединеніе обладаетъ энергіей, то при его возникновеніи, наоборотъ, освобождается энергія и образуется, напримѣръ, теплота. Такъ, при сгораніи угля кислородъ съ углеродомъ образуютъ углекислый газъ. Въ углекисломъ газѣ энергіи меньше, чѣмъ въ кислородѣ и въ углеродѣ въ ихъ свободномъ видѣ. Поэтому, при соединеніи этихъ элементовъ освобождается значительное количество энергіи, превращающееся при горѣніи въ теплоту. Для того, чтобы вновь разложить углекислый газъ на кислородъ и углеродъ, нужно затратить количество энергіи, равное освобожденному при соединеніи этихъ элементовъ.

Кромѣ углерода, многіе другіе элементы соединяются съ кислородомъ, выделяя энергію, такъ, напримѣръ, водородъ при образованіи воды. Обратно, при разложеніи кислородныхъ соединеній, т.-е., при редукиці, или возстановленіи, энергія будетъ поглощаться. Этотъ видъ поглощенной химической энергіи называется редукиціонной энергіей (энергіей возстановленія). Она освобождается и можетъ быть опять использована, какъ только данному элементу вновь удастся соединиться съ кислородомъ. Энергіей возстановленія опредѣляется сумма живой силы всѣхъ жизненныхъ процессовъ, ибо скрытая энергія пищевыхъ веществъ стоитъ въ тѣсной зависимости отъ химическаго сродства водородныхъ и углеродныхъ соединеній съ кислородомъ.

...Большія количества солнечной энергіи поглощаются именно въ видѣ энергіи возстановленія. Въ жизненномъ процессѣ животныхъ вдыхаемый ими кислородъ вновь соединяется съ углеродомъ и водородомъ пищевыхъ веществъ, образуя углекислый газъ и воду. Энергія возстановленія освобождается и поддерживаетъ механизмъ жизни.

Этотъ процессъ прекрасно переданъ въ діалогъ между учителемъ и ученикомъ школы химіи профессора W. Ostwald'a.

Ученикъ. Гдѣ лежитъ первоисточникъ энергіи пищевыхъ продуктовъ?

Учитель. Въ солнцѣ.

Ученикъ. Я этого не понимаю.

Учитель. Откуда мы беремъ нашу пищу? —

Или изъ животнаго царства, или изъ растительнаго. Растенія могутъ жить только тамъ, гдѣ есть солнечный свѣтъ, потому что они употребляютъ на построение своего тѣла солнечную энергію, которая въ немъ и накапливается. Итакъ, вмѣстѣ съ растеніями мы ѣдимъ солнечную энергію. Но и животныя, мясо которыхъ мы употребляемъ, питаются растеніями, слѣдовательно, тоже солнечной энергіей.

Ученикъ. Отнынѣ я буду смотрѣть на солнце совсѣмъ другими глазами.

Учитель. Если ты при этомъ думаешь въ то, о чемъ мы сейчасъ говорили, то міръ станетъ тебѣ болѣе понятнымъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ.

То же взаимодѣйствіе силъ, которое при кругоборотѣ воды на землѣ мы наблюдали въ постоянно возобновляемой борьбѣ между солнцемъ и силою тяжести, повторяется въ отношеніи солнца и кислорода. Поднятіе воды солнцемъ, вопреки силѣ тяжести на большую высоту, соответствуетъ разложенію солнцемъ кислородныхъ соединений въ растеніяхъ, несмотря на сродство кислорода съ другими элементами. Возвращеніе воды въ море, при освобожденіи живой силы, соответствуетъ сжиганію пищи въ организмѣ, съ превращеніемъ поглощенной энергіи въ проявленія жизни.

Солнечная энергія (подобно химической) превращается въ растительныя ткани; растительныя ткани превращаются въ животныя ткани: одна форма химической энергіи переходитъ въ другую и обѣ формы, въ видѣ пищевыхъ продуктовъ, являются источниками энергіи человѣческой жизни. „Итакъ, вмѣстѣ съ растеніями мы ѣдимъ солнечную энергію“, говоритъ Ostwald. Но не только съ растеніями. Правда, хотя въ животныхъ, съ поглощеніемъ ими солнечной энергіи, углекислый газъ и вода не возобновляются, по крайней мѣрѣ въ большихъ размѣрахъ, но углеводородныя соединения, воспринимаемыя въ животной пищѣ, берутъ начало въ растительной пищѣ животнаго. *Такимъ образомъ, со всей нашей пищей мы ѣдимъ солнечную энергію.*

... Процессъ образованія матеріи съ поглощеніемъ солнечной энергіи, если не всецѣло, то въ значительной степени, связанъ съ растительными клѣтками, содержащими зеленое вещество листьевъ и, значить, пружина, управляющая часами жизни, заводится лишь въ растительномъ царствѣ. *Отсюда мы видимъ, что люди, питающіеся растеніями, черпаютъ энергію изъ первыхъ рукъ, тогда какъ питающіеся мясомъ—изъ вторыхъ.* Что это не безразлично—докажетъ намъ, въ

своемъ мѣстѣ, второе главное положеніе энергетики.

Видоизмѣненія солнечной энергіи подтверждаютъ важное положеніе, что *все происходитъ изъ дѣйствія энергіи.* Но даже и этотъ универсальный, проверенный опытомъ, фактъ не даетъ намъ достаточнаго представленія о величинѣ и значеніи энергіи. Теорія познания установила, что человѣкъ посредствомъ органовъ чувствъ воспринимаетъ вѣшный міръ лишь какъ проявленіе энергіи. Вещество и матерія только кажутся намъ реальными, но дѣйствительно реальными мы ихъ не знаемъ. Мы ихъ знаемъ только по проявленіямъ энергіи, напр., цвѣтъ—по поглощенію и отраженію свѣта, твердость—по сопротивленію энергіи пространства, вѣсъ—по дѣйствію силы тяжести и т. д. Слѣдовательно, *энергія* есть реальность, а матерія—представленіе. Матерія, разсматриваемая съ энергетической точки зрѣнія, есть мѣстное сгущеніе энергіи.

Итакъ, потоки энергіи, присылаемый солнцемъ земному шару, превращаются въ живую субстанцію и если энергія реальна и нерушима, то пища есть солнечная энергія, а живыя существа—дѣти солнца.

Стало быть, черезъ живой организмъ проходить непрерывный токъ энергіи, сила и скорость котораго управляются весьма тонкими регуляторами. Изъ такого представленія слѣдуетъ, что жизнь есть стаціонарная форма энергіи, въ чемъ она опять-таки имѣетъ сходство съ пламенемъ. *Тѣмъ болѣе питаніе слѣдуетъ понимать, какъ потребленіе энергіи.*

Мы подходимъ къ новому вопросу: повируется ли энергія опредѣленными законамъ? Если да,—то какое отношеніе къ этимъ законамъ имѣетъ жизнь, какъ форма энергіи, и питаніе, какъ сама энергія?“

Какъ извѣстно, основные законы энергетики выражаются въ законѣ превращенія энергіи и въ законѣ ея сохраненія.

Что касается человѣческой жизни, то послѣ длиннаго ряда тщательно обставленныхъ опытовъ надъ животными и человѣкомъ ученые пришли къ заключенію, что сумма энергіи, вырабатываемой человѣкомъ, почти точно соответствуетъ потребленной имъ пищевой энергіи.

Въ концѣ-концовъ было установлено: 1) что процессъ человѣческой жизни совершается почти исключительно за счетъ пищевой энергіи, и 2) что законъ сохраненія энергіи примѣнимъ также и къ жизни человѣка.

Отсюда сами собой получились два слѣдую-

щих основных вывода относительно питания человека:

„1. Когда возстановительная энергия пищи производит совокупность всей биологической работы организма, то пищевые вещества,—бѣлки, сахаристые вещества и жиры,—какъ носители возстановительной энергии, имѣютъ для употребленія ея цѣнность, въ зависимости лишь отъ освобождаемой ими и полезной энергии. Различныя вещества могутъ взаимно замѣщать другъ друга, смотря по цѣнности ихъ энергии.

2. Килограммъ вѣса тѣла живого организма не можетъ считаться единицей, опредѣляющей величину пищевой потребности; такой единицей является сумма биологической работы, падающей на килограммъ живого вѣса. Не вѣсъ тѣла человека опредѣляетъ нужное ему количество пищи, но сумма всего расхода энергии, въ формѣ ли внутреннихъ жизненныхъ процессовъ (обмѣна веществъ, работы железъ, пищеваренія, воспаления, лихорадки и т. д.), въ формѣ ли отдачи теплоты окружающей средѣ, мышечной ли дѣятельности и пр. При одинаковомъ вѣсѣ тѣла человекъ, въ состояніи покоя, нуждается въ меньшемъ количествѣ пищи, чѣмъ человекъ работающій.

...Въ силу *перваго основного положенія* можно было ожидать, что экономія теплоты и мышечная работа повысятъ потребленіе энергии, но нельзя было предусмотрѣть, что и пища сама по себѣ можетъ вызвать такое же повышеніе. Вопреки господствующимъ воззрѣніямъ, какъ показываетъ Rubner, нѣтъ основанія думать, что организмъ, питаемый лишь въ мѣрѣ поддержки его существованія, потребляетъ большее количество энергии, чѣмъ организмъ голодающаго. Но тутъ Rubner пришелъ къ совершенно *неожиданному* результату: въ области физической теплорегуляціи, слѣдовательно, при условіяхъ человеческой жизни, питательныя вещества—бѣлки, углеводы и жиры—подымаютъ потребленіе энергии *въ совершенно различной мѣрѣ*.

Если во время голода расходуются 100 единицъ энергии, то при питаніи углеводами этотъ расходъ опредѣляется: 106,4 единицами, при питаніи жирами—114,5 единицами и при питаніи бѣлками—140,2 единицами энергии.

Такимъ образомъ, пищевая потребность повышается при питаніи углеводами на весьма скромную величину, при питаніи жирами на нѣсколько большую, а при питаніи бѣлками на очень крупную; иначе говоря, для исполненія одной и той же работы, бѣлки должны сграть въ количествѣ большемъ почти на 32%.

Слѣдовательно, самымъ экономичнымъ источ-

никомъ энергии являются углеводы, а наименѣе выгоднымъ—бѣлки.

...Такимъ образомъ, выясняется, что человеческое питаніе имѣетъ особое свойство стремиться къ узкому ограниченію специфическо-динамическаго дѣйствія пищи и къ бѣдности въ бѣлкахъ, обиліе которыхъ чуждо и даже вредно человеческому организму. Стремленіе къ бѣлкамъ и къ мясу, завоевавшее въ наше время большое значеніе и господствующее въ школахъ, семьяхъ и въ больницахъ, противорѣчитъ далеко опередившимъ его научнымъ даннымъ и вредно для здоровья и трудоспособности человека. Количество бѣлка, потребное для сохраненія жизни, гораздо меньше, чѣмъ думали и учили до сихъ поръ, именно: 30—40 граммъ бѣлка въ день для взрослого человека, т.-е. количество, легко получаемое изъ растительной пищи.

Хорошо, что эта ошибка обнаружилась. Простая пища, обычно употреблявшаяся десятки лѣтъ тому назадъ поселянами и простыми горожанами Швейцаріи, пища, содѣйствовавшая развитію сильныхъ элементовъ въ нашемъ народѣ, снова привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Растительная пища, представлявшаяся въ ошибочномъ освѣщеніи недостаточно питательной, оказалась вполне цѣнной и сытной. Мясо же, считавшееся наиболѣе сытной и лучшей пищей, оказалось въ дѣйствительности для человеческого питанія недостаточнымъ, благодаря обилію въ немъ бѣлки и бѣдности въ углеводахъ и минеральныхъ веществахъ“.

„...*Второе основное положеніе* приводитъ насъ къ тому, что организмъ, какъ энергетическая система, только тогда можетъ работать, т.-е. проявлять жизнь, когда существуетъ разниця потенциаловъ поглощаемой и выделяемой энергии и что производительность организма, при прочих одинаковыхъ условіяхъ, зависитъ только отъ этой разности потенциаловъ.

Какъ для паровой машины рѣшающее значеніе имѣетъ, работаетъ ли она подъ парами въ 100°, 110°, 120° или 130°, такъ и производительность организма обусловлена химическимъ потенциаломъ пищи.

...Уже было сказано, что пища есть вводимая энергия. Выводимая же энергия покидаетъ организмъ частью въ видѣ жизненныхъ проявленій (теплоты, движенія и т. п.), частью же какъ химическая энергия, въ формѣ выдыхаемой углекислоты, фекальныхъ массъ и мочи.

Пища и выдѣленія имѣютъ такое же отношеніе другъ къ другу, какъ двигающій турбину потокъ—къ покойно вытекающей изъ-подъ нея, использованной уже водѣ. Высокое давленіе притекающей къ турбинѣ и низкое отходящей

отъ нея, воды можетъ быть выражено числомъ метровъ высоты паденія или числомъ атмосферъ. Такимъ образомъ, разность потенциаловъ, приводящая турбину въ движеніе, можетъ быть точно измѣрена, во у насъ нѣтъ такого измѣрительнаго прибора, когорымъ можно бы было опредѣлить напряженіе химической энергіи. Стало быть нельзя ни привести въ извѣстность, ни выразить въ цифрахъ напряженіе энергіи пищи и выдѣленій, а слѣдовательно нельзя и опредѣлить соотвѣтствующую разницу потенциаловъ. Но въ общемъ можно считать установленнымъ, что:

„1. Разность потенциаловъ увеличивается, съ увеличеніемъ потенциала пищи.

2. Разность потенциаловъ уменьшается, съ уменьшеніемъ потенциала пищи.

Отсюда слѣдуетъ: такъ какъ объемъ явленій зависитъ отъ разности потенциаловъ, а послѣдняя возрастаетъ съ потенциаломъ пищи, то и объемъ и интенсивность жизненныхъ проявленій расчитъ съ потенциаломъ пищи. Такимъ образомъ наше вниманіе должно быть сосредоточено на вопросѣ о силѣ пищевого потенциала.

Существуетъ ли критерій для учета этого *измѣненія потенциала при превращеніяхъ растительныхъ и животныхъ питательныхъ веществъ?*

На этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно. За послѣднее время, благодаря изслѣдованіямъ энергетики, выяснено слѣдующее положеніе: *всякое измѣненіе вещества возникаетъ изъ измѣненія въ содержаніи энергіи.* Отсюда заключаемъ, что всякое преобразование пищевой субстанции, всякое измѣненіе ея внѣшняго вида, свойствъ, вкуса и т. п. указываютъ на то, что измѣнилось и содержаніе ея энергіи. Такъ, напримѣръ, свертываніе бѣлковыхъ веществъ служить признакомъ измѣненія въ нихъ содержанія энергіи. Съ такой же достоверностью можно сказать, что содержаніе энергіи въ яблокѣ измѣняется при варкѣ, съ перемѣной его внѣшняго вида, вкуса и консистенціи.

Такимъ образомъ фактъ измѣненія содержанія энергіи можетъ быть установленъ совершенно опредѣленно. Но что же дѣлается при этомъ съ потенциаломъ?

Энергетика говоритъ: каждое измѣненіе состоянія есть процессъ, при которомъ затрачивается работа, т. е. потребляется энергія. *Если работа производится за счетъ энергіи самого вещества, то содержаніе энергіи въ новомъ его состояніи уменьшается.* Въ такихъ случаяхъ обыкновенно говорятъ, что процессъ закончился произвольно. Но, согласно

второму основному положенію, ничто не можетъ совершаться произвольно, безъ наличности разности потенциаловъ. Вообще, измѣненіе состоянія не могло бы совершиться, если бы химическій потенциалъ новаго состоянія не былъ меньше прежняго.

Итакъ, для прочнаго установленія уменьшенія химическаго потенциала какого-либо вещества достаточно произвольнаго измѣненія его состоянія. Поэтому свернутый бѣлокъ и вареное яблоко располагаютъ меньшимъ потенциаломъ, если измѣненіе ихъ состоянія—результатъ произвольнаго процесса.

Вопросъ, совершается ли процессъ произвольно, или же онъ является вынужденнымъ, легко рѣшается современной далеко двинувшейся впередъ химіей.

Разложеніе углекислоты на углеродъ и кислородъ, при температурѣ земной поверхности, есть не произвольный, а вынужденный процессъ, ибо при этомъ потребляется не энергія углекислоты, а солнечная энергія, дѣйствующая въ растительномъ царствѣ. Наоборотъ: образованіе углекислоты изъ углерода и кислорода есть процессъ произвольный, свободный, такъ какъ при этомъ потребляется энергія лишь углерода и кислорода.

Построеніе живого вещества въ растительномъ царствѣ является суммой вынужденныхъ процессовъ, потребленіе же энергіи въ животномъ и человѣческомъ организмѣ представляетъ изъ себя сумму свободныхъ процессовъ.

При вынужденныхъ процессахъ связывается свободная энергія; наоборотъ, при свободныхъ процессахъ—связанная энергія освобождается. Связываніе свободной энергіи есть показатель вынужденнаго процесса, освобожденіе же связанной энергіи есть показатель произвольнаго процесса.

...Наиболѣе интересное превращеніе химической энергіи, накопленной пищевымъ продуктомъ въ растительномъ царствѣ, въ другое, годное для человѣческаго питанія, образованіе,—есть превращеніе ея въ животный пищевой продуктъ, въ животный органъ.

Закалываемые на бойнѣ быки, телята, овцы и свиньи и пр., зайцы и козули, за которыми мы охотимся, питаются травами, корнями, листьями, стеблями и цвѣтами. Изъ небольшой части корма они строятъ свое тѣло: мускулы—красное волокнистое мясо, жиръ—сало и почечный жиръ, костный мозгъ, печень, почки. Они ѣдятъ свою пищу или въ свѣжемъ живомъ видѣ, съ поля,—и такая лучше всего идетъ имъ въ прокъ,—или же высушенной. Въ организмѣ этихъ животныхъ, подъ вліяніемъ способности къ ассимиляціи, происхо-

дить превращение растительного вещества въ животное.

Если это превращение явилось вынужденным процессомъ, то животныя вещества располагаютъ болѣе высокимъ химическимъ потенциаломъ, если же процессъ былъ свободный—то болѣе низкимъ.

Мы знаемъ условія повышенія напряженія химическаго потенциала въ растительномъ царствѣ. Оно совершается силой работы солнечной энергіи. Въ животномъ же организмѣ такого рода условія совершенно не извѣстны. Растительной жизни свойственно повышение напряженія химическаго потенциала клеточнаго вещества, для жизни же животного—характерно понижение потенциала. Растительная жизнь является ареной вынужденныхъ процессовъ, животная же жизнь—игра свободныхъ процессовъ. Поэтому, вѣроятное рѣшеніе поставленнаго выше вопроса заключается въ томъ, что превращеніе живыхъ растительныхъ клетокъ въ животныя также представляетъ собою свободный процессъ.

Отсюда можно заключить, что живыя растенія имѣютъ вообще несравненно болѣе высокий потенциалъ, чѣмъ животныя.

Хотя и извѣстно, что продукты человѣческой пищи могутъ быть разложены на питательныя вещества: бѣлки, жиры и углеводы, все же не слѣдуетъ забывать, что эти продукты ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ простая смѣсь этихъ веществъ. Содержаніе энергіи въ живой растительной пищѣ иное, чѣмъ въ добытыхъ изъ нея пищевыхъ веществахъ.

Естественный пищевой продуктъ, какъ энергетическая система, представляетъ собой особаго качества носителя энергіи.

Въ живомъ, естественномъ, видѣ можно пользоваться лишь очень ограниченнымъ числомъ образцовъ животного и растительнаго царства, какъ, напр., фруктами и материнскимъ молокомъ. Многіе же изъ нашихъ пищевыхъ продуктовъ испытываютъ, передъ употребленіемъ ихъ въ пищу человѣкомъ, разнообразныя превращенія, которыя, по ученію втораго основнаго положенія, измѣняютъ въ нихъ содержаніе энергіи. Главнѣйшія изъ этихъ превращеній слѣдующія:

1. Омертвѣніе живыхъ растительныхъ и животныхъ органовъ.

2. Измѣненія, вызываемыя жаромъ при варкѣ, печеніи и жареніи.

3. Процессы броженія и гніенія.

4. „Выщелачиваніе“ соевыми растворами.

...Всѣ эти преобразованія нашихъ питательныхъ веществъ, сопряжены съ ослабленіемъ

содержащейся въ нихъ энергіи и чѣмъ эти преобразованія больше—тѣмъ сильнѣе паденіе потенциала.

Наиболѣе измѣненія претерпѣваетъ мясная пища, поэтому она является самымъ неблагоприятнымъ источникомъ энергіи для человѣческаго организма.

Питательныя вещества представляютъ изъ себя лучший источникъ энергіи для питанія человѣка, если они восприняты въ естественномъ видѣ“.

Чрезвычайно интересныя данныя о вліяніи мяснаго питанія на пониженіе человѣческой работоспособности получены путемъ наблюденія надъ японскими рикшами.

„У меня,—говоритъ одинъ профессоръ-ислѣдователь,—были два рикши, сильные молодые люди 22-хъ и 25-ти лѣтъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ они занимались этимъ ремесломъ. Я оставилъ имъ ихъ пищу, но все, что они ѣли, подвергалось измѣненію и такимъ образомъ обыкновенными способами опредѣлялись химическія составныя части ихъ пищи. На этихъ людей была возложена опредѣленная работа. Они должны были ежедневно, въ продолженіе трехъ недѣль, безостановочно бѣгомъ перевозить меня, человѣка, вѣсящаго 80 килогр., на разстояніи 40 километровъ. Такая работа кажется довольно большою, однако, она меньше той, на которую нанимались эти люди. Моей цѣли она вполнѣ удовлетворяла, такъ какъ пробѣгъ въ 40 километровъ считается очень значительнымъ, но протащить взрослого человѣка всѣ эти 40 километровъ бѣгомъ, въ солнечный августовскій день—это больше того, что обыкновенно требуется.“

Итакъ, во время опыта, людямъ была сохранена ихъ прежняя пища, содержаніе которой было вдвое меньше нормы, установленной Voit'омъ, содержаніе же бѣлка колебалось между 60% и 80% требуемаго. Зато углеводы вводились въ необыкновенно большихъ количествахъ, въ видѣ риса, картофеля, ячменя, каштановъ, корней лилій и другихъ употребительныхъ мѣстныхъ кушаній. Послѣ 14-ти дней я взвѣсилъ своихъ рикшъ. Всѣхъ одного изъ нихъ остался безъ перемѣны, другой же прибавилъ полфунта. Послѣ этихъ 14-ти дней я предложилъ имъ, не хотятъ ли они получать мясо? Они были мнѣ очень благодарны, т. е. мясо для нихъ—роскошь. Тогда я замѣнилъ часть углеводовъ соответствующими количествами бѣлка, правда, не такими большими, какъ требуетъ Voit, но все же изрядными. Рикши ѣли его съ удовольствіемъ, но черезъ три дня пришли ко мнѣ съ просьбой отбѣнять мясо и выдать имъ его по окончаніи опыта, такъ

какъ они чувствовали себя слишкомъ усталыми и не могли бѣгать такъ хорошо, какъ раньше. Тогда я вернулъ ихъ къ первоначальной пищѣ и давалъ ее до конца опыта; результатъ получился прежній. Одинъ изъ рикшей сохранилъ прежній вѣсъ, разница была, можетъ быть, на 100 гр., у другого же я констатировалъ прибавку вѣса немного меньше полуфунта.

Я приведу примѣръ еще большей работоспособности при такой же пищѣ. Передамъ только то, что самъ видѣлъ. Дорогу изъ Токио въ Никко,—мѣсто, расположенное въ горахъ, въ 100 километрахъ отъ Токио, я совершилъ лѣтомъ въ экипажѣ, шесть разъ меняя лошадей; изъ-за страшной жары мы ѣхали ночью, съ 6-ти часовъ вечера до 8-ми утра,—въ общемъ, 14 часовъ. Въ тотъ самый моментъ, когда мы выѣзжали изъ Токио, я увидѣлъ японца, сидящаго въ джиприкшѣ (носилкахъ) и спросилъ его, куда онъ ѣдетъ?—Онъ ѣхалъ также въ Никко. Везъ его *только одинъ* человекъ. Прибылъ онъ на полчаса позже насъ. Мы шесть разъ мѣняли лошадей, а этотъ японецъ 14½ часовъ тащилъ взрослого поселанина, вѣсомъ приблизительно въ 54 килограмма и пробѣжалъ 100 километровъ,—и это при вегетарианской лишь пищѣ.

Какъ только рикши получали мясо, ихъ работоспособность падала“.

Въ заключеніе отмѣтимъ рядъ наиболѣе важныхъ практическихъ правилъ леченія энергетическимъ питаніемъ, устанавливаемыхъ авторомъ на основаніи его теоретическихъ построеній.

„Мы боремся,—говоритъ авторъ,—за наше величайшее благо—за собственное наше и нашихъ потомковъ здоровье. Здоровье—первое условіе работоспособности. Задача и цѣль врачебной науки—сберечь или возстановить и то и другое.“

Среди основныхъ причинъ болѣзней и слабости первое мѣсто принадлежитъ вреднымъ привычкамъ и предрасудкамъ. Это одинаково примѣнимо и къ питанію и къ біологической работѣ организма. Поэтому урегулированіе питанія больного составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ врача.

Разъ рѣшено примѣнять леченіе питаніемъ, прежде всего нужно по возможности исключить изъ пищи все вредное, а затѣмъ привести въ дѣйствіе активную цѣлебную силу пищи.

Ведущіе къ этой цѣли пути мы установили уже въ предыдущихъ главахъ на основаніи опытовъ и изслѣдованій природы.

Слѣдуетъ окончательно отбросить неправильныя представленія о питательной цѣнно-

сти и укрѣпляющемъ дѣйствіи возбуждающихъ средствъ. Идеаломъ было бы твердое стремленіе къ полному устраненію этихъ средствъ изъ пищи больного. Возбуждающія средства вообще не являются питательными веществами и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ нѣкоторую питательную цѣнность, не въ этой цѣнности лежитъ причина ихъ потребленія.

Врачъ, школа и государство должны были бы содѣйствовать къ признанію возбуждающихъ средствъ тѣмъ, что они представляютъ собой въ дѣйствительности,—опасными врагами здоровья и цѣлебныхъ процессовъ.

Ты же, страждущій паціентъ, работоспособность котораго потеряна, а духъ угнетенъ тяжелыми заботами, освободись отъ власти возбуждающихъ средствъ! Они препятствуютъ выздоровленію, къ которому ты такъ давно стремишься! Они питаютъ твою болѣзнь. Они вызываютъ уплотненіе сосудистыхъ стѣнокъ, ослабленіе дѣятельности сердца, желудка, почекъ и нервной системы! Они дѣлаютъ тебя раздражительнымъ, недовольнымъ и эгоистичнымъ!

Если еще надежда на выздоровленіе для тебя не потеряна—научись мужественному отреченію отъ нихъ. Ты ничего не потеряешь, ты можешь только выиграть!

... Къ возбуждающимъ веществамъ слѣдуетъ при этомъ относить не только спиртные напитки, а также и кофе, чай, шоколадъ, какао (также какао изъ овса и питательныхъ солей), мясной наваръ и табакъ.

Надо противоdѣйствовать вредной привычкѣ ѣсть слишкомъ много, слишкомъ часто и скоро.

Потребность ѣсть часто—болѣзненный феноменъ, быстро исчезающій при сокращеніи числа приемовъ пищи. Одновременно съ нимъ исчезаетъ, какъ я нерѣдко наблюдалъ, еще цѣлый рядъ другихъ диспептическихъ недуговъ. Оздоровляющее и укрѣпляющее дѣйствіе большихъ промежутковъ между приемами пищи легко доказывается многочисленными наблюденіями.

Для больного существуютъ три простыхъ правила:

1. Ёсть медленно и хорошо жевать.
2. Принимать пищу только три раза втеченіе сутокъ.
3. Прекращать ѣду ранѣе полнаго насыщенія.

Больной, переходящій на энергетическую пищу, долженъ остерегаться ѣсть слишкомъ много. Пусть онъ не боится, что ему чего-нибудь не хватить,—пища эта обладаетъ большей питательностью, чѣмъ всякая другая. Переполненіе желудка въ началѣ курса леченія всегда плохо дѣйствуетъ. Лучше въ первые дни ѣсть слишкомъ мало, чѣмъ слишкомъ много.

Удаление всего вредного требует широкого ограничения, а временами даже продолжительного исключения мясной пищи.

Кто въ предыдущемъ моемъ изложеніи ознакомился съ неоспоримымъ фактомъ вліянія мяса, тотъ сразу согласится съ этимъ требованіемъ. Убойное мясо не представляетъ собой ни подкрѣпляющей, ни хорошей, даже, пищи. Среди всѣхъ пищевыхъ продуктовъ оно обладаетъ наименьшей цѣнностью для человѣка. Съ замѣной мяса растительными пищевыми продуктами мы ничего не теряемъ.

Мясная пища препятствуетъ лечебнымъ процессамъ и вызываетъ или поддерживаетъ нѣкоторыя болѣзненные разстройства. Она представляетъ непосильныя требованія къ регуляторной дѣятельности органовъ. Это заключеніе относится ко всѣмъ сортамъ мяса. Различіе, дѣлаемое между чернымъ и бѣлымъ мясомъ, ничѣмъ не оправдывается. Скажу болѣе: надо предполагать, что бѣлое мясо еще богаче вредными экстрактивными веществами. Мясо рыбы ничѣмъ не лучше мяса домашнихъ животныхъ.

Отвыкать отъ мяса надо со спокойнымъ убѣжденіемъ и съ твердой рѣшимостью. Я отучилъ отъ мяса тысячи пациентовъ. Стремленіе къ мясу доводитъ иногда до мятелей, какъ это было, напримѣръ, при переходѣ израильтянъ черезъ пустыню. Но путемъ разумныхъ и убѣдительныхъ доводовъ врачу удается обыкновенно внести успокоеніе. Въ скоромъ времени и самъ больной начинаетъ довѣрять своей новой пищѣ, такъ какъ успѣхъ не заставляетъ себя ждать.

Яйца и стручковые растенія, благодаря большому содержанию въ нихъ бѣлка и свойству увеличивать образованіе мочевой кислоты, также должны быть, смотря по обстоятельствамъ или исключаемы или ограничиваемы въ количествѣ приѣма. Мясо не слѣдуетъ замѣнять ни яйцами, ни стручковыми растеніями. Всегда слѣдуетъ стремиться къ завѣdomому пониженію бѣлковаго содержанія въ пищѣ.

Въ большинствѣ случаевъ рекомендуется также ограниченіе молока; нерѣдко, даже крупныя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, улучшенія видимо наступаютъ, лишь только больной совсѣмъ откажется отъ молока. Сырая растительная пища, особенно фрукты, болѣе цѣнна чѣмъ молоко, при чемъ слѣдуетъ избѣгать предварительнаго насыщенія, мѣшающаго приѣму фруктовъ. Отъ добра добра не ищутъ. Только тогда, когда нѣтъ свѣжей зелени, можно пользоваться молокомъ въ большомъ количествѣ.

Вторая задача—достиженіе активнаго цѣлебнаго дѣйствія выполняется питаніемъ аккумуляторами перваго и втораго порядка. При

этомъ сырая пища должна предпочитаться вареной. Слѣдовательно, центръ тяжести терапій питаніемъ лежитъ въ фѣдъ сырыхъ фруктовъ, салатовъ, съѣдобныхъ корней и орѣховъ. Такъ какъ опытъ указываетъ, что укусы производятъ вредное дѣйствіе, то салаты слѣдуетъ заправлять свѣжимъ лимоннымъ сокомъ.

Когда нѣтъ индивидуальныхъ противопоказующихъ причинъ, слѣдуетъ настаивать, чтобы фрукты съѣдались со всѣми составными съѣдобными частями.

Съ яблокъ и грушъ не надо срѣзывать кожуру, но слѣдуетъ, начисто ихъ вытирать и съѣдать съ кожей. Точно такъ же слѣдуетъ проглатывать винограды, хорошо прожевавъ кожицу.

... Овода свѣжей растительной пищѣ столь крупное мѣсто въ алиментарной (пищевой) терапій, я не могу не упомянуть объ одномъ затрудненіи, которое встрѣчается въ практической жизни, какъ послѣдствіе привычки къ разваренной легкой пищѣ. Сырая растительная пища требуетъ долгаго тщательнаго прожевыванія, такъ что для ея приѣма требуется больше времени, чѣмъ средній человѣкъ обыкновенно хочетъ и можетъ отводить ежедневной торопливой фѣдѣ. Въ такихъ случаяхъ растительная пища либо глотається недостаточно прожеванной, либо принимается въ недостаточномъ количествѣ. Результаты обоихъ этихъ недостатковъ съ теченіемъ времени растутъ и становятся тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ въ худшемъ состояніи находятся зубы.

Въ данномъ случаѣ очевидной является необходимость подвергать растительную пищу искусственному размельченію, которымъ устраняется это затрудненіе въ приученіи къ новой пищѣ. Яблоко, грушу, рѣпу, хрѣнъ и рѣдису надо очищать, освобождать отъ несъѣдобныхъ частей и протирать черезъ мелкую терку изъ бѣлой жести. Кожа и сердцевина яблокъ не должны быть удаляемы, а лишь измельчаемы.

Орѣхи и миндаль слѣдуетъ протирать въ машинкѣ; чернику, малину, землянику и крыжовникъ—просто раздавливать деревянной ложкой.

Сухіе фрукты надо размягчать въ продолженіе 12—24 часовъ въ водѣ и, вынувъ изъ нихъ косточки, размельчать въ машинкѣ.

Размеленные такимъ образомъ пищевые продукты можно смѣшивать съ другими, находящимися въ продажѣ уже въ размеленномъ видѣ (съ мукой, съ хлопьями злаковъ) и съ фруктовыми соками и такимъ образомъ готовить сырыя, не варенныя, блюда, облегчающія привычку къ новой пищѣ и удовлетворяющія даже избалованный вкусъ“.

Идеи, образы, факты.

Лекціи и диспуты *).

[1+2+3+7+8]

„Христіанство и индивидуализмъ“ (М. И. Туганъ-Барановскій, петербургское религиозно-философское общество). Излагая основныя положенія доклада проф. Туганъ-Барановскаго, мы будемъ имѣть въ виду и дополнительную рѣчь его, сказанную имъ на слѣдующемъ собраніи общества, при продолженіи преній по этому докладу.

Идеологическая схема, данная докладчикомъ, въ оковчателномъ видѣ такова. Есть два воплощѣ законченныхъ, цѣлостныхъ міровоззрѣній: эпикурейство и буддизмъ. Первое—позитивно и все основывается на личныхъ удовольствіяхъ. Второе—мистично и даже личность человѣческую считаетъ призракомъ. Но оба они приводятъ къ смерти: первое—потому, что въ дѣйствительной жизни больше страданій, чѣмъ удовольствій, второе—потому, что оно, вообще, отрицаетъ жизнь. Христіанство, занимающее среднее мѣсто между этими крайними міровоззрѣніями, является единственной религіей жизни, и только оно имѣетъ ясный критерій добра и зла. Въ этомъ—рѣшающее его преимущество. Христіанство играетъ ни съ чѣмъ несравнимую по своей грандіозности роль въ общественной жизни. На всѣ стороны культуры оно накладываетъ глубокій отпечатокъ.

Наша эпоха по справедливости можетъ быть названа христіанско-индивидуалистической. До сихъ поръ мы стоимъ еще на почвѣ идей Ренессанса XIV—XVI вв. съ его гуманизмомъ. Идею же личности Ренессансъ взялъ у христіанства. Христіанское понятіе личности тѣмъ отличается отъ позитивнаго, что у позитивнаго на первомъ планѣ—эгоистическій интересъ, ведущій къ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Для позитивнаго индивидуалиста его „я“—центръ міра. А отсюда нѣтъ перехода къ общественности. Христіанство же смотритъ на личность, какъ на живое чудо, высшую, абсолютную цѣнность, и потому во главу угла ставитъ равенство личности (люди—сыны Божіи) и, слѣдовательно, свободную и братскую общественность.

А выводъ слѣдуетъ отсюда такой. Демократія, и въ частности социализмъ, могутъ быть основаны не на позитивной, а *только* на христіанской идеѣ личности.

Если взять социализмъ не какъ экономическую теорію, а какъ жизненный идеалъ, то,

несомнѣнно, онъ связанъ съ идеаломъ равенства, но равенство—понятіе ирраціональное, изъ опыта и разума *не выводимое*. И наука, и логика эту идею оправдать не могутъ. А эстетика ее презираетъ. Именно въ этомъ пунктѣ истина и красота выступаютъ противъ добра. Но отнимите отъ социализма идею равенства, какъ непремѣннаго условія для скачка изъ царства необходимости въ царство свободы,—онъ тускнѣетъ, теряетъ свою телеологию, становится только необходимостью. А за необходимость не борются. Давно сказано, что нельзя содѣйствовать затмѣнію солнца. И если социалистическій строй придетъ съ такой же необходимостью, какъ затмѣніе солнца, то незачѣмъ за него копыя ломать. (Здѣсь, такимъ образомъ,—и это слѣдуетъ подчеркнуть,—проф. Туганъ-Барановскій, только съ другого конца, подошелъ къ темъ Б. Г. Столпнера, который въ Литературномъ обществѣ доказывалъ, что телеология марксизма приводитъ къ религиозному міросозерцанію.—См. „Бюл.“ № 12).

Идеаль современной культуры—сочетаніе свободы съ равенствомъ, индивидуализма съ социализмомъ. Но этотъ идеаль покоится на христіанскихъ предпосылкахъ, отвергаемыхъ современнымъ позитивнымъ міросозерцаніемъ. Возможно ли сохраненіе идеи безъ сохраненія ея ирраціональных обоснованій? Въ этомъ весь вопросъ, и около него должна быть, по мнѣнію докладчика, сосредоточена общественно-философская работа мысли. И уже европейскій социализмъ, идеологически возвращающійся къ христіанству, начинаетъ понимать, что различны только методы социальной проповѣди у социализма и христіанства: первый говоритъ: „возьми“, второе: „дай“...

Докладъ М. И. Туганъ-Барановскаго возбудилъ страстные пренія въ названномъ обществѣ и разные толки въ печати. „Позитивисты“ энергично оспаривали тезисы докладчика. Изъ оппонентовъ слѣдуетъ отмѣтить П. Б. Струве, еще сравнительно недавно подвизавшагося *вмѣстѣ съ Туганъ-Барановскимъ* въ первыхъ рядахъ нашего неомарксизма „Искать ирраціональныя основы общественныхъ идеаловъ,—съ пафосомъ заявлялъ онъ,—подпирать социализмъ религіознымъ сознаніемъ—значитъ заниматься утопіями. Утопія же вредны, потому что ведутъ къ праздно-романтикѣ“...

И самому докладу и вызваннымъ имъ горячимъ дебатамъ наши публицисты придаютъ большое значеніе. Напр., Д. Философовъ, связывая эти дебаты съ преніями по докладу В. Столпнера о „марксизмѣ и религіозной идеологіи“ въ Литературномъ обществѣ, пи-

*) См. „Бюл.“ № 7 п. 12.

петь въ „Рѣчи“ (№ 46): „Слушая эти споры, ясно чувствуешь, что краткая полоса безвременья прошла. Началось опять „оживление“. Потому что оживление идей—неизбѣжный спутникъ оживленія, такъ называемой, реальной дѣйствительности. И самая страстность споровъ доказываетъ, что они происходятъ на фонѣ движущейся къ лучшему будущему русской жизни“.

А И. Жилкинъ („Рус. Сл.“, № 61) учитываетъ самый фактъ выступленія проф. Тугань-Барановскаго по такому вопросу, какъ „христианство и индивидуализмъ“.

„Откуда и почему приходитъ эта таинственная жажда (можетъ-быть, самая таинственная въ мірѣ),—жажда религіи?“

Когда идетъ эта жажда снизу, самоувѣренный позитивизмъ быстро и не колеблясь объяснить ее невѣжествомъ массъ, предразсудкомъ, застарѣлымъ заблужденіемъ. Но какъ быть, если та же загадочная жажда, такая же искренняя, тоскующая и жгучая, нисходитъ сверху, охватывая людей, достигшихъ вершинъ культуры и науки?

Удивительный характеръ носило выступленіе на двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ религіозно-философскаго общества такого лица, какъ М. И. Тугань-Барановскій. Марксистъ, крупный ученый и профессоръ въ Россіи, замѣтная и извѣстная фигура въ европейской наукѣ, онъ вдругъ, пройдя культурные пути, почти-тельно склоняется предъ религіей и кладетъ къ ея подножію самое цѣнное своей души.

Какая высшая цѣнность у марксиста и ученаго изыскателя? Демократія и равноцѣнность человѣческой личности.

Онъ сконяется и говоритъ религіи: „Это—твое“.

И даже не религіи это говорится, а прямо и опредѣленно христианству.

... Главная суть не въ этихъ сложныхъ, глубокихъ и запутанныхъ преніяхъ, которыя возгорѣлись въ религіозно-философскомъ обществѣ вокругъ доклада г. Тугань-Барановскаго. Суть въ той вѣчной жаждѣ, которая какъ-будто иногда и надолго уходитъ отъ человѣка, но затѣмъ снова и снова возвращается, заставляя искать запекшейся, затосковавшей душой прохлады божественнаго источника. Знаменательна эта вѣчная жажда религіи.

Видимо, тайными корнями всѣ глубочайшіе вопросы человѣческаго духа,—вопросы о вѣчности и временности, предѣльности и безпредѣльности, о смерти и безсмертіи, о смыслѣ и безмысліи жизни,—перевиты навсегда съ религіей.

Инстинктивно и сознательно, съ темныхъ ни-

зовъ жизни и со свѣтлыхъ ея вершинъ, въ тоскѣ и незаглушимой жаждѣ духъ человѣка обращается къ религіи, ища разрѣшенія вѣчныхъ вопросовъ.

Безъ ихъ разрѣшенія жизнь человѣческая—пустой миражъ, прозябскій обманъ, недолгій спектакль, обрывающійся бездною...

„Свѣтъ Фаворскій и преображеніе ума“ (Кн. Е. Н. Трубецкой, московское религіозно-философское общество). Названный докладъ вызванъ былъ незадолго передъ тѣмъ вышедшей и сразу же привлечшей къ себѣ большое вниманіе книгой священника П. А. Флоренскаго „Столпъ и утвержденіе истины“. Въ этой книгѣ докладчикъ усматриваетъ крупное и многоцѣнное звено въ развитіи основнаго мотива русской творческой мысли.

Контрастъ горняго и дожняго, противоположность вершины Фавора съ его свѣтомъ, свѣтомъ отъ преображеннаго лика Христа, и подножія горы, гдѣ вокругъ бѣсноватаго въ смятеніи и хаосѣ кипитъ, бурлитъ суетная, темная жизнь,—вотъ, по мнѣнію кн. Трубецкого, лейтъ-мотивъ нашего религіознаго творчества, главная тема русской литературы—и художественной, и философской—на такихъ ея высотахъ, какъ Гоголь, славянофилы, Достоевскій, Вл. Соловьевъ. Во всемъ мірѣ царитъ непримиримая противоположность вершины и бездны, свѣта Фаворскаго и геенны. Но больше, чѣмъ всему міру, этотъ контрастъ и вѣра въ преображеніе, какъ начало всеобщаго исцѣленія, свойственны русской душѣ, ибо въ странахъ прочной европейской цивилизаціи контрасты не такъ рѣзко выступаютъ наружу, будучи замаскированы внѣшней культурой: тамъ чортъ прогуливается среди людей въ шляпѣ и при шпагѣ, а у насъ, съ нашей цѣльной, съ нашими не всколыхнувшимися и черноземнымъ бытомъ, дьяволъ открыто показываетъ свои рога и копытца...

И именно потому съ такой остротой и глубиной тяготѣемъ, рвемся мы—и въ искусствѣ, и въ своихъ религіозныхъ и философскихъ устремленіяхъ—къ преображенному свѣту Фаворскому, преображенію жизни и борьбѣ съ адомъ, обуреваемые неутолимой жаждой исцѣленія, исцѣленія бѣсноватыхъ.

Вотъ почему у насъ никогда не пользовались большими симпатіями и популярностью ни „искусство для искусства“, ни исключительно-художественныя отвлеченія въ литературѣ. Мы всегда предъявляли и къ одному и къ другой требованія всеобъемлющаго цѣлостнаго идеала, несущаго всеобщее исцѣленіе во всеобщемъ преображеніи. На этомъ сходились всѣ—и ути-

литариствъ Писаревъ, и Достоевскій, несмотря на пророчество свое, что „красота спасетъ міръ“, и Гоголь, конечно, и даже, въ нѣсколько, правда, рационализированномъ видѣ, Левъ Толстой.

У нихъ, у всѣхъ—одинъ источникъ творческаго вдохновенія: *все* страждущее и бѣснующееся человѣчество и его грѣхъ.

Ощущеніе ада и зла толкало однихъ на подвижничество, приводившее къ истинному созерцанію свѣта Фаворскаго,—напр., афонскихъ подвижниковъ,—а другихъ, „низшихъ апостоловъ“—на вѣчное и неутолимое исканіе и горѣніе духа. Однимъ изъ самыхъ страстныхъ икателей является и авторъ разбираемой книги, священникъ Павелъ Флоренскій.

Чувство великой и потрясающей душу раздвоенности проникаетъ всю книгу: ощущение зла, обостренное до послѣднихъ предѣловъ человѣческаго воспріятія, и порывъ, воля къ свѣту Фаворскому—*полному* совершенству и цѣлостности. На страницахъ книги горятъ и сверкаютъ мучительныя слезы сокровенныхъ переживаній; и сущность этихъ переживаній—внутренній распадъ, раздвоеніе, расщепленіе души.

Громадная заслуга о. Флоренскаго заключается въ жизненномъ, своемъ, сегодняшнемъ раскрытіи этого глубоко-скрытнаго процесса душевной развороченности, когда личность становится зіяющей личиной и начинаетъ разлагаться *здѣсь* уже, на землѣ, до геенны.

— „Истинны вѣтъ у меня, но идея истины жжетъ меня“,—говоритъ авторъ, и продолжаетъ:—„А, можетъ быть, это чаеніе истины есть только кажущееся. И, быть можетъ, и самое *казаніе* есть также лишь кажущееся“,—вотъ гдѣ предѣлъ скептическаго ада, граница, за которой начинается безуміе.

И чѣмъ мучительнѣе ощущеніе геенны уже *здѣсь*, тѣмъ непреоборимѣе и глубже тоска по преображенію. Процессъ этого перехода отъ созерцанія грѣховности къ устремленію къ истинѣ не есть, конечно, процессъ логическій, но есть страстный и экстатический порывъ души.

Такъ какъ же ухватиться намъ, истомленнымъ и алчущимъ за „столпъ и утвержденіе истины“? Не знаемъ, не знаемъ, не знаемъ! Но знаемъ, что сквозь зіяющія трещины разсудка человѣческаго *порой* виденъ лазоревый краешекъ настоящаго неба...

Можетъ быть, во всей мировой литературѣ, кромѣ „Исповѣди“ бл. Августина, нѣтъ болѣе яркаго и мучительнаго изображенія души, разбираемой грѣхомъ и сомнѣніемъ, нигдѣ такъ ясно не выступаетъ необходимость помощи Божіей для человѣческаго спасенія. И чѣмъ

истерзаннѣе душа зломъ, тѣмъ сильнѣе порывъ къ добру и свѣту Фаворскому, къ преображенію духа и плоти. На чемъ же основывается наша вѣра въ спасеніе, что дастъ намъ поддержку въ нашемъ стремленіи ввысь? Этотъ столпъ и утвержденіе истины—церковь, св. Софія, Приснодѣва Марія, дружба, какъ союзъ людей въ Богѣ,—все съ виду различное, но въ существѣ единое.

Но въ этомъ грядущемъ преображеніи міра, преображеніи плоти и духа, преобразится ли человѣческій умъ? соблазняющій элементъ въ цѣломъ, именуемомъ духомъ? Что же, или умъ подлежитъ „отсѣченію“? Требуется ли отъ него отказъ отъ самого себя, когда совершается процессъ преображенія, или онъ призванъ къ участию въ немъ, пусть даже разрушительному и несущему противорѣчія?

Вѣдь, если задача—преображеніе, какъ отысканіе единства, цѣлостности духа, то умъ казалось бы, упраздняется, ибо онъ-то и рождаетъ разладъ, грѣхъ; онъ-то и выворачиваетъ душу, погружая ее въ провалы противорѣчія...

Кн. Е. Н. Трубецкой согласенъ съ о. Флоренскимъ, что въ этой жизни умъ челоука несовершененъ, грѣховенъ, какъ и самъ челоукъ, его рѣшенія противорѣчивы, антиномичны, но,—говоритъ онъ,—это временное состояніе ума не должно объявляться нормой. Напротивъ, опираясь на прямое свидѣтельство евангелиста Іоанна и на догматъ о Богочеловѣчествѣ, докладчикъ считаетъ необходимымъ признать нормой разума единство и всецѣлостъ. Между тѣмъ о. Флоренскій утверждаетъ антиномичность не только разума, но и самой истины. Онъ въ самыхъ догматахъ видитъ антиноміи, которыя не могутъ быть разрѣшены не только нашимъ несовершеннымъ умомъ, но и вообще неразрѣшимы онѣ. По этому пути докладчикъ съ авторомъ не пойдетъ, онъ считаетъ, что тутъ была допущена логическая ошибка.

Въ преніяхъ, касавшихся исключительно вопроса объ антиномичности разума, одни стояли на точкѣ зрѣнія кн. Трубецкаго, другіе же признавали антиномичность разума неистребимой.

„Любовь къ предметамъ и любовь къ людямъ“ (Н. М. Минскій, Петербургъ и Москва). Тема лекціи Минскаго примыкаетъ къ основной идеѣ его драматической трилогіи (см. „Бюл.“ №№ 7 и 10 за 1912/3 г.). Темой этой является противоположеніе двухъ рѣзко расходящихся міроотношеній—западно-европейскаго и русскаго.

Западно-европейская культура стоитъ подъ

знакомъ „любви къ предметамъ“—утвержденія творческой личности. Знакомъ „любви къ людямъ“—самоотреченія личности—осъзнана Россія.

Европейская культура и взращенная ею литература возникли изъ классицизма, культивировавшего личность, но въ дальнѣйшемъ стали вдохновляться культомъ предметовъ природы (романтизмъ) и культомъ предметовъ, созданныхъ человѣкомъ (реализмъ). Любовь къ жизни, комфорту, предметамъ, борьба за удобства жизни, за обладаніе возможно большимъ количествомъ матеріальныхъ благъ, страсть къ культурному созиданію, заставляющая жертвовать ближними во имя техники, красоты, науки,—вотъ основа міросозерцанія западнаго европейца.

Наивысшей точки этотъ эгоистическій культъ личности достигъ въ наши дни, дни ослѣпительнаго блеска внѣшней культуры. Западная Европа съ какимъ-то религіознымъ экстазомъ славить устами своихъ поэтовъ великій расцвѣтъ технической цивилизаціи.

Любовь къ предметамъ вдохновляетъ все творчество Верхарна, какъ поэта города, и Маринетти, воспѣвающего техническій прогрессъ; въ творествѣ же Метерлинка эта любовь—всею ярче („Синяя птица“), ибо въ немъ „лучъ европейской культуры какъ бы разложенъ на основные цвѣта“.

Совершенно иной мотивъ характеризуетъ русскую литературу: ея корень—любовь къ человѣку, *только* человѣку, взятая въ смыслѣ самоотверженнаго евангельскаго чувства.

Свое полное выраженіе и наибольшую яркость этотъ культъ человѣколюбія получилъ въ творествѣ Толстого и Достоевскаго. И въ этомъ контрастѣ между литературой Россіи и Запада повторился вѣковой контрастъ между духомъ эллинизма и іудаизма. Западомъ были восприняты „эллиніскія“ начала христіанства—искупленіе и воскресеніе; „іудейское“ же начало любви къ ближнему стало содержаніемъ русской литературы.

Прослѣдивъ этотъ культъ любви къ людямъ на творествѣ народниковъ-идеалистовъ и народниковъ-общественниковъ, лекторъ перешелъ къ моменту перелома въ русской литературѣ, который, начавшись съ Мережковскаго, Бальмонта и др., получилъ опредѣленные формы въ русскомъ декадентствѣ и символизмѣ.

Идущая отъ Толстого могучая струя любви къ людямъ неизбежно приводитъ къ отрицанію творчества и проповѣди недѣланія; этотъ культъ любви ко всѣмъ людямъ непримиримъ съ культурнымъ творчествомъ, ибо изъ послѣдняго неизбежно создается неравенство. Нера-

венство создается въ процессѣ борьбы за обладаніе предметами, въ процессѣ всякаго совершенствованія, всякаго изобрѣтенія техники и открытія науки. На протяженіи всей человѣческой исторіи, каждое изобрѣтеніе—это монета, брошенная въ толпу дѣтей: драка неминуема. И если Петръ прорубилъ окно въ Европу съ ея культурой, то Толстой-моралистъ выбрасываетъ въ это окно всю культуру.

Для мысли европейца Толстой—это пряная приправа къ его жирному столу, но для русскаго творчества, для самоутвержденія личности русскаго человѣка ученіе Толстого до сихъ поръ является тормозомъ. Необходимъ какой-то средній путь,—такой, гдѣ во имя закона любви не отрицалась бы творческая культура и гдѣ эта культура не поработала бы человѣка предметамъ, какъ мы это видимъ на Западѣ.

Русскіе декаденты и символисты, по мнѣнію лектора, поняли, въ какую бездну „бездтворчества“, недѣланія зоветь проповѣдь Толстого, и—отсюда ихъ утвержденіе своего „я“, призывъ къ одиночеству и самоуглубленію. Но ихъ „я“ было лишь поэтическимъ утвержденіемъ личности мистической, тѣмъ мосткомъ, которымъ они хотѣли перейти бездну Толстого. Правда Запада и правда наша русская должны быть примирены въ иномъ, выспемъ синтезъ,—иначе мы погибнемъ въ пассивномъ ничегонедѣланіи, ибо любовь только къ человѣку—не творческая любовь, и изъ нея нѣтъ выхода къ творчеству культуры.

„Цѣнность жизни“ (Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, Петербургъ, конференцъ-залъ академіи наукъ). Вопросъ о цѣнности жизни Д. Н. Овсяннико-Куликовскій разсмотрѣлъ съ двухъ сторонъ: съ точки зрѣнія субъективной оцѣнки жизни и съ точки зрѣнія ея объективной цѣнности, т. е. „общественной стоимости“ личности.

Въ качествѣ яркаго выразителя психологическаго типа съ пониженной субъективной оцѣнкой жизни, лекторъ разобралъ личность и творчество Лермонтова, типичнымъ же образцомъ натуры съ повышенной оцѣнкой онъ взялъ Пушкина.

Психологическій типъ съ нормальной или повышенной субъективной оцѣнкой жизни представляетъ, по мнѣнію оратора, двѣ основныя разновидности; одни, которыхъ онъ обозначаетъ „фальстафами“—преимущественно потребляютъ культурныя цѣнности, почти не участвуя въ ихъ созиданіи; другіе—это дѣйствительные работники, участники культуры на всѣхъ ея сту-

меняхъ вплоть до самыхъ высшихъ. Положительная роль есть и у „фальстафовъ“: хотя они и потребляютъ больше, чѣмъ создаютъ, но зато они „озонируютъ“ атмосферу, раздвигаютъ вокругъ себя жизненность.

Вторая половина лекціи посвящена была „общественной стойкости“ личности, т.-е. ея объективной оцѣнкѣ. Говоря о трудности въ наши дни отыскать свое мѣсто въ жизни и свою цѣнность въ ней, что сильно способствуетъ разочарованію, меланхоліи и пр., ораторъ видитъ причины этой трудности, во-первыхъ, въ индивидуалистической дифференціаціи, царящей въ наше время, во-вторыхъ, въ антагонистическомъ характерѣ современной культуры. Людямъ стало очень трудно найти себя въ жизни, свое призваніе и мѣсто,—и отсюда на ряду съ рѣдкими проявленіями гипертрофіи социальныхъ инстинктовъ и чувствъ наблюдается все болѣе частая атрофія ихъ.

Но постепенно эта задача—опредѣлить свое мѣсто въ жизни—все болѣе будетъ облегчаться благодаря тому, что теперь на всѣхъ пунктахъ культуры непрерывно создаются все новыя колоссальныя цѣнности, дается выходъ всѣмъ силамъ, приложеніе всякимъ способностямъ.

Приближается новая эпоха суровой трудовой культуры, въ которой исчезнетъ анархія и воцарится единство въ вопросахъ морали, въ религіи же, искусствѣ и философіи воцарятся полная свобода и разнообразіе. Для упадка жизненнаго тонуса тогда не будетъ больше ни оснований, ни мѣста, приступы меланхоліи устранимъ будущая психіатрія, и всѣ люди будутъ радоваться жизни. По слову Канта, человѣкъ станетъ высшей цѣнностью на землѣ, и радостная жизнь будетъ имѣть цѣлью высшую челоуѣчность.

Взрывъ дружныхъ рукоплесканій вызвалъ бодрый заключительный аккордъ лекціи: „Не далеко время,—быть можетъ, „черезъ двѣсти-триста лѣтъ“,—когда людямъ не нужны будутъ лекціи на такіа темы, какъ моя, когда натурами съ пониженной оцѣнкой жизни будутъ интересоваться археологи и когда рассказы о меланхоликахъ люди будутъ слушать, недовѣрчиво и задумчиво покачивая головой“...

„Новый человѣкъ“ (А. А. Суворинъ, Москва, Юридическое Собраніе). Лекторъ началъ съ указанія на то, что принципъ эволюціи, играющій такую исключительную роль въ современномъ научномъ міропониманіи, почему-то утрачиваетъ свою убѣдительность въ примѣненіи къ человѣку. Современный человѣкъ обычно представляется какъ данное, не подлежащее

какимъ-либо дальнѣйшимъ измѣненіямъ существа, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ типическихъ чертахъ.

Въ изслѣдованіяхъ социальнаго характера такое недоразумѣніе стало какъ будто постояннымъ.

Человѣческую инициативу и свободное творчество мы приносимъ въ жертву законамъ исторической необходимости. Мы говоримъ объ обязательности прохожденія опредѣленныхъ этаповъ, объ обязательности переживанія опредѣленныхъ общественныхъ формъ и легкомысленно забываемъ объ этапахъ, которые проходятъ челоуѣческая личность.

И въ жизни и въ литературѣ жадно слѣдятъ за малѣйшими измѣненіями въ социальной структурѣ, но остаются равнодушными къ измѣненіямъ въ челоуѣческой волѣ и психикѣ.

Еще Марксъ сказалъ, что „человѣкъ, дѣйствуя на вѣщную природу, измѣняетъ свою собственную“. Но это глубокое замѣчаніе было совершенно забыто въ разработкѣ марксистской доктрины, и въ лагерѣ ея сторонниковъ возоблада- ла мысль о „соціологической ничтожности“ личности, о томъ, что психика личности обусловливается цѣликомъ конкретной общественной средой, которой она принадлежитъ.

Между тѣмъ ростъ личности, съ точки зрѣнія взаимодействія между личностью, обществомъ и матеріальной средой, есть безспорный соціологическій фактъ, фактъ огромнаго значенія, который бы слѣдовало учитывать всѣмъ тѣмъ, кто слѣпо вѣритъ въ законы исторической необходимости.

Ученіе Бюкля о прогрессѣ только естественныхъ условій и постоянствѣ челоуѣческихъ способностей и челоуѣческой морали можно считать оставленнымъ послѣ трудовъ Дарвина.

„Въ историческихъ общественныхъ формахъ,—пишетъ Л. Штейнъ,—удержалось наиболѣе цѣлесообразное, или главнымъ образомъ удержалось таковое, тогда какъ менѣе цѣлесообразное погубило. Поэтому челоуѣческія способности не могли оставаться неизмѣнными... Челоуѣческій умъ обладаетъ въ настоящее время такими способностями, которыми не обладалъ культурный человѣкъ прежняго времени и которыми не можетъ обладать современный готтентотъ, если бы даже онъ и получилъ воспитаніе въ Европѣ. Развивается самъ челоуѣческій мозгъ“.

„Могутъ ли эскимосы, — спрашиваетъ А. Фулье,—иначе, какъ въ теченіе многихъ вѣковъ, приобрести громадную усваивающую способность нашихъ аріискихъ мозговъ?..“

„Новый человѣкъ“ возможенъ. Онъ неизбѣженъ!—убѣждаетъ своихъ слушателей лекторъ.

И разъ это осознано, уже нельзя *пассивно* ожидать „новаго чловѣка“. Необходимо искать его, найти.

Но какъ и гдѣ его искать? Какъ сдѣлать себя новымъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, лекторъ сузилъ свою задачу и, остановившись вкратцѣ на явленіяхъ подсознанія, главное мѣсто своей лекціи отвелъ реформѣ современнаго питанія и, въ частности, голодаію, какъ могущественному средству радикальнаго обновленія нашего организма.

„Человѣкъ съ точки зрѣнія науки, религіи, мистики и теософіи“ (А. Г. Молокинъ, Москва, Политехнической музей). Лекція эта также посвящена „новому чловѣку“, также насквозь проникнута вѣрой и нетерпѣливымъ ожиданіемъ его пришествія.

Цѣль лекціи—показать, вопреки ходячему мнѣнію, что въ дѣлѣ познанія сущности чловѣка, самопознанія, ведущаго къ познанію всего космоса, ученія религіозныхъ системъ даютъ намъ указанія весьма цѣнные въ тѣхъ областяхъ, которыя предчувствуются, но еще не освѣщены современной научной мыслью, и что въ широкихъ горизонтахъ, открывающихся на пути точнаго знанія, ясно намѣчается мость между наукой и религіей.

Прежде всего, говоритъ лекторъ, надо отмѣтить, что міръ реальныхъ, происходящихъ вкругъ насъ явленій—безконечно обширнѣе той области ихъ, въ которой оперируетъ современная наука. Всѣ явленія науки сводитъ къ вибраціямъ, колебаніямъ частицъ матеріи или гипотетическаго эира. Нашими органами чувствъ мы однако воспринимаемъ лишь отдѣльныя, небольшія группы этихъ вибрацій,—какъ звукъ, свѣтъ, теплоту, и болѣе или менѣе знаемъ ихъ. Есть другія группы вибрацій, которыя не воспринимаются нами въ цѣломъ и непосредственно, но изучаются по ихъ вторичнымъ проявленіямъ—таковы, напр., электричество, рентгеновскіе лучи. Знанія наши о нихъ случайны, менѣе полны и существенно отличаются отъ знаній нашихъ о цвѣтахъ, звукахъ и т. п. Но существуютъ еще безконечно-обширныя области вибрацій—болѣе быстрыхъ и болѣе медленныхъ, а также вибрацій промежуточныхъ, о которыхъ мы почти ничего не знаемъ,—міръ явленій вполнѣ реальныхъ, но для насъ *сверхчувственныхъ*. Міръ слѣпого и міръ зрячаго—два разныхъ міра. Каковъ же будетъ міръ для существа, обладающаго нѣсколькими лишними органами чувствъ или инымъ отношеніемъ ко времени и пространству?

Законы эволюціи, дающіе въ прошломъ опре-

дѣленно совершенствующійся рядъ формъ до современнаго чловѣка включительно, гарантируютъ намъ въ будущемъ появленіе такого существа. Идея „новаго чловѣка“, „сверхчловѣка“ все чаще занимаетъ умы современниковъ.

Нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на возможность иныхъ способовъ воспріятія, появленія новыхъ органовъ чувствъ и расширеннаго сознанія. Изученіе вліяній сильныхъ наркотиковъ, явленій бреда и галлюцинацій, изученіе сна и сновидѣній, особенно же явленій, наблюдаемыхъ въ искусственномъ снѣ, гипнотическомъ трансѣ, уже и теперь даютъ многое въ этомъ направленіи. Да и въ обыденной жизни внимательнѣе отношеніе къ нашимъ предчувствіямъ, способностямъ угадывать чувства и мысли другихъ, особенно близкихъ людей, явленіямъ такъ называемаго инстинкта и подсознанія, открываетъ намъ тѣ же заманчивые горизонты.

Съ другой стороны, новѣйшая философія выдвигаетъ утвержденіе интуитивныхъ способностей въ насъ, „знанія“ выѣ анализа и логики, путемъ внутренняго раскрытія (Бергсонъ, Лоскій и др.). Даже основы точнѣйшей изъ наукъ—математики—признаны интуитивными (Пуанкаре), а нашему интеллекту и логикѣ отводится лишь скромная роль перерабатыванія и отдѣлыванія того, что въ основѣ своей дано намъ какъ бы извнѣ, высшимъ разумомъ—нашимъ или міровымъ, говорящимъ въ насъ въ извѣстныхъ случаяхъ. И „новый чловѣкъ“—сольетъ свое расширенное сознаніе съ этимъ высшимъ разумомъ, и высшій, теперь еще рѣдкій, даръ интуиціи—откровенія—станетъ его постояннымъ достояніемъ.

Неограничена область чловѣческаго знанія и истинной широкой науки. Современемъ она обниметъ всю совокупность міровыхъ явленій—тогда не будетъ явленій, стоящихъ „выѣ закона“, къ каковымъ наука должна пока относить явленія чловѣческой психики, ума и воли—отчасти, а явленія этическихъ, судебъ чловѣка и народовъ—почти цѣликомъ. Но тогда, найдя обоснованія нравственности, законы высшихъ явленій, наука станетъ и религіей. Религія же людей, вошедшихъ въ „возрастъ Христовъ“, перестанетъ быть обрядовой и догматичной—станетъ доказательной во внутреннемъ опытѣ, станетъ высшей наукой. Два теченія неизбежно сольются.

Ньютону принадлежатъ слова: „малое знаніе отрицаетъ Бога, великое—утверждаетъ Его“.

Вѣра, путь къ религіозной истинѣ, опредѣляется какъ „сила, двигающая горами“, какъ „обличеніе вещей невидимыхъ“ (ап. Павелъ). Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ не о легковѣріи

или суевѣріи, а о вѣрѣ-знаніи, обличающей невидимое, утверждающей истину и проявляющей какъ реальная могущественная сила. Такая вѣра—есть высшая степень интуиціи, откровеніе истины, единой истины, къ которой другимъ путемъ придетъ современемъ и точное знаніе, наука. Но для этого наука должна найти и новые методы изслѣдованія, построенные не исключительно на вѣншемъ опытѣ пяти чувствъ, но также на опытѣ высшихъ чувствъ „новаго человѣка“ и на опытѣ внутреннемъ. Изученіе мистицизма можетъ дать нѣкоторое понятіе объ иныхъ методахъ воспріятія.

Мистики безусловно знаютъ нѣчто неведомое намъ. Въ нихъ есть „утвержденіе и обличеніе вещей невидимыхъ“, способность раскрывать себя міру и, сливаясь съ нимъ, познавать вещь въ себѣ,—суть явленія, какъ свое переживаніе. Отсутствие словъ и общихъ понятій лишаетъ мистика возможности передать намъ свой опытъ и переживанія. Его положеніе среди насъ можно сравнить съ положеніемъ зрячаго, или только-что прозрѣвшаго въ царствѣ слѣпыхъ отъ рожденія, или музыканта среди глухихъ.

Существо человѣка гораздо сложнее, чѣмъ представляетъ это себѣ современная наука. Человѣкъ имѣетъ вполнѣ развитыми лишь низшіе органы чувствъ, и признавалась въ немъ до послѣдняго времени лишь та часть его сознанія (интеллектъ), которая выявлялась черезъ мозгъ. Между тѣмъ человѣкъ чувствомъ и мыслью соприкасается съ явленіями высшаго порядка и въ интуиціи выявляетъ частично свой высшій разумъ.

Проводники высшихъ вибрацій до нѣкоторой степени организованы, проникаютъ физическій организмъ человѣка и имѣютъ въ себѣ зачатки высшихъ органовъ чувствъ (семь тѣлъ человѣка, по теософической терминологіи). Но чувства эти еще дремлютъ у большинства, проводники мало дѣятельны, и жизнь ихъ проходитъ въ бодрствующаго сознанія.

Цѣль эволюціи человѣка—сформировать всѣ проводники, сдѣлать дѣятельными всѣ высшіе органы чувствъ и раскрыть, расширить свое сознаніе до сознанія сверхъ-и богочеловѣческаго и прійти свободно къ слиянію съ Божествомъ.

Здѣсь лекторъ выдвигаетъ теорію перевоплощенія: только при условіи послѣдовательнаго ряда отдѣльныхъ земныхъ жизней можетъ каждая индивидуальность пройти длинный путь такой эволюціи, перевоплощаясь для cadaго новаго урока. И руководящая въ жизни паметъ прошлаго опыта живетъ въ насъ, какъ голосъ совѣсти, внутренняго чувства, интуитив-

наго утвержденія. Наши таланты, симпатіи, антипатіи—отголоски прошлыхъ воплощеній. Теорія перевоплощенія, по мнѣнію лектора, объясняетъ логично и разумно неразрѣшимые на первый взглядъ вопросы и противорѣчія жизни.

Призывъ къ „пути совершенствованія“ является наиболѣе существенной стороною теософическаго ученія,—опредѣленный призывъ, построенный на томъ убѣжденіи, что современное человечество уже созрѣло для сознательной работы надъ культурой высшихъ „проводниковъ“, для правильнаго пониманія и использования тѣхъ указаній, которыя составляли раньше „окультную“, тайную науку (какъ тайными будутъ интегралы для незнакомаго съ низшей математикой). Наука эта отличается отъ прочихъ тѣмъ, что ее нельзя усвоить однимъ интеллектомъ, что она должна стать дѣломъ всей жизни, овладѣть всѣмъ существомъ человѣка. Каждый шагъ на пути дѣлается подъ строгимъ контролемъ сознанія и открываетъ слѣдующій шагъ.

„Теософическое движеніе и теософическое общество“ (П. И. Тимофеевскій, Москва, аудиторія высшихъ женскихъ курсовъ). Для популяризаціи идей теософіи, Россійское теософическое общество устроило въ эту зиму рядъ лекцій. Въ Петербургѣ, напр., читалось о перевоплощеніи (В. Н. Пушкина), о „строении космоса и сложномъ составѣ человѣка“ (Н. И. Эрасси), о „развитіи психическихъ силъ и воспитаніи новаго человѣка“ (А. А. Каменская), въ Москвѣ—вышеразмотрѣнная лекція „о человѣкѣ съ точки зрѣнія науки, религіи, мистики и теософіи“, „о цѣнности теософіи въ человѣческой жизни“ (Е. Ф. Писарева) и др., въ томъ числѣ и названная лекція д-ра Тимофеевскаго. Сообщаемъ резюме этой послѣдней.

Въ широкихъ общественныхъ кругахъ замѣчается чрезвычайная путаница понятій, относящихся къ теософическому движенію; этой путаницѣ много способствовало то, что подъ словомъ „теософія“ подразумеваются часто четыре совершенно различныя явленія: теософическое общество, теософическая доктрина, теософическое движеніе и собственно Теософія—Божественная мудрость.

Теософія въ собственномъ значеніи это тотъ немогущій быть постигнутымъ конечнымъ раціональнымъ мышленіемъ внутренній смыслъ міра, законъ, сводящій все его многообразіе къ единству,—то, что превращаетъ хаосъ въ космосъ. Этой объективной „мудрости Бога“ отъбѣчаетъ внутри человѣка непосредственное вѣдѣніе, интуиція, утверждающая: „это та-

ково", интуиция, являющаяся базисомъ всѣхъ аксіомъ, положенныхъ въ основу знанія. Эта теософія въ человѣкѣ ирраціональна и невыразима въ словахъ, но осознанность ея измѣняема, то-есть она можетъ раскрываться, раси и дѣлать для насъ все постижимѣе внутренній смыслъ міра. Культура этого роста, этого измѣненія предпосылокъ, съ которыми человѣкъ встрѣчаетъ внѣшній міръ, поисковъ истины путемъ измѣненія „даннаго"—является задачей *теософическаго движенія*.

Теософическое движеніе въ своемъ стремленіи къ Истинѣ соприкасается съ научнымъ, философскимъ и религіознымъ движеніемъ, но оно существенно отличается отъ нихъ. Оно ни наука, ни религія, ни философія: оно ихъ *симтезъ*, но не въ смыслѣ синкретизма теорій, а въ смыслѣ сліянія методовъ.

Если разсматривать эти три великихъ пути человечества къ Истинѣ, мы замѣтимъ, что всѣмъ имъ присущи: элементъ даннаго, элементъ спекуляціи съ даннымъ и элементъ повѣрки полученной картины міра опытомъ и наблюденіемъ, но въ каждомъ изъ нихъ особенно силенъ одинъ изъ этихъ элементовъ. Такъ, сила науки—въ элементѣ повѣрки, въ той тщательности, съ которой она повѣряетъ свои теоріи опытомъ, и эта постоянная повѣрка позволяетъ ей, исходя изъ такого шаткаго даннаго, какъ свидѣтельство органовъ чувствъ, и будучи далеко не строгой, въ философскомъ смыслѣ слова, въ построеніи этихъ теорій, въ элементѣ спекуляціи, достигать такихъ великодушныхъ результатовъ въ своей области изученія внѣшнихъ процессовъ космоса. Философія сильна безукоризненностью своихъ спекуляцій, абсолютною правильностью выводовъ изъ тѣхъ аксіомъ, предпосылокъ, которыя каждая система скрыто или явно кладетъ въ свою основу; но предпосылки различны для cadaго, а повѣрка философскихъ построеній выходитъ за предѣлы современнаго человѣческаго опыта. Наконецъ, религіозное движеніе сильно тѣмъ, что измѣняетъ самого человѣка, сумму его аксіомъ, предпосылки его индивидуальной философіи, но оно *принципіально* не допускаетъ критики и повѣрки.

Теософическое движеніе, какъ и религіозное, стремится измѣнить самого человѣка и разрабатываетъ методы такого измѣненія, но вмѣстѣ съ наукой оно принимаетъ только то, что проверено наблюденіемъ, что подтверждено экспериментомъ, и вмѣстѣ съ философіей требуетъ точности въ спекуляціи, полного соответствія выводовъ положенному въ основу: малый разумъ гатіо незамѣнимъ, какъ контролеръ, въ такой же степени, какъ непригоденъ въ каче-

ствѣ проводника, и только тѣ выводы изъ положенія, добытаго интуиціей, могутъ быть приняты, правильность полученія которыхъ выдержитъ его проверку.

Такимъ образомъ, отъ религіозныхъ движеній теософическое отличается обязательностью критики, отъ философскихъ признаніемъ относительности, обязательной всеобщности аксіомъ, положенныхъ въ основу каждой философской системы, и отъ научныхъ—признаніемъ иллюзорности какъ разъ того, на чемъ покоится вся наука, то-есть свидѣтельствъ органовъ чувствъ, измѣняющихся съ измѣненіемъ человѣка, при чемъ измѣненіе это можетъ быть стимулировано и ускорено въ очень значительной степени.

Теософическая доктрина, являясь попыткой передать въ вѣчныхъ и рациональных формулахъ то ирраціональное вѣдѣніе, которое одно только можетъ быть названо Теософіей, не только по самой природѣ своей адогматична, но и должна быть воспринимается какъ нѣчто завѣдомо невѣрное, искаженное, только приблизительно передающее, только намекающее на истину, не могущую быть выраженной въ понятіяхъ. Мало того, въ виду того, что для каждой ступени сознанія объемъ внутренняго вѣдѣнія различенъ, то, что является истиною для одного, вовсе не истина для другого. Истина, завѣдомо искаженное изображеніе которой я встрѣчаю въ произведеніи того или иного изъ лидеровъ движенія, можетъ оказаться советѣмъ не истиною для меня.

Разумѣется, для опредѣленной эпохи и для людей приблизительно одного уровня сознанія цѣлый рядъ идей будутъ совпадать. Для огромнаго большинства современныхъ теософовъ міръ воспринимается какъ единое самосознующее, эволюционирующее цѣлое, человѣкъ—какъ частица, не сознающая себя всѣмъ только потому, что *пока* его сознаніе еще не вполне раскрылось, и т. д. и т. д. Но не эта общность воззрѣній дѣлаетъ ихъ теософами, а ихъ работа по перестройкѣ себя, при напряженной осторожности критическаго аппарата (иначе и при тождественности взглядовъ съ излагаемыми въ теософической доктринѣ ихъ надо было бы отнести къ религіозному движенію, также требующему „перестраиванія себя“, но по иному методу: давленіемъ неподвижныхъ идей—догматовъ, методомъ гораздо болѣе пригоднымъ для большинства человечества, чѣмъ трудный и опасный путь критики и эксперимента).

Значеніе теософической доктрины вовсе не въ передачѣ „абсолютной“ истины, а въ томъ, что подъ влияніемъ соприкосновенія съ работою одного сознанія, ярко пережившаго касаніе

ліе съ тою или иною гранью Истины, сознаніе читающаго также соприкасается съ Истиною, и въ немъ раскрывается, пробуждается его собственная Теософія, растетъ то внутреннее вѣдѣніе, которое есть основа и предпосылка всякаго знанія. Читайте теософическія книги не потому, что *тамъ* истина, а потому, что отъ чтенія ихъ у васъ въ сердцѣ вырастетъ *ваша* истина, быть можетъ, вѣдѣніе даже стоящая въ противорѣчій съ тѣмъ, что вы прочтете въ книгѣ, но для васъ такая же нужная и несомнѣнная истина, какъ изложенная въ книгѣ была для писавшаго.

Наконецъ, теософическое общество есть только струйка теософическаго движенія. Тѣ изъ теософовъ, то-есть перестраивающихъ себя, для которыхъ является истиной, что наилучшимъ способомъ такой перестройки себя будетъ работа ради всѣхъ, для которыхъ истина, что *плодами* перестройки можно воспользоваться только послѣ всѣхъ, а ея *тягости* надо взять на себя раньше всѣхъ,—тѣ изъ теософовъ объединяются въ теософическомъ обществѣ. Они связаны не убѣжденіями, а цѣлями, изъ которыхъ первая и главнѣйшая—созданіе братства. Но для того, чтобы осуществить братство, прежде всего необходимо, чтобы были братья, и вотъ тѣ, кто хочетъ перестроить себя прежде всего такъ, чтобы быть братьями всѣмъ въ теперешнемъ не-братскомъ мірѣ, кто эту часть переустройства ставитъ въ первую очередь,—тѣмъ по дорогѣ съ теософическимъ обществомъ и тѣ могутъ быть его членами. Желаящимъ перестроить себя *только* ради званія или ради достиженія какихъ-нибудь другихъ, *личныхъ*, хотя бы высокихъ и чистыхъ, цѣлей, теософическое общество не можетъ помочь, хотя бы они и вступили въ него.

Тѣ, для кого блеснетъ красота жертвы, гибели одного ради многихъ (но жертвы *только* собою, гибели только себя), для кого станетъ понятнымъ, что право быть жертвой надо заслужить, что надо стать прекраснымъ, чтобы *достойнымъ* быть габели,—для этихъ сердецъ откроются возможности, въ ослѣпляющемъ свѣтѣ которыхъ они поймутъ, *почему* только погубившій душу свою спасетъ ее, какъ гибелью прекраснаго совершается искупленіе и что препятствуетъ *отдѣльному* слиться съ *Единнымъ*.

„Трагедія власти“ (О. Ф. Зѣлинскій, Петербургъ, залъ реформатскаго училища). Сплотивъ воедино человѣческія особи, сдѣлавъ ихъ *совмѣстную* жизнь и безопасной, и плодотворной, государство провозглашаетъ само себя и *вѣнцомъ*, и предѣломъ *человѣческихъ* стремле-

ній. Однако личность, отдавъ самое себя на служеніе государству, тѣмъ не менѣе сохранила заповѣдный уголокъ въ своемъ сердцѣ, гдѣ она не допускаетъ захватовъ государственной власти. Каждая стоитъ за свою правду: и государственная власть, и человѣческая совесть,—первая, какъ нападающая, вторая, какъ защищающаяся. При наличности движенія борьба между этими двумя принципами неизбежна. Борьба такая трагична, и трагичной она можетъ быть не только для защищающагося начала, но и *нападающаго*. Такую трагедію, „трагедію власти“, и вскрываетъ проф. Зѣлинскій въ своей лекціи, анализируя известную трагедію Софокла „Антигона“ (теперь эту лекцію можно прочесть въ мартовской кн. „Гол. Мин.“).

Мы знаемъ, завязкой трагедіи въ „Антигонѣ“ послужилъ суровый приказъ правителя Оивъ Креонта, приказъ оставить безъ погребенія, „на съѣденіе псамъ и птицамъ“, тѣло погибшаго въ междоусобномъ бою Эдипова сына Полиника, какъ „измѣнника“ своему отечеству. Сестра Полиника Антигона сочла своимъ долгомъ пойти противъ этого повелѣнія,—и за „нарушеніе закона“ она осуждена на смерть.

Но тутъ выступаетъ на сцену сынъ Креонта—Гемонъ. Онъ женихъ Антигоны, и вотъ онъ является ходатайствовать за свою несчастную невѣсту. Царь старается повліять на его благоразуміе. Пусть такъ, она ему невѣста, но зато онъ *отецъ*: невѣста замѣнима, отецъ—нѣтъ. Сынѣвній долгъ послушанія—залогъ государственнаго благозаконія; пусть онъ пойметъ это, пойметъ его, Креонта, царскую обязанность поддерживать это благозаконіе, тогда ему легче будетъ пожертвовать своей любовью.

Но царь ошибся: Гемонъ собственно не за Антигону пришелъ *просить*, а за него, за Креонта, говорить лекторъ. Онъ пришелъ ему сообщить нѣчто, чего онъ, Креонтъ, не знаетъ. А, именно: что въ этомъ дѣлѣ государство, въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ членовъ, не за него, а противъ него:

Всѣ ее жалѣютъ,
Всѣ говорятъ: «Ужель погибнетъ та,
«Что гибели всѣхъ менѣе достойна?»
«Ужель за подвигъ столь прекрасный—кару
«Столь жалостную понесетъ она?»
«Ту, что, родного брата въ лужѣ крови
«Найдя, непогребеннымъ не снесла,
«Не потеряла, чтобы отъ псовъ голодныхъ
«Онъ поруганье принялъ и отъ птицъ—
«Ее ль златнымъ мы не почтимъ вѣнкомъ?»
Такъ глухо бродитъ темная молва.

Здѣсь разгаръ трагизма для Креонта; что сынъ противъ него—это еще полбѣды: онъ

вѣдь не знаетъ, чѣмъ кончится эта вражда. Но о государство! До сихъ поръ онъ жилъ въ бѣдѣ, что дѣйствуетъ не только для блага государства, но и въ согласіи съ нимъ; теперь торая часть этого положенія оказывается ошибочной. Возникаетъ мучительный для законнаго аря, славенника народа, вопросъ: будетъ ли же закономъ тотъ приказъ, который изданъ, усть для блага народа, но въ разрѣзъ съ его волей? И вотъ, народъ въ этомъ дѣлѣ противъ него; что же остается? Остается — намеренная формула просвѣщеннаго абсолютизма: „ради народа — противъ народа“. Она не провозносится ясно, но лежитъ въ основѣ настроенія Креонта, въ его знаменитомъ спорѣ съ сыномъ:

Кр. Народъ ли мнѣ свою навяжетъ волю?
Гем. Ты вынѣ слово юное сказал!
Кр. Своей мнѣ волей править, иль чужой?
Гем. Единый мужъ — не собственникъ народа.
Кр. Какъ? «Мой народъ» — такъ говорятъ цари!

Гем. Попробуй самодержцемъ быть въ пустынь,—

т.-е. послѣ того, какъ народъ отшатнется отъ тебя и ты останешься одинъ...

Да, но вѣдь онъ не одинъ: у него есть, во-первыхъ, боги, оскорбленные врагомъ своей отчизны, а во-вторыхъ — онъ самъ, его царская совѣсть, внушившая ему его поступокъ и понувшъ его одобряющая. Сильный этимъ содѣйствіемъ, онъ остается непреклоннымъ. Своего сына онъ видитъ насквозь: онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ „женщины“. Онъ — представитель женскаго ирраціональнаго принципа въ борьбѣ съ мужскимъ принципомъ государственности и разума, олицетвореннымъ имъ. При такомъ пониманіи — вѣрѣ, непониманіи — дальнѣйшій споръ невозможенъ. Гемонъ въ отчаяніи уходитъ; Креонтъ остался непобѣдимъ.

Во имя двухъ началъ дѣйствовалъ Креонтъ: государства и боговъ. Но, оказывался, и боги, какъ вѣщаетъ прорицатель Тирезій, также противъ Креонта: подобно народу, и они отступили отъ него. Теперь у него одна опора: онъ самъ, его внутренній міръ. Между тѣмъ, не заставляя себя ждать новое испытаніе, — самое страшное изъ всѣхъ:

Запомни же (говоритъ Тирезій). Немного вѣхъ ристальныхъ
 Минуютъ въ горнихъ Солица бѣгуны —
 И будетъ отданъ оторыскъ царской крови
 Отвѣтной данью мертвецамъ — мертвецъ...

Это значитъ: за Полиника — Гемонъ. Что этимъ доказано? Для того Креонта, который предсталъ передъ нами въ первомъ дѣйствіи — ровно ничего. Не онъ ли сказалъ въ своемъ манифестѣ:

Презрѣнія достоинъ
 И тотъ безумецъ, кто сильнѣе блага
 Своей отчизны — дружбою плѣнень.

Итакъ, пусть онъ будетъ послѣдовательнымъ. Узнавъ, что народъ его покинулъ, онъ подумалъ про себя: „ради народа — противъ народа!“ — узнавъ то же про боговъ, онъ продолжалъ идти напроломъ: „ради боговъ — противъ боговъ“. Что же ему мѣшаетъ шествовать и дальше по тому же пути разума и государственной правды?

То мѣшаетъ, что онъ его *любитъ* — этого своего непокорнаго, обреченнаго единственнаго сына.

Любить! Да развѣ мѣсто любви тамъ, гдѣ повелѣваетъ долѣ государственнаго человѣка и царя? Любить! Да вѣдь это и есть тотъ „женскій“ принципъ, который связалъ Антигону съ Полиникомъ и Гемона съ Антигоной — неужели и онъ „покорится женщинамъ“?

Трагедія власти кончена; она кончена тѣмъ, что ея носитель въ собственномъ сердцѣ нашелъ своего врага.

Все ли ясно теперь? И ясно ли, прежде всего, что мы дѣйствительно имѣемъ передъ собой конфликтъ двухъ правдъ — правды государственнаго разума и правды личной любви, правды писаннаго и правды неписаннаго закона, правды Креонта и правды Антигоны?

Столько приказывалось и приказывается государственной власти и столь возмутительнаго, что наша ненависть къ Креонтамъ нашихъ дней невольно переносится и на ихъ софокловскій первообразъ — что мы и слышать не хотимъ объ его правдѣ и всѣ наши симпатіи отдаемъ его великодушнѣйшій противницѣ, любя въ Антигонѣ всѣхъ тѣхъ, кто намъ дорогъ своимъ смѣлымъ протестомъ и святы своимъ страданіемъ и своей самоотверженной смертью.

Антигона много и много разъ была ведена на смерть, не только на городскихъ площадяхъ и въ государственныхъ темницахъ, но, что еще хуже — и въ тихихъ умственныхъ лабораторіяхъ мыслителей и писателей. И можемъ ли мы утверждать, что ея мартирологъ уже кончился? При такихъ условіяхъ какъ-то боишься говорить о Креонтѣ и его правдѣ: какъ бы этимъ не ослабилъ симпатій къ Антигонѣ, въ которыхъ она именно теперь нуждается — быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Уже не правильнѣе ли, въ самомъ дѣлѣ, поступаютъ тѣ, которые — подобно послѣднему нѣмецкому вздателю трагедіи — не признаютъ никакой правды за Креонтомъ и характеризуютъ его самого какъ мелкаго и тщеславнаго тирана?

Нѣтъ, никимъ образомъ — и вотъ почему.

Въ одинъ изъ самыхъ острыхъ періодовъ мартиролога Антигоны жилъ и писалъ юноша Фридрихъ Шиллеръ. Видъ ея попираемой правды глубоко возмущилъ его пылкую душу и внушилъ ей тотъ гнѣвный, беспощадный протестъ, который вылился въ его двѣ драмы „Разбойники“ и „Коварство и любовь“. Мощная сила его молодой симпатіи именно съ молодой исключительностью отдалась терзаемой жертвѣ и ея правдѣ; изъ-за нея онъ не разглядѣлъ правды ея вѣкового противника. Въ немъ онъ могъ признать только отрицательныя черты; онъ его изобразилъ отовсюду злымъ — либо отвратительно злымъ, какъ Франца Мора, либо смѣхотворно злымъ, какъ президента съ его Кальбамы и Вурмиами.

Затѣмъ — переломъ.

Усердное изученіе античной трагедіи внесло художественную ясность и уравновѣшенность въ мятущуюся душу юнаго поэта; и, какъ лучший плодъ этого изученія, передъ нимъ предстала истина:

Нѣтъ двухъ путей добра и зла,
Есть два пути добра.

И, вновь поднимая тѣ же проблемы, онъ написалъ свою первую трагедію, навѣянную античными образцами — „Донъ Карлоса“. Въ ней Антигона расщепилась на Карлоса и Позу, въ чемъ не безъ основанія былъ усмотрѣвъ недостатокъ, но Креонтъ возродился въ единомъ, внушительномъ въ своей строгой монументальности образѣ — въ образѣ короля Филиппа.

Это уже не Францъ Мооръ, не президентъ — этотъ стойкій и справедливый мужъ, сумѣвшій побороть свое страшное горе и обиду и встрѣтить своего униженного адмирала бодрящимъ словомъ ласки и привѣта. Но крамола растетъ въ его владѣніяхъ — крамола религіозная, крамола политическая; его царскій долгъ вѣдать ему ее уничтожить всѣми мѣрами устрашающей строгости — вотъ ради чего горятъ костры на городскихъ площадяхъ веселой Фландріи и на Пласа Майоръ его благочестивой столицы. И когда ему говорятъ объ ужасахъ его правленія, о кроткой мудрости другихъ временъ, объ отеческомъ отношеніи правителя къ своимъ подданнымъ, — онъ отвѣчаетъ:

Но никогда, повѣрь мнѣ, не настанетъ
Та человѣчность будущихъ вѣковъ,
Если во мнѣ не хватитъ силы духа
Принять проклятіе моихъ временъ.

И онъ — государственникъ, не признающій голоса сердца тамъ, гдѣ сказала свое слово государственная мудрость; и онъ — человѣкъ-

законъ, если не волею народа, какъ въ демократической монархіи Софокла, то Божьей милостью. А впрочемъ, и народной волей — его народъ, вародъ испанскій, его призываетъ. И наконецъ, еще одну черту раздѣляетъ онъ со своимъ греческимъ первообразомъ — ту, безъ которой онъ не былъ бы трагическимъ героемъ. На нее ему тамъ же указываетъ его смѣлый собесѣдникъ Пеза:

Но жалъ!

Когда изъ рукъ Творца ты человѣка
Пріялъ, пріявъ же превратилъ его
Въ рукъ собственныхъ созданіе — ты ошибся
Въ одномъ: ты самъ остался человѣкомъ
Изъ рукъ творца!

Въ этомъ зародышъ его гибели. Событія сплетаются у Шиллера сложнѣе, ясность основной идеи затемнена побочными мотивами и эпизодами, но исходъ тотъ же: и Филиппъ доживаетъ свой вѣкъ блѣднымъ и безсильнымъ призракомъ, склонивъ свою гордую выю подъ ярмо великаго инквизитора.

Вотъ какъ понялъ и изобразилъ поэтъ вѣмецкой свободы, идя по стопамъ Софокла, правду Креонта — ту правду, противъ которой онъ борется всѣми силами своей души.

Вспоминаются по этому поводу слова Фр. Ницше: „Чтобы измѣрить природную тонкость или тупость также и самыхъ умныхъ людей, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ они понимаютъ и передаютъ мнѣнія своихъ противниковъ: при этомъ обнаруживается природная мѣра каждого интеллекта. Совершенный мудрецъ бессознательно возвышаетъ своего противника до идеальныхъ размѣровъ и дѣлаетъ его оппозицію свободной отъ всѣхъ изъязвленъ и случайностей; и только тогда, когда этотъ его противникъ сталъ богомъ со сверкающими доспѣхами — только тогда онъ вступаетъ съ нимъ въ бой“.

Такъ поступилъ и Софоклъ — но только, думается, не бессознательно, а вполне сознательно. На это мнѣніе наводятъ одно мѣсто изъ его трагедій — начало слова самаго страстнаго поборника правды Антигоны, Гемона, въ которомъ онъ отвѣчаетъ на рѣчь своего отца за государство и его разумъ.

Ахъ, разумъ, разумъ... Да, отецъ мой, высшій
То даръ боговъ для смертныхъ, спору нѣтъ;
И что неправъ ты, это доказать
Не въ силахъ я — и не хочу быть въ силахъ.
Но и въ противномъ мнѣніи правда есть.

Эти слова для насъ обязательны, — заключаетъ лекторъ. Слѣдуя указанному пути, и мы, скромные толкователи поэта, должны освободить созданный имъ героическій образъ Креонта ото всѣхъ изъязвленъ и случайностей,

представить его богомъ со сверкающими доспѣхами — для того, чтобы затѣмъ всѣми силами своей души бороться съ нимъ и съ его правдой.

„Толстой и судъ“ (В. А. Маклаковъ, Петербургъ, залъ Калашниковской биржи). Содержание этой лекціи, — напечатанной въ март. кв. „Рус. М.“, — сводится къ слѣдующему.

Человѣчество возноситъ судъ на особенную высоту. Самые крайніе отрицатели бѣльшинства человѣческихъ учрежденій видятъ въ судѣ наиболѣе почетную функцію государства. И къ этому именно учрежденію — къ суду — Толстой относится съ сугубымъ отрицаніемъ, отвергая его принципиально, какъ учрежденіе вредное. Толстого нельзя понять до тѣхъ поръ, пока не будетъ объяснено это прогнворѣіе. Въдѣ такое отношеніе Толстого къ тому, что дорого міру, не случайно, а неразрывно связано со всѣмъ его религіознымъ міросозерцаніемъ, страстно формулированнымъ въ его произведеніи „Въ чемъ моя вѣра“.

Въ этомъ произведеніи впервые Толстой выдвинулъ догматъ непротивленія злу, какъ основу ученія Христа. Міръ не только не принималъ, міръ не могъ понять этого ученія. Онъ не мыслилъ человѣка внѣ общежитія, не мыслилъ общежитія внѣ государства, а государства нельзя мыслить безъ принужденія. Съ точки зрѣнія мірской, требованіе непротивленія злу — абсурдно. И дѣйствительно, на основаніе возраженіе противниковъ толстовскаго ученія, что непротивленіе злу фактически ведетъ къ разнузданности насилія и къ господству зла, толстовцы ни разу не дали мало-мальски убѣдительнаго отвѣта. Но что это доказываетъ? Только то, что противники Толстого, выдвигая этотъ практически неопровержимый аргументъ, не поняли души толстовскаго ученія, его основной сути. Ученіе Толстого нельзя дробить по частямъ, его нужно брать цѣликомъ или цѣликомъ отвергать. А Толстой только потому и могъ поддерживать догматъ непротивленія злу, что считалъ благомъ не то, что міръ считаетъ благомъ и что міръ, со своей точки зрѣнія, совершенно послѣдовательно, защищаетъ поэтому насиліемъ. Міръ считаетъ благомъ — собственность, личную неприкосновенность, жизнь. Все, что это нарушаетъ — зло, и съ этимъ зломъ надо бороться. Но для Толстого эти блага — суета и самообманъ. Онъ вѣрилъ, что блаженны тѣ, кого будутъ гнать и преслѣдовать во Имя Его. Онъ считалъ несчастнымъ и жалкимъ не жертву, а убійцу. Общее пониманіе блага было для Толстого фальшиво въ самой основѣ.

Зло міра — не зло Толстого. Отсюда — не прогнвленіе злу, — такъ называемому злу.

Въ этомъ историческое значеніе Толстого. Міръ приспособилъ христіанство къ своему жизненному идеалу. Истолковалъ крайне альтруистическіе заветы Христа, какъ условные, какъ метафоры. Міръ не могъ, не захотѣлъ подняться на высоту жизнепониманія Христова. Толстой же не захотѣлъ принять христіанство въ указанномъ приспособленномъ видѣ. Онъ понималъ Христа буквально и, ощутивъ его жизнепониманіе, переоцѣнилъ всѣ понятія міра о благѣ и счастіи. Съ мірской точки зрѣнія смѣшно подставить другую щеку для удара, а съ Христовой — благо. Съ мірской точки зрѣнія жадокъ „обиженный“, съ Христовой — обидчикъ.

Толстой далъ міру неожиданное зрѣлище, что въ эпоху наибольшаго расцвѣта матеріальной культуры, наибольшей погони за нею со стороны всѣхъ живущихъ, онъ явился не какъ социальный реформаторъ, а какъ религіозный учитель, обличитель богатства и проповѣдникъ нищеты. И не случайно то, что съ этимъ ученіемъ выступилъ именно Толстой, человѣкъ, который въ изобиліи обладалъ всѣмъ тѣмъ, что міръ признаетъ благомъ. Только онъ на опытъ могъ познать, что всѣ блага міра — обманъ, изъ-за котораго жить не стоитъ. Не случайно и то, что ученіе Толстого родилось въ Россіи. Толстой заимствовалъ его отъ темныхъ людей, отъ народа, огорчающаго своими достоинствами и восхищающаго своими недостатками, отъ того русскаго народа, который мало пользуется благами матеріальной культуры, но зато и не сталъ ея рабомъ.

Міръ поклонился Толстому, но не понялъ его.

Это рѣзкое расхожденіе съ міромъ въ основномъ пониманіи блага и привело къ тому, что Толстой съ особенной страстностью отрицалъ судъ: ему не могли не казаться ничтожными функція суда, какъ охраны благъ этого міра. Для отрицанія суда было достаточно, что судъ идетъ путемъ принужденія, защищаетъ законъ, а не заветы Христа. Но для сугубо-отрицательнаго отношенія къ судьямъ былъ важенъ другой моментъ судебной дѣятельности. То, что міръ не пошелъ за Христомъ, Толстой объяснял „соблазнами“. Человѣка соблазняетъ „обманчивая дѣятельность“, въ которую онъ заманивается подобіемъ добра. И этотъ соблазнъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ зло этой дѣятельности болѣе скрыто, замаскировано „подобіемъ добра“. Въ дѣятельности палача нѣтъ этой замаскированности, она никого не обманываетъ. Дѣятельность судьи соблазняетъ мно-

гихъ. Она мѣшаетъ людямъ видѣть правду, примиряетъ людей со зломъ міра. Палачъ можетъ притти въ ужасъ отъ своего дѣла, военные, убивающіе на войнѣ, могутъ раскаиваться въ убійствахъ, судья же никогда не раскается. Не онъ сочинялъ законы, не онъ отвѣчаетъ за нихъ. Дѣятельность судьи почитается міромъ, какъ самая почетная, безукоризненная въ моральномъ отношеніи — оттого въ ней больше соблазна.

По этой же причинѣ изъ всѣхъ дѣятелей суда болѣе всѣхъ не взлюбилъ Толстой адвокатовъ. У него есть положительные типы прокурора и судьи. Но во всѣхъ его произведеніяхъ всѣ адвокаты рисуются имъ рѣзко отрицательными чертами. При этомъ Толстой имѣлъ въ виду не профессиональные пороки адвокатской дѣятельности — неизбежныя и естественныя: навѣкъ подходить къ дѣлу предвзято, итти не отъ фактовъ къ выводу, а наоборотъ, способность аргументировать при отсутствіи опредѣленныхъ убѣждений, какъ результатъ способа мышленія. Не эти стороны, дѣлающія адвокатовъ столь исключительно приспособленными къ парламентской дѣятельности, гдѣ предвзятость вывода опредѣляется партійностью, — не эти стороны адвокатуры обличалъ Толстой. Адвокатура для него — соблазнъ изъ соблазновъ, ибо, формально выступая противницей суда и какъ бы противопоставляя себя суду, она поддерживаетъ судъ, миритъ съ нимъ, прикрываетъ фиговымъ листомъ его зло.

„Любовь и капитализмъ“ (Вернеръ Зомбартъ, Петербургъ и Москва). Такъ называлась одна изъ двухъ лекцій, прочитанныхъ въ Россіи нѣмецкимъ профессоромъ-экономистомъ. Соединяетъ Зомбартъ эти понятія — любовь и капитализмъ — довольно оригинально.

Покуда аскетическая сторона христіанства заставляла понимать подъ любовью исключительно чистое, полумистическое чувство, немислима была та роскошь, которая характеризуетъ собой развитіе современной капиталистической системы. Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ любовь завоевывала себѣ свободу, по мѣрѣ того, какъ она становилась самоцѣлью, почти искусствомъ — а это пришло съ эпохой Возрожденія, — возрастала и потребность въ украшеніи своей жизни, въ роскоши. Парижъ, Лондонъ, всѣ большіе центры наполняются къ XVI вѣку цѣлой массой мануфактуръ, шелковыхъ, фарфоровыхъ, стеклянныхъ, кружевныхъ и т. п. производствъ исключительно роскоши. Мебель, одежда, архитектура и вся обстановка домашнего быта рѣзко мѣ-

няются. Въ то время, какъ прежде если и существовалъ намекъ на роскошь, то это была роскошь идеальная, альтруистическая: украшеніе храмовъ („роскошь для Бога“), публичныхъ зданій и проч., теперь же возникаетъ эгоистическая роскошь — для себя.

Что же является стимуломъ этого движенія? Все болѣе и болѣе освобождающаяся отъ оковъ религіи любовь. Любовь, являвшаяся прежде „грѣхомъ“, теперь не только занимаетъ доминирующее въ жизни мѣсто, но и дѣлается какъ бы искусствомъ, и, какъ искусству нуженъ талантъ и упражненія, талантъ и роскошь нужны любви. Куртизанки, изысканная жизнь придворныхъ круговъ, культъ минезингеровъ и вся эта атмосфера безумной роскоши, приносимой къ ногамъ женщины и ради нея, и послужили для необыкновеннаго развитія промышленнаго производства роскоши и явились основой капитализма. Не будетъ парадоксомъ сказать, что французскую промышленность сдѣлала маркиза Помпадуръ. Женщина въ любовномъ смыслѣ — „Weibchen“ — создала роскошь, перенесла съ улицы въ домъ роскошь и выбила неприхотливыхъ рыцарей изъ ихъ готическихъ замковъ. Далѣе, весьма возможно, что на этомъ эротическомъ элементѣ создавалась и роскошь стола. Такимъ образомъ, въ извѣстный періодъ исторіи часть людей съ міросозерцаніемъ „сеньоровъ“ никогда не считавшая своихъ капиталовъ, тратила ихъ на безумную роскошь, искусственно во имя любви создавая капитализмъ.

Но вѣдь изъ этой жизненной атмосферы современный капитализмъ не могъ бы возникнуть никогда. Современный капитализмъ есть продуктъ бюргерства, теченія діаметрально противоположнаго міросозерцанію „сеньоровъ“. Въ то время, какъ для послѣднихъ деньги существуютъ, чтобы ихъ тратить, бюргеры собирали эти потраченные деньги и создавали себѣ капиталы. Для нихъ деньги представлялись цѣлью сбереженія. Отсюда, изъ этой экономической политики, и возникло все современное накопленіе капитала. Главнымъ и основнымъ принципомъ бюргерства является: расходъ никогда не долженъ превышать дохода. И какъ раньше денегъ не считали, теперь ихъ стали считать. „Добродѣтели“ бюргерства создали капитализмъ, въ связи съ нимъ возникъ весь нынѣшній сложный строй экономической жизни, возникъ кредитъ, развилась промышленность...

Какъ же здѣсь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, капитализмъ связанъ съ любовью? Такъ же, какъ въ первомъ случаѣ. Деньги тратились на женщину и ради нея, такъ и въ бюргерскомъ мірѣ ради женщины, ради любви къ дѣтямъ,

ради отвлеченнаго чувства къ потомству деньги копятся. Такимъ образомъ, хотя и въ другомъ направленіи, но и здѣсь главнымъ стимуломъ уже продолженія капиталистическаго строя является любовь. Итакъ, мы видѣли два теченія. Одно изъ нихъ въ опредѣленную историческую эпоху дало возможность возникнуть капитализму, другое поддерживало его существованіе, и оба повинуются принципу любви къ женщинамъ...

Откуда эти теченія? Изъ самой жизни. И въ жизни существуютъ люди-пчелы и люди-стрекозы, одни—трудящіеся и накапливающие, „собирающие въ себя“, другіе—поющие, беззаботные, „все отдающие“, *Künstlernaturen*...

Въ то время, какъ появленіе „сеньоровъ“ было обусловлено „освобожденіемъ любви“, процессомъ, дошедшимъ въ концѣ концовъ до вакханалій, такъ бюргерство—буржуазія, и въ частности такъ-наз. „буржуйство“, духовное мѣщанство—возникло подъ вліяніемъ обратнаго процесса—„дисциплинированія любви“. Такимъ образомъ, изъ двухъ противоположныхъ міросозерцаній, но подъ вліяніемъ одного чувства любви къ женщинамъ, возникли двѣ системы хозяйства, плодомъ которыхъ и явился современный капитализмъ.

„Поэты и пресса“ (Поль Форъ, Петербургъ и Москва). Ставшій уже знаменитымъ французскій поэтъ, выступая у насъ лекторомъ между прочимъ по вопросу объ отношеніи прессы къ поэтамъ, имѣлъ въ виду лишь свою страну и тамошнюю печать—парижскую „большую прессу“. Парижскія газеты, говорилъ „*prince de poètes*“, травятъ и замалчиваютъ все молодое, талантливое и поютъ гимнъ бездарности, пошлой посредственности, представляя собою полное отраженіе вульгарныхъ вкусовъ широкой публики, у которой они ходятъ на поводу и къ которой всячески приспособляются. По словамъ лектора, это она, пресловутая пресса, руководительница общественнаго мнѣнія, затравила въ свое время лучшихъ поэтовъ Франціи—Вилье де-Лиль-Адана, Верлена, Лафорта и др.

Но мы не будемъ останавливаться на содержаніи самой лекціи. Для русскихъ читателей интересъ лежитъ не столько въ ней, сколько въ тѣхъ мысляхъ, на какія наталкиваютъ филиппики „князя поэтовъ“. Поэтому переходимъ къ замѣткѣ Л. Козловскаго въ „Кіев. М.“, написанной по поводу данной лекціи.

„Поль Форъ ограничилъ свою лекцію одной Франціей и отношенія между большою французскою прессой и міромъ поэзіи охарактеризовалъ, какъ „борьбу двухъ береговъ“: журна-

листы, живущіе на правомъ берегу Сены, замалчиваютъ поэтовъ, обитающихъ на лѣвомъ берегу. Но то, что онъ говорилъ, относится, не къ одной только Франціи. И въ другихъ странахъ, какъ и во Франціи, творчество новыхъ цѣнностей въ поэзіи не привлекаетъ вниманія большой публики, и газеты, пишущія о томъ, что интересуетъ большую публику, мало занимаются поэзіей.

Поль Форъ, съ негодованіемъ обрушившійся на французскую печать, возмущался тѣмъ, что газеты, отводящія столько столбцовъ сенсационнымъ процессамъ, убійствамъ и скандаламъ, не находятъ мѣста для двухъ-трехъ строкъ, отмѣчающихъ рожденіе новаго шедевра въ области поэзіи. Но такъ ли ужъ правъ въ своемъ негодованіи „король поэтовъ“? Развѣ творенія поэзіи не должны расти и зрѣть въ тиши, въ сторонѣ отъ газетнаго шума? Если бы о появленіи новаго прекраснаго стихотворенія сообщали газетныя телеграммы, какъ о желѣзно-дорожной катастрофѣ или образованіи новаго министерства, то развѣ могли-бы въ такой лихорадочной атмосферѣ созрѣвать плоды поэтического творчества? Развѣ не правъ тотъ поэтъ, который говоритъ въ прологѣ къ „Фаусту“, что годы должны пройти, пока поэтическое твореніе представитъ во всемъ своемъ совершенномъ образѣ; рождено лишь на мгновеніе то, что блестяще, а истинная красота остается для потомства.

„Was glänzt, ist für den Augenblick geboren,
Das echte bleibt der Nachwelt unverloren“.

Но Поль Форъ и жалуется на то, что критики, пишущіе въ газетахъ, не умѣютъ отличать этой истинной красоты и замалчиваютъ истинныхъ поэтовъ. Тѣ изъ творцовъ новыхъ цѣнностей въ области поэзіи, которые пользуются признаніемъ знатоковъ, совершенно неизвѣстны широкой публикѣ, черпающей свои свѣдѣнія изъ газетъ.

Фактъ отмѣченъ вѣрно: газеты, создающія славу посредственнымъ романистамъ и драматургамъ, молчатъ объ утонченныхъ, изысканныхъ мастерахъ слова, поэтахъ. О самомъ Полѣ Форѣ газеты стали во Франціи писать лишь тогда, когда его коллеги вѣнчали его на царство въ странѣ поэзіи, избрали „королемъ поэтовъ“.

Но чѣмъ же этотъ фактъ объясняется? Поль Форъ склоненъ объяснять его невѣжествомъ и злымъ умысломъ журналистовъ. Такъ ли это?

Возьмемъ двухъ современныхъ поэтовъ: того же Поля Фора, котораго газеты замалчи-

вали, и Эмиля Верхарна, котораго газеты не замалчивали и имя котораго давно стало извѣстнымъ широкой публикѣ, хотя его и не избирали „королемъ поэтовъ“. Случайно ли это? Нѣтъ не случайно. Творчество Верхарна представляетъ жизненный интересъ, отражаетъ думы, стремленія и муки нашего времени. Поэзія Поля Фора при всей ея красотѣ, это—поэзія „звуковъ сладкихъ и молитвъ“, стоящая совершенно въ сторонѣ отъ современной жизни съ ея тревогами и запросами.

Рожденная „не для житейскаго волненія“, какъ же хочетъ она оставить слѣдъ на тѣхъ газетныхъ листахъ, которые только и трепещутъ волненіемъ жизни, только и созданы для того, чтобы отражать то, что жизнь такъ или иначе волнуетъ?

Во многомъ можно упрекнуть современную прессу вообще и французскую въ частности, но несомнѣнно то, что все значительное въ жизни такъ или иначе находятъ свое оправданіе въ газетахъ. И если новая поэзія не находитъ въ нихъ своего отклика, то въ этомъ не только пресса виновата. Это объясняется и характеромъ этой новой поэзіи. И во Франціи и въ другихъ странахъ много изящныхъ ювелировъ слова, которые умѣютъ въ этихъ отточенныхъ словахъ передавать утонченныя чувства, но не умѣютъ вдохнуть въ эти слова глубоко-жизненнаго содержанія, ни новыхъ глубокихъ мыслей, ни сильныхъ, волнующихъ чувствъ. Не отражая волненія жизни, они своими изящными произведеніями, въ свою очередь, не волнуютъ жизни, и потому-то о нихъ и молчатъ печать.

Темы сезона. „Модныхъ“ вопросовъ, ходкихъ, боевыхъ, было нѣсколько, и на эти сезонныя темы, въ общемъ, не столько лекціи читались, сколько „диспутировали“.

Символизмъ и реализмъ, вообще „искусство нашихъ дней“, футуризмъ, иностранннй и отечественный, современный театръ и его кризисъ, писательскія „тайны“—Некрасова, Тютчева, Достоевскаго, Пушкина, Бѣлинскаго, „пѣяность жизни“, „счастье и смыслъ жизни“, „четыре писателя о смыслѣ жизни“, „идеалы и счастье жизни“ и т. п.; „ваша молодежь, ея „обликъ“, и „идеалы прошлаго“, „отцы и дѣти“, „молодость и молодежь“ и т. п., и т. д.

Но если спросить, какая тема была за весь этотъ лекціонный сезонъ самой излюбленной, то приходится отвѣтить: тема о женщинѣ, женскомъ вопросѣ. Изъ позднѣйшихъ какъ петербургскихъ, такъ и московскихъ чтеній и „со-

бесѣдованій“ по сему предмету ни одно не представляетъ настолько интереса, чтобы останавливаться на немъ. Но и самое перечисленіе ихъ любопытно. Для „полноты картины“ присовокупимъ и прежнія.

„Новая женщина и борьба за счастье“ (А. В. Тыркова, Петербургъ).

„Новая этика, или проблема любви и брака, и духовная производительность женщины“ (Е. А. Прудникова, Петербургъ и Москва).

„Свобода души и рабство тѣла“ (Е. А. Прудникова, Москва).

„Мужчина, отраженный современной женщиной“ (Н. В. Нордманъ-Сѣверова, Петербургъ).

„Сказки и правда о женщинахъ“ (А. Н. Лепковская, Москва).

„Отчего мы бездарны“ (Е. В. Выставкина, Москва).

„Женщина и любовь“ (Бронислава Рунтъ, Москва).

„Женщина и материнство“ (М. М. Горовицъ-Власова, Москва).

„Роза мистическая. Роль женщины въ католичествѣ“ (Анна Маръ, Москва).

„Женщина въ русскомъ искусствѣ“ (О. Г. Вазанкуръ, Петербургъ).

„Женщины героини и жертвы въ русской литературѣ“ (В. Г. Сахновскій, Москва).

„Русская студентка въ прошломъ и настоящемъ“ (С. Г. Сватиковъ, Петербургъ и Москва).

„Психологія женщины“ (д-ръ П. П. Тушкннъ, Москва).

„Женская судьба“ (проф. В. Н. Сперанскій, Москва).

„О женской свободѣ и мужскомъ рабствѣ“ (Н. Я. Абрамовичъ, Москва).

Диспуты по женскому вопросу, „женскіе митинги“ (Петербургъ и Москва).

„Молодежь и женскій вопросъ“ (петербургскій диспутъ).

„Вершины и бездны женской души“ (московскій диспутъ).

„Женщина и любовь“ (московскій диспутъ).

„Трагедія и комедія любви, любовь и бракъ, любовь и ревность, и героини „Ревности“ Арцыбашева“ (московскій диспутъ), и др.

Сюда же можно отнести лекцію В. Г. Тана „Проституція и ея общественныя формы“, И. М. Василевскаго—„Развалъ семьи“ и т. п., а также многочисленные доклады и диспуты объ абортѣ, сами по себѣ составляющіе одинъ изъ „гвоздей“ нынѣшняго лекціоннаго сезона.

О преступности аборта. Вопросъ о наказуемости плодонизгнанія—сейчасъ очередной вопросъ общественной совѣсти, особенно у насъ, послѣ недавнихъ сѣздовъ врачей и

криминалистовъ съ ихъ напущенными резолюціями въ пользу этой ненаказуемости, что и показываетъ рядъ оживленнѣйшихъ публичныхъ собесѣдованій объ отношеніи къ аборту. И въ Петербургѣ и въ Москвѣ состоялось по нѣскольку такихъ диспутовъ. Общее впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ горячихъ споровъ врачей-спеціалистовъ, юристовъ и разныхъ общественныхъ дѣятелей излагаетъ С. Кондурушкинъ въ „Рѣчи“, въ статьѣ „Милліонъ фактовъ“.

„Какое великое множество невыясненных понятий, даже неосознанных состояний чувствуется около этого вопроса!

Сравная особенность *перекрестнаго* отно-
шенія къ выкидышу.

Вотъ говорить ораторы противъ наказуемо-
сти. Женщины дружно рукоплещутъ.

Вот ораторы отстаивают наказуемость, как необходимую основу общественного сознания. Одобрение выражают, преимущественно, *мужчины*.

Казалось бы, понятно. Женщина — главное заинтересованное лицо. И естественно, — она ощущает наказаніе, какъ несправедливость и жестокость. Казалось бы, она такъ и должна смотрѣть: „Во мнѣ, такъ и мое! Поступаю, какъ хочу“. А мужчина — онъ тутъ теоретикъ и резонеръ. Ему бы *принципъ* установить, право человѣческой личности утвердить. И притомъ — личности не только рожденнаго, но еще и въ утробѣ матери. „Расквартировать чело-вѣчество въ утробѣ матери, какъ расквартировывали до дома въ деревняхъ солдаты“. Въ твоёмъ домѣ жить, но не тронь его. Онъ уже на счету, въ спискѣ чело-вѣчества.

Итакъ, повторяю, такое прямое соотношеніе сочувствія къ мыслямъ ораторовъ понятно. Но, однако, стоитъ вслушаться въ смыслъ рѣчей, почувствовать трепетъ настроеній, какъ наступитъ недоумѣніе *перекрестности*.

Ни одна изъ женщинъ не сказала, — вотъ это *простое* дѣло: мой органъ — и только. Ни одна женщана не утверждаетъ (публично не было сказано), что ненаказуемость должна проликутъ и въ *общественное сознание*. Наоборотъ, всѣ женщины-ораторы волнуются этимъ вопросомъ. И волнуются не только тѣмъ, что тутъ грубо охраняетъ государственная власть, или тѣмъ, что дѣлать выкидышъ — тѣлесно больно. Нѣтъ, волнуются *нравственной* болью. Ихъ возмущаетъ „двойная половая мораль“. И недавній приговоръ суда присяжныхъ, осудившаго мужчину, подстрекателя къ выкидышу, вызываетъ радостное одобреніе женщинъ: „Это правильно!“ „Это хорошее начало!“

И только мужчины могли сказать: „Выкидышь есть простое членовредительство“. „Вы-

Кядышъ—дѣло простое, и вотъ какъ это происходитъ... О чемъ тутъ толковать, чѣмъ волноваться?!..". Окуда они пришли, эти люди съ выдушенной душой?

Къ чему сводятся доводы противниковъ наказуемости? Доводы очень разнообразны. Но по существу, выше всѣхъ разсужденій противниковъ наказуемости, царемъ всѣхъ разсужденій является *фактъ*: выкидышъ—явленіе массовое. Во Франціи полмилліона въ годъ. Въ Петербургѣ, насколько записано, пятьдесятъ тысячъ въ годъ... Въ Германіи, въ Англіи... милліонъ выкидышей. Это подавляетъ мысль, диктуетъ свою логику. Всѣ государства земного шара установили наказанія за выкидышъ, но число ихъ растетъ, и статьи закона бездѣйствуютъ, или примѣняются въ ничтожномъ количествѣ случаевъ.

Призваніе массоваго явленія вы чувствуете во всѣхъ доказательствахъ свѣбоды выкадыша. Оно отравило сознаніе юристовъ, медиковъ, политиковъ, жевщцы и мужчинъ. Ужь если миллионы дѣлають, значить это нужно! А вы—поймать!

И всё разсуждаютъ, увлекаемые рѣкою
массоваго явленія. Нѣкоторые въ эту рѣку
сотенъ тысячъ выкидышей приводятъ рѣки
иныхъ сотенъ тысячъ явленій общественной
жизни. „Вы защищаете право нерожденных!
Но если бы уважалось право рожденных!
Если бы не было фабрикъ ангеловъ, прости-
тудіи и проч.“

Они не говорят: надо бороться и съ тѣмъ, и съ этимъ. Однимъ дурнымъ явленіемъ (и, главное, не угасло сознаніе, что оно дурное!) они утверждаютъ другое: „если *то* существуетъ, значитъ *этому* и Богъ велѣлъ“. Каково же должно быть свойство утверждаемаго явленія?

Но и тѣ, кои отстаиваютъ наказуемость, въ сущности тоже плывутъ въ рѣкѣ фактовъ, безпомощно машутъ руками, хотѣли бы остановиться, да не могутъ. Кричать:

„Но мы, вѣдь, хотимъ установить только принципъ. Мы не жестоки, мы признаемъ явление: оно велико и безспорно... Однако, можетъ быть, принципъ все-таки хоть немножко оставить! Мы понимаемъ, что надо различать одинъ выкидышъ отъ другого, какъ различаютъ убійство... Надо установить лѣстницу наказаній. Одни—сильнѣе, другіе—слабѣе, а нѣкоторые и совсѣмъ не наказывать“.

Но нельзя не признать, что установленный такимъ образомъ „принципъ“ будетъ установленъ не на твердой скалѣ общенароднаго оознания, а на плочуей льдинѣ житейскаго поведенья. Растаетъ, разломается льдина — и „принципъ“ утонетъ.

Вѣдь вотъ профессоръ Плетневъ, защитникъ ненаказуемости, сказалъ же въ своей рѣчи: „Исходя изъ средней суммы нравственныхъ воззрѣній“... Вотъ какая нынче пошла „нравственность“. Арифметическая. Ясно, что такимъ путемъ всякій нравственный принципъ жизни, какъ окрашивающую каплю, можно разбавить въ морѣ поступковъ до безконечности. И рѣшается нравственный принципъ.

Такъ ли надо его утверждать?

Несомнѣнно,—это новое въ жизни человѣчества — поведительность массовыхъ явленій. Она подчиняетъ мысль, волю, сознание нравственнаго, высшаго. Все въ жертву „милліону фактовъ“. „Ужъ если милліоны фактовъ говорить!“..

Да, народовластіе идетъ въ жизнь побѣдоносно. Но нельзя не признать, что идетъ оно еще *голое*. Борясь за условія своего существованія и ломая всѣ старыя преграды, оно еще не имѣетъ въ себѣ абсолютныхъ цѣнностей, которыя могли бы властно стать новымъ „религіознымъ“ содержаніемъ жизни, новымъ различіемъ добра и зла: „Этого нельзя, хотя бы захотѣли и милліоны“. „И самъ бы сдѣлалъ, да воздержусь во имя высшаго; и отъ другихъ непреложнаго воздержанія требую“...

О футуризмѣ. Интересъ къ этому *enfant terrible* современнаго искусства,—правда, интересъ чисто внѣшній,—не ослабѣвалъ почти до самаго конца сезона въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Попрежнему лекція смѣнялась лекціей, диспутъ диспутомъ и... скандалъ скандаломъ. Говорили и „о мнимомъ футуризмѣ“ (проф. В. Н. Сперанскій, Москва), и „о лжи футуризма“ (московскій диспутъ), и „о грядущемъ новомъ человѣкѣ, въ чемъ правда и неправда истиннаго и фальшиваго футуризма“ (тоже московскій диспутъ), и о футуристахъ, какъ жертвахъ текущаго общественнаго момента (С. Глаголь, Москва), и о футуризмѣ съ точки зрѣнія морали и медицины (д-ръ И. Гельманъ, Москва), и объ „упраздненіи футуризма“ (И. Зданевичъ, Петербургъ), и еще Богъ знаетъ о чемъ (петербургскій диспутъ)...

Если что и стоитъ выдѣлать еще изъ этой безконечной вереницы чтеній, рѣчей и „превій“, въ дополненіе къ тому, что мы отмѣтили раньше, такъ только докладъ извѣстнаго скульптора И. Я. Гинцбурга „Откуда взялся футуризмъ“ (Петербургъ).

Футуризмъ любятъ объяснять или хулиганствомъ, или стремленіемъ къ популярности, или психической ненормальностью представителей этого теченія. Докладчикъ считаетъ явленіе футуризма болѣе серьезнымъ и пытается

найти его корни въ нѣкоторыхъ особенностяхъ искусства предыдущей эпохи.

Въ кинематографически быстрой смѣнѣ увлеченій различными эпохами и теченіями искусство все дальше уходило отъ живой жизни, переставая быть ея душой и выразителемъ и превращаясь въ мертвое отраженіе и подражаніе старымъ образцамъ. Богатое наслѣдство прошлаго и небывалая до сихъ поръ свобода пользованія имъ какъ бы заслонили для современнаго художника окружающую жизнь, внушивъ ему странный предразсудокъ, что „пошлая и буржуазная“ современность недостойна служить объектомъ искусства и что „вѣчную красоту“ можно искать только въ прошломъ. Этой односторонностью объясняется то ослабленіе непосредственнаго чувства прекраснаго, которое такъ характерно для нашего времени, когда метафизика творчества стала выше самаго творчества и художественная критика заслонила самого художника. Футуризмъ есть безобразное, карикатурное, но все же естественное завершеніе этого процесса.

Диспутъ о танго (Москва, Политехническій музей). Иначе, конечно, быть не могло,—какъ же, въ самомъ дѣлѣ, было гг. лекторамъ и диспутантамъ обойти такой животрепещущій вопросъ современности... Вѣдь обсужденія вопроса о „тангизмѣ“ требуютъ интересы и вкусы даннаго момента, что и подтвердила публика, переполнившая громадную аудиторию. (Быль еще петербургскій „диспутъ о танго“, но о немъ можно сказать только одно, что это былъ одинъ изъ скандальвѣйшихъ).

„Вступительное слово“ читалъ М. М. Бончъ-Томашевскій, оказавшійся энтузіастомъ-защитникомъ моднаго танца. Онъ не только пѣлъ павегирикъ танго, но и пробовалъ подвести подъ него широкое философское обоснованіе, „Философія танго“—такъ можно было озаглавить докладъ...

Вопросъ о танго, по мнѣнію г. Томашевскаго, долженъ интересовать всякаго наблюдателя эстетической жизни переживаемаго времени. Эстетическое усмотреніе современности отмѣчено знакомъ: „въ поискахъ стиля“. А въ танго слѣдуетъ видѣть лучшее и наиболѣе полное выраженіе стиля нашихъ дней.

Черезъ пляску мы можемъ угадать ту „позу“, которую склонно принять человѣчество опредѣленнаго періода. Современный человѣкъ, „истомленный въ натуралистическомъ пиджакѣ“, тосковалъ по античной жизни въ тандѣ. Однако, вернуться къ этому античному танцу и угнѣшить свою тоску онъ не могъ, такъ какъ „мѣшаютъ косматыя, кривыя ноги“. Эллинизация танца,

къ которой стремилась Айседора Дунтанъ, (а также ритмическая гимнастика Далькроза) не может привиться и по-настоящему войти въ жизнь, ибо современное человечество, въ условіяхъ своего существованія, находится на совершенно иной плоскости, нежели свободная и жизнерадостная Эллада. Отличительныя черты нашего вѣка совсѣмъ другія. Онѣ выражаются въ лихорадочности темпа жизни, въ высшей сдержанности, въ утратѣ очарованія широкаго жеста и вольной позы. Жизнь „американизруется“. И вотъ на выручку пришелъ „танго“. Танго, это — преобразование дѣйствительности; завоеваніе танго заключается въ измѣненіи принциповъ танца, онъ представляетъ собою „опозицирование хода“. Танго — подлинный современный танецъ, ибо онъ уничтожилъ все, что въ танцѣ фальшиво съ точки зрѣнія современности (прыжки, бѣгъ и пр.), и основанъ единственно на ритмическомъ ходѣ. Онъ поэтому не допускаетъ ни одного лишняго движенія или жеста.

Танго, — увѣренъ его апологетъ, — останется надолго памятникомъ того, какъ жили, мыслили и чувствовали люди нашего времени...

Противники танго указываютъ на „неприличіе“ этого танца. Но это невѣрно, полагаютъ докладчикъ. Всѣ добрыя старыя танцы — польки, вальсы, кадрили — куда неприличнѣе танго. Вѣдь тамъ кавалеръ обнимаетъ даму, а въ танго онъ ея почти не касается... Правда, танго „сексуаленъ“, но вѣдь во всякомъ творчествѣ законенъ элементъ сексуальности.

И въ доказательство того, что танго — танецъ достаточно пѣломудренный, г. Томашевскій далъ рядъ кинематографическихъ иллюстрацій. Но нѣкоторыя изъ показанныхъ на экранѣ „ситуацій“ оказались настолько неприличными, что докладчикъ принужденъ былъ смущенно заявить по поводу одного па при общемъ хохотѣ:

— Близость танцующихъ зависитъ отъ партнеровъ...

Былъ между прочимъ представленъ снимокъ, гдѣ красовались одѣй подошвы танцующихъ, — такъ сказать, проекція танго, — чтобы удостовѣрить, что „ноги при танго не скрещиваются“. Но одинъ изъ выступившихъ затѣмъ оппонентовъ, въ подтвержденіе своей мысли, что въ танго воплотилась чувственность современнаго общества, резонно замѣтилъ:

— Ну, показанныя намъ подошвы еще ничего не доказываютъ: вѣдь мы не видимъ, скрещиваются ли дальше ноги или нѣтъ.

Въ заключительномъ словѣ докладчикъ долженъ былъ сознать, что сочувствіе аудиторіи явно на сторонѣ его противниковъ...

* * *

Въ заключеніе, какъ бы подводя итоги „лекціямъ и диспутамъ“ нынѣшняго сезона, особенно этимъ послѣднимъ — диспутамъ, какъ болѣе яркимъ проявленіямъ умственной жизни общества (да и, собственно говоря, такъ назыв. лекція въ большинствѣ случаевъ обращались въ „диспуты“), дадимъ мѣсто выводамъ, къ которымъ привело С. Кондурушкина хожденіе по всякимъ диспутамъ. Онъ пишетъ (въ „Совр. Сл.“) только о Петербургѣ, но въ сущности то, что касается петербургскихъ „собесѣдованій“, можно съ такимъ же правомъ примѣнить и къ московскимъ.

„Эту зиму у насъ все диспуты и диспуты. Вопросы большіе и малые, волнующіе и безразличныя, но теперь ужъ такъ повелось, чтобы объ нихъ было представлено все *разнообразіе* мнѣній. А публика сидитъ, слушаетъ и выбираетъ, — кому что понравится: „кому клинъ, кому станъ, кому весь сарафанъ, кому пуговицы витыя, кому серьги золотыя“... Часть аплодируетъ одному, часть — другому мнѣнію, а иногда одни и тѣ же аплодируютъ и тому, и другому и третьему. Потому что любопытно!

Въ этой атмосферѣ бываетъ даже такъ: если васъ волнуетъ какой-нибудь вопросъ, — то, попадая на диспуты, успокаиваешься. Какъ будто этотъ вопросъ становится дальше отъ сердца и жизни, просто какой-то *книжный* вопросъ, архивный что ли, исторически минувшій. Этакая дѣнь нападаетъ, умственный комфортъ какой-то. „Чортъ возьми, а вѣдь любопытно! Я совсѣмъ и не думалъ, что можно съ этой стороны!“

И домой придешь — все удивляешься. Только потомъ уже поймешь, что мысль эта не нужна вамъ такъ же, какъ новый вывертъ акробатической выдумки: крутился стоя, сидя, лежа, внизъ головой... Это потому, что онъ *забавлялъ* зрителей. А домой направимся всѣ мы, и онъ самъ въ томъ числѣ, обыкновеннымъ способомъ, — на ногахъ, на извозчикѣ, въ автомобилѣ. Вообще, если дойдетъ до *дѣла* жизни, этотъ акробатъ — какъ всѣ; иначе не можетъ.

Собственно диспуты пока еще нѣтъ. Нѣтъ диспуты въ томъ общественно-политическомъ смыслѣ, въ которомъ диспутъ всегда означаетъ боевое столкновеніе двухъ или нѣсколькихъ теченій мысли по живому вопросу жизни. Столкновеніи *мысли, не отдѣлимой отъ дѣйствія*, мысли уже, можетъ быть, наполовину осуществленной. И вотъ, приходятъ другіе люди, тоже дѣлающіе, и кричатъ: не такъ!

вы ошибаетесь, это надо иначе! Обѣ стороны захвачены борьбой, и этой борьбой увлекаютъ и дѣлать по сочувствію и публику, *тоже устремленную къ дѣлу.*

Нѣтъ диспутовъ, и даже въ томъ узкомъ чисто-научномъ смыслѣ—обсужденія вопроса съ разныхъ сторонъ. Ибо почти ни на одномъ изъ диспутовъ не было ясно поставленнаго предмета спора. Потому не могло быть и состязанія. А просто приходили разные люди и приносили съ собой готовыя, разные, часто *первыя для этого случая придуманныя* мысли: можетъ быть, на что-нибудь и пригодятся!

И не то, чтобы эти мысли были уже со-всѣмъ вздорны (можно даже представить себѣ на такомъ пониманіи извѣстныя общественныя дѣланія!). Можетъ быть, если отбросить нависныя доказательства,—эти мнѣнія даже справедливы. Но несомнѣнно одно, что мысли эти были *не нужны* самимъ ораторамъ, ибо они не дѣлаютъ здѣсь никакого дѣла ни въ фило-софскомъ, ни въ практическомъ смыслѣ. А просто — „надо же что-нибудь сказать, когда пригласили!“

А потому наши петербургскіе „диспуты“ этого года можно скорѣе назвать *хороводами* мнѣній. И даже настроеніе хороводной радости есть при этомъ. Нѣтъ никакого устремленія, никто никуда не спѣшитъ; всѣ вертятся по кругу съ живымъ, движущимся центромъ. И такъ пріятно посмотрѣть на наряды (мысли), послушать сложныя созвучія хорового пѣнія!

Еще одно несомнѣнное обстоятельство проявилось на этихъ „диспутахъ“. Умственное-то любованіе, конечно, закино (я не въ укѣръ говорилъ о любованіи). Ибо, когда я вспоминаю длинный рядъ впечатлѣній отъ этихъ диспутовъ, для меня несомнѣнно яснымъ становится, что въ нашемъ общественномъ сознаніи множество понятій самыхъ „прогрессивныхъ“, самыхъ даже „революціонныхъ“ были приняты на вѣру. И только теперь усваиваются они широкими кругами въ созерцаніи, въ раздумьѣ, „отъ нечего дѣлать“.

Эмансипація женщинъ! — да съ этимъ всѣ были согласны! Кто же спорилъ противъ?

Но что же это такое, какъ это должно случиться въ обществѣ, какъ это надо пережить въ семьѣ, и все ли тутъ доступно волевой палочкѣ законодателя, наконецъ, все ли, съ чѣмъ были согласны, такъ ужъ безспорно? — этими вопросами задаются только теперь. И, можетъ быть, именно сами женщины больше мужчинъ.

Молодежь! Кто же сомнѣвался, что молодежь — „вашъ революціонный авангардъ!“ Лавры молодежи за это!

Но только теперь обсуждаютъ, чѣмъ жива молодежь, какъ она живетъ и что ей нужно всего. И т. д., и т. д.

И вотъ эти наши хороводы мнѣній въ настоящее время чисто-созерцательнаго раздумья въ интеллигентской средѣ представляются мнѣ (откинемъ все вздорное и несообразное, о чемъ упомянулъ) началомъ несомнѣннаго общественнаго оживленія. Оживленія для *общественнаго творчества*. Тотъ колоссальный сдвигъ, который былъ совершенъ стихійнымъ напоромъ въ 1905 г., теперь требуетъ сознательнаго строительства жизни. Сдвинуто и разрушено много. Не создано еще почти ничего.

Но творчество начнется только въ честной борьбѣ двухъ общественныхъ сторонъ. До этого будутъ лишь хороводы мнѣній, а между ними—темная полоса жизни“.

Очередныя „новыя слова“ въ искусствѣ.

[7(01)]

Эти „новыя слова“, новые лозунги, новыя теченія мелькаютъ теперь, какъ картины кинематографа. Вотъ послѣднія клички, новѣйшіе термны, болѣе обратившія на себя вниманіе: синхромизмъ, идущій яко-бы на смѣну кубизму и орфизму; симультанизмъ (совмѣстное дѣйствіе слова, мысли и цвѣта), „дополняющій“ футуризмъ признаемъ *прошедшаго* на раду съ *будущимъ*; идизмъ, метахорія—это за границей, всѣчество—у насъ, и т. п. Изъ этихъ „новыхъ словъ“ метахорія возбудила сравнительно болѣе серьезный интересъ.

Метахорія — искусство сверхъ-танцевъ, изобрѣтенное и демонстрированное въ Парижѣ поэтессой-футуристкой и художницей Валентиной де-Сенъ-Пуанъ (внучка Ламартина, разведенная жена одного изъ бывшихъ французскихъ министровъ). Метахорія признаетъ, что стихи, поэмы можно „танцевать“ точно такъ же, какъ Айседора Дунканъ танцуетъ музыку Бетховена. Этотъ новый видъ искусства успѣлъ уже перебраться и къ намъ въ Россію—въ Москву, гдѣ явились пропагандисты и пропагандистки „танцевъ подь слово“.

Метахорія поэтъ Н. Минскій посвятилъ въ „Утрѣ Россіи“ (№ 4) цѣлый фельетонъ. Занимствуемъ болѣе существенныя строки.

„Нужно ли сказать, что созданная де-Сенъ-Пуанъ метахорія не была танцами ни въ ста-

ромъ, ни въ новомъ стилѣ, а рядомъ болѣе или менѣе ритмическихъ движеній, воплощавшихъ тѣ идеи, которыя теперь въ ходу среди новѣйшихъ художественныхъ кружковъ и школъ. Де-Сенъ-Пуанъ танцевала, закрывъ лицо и обнаживъ тѣло, потому что лицо отражаетъ сознательную и эмоциональную часть души, которая у модернизма въ заговѣ, а тѣло, наоборотъ, символизируетъ волю и стихію, которымъ модернизмъ поклоняется. Передъ танцами актеръ въ кулисахъ читалъ стихи де-Сенъ-Пуанъ, а на экранѣ проектировались геометрическія фигуры, потому что треугольники и квадраты уводятъ отъ чужой намъ природы и приводятъ къ желанной культурѣ, къ городу, къ машинѣ. Я упоминаю о двухъ идеяхъ метахоріи, но она была насыщена еще многими другими.

Успѣха таяцы де-Сенъ-Пуанъ не имѣли, новой

школы она не создала, и тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что подобныя попытки не лишены нѣкотораго серьезнаго значенія. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что искусство въ наши дни перерождается, что во всѣхъ областяхъ творчества ставятся новыя вѣхи, зажигаются новыя маяки. Каковы будутъ формы грядущаго искусства, намъ пока неизвѣстно, но пути, ведущіе къ нимъ, намѣчены, и нѣтъ сомнѣній, что пути эти ведутъ отъ природы къ культурѣ, отъ эмоцийъ къ волѣ. Вотъ почему всякій шагъ, который дѣлается въ этомъ направленіи, достоинъ самого пристальнаго вниманія. Принципы, положенныя де-Сенъ-Пуанъ въ основу метахоріи, кажутся мнѣ глубоко вѣрными, но,— увы!—художественное выраженіе этихъ принциповъ ею не найдено, не найдено никѣмъ“.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

1914 г. * Май—I. * № 17.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДѢЛЪ

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ.

357. Владиславлевъ, И. В. 016:92
Жизнь замѣчательныхъ людей. („Что читать?“ Вып. III). 1914. М., кн-во „Наука“. 176 стр. Ц. 60 к.

Книга—систематическій указатель біографій или жизнеописаній замѣчательныхъ людей. Такого указателя еще не было у читателя, хотя вопросъ объ огромномъ воспитательномъ и образовательномъ значеніи біографич. чтенія для юношества много разъ поднимался въ русской литературѣ. „Біографія—это именно та книга, которая заставляетъ читателя „мыслить, чувствовать и примѣнять къ дѣлу“, та книга, которая научаетъ, что истинное величіе „не въ томъ, чтобы быть „великимъ“, а въ томъ, чтобы служить великому дѣлу“, научаетъ „связывать свою работу съ работой всего человѣчества“. ...Работа В. пригодится и для учащейся молодежи, и для руководителей чтеніемъ молодежи, и для др. категорій читателей (въ бібліотекахъ—сельской, рабочихъ районовъ). ... Работа В. не простой перечень авторовъ и названій книгъ: при именихъ всѣхъ введенныхъ въ указатель дѣятелей помѣщена краткая біографія; цѣль такой біографіи—дать читателю общій обликъ дѣятеля и общее содержаніе его работы, заинтересовать читателя и помочь ему разобраться въ указателѣ. Всего въ указатель введено свыше 150 дѣятелей на разныхъ поприщахъ жизни и науки; общее количество книгъ, введенныхъ въ указатель, не менѣе 500. ...Съ этимъ каталогомъ въ рукахъ можно выступить на борьбу съ той литературой, что окрестили въ послѣдніе годы общимъ именемъ „пинкертоновщины“ или „литературы приключеній“. ...Уже не разъ въ педагогич. литературѣ отмѣчалось, что „литературой приключеній“ удовлетворяется инстинктивная потребность героизма, подвига, дѣйственности, что эта потребность тѣится сплошь и рядомъ на днѣ молодой души. Предлагаемый указатель даетъ какъ разъ тотъ подборъ книгъ, который можетъ удовлетворить эту потребность. ...Весьма возможно, что указатель не полонъ, что составленіе его будутъ поставлены на видъ тѣ или другіе пропуски, —но это не умаляетъ нисколько значенія его полезнаго и, главное, нужнаго, страшно нужнаго руководства для теперешняго шатающагося юношества, лишеннаго характера и воли. Работа эта подсказана жизнью, идетъ навстрѣчу ея запросамъ. (А. Мезіеръ. „Воля. Унив.“ 1914—4; „Рус. Шк.“ 1914—3).

...Признавая настоящій указатель въ общемъ удачно составленнымъ, все же не могу не указать на одинъ крайне существенный недочетъ: авторъ совершенно не отмѣчаетъ, для какой категоріи читателей предназначена та или другая книга... (С. С.-о. „Пед. Л.“ 1914—4).

Мысль составить бібліографич. пособие для изученія біографій выдающихся людей нельзя не признать удачной, если считаться съ тѣмъ воспитательнымъ значеніемъ, какое имѣетъ знакомство съ такими жизнеописаніями. Къ сожалѣнію, пособие, составленное В., не всегда удовлетворительно разрѣшаетъ поставленные задачи. Основной недостатокъ пособия заключается въ томъ, что оно совершенно игнорируетъ журнальные бібліографическія статьи, что отражается, конечно, на томъ матеріалѣ, который рекомендуется для чтенія. Это же приводитъ къ тому, что во многихъ случаяхъ въ качествѣ единственнаго источника рекомендуются выпуски „Біографической бібліотеки“ Павленкова. Непонятны также мотивы, по которымъ не приводятся даже тѣ изъ матеріаловъ, которые имѣются въ литературѣ, и знакомство съ которыми необходимо.

...Въ остальномъ пособие составлено старательно. (—*— „Киев. М.“ 1914—88).

...Къ сожалѣнію, не всегда и не вездѣ составитель стоитъ на высотѣ поставленной себѣ задачи: давать юношамъ исключительно полезныя книги. ...Иногда указанія не идутъ дальше дѣтской литературы, ...иногда же въ перечнѣ рекомендуемыхъ книгъ названы такъ труды монографіи, какъ трудъ Вѣтринскаго о Герценѣ, книга трактующая о слишкомъ сложныхъ для молодой аудиторіи явленіяхъ общественной жизни. ...Какется порой, что составитель не имѣетъ самаго яснаго представленія о книгахъ, которыя называетъ. Ну, слѣдуетъ ли ребенку, или, скажемъ, отроку, совать въ руки „Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю“? (Библіофилъ. „Одесс. Нов.“ 1914—9313).

358. Гуревичъ, А. В. 1(Г)(081)

Философскія изслѣдованія и очерки. По-смертное изд., съ портр. автора. Подъ ред. и съ предисл. С. Л. Франка. 1914 М., кн-во „Трудъ“ XXXI—311 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Грустная, скорбная книга... Посмертное собраніе статей рано и трагически скончавшагося, несомнѣнно одареннаго творческими силами человѣка, недостаточно оцѣненнаго при жизни. Философія Г. тѣсно связана съ его личностью. Вся книга—драгоценный и трогательный „человѣчскій документъ“. Г.—чело-

въкъ не отъ міра сего, но въ то же время чело-
вѣкъ съ обнаженными нервами, жадно міръ
воспринимающій и болѣзненно на впечатлѣнія
жизни реагирующій. Пассивно- созерцательная
натура Г. ищетъ „высшую точку зрѣнія“, совер-
шенную философію, которая могла бы все по-
нять и все простить. „Система внутренности-
внѣшности 31 начала“, представляетъ собою
сумбурную, явно-болѣзненную попытку принять
всю жизнь, какъ она есть.

Читая подрядъ статьи Г., ясно видишь про-
цессъ его духовнаго разложенія. Первая статья
(на социологическія темы) превосходныя работы
талантливаго аналитика, стоящаго въ центрѣ
научной мысли своего времени и даже опере-
дившаго ее. Въ нихъ дана параллельная кри-
тика односторонностей социологическаго идеа-
лизма и матеріализма, мимоходомъ сказано, частью
совпадающая съ идеями „русской социологи-
ческой школы“, защита самостоятельной соци-
ологии, критика „историческихъ законовъ“ и пр.
Философскія статьи позднѣйшаго періода тоже
не лишены оригинальности (разборъ позитив-
изма и критицизма), но чѣмъ дальше, тѣмъ
туманнѣе и искусственнѣе построения Г. Однако,
и въ посмертныхъ очеркахъ и наброскахъ
связь нудное вытѣрживаніе формулъ 31-го
начала сверкаютъ точныя, красивыя замѣчанія
(о религіи и мистикѣ, о типахъ міроотношенія,
объ интуиціи и діалектикѣ). Очень хороша
статья о Бергсонѣ. Вліяніе Авенаріуса, Ницше
и Бергсона является преобладающимъ въ фи-
лософскомъ развитіи Г.

Книга снабжена предисловіемъ С. Л. Франка,
очень вдумчивымъ, въ общемъ правильно оце-
нивающимъ недостатки „отрѣшенной“ филосо-
фіи Г. Однако, Франкъ несомнѣнно ошибается,
видя въ Г. примѣръ „перехода отъ социальнаго
утилитаризма и философскаго позитивизма къ
религіозно-окрашенному синтезу“. Гуревичъ ни
къ какому синтезу не перешелъ, а погибъ въ
его поискахъ, какъ „жертва вечерня“ совре-
меннаго философскаго кризиса. Не нашелъ же
онъ новаго синтеза потому, что хотѣлъ только
„принять“ міръ, и отшатнулся отъ задачи его
измѣненія, преобразженія въ этической и со-
ціальной дѣятельности. (Александръ Гизетти.
„День“. 1914—85).

...Г. бесспорно, самостоятельно мыслить, и
мыслить притомъ напряженно, искренно, горячо,
всей душой отдаваясь работѣ надъ проблемами
философіи, какъ то и подобаетъ настоящему
философу. Объ этомъ убѣдительно говоритъ какъ
біографич. очеркъ, написанный его женой, такъ
и каждая изъ помѣщенныхъ въ сборникъ ста-
тей. Къ своему оригинальному мистико-плюра-
листич. міроопиманію, строящемуся путемъ
своеобразной діалектики понятій, возникшему,
конечно, не безъ вліянія со стороны Гегеля и
представляющему собою самое цѣнное изъ оста-
вленнаго Г. послѣ себя идейнаго богатства („Со-
знаніе и дѣйствительность“, „Опытъ критики
основныхъ началъ“, „Двѣ формы діалектики“, а
также „Очерки и наброски“), онъ пришелъ не
сразу. Онъ пережилъ сначала увлеченіе пробле-
мой социальной жизни и эмпириокритицизмомъ
Авенаріуса. Объ Авенаріусѣ онъ говорилъ
одинъ изъ первыхъ и былъ очень цѣнимъ самъ
Авенаріусомъ. И на Бергсона онъ одинъ
изъ первыхъ обратилъ свое вниманіе, чрезвы-
чайно ясно почувствовавъ сущность и origi-

нальность его философской концепціи, а также
близость Бергсона во многихъ отношеніяхъ къ
Ницше. Пожелаемъ этой значительной, интерес-
ной и хорошо изданной книгѣ побольше внима-
нія со стороны читателей. (В. Яковенко.
„Рус. Вѣд.“ 1914—17).

...Г. несомнѣнно былъ выдающейся яркой
личностью, исполненной внутренняго огня и
надѣленной острымъ, хотя и болѣзненнымъ (осо-
бенно въ послѣдніе годы жизни), умомъ. Начавши
съ марксизма и позитивизма, онъ до-
вольно быстро перешелъ къ эмпириокритицизму,
кантианству и, наконецъ, къ метафизикѣ. ...Если
въ систематическомъ отношеніи сочиненія Г.
мало что могутъ дать современному философ-
ски заинтересованному читателю, то они пред-
ставляютъ зато большой интересъ въ качествѣ
историческаго документа. (Sergius. „Речь“. 1914—88).

...Категоріи, въ которыхъ Г. пытался выразить
систему бытія,—произвольны; ихъ первичность,
полнота и взаимная независимость не доказаны
(и не могутъ быть доказаны, какъ совершенно
правильно замѣчаетъ С. Франкъ). Но и старыя
слова и мысли имѣютъ иногда непреходящую
цѣнность—и это особенно хочется подчеркнуть
въ отношеніи къ книгѣ Г. ...Книга эта цѣнна
особенно еще и потому, что ея авторъ завер-
шилъ кругъ мыслей очень типичный для боль-
шинства мыслящихъ людей нашего времени...
(С. К.-из. „Гол. М.“ 1914—56).

...Г. представляетъ собою интересъ только
какъ типичный „представитель того переходнаго
времени, которое мы теперь переживаемъ, по-
двигаясь отъ позитивизма и эволюционизма къ
метафизикѣ и религіозной умозрительности...
можно только удивляться, зачѣмъ понадобилось
помѣстить въ книгѣ это „Внутренность-внѣш-
ность...“ однообразное и скучное, тридцать одинъ
разъ повторяющееся перечисленіе понятій, по-
добранныхъ неизвѣстно по какому принципу.
...[„Биографич. очеркъ“ насыщенъ такимъ восхи-
щеніемъ философіей Г. и такимъ неуваженіемъ
къ крупнѣйшимъ представителямъ философской
мысли, что производитъ въ высшей степени не-
пріятное впечатлѣніе]. (Н. Шааръ. „У. Рос.“ 1914—50).

359. Конзадъ, К.

331(43)

Посредничество въ присканіи работы въ
Германіи. Съ разрѣш. автора перевели съ нѣ-
мец. и снабд. ли примѣч. А. Браудо и проф.
В. Гагенъ. 1913. Спб., изд. Комитета Попечат.
о Трудовой Помощи. 496+XII стр. Ц. 2 р.

Эта книга имѣетъ задачей критическое опи-
саніе организациі указанія работы въ Германіи
и изложеніе того, что сдѣлао въ этой области
крупными ея городами. Авторъ разсматриваетъ
въ своемъ трудѣ организациі указанія работъ,
основанную на началѣ участія въ ней одной изъ
заинтересованныхъ сторонъ (предпринимателей
или рабочихъ), каковыя организациі имѣютъ
боевой классовый характеръ; мало распростра-
ненныя организациі, устраиваемыя совместно
предпринимателями и рабочими, а также обще-
полезныя и благотворит. учрежденія; частныя
конторы указанія работы, имѣющія коммерче-
скій характеръ, и дѣятельность въ данномъ отно-
шеніи органовъ самоуправленія. Въ каждомъ
случаѣ авторъ первоначально формулируетъ

принципы, лежащіе въ основаніи организаціи данной категоріи, или проблемы, которыя онѣ пытаются разрѣшить; затѣмъ описываетъ самую организацію для указанія работы и заканчиваетъ критическою оцѣнкой съ точки зрѣнія, такъ сказать, идеальныхъ требованій, какимъ должны удовлетворять учрежденія, преслѣдующія цѣль доставленія работы.

Къ книгѣ К. въ русск. ея изданіи, сдѣланы дополненія о наиболѣе важныхъ фактахъ послѣдняго времени. Дополненія эти касаются преимущественно статистической части предмета, цифровыхъ итоговъ дѣятельности посредническихъ конторъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что многія данныя русскихъ дополненій слишкомъ стары (относятся къ 1904 г.) и что послѣднія не даютъ общаго итоговъ дѣятельности посредническихъ конторъ. Коммунальныя конторы (учреждаемыя на началѣ равнаго участія въ организаціи предпринимателей и рабочихъ) широко развили свою дѣятельность въ теченіе лишь послѣдняго десятилѣтія, и рабочія организаціи пошли навстрѣчу стремленію городовъ къ устроенію виѣспартійнаго посредничества. Предприниматели отнеслись къ дѣлу иначе. Они не захотѣли выпускать изъ своихъ рукъ средство не простого снабженія ихъ рабочимъ персоналомъ, а средство „за-ставлятъ рабочихъ дѣлать то, что они считаютъ необходимымъ для интересовъ обѣихъ сторонъ“ — какъ выражаются они сами, или средство „объявлять подъ бойкотомъ цѣлыя группы рабочихъ, направлять духовную жизнь рабочаго класса согласно воззрѣніямъ работодателей и диктовать условія работы,“ — какъ оцѣниваютъ тенденціи предпринимателей сторонніе лица. И посредническая дѣятельность предпринимательныхъ конторъ мало уступаетъ дѣятельности конторъ коммунальныхъ. Организованное пос. единчество по доставленію работы въ Россіи почти вовсе отсутствуетъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ ближайшемъ будущемъ и мы прислушимся къ этому дѣлу, которое такъ широко развивается на Западѣ. А если такъ, то разсматриваемая нами книга, излагающая организацію и результаты посреднической дѣятельности въ странѣ, гдѣ эта дѣятельность достигла наибольшаго размѣровъ, представляетъ для русскаго читателя живой интересъ. (В. В. „Вѣст. Евр. 1914—4).

Книга К. пользуется въ Германіи широкой и заслуженной извѣстностью. Воинѣ объективно въ ней изложена организація посредничества при наймѣ во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ. А объективность автора тѣмъ болѣе заслуживаетъ признанія, что избранная имъ тема возбуждала и продолжаетъ возбуждать страстные дебаты въ заинтересованныхъ кругахъ. Русскіе читатели и муниципальные дѣятели найдутъ много поучительнаго въ томъ, что сдѣлано въ данной области въ сосѣдней странѣ.

[Въ русскомъ изданіи] стройность книги оказалась однако нарушенной, такъ какъ характеръ изслѣдованія и изложенія у автора и у переводчиковъ весьма различенъ. Во всякомъ случаѣ комитетъ попеч. о трудовой помощи обогащаетъ нашу переводную экономическую литературу хорошей книгой. (Л. Юровскій „Рус. Вѣд.“ 1913—210).

...Ремонтировать устарѣвшую книгу — задача нелегкая и неблагодарная: какъ бы полны и исчерпывающи ни были примѣчанія, они не

могутъ настолько дополнить текстъ, чтобы въ общемъ читатель получилъ цѣльную картину современнаго положенія проблемы. Но примѣчанія Браудо и Гагена, помимо этого неизбежнаго недостатка, грѣшатъ довольно большою поверхностностью.

[Указываются нѣкоторыя погрѣшности]... Ком. Попеч. о Труд. пом. основался на данномъ трудѣ „въ виду исчерпывающей его полноты и научнаго безпристрастія въ трактованіи темы“. Въ „исчерпывающей полнотѣ“ книгѣ К. отказать нельзя: авторъ старается тщательно оцѣнить фактическое положеніе отъ критическаго анализа... „Научное безпристрастіе“ К. сводится, въ сущности, къ нѣсколькимъ старомодной проповѣди „соціального мира“, однимъ изъ этаповъ осуществленія котораго должны быть „нормально“ организованныя, безпристрастныя, безпартійныя бюро найма. Дѣятельность рабочихъ союзовъ, борющихся во имя своихъ классовыхъ интересовъ за нейтральныя публичные конторы найма, остается совершенно непонятной К.; поэтому и фактическая политика союзовъ по данному вопросу изложена имъ невѣрно: уже въ 1899 г. рабочіе не занимали той непримиримо-враждебной позиціи по отношенію къ нейтральнымъ бюро найма, какъ это излагаетъ К. За послѣднее же время рабочіе еще болѣе опредѣленно противопоставляютъ владѣльцамъ не столько свои чисто рабочія боржі труда, сколько ведутъ борьбу за нейтральность совмѣстныхъ публичныхъ конторъ, на которыя предприниматели не разъ пытались наложить свою руку. Въ этой борьбѣ рабочимъ зачастую приходилось давать отпоръ и сторонникамъ „соціального мира“, настаивавшимъ, напр., во имя безпристрастія, чтобы совмѣстныя тарифныя организаціи были обязаны ставить на мѣста и штрейкбрехеровъ, нарушителей тарифнаго договора. Эта важная сторона вопроса осталась неосвѣщенной ни въ книгѣ К. ни въ доопытительныхъ примѣчаніяхъ.

Итакъ, задача, поставленная Ком. о труд. пом. „ознакомить русское общество съ положеніемъ вопроса объ организаціи посредничества въ зап.-европ. государствахъ“ — выполнена далеко не удовлетворительно. (В. Шеръ. „Совр. М.“ 1914—1).

360. Абрамовъ, И. 334 (47).

Въ культурномъ скиту. Объ одной процвѣтающей коммунистич. общинѣ. 1914. Спб., изд. „Жизнь и знаніе“, 2-ое перераб. 99 стр. Ц. 50 к.

Попытки основать и сдѣлать долговѣчной коммунистич. общину терпѣли неизмѣнно крушеніе; идеи Фурье и Кабэ на практикѣ оказывались неосуществимыми. Общины этого типа или разпадались, какъ это было съ „Новой Гармоніей“ Р. Оуэна, или же превращались въ предпріятія, основанныя на предпринимательскихъ началахъ, какъ это было съ колоніей „Кривница“ В. Еропкина. Причинами этого были неудовлетворительный личный составъ общины, отсутствіе неистощимыхъ запасныхъ средствъ, непригодность общинникъ въ къ серьезному труду и тяжелая удушливая нравственная атмосфера, проникавшая общину и заставлявшая бѣжать изъ нея даже лицъ, претерпѣвшихъ въ жизни всевозможныя мытарства. Поэтому процвѣтающее Крестовоздвиженское трудовое братство, основанное Н. Н. Неплюевымъ,

должно быть особо отмѣчено, какъ примѣръ достойный подражанія для производства будущихъ опытовъ насажденія трудовыхъ братствъ. Но это процвѣтаніе объясняется тѣмъ, что развитіе братства шло не тѣмъ путемъ, какъ коммунистич. начинанія другихъ типовъ. Причины успѣшности дѣятельности братства таковы: Братство обезпечено шестнадцатю тысячами десятинъ благоустроенной земли, и сотысячнымъ годовымъ доходомъ; основатель былъ не только благодѣтелемъ-филантропомъ, безвозмездно предоставившимъ свое миллионное состояніе добродѣлу, но и искуснымъ организаторомъ, заложившимъ твердыя нравственныя начала въ сердца отобранныхъ, путемъ многихъ испытаній, „братевъ“; эти „братья“ были набраны изъ среды крестьянъ, привыкшихъ къ земледѣльч. труду; притока изъ скачущей интеллигенціи, тѣхъ „тонконогихъ“, которые составляли горе всякой общины интеллигентныхъ коммунистовъ, не допускалось вовсе; братство не отвергаетъ наемный рабочій трудъ и фактически огромное имѣніе при хуторѣ Воздвиженскѣ (въ Глухов. у., Черниг. губ.) обрабатывается не столько „братьями“, сколько наемными рабочими, число которыхъ нынѣ доходитъ до 800. Таковы выводы, къ которымъ можно придти, прочитавъ любопытную книжку А. Особенную цѣну придаетъ ей то, что авторъ самъ около семи лѣтъ пробылъ на хуторѣ Неплюева. Нѣсколько расхолаживаетъ только читателя рассказъ автора о той атмосферѣ, которой были окружены воспитанники сельско-хозяйств. школы, предназначавшіеся въ кандидаты на вступленіе въ члены братства; оказывается, неплюевская община не избѣгла того духа фанатической нетерпимости, которой была насыщена хотя бы жизнь криничанской общины. „Для обращенія невѣрныхъ, школа прибѣгала къ особымъ педагогич. приемамъ, таковы, напр., отлученіе отъ общесѣва товарищей, запись въ „черную книгу“, выговоры въ „кругу“ по субботамъ и наконецъ—исключеніе изъ школы“. Стоить прочесть хотя бы одну „характеристику“ „Брата Ивана“, подписанную искренно любящими братьями Никитомъ, Михаиломъ и др., прочитанную въ день его ангела и наполненную перечисленіемъ разныхъ ничтожныхъ просупковъ и прегрѣшеній именинника—чтобы видѣть, что по духу это тѣ же кондуктныя списки, увѣщанія, осужденія и наставленія, на которыя не скупились криничане по отношенію другъ къ другу. Нельзя также не отмѣтить нѣкоторой неослѣдовательности ученія и дѣятельности основателя общины; нерѣдко его проповѣди трезвости и воздержанія, направленные къ „братьямъ“, прерывались гудками и свистками винокуреннаго и водочнаго заводовъ, имъ же самимъ оборудованныхъ на хуторѣ!.. (Н. Голубевъ. „Юрид. Библ.“ 1914—2).

...Было бы съ пользой, если бы община отличалась тѣми маленькими недостатками, какіе характеризуютъ „коммуны“ вообще.

...Но вотъ что оказалось: къ 1907 г. распри съ крестьянами закончилъ съ вмѣшательствомъ казаковъ, при чемъ трое были тяжело ранены. Дѣло въ томъ, что братство, „которое Бога любить и правду Его хочетъ водворить въ жизни русскаго народа“, въ періодъ свободъ примкнуло—съ руководителемъ своимъ во главѣ—къ кievскимъ правымъ ораганизациямъ. Нельзя не пожелать книжкѣ А. самаго широкаго распро-

страненія, такъ какъ смотреть онъ на „культурный скитъ „безъ иллюзій“. (Л. Клейнбортъ. „Совр. М.“ 1914—4).

...По мнѣнію А., неплюевская школа хуже бурсъ, описанной Помяловскимъ. Въ бурсѣ предавали поруганью тѣло, въ Воздвиженской же школѣ то же продѣлываютъ съ душой. „Гордое самомнѣніе“, бездушное отношеніе къ окружающему,—вотъ главные грѣхи братства, построеннаго на мистически—реакціонныхъ началахъ. Виновикомъ всего уклада общины являлся, конечно, самъ Неплюевъ, человекъ, повидимому, истерическій и недалекій. Къ сожалѣнію, А. мало останавливается на этомъ человѣкѣ, и у читателя не создается яснаго представленія о главныхъ душевныхъ мотивахъ, толкавшихъ Н. на созданіе и поддержаніе такого рода общины. Не совсѣмъ ясно очерченъ также экономич. строй „скита“... (Р. С. „Ежем. Жур.“. 1914—3).

361. Струве, П. 33:9(47)

Крѣпостное хозяйство. Исслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв. 1913. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 340 стр. Ц. 2 р.

Наибольшую часть книги занимаетъ статья „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в.“. (Статья эта хорошо известна специалистамъ по той же редакціи, которая появилась въ журналѣ „Міръ Божій“).

Авторъ поддерживаетъ цѣликомъ свое прежнее построеніе, но онъ добавляетъ его теперь большимъ количествомъ фактическихъ иллюстрацій и добавляетъ нѣкоторыми новыми соображеніями. С. стоитъ на томъ, что если въ серединѣ XIX ст. русскій крѣпостной правопорядокъ являлся уже полнымъ анахронизмомъ, то крѣпостное хозяйство далеко еще не изжило само себя, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что многіе пережитки этого хозяйственнаго строя благополучно уцѣлѣли и въ системѣ хозяйственныхъ отношеній пореформенной эпохи. Крѣпостное право пало въ 1861 г., по мнѣнію С., не вслѣдствіе того, что крѣпостное хозяйство перестало само по-себѣ быть выгоднымъ для помѣщиковъ и оправдывать себя, а вслѣдствіе того, что крѣпостной хозяйственный строй оказался въ непримиримомъ противорѣчіи съ вновь нарождавшимися тогда общими экономическими, потребностями страны, и прежде всего съ потребностью въ оборудованіи страны сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Выдвигая эту концепцію, авторъ оперируетъ обширнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, онъ пользуется и обильной хозяйственной литературой той эпохи, и документами вотчинныхъ архивовъ, дошедшими до насъ отъ первой половины XIX ст. Съ выдвигаемой авторомъ остроумной аргументаціей придется считаться всѣмъ исслѣдователямъ, въ томъ числѣ и тѣмъ, которые не согласятся съ ея положеніями.

Въ остальныхъ статьяхъ сборника извлекаются изъ забвенія любопытнѣйшіе и знаменательные факты изъ исторіи развитія хозяйственной мысли въ крѣпостной Россіи, касающіеся попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ, организаціи крѣпостной статистики и пропаганды идеи отрубнаго крестьянскаго хозяйства. Очень важны также и двѣ историческія справки: о первой попыткѣ возбужденія крестьянскаго вопроса при Имп. Александрѣ II и кн. В. В. Дол-

горюковымъ и о дѣятельности „маклера слугъ и рабочихъ людей“ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв.: документы о дѣятельности этого института до сихъ поръ не были извѣстны въ печати. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд.“ 1914—5*).

Почему пало въ Россіи крѣпостное право? Въ нашей исторической наукѣ существуетъ по данному пункту много различныхъ мнѣній. Выразителемъ одного является группа историковъ, признающая вмѣстѣ съ Рожковымъ, что крѣпостное право пало вслѣдствіе развитія денежнаго хозяйства въ Россіи, могущественно повліявшаго на технику обрабатывающей промышленности и сельскаго хозяйства, а черезъ посредство техники и на формы производства. Другой взглядъ развѣиваетъ С. въ своей книгѣ. По его мнѣнію, установившееся въ нашей литературѣ представление объ экономической невыгодности крѣпостного труда въ сельскомъ хозяйствѣ (этотъ аргументъ игралъ въ свое время очень большую роль въ борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ и настойчиво выдвигался противниками послѣдняго), не имѣетъ подъ собой никакихъ серьезныхъ оснований. Мнѣніе это возникло изъ ошибочнаго представлення, будто все, осуждаемое нашимъ нравственнымъ сознаниемъ, не соответствуетъ правильно понятымъ экономическимъ интересамъ. На самомъ же дѣлѣ экономическій интересъ отдѣльнаго лица или цѣлой общественной группы сплошь и рядомъ совершенно расходится съ высшими интересами всего общества. Крѣпостное право самымъ очевиднымъ образомъ противорѣчило современному правосознанію и задерживало общественное развитіе Россіи. Тѣмъ не менѣе наши помѣщики вовсе не были дураками, когда они такъ цѣпко держались за право пользованія даровымъ трудомъ своей „крещеной собственности“. Ибо трудъ крѣпостныхъ былъ основой ихъ хозяйственнаго благосостоянія, что ярко обнаружилось на дворянскомъ оскуднѣніи, послѣдовавшемъ за крестьянской реформой. С. очень наглядно показываетъ, что наше помѣщичье хозяйство, основанное на рабскомъ трудѣ, далеко не было въ упадкѣ наканунѣ реформы. Мало того, оно несомнѣнно прогрессировало. Барщинное хозяйство оказывалось для помѣщика выгоднѣе оброчнаго. Почему же, въ такомъ случаѣ, пало крѣпостное право? Быть можетъ, рѣшающей причиной реформы слѣдуетъ считать борьбу самого крестьянства за волю? На этотъ вопросъ С. отвѣчаетъ отрицательно: „Было бы смѣхотворнымъ преувеличеніемъ, — говоритъ онъ, — приписывать освобожденіе, главнымъ образомъ, самому крестьянству и его борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ“. Вѣсего этого С. выдвигаетъ, въ качествѣ основной причины освобожденія крестьянъ необходимость для Россіи постройки желѣзнодорожной сѣти. Онъ хотѣлъ въ что бы то ни стало найти экономическія причины крестьянской реформы и, не находя ихъ въ условіяхъ барщиннаго хозяйства, какъ оно реально существовало, долженъ былъ обратиться къ фантастической причинной зависимости настоящаго отъ будущаго. Однако, неудачное рѣшеніе вопроса С. нисколько не умаляетъ цѣнности его анализа состоянія барщиннаго помѣщичьяго хозяйства наканунѣ освобожденія. Анализъ этотъ доказалъ, что никакой экономической необходимости освобожденія крестьянъ не существовало. Освобожденіе крестьянъ было вызвано сложными причинами,

не сводимыми, въ своей совокупности, къ понятію экономической необходимости. То, что С. считаетъ „смѣхотворнымъ преувеличеніемъ“, кажется мнѣ рѣшающимъ фактомъ въ данномъ случаѣ. Только потому, что крестьяне не мирились съ рабствомъ, они получили, въ концѣ концовъ, свободу. Но, конечно, борьба самихъ крестьянъ съ крѣпостнымъ правомъ или, точнѣе, угроза этой борьбы не можетъ считаться единственной причиной реформы 19 февраля, явившейся сложнымъ результатомъ столкновенія цѣлаго ряда различныхъ факторовъ, нѣкоторые изъ которыхъ благопріятствовали реформѣ, а другія задерживали ее. Трудность объясненія причинъ акта 19 февраля заключается въ томъ, что, съ одной стороны, реформа страшно запоздала, наше крѣпостное право (которое, въ дѣйствительности, было чистѣйшимъ рабствомъ), казалось совершеннымъ пережиткомъ прошлаго въ половинѣ 19 вѣка, когда въ другихъ странахъ Европы послѣдніе слѣды рабства давно исчезли. Но, съ другой стороны, этотъ пережитокъ не только не отмиралъ въ Россіи, а все больше и больше сроднился съ нашимъ социальнымъ строемъ, становился основой хозяйственнаго благосостоянія правящаго класса дворянства. И потому уничтоженіе крѣпостнаго права 19 февраля кажется намъ какой-то внезапной революціей, не вытекающей изъ экономической необходимости. (*М. Туганъ-Барановскій. „Совр. Сл.“ 1914—2195*).

Въ основной статьѣ авторъ разсматриваетъ постепенное преобразованіе крѣпостнаго хозяйства въ связи съ взаимоотношеніями помѣщика и крестьянъ, вліяніе политическаго положенія дворянства на его экономическую политику, постепенное усложненіе хозяйства, возникновеніе барщины и оброка, значеніе этихъ послѣднихъ для помѣщика и для подневольнаго крестьянина. Всѣ эти вопросы разработаны съ достаточной полнотой, при чемъ положенія свои авторъ подкрѣпляетъ историческими документами. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить, что все же нѣкоторыя положенія остаются весьма спорными. Изъ другихъ статей представляютъ значительный историческій интересъ весьма любопытные матеріалы крѣпостной статистики, которая при всей своей несистематичности и отрывочности даетъ яркую картину помѣщичьяго крѣпостнаго хозяйства. Заслуживаетъ вниманія справка о первыхъ попыткахъ артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ. Вообще должно отмѣтить, что для интересующихся экономической исторіей Россіи въ рецензируемой книгѣ найдется много полезныхъ указаній и библиографическихъ справокъ. (*М. Инскій. „Утро“. 1914—2223*).

Конечно, не со всеми взглядами автора можно согласиться, много необѣдительнаго и спорнаго хотя бы въ вопросѣ о происхожденіи барщины, но эти недостатки искупаются безспорными достоинствами книги. Много полезнаго, интереснаго и даже новаго найдетъ въ ней всякій интересующійся экономической исторіей нашей родины. (*В. В. „Гол. М.“ 1914—44*).

362. Лаврентьевъ, Д. Н. 347(47)

Торговое право, вексельное и морское. Краткій курсъ для учащихся и самообразов. Съ примѣр. и образц. торговыхъ документовъ, договоровъ, уставовъ и пр. 1913. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 415—V стр. Ц. 1 р. 50 к

Торговое право—одинъ изъ самыхъ трудныхъ отдѣловъ юридическихъ наукъ, тѣмъ болѣе, что руководство для изученія его очень мало...

Нельзя, поэтому, не приветствовать появленія сочиненія Л., который сумѣлъ соединить научно-теоретическое изложеніе предмета, во всей его обширности, съ практическими требованіями учащагося, которому важно не только изучить данное положеніе науки, но еще и видѣть, какъ примѣняется она на практикѣ. ...Въ книгу вошли всѣ новые законы (авторское право, торговые знаки, комиссія, страхованіе). Отдѣлъ вексельнаго права изложенъ примѣнительно къ практикѣ вексельнаго оборота.

Въ книгу введены приложенія, объясняющія наглядно практическія свѣдѣнія курса. ...Подробно изложенный алфавитный предметный указатель даетъ возможность навести быстро справку по каждому вопросу торговаго права. (С. И. новъ. „День“. 1913—257).

...Практичность руководства, разъясненіе повседневныхъ вопросовъ торговли и ея свѣлокъ и являются главною заслугою талантливаго автора.

Въ частности, въ отдѣлѣ торговаго права особенно интересно изложены главы о правахъ и обязанностяхъ купца, съ разъясненіемъ даже правилъ промысловаго налога; о положеніи и правахъ приказчиковъ. Глава объ акціонерныхъ обществахъ очень удачна: какъ возникаютъ акціонерныя общества за границей и у насъ, значеніе акціи, положеніе и права акціонера, дѣятельность и отвѣтственность правленія и др.,—все это разъяснено текстомъ закона и уставовъ акціонерныхъ предпріятій.

...Особенностью же настоящей работы является „Морское право“. Надо признаться, что курсовъ и руководствъ по морскому праву у насъ вовсе нѣтъ, не считая замѣтокъ по отдѣльнымъ вопросамъ, такъ что въ этомъ отношеніи книга единственная.

...Вообще, свѣдѣнія по торговому праву, которыя можно найти также и въ другихъ сочиненіяхъ, здѣсь изложены лучше, яснѣе и практичнѣе. Но въ книгѣ Л. есть многое, чего нѣтъ въ другихъ сочиненіяхъ этого рода. (С. К. нз. „Нов. Вр.“ 1913—13458).

...Вообще давно извѣстны дефекты, присущіе торговому праву, его неполнота, неясность и неопредѣленность въ нѣкоторыхъ, или нѣдѣе, во многихъ случаяхъ. Разъясненіе подобныхъ случаевъ въ учебникѣ должно бы соответствовать основнымъ положеніямъ торговаго права или опираться на дѣйствующее право Россіи, но, къ сожалѣнію, автору это не всегда удается исполнить. [Далѣе указываются нѣкоторые недочеты книги]. Однако, нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ подобныхъ недочетахъ, тѣмъ болѣе, что они съ избыткомъ искупаются достоинствами книги, обстоятельностью, подробностью и доступностью изложенія; ...учебникъ является видимо, плодомъ продуманной работы... (М. У. „Ком. Шк. и Жз.“ 1914—1).

363. Василевичъ, В.

(Кирьяковъ, В. В.) 37(06)(09)

Шагъ за шагомъ. (Къ исторіи объединенія народн. учителей). 1914. М., изд. кн. скл. „Для Нар. Уч.“ Ц. 40 к.

..В. уже не молодой учитель; начало его воспоминаній относится къ 80-мъ гг., и въ книжкѣ

хороша прежде всего свѣжесть впечатлѣній былого. Просто и незатѣйливо рассказываетъ онъ о порывахъ учительской молодежи эпохи самой злой реакціи къ самообразованію, слегка иронизируетъ надъ своими страхами передъ учебнымъ начальствомъ, провѣдавшимъ о „нелегальномъ“ кружкѣ, и т. д. Съ юной восторженностью вспоминаетъ первый съѣздъ учителей въ 1901 г. въ Москвѣ, когда „вполголоса“ говорить о своихъ нуждахъ было уже можно. Съ Нижегород. выставки, положившей начало объединенію учителей, авторъ вынесъ самыя отрадныя впечатлѣнія. Бытовые штрихи, картинки учительской жизни, то нелѣпыя до смѣшнаго, то мрачныя—ими переполнена книжка В., и они—ея главное достоинство. Воспоминанія обрываются на второмъ учительск. съѣздѣ (о-въ взаимопомощи) въ 1902 г. Здѣсь онъ увидѣлъ наконецъ то „все, о чемъ мечталось въ тиши одинокой надъ заводью пруда Монастыревой школы“... Этотъ съѣздъ явился первымъ показателемъ интеллектуальной и организаціоннаго роста учительской среды. Воспоминанія В. читаются съ интересомъ; портишь книжку лишь густой налетъ сантиментальности, вызывающій даже слегка досадное чувство на автора. (Н. Ф. скій. „Совр.“ 1914—6).

...Красной нитью черезъ книгу проходитъ мысль о необходимости объединенія и общенія народныхъ учителей въ дѣлѣ болѣе успѣшнаго улучшенія своей жизни, о необходимости самосовершенствованія и развитія для пользы своей же и народа. (В. Т. „День“. 1914—56).

...Какъ историч. памятникъ, брошюра В. представляетъ извѣстный интересъ, тѣмъ болѣе, что написана она съ живостью и настроеніемъ. (С. С.-о. „Пед. Л.“ 1914—4).

364/5. Волковскій, Д. Л. 511 (075)

Дѣтскій міръ въ числахъ. Для началн. школъ. (Для перваго года обученія). 1913. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 80 стр. Съ рис. Ц. 20 к.—Руководство къ „Дѣтск. міру въ числахъ“. Ч. 1. Первый годъ обученія. Для началн. школъ, пригот. кл. жен. гимн., изд. т-ва И. Д. Сытина. 1914. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. VIII—574 стр. Ц. 1 р 50 к.

Послѣ господства на первыхъ ступеняхъ обученія ариемоники сначала метода „изученія чиселъ“, затѣмъ метода „изученія“ дѣйствій въ ихъ прямолинейной формѣ, естественно должны были появиться теченія, стремящіяся наилучшимъ образомъ использовать всѣ выгодныя стороны обоихъ направленій, отводя каждому изъ нихъ подобающее мѣсто и устанавливая рамки ихъ полезнаго дѣйствія. Къ числу сторонниковъ такого примиряющаго направленія принадлежатъ и В. Онъ стоитъ за изученіе чиселъ въ предѣлѣ перваго десятка, при чемъ при изученіи каждаго числа онъ знакомитъ дѣтей только съ сложеніемъ и вычитаніемъ. Умноженіе и дѣленіе у него проходитъ особо и не связываются съ тѣмъ или другимъ числомъ перваго десятка. За предѣлами перваго десятка авторъ всецѣло является сторонникомъ изученія дѣйствій. По этой схемѣ расположенъ матеріалъ въ „Дѣтскомъ мірѣ въ числахъ“.

Въ выборѣ и разработкѣ упражненій, въ порядкѣ ихъ расположенія, въ подборѣ иллюстрацій,—словомъ, во всѣхъ деталяхъ, касающихся

какъ внутренней, такъ и вѣшной стороны книжки, видна рука опытнаго и знающаго педагога, любящаго свое дѣло и тщательно вѣдѣющаго все до мелочей. Въ книжкѣ для ученика всѣ задачи носятъ характеръ приѣмѣвъ безъ текста, что вполне понятно, такъ какъ дѣти, приступающія къ первымъ ступенямъ изученія ариметики, плохи грамотеи. Зато въ „Руководствѣ“ для учителя мы находимъ соответствующее дополненіе къ книжкѣ для ученика въ видѣ обильнаго подбора задачъ съ текстомъ, строго согласованнаго съ расположеніемъ матеріала въ „Дѣтскомъ Мирѣ“.

Книга для учителя представляетъ собою подробнѣйшее методическое руководство для перваго года обученія ариметикѣ, въ которомъ учитель найдетъ не только указаніе практическаго характера относительно всякаго шага обученія ариметикѣ на первыхъ ступеняхъ, но и разборъ болѣе важныхъ общихъ положеній и вопросовъ преподаванія ариметики.

Мы считаемъ „Дѣтскій миръ въ числахъ“ и „Руководство“ къ нему одними изъ интереснѣйшихъ книгъ послѣдняго времени, посвященныхъ вопросамъ обученія ариметикѣ на первыхъ ступеняхъ. (П. А. „Дня Нар. Уч.“ 1914—7).

...Едва ли въ педагогич. литературѣ по началному обученію ариметикѣ не только русской, но и иностранной, найдется такъ обстоятельно до мелочей разработанное руководство, какъ разсматриваемая книга. [Авторъ внимательно изучилъ массу руководствъ русскихъ и иностранныхъ и] въ теченіе многихъ лѣтъ самъ практиковалъ, и лично видѣлъ въ примѣненіи къ дѣлу на пробныхъ урокахъ предложенные имъ приемы и мысли. Эти книги—плодъ многолѣтнихъ трудовъ и глубокихъ размышленій. Основная мысль развитія математич. мышленія въ человѣкѣ съ дѣтскаго возраста, мысль о томъ, что надо переходить отъ нагляднаго къ отвлеченному, проведена здѣсь послѣдовательно. Книги эти неоптимальныя кладъ не только для преподавателей, но въ особенности для домашняго обученія, когда сами матери занимаются обученіемъ своихъ дѣтей... (Старый Педагогъ. „Пед. Об.“ 1914—4).

...Въ обширномъ введеніи къ „Руководству“ затронуты вопросы о возникновеніи понятія о числѣ (авторъ находитъ, что „методъ непосредственнаго воспріятія чиселъ и счетный методъ должны цѣлесообразно дополнять другъ друга“), о числовыхъ фигурахъ, о значеніи и способахъ пользованія картинками; о цифрахъ, задачахъ, мѣрахъ и т. д.; тутъ же дано обоснованіе расположенія матеріала въ книгѣ и приведены взгляды на различные вопросы, существующіе въ методической литературѣ русской и иностранной. Въ основной части книги обстоятельно разработаны планъ изученія чиселъ перваго десятка и дѣйствія надъ ними; нельзя однако согласиться съ тѣмъ, чтобы „проходить сначала воспріятіе всѣхъ чиселъ перваго десятка, а потомъ дѣйствіе надъ каждымъ изъ нихъ“. Тутъ же даются понятія о мѣрахъ, дробяхъ и геометрическихъ фигурахъ. Задачъ довольно много; онѣ разнообразны и живы. Книга содержитъ цѣнный методич. указанія, но тому, кто знакомъ съ иностранной учебной и методич. литературой, наврядъ ли она дастъ много новаго. (Т. „День“. 1914—49).

...Мы держимся того взгляда, что „методъ из-

ученія чиселъ, нашедшей столь широкое распространеніе въ западно-европ. школахъ, въ которыхъ обученіе начинается съ дѣтми 4—6-лѣт. возраста, непригоденъ для нашихъ школъ, въ которыя дѣти вступаютъ въ 8—9 л. ...Подборъ примѣровъ и ихъ расположеніе [въ книгѣ для ученика] соответствуютъ наиболѣе удобнымъ и естественнымъ приемамъ вычисленія. ...Числа иллюстрированы то пучками прутьиковъ, то кубиками, то квадратиками. ...Задачникъ составленъ продуманно, но требуетъ методич. указаній... (И. К. „Рус. Шк.“ 1913—11).

Обѣ книги представляютъ собою полезный вкладъ въ педагогич. литературу по преподаванію математики... могутъ быть полезны и въ семьѣ, и въ школѣ... (А. Павловъ Педагог. Л. 1914—3). ...„Руководство“ является цѣнной книгой для всякаго, кому приходится обучать дѣтей ариметикѣ. Дѣти должны полюбить „Дѣтскій миръ въ числахъ“. (Б. „Нар. Обр.“ 1914—1).

336. Штильманъ, Г. 655.343

Печать и уголовный законъ. 1914. Спб., изд. юрид. кн. ск. „Право“. 168 стр. Ц. 1 р.

Поводомъ къ изданію книги послужило внесеніе въ Госуд. Думу правительств. законопроекта о печати. III. „подходитъ къ затронутымъ вопросамъ съ точки зрѣнія теоретика-криминалиста. Но добытые въ этомъ порядкѣ выводы онъ не считаетъ окончательными. Однакоже важнымъ представляется ему и другой критерій, къ социальн., юристамъ нерѣдко игнорируемый. Незнакомые съ постановкой дѣла, съ основными моментами его организаціи, съ условіями, въ которыхъ печать, особенно періодическая, безсилна нести свою службу, теоретики права обыкновенно упускаютъ изъ виду, что конструкція, логически вполне безукоризненная, могутъ оказаться совершенно непригодными для жизни. Опираясь на свой опытъ журналиста, авторъ стремится избѣжать этой ошибки“. За исключеніемъ немногихъ страницъ восьмой главы, книга написана живымъ, понятнымъ для неспеціалиста языкомъ. Легко, почти незамѣтно, вводитъ авторъ своего читателя и въ сложные вопросы права, и въ малодоступную и вѣбстную очень немногимъ редакціонную повседневу жизнь.

Экскурсы въ западное право и въ исторію западной прессы даютъ читателю отправные пункты для нѣкоторыхъ обобщеній и связываютъ мѣстные и частные вопросы даннаго законопроекта съ широкимъ историческимъ процессомъ.

... Книга рассчитана на широкую публику. Она прекрасно удовлетворяетъ потребности разбираться въ серьезномъ и насущномъ вопросѣ свободы печати вообще и въ оцѣнкѣ правительственнаго законопроекта о печати. (Сергей Ордынский. „Рус. Вѣд.“ 1914—87).

... Написана книжка въ тонахъ объективности; авторъ, повидимому, сознательно воздерживается отъ публицистической рѣзкости, чтобы тѣмъ рельефнѣе отнѣсти принципиальное несоответствіе между основами, на которыхъ строится новый законопроектъ, съ одной стороны, — и современнымъ правовымъ сознаніемъ и запросами „обновленнаго“ строя, — съ другой... („Совр. Сл.“ 1914—2199).

... Въ одной проблемѣ и особая природа преступленій печати и конфликты между свобо-

дой слова и обычными началами уголовно-судебного воздействия, — сказывается особенно наглядно. Это вопрос об ответственном редакторе. Ему посвящено в книге три статьи, наиболее ценных. III. находит институт ответственной редакции той „арифметической средней“, которая определяет мѣру неизбежных отступлений отъ общихъ началъ уголовно-судебнаго воздействия. Съ большою убѣдительною доказываетъ авторъ, что не только для Россіи, но и для всей средней Европы не наступила еще пора эмансипироваться отъ тѣхъ крайне существенныхъ гарантій, которая даетъ печати система ответственности редакціи. Небольшой очеркъ посвященъ самостоятельной попыткѣ воскресить въ русскомъ законодательствѣ институтъ ответственного издателя. Съ точки зрѣнія интересовъ печати и особой правовой природы ея деликтныхъ отстанавляетъ III. и необходимость сокращенной давности по дѣламъ о преступленіяхъ печати. Анализу матеріальной части министерскаго законопроекта посвящена отдѣльная статья, хорошо раскрывающая явные и тайные скорпіоны, въ немъ скрытые. За этой статьей слѣдуетъ разборъ „карательнаго аппарата“ законопроекта. Обширный очеркъ посвященъ праву опубликованія парламентскихъ отчетовъ. Здѣсь читатель найдетъ обстоятельное изложеніе вопроса въ западно-европейскихъ законодательствахъ и критику взглядовъ нашего сената на ответственность за публикацію въ печати думскихъ отчетовъ. Наконецъ двѣ статьи сборника посвящены практикѣ русскаго суда по отношенію къ печати. Быть можетъ, самыми сильными осужденіемъ ея служатъ приводимые авторомъ отзывы Н. С. Таганцева о нѣкоторыхъ толкованіяхъ сенатомъ вопросовъ, связанныхъ съ преступленіями печати. Ветеранъ русской науки уголовного права съ недоумѣніемъ останавливается передъ этими толкованіями, которые иногда приводятъ „къ логической нелѣпости“, забываютъ положеніе „не отомстить дважды за едино“, и могутъ быть объяснены „лишь случайными условіями“. Случай и усмотрѣніе — это дѣйствительно истинные владыки русской печати. (Кн. „Кіев. М.“ 1914—81).

... Сборникъ статей III., основанныхъ на всестороннемъ изученіи предмета, дающихъ, гдѣ нужно, полный обзоръ иностран. литературы, вышелъ въ свѣтъ весьма кстат. Особенно выдается, при всей своей сжатости, статья „Законопроектъ о печати“.

... Далеко не безспоренъ, съ нашей точки зрѣнія, взглядъ III. на отвѣстн. редактора. Мы думаемъ, какъ и онъ, что отвѣственнымъ за преступленіе или проступокъ печати должно быть только одно лицо, что на дѣла печати не должны быть распространяемы общія правила о соучастіи въ преступленіи; но на кого именно должна падать отвѣтственность — этотъ вопросъ допускаетъ различныя значенія... (А. Е. „Вѣст. Евр.“ 1915—4).

... Надо думать, что интеллигентные читатели... съ должнымъ вниманіемъ отнесутся къ книгѣ III., который научно и въ весьма популярной формѣ знакомитъ читателей съ недостатками дѣйствующаго нимѣющаго осуществиться закона о печати. (Ш. Я. Р. „День“. 1914—91).

368. [. . . . . 84—1

Поэты Франціи. (1870—1913). Переводы

И. Эреабурга. 1914. Парижъ, кн-во „Гелиосъ“. 146 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Э. выпустилъ обширную антологию французскихъ поэтовъ, въ своихъ переводахъ, съ предисловіемъ, критико-біографич. статьями и библіографіей, русской и французской. Сюда вошло двадцать девять поэтовъ, отъ Стефана Маллармэ де Жана Дорсенюса. Нѣкоторые, какъ Андре Спиръ, Маринетти, Гійомъ Аполлинэръ, появляются на рус. языкѣ впервые. Хотя у насъ уже есть и антология, составленная Брюсовымъ, и „Книга масокъ“, изд. „Гряд. днемъ“, и еще кое-что, тѣмъ не менѣе, антология Э. не можетъ не привлечь къ себѣ широкаго интереса. Она составлена по принципу личнаго пристрастія. А тайна перевода постигается именно при этомъ условіи, и отнюдь не механически. Библіографія въ книгѣ обстоятельна, критическіе портреты остры и содержательны. Изданъ книга прекрасно. (Сергей Городецкий. „Речь“. 1914—67).

Вполнѣ доброкачественные и въ достаточной мѣрѣ точные переводы предлагаетъ Э. въ [этой] книгѣ. Читатели, болѣе или менѣе внимательно слѣщаго за развитіемъ современной франц. поэзии, подборъ поэтовъ разматриваемой книги врядъ ли можетъ удовлетворить вполнѣ, ибо вкусъ переводчика чрезмѣрно субъективенъ, что онъ констатируетъ и самъ... Однимъ поэтамъ переводчикъ удѣляетъ слишкомъ мало вѣста, другимъ, наоборотъ, чересчуръ много. Наиболее удачными слѣдуетъ признать переводы изъ: Гриффина, Жамма и Рембо. Охарактеризованъ (выборкой пьесъ) лучше другихъ Жаммъ. Появленіе сборника слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, привѣтствовать. (Арсеній Альвингъ. „Новъ“. 1914—69).

... въ книгѣ можно найти почти всѣхъ [значительныхъ] поэтовъ послѣднихъ сорока лѣтъ... „Справочная“ часть книги по существу является, пожалуй, болѣе ценной, такъ какъ переводы Э. далеки отъ совершенства... Нѣкоторые прихотливые поэты (какъ, напр., А. Рембо) Э. не удались совѣтъ. Лучше другихъ, на нашъ взглядъ, переводы изъ П. Верлена и Ж. Мореаса. (М. „Ран. У.“ 1914—73).

Э., безспорно, талантливый поэтъ, на котораго позволительно возлагать хорошія надежды. Тѣмъ печальнѣе, что его новая книга во многомъ насъ не удовлетворяетъ... Книга могла бы представлять интересъ для русскаго читателя, если бы переводы вѣрно передавали индивидуальность отдѣльныхъ поэтовъ. Къ сожалѣнію, именно этого и нѣтъ въ переводахъ Э.: почти всѣ они исполнены однообразнымъ стихомъ (мы говоримъ не о размѣрахъ) и однимъ и тѣмъ же языкомъ, словно всѣ „поэты Франціи“ въ теченіе полустолѣтія писали одинаково. Въ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ подъ рукою были оригиналы переведенныхъ вещей, мы могли убѣдиться, что Э. не обладаетъ способностью „перевоплощаться“, передавать характерныя особенности чужого подлинника. [Указываются недостатки]. Нѣкоторые стихотворенія переданы размѣрами, никакъ не соответствующими размѣру подлинника. Содержаніе стиховъ передано болѣе вѣрно въ тѣхъ пьесахъ, гдѣ преобладаетъ разсужденіе, и крайне произвольно въ чисто лирическихъ. Сколько кажется, переводы новѣйшихъ поэтовъ сдѣланы Э. лучше. Намъ понравились переводы (стихи безъ рیمовъ) изъ Ш. Вильдрака: они съ

достаточной точностью передают подлинник. Предисловія кратки и вряд ли скажут новое даже русскому читателю; библиографія, указанная въ нихъ, крайне неполна. (*Валерій Брюсовъ*. „*Рус. М.*“ 1914—4).

... Вообще сборникъ Э. является очень интереснымъ и своевременнымъ для Россіи, тѣмъ болѣе, что многія стихотворенія переданы удачно. (*Н. Г.* „*Гол. М.*“ 1914—84).

Это скорѣе книга о личныхъ вкусахъ Э., чѣмъ о французской поэзіи (*К. Н.* „*Приаз. Край*“ 1914—65).

369. Семеновъ, Л. 891.7.09:92(Л: Т)

Лермонтовъ и Л. Толстой. 1914. М. 463 стр.

Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ поставилъ задачей доказать, что Л. оказалъ на Т. сильное и длительное вліяніе, что оба писателя,—идеть ли рѣчь объ ихъ личности, или ихъ созданіяхъ,—имѣютъ глубокое внутреннее родство. Если бы не слишкомъ упрощенное (временами до наивнаго) представленіе о терминѣ „вліяніе“ (только потому, что у Л. встрѣчается выраженіе: „Кто штыкъ точилъ“, а у Т.: „Кто... начиналъ штыкъ“, С. считаетъ несомнѣннымъ вліяніе „Бородина“ въ данной фразѣ), если бы не чрезвычайная погоня автора за совпаденіями, аналогіями въ произведеніяхъ Л. и Т., мы сказали бы, что изслѣдованіе С. избраннымъ методомъ скорѣе всего приведетъ къ правильному рѣшенію намѣченной задачи. Обильно собранный матеріалъ (иногда до излишества) ярко указываетъ на удивительное духовное родство двухъ писателей. Цѣлый рядъ проблемъ, вопросовъ,—религія, война, просвѣщеніе, смерть, судъ,—ставился и рѣшался ими чрезвычайно сходно. Въ изображеніи войны, военного быта, русскаго солдата Т. дѣйствительно только повторилъ автора „В. Мерика“, „Бородина“, нѣкоторые герои, поэтическія формулы-образы сближаются также. Цѣнна книга С. и тѣмъ, что въ ней ярко обрисовано, какъ много намѣчено Л. темъ, позднѣе разрабатывавшихся разными писателями, какъ много внесъ онъ образовъ, подкваченныхъ другими иногда до буквального совпаденія. Авторъ тщательно слѣдитъ, какъ развивались любимыя Л. темы, какъ созрѣвали различные его образы, мѣтко вскрываетъ вліяніе на поэта другихъ писателей (напр., Козлова), такихъ книгъ, какъ Виблія, и т. д.

Вообще, книга много даетъ любопытнаго, и если мѣстами не соглашаешься, то интересъ къ ней все-таки не ослабѣваетъ: авторъ плѣняетъ удачно подобраннымъ матеріаломъ и невольно втѣсняетъ въ сознаніе свой выводъ, что Л. и Т. какъ близнецы походятъ другъ на друга, таготя къ одиѣмъ и тѣмъ же проблемамъ... (*Н. Бродскій*. „*Рус. Вѣд.*“ 1914—29).

Книга С. шире своего [заглавія]: она даетъ не только кропотливо и внимательно собранный матеріалъ по вопросу о вліяніи Л. на творчество Т., но и рядъ другихъ изслѣдованій о Л., и въ нихъ-то наибольшій интересъ книги. Таково изслѣдованіе о вліяніи на Л.—Козлова; С. съ убѣдительною доказательностью не только фактъ этого вліянія, но и привелъ прямые [доказательства] заимствования Л. у Козлова. Интересно изслѣдованіе объ „Отрывкѣ изъ неоконченной повѣсти“—загадочномъ произведеніи Л.; С. сопоставляетъ его съ другими повѣстями объ оживающемъ портретѣ (Гоголя, Гофмана и др.). Очень

интересно сопоставленіе знаменитаго „Сна“ съ пѣсней гребенскихъ казаковъ... Есть рядъ интересныхъ замѣчаній и въ главной части книги... Въ цѣломъ книга С. свидѣтельствуетъ о прекрасномъ знакомствѣ С. съ мельчайшими особенностями лермонтовскаго текста, и многое, подмѣченное имъ, до сихъ поръ ускользало отъ [работавшихъ] надъ Л. (*С. Дурылинъ*. „*Путь*“ 1914—3).

Съ предвкусеніемъ берешься за эту книгу — и какое разочарованіе. Это не новая, не „своя“, книга, вовсе не ожидаемое изслѣдованіе, критика, философія — это только огромный сборникъ цитатъ!

Просто нечего сказать на почему-то выбранную имъ тему, и въ его книгѣ выразилось только его неподдѣльная любовь къ литературѣ, какая-то юная наивность и большое усердіе.

Лермонтовъ и Левъ Толстой — эти во всемъ почти антиподы — кажутся ему сходными другъ съ другомъ, „какъ близнецы“ (стр. 325—326). Ну, это еще куда бы ни шло! И парадоксъ можетъ быть интересно защищаемъ. Но способъ аргументаціи г. Леонида Семенова, вообще способъ его изложенія — цитаты и цитаты. Эго какое-то бѣшенство цитатъ. Цѣлыя страницы заняты выписками, и едва текстъ въ ковычкахъ прерывается, какъ тотчасъ идутъ новыя ковычки... Цитируются при этомъ не только Лермонтовъ и Левъ Толстой, или хотя бы ихъ критики, писавшіе о нихъ, но всѣ вообще писатели во вселенной, и особенно въ Россіи...

О поэтахъ уже и говорить нечего... Жаль усерднаго автора и хочется помочь ему—цитатой: „Осер—дерзать—такова тайна успѣха въ литературѣ и любви“, сказалъ Гейне. (*П. Перцовъ*. „*Нов. Вр.*“ 1914—13666).

...Трудолюбіе, проявленное авторомъ... прямо безпримѣрно и заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія: критико-біог. афич. матеріалъ (особенно касающійся Л.) использованъ въ книгѣ исчерпывающе. Но... С. соблазняется попыткой перейти отъ аналогій уже къ тождеству, а это привело его къ массѣ болѣе или менѣе грубыхъ натяжекъ, сильно обезцѣнившихъ его огромный трудъ... Отъ натянутыхъ сопоставленій падаетъ тѣнь подозрѣнія и на удачныя, на безспорныя... Если С. для втораго изданія (котораго книга вполнѣ заслуживаетъ) переработаетъ свой трудъ...—то это будетъ очень полезная и нужная читателю книга. (*А. Дерманъ*. „*Рус. М.*“ 1914—4).

...Начавъ съ „фатальнаго“ совпаденія біографическихъ фактовъ (ранняя смерть матерей, разсѣянная жизнь въ молодые годы, служба на Кавказѣ), авторъ излагаетъ „сходства“ между Л. и Т. по разнообразнымъ рубрикамъ: „Дѣтство“, „Первая страсть“, „Вогоборчество“ и т. д. и вездѣ находитъ совпаденія въ мысляхъ и образахъ... То простое и здравое, что можно было сказать автору, все время заслонено ненужною и донельзя скучною декорациею якобы научныхъ разговоровъ о постороннемъ и мелочномъ... А между тѣмъ тема сама по себѣ, конечно, интересна. Автору хотѣлось „внести свѣжую струю въ дѣло изученія творчества Л.“, но она совершенно завалена хламомъ подантизма („*Вѣст. Евр.*“ 1914—4).

370. Крандіевская, Нат. 891.7—1

Стихотворенія. Обложка работы М. В. Добу-

жинского. 1914. М., кн-во К. Ф. Некрасова. 68 стр. Ц. 75 к.

Серьезность и строгость стихов К., чистота, философская углубленность многих из них перебиваются въ ту естественную и таинственную музыку слова, которая звучитъ лишь въ душѣ подлиннаго поэта (*И. Ж-нз. „Вѣст. Евр.“ 1914—4*).

Стихотворенія К. прежде всего поражаютъ той мудрой скупостью словъ, что является обыкновенно признакомъ поэзіи углубленной, истинной и радуетъ чрезмѣрно. Мучительныя раздумья поэта такъ, разъ навсегда, должно быть и сгруппировались вокругъ подлинныхъ, остранныхъ словъ: грузъ, тщета, отречение, брѣвность, ненасытимость, томление. Эта огорченность, эта тихая мятежность, не заставившая, однако, потерять полупантеистическую связь съ міромъ, и доводитъ душу поэта до состоянія загроможденности:

И тяжкимъ шагомъ, не спѣша,
Какъ труженикъ въ толпѣ блаженной,
Проходить съ ношею священной
Загроможденная душа.

Любопытно и пріятно отмѣтить то, что въ данной книгѣ мало специфическихъ чертъ чисто женскаго творчества—большинство стиховъ чисто мужские и по силѣ изобразительности и по господству разлитой въ нихъ мысли.

... Если можно говорить о влияніи, то слѣдуетъ упомянуть имена такихъ поэтовъ, какъ Тютчевъ и Бальмонтъ. Все сказанное позволяетъ считать поэтическое творчество К. въ значительной мѣрѣ интереснымъ и, несомнѣнно, подлиннымъ. (*Арсеній Альвингъ. „Новъ“. 1914—52*).

... Книжечка К. останавливаетъ на себѣ вниманіе чуткаго читателя. У К. есть мечтательное общеніе съ жизнью, что является несомнѣннымъ доказательствомъ поэтическаго дарованія. Кромѣ того стихи К. отличаются наличностью того лирическаго разлива, въ который невольно попадаешь и теченію котораго съ удовольствіемъ отдаешься. Непосредственность, острота переживанія, темпераментъ—вотъ черты, отразившіяся на лучшихъ страницахъ книги К... (*Ал. Булгакъ. „Жатва“, кн. V—1914 г.*)

... Тотъ, кто написалъ эту книгу, много передумалъ и многое перечувствовалъ, и достигаемая имъ моментами мудрость сердца, сдерживающая пламенные его порывы, далась ему не даромъ. (*Сергій Кречетовъ. „У. Рос.“ 1914—20*).

Желаннымъ и радостнымъ вкладомъ въ литературу является сборникъ стиховъ К. ... На немъ лежитъ печать избранности, печать настоящаго таланта.

... Свѣжесть и оригинальность приемъ, богатство ритма и удивительное искусство вырывать точайшія, сложнѣйшія настроенія при большой глубинѣ мысли—даютъ право искренно привѣтствовать трогательное въ своей женственности и широкое въ своей проникновенности дарованіе К. (*З. В. „Россія“. 1914—2568*).

... До сихъ поръ не показываетъ поэтесса своего лица... Иногда—не скажешь, что пересказываетъ поэтесса, но при каждомъ стихотвореніи ея мучительно чувствуешь, что гдѣ-то слышалъ это раньше (*В. Пятъ. „Отклики“, прилож. къ газ. „День“. 1914—43, 1—6*).

... Творчество молодой поэтессы является намъ образецъ преобладанія интеллектуальной сущно-

сти слова надъ звуковою. Разумѣется, въ идеальномъ случаѣ не должно быть такого преобладанія: стихи совершенны лишь тогда, когда двѣ жизни слова—какъ словеснаго символа и какъ музыкальной единицы—слиты въ одну, и, разумѣется, не то цѣнно въ К., что стихъ ея формально скромнѣе (наоборотъ, всѣчески желательно было бы, чтобы онъ вкусилъ отъ соблазновъ современной стихотворной техники),—цѣнно то, что поэзія К.—искусство выявленія чувства и мысли, а не мастерство эффектнаго сочетанія звуковъ. И именно теперь, въ моментъ крайней переоцѣнки звуковой роли слова, въ стихѣ, книга эта является столь желанной.

Въ этомъ сборникѣ, за исключеніемъ одного стихотворенія („Иль у меня радуга отъ любви въ глазахъ“), въ которомъ введена внутренняя полурима, нѣтъ ни одного образца, обнаруживающаго завоеванія въ музыкальной области стиха... но въ тютчевской сгущенности слова, въ сгущенности, происходящей отъ насыщенности содержаніемъ, есть своя, особая, волнующая музыка. И эта музыка слышна въ стихѣ К. Вліяніе Тютчева... сказалось въ тонѣ мышленія и чувствованія, содержаніе же ихъ у К. индивидуально и цѣльно. Предполагая, что значительность книги измѣряется тѣмъ, насколько авторъ являетъ намъ если не міросозерцаніе свое, то хотя бы путь къ своему міросозерцанію, мы не можемъ не признать сборникъ К. достойнымъ всяческаго вниманія. У молодой поэтессы нѣтъ специально „умныхъ“ стиховъ, нѣтъ специально „душевныхъ“,—ея стихи духовны. Рѣдкое единство ума и души, уже опечаленныхъ, уже созерцательныхъ, углубленныхъ въ себя и пріемлющихъ міръ сквозь призму мистики, открываетъ намъ эта тоненькая бѣлая книга. (*Андрей Поляинъ. „Сѣв. Зар.“ 1914—2*).

Отсутствіе иколы бросается въ глаза, прежде всего, при анализѣ милаго и честнаго таланта К. Вся книжка обвѣяна глубокимъ сосредоточеннымъ страданіемъ. Темы К.—темы любви и материнства. Но какимъ ненужнымъ грузомъ лежать на ея стихахъ такіе эпитеты, какъ: „безперемѣнный“, такіа строки, какъ:—„То съва древняго взошедшій колосъ!“ Такіе пережитки нерѣдко обременяютъ стихи К., по существу волнующіе и напругенные. (*Сергій Городецкій. „Речь“. 1914—100*).

...Рѣдко столько наслажденія даетъ первая книга молодого поэта! Слово маленькій хрустальный стаканчикъ съ прозрачнымъ крѣпкимъ виномъ пригубилъ я разъ, пригубилъ два и уже не оторвался до конца. ... Не хочется говорить о недочетахъ книги, ...все это мелочи (*Р. М.—В. „Путь“. 1914—2*).

371. Ходасевичъ, В. 891.7—1

Счастливый домикъ. Вторая книга стиховъ. 1914. М., кн-во „Альціона“. 62 стр. Ц. 1 р.

Въ книгу вошло всего 45 стихотвореній. Эта кажущаяся скудость вдохновенія объясняется, какъ можно усмотрѣть изъ краткаго предисловія, строгостью поэта къ самому себѣ. У Х. каждое стихотвореніе является тщательнымъ издѣліемъ художника-ювелира: жемчужины его приемы полновѣсны; нигдѣ нѣтъ лишнѣхъ безобразящихъ придатковъ, дешеваго стекляруса и кричащихъ стразовъ. Мы далеки отъ мысли ставить Х. въ ряды первостепенныхъ поэтовъ нашего времени, но вполне примѣнно къ нему извѣст-

ное изреченіе: онъ пьетъ изъ небольшого, но собственнаго стакана. Нѣкоторые стихотворенія, видимо, болѣе ранняго періода, напоминаютъ автологическую манеру Батюшкова и молодого Пушкина (Элегія, Когда впервые смутнымъ очертаньемъ, Къ музѣ) и показываютъ, какую благородную школу прошелъ поэтъ. Произведенія же послѣднихъ отдѣловъ обнаруживаютъ самостоятельнаго мастера и даютъ Х. право на свое особое мѣсто въ литературѣ. Таковъ весь циклъ „Мыши“, оригинальный по замыслу и выполнению, стихотворенія: Милому другу, Успокоеніе, Вечеръ, Рай. Книга издана съ скромнымъ изяществомъ. (*Борисъ Садовской. „Свѣ. Зан.“ 1914—3*).

Въ книгѣ „С. д.“ поэтъ какъ бы являетъ собою цѣльный образъ чистаго и глубокаго лирика. Намъ представляется Х. поэтомъ „невъразимаго сна“. Всегда и вездѣ, и въ тишинѣ своего Счастливаго домика, и въ сосѣдствѣ съ нѣжными ларами, и у моря „въ кругѣ пальмъ и вишенъ, и причудъ“ и въ городѣ весеннемъ и странномъ, и еще въ такихъ строфахъ:

Знаю, ты вольна, не помнишь
Ни о чемъ и ни о комъ,
Ты падешь на сердце легкимъ,
Незамѣтнымъ огонькомъ, —
Ты, какъ смерть вдали проходишь
Алымъ, лѣтнимъ вечеромъ!..

Даръ лаконизма свойствененъ поэту, равно какъ и умѣнье находить часто послѣднія черты тайныхъ откровеній:

А день бѣжитъ, и доцвѣтаютъ розы
Въ вечерній, лунный, въ безысходный часъ —
И, можетъ быть, разсерженныя слезы
Готовы хлынуть изъ огромныхъ глазъ.

...Поэтъ обнаруживаетъ незаурядную мѣру вкуса. Онъ умѣло слѣдуетъ лучшимъ заветамъ Пушкинской школы. И въ мастерствѣ стиха, въ его выразительной простотѣ достигаетъ большого совершенства. Неоправданныхъ стиховъ въ „С. д.“ нѣтъ. [Указываются значительныя пьесы]. (*Н. Бернеръ „Жатва“. Кн. V—1914*).

Давно уже въ модернизмѣ опредѣлились двѣ существенныя струи: пассеистическая и собственно новаторская. „Традиція“ и „новый трепетъ“ — вотъ два антагониста наиболѣе непримиримыхъ въ поэтическихъ теченіяхъ нашихъ дней. Культивирующее „традицію“ поэты горды болѣе всего своей генеалогіей. Родословную ведутъ они отъ значительныхъ поэтовъ прошлыхъ дней. Ихъ характерная черта — почтеніе къ памяти предковъ. Подразумѣваемая идея, сквозящая въ каждомъ ихъ шагѣ, есть: „Ученикъ не можетъ быть болѣе своего учителя“.

Тѣ, другіе, — новаторы, не отвергаютъ традиціи, если они не „футуристы“.

Они тоже чтутъ съ благоговѣніемъ великое наслѣдіе, великую сокровищницу русской поэзіи. Но взоры ихъ устремлены не на назадъ, а впередъ или внутрь. Первые, въ процессъ своего творчества являютъ на фонѣ историко-литературной перспективы примѣръ, такъ сказать, дискурсивнаго развитія: вторые, новаторы, съ этой точки зрѣнія, двигаются интуитивно. Цѣнять они традицію, уважаютъ ее, но симпатіи ихъ обращены къ „новому трепету“. Сердце ихъ всегда за него, — и наиболѣе мучительная творческая трагедія происходитъ тогда, когда ихъ „сacro-

вище“, то-есть собственное творчество, не тамъ, гдѣ ихъ сердце.

Этой трагедіи Х. совершенно чуждъ; въ его, очень неяркихъ, но довольно изящныхъ, сдержанныхъ стихахъ чувствуется, вмѣстѣ съ глубоко продуманной Тютчевской школой стиха, и глубоко сродная его сердцу склонность къ Тютчевскому лировосприятію... Образы Х. обладаютъ малой вещественностью воплощенности. Наиболѣе воплощенные они даютъ все-таки ненастоящее, а „нарочное“: „ситцевое“ царство, магазинъ игрушекъ („Рай“), или ходящую въ красномъ кумачѣ съ бантомъ изъ черной ленты царевну („Портретъ“). (*В. Пястъ. „День“ 1914—97*).

...Простота этихъ стиховъ, ихъ скупая форма, ихъ строгіе ритмы, свидѣлствуютъ о цѣломудренной мечтѣ поэта, объ его отреченіи отъ легкихъ соблазновъ внѣшней нарядности... Точность и выразительность, какъ необходимыя условія лирическаго творчества, интересуютъ Х. прежде всего. Тотъ, кто понимаетъ, что строгій „пассеизмъ“, обезпечиваетъ насъ по крайней мѣрѣ отъ неряшливости распушенныхъ модернистовъ, претендующихъ на будущее, долженъ одѣнуть книжку Х., влюбленнаго, повидимому, въ свѣтлый міръ Пушкина и Фета не мѣтѣ, чѣмъ въ нашъ сумеречный міръ, тревожный и мучительный, и какъ будто умирающій въ осенней лихорадкѣ. Элегія, которой открывается книга Х... — это счастливый самостоятельный опытъ утвердить мелодію въ ея первоначальной чистотѣ.

Современные стихотворцы много поработали надъ словесной инструментовкой и надъ теоріей гармоніи, но мелодія заявляетъ о своемъ правѣ на существованіе. Стихи Х. исполнены мелодій своеобразныхъ, нѣжныхъ и грустныхъ (*Георгій Чулковъ „Совр.“ 1914—7*).

...Богатый внутренний опытъ, усвоенный душою тонко чувствующей и сложной, даетъ всей книгѣ какую-то неизмѣнную значительность вмѣстѣ съ какимъ-то скорбнымъ цѣломудріемъ. Этотъ опытъ дался Х. не даромъ (о, вѣрное, не даромъ!), быть можетъ, онъ оставилъ неисцѣлимые раны.

Но жалко невозвратныхъ дней,
Сожженныхъ дерево и упрямо, —
Душистыхъ терень еиміама
На пламени души моей.
И хочется упасть во прахъ,
И хочется молиться снова,
И новый міръ создать въ слезахъ.
Во всемъ — подобіе былого“.

Въ душѣ поэта провелись черты неизгладимыя, она пережила мгновенія уже неповторяемыя, и ей, обогащенной своимъ печальнымъ богатствомъ, дано многое и не дано чего-то малаго, но, быть можетъ, самаго дорогого.

„Смѣшны мнѣ бѣдныя волненія
Люби невинной и простой,
Господь намъ не далъ примиренья
Съ своей цвѣтущею землей.
Мы дышимъ легче и свободнѣй
Не тамъ, гдѣ есть сосновый лѣсъ,
Но древнимъ мракомъ преспоудней
Иль горнымъ воздухомъ небесъ“.

Въ этомъ „С. д.“, за которымъ въ чистомъ полѣ на перекресткѣ трехъ дорогъ погребена Молодость, живетъ жутко счастливая умудрен-

ность человека, раненого смертельно, но не утратившего способности улыбаться и даже шутить.

Книга стиховъ Х. — одна из самых интересныхъ за послѣдніе годы и позволяетъ ему съ правомъ носить высокое имя поэта. (*С. Кречетовъ. „У. Рос.“ 1914—44*).

...Пусть счастливый домикъ — не конечный предѣлъ, не послѣднее пристанище въ творческомъ пути Х. — все же лучшія истинно-поэтическія строки написаны имъ въ стѣнахъ домика:

Пусть опять на зовъ твоей мыши
Придуть вечеръ коротай.
Только нужно жить потише,
Не шумѣть и не роптать*.

Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ стиховъ Х. нужно отнести глубокую искренность переживаній и умѣние этой искренностью заразить читателя, ввести его въ свой особенный, интимный міръ, гдѣ

„Мечтаютъ всѣ, кому не спится“...

Форма также своя, безъ вычуръ и моднаго искательства... (*А. Ш. „Новъ“. 1914—40*).

...Въ его стихахъ нѣтъ пылкой страсти, нѣтъ родственной задумчивости, муза осталась для поэта только „кузина“, съ которой у него дружескія, простые отношенія, которой можно повѣрить свои затаенныя думы и рассказать все... Случайно обрѣненное слово „кузина“ даетъ ключъ къ поэзіи Х., такой простой и уютной, изящной и чистой, то вдумчивой и серьезной, то добродушно иронической... (*Н. Гиляровская. „Гол. М.“ 1914—50*).

...Въ лицѣ Х. намъ чудится подлинный и крупный поэтический талантъ... (*Книжничекъ. „Моск. Газ.“ 1914—303*).

372. Словацкій, Ю. 891.85—1

Ангелли. Поэма. Пер. съ польск. Ан. Вяноградова. 1914. М., кн-во „Мусагетъ“. 95 стр. Ц. 50 к.

...С. — польскій поэтъ середины XIX ст., съ отѣнкомъ того возвышеннаго и односторонняго патетизма, который является характерною чертою всѣхъ болѣе или менѣе даровитыхъ сыновъ несчастной Польши... Ангели — символическая поэма, въ которой рассказывается о страданіяхъ польскаго народа въ эпоху Имп. Николая I; въ ней есть мѣста, посвященные нашимъ декабристамъ, и, между прочимъ, трогательное описаніе чаты Трубецкихъ.

Сюжетъ поэмы довольно замысловатъ при всемъ одообразіи его структуры; мѣсто дѣйствія Сибирь; герои — польскіе ссыльные и поселенцы, также образы павшихъ за независимость родины; главное дѣйствующее лицо — юноша Ангелли, берущій на себя страданія всего своего народа, а также сибирскій царь и волшебникъ Шаманъ. Изумительны по своей четкости и прозрачности художественные образы С., кованная сжатость его стиля и естественно-библейскій языкъ поэмы. Несмотря на нѣкоторую вышнюю надуманность и на подражаніе, впрочемъ, очень значительное, Данте, поэма С. является истинно вдохновеннымъ произведеніемъ, читать которое нельзя безъ трепета. Для насъ, русскихъ, эта жемчужинка польской музы интересна еще тѣмъ, что въ ней уже налицо всѣ признаки

такъ называемаго поэтическаго симфонизма, который впоследствии возвѣстилъ у насъ А. Бѣлый, создавъ свои великолѣпныя четыре симфоніи.

Вотъ образы потрясающаго лиризма С. (разсказъ идетъ о людской преступницѣ, которую пріютиль Ангелли и полюбилъ какъ сестру):

„И вотъ пришелъ день сибирскій, и солнце не заходило, но носилось по небу, какъ конь на состязаніи, съ огненной гривой и съ бѣлымъ челомъ. И ужасающій свѣтъ никогда не кончался, а звонъ льдовъ былъ словно голосъ Божій къ людямъ несчастнымъ и покинутымъ, отзывающійся съ высотъ. Долгая грусть и печали приблизили къ смерти изгнанницу, и легла на ложѣ лиственномъ, чтобы умереть... И вотъ, обративши къ Ангелли сапфировыя очи, полныя слезъ, сказала Эллена: „Я возлюбила тебя, братъ мой, и покидаю. Чѣмъ же я буду послѣ смерти? Я хотѣла бы быть чѣмъ нибудь живымъ около тебя, Ангелли, даже паучкомъ, котораго любить узникъ и который сходить вѣсть съ его руки по золотому солнечному лучу. Я привязалась къ тебѣ, какъ сестра и какъ мать, и еще больше, но могила все кончаетъ“... Прекрасна по своей насыщенности... страданіемъ смерть самого Ангелли... Но, несмотря на паосъ гениальнаго поэта, эта книга его не можетъ быть названа книгою борьбы, а скорѣе колыбельною пѣсню умирающимъ; надъ нею, подобно несмолкающему звону льдовъ, такъ вдохновенно описанному Словацкимъ, все время звучитъ скорбное „все — только грустный сонъ. Усни“... (*М. Шагинянь. „Придн. Край“. 1914—38*).

„Ангелли“ С., это — одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ польской литературы эпохи романтизма, — литературы, расцвѣтъ вѣпей среди изгнанниковъ послѣ подавленія восстанія 1831 г. Мистическое настроеніе, безбрежная тоска по родинѣ и такой же безбжежный, полетъ фантазіи въ область грезы, красивые въ великой тоскѣ рожденные образы и мощный языкъ, — вотъ характерныя черты этой литературы. Эти черты присущи и поэмѣ С., написанной евангельской прозой... Сибирь здѣсь — не реальная Сибирь, а отраженная въ богатомъ воображеніи поэта-романтика, страна скорби и льдовъ. Сибиря С. никогда не видаль, но нашелъ въ своемъ воображеніи необычайно яркія краски, чтобы живописать холодную пустыню сѣвера.

Читатель, приступая къ чтенію этой поэмы, долженъ помнить, что онъ встрѣтитъ здѣсь не описаніе Сибиря, а видѣніе страны изгнанія; фантастическія картины не должны смущать его. Вообще нужно вчитаться въ эту поэму, столь далекую и чуждую русскому читателю и по духу, и по образамъ, чтобы почувствовать ея своеобразную и несомнѣнную красоту. И мнѣ думается, что русскій читатель, сдѣлавшій это усиліе, не пожалѣетъ о немъ, вынесетъ большое эстетическое наслажденіе и будетъ благодаренъ за хорошій переводъ поэмы великаго польскаго романтика. (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд.“ 1913—279*).

Въ триадѣ великихъ польскихъ поэтовъ — Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій — С. самый вѣчный, исполненный глубокой печали, по истинѣ великаго лиризма. Въ „Ангелли“ же — весь С., и не даромъ Красинскій предлагалъ его друзьямъ просто написать на памятникъ усопшаго поэта: Автору „Ангелли“... „Ангелли“ — поэма отчая-

нія, поэма длительного безнадежного разувѣренія во всемъ, чѣмъ жило сердце, умъ и воля: разувѣреніе въ томъ, что воскреснетъ горячо любимая родина. ...Многія сцены поэмы исполнены подлиннаго трагизма, діалоги—четки, отточены съ чисто драматической силой. Все это дѣлаетъ маленькую поэму въ прозѣ созданиемъ исключительнымъ, вѣчнымъ. Переводъ Виноградова—лучшій изъ русскихъ переводовъ „Ангелы“. Притѣвляя переводчика, приводя письма С., относящіяся къ „Ангеламъ“, вскрываютъ историческую основу многихъ символовъ и образовъ поэмы и потому существенно необходимы. (С. Раевскій. „Путь“. 1914—3).

373. Абрамовецъ, И. С. 9:91:572](47)

Подъ роднымъ солнцемъ. 1914. Спб., кн-во „Жизнь и Знаніе“. 293 стр. Съ 57 рис. Ц. 1 р.

А. объѣзжавшему съ этнографическими цѣлями Россію, пришла хорошая мысль—подѣлиться впечатлѣніями отъ этихъ поѣздокъ, столь же поучительныхъ, сколько и разнообразныхъ, съ юншествомъ. Начинаетъ авторъ съ Малороссіи, съ ея легендами, съ ея пѣснями... Въ Волынскомъ Полѣсѣ экскурсія раскапывала курганы, фотографировала старинные храмы, развалины, и авторъ заносилъ въ свою записную книжку впечатлѣнія, навѣянные на него дрянной Волынью. Отсюда онъ переходитъ къ великорусской деревнѣ, къ курскимъ „саянамъ“,—жителямъ селъ, расположенныхъ вблизи известной Коренной пустыни, описываетъ Поволжье, Крымъ, военно-грузинскую дорогу, границу Австріи,—Дубно, къ которому приуроченъ „Тарасъ Бульба“.

А. безспорно интересно разсказалъ, что онъ видѣлъ,—разсказалъ живо, такъ, какъ нужно читателю, для котораго предназначена книга. Но авторъ не только наблюдатель. Попутно со своими наблюдениями онъ сообщаетъ и свѣдѣнія историческія, географическія, этнографическія, иллюстрируетъ образами русской литературы. Такъ, напр., ими изобилуютъ описанія Волыни, Волги, великорусской деревни. Не даромъ приложены къ книгѣ необходимыя указанія для изучающихъ этнографію Россіи и программа для собиранія этнографическихъ предметовъ и произведеній родной словесности. По прочтеніи книги у юноши останется не просто желаніе пробѣжаться по тѣмъ мѣстамъ, которыя описываетъ А., но пробѣжаться съ тѣми цѣлями, съ какими ѣздилъ авторъ.

Впечатлѣніе усугубляется изобиліемъ рисунковъ въ текстѣ, удачно выполненныхъ худ. Сотниковымъ. Недостаткомъ книги является, конечно, обрывчатость, въ силу которой не всегда естественно переходъ отъ одной главы къ другой. Быть можетъ, не всегда пропорціонально и вниманіе, удѣляемое авторомъ разнымъ предметамъ. Но таковы уже условія, въ которыхъ записывалъ свои впечатлѣнія авторъ. Въ общемъ, нельзя не пожелать книгѣ А. широкаго распространенія. (Л. К. „Совр. М.“ 1914—4).

... Мы не найдемъ въ книгѣ скучныхъ и подробныхъ описаній всѣхъ видѣньемъ имъ мѣстностей; наоборотъ, изложеніе отрывочно и несистематично, т. к. авторъ записываетъ то, что видитъ, что его интересуетъ. А интересуетъ его жизнь народа во всѣхъ ея проявленіяхъ: одежда, брады, жилище, а также народная ста-

рина, сохранившаяся въ преданіяхъ, пѣсняхъ, архитектурныхъ памятникахъ... Книга вызываетъ въ читателѣ интересъ къ жизни народнои и любовь къ родинѣ. (А. Т. „Вѣст. Европы“. 1914—4).

... Книга даетъ интересный бытовой матеріалъ. Написана она живо, умѣло и общаетъ нерѣдко любопытныя свѣдѣнія о мало знакомыхъ уголкахъ нашей обширной родины... (А. Мезіеръ. „Рус. Шк.“ 1914—2).

... Не претендуя на художественную законченность, книжка можетъ оказаться весьма не безполезной, при крайней скудости подобнаго рода литературы, для всѣхъ, не очень требовательныхъ по части литературы, достоинствъ, и для всѣхъ, кто мало знакомъ съ различными уголками Россіи... Книга можетъ заинтересовать, увлечь читателя къ тому же дѣлу, которымъ полонъ и которое, видимо, такъ любитъ самъ авторъ... (Влад. Кн. „День.“ 1914—8).

374. [. . . . . 91(47.81/4)

Россія. Полное географич. описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Подъ ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанскаго и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго и акад. В. И. Ламанскаго. Т. V. Уралъ и Приуралье. 1914. Спб., изд. А. Ф. Девріена. 669 стр. Съ 131 иллюстр., 42 діагр. и 1 больш. и 10 мал. картами. Ц. 5 р.

По нашему мнѣнію, главныхъ недостатковъ изданія два: первый—загроможденіе текъ та мелкимъ цифровымъ и справочнымъ матеріаломъ вслѣдствіи слишкомъ широкой и детально проводимой программы; второй—слишкомъ официальное, сухое, подчасъ краткое изложеніе, безъ всякихъ выводовъ, что особенно отражается на экономической и исторической части изданія: достаточно сказать, что въ томѣ, посвященномъ Уралу, Пугачевскому бунту, сыгранному столь крупную роль въ исторіи края, удѣлена всего страница.

... Читается книга не легко. Здѣсь нѣтъ никакихъ описаній, оживляющихъ текстъ. Изложеніе сжатое, состоящее изъ однихъ фактовъ, собственныхъ именъ и цифръ. Зато томы „Россія“ необыкновенно богаты по содержанию, и если добавить къ этому прилагаемый къ каждому тому указатель источниковъ (библіографію), то надо признавать ихъ незаменимымъ пособіемъ для желающихъ познаться съ тою или иною областью нашего отечества. „Россія“ должна быть весьма полезна и для педагоговъ, давая имъ всѣ нужныя справочныя свѣдѣнія для разсказовъ объ этихъ областяхъ.

... Третья часть каждого тома, посвященная описанію замѣчательныхъ населенныхъ мѣстъ и мѣстностей, включая въ себя маршруты по краю, является необходимымъ для каждого путешественника путеводителемъ. (Б. В. „Совр. М.“ 1914—4).

... Разныя статьи пятого тома не одинаковаго достоинства. Очерки, посвященные поверхности, климату, флорѣ и фаунѣ края, а также его исторіи по точности данныхъ значительно превосходятъ статьи, занятія описаніемъ современнаго социально-экономическаго состоянія уральскихъ губерній. Прежде всего, бросается въ глаза, что въ цѣломъ рядъ случаевъ, когда для характери-

стики состоянія того или иного промысла приводятся цифровыя данныя, составители (преимущественно Сырневъ) не указываютъ года, къ которому цифры относятся. Нередко берутся цифры, для нашего времени чрезвычайно устарѣлыя. Особенно неточны свѣдѣнія о городскихъ краяхъ... [Ошибки] сильно подрываютъ значеніе книги, какъ справочника, но, какъ полное географич. естественно-научное описаніе края, (изданіе) обладаетъ крупными достоинствами, дѣлающими его необходимымъ для серьезныхъ библиотекъ. (А. С. И.—въ, „Речь.“ 1914—12).

Въ настоящій томъ вошли губерніи: Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская. ... Есть какая-то разрозненность между отдѣльными главами, какая-то механичность въ составленіи каждой главы, случайная постановка нѣкоторыхъ вопросовъ, неполнота нѣкоторыхъ фактовъ (напр., на картѣ) и т. п. Пожалуй, это происходитъ отъ того, что описываемый районъ какъ въ географическомъ, такъ и въ культурно-историч. отношеніи не представляетъ единства... Поэтому, напр., глава „Историч. судьбы Приуралья“ скроена и сшита изъ разныхъ историческихъ обрывковъ, разбросанныхъ и по другимъ томамъ изданія, ... едва ли удачна глава „Этнографич. составъ населенія, бытъ и культура“: часть ея тянется къ сѣверу, краю, часть къ Поволжью, а часть и къ Сибири. Въ описаніи великорусскаго населенія удѣлено много мѣста частушкамъ, пѣснѣмъ вообще и народнымъ обрядамъ, но ихъ нравственный обликъ, семейный бытъ, ихъ культура изображены слабо. ... Географич. и культурно-историч. изученіе отдѣльныхъ областей Россіи насъ удивляютъ только тогда, когда эти области укладываются въ приемлемыя рамки исторіи народа, быта, характера природы, напр.: Малороссія, Новороссія, край., Кавказъ, Сибирь и т. д. Но объ исторіи Урала и Приуралья мы что-то не слышали, намъ непонятно даже, какія взаимныя отношенія могутъ существовать между населеніемъ разныхъ уголковъ этого района: крестьянами Вятской губ., башкирами Уфимской и Оренб. губ. и т. д.—изъ очерка составителей этого не видно. Хозяйственная жизнь этого района тоже какая-то разрозненная. Допустимъ, что составителями очерка границы района все-таки взяты правильно. Тогда имъ слѣдовало бы отчетливо расчленивъ районъ на отдѣльныя части и не смѣшивать этихъ частей въ одной общей характеристикѣ. При всемъ томъ нельзя не отдать справедливости кропотливому и усердному труду составителей. Вообще говоря, и въ настоящемъ видѣ этотъ томъ представляется полезнымъ научно-популярн. изданіемъ. (Во—въ, „Ест. и Геогр.“ 1914—2).

... Составители строго придерживались данной имъ схемы, и составленный ими очеркъ Урала и Приуралья вышелъ очень сухимъ, скорѣе какимъ-то дегальнымъ указателемъ, чѣмъ географич. очеркомъ. Нельзя не упрекнуть составителей и за недостаточную внимательность къ нѣкоторымъ интереснымъ и характернымъ дегальнымъ описываемаго края. Такъ, напр., очень блѣдно и слабо описаны древности Урала и Приуралья, которыя могли бы быть предметомъ цѣлой археологич. картины... Въ вопросѣ о путяхъ сообщенія, который для Урала является однимъ изъ самыхъ насущныхъ и большихъ, составители очень скупы на слова, и странно, что приложенная сорокаверстная карта тоже

недостаточно къ этому внимательна. ... Въ главѣ о населеніи совершенно отсутствуютъ свѣдѣнія о характерныхъ и весьма замѣчательныхъ формахъ развитія старообрядчества и раскола на Уралѣ. ... Иллюстрація также далеко не удовлетворительна. ... Нужно оговориться: все сказанное въ настоящей замѣткѣ сказано не ради осужденія полезнаго и кропотливаго труда составителей... (Вл. В. „Рус. Вѣд.“ 1914—71).

... Историческая часть описанія разработана несравненно лучше, чѣмъ статистическая, такъ какъ во многихъ случаяхъ данныя безусловно устарѣли, напр., торговая дѣятельность Приуралья разсматривается по даннымъ 1900 г. ... Неполна библиографія... (П. С.-ий, „Нов. Вр.“ 1913—13561).

375/7. Бѣлинскій, В. Г. 92(Б):891.7.09] (081)

Письма. Три тома. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкого. Т. I. (1829—1839). Т. II. (1839—1843). Т. III. (1843—1848). 1914. Спб., кн-во „Огни“. VII+427+439+476 стр. Ц. кажд. тома 2.50 к.

Полное собраніе писемъ В. было давно насущною необходимостью для изученія біографіи и дѣятельности его и для всей исторіи литературно-общественнаго развитія 30 и 40 хъ гг. Въ письмахъ В. раскрывается со всей полнотою его исключительная личность. Онъ сталъ рано предметъ настоящей культуры, съ одной стороны, и вражды, съ другой. Только при помощи этихъ писемъ возможно понять до конца и послѣдней глубины разнообразныя переломы умонастроеній В. и во всей рѣзкости уловить подробности его морально-общественнаго взгляда, иногда затухающаго въ его печатныхъ сочиненіяхъ. Въ основу настоящаго изданія редакторомъ положено собраніе писемъ В., составленное біографомъ его, А. Н. Пыпинымъ и обнимающее письма двухъ слишкомъ десятковъ корреспондентовъ В., въ томъ числѣ письма къ Вакунинымъ, Вотику, Герцену, Панаеву, Тургеневу и др. Въ своей книгѣ („В., его жизнь и переписка“) Пыпинъ не могъ использовать многихъ изъ этихъ писемъ со всею полнотою; не было возможности даже называть прямо Вакунина и Герцена. Ляцкій дополняетъ копіи писемъ, сохранные въ архивѣ Пыпина, многими другими письмами, напечатанными до Пыпина и послѣ него. (Что касается текста, то Ляцкому пришлось подвергнуть исключенію нѣкоторыя строки и фразы и отдѣльныя слова, какъ слишкомъ рѣзкія и допустимыя развѣ только въ дружеской перепискѣ; выброшены отдѣльныя слова и выраженія, касающіяся политическихъ условій времени. По словамъ редактора, „эти исключенія... нигдѣ не измѣняютъ существа высказанныхъ В. мыслей“. Письма расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Всѣ они сопровождены въ концѣ книги примѣчаніями, касающимися текста, упоминаемыхъ именъ, событій и пр. Примѣчанія весьма обстоятельны. Въ нихъ встрѣчаемъ также письма къ В. разныхъ лицъ и пр. („Вѣст. Евр.“ 1914—2).

... Со страницъ этихъ писемъ смотритъ на насъ не иконописный портретъ „миѣческаго“ В., а живой человѣкъ, который страдаетъ и мыслить падаетъ и встаетъ, мучится какъ простой обыватель и какъ гражданинъ вселенной. Вы подходите къ нему вплотную, вы читаете то, о

чемъ можно было говорить лишь въ самой интимной перепискѣ, и все-же моральный обликъ В. нисколько не тускнѣетъ. „Неистовый Виссаріонъ“ чистъ даже въ своемъ „развратѣ отчаянія“: его душа, „жадная упоенія“ искала въ немъ „полноты жизни“ или „минутнаго самозабвенія“ отъ муки неудовлетвореннаго сердца, которое жаждало глубокой истинной любви. Въ искаженномъ видѣ, но здѣсь выразилась дорогая черта его личности—общая страстность натуры. Эта страстность,—исповѣдывался В. сестрамъ Бакунинымъ,—источникъ мукъ и радостей моихъ“...

„Что нибудь никогда не удовлетворитъ требованій моего духа“,—могъ сказать о себѣ В. Вотъ гдѣ нужно искать „субстанціальное зерно“ богато одаренной личности В., ключъ къ пониманію его сложной художественной натуры.

В.—весь экстазъ и движеніе „Кто развивается, тотъ интересенъ каждую минуту, даже во всѣхъ своихъ уклоненіяхъ отъ истины“,—писалъ онъ М. А. Бакунину. И это вполне примѣнимо къ нему самому. Есть „трагическое величіе“ въ судьбѣ людей, „для необъятнаго содержанія жизни которыхъ ни у общества, ни у времени нѣтъ готовыхъ формъ“. Знакомая съ письмами В. вы не только умомъ постигаете, но и непосредственно ощущаете на себѣ нравственное величіе совершенно чуждаго имъ подвига жизни и ясно понимаете, чѣмъ подкупалъ онъ своихъ читателей, на чемъ зиждется его „легендарная“ популярность. (П. Сакулинъ. „Рус. Вѣд.“ 1914—23).

... Историческое, литературное и психологическое значеніе этого полнаго свода писемъ В. огромно. Съ психологической точки зрѣнія письма В.—документъ первостепенной важности и необычайнаго интереса, и собраніе писемъ—не просто собраніе, а цѣлая исторія или цѣлый романъ, какъ хотите: исторія написанная со всѣмъ обаяніемъ романа, или романъ, сохраняющій всю достовѣрность исторіи. Душа В.—герой этого романа-исторіи. Исканія, достиженія, паденія, увлеченія души рассказаны съ безпрѣдѣльной искренностью: вѣтъ тѣхъ интимнѣйшихъ сторонъ духовной жизни, которыхъ не коснулись бы безпощадныя признанія В. Завязка психологическаго романа В. формулирована имъ самимъ: „Собравивши всѣ обстоятельства моей жизни, я вправѣ назвать себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ... Въ моей груди сильно пылаетъ пламя тѣхъ чувствъ, высокихъ и благородныхъ, которыя бывають удѣломъ немногихъ избранныхъ—и при всемъ томъ меня очень рѣдкіе могутъ цѣнить и понимать“... Основная тема, которую развиваетъ романъ въ письмахъ, выясняется въ слѣдующемъ признаніи: „мыслить и страдать—вотъ грустная и неполная жизнь, до какой только способенъ я возвыситься. Но я вѣрю, что этою жизнью я выстрадаю себѣ полную и истинную жизнь духа“.

...Думается, многія мѣста писемъ В. въ свое время не оглашались, скорѣе всего, по чувству опасенія, какъ бы не поколебалась вѣра въ В., если бы вниманіе было обращено на „моральные недостатки“ вождя и учителя. И теперь полное собраніе писемъ В. будетъ соблазномъ для слабыхъ духомъ и завистливыхъ враговъ... Но Пушкинъ предусматривалъ явленіе соблазна въ такихъ случаяхъ, „Толпа“,—писалъ онъ въ 1825 г. князю Вяземскому,—жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей ра-

дуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости, она въ восхищеніи восклицаетъ: Онь малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы! Врете, подлецы: онъ и мылъ и мерзокъ—не такъ, какъ вы,—иначе“. Самъ В. проронилъ глубокое замѣчаніе о „безчестіи“ поступковъ. „Наша неаккуратность“,—писалъ онъ Бакунину,—доводила насъ до безчестныхъ поступковъ, но мы нисколько не были безчестны, даже дѣлая ихъ“. Въ письмахъ В. не мало „компрометирующихъ“ признаній изъ области любовныхъ отношеній, но самъ же В. провелъ грань между чувственною тѣю и чувственностью. „И самая чувственность, выходящая изъ полноты жизни, представляется мнѣ таинствомъ, отъ котораго трепещетъ душа моя, жадная упоенія. Богата жизнь, много сокровищъ скрываетъ она, да не всѣмъ даетъ ихъ, такъ отнимемъ же у нея хоть что-нибудь. А результаты, а расканье?—А, чортъ возьми! Все, все давай сюда, все возьмемъ на себя, все понесемъ, только бы жить, чортъ возьми, жить!“... Борьбы, страданія, слезы, затѣнныхъ мукъ сердца—вотъ, чего я прошу теперь у судьбы и вотъ черезъ что надѣюсь я очиститься и перейти въ жизнь духа“,—писалъ В. Вотъ смыслъ жизненной трагедіи В., и глубоко поучительна для насъ исторія замѣчательной жизни, изложенная въ письмахъ... (П. Щеголевъ. „День“— 1913—325).

...если бы всѣ сочиненія В. исчезли съ лица земли и само имя его было бы неизвѣстно, то этихъ писемъ было бы достаточно, что-бы возстановить обликъ великаго духомъ человѣка, вѣчнаго искателя истинны. [Теперь] окончательно гибнетъ легенда о томъ, будто бы В. былъ только талантливымъ выразителемъ мнѣній своихъ друзей; сперва Станкевича, затѣмъ Бакунина, затѣмъ Боткина. Что В. узнавалъ отъ нихъ „последнія слова“ философской мысли—это давно всѣмъ извѣстно, но не даромъ самъ В. въ письмѣ къ В. говоритъ о себѣ глубже и вѣрнѣ этой „вѣдѣности“ и „видимости“: „Я сдѣлалъ въ сферѣ мысли великое движеніе—великое для меня—и этимъ преимущественно обязанъ тебѣ. Я бралъ мысли готовые, какъ подарокъ; но этимъ не все окончилось, и при одномъ этомъ я ничего бы не выигралъ, ничего бы не приобрѣлъ: жизнь мою, цѣною слезъ, воплей души, усвоилъ я себѣ эти мысли, и онѣ вошли глубоко въ мое существо...“ И настолько глубоко мысли эти „входили въ существо“ В., что онъ давалъ имъ свое, новое, толкованіе, поднималъ знамя возстанія противъ былыхъ друзей и одерживалъ надъ ними побѣду... (Ивановъ-Разумникъ. „Завѣты“. 1913—12).

...Приведемъ выдержки изъ письма В. къ А. Н. Ефремову отъ 1 авг. 1838 г.:

„Чтобы быть здоровымъ душевно—вотъ тебѣ рецептъ,—пишетъ В.:—бери у жизни то малое и бѣдное, которое она тебѣ даетъ, и дѣлай видъ, что больше не хочешь: авось надуешь. Главное дѣло, бойся фантазій. Оно бы ничего—фантазія краситъ жизнь, да мы-то съ тобой глупые: судьба хочетъ намъ дать оплеуху, а мы подставляемъ рожу, думая, что она хочетъ поцѣловать насъ. Къ чорту всѣ мечты! Хорошо только то, что подъ носомъ, что можно рукой достать. Самая ограниченная, самая пошлая дѣйствительность лучше жизни въ мечтахъ. Послушай, Ефремовъ: если бы судьба сдѣлала тебя нищимъ и заставила бы тебя ѣсть хлѣбъ съ водою—вѣдь у тебя

достало бы столько гордости, чтобы не плакать о соусах (как ты въ Новочеркасскѣ плакалъ объ ужинѣ): почему же у тебя недостаетъ гордости, чтобы быть довольнымъ тою жизнью, которая тебѣ дана: ѣшь ее и не морщись. Будь всегда веселъ, иногда и сгрустни для разнообразія—только не будь мокрою курицею. Стрѣлай, ѣшь, пей, читай, переводи, пиши, гудай—развѣ этого мало? Надобно только каждую минуту быть занятымъ.—чѣмъ бы то не было—вотъ и все. („Рѣчь“. 1913—325; „Одес. Л.“ 1913—297).

НОВЫЯ КНИГИ.

Общія сочиненія [0]

1801. Затворниціи, Н. М. 016 „1812“
Наполеоновская эпоха. Библиографич. указатель. Вып. I. 1914., Спб. Тип. Тренке и Фюсно. XV + 328 стр. съ рис. Ц. 3 р.

1882. Бѣлинскій, В. Г. 081
Письма. Три тома. Редакція и примѣчанія Е. А. Лидкаго. Т. III. (1843—1848). 1914., изд. „Огни“. 478 стр. Ц. 2 р. 50.

Содержаніе: Письма къ М. В. Орловой, Д. П. Иванову, И. С. Турганеву, Т. А. Бакуниной, А. И. Герпену, В. П. Боткину, М. В. Бѣлинской, П. Н. Кудрявцеву, И. И. Панаеву, П. В. Анненкову, Н. В. Гоголю, К. Д. Кавелину, А. Д. Галахову, М. М. Попову.—Примѣчанія. Дополненія. Приложенія. (Нѣсколько мелочныхъ данныхъ для біографіи В. Очеркъ Д. П. Иванова; окт., 1873. „Сообщенія [Д. П.] Иванова при чтеніи біографіи Б. [А. Н. Пыпина]. ноябрь, 1875 г. Мое знакомство съ В. [Воспоминанія Н. Н. Тютчева. 19 февр., 1874 г.]. Поправки. Указатель личныхъ именъ.

1803. Бичеръ-Стоу, Г. 087. 1
Хижина дяди Тома или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Америки. Съ краткой біографіей автора. (Какъ явилась книга „Хижина дяди Тома“ и очеркъ жизни ея автора). Съ англ. перевела и сократила для дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ М. К. Есипова. 1914. М., изд. 4-ое, кн-ва К. И. Тихомирова. XXII + 272 стр. съ иллюстр. Ц. 50 к.

1804. Нюландеръ, Дж.-В. 087. 1
Мальчики въ Метсолѣ. Повѣсть изъ жизни маленькихъ финляндцевъ. Пер. со швед. М. Розенфельдъ. Съ рисун. 1914. М., „Библ. И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юнош. № 303.“ 104 стр. Ц. 60.

Содержаніе: Зимнее утро. Жеребеночъ. Въ лѣсу. Дядя Викторъ. Классъ Мовингъ. Сѣнокосъ. Пропавшая лошадь. Помощь. Рождество.

1805. Фичъ-Перкинсъ, Л. 087. 1
Маленькіе голландцы. Повѣсть. Пер. съ англ. Л. и Ж. Караваевыхъ. Со множ. рисун. 1914. М., „Библ. И. Горбунова-Посадова для дѣтей. № 246.“ 96 стр. Ц. 65 к.

Содержаніе: Китъ и Кэтъ. Какъ Китъ упалъ въ воду. Побѣдка на рынокъ съ отцомъ. День, проведенный съ матерью. Какъ близнецы провели воскресенье. Какъ близнецы развивали молоко. Близнецы получаютъ коньки.

Философія [1]

1806. Паульсенъ, Фр. 1

Введеніе въ философію. Пер. подъ ред. В. П. Преображенскаго, съ дополн. и измѣн. по 24-му нѣм. изд. 1914. М., изд. Моск. Психологич. О-ва, 4-ое. XVIII + 454 стр. Ц. 2 р. 30 к.

1808. Бергсонъ, А. 1 (В)

Собраніе сочиненій. Т. II. Непосредственныя данныя сознанія. Приложеніе: Рако. Психофизиологія и философія Анри Бергсона. Пер. В. С. Бѣчковаго. 1914. Спб., изд. М. И. Семенова. 224 стр. Ц. 1 р. 50 к.

1809. Бѣляевъ, В. А. 1 (Л:С)

Лейбницъ и Спиноза. (Историко-критич. изслѣдованіе системы Л., какъ опроверженія пантеистич. системы С. и какъ попытки дать философ. обоснованіе христіан. теизма). 1914. Спб., тип. В. Д. Смирнова. XXIV + 372 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе Ч. I. Былъ ли Л. когда-либо спинозистомъ? Историч. очеркъ вопроса объ отношеніи Л. къ философіи С. до полученія и о полученіи „Посмертныхъ сочиненій“ послѣдняго. Ч. II. Л. или С.? Гносеологич. и методологич. возрѣнія С. и Л. Богъ и міръ въ системахъ Л. и С. Психологич. и нравственныя возрѣнія Л. и С. Заключеніе.

1810. Вивекананда, С. 11

Бхакти-йога. Лекціи, читанныя Суоми Вивекананда, пересмотр. и изданныя Суоми Сарадвананда. Пер. съ 2-го калькут. изд. Я. К. Попова. 1914. Спб., скл. у М. Д. Ордынцева-Кострицкаго, 10, Рождественская, 15. 108 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Бхакти-Йога: Опредѣленіе Бхакти. Философія Исвары. Духовное воспріятіе—дѣлъ Бхакти-Йоги. Необходимость въ учителѣ. Качества желающаго учиться и учителя. Воплощенные учителя и Воплощеніе. Мантра Омъ: Слово и Мудрость. Почитаніе Замѣстителей и Изображеній. Избранный Идеаль. Методъ и Средства. Пара-Бхакти, или Высшее поклоненіе: Подготовительное отреченіе. Отреченіе Бхакти—результатъ любви. Естественность Бхакти-Йоги и ея Главныя Секреты. Формы проявленія Любви. Всеобщая Любовь, и какъ она ведетъ къ Самопожертвованію. Высшее знаніе и высшая Любовь—одно и то же. Треугольникъ Любви. Богъ любви Самъ доказываетъ свое существованіе. Человѣческія представленія о Божественномъ Идеаль Любви. Заключеніе.

1811. Николаевъ, П. П. 11

Духовно-мистическое пониманіе міра. (Сознаваемая нами матеріальность нашего тѣла и міра, какъ иллюзія, порождаемая нашей душевною ограниченностью). 1914. М., кн-во „Зеленая палочка“, вып. VIII—а. 114 стр. Ц. 60 к.

Огъ издательства..... Брошюра представляетъ собою введеніе къ обширному.. труду Н. „Понятіе о Богѣ какъ Совершенней Основѣ жизни“.... Толстой, знакомись съ этимъ трудомъ въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ трудъ въ то время находился, очень интересовался имъ и много говорилъ о немъ окружающимъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ. Покидая „Ясную Поляну“ навсегда, онъ захватилъ это сочиненіе съ собой“...

1812. Николаевъ, П. П. 11

Понятіе о Богѣ, какъ Современной Основѣ жизни. (Духовно-монистич. мировоззрѣніе). Въ двухъ частяхъ со введеніемъ. [Изданіе заграничное, безъ обознач. года и мѣста печати]. 8+114+430+378 стр. Ц. не обозн.

Содержаніе: Ч. I. Путь мысли, приводящій насъ къ разумной увѣренности въ Богѣ, какъ Единую истинной сущности всего нами сознаваемого. Отд. I. Критич. обзоръ основныхъ положеній матеріализма и дуализма, а также нѣкоторыхъ современныхъ попытокъ обосноваться отъ этихъ мировоззрѣній. Отд. II. Обоснованіе духовно-монистич. мировоззрѣнія путемъ изслѣдованія нашего сознанія. Сознаваемая нами матеріальность міра, какъ иллюзія порождаемая несовершенствомъ и ограниченностью нашего сознанія. Ч. 2. Что такое религія? Наука, философія, религія и ихъ взаимоотношеніе. Понятіе о Богѣ, какъ истинной основѣ сознанія существъ въ браманизмѣ, буддизмѣ, въ ученіяхъ Лао-Тзы и Конфуція, въ греческихъ ученіяхъ о Логосѣ; зачатки этого понятія въ іудейской религіи и яркое его выраженіе въ первоначальномъ замыслѣ христіанства.

1813. Давыдовъ, А. 13

Научныя доказательства нашего личнаго безсмертія. Опытъ теоріи физико-механич. построенія духовнаго организма. 1914. М., скл. изд. въ маг. „Высшая школа“. 180 стр. Ц. 1 р.

Изъ выступленія: „Быть или не быть посмертному существованію—вотъ коренной вопросъ, всегда волновавшій умъ и сердце человѣческое... Объединить въ одну связную, последовательную систему—самое существенное изъ накопившагося по сіе время матеріала, прибавить, можетъ быть, двѣ—три вѣхи, указывающія направленіе того пути, слѣдуя по которому, можно надѣяться дойти до надлежащаго освѣщенія занимающей насъ таинственной области,—вотъ главная задача.... труда“.

1814. Метерлинкъ, М. 13

Смерть. Авториз. переводъ И. Арденина. Обложка работы худ. С. Макледова. 1914. Спб., тип. М. Г. Корнфельда. 166 стр. Ц. 1 р 25 к.

Содержаніе: Наша несправедливость къ смерти. Небытіе. Безсмертіе сознанія. Теософская и неопиристскія гипотезы. Общеніе съ мертвыми. Перекрестная переписка. Перевоспложеніе. Участь сознанія. Два вида безконечности. Наша участь въ этихъ безконечностяхъ. Заключеніе.

1815. Карденъ, А. 133:226

Евангеліе въ разъясненіи спиритизма. Объясненіе нравственныхъ основъ ученія Христа, ихъ согласованіе со спиритизмомъ и ихъ примѣненіе къ различнымъ жизненнымъ положеніямъ. Полный переводъ съ 42-го франц. изд. О. П. Парчевскій. 1914. Кіевъ, изд. И. И. Самоненко, 2-е. 4+XXXIV+468 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ введенія: „...мы собрали въ этомъ трудѣ тѣ тексты Евангелія, которые, собственно говоря, могутъ составить сводъ правилъ всеобщей нравственности, не оспаривая культа... Но подобный трудъ былъ бы только компилятивнымъ, имѣющимъ второстепенное значеніе; главное же заключалось въ томъ, чтобы сдѣлать его общедоступнымъ, пояснить мѣста темныя и развитъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ виду возможности примѣненія положеній этого труда ко всѣмъ

жизненнымъ обстоятельствамъ. Это именно мы и попытались сдѣлать съ помощью добрыхъ Духовъ, сообщавшихся съ нами“.

1816. Ранк, О., д-ръ и Sachs, H., д-ръ. 15

Значеніе психоанализа въ наукахъ о духѣ. Пер. съ нѣмец. д-ра М. Кобылинской. [1914]. Спб., кн-во б. М. В. Попова. 8+178 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ предисловія: „Наше вниманіе было направлено главнымъ образомъ на перспективы будущаго, при чемъ важнѣе всего мы считали вопросъ метода, который долженъ примѣняться при постановкѣ и рѣшеніи проблемъ“.

Содержаніе: Предисловіе. Возсознательное и формы его проявленія. Изслѣдованіе міровъ и сказокъ. Религія. Этнологія и лингвистика. Эстетика и психологія художествен. творчества. Философія, этика и право. Педагогика и ученіе о характерахъ.

Религія [2]**1817. Руффини, Ф., проф.** 2

Религіозная свобода, исторія идеи. Вып. I. Пер. съ италіян. А. Н. Ильинскаго, подъ ред., съ предисл. и примѣч. проф. В. Н. Сперанскаго. 1914. Спб., изд. Н. П. Карбасникова. VIII+146 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловія редактора перевода и автора.

Введеніе: Основные понятія. (Свобода мысли. Терпимость и религіозная свобода. Терпимость. Свобода совѣсти. Свобода и равноправіе культовъ). Гл. I. Предшественники: Классическая древность. Первые отцы Церкви и философ.-религіозн. синкретизмъ послѣднихъ язычниковъ. Средневѣковое христіанство. Марсиль Падуанскій. Латин. и греческая Церкви. Новое время. Реформація и гуманизмъ. Италіян. антитринитаріи, или социніане. Гл. II. Голландскій періодъ: Армініанизмъ. Спиноза. Англійск. эмигранты. Дюккъ. Франц. эмигранты. Вейль. Борьба за терпимость въ Голландіи въ теченіе XVIII в.

1818. Карниль, К. и др. 27 (082)

Христіанство въ освѣщеніи протестантскихъ теологовъ. Сборникъ статей. Пер. съ нѣм. Ф. Д. Капелюшина, подъ ред. Д. М. Койгена. 1914. Спб., изд. „Грядущій день“. 176 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Проф. К. Карниль. Народная религія Израіля и пророки. Прив.-доц. В. Штеркъ. Иудейство и эллинизмъ. Проф. Е. ф. Добшинцъ. Греческій міръ и христіанство. Проф. Е. Трельчъ. Лютеръ и наше время. Проф. В. Германъ. Религіозный вопросъ въ наше время. Приложеніе: Литература. (Народная религія Израіля и пророки. Иудаизмъ и эллинизмъ. Греческій міръ и христіанство. Лютеръ и наше время).

1819. Анучинъ, В. И. 29

Очеркъ шаманства у енисейскихъ остяковъ. 1914. Спб., изъ „Сборника Музея Антропол. и Этногр. при Имп. Академіи Наукъ. Т. II. Вып. 2“. 4-е. 89 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 35 к.

Соціальныя науки [3]**1820. Гурко, В. А.** 301(4.5)

Бѣлая опасность. Востокъ и Западъ. 1914. М., тип. т-ва Н. И. Пастухова. 80 стр. 4 портр. Ц. 65 к.

Содержаніе: Введеніе. Проблема зла и страданія на Западѣ и на Востокѣ. Мистицизмъ Запада и Востока. Основная духовная стихія Востока. Субъективныя начала въ жизни и дѣятельности Востока. Духовная дѣйственность Востока. Примѣчанія.

1821 Холіонъ, Дж. 331

Исторія Рочдальскихъ пионеровъ. 1844—1892. Пер. съ 10-го англ. изд. С. Цедербаума. Подъ ред. прив.-доц. В. О. Тогомѣнца. 1914. М., изд. „Трудъ“. XXIV+216 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: „Д. Д. Холіонъ“. (Выѣсто предисловія къ рус. изд.) Т. Герценштейнъ. Предисловіе автора. Ч. I. Первые усилія. Каковы были люди, дѣлавшіе ихъ. Избраніе депутаціи къ хозяевамъ. Страстные пренія въ парламентѣ ткачей. Въ день открытія появляются „дофферы“. Покупка и продажа на моральныхъ началахъ. Общество сталкивается съ двумя общеизвѣстными препятствіями: съ предрасудками и сектантскимъ духомъ. Внутр. и внѣшніе враги. Какъ удалось одолѣть ихъ. Паника изъ-за мельницы. Послѣдовательные ступени успѣха. Рочдальское О-во въ субботу вечеромъ. Анекдоты изъ жизни О-ва. Рабочіе держатся за О-во и знаютъ, почему такъ дѣлаютъ. Уставъ и цѣли О-ва. Причины неудачъ прежнихъ кооператоровъ и успѣховъ новыхъ. Пояснит. глава. Разсказъ стараго пионера о возникновеніи О-ва. Ч. II. Мечта ткачей. Знаменитые „28“. Препятствія, воздвигаемыя закономъ на пути бережливости. Недовольные зрители. Четыре опасныхъ года. Остановка на пути. Исторія мельницы. Возникновеніе „О-ва оптовыхъ покупокъ“. Кооперативная админист. аціи. Агитация за открытіе отдѣленій. Нѣкоторыя черты изъ дѣятельности Рочдальскихъ пионеровъ. Борьба за принципъ. Умершіе пионеры. Рочдальскій съѣздъ 1892 г.

1822. Брюнели, П., прис. пов. 331(003)

„Адвокатъ Рабочаго“. Настоящая справочная книга для присяжн. повѣр., ихъ помощниковъ и лицъ, ведущихъ дѣла рабочихъ фабрично-завод. предприятий. 1914. Спб., изд. „Молодой Адвокатъ“ П. А. Брюнели. IV+224+48 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Государств. строй Россіи: Законодат., Судебныя и Администр. Учрежденія. Общеграждан. права рабочихъ, какъ русскихъ подданныхъ, особыя спеціальныя права рабочихъ. Политическія— по выборамъ въ Госуд. Думу. Нормировка труда—Уставъ о Промышленности. Вознагражденіе рабочихъ вслѣдствіе несчастн. случаевъ въ предприятияхъ фабрично-завод. промышленности, частныхъ и казенныхъ. Обезпеченіе рабочихъ на случай болѣзни—Больничныя кассы. Страхованіе рабочихъ отъ несчастн. случаевъ—Страховыя товарищества. Судебная охрана правъ рабочихъ. Формы бумагъ ко всѣмъ отдѣламъ.

Отъ автора: «Авторъ желаетъ извлечь изъ Свода Законовъ все касающееся рабочихъ и заключать въ одну книгу».

1823. Майскій, В. 331(43)

Какъ организованы рабочіе въ Германіи. 1914. Спб., изд. „Наканунъ“. 47 стр. съ рис. Ц. 15 к.

1824. Наумовъ, Г. 331(47.711)

Бюджеты рабочихъ гор. Кіева. По даннымъ анкеты, произвед. въ 1913 г. Обществомъ экономистовъ и Ремесленной секціей при Кіевской

выставкѣ. 1914. Кіевъ, тип. И. И. Чоколова. 104 стр. Ц. 60 к.

1825. Д. С. Р. 331.825

Рабочій уставъ больничной кассы. Параллельный текстъ рабочаго и нормальнаго уставовъ. Подъ ред. В. Г. Дачскаго. 1914. Спб., изд. „Прибой“. 75 стр. Ц. 20 к.

1826. Масловъ, С. 333.5(003)

Новые законы о крестьянской землѣ. 1914. М., изд. „Живая Правда“. 84 стр. Ц. 20 к.

Содержаніе: Предисловіе. Земельные порядки до изданія новыхъ законовъ о землѣ. Законъ о землеуладніи (законъ 14 іюня 1910 г.). Законъ о землеустройствѣ (законъ 29 мая 1911 г.). Законъ о залогахъ надѣльныхъ земель. Заключение. Приложеніе: Указатель книгъ о новыхъ законахъ.

1827. Вороновъ, Б. 334

Артельный трудъ. Какъ организовать трудовыя артели. 1914. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Ц. 12 к.

1828. Хейсинъ, М. Л. 334

Долой кредитъ въ потребительныхъ обществахъ. 1914. Спб., изд. Спб. отд. Ком. о сельск. ссудосберег. и промысл. тов. 15 стр. Ц. 5 к.

1829. Зубрилинъ, А. А. 336

Какъ государство собираетъ и расходуетъ народныя деньги. 1914. М., изд. т-ва „Агрономъ“. 32 стр. Ц. 5.

1830. Мелинъ, Ж. 338(44)

Назадъ къ землѣ. Авториз. пер. съ франц. М. Таль. Подъ ред. и съ предисл. прив.-доц. В. О. Тогомѣнца. 1914. М., изд. „Трудъ“. XVI+192 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловіе къ русскому изд. Введеніе. Ч. I. Промышленное перепроизводство: Исторія и переполненіе промышленности. Франція.—Господство машины. Рабочіе и коммерсанты. Ч. 2. Возвратъ къ землѣ. Благотворительность и самопомощь. Сельская жизнь—обществен. оздоровленіе. Рабочіе и крестьяне. Общее аграрное движеніе. Колоніальныя земли и аграрный социализмъ.

1831. Небесовъ, М. Я. 34

Обиія правила исполненія судебныхъ рѣшеній (т. XVI Ч. I. ст. ст. 924—967). Подъ ред. чл. Окр. Судб. М. А. Соловьева. (Практич. руководство съ полнымъ предм. алфавитн. указателемъ). 1914. Оде са. кн-во „Юристъ-Практикъ“. 144 стр. Ц. 1 р. 25 к.

1832. Рюльманъ, П. 34(07)

Преподаваніе гражданствовѣднія (Instructiva civique) во Франціи. Пер. съ нѣм. И. И. Шигца. Съ предисл. Е. Н. Ефимова, изд. т-ва И. Д. Сытина. 144 стр. Ц. 60 к.

1833. Тельбергъ, Г., проф. 342(47)

Правительствующій Сенатъ и Самодержавная Власть въ началѣ XIX в. (Очеркъ изъ исторіи консервативныхъ политич. идей въ Россіи на рубежѣ XVIII и XIX в.). 1914. М., изд. „Записокъ Им. Моск. Археолог. Ист. им. Имп. Николая II“. 81 стр. Ц. 1 р.

1834. [. . . . .] 347.2

Общедоступная юридическая бібліотека, издав. подъ ред. В. Я. Крюковского, тов. оберъ-прок. Гражд. Кассац. Деп. Правит. Сената. № 3. За-

логъ имущества (Общедост. изложеніе основныхъ началъ, дѣйств. права): Права и обязанности залогодержателей и залогодателей съ приложеніемъ образцовъ договоровъ, исковыхъ прошеній и дѣловыхъ бумагъ. 1914. Спб., изд. кн. маг. б. М. В. Попова. 16°. 168 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Что такое залогъ имущества? Кто можетъ отдавать въ залогъ имущество? Кто можетъ принимать въ залогъ имущество? Какое имущество можетъ быть заложено? Въ какой формѣ долженъ совершаться залогъ имущества? Что слѣдуетъ включать въ актъ о залогѣ? Права и обязанности залогодержателя? Права и обязанности залогодателя. Необходимыя свѣдѣнія изъ области судопроизводства. Образцы договоровъ, исковыхъ прошеній и дѣловыхъ бумагъ.

1835. [. . . . .] 347.65

Общедоступная юридич. библіотека, издав. подъ ред. В. Я. Крюковского, тов. оберъ-прок. Гражд. Кассац. Деп. Прав. Сената. № 4. Духовныя завѣщанія: Утвержденіе въ правахъ наследства. Вводъ во владѣніе. (Общедоступное изложеніе основныхъ началъ дѣйствующ. права съ приложеніемъ образцовъ дѣловыхъ бумагъ). 1914. Спб., изд. кн. маг. б. М. В. Попова. 16°. 160 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Составленіе и утвержденіе завѣщаній: Что такое завѣщаніе. Какими свойствами должно обладать лицо, дѣлающее завѣщаніе. Въ пользу кого можно завѣщать имущество. Какія имущества можно завѣщать. Въ какой формѣ слѣдуетъ составлять духовныя завѣщанія. Содержаніе завѣщанія. Храненіе завѣщанія и его утрата. Измѣненіе и отмена завѣщанія. Нѣдѣйствительность завѣщаній. Утвержденіе завѣщанія къ исполненію. — Порядокъ утвержденія въ правахъ наследниковъ по закону. Вводъ во владѣніе по наследству. Пошлины съ наследства. Образцы прошеній.

1836. Вормсъ, А. Э. 347.7

Источники торгового права (за исключеніемъ морского права). Сборникъ извлеченій изъ Св. Зак. по Прод. 1912 г., отдѣлы. некодифиц. законовъ, междунар. конвенцій, уставовъ, полисн. условій и др. правилъ, утвержден. въ порядкѣ управленія, биржевыхъ обычаевъ и типичн. договоровъ. 1914. М. изд. кн. маг. „Высшая Школа“. LVI+408 стр. Ц. 3 р.

1837. Гуляевъ, А. И. 347.7

Торговое судопроизводство. Передача торговли и ликвидація. О несостоятельности. 1914. М., тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 322 стр. Ц. 1 р. 75 к.

1838. [. . . . .] 347.965

Дѣло присяжнаго повѣреннаго А. Д. Марголина. [1914]. Спб., изд. кн. маг. б. М. В. Попова. IV+136 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Вѣсто вступленія (Возникновеніе и движеніе дѣла). — Объясненіе М. Дополнит. объясненіе М. Определеніе Общ. Собранія Огд. Киевск. Окр. Суда. Жалоба М. Объясненіе М. Определеніе Общ. Собр. Деп. Киев. Суд. Палаты. — Матеріалы, послужившіе основаніемъ для предложенія прокурора о привлеченіи прис. пов. М. къ дисциплин. отвѣтственности. Приложеніе: Показаніе М. на судебномъ слѣдствіи по дѣлу Бейлиса.

1839. Дембо, Л. И. 351.77

Врачебное право. Вып. 1-й. Санитарно-соціаль-

ное законодательство. 1914. Спб., тип. П. П. Сойкина. 85 стр. Ц. 75 к.

1840. Вивъ. 368

Правила для больныхъ — участниковъ кассъ. Контроль больныхъ. 1914. Спб., изд. „Прибой“. 16°. 15 стр. Ц. 2 к.

1841. Третьяковъ, Д. Н., проф. 37(078)

Прозрачные препараты Шпальтегольца. 1914. Бендеры, изд. журн. „Школы. Экскурс. и Школы. Музей“. 16°, 16 стр. Съ 4 иллюстр. Ц. 10 к.

Изъ книги: „Путемъ продолжительныхъ изысканій Т. удалось установить, что наилучшимъ средствомъ для приготоовленія прозрачныхъ препаратовъ нужно считать метиловый эфиръ салициловой кислоты“.

1842. [. . . . .] 37:352(47)

Народное образованіе въ земствахъ. Основы организаціи и практика дѣла. Сборникъ подъ ред. Е. А. Зяглицева, А. М. Обухова, С. О. Сѣрополко и Н. В. Чехова. 1914. М., изд. „Задруга“. 446 стр. Ц. 3 р.

Содержаніе: Вѣсто введенія — Редакторы. Взаимоотношенія губерн. и уѣздныхъ земствъ въ дѣлѣ народн. образованія. Участіе учащихся въ организаціи работъ. Учительскіе съѣзды и совѣщанія. Пособія казны земствамъ на нужды народн. образованія — Е. Зяглицевъ. Организація заведыванія народн. образованіемъ по сѣщенію школъ. Мѣры и учрежденія облегчающія населенію пользованіе школами — Н. Чеховъ. Участіе мѣстнаго населенія въ дѣлѣ народн. образованія. Справочная библіотека отдѣла народн. образованія. Снабженіе школъ учебниками и учебн. пособиями. Ученіи. и учительскія библіотеки. — Сѣрополко. Организація школьно-санитарн. надзора. — Д-ръ Я. Кауцъ. Организація и характеръ экзаменовъ въ начальныхъ школахъ. Подготовка и выборъ заведующихъ отдѣломъ народ. образованія. Лѣтніе педагогич. курсы. Организація экскурсій для учащихся. Составленіе сѣтъ, школъ повышен. типа. Центральное справочн. бюро. — А. Обуховъ. Организація школьнаго хозяйства. П. Казанцевъ. Уходъ за школьн. зданіями. — Н. Мацкевичъ. Музеи наглядн. учебн. пособій. Сѣтъ учреждений внѣ школьн. образованія. — В. Тихоновичъ. Организація статистики народн. образованія. Пересмотръ школьныхъ сѣтей. — Н. Казимировъ. Веденіе дѣлопроизводства въ отдѣлѣ народн. образованія. — О. Жаровъ. Счетоводство въ отдѣлѣ народа. образованія. — В. Надеждинъ.

1843. Парtridge, Э. Н. и Дж. Э. 371

Какъ и что рассказывать дѣтямъ въ школѣ и дома. (Америк. методъ творческаго рассказыванія). Пер. съ англ. и предисловіе Л. Б. Хавкиной-Гамбургеръ. Вступит. статья А. М. Калмыковой. Съ 8 иллюстр. на отд. листахъ. 1914. М., изд. т-ва „Миръ“. 172 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Вступ. статья А. М. Калмыковой. Предисловіе. Ч. I. Искусство рассказыванія: Искусство рассказыванія. Народныя сказанія. Роль рассказчика. Какъ рассказывать. Первобытныя сказанія. Мифъ. Сказки. Эпическія сказанія. Историч. рассказы. Басни и др. правов. учит. рассказы. Индивид. и современ. рассказы. Рассказы и ребѣнокъ. Воспитат. рассказываніе. Рассказъ въ преподаваніи азыка и литературы.

въ естествознаніи, въ исторіи, въ нравств. воспитаніи. Разсказъ и религія ребенка. Разсказъ и индивидуальность. Праздникъ разсказа. Ч. II. Пересказы: Библіографич. указаніе. (Примѣненіе разсказыванія. Развитие худож. творчества. Психологич. книжнаго вліянія и индивидуализація чтенія. О сказкахъ. Первобытн. сказанія, легенды, мифы. Сказъ и. Басни. Эпосъ. Біографія. Разсказы изъ Свящ. исторіи. Указатели дѣтскихъ книгъ).

1844. Сухотина, Т. Л. 371

Марія Монтессори и новое воспитаніе. Съ 18 иллюстр., изображ. занятія дѣтей въ „Домахъ ребенка“ М. и пособія для этихъ занятій. 1914. М., „Библ. нов. восп. и образ. и зашиты дѣтей, подъ ред. И. Горбунова-Посадова, № ХСVII“. 68 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе И. Горбунова-Посадова. Ч. I. М. Монтессори. [Ея дѣятельность]. Ч. 2. Развитие органовъ воспріятія, „Дидактич. матеріалъ“. Обученіе письму, чтенію и счету. Какъ давать урокъ. Школы по системѣ М. Заключеніе.

1845. Завьяловъ, Н. Н. 371(082)

Педагогическая хрестоматія. 1914. М., кн-во „Школа“. 536 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Отъ автора. Иностр. педагоги: Я. А. Коменскій. (Біографія и характеристика. Избран. мѣста изъ „Великой Дидактики“. Дж. Локкъ. (Біограф. и характ. Избр. мѣста изъ „Мыслей“ о воспитаніи). Ж. Ж. Руссо. (Біограф. и характ. Избр. мѣста изъ „Эмилиа“). І. Г. Песталоцци. (Біограф. и характ. Избр. мѣста изъ произведеній: „Лингардъ и Гертруда“, „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей“, „Лебединая пѣснь“). І. Ф. Гербартъ. (Краткій очеркъ жизни и дѣятельн. Огрывки изъ „Общей педагогикі“). Русскіе педагоги: Н. И. Пироговъ. (Біограф. и характ. Избр. мѣста изъ произведеній: „Вопросы жизни“, „Быть и казаться“). К. Д. Ушинскій. (Біограф. и характ. Избр. мѣста изъ сочиненій: „Трудъ и его психологич. значеніе“, „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“). В. Я. Стоюнинъ (Біограф. и характ. Избр. мѣста изъ статей: „Образованіе русской женщины“, „Развитіе педагогич. идей въ Россіи въ XVIII ст.“). Л. Н. Толстой. (Характеристика его педагогич. воззрѣній. Избр. мѣста изъ статей: „О народн. образованіи“, „Воспитаніе и образованіе“, „Картина изъ жизни Яснополян. школы“).

1846. Хвостовъ, В. М., проф. 396

Участіе женщины въ умственной культурѣ человѣчества. Рѣчь, произнесен. на торжествѣ освѣщенія новаго аудиторн. корпуса Моск. Высш. Жен. Курсовъ 5 окт. 1913 г. (Доходъ отъ продажи этой брошюры поступаетъ въ пользу кассы Взаимоп. слупи. Моск. Высш. Жен. курсовъ). 1914. М., тип. Вильда. 24 стр. Ц. 30 к.

[Въ брошюрѣ данъ списокъ „важѣйшей литературы“ по разсмотр. вопросу].

Чистыя науки [5]

1847. Капелькинъ, В. 5(075)

Краткій учебникъ природовѣдѣнія. Ч. 1. Неживая природа. Ч. 2. Строеіе и жизнь растений. Ч. 3. Строеіе человѣческаго тѣла и его отправленія. Ч. 4. Животныя и ихъ жизнь. 1914.

М., изд. Н. Н. Ключкова. 60+81+101 стр. Съ иллюстр. Ц. 25 к.+30 к.+15 к.+40 к.

1848. Стратоновъ, В. 52(075)

Космографія. Учебникъ для среднихъ учебн. завед. и руководство для самообраз. Съ 230 рис. и чертѣж. въ текстѣ, 10 многокрасочн. и цвѣтн. иллюстр., 4 стереоскопич. табл. и звѣздной картой. 1914. М. тип. А. И. Мамонтова. IV+195 стр. Ц. 1. р. 25 к.

1849. Фогель, Р., проф. 521

Дополненіе къ „Основамъ теоретической астрономіи“. 1914. Кіевъ, тип. С. В. Кульженко. 89 стр. Ц. 1 р.

1850. Святскій, Д. 523.7

Предстоящее полное затмѣніе солнца 8 авг. 1914, видимое въ Европейской Россіи. (Общедост. очеркъ). Съ рис. въ текстѣ и картой затмѣнія. 1914. Спб., скл. изд. у М. М. Стасюлевича. 45 стр. Ц. 15 к.

Содержаніе: Солнеч. затмѣнія въ исторіи и народн. вѣрованіяхъ. Почему и какъ происходятъ солнечн. затмѣнія? Солнечн. затмѣніе 8 авг. 1914 г. въ Россіи. Какъ наблюдать солнечн. затмѣнія.

1851. Паскаль, П. 54

Магнето-химія. Аддитивность діамангнитныхъ свойствъ и ея примѣненіе къ опредѣленію строевія. Перевелъ Н. А. Колосовскій. 1914. Спб., скл. изд. у Н. А. Колосовскаго (Англійскій пр., д. 22, кв. 15). 60 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: предисловіе. Ч. 1. Эксперимент. данныя: Историч. очеркъ принциповъ аддитивности въ ограничен. соединеніяхъ. Вліяніе особенностей строевія. Кажущіяся аномаліи. Примѣненіе къ изслѣдованію неорганич. соединений. Ч. 2. Примѣненіе аддитивныхъ соотношеній: Стероохимич. приложенія. Магнето-химія и валентность.

1852. Штейнеръ, Р. 55

Изъ лѣтописи міра. (Aus der Akasha-Chronik). Разрѣш. авторомъ переводъ. 1914. М., изд. „Духовн. Знаніе“. 260 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Ч. 1. Вступленіе. Наши атлантич. предки. Переходъ четвертой коренной расы въ пятую. Лемурийская раса. Раздѣленіе на два пола. Последнія времена передъ раздѣленіемъ половъ. Гиперборейская и полярная эпохи. Начало современной земли. Выхожденіе Солнца и Луны. Ч. 2. Нѣсколько необходимыхъ побочных замѣчаній. О происхожденіи Земли. Земля и ея будущее. Жизнь Сатурна, Солнца, на Лунѣ, Земли. Четырехчленный человѣкъ земли.

1853. Иностранцевъ, А. А., проф. 55(02)

Геологія. Общій курсъ. (Лекціи, читав. студентамъ Спб. унив.) Т. I. Современные геологич. явленія. (Динамическая геологія). Петрографія и стратиграфія. 1914. Спб., изд. 5-ое; скл. изд. у М. М. Стасюлевича. XVIII+592 стр. Съ 358 рис. Ц. 5 р. 50 к.

1854. Готанъ, В., прив.-доц., д-ръ. 561

Ископаемыя растенія. Очеркъ растителн. міра минувшихъ геологич. эпохъ. Съ 89 рис. Перевелъ съ нѣмец. и снабдилъ дополн. прив.-доц. А. Г. Генкель. 1914. М., изд. „Природа“. 222 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе. Предисловія автора и переводчика. Геологическія формаціи: Предварит.

замѣчанія. Типы растит. ископаемыхъ. Мнимыя ископаемыя растит. происхожденія. Первобытная исторія водорослей, грибовъ и мховъ, п. поротнякообразныхъ, хвощевидныхъ, плауновыхъ, саговниковыхъ, гинкговидныхъ, хвойныхъ, шишконосныхъ, покрытосѣменныхъ. Выводы и заключенія.—Обзоръ литературы.

1855. Кащенко, Н. Ѳ., проф. 57

Смерть и долголѣтіе съ биологической точки зрѣнія. 1914. М., кн-во „Наука.—„Bios“, подъ ред. прив.-доц. В. С. Елпатьевского. 54 стр. Ц. 45 к.

Содержаніе: Введеніе. Различные роды смерти. Въ ли живыя существа подлежатъ естественной смерти. Зачатокъ естеств. смерти. Смерть у многоклеточныхъ животныхъ, у млекопитающихъ и человѣка. Ортобіозъ. Средства для достиженія ортобіоза.

1856. Чурсинъ, Г. Ф. 572(47.9)

Очерки по этнологіи Кавказа. 1913 Тифлисъ, скл. изд. у автора, Московская 3. II+192 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: Предисловіе. Культурныя переживанія. Взаимопомощь у кавказ. народовъ. Культъ земледѣлія. Легенды объ окаменѣвшихъ людяхъ. Легендарныя озера на Кавказѣ. Обычай при рожденіи ребенка. Свадебные обычаи кавказ. народовъ. Культъ мертвыхъ на Кавказѣ.

Прикладныя науки [6]

1857. Гуляевъ, А. А. 61

Очерки кумысолечебныхъ заведеній Самарской и Оренбургской губ. 1914. Уфа, изд. автора. 160. 176 стр. съ рис. Ц. 50 к.

1858. Поляковъ, В. Ф., проф. 616

Туберкулезъ, какъ народная болѣзнь и борьба съ нимъ. 1914. М., кн-во „Природа и Общество“. 64 стр. Съ 8 иллюстр. Ц. 30 к.

Содержаніе: Историч. данныя о туберкулезѣ. Понятіе о туберк. палочкѣ и ея свойствахъ. Условія ея развитія и роста въ человѣч. организмѣ и внѣ его. Какимъ образомъ происходитъ зараженіе туберкулезомъ. Нахожденіе палочки туберкулеза въ пыли жилыхъ помѣщеній и въ мокротѣ чахоточныхъ. Зараженіе черезъ молоко больныхъ животныхъ. Зараженіе дѣтей туберкулезомъ. Распространеніе туберкулеза среди населенія культурн. странъ. Методы массоваго и ранняго распознаванія туберкулеза. Различная локализція туберкулеза въ организмѣ. Значеніе наследственности при туберкулезѣ. Значеніе расы, возраста, наследственности, привычекъ, и занятій при зараженіи туберкулезомъ. Клинич. формы туберкулеза. Защитныя средства организма въ борьбѣ съ туберкулезомъ. Какъ уберечься отъ зараженія туберкулезомъ? Мѣры обществен. и личной предосторожности. Вступленіе въ бракъ туберкулезныхъ. Оздоровленіе народонаселенія. Излѣчимость туберкулеза. Лѣченіе въ санаторіяхъ. Попечительства и роль послѣднихъ. Лѣченіе дѣтскаго туберкулеза. Лѣкарств. лѣченіе. Лѣченіе туберкулиномъ, кумысомъ. Проекты спеціальныхъ лечебницъ въ Россіи.

1859. Гартъ, Б. 616.89

Психологія помѣшательства. Пер. съ англ. С. Г. Займиевскаго. 1914. М., кн-во „Совр. про-

блемы“—Проблемы нервн. и душевной жизни. Вып. 2—200 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Исторія душевныхъ болѣзней. Психологич. концепція душевнаго разстройства. Явленія сумасшествія. Диссоціація Комплексъ. Конфликтъ. Репрессія. Проявленія подавленныхъ комплексовъ. Проекція. Непослѣдовательность душевно-больного. Фантазія. Значеніе конфликта.

1860. Строгановъ, В. В., проф. 618.2

Сборникъ акушерскихъ задачъ. 1914. Сиб., изд. 3-е расширен. и перераб. Тип. „Орбита“. 256 стр. Ц. 1 р.

1861. Ивановъ, В. Ф., проф. 628

Санитарная техника. Матеріалы для составленія смѣтъ по канализаціи населенныхъ мѣстъ. Пособіе для инжен., студ., техн., город. и земскихъ управъ. 1914. Кіевъ, изд. Инженер. Кружка при Кіев. Полит. Инст. им. Имп. Александра II. VIII+33 стр. Съ 2 табл. чертежей Ц. 80 к.

1862. Шишочкинъ, Ал. 633.1

Воздѣлываніе главнѣйшихъ хлѣбовъ. (Рожь, пшеница, овесъ, ячмень). 1914. М., изд. т-ва „Агрономъ“. 78 стр. съ рис. Ц. 45 к.

1863. Лихачевъ, В. И. 657(075)

Учебникъ общей и торговой бухгалтеріи. 1914. М., изд. 3-е, К. И. Тихомирова. VI+386+X стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Введеніе. Отд. I. Теорія счета: О счетахъ вообще. Записъ простѣйшихъ хозяйствен. оборотовъ. Товарные счета. Учетъ капитала, прибылей и убытковъ. Заключеніе счетовъ. Отд. II. Теорія книгъ: Основныя и вспомогат. книги. Заклученіе и открытіе книгъ. Отд. III. Торговья операціи: Кассовыя операціи. Текущіе счета и вклады. Учетъ движим. имущества. Товарныя операціи. Расчеты съ разными лицами и учрежденіями. Учетъ прибылей и убытковъ. Операціи съ процент. бумагами. Вексельныя операціи. Расчеты въ иностран. валютѣ. Д-позит. и комиссіон. сдѣлки. Долевая и переводныя операціи. Суды подъ залогъ цѣнностей. Учетъ недвиж. имущества. Счета корреспондентовъ loro и nostro. Расчеты съ отдѣленіями. Выводъ результата въ торговлѣ оптовой и розничной. Отд. IV. Торговья товарищества: Полное товарищество. Товарищество на вѣрѣ. Акціонерн. общества. Отд. V. Системы книгъ. Приложенія: Исторія бухгалтеріи. Законы о торговыхъ книгахъ. [Къ каждой главѣ книги даны задачи].

Изящныя искусства [7]

1864. Фелихъ, Р. и Сноу, Б. 7(024.7)

Искусство для дѣтей. (Для школы и для семьи). Составили преподаватели искусствъ Р. Фрелихъ и Б. Сноу по плану, выработ. на совѣщаніяхъ кружка преподавателей искусствъ и педагогики. Кн. I—III. Рисованіе чернымъ и цвѣтн. карандашами. Рисованіе тушью и красками. Лѣпка. Склеиваніе. Вырѣзаніе. Складываніе. Плетеніе и т. д. Съ 44+41+46 черн. рис. въ краскахъ. Пер. съ англ. Н. И. Живаго. 1914. М., Библ. И. Горбунова-Посадова для дѣтей. №№ 298—300. 80+76+84 стр. Ц. 65 к.+60 к.+70 к.

Изъ предисловія И. Горб.-Посадова: „Методъ, на основаніи котораго составлена эта книжка, имѣетъ своею цѣлью дать дѣтямъ удовольствіе—радость созиданія ихъ собственными руками и содѣйствовать дѣтямъ въ развитіи ихъ чувства наслажденія прекраснымъ“.

1865. Закревскій, А. 7+8(09)

Рыцари безумія. (Футуристы). 1914. Кіевъ., скл. въ маг. Л. Идзиковскаго. 16°. III+164 стр. Ц. 1 р.

Изъ предисловія: „Главная моя задача—дать общій очеркъ футуризма, въ особенности футуризма русскаго, выяснитъ зависимость его отъ символизма... Большая часть моего очерка посвящена „эго-футуризму“... На мой взглядъ—футуристы замѣчательны не какъ люди искусства, не какъ художники и поэты, а какъ огненные безумцы и безстрашные разбиватели скрижалей, на которыхъ тяжелая рука времени начертала свою мертвую дожъ“.

1866. Соломинъ, Г. К. 74

Джіотто ди Бондоне. (Эпоха ранняго ренессанса). Графическій украшеній книги В. Левитскаго. 1914. Спб., изд. „Грядущій День“, ред. А. А. Вольскій 176+VI стр. Съ многочисл. иллюстр. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Ч. I. Дѣятельность Д.: Значеніе Д. въ исторіи искусства Возрожденія. Происхожденіе художника и годы ученичества. Фрески изъ жизни св. Франциска въ Верхней Церквѣ въ Ассизи. Работы Д. въ Римѣ. Первое пребываніе Д. во Флоренціи. Работы въ Падуѣ. Время росписи Капеллы на Арентѣ. Фрески въ Нижней Церквѣ въ Ассизи. Последніе годы дѣятельности Д. Ч. 2. Церковь Благовѣщенія—Capella del Arena—въ Падуѣ: I. Капелла и ея роспись: Мѣстоположеніе, вѣншій видъ и время постройки церкви. Планъ и содержаніе росписи. Содержаніе картинъ, служащихъ введеніемъ къ религиозной поэміи Д. Первая, вторая и третья часть поэмы. Заключеніе. Эпилогъ. Аллегорич. фигуры. Роспись капеллы—„Евангеліе Джіотто“. II. Происхожденіе и особенности живописи Д.: Византійская схема росписи въ италіан. церквяхъ XI+XIII в. Ораженіе ея въ росписи Д. Особенности стили Д. Цѣльность разсказа и ясность композиціи. Пространственность. Почва. Профиль. Изображеніе группъ. Пейзажъ. Значеніе его въ картинахъ Д. Архитектуры. Фигуры и нагое тѣло. Заключеніе. Связь творчества Д. съ францисканствомъ, съ творчествомъ Данте и Дж. Пизано.—Перечень репродукцій.

Литература [8]

1867. Бобровъ, С. 8(01)

Лирическая тема. XVIII экскурсовъ въ ея области. 1914. М., кн-во „Центрифуга“. 34 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе.—Отъ бездарныхъ поэтовъ мы отмежевываемся. Гармонія не есть лирика. Лирику нельзя противопоставлять эпосу. Единственный паеосъ, которымъ живешь и творится поэзія—лирической. Лирика имѣетъ прямую связь лишь съ идеей стихотворенія. Лирика не зависитъ отъ метода символизаций. Двойственность метода символизаций—авленіе

весьма рѣдкое въ символизмѣ восходимъ. Методъ Рэйсбрука до крайности любопытенъ. Однако, несмотря на свою столь блистательную форму, лирика—элементъ поэзіи sui generis. Можетъ быть, всякій малый символъ есть дитя символики. Мы должны совѣстѣмъ принять магію словъ. „L'oeuvre руге“—писалъ Маллармэ. Чрезвычайно сильныя построенья внушенія—лирическое возвращеніе. Теперь мы приведемъ чрезвычайно интересный примѣръ такого лирическаго движенія. Такъ лирическія сплетенія растутъ въ стихотвореніи. Не въ сказкѣ ли лирика? Въ стихотвореніи, говоря вообще,—три темы.—Примѣчанія.

1868. Ла-Бартъ, Ф. гр-де 8(09), 18⁴

Литературное движеніе на Западѣ въ первой трети XIX столѣтія. I. Люди сумеречной поры. II. Романтическій синтезъ (1780—1830). Лекціи. 1914. М., типо-лит. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. X+46 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ предисловія: „Цѣль нашей книги: прослѣдить зарожденіе и развитіе тѣхъ литературн. теченій, которые вошли въ общее русло романтизма, и изучитъ исторію возникновенія и развитія романтич. доктрины. ...Мы хотѣли изучитъ главнѣйшія литературныя теченія конца XVIII и начала XIX в., сгруппировать однородныя произведенія, выяснитъ ихъ взаимоотношенія“.

1869. [. . . . .] 8—8

Вселенское Дѣло. Сборникъ I. 1914. Одесса, скл. изд. Нѣжинская, 55, тип. Венцке и Любскъ. XIV+208+42 стр. Съ 7 иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Отъ редакціи. I. Брехвичевъ: Дѣло Иисуса. (Надъ Евангеліемъ). Л. Н. Толстому. (Стих.). А. Горностаевъ: Одно. (Стих.). А. С. Понкратову. (Стих.). Новое небо. (Стих.). Превитисъ Мюльфордъ. (Стих.). Вл. Соловьеву. (стих.). Тыга земная. Н. О. Оедоровъ: Письмо къ ред. газ. „Доязъ“ по поводу письма О. М. Достоевскаго къ Н. П. Петерсону объ ученіи Н. О. Оедорова. Изъ переписки. (О больницѣ). В. Бородаевскій: Памяти Н. Оедорова. (Стих.). А. Сорокинъ: И плакалъ въ тотъ день Сатана. В. К. Недзвецкій: Мистицизмъ или реализмъ? Вл. Кедровъ: Сынъ Человѣческій. (Стих.). А. Панкратовъ: Жизнь не прекращается. И. Горбуновъ-Посадовъ: Что я думаю о воскресеніи? Вал. Брюсовъ: О смерти, воскресеніи и воскресеніи. Люб. Столица: „Страстныя пѣсни“. П. Бахметьевъ: Сѣдалище души. (Анабіозъ). Письмо къ дядѣ о самомъ себѣ въ формѣ разсказа. (1879 г.). И. М. Луценко: Предѣлы жизни. (Холодъ и его вліяніе на жизнь). Времена нѣтъ. Д-ръ Вульфъ. О „страхѣ смерти, идѣи безсмертія и самоубійствѣ“. (Психоаналит. эскизъ). П. Лучицкій: Уходящимъ отъ жизни. (Стих.). В. Худову. (Стих.). Р. Манновскій: Метерлинкъ о Смерти. А. Водлигеръ: Когда мы мертвые воскреснемъ. О. Востоковъ: Стихотвореніе. Приложенія. В. Худовъ: Чему училъ Иисусъ Христосъ? Р. В. Д.: Къ статьѣ „Чему училъ Христосъ“. В. Недзвецкій: Св. Григорій Нисскій о воскресеніи тѣла. Метампсихоза.

1872. [. . . . .] 8—8

Слово. Сборникъ третій. 1914. М., изд. „Кн-ва Писателей въ Москвѣ“. 272 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Гр. Ал. Толстой. Большія неприятели. Н. Телешовъ. Мама. Ив. Шмелевъ.

Поѣздка. Л. Авилова. Осеннее. Ив. Бунинъ. Братъ.

1873. [. . . . .] 8—8
Тамарѣ Платон. Карсавиной „Бродячая собака“, 26 марта 1914 г. 1914. Спб., изд. „Подвалъ бродячей собаки“. 24 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе. Автографы: Н. Евреиновъ. Слава К! Стихотворенія: М. Кузьмина, Г. Иванова, Н. Гумилева, А. Ахматовой, М. Дозинскаго, Потемкина. Ноты: Норвежскій танецъ. Вл. Заленскаго. Menuet. W. G. Karatiguineau.— В. Свѣтловъ. Тамара Карсавина. Э. Старкъ. Муза танцовальнаго лиризма.

1874. Беннетъ, А. 82—3
Святая любовь. Романъ. Пер. съ англ. А. Дамасовой. 1914. М., кн-во „Польза“, В. Антикъ и К^о. 16^о. 258 стр. Ц. 30 к.

1875. О'Нейлъ, Е. 82—3
Марія Стюартъ, королева Шотландская. Пер. съ англ. Р. Руфиновой (Тютрюмовой). 1914. М., кн-во „Польза“, В. Антикъ и К^о. 16^о. 106 стр. Ц. 10 к.

1876. Лондонъ, Д. 82(73)—3
Дѣти снѣговъ. Разказы. Пер. съ англ. А. Тарасовой 1913. М., кн-во „Польза“, В. Антикъ и К^о. 16^о. 172 стр. Ц. 20 к.

Содержаніе: Въ лѣсахъ сѣвера. Законъ жизни. Намъ-Вокъ лживый. Чародѣй. Кишъ, сынъ Киша. Смерть Лигуна. Волѣзнь единственнаго вожда. Сыны солнца.

1877. Лондонъ, Д. 82(73)—3
Красавица Ли-Ванъ. Разказы. Пер. съ англ. А. Тарасовой и З. Львовскаго. 1914. М., кн-во „Польза“, В. Антикъ и К^о. 16^о. 102 стр. Ц. 10 к.
Содержаніе: Красавица Ли-Ванъ. Союзъ стариковъ. Пер. А. Тарасовой. Ях! Ях! Ях! Вездѣсущій бѣлый человѣкъ. Пер. З. Львовскій.

1878. Альмквистъ, К. Ј. Л. 839.7—3
Мельница въ Шеллнурѣ. Пер. съ шведск. [и біографич. очеркъ] Ю. Балтрушайтиса. 1914. М., кн-во „Польза“, В. Антикъ и К^о. 16^о. 102 стр. Ц. 10 к.

Изъ біогр. оч.: „Его демократическій пантеизмъ, его мистицизмъ, символич. характеръ его творчества, его пассивный анархизмъ и его мечты о великой цѣльности,—все это тѣсно сближаетъ душу А. съ порывами искусства нашихъ дней“...

1879. Гамсунъ, К. 839.82—3
Послѣдняя Ограда. Пер. съ норвеж. М. Благовѣщенской и А. Каарана. 1914. М., кн-во „Польза“, В. Антикъ и К^о. 16^о. 304 стр. Ц. 30 к.

1880. [. . . . .] 891.7(09)
Пушкинскіе. Историко-литерат. сборникъ. Подъ ред. проф. С. А. Венгерова. I. 1914. Спб., скл. изд. „Прометей“. XXIV+240 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловіе С. А. Венгерова. Доклады: къ вопросу о вліяніи Шатобриана на Пушкина. А. Л. Бема, „Цыганы“ Пушкина. А. С. Долиннина—Искоса. Природа въ поэзіи А. С. Пушкина. Н. М. Колобовай. „Байронъ“ В. А. Краснова. Лѣтопись пушкинскихъ семинаріевъ: Общій обзоръ занятій въ пушкинской семинаріи при Спб., ун-в. за пятилѣтіе 1908—

1193. Темы, предложенныя пушкин. семинаріямъ въ 1913—1914 уч. г. Программа составленія словаря поэтическаго языка Пушкина. Сиссокъ участниковъ пушкин. семинаріи при Спб. ун-в. (1908—1913).

1881. Ашукинъ, Н. 891.7—1
Осенній цвѣтникъ. Стихотворенія. 1914. М., кн-во „Куранты“. 16^о. 58 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Шкатулка съ музыкой. Ангелъ. Теремъ, I—II. Иванова ночь. Надъ прудомъ. Проходитъ осень по полямъ. Короче дни и сумерки синѣе. Какъ блѣдно-алые шелка. Гудятъ телефонныя струны. Городокъ. Иду вдоль опустѣвшихъ дачъ. Октябрь... Въ тоскѣ дорожной... Сердце устало... Вобылка. Въ монастырской гостиницѣ. Я нарвалъ цвѣтовъ осеннихъ. Бреду на разсвѣтѣ... Разлука. Ты сказка стариннаго дома. Терцины. Спать въ гробахъ мечты... Сѣжинки. Дѣвочка милая Галя. Я видѣлъ Васъ... Въ дорогѣ. Дѣтскія пѣсенки, I—II. Лестки.

1882. Ахматова, Анна. 891.7—1
Четки. Стихи. 1914. Спб., изд. „Гиперборей“. 140 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: I. Смѣненіе 1—3 и др. II. Цвѣтовъ и нѣживыхъ вещей... и др. III. Помолись о нищей, о потерянной... и др. IV. Какъ вплеталась въ мои темныя косы... и др. стихотворенія. — Стихи изъ книги „Вечеръ“: Любовь и др. стихи.

1883. Бѣляевская, Ѳ. 891.7—1
Золотой поясокъ. Стихи. Рисунки и обложка М. Чембрессъ. — Библиотекa „Тропинка“, подъ ред. П. Соловьевой и Н. Манасиной 1914. М., изд. тв-а И. Д. Сытина. 60 стр. Ц. 50 к.

1884. Городецкій, С. 891.7—1
Цвѣтущій посохъ. (Вереница восьмистишій). 1914. Спб., изд. „Градущій День“. 134+8 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Вступленіе. Посвященіе. Вереница восьмистишій: I. Себѣ. II. Нимфѣ. III. Другамъ. Приложеніе: Книги С. М. Городецкаго (Стихи. Собраніе стиховъ. Повѣсти и разказы. Переводы. Подъ редакціей. Книги для дѣтей).

1885. [. . . . .] 891.7—1
Избранныя стихи русскихъ поэтовъ. Серія сборниковъ по періодамъ. Періодъ 2-й 1914. Спб., скл. у М. М. Стасюлевича. 16^о. 272 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Стихи: Н. Огарева, Ю. Жадовскій, И. Аксакова, Н. Некрасова, А. Плещеева, А. Жемчужникова, Н. Добролюбова, М. Михайлова, В. Курочкина, И. Омулевскаго, А. Трефолева, И. Никитина, И. Сурикова, С. Дрожжина, Ѳ. Поступаева, С. Фруга, П. Я., С. Надсона, В. Фигнеръ, Н. Морозова, А. Апухтина, К. Случевскаго, А. Голенищева-Кутузова, С. Андреевскаго, Скидальца, В. Вашкина, Г. Галиной, А. Чумаченко, В. Рудичъ, Н. Минскаго, Д. Мережковскаго.

1886. Крючковъ, Д. 891.7—1
Цвѣты ледяные. Вторая книга стиховъ. 1914. Спб., изд. „Очаров. Страницы“. 16^о. II+стр. Ц. 35 к.

Содержаніе: Тебѣ—Марія! Не будь какъ Марья, суетливъ... Наводяшіе жуль вечера... Акrostихъ (Ѳ. Сологубу). Зимнимъ вечеромъ.

Снігопадъ. Гаданьє. Зимнія лілії. Я унесень на талій лідній... Дні медлительны і спутаны... Мной міръ преображенъ... Лишь для обрядовъ... Сердце лапою звіриною схвачено... Если твои тихо плачуть... Былъ Лазаремъ четверодневнымъ... На снігу уцалі твои розовія... У себя. Небо какъ ткань узорочья бухарскаго... Песня голова. Тріолетъ. Жизнь—это чара ложныхъ, бѣлыхъ зимъ... Ты одѣта въ ротонду изъ лучистыхъ снѣжинокъ... Въ снѣгу. Сны. Октябрь въ началѣ... Приду къ какому очагъ?.. Любить, я знаю, грѣхъ... Я все глядѣлъ бы въ Око темное... Повремени! Рѣка хранить...

1887. Кушнеръ, Б. 891.7—1
Семафоры. Стихи. І. Предисловіе авора. Обложка М. Либакова. 1914. М. (Витебскъ, тип. „Энергія“). 44 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Въ лучахъ холоднаго декабрьскаго солнца... Не плачьте, бѣлые березы... Водяной. Слышишь милый?.. Сегодня вихри чутіе... Безпокойные дни... Въ мансардѣ. Я по улицѣ брожу... Вѣдню проносятся время унылое... Софійская набережная. Какъ рогъ, литавры и свирѣль... У освѣщенныхъ кабачковъ... Замокъ Кентрвиль. Кафе Савой. Мнѣ тяжко съ вами, городские гномы... Я богать—милліоны вѣковъ... Мойфалой. Музыкантъ.

1888. Сандомирскій, Мих. 891.7—1
Марина Мнишекъ. Стихи. Предисловіе Арс. Альянга. (Обложка и рисунки внутри текста—работы Милицы подгоричани). 1914. М., кн-во „Жатва“. 160. 36 стр. Ц. 50 к.

Изъ предисловія: „Настоящій лиризмъ, детали бытового романтич. интима, претвореннаго порою, въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, по современному, простой, но изысканный, въ благородной манерѣ, языкъ, отсутствіе тѣе преувеличенныхъ, нарочитыхъ образовъ, а также погони за дурными новшествами—чрезмѣрной стилизаціей и внѣшними эффектами—вотъ, что должно заставлятъ привѣтствовать появленіе настоящей книги“.

1889. Назминъ-Вьюговъ, Н. 891.7—3
Рожокъ пастуха. Разказы. Рис. П. Воронцова. Библіотека „Тропинка“ под. ред. П. Соловьевой и Н. Манасеиной. 1914. М., изд. И. Д. Сытина. 221 стр. Ц. 1 р.

1890. Ленскій, Вл. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. VII. Счастье. [1914.] Спб., кн-во „Освобожденіе“. 224 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Счастье. Бѣлый покой. Разбитая віолончель. Вдова. Незамѣтная драма. Тріо. Воздушный. Красный Жакъ. Двое нищихъ. Судьба. За бортомъ.

1891. Сологубъ, Ѳ. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. XVIII. Творимая легенда. Романъ. Ч. І. Капля крови. 1914. Спб., кн-во „Сиринъ“. 301 стр. Ц. 1 р. 75 к.

1892. Чапыгинъ, А. и др. 891.7—3
Лѣтний Лыско. Разказъ А. Чапыгина. Съ 3 рис. В. Каррика. Щенокъ. Разказъ В. Каррика. Съ 5 рис. автора. Сватовство гордаго мышенка. Сказка Конст. Горбунова. Съ 5 рис. А. П. Эйслера и 2 рис. В. Ивановъ. Кошкинъ поемъ. Разказъ В. Абрамовой. Съ 6 рис. „Медвѣженокъ“. 36 стр. Ц. 40 к.

1893. Реймонтъ, В. 891.85—3
Мечтатель. Романъ. Пер. съ польск. Е. Загорскаго. 1914. М., кн-во „Польза“, В. Антикъ и К^о. 160. 272 стр. Ц. 30 к.

1894. Саади. 89—3
Садъ плодový. Разказы и поученія. Пер. съ персид. Н. Урри. [1914.] Спб., изд. Зия. Львовскаго. 110 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Смерть Саади. Предисловіе Саади. Любовь. Перстень Калифа. Свѣтлякъ. Плугъ и дервишъ. Булочникъ. Говорящій нѣмой. Пилигримъ. Тщеславіе. Никогда. Негръ и молодая дѣвушка. Наказаніе. Негодованіе. Великій голодъ въ Дамаскѣ. Муравей. Лисица и дервишъ. Жизнь и смерть. Хатамъ Тайи. Постъ. Докторъ и молодая дѣвушка. Огвѣтъ. Огкровенность. Саванъ. Награда. Школа терпѣнія. Побѣда. Зависть. Слѣпой. Несчастливая супруга. Признательность. Вездѣ. Влюбленный нищій Тановица. Въ пути. Судьба. Слезы свѣчи. Жестокая любовь. Изорванное платье. Злословіе. Черепъ. Молчаніе. Неблагородность. Добрый дервишъ. Жерновъ. Махмудъ. Тщеславіе. Жажда. Вопросъ. Мысли. Первая и вторая молитва.

Исторія и географія [9]

1895. Морзъ, А. 9(32)
Цари и боги Египта. Пер. Е. Ю. Григорovich. 1914. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ, і Страны вѣка и народы. IV + 328 стр. Съ 20 рис. въ текстѣ, съ 16 табл. рис. и картой. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Царьпа Гатшоситу и ея храмъ Дэйръ-эль-Бахари. Религіозна революція Аменофиса IV. Страсти Озириса. Везсмертіе души и установленіе нравствен. законовъ въ Египтѣ и внѣ Египта. Мистеріи Изиды. Нѣскольکو легендарныхъ путешествій египтянъ въ Азію. Гомеръ и Египетъ. Чтеніе гіероглифовъ.

1896. Швабъ, Г. 9(38)
Міеы классической древности: Сказаніе о Гераклѣ. Пер. съ нѣм. М. Трауба. 1914. М., кн-во „Польза“, В. Антикъ и К^о. 160. 80 стр. Ц. 10 к.

Содержаніе: Рожденіе и воспитаніе Г. Г. на переупты. Первые подвиги Г. Битва Г. съ Гигантами. Г. и Эврисей. Первые три работы Г. 4-ая—9-ая работы Г. Три послѣднія работы Г. Г. и Эвритъ. Г. у Адмета. Г. на службѣ у Омфала. Познѣйшіе подвиги Г. Г. и Дейявира. Г. и Нессъ Г., Іола и Дейявира. Смерть Г.

1897. Глейхенъ-Руссвурмъ, А. фонъ 9(4)
Влестящая Европа. Кн. І. 1600—1784 г. Пер. съ нѣм. Э. Пименовой. 1914. М., кн-во „Сфинксъ“—Историч. библ. Т. III—440 + 4 стр. Съ 128 иллюстр. Ц. 5 р.

1898. Шамуринъ, Ю. 9(43.31)
Подмосковныя. Кн. 2. 1914. М., изд. т-ва „Образованіе“. Культурн. сокровища Россіи. Вып. IX. 72 стр. Съ 33 иллюстр. Ц. 2 р. 20 к.

Содержаніе: Предисловіе. XVII вѣкъ. Коломенское. Измайлово. Черемушки (бывш. усадьба Меньшиковыхъ). Подмосковныя Румянцевыхъ. Нескучное-Суханово (кн. Волконскихъ). Домъ Найденовыхъ.

1899. Эркманъ-Шатріанъ. 9(44)
Конецъ Наполеона. (Ватерлоо). Продолженіе „Исторіи новобранца 1813 г.“. Сокращ. пер. съ

франц. В. Керженцева. Съ иллюстр. 1914. М., изд. „Задруга“. 120 стр. Ц. 25 к.

1900. Полонская, Н. Д. 9(47)
Историко-культурный атлас по русской истории съ объяснит. текстомъ. Подъ ред. М. В. Довнар-Запольскаго. 1914. Киевъ, изд. В. С. Кульженко. 4^о. 54 + IV стр. Съ XXXIX табл. иллюстр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Петровская эпоха. Середина XVIII в. Вѣкъ Екатерины II. Малороссія. Девятнадцатый вѣкъ. Библиографич. указатель. [Въ иллюстр. и текстѣ говорится о городѣ, постройкахъ, внутрен. убранствѣ домовъ, модахъ и бытѣ, развлеченияхъ, средствахъ передвиженія, арміи и флотѣ, школахъ и книжн. дѣлѣ, монетахъ, церквахъ, крестьян. бытѣ].

1901. Новаленскій, Мих. 9(47) (082)
Хрестоматія по русской исторіи. Т. I. 1914. М., изд. т-ва „Миръ“. VIII + 160 стр. Ц. 75 к.

Отъ составителя: „Нашей задачей было создать книгу, которой можно было бы пользоваться въ средней школѣ. На ряду съ первоисточниками въ собствен. смыслѣ, въ нашемъ изданіи читатель найдетъ отрывки иного характера, — описаніе раскопокъ, производившихся археологами; описаніе самыхъ предметовъ, найденныхъ при этихъ раскопкахъ. ...не могли мы выключить изъ книги по русской исторіи и знаменитыхъ характеристикъ, принадлежащихъ перу В. О. Ключевского“.

Содержаніе: Отдѣлы: Первобытная Россія. Греки и скифы. Славяне и Византія. Начало Руси. Кіевская Русь. Татары. Удѣльная Русь. Возвышеніе Москвы. Новгородъ Великій. Литва и Зап. Русь. — В. Ключевскій. Изъ лекцій. О вліяніи природы на характеръ великоросса. Характеристика москов. князей.

1902. Колокольникова, В. 9(47.9)
Кавказъ. Съ рис. 1914. М., изд. А. С. Панафиной, 2-ое. 112 стр. Ц. 19.

Изъ книги: „Источниками для составленія этого очерка служили статьи: Е. Маркова, С. Меча, Иловайскаго, Апостолова, А. Пасгухова, Раскиновой, Энциклоп. словарь Брокгауза-Ефрона“ и др.

1903. Карѣевъ, Н. 901
Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. 1914. Спб., изд. доп. Тип. М. М. Стасюлевича. XI + 574 стр. Ц. 3 р.

1904. Вернонъ Ли. 91(45)
Италія. Избранныя страницы. *Genius Loci*. Пер. Е. Урениусъ, подъ ред. и съ предисл. П. Мурагова. 1914. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Страны, вѣка и народы. 362 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловіе. *Genius Loci*: Введеніе Сіена и Симоне Мартини. Уголь и ледъ. Въ Пьемонтѣ. Озера Мантуи. Югъ. Очарованные лѣса: Очарованные лѣса. Пиза и Кампо, Санто. Тосканскія церкви лѣтомъ. Нимфы и рѣчной богъ. Триентъ. Вѣчно зеленые дубы и анахореты. Прогулка въ Маремидѣ. На Евгеньскихъ холмахъ. Вилла Кардинала. Et in Arcadia — Духъ Рима. — Лимбо: Магія тосканскаго лѣта. О современномъ путешествіи. Старые итальян. сиды. *Laurus nobilis*: Искусство и и стіана. Двѣ новеллы: Св. Евдемонъ и его апельсиновое дерево. Свадебный ящикъ.

1905. Дитмаръ, Б. 91(47)

Курсъ географіи Россіи. 1914. М., изд. А. С. Панафиной. II + 200 стр. Съ иллюстр. Ц. 60 к.

1906. Липаевъ, И. В., проф. 91(47.1)

По Финляндіи. Путевые очерки. (Въ видѣ путеводителя). 1914. М., изд. „Природа и общество“. 60 стр. Съ 16 рис. Ц. 30 к.

1907. Войно-Оранскій и Ингельманъ. 91(47.9)

Практическій путеводитель по Кавказской Ривьерѣ. Съ 20 схематич. картами. 1914. М., тип. М. В. Ваддингъ и К^о. 154 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

1908. Потресовъ, А. Н. 92(A)

П. Б. Аксельродъ (45 лѣтъ обществ. дѣятельности). 1914. Спб., изд. „Наканунъ“—„Просвѣтит. библ.“ 54 стр. Съ 3 портр. Ц. 25 к.

1909. [. . . . .] 92(P)

Провозвѣстіе Рамакришны. Съ предисл. и введ. Суами Абхедананды. 1914. Спб., кн-во „Новый человекъ“. 284 + VIII стр. Ц. 1 р. 30 к.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Шри Рамакришна въ храмѣ Дакишнесвара. Ш.-Р. со своими учениками въ храмѣ Бхагаванъ съ нѣкоторыми изъ своихъ домашнихъ учениковъ. Посѣщеніе пандита Видьязагара. День въ рѣкѣ съ Кешабъ Чендеръ Сеномъ. Воскресенье въ храмѣ. Нѣсколько случаевъ изъ жизни Рамакришны. Праздники въ саду Сурендры. Посѣщеніе Рамакришной индусскаго пандита и проповѣдника. Собраніе учениковъ въ храмѣ. Ш.-Р. въ Сияти Брамо-Самаджѣ. Въ домѣ Баларама, одного изъ учениковъ. День въ Шампукурѣ. Дача въ Кос-сипурѣ.

1910. Купринъ, А. И. 92(P)

Аври Рошфоръ. Его жизнь и литературная дѣятельность и смерть. 1914. Спб., изд. „Освобожденіе“. 70 стр. Ц. 60 к.

1911. Толстой, Ильа. 92(T)

Мои воспоминанія. 1914. М., тип. т-ва И. Д. Сытина. 276 стр. Съ иллюстр. Ц. 1. 50 к.

Содержаніе: Характеристика дѣтей. Впечатлѣнія ранняго дѣтства. Мама, папа, тетенька. Ханна. Три Дуняши. Начало ученія, школа. Дворян. Николай поваръ. Алексѣй Степ., Агафья Михайл., Марія Аван., Сергій Петр. Яснополянскій домъ. Портреты предковъ. Кабинетъ отца. Елки. Архитекторъ виноватъ. Поѣздки въ Самару. Игры. Шутки отца. Чтеніе. Ученіе. Верхняя ѣзда. Зеленая палочка. Коньки. Охота. Анна Каренина. Почтовый ящикъ. С. Н. Толстой. Фетъ. Страховъ. Ге. Тургеневъ. Гаршинъ. Первые темные. Убіиство Александра II. Шошюнъ. Конецъ 70-хъ гг. Переломъ. Шоше. Переездъ въ Москву. Сютаевъ. Перепись. Покупка дома. Оедоровъ. Соловьевъ. Физическій трудъ. Сапоги. Покой. Отецъ, какъ воспитатель. Мои женитба. Письма отца. Ванечка. Его смерть. Помощь голодающимъ. Крымская болѣзнь отца. Отношеніе къ смерти. Желаніе пострадать. Болѣзнь матери. Смерть Маши. Дневники. Обмороки. Слабость. Тетя Маша Толстая. Завѣщаніе отца. Заключение.

Содержаніе журналовъ.

„Баянь“. (1914—1). Отъ редакціи.—З. И. Шамурина. Лѣтопись, какъ художественное произведение.—В. И. Троицкій. Серебряныя брагны патріаршей ризницы.—В. Шамуринъ. Классическая архитектура въ Варшавѣ.—В. И. Дунаевъ. Сольвычегодскій Введенскій монастырь.—Ю. Г. Работы Гудона въ Богоявленскомъ монастырѣ.—Лѣтописецъ. Третьяковская галлерея. Историч. музей.—Б. Вольскій. „Вѣсы“ и Николай Ставрогинъ.—К. Глушковъ. Изъ жизни Московск. археологическаго института.—А. К. Иностранн. худож. журналы.—В. Зв. Занавѣсъ „Свободнаго театра“.—Отзывы о книгахъ.

„Баянь“. (1914—2). Г. Загоскинъ. С. Т. Коненковъ.—В. Курбатовъ. О творчествѣ А. Н. Воронихина.—В. Шамуринъ. Старая Выша а.—А. Ерофеевъ. Творческій обликъ А. Н. Скрибина.—В. О. Гринейзенъ. Русскій Археологическій Институтъ въ Римѣ.—Е. Шмидтъ. Гонимое искусство въ древней Руси.—Вит. Пика. Три русскихъ художника: К. Сомовъ, И. Грабарь, Ф. Малявинъ. Перев. А. Конюсъ.—Отзывы о книгахъ.

„Баянь“. (1914—3). Милій Достоевскій. Страница искусства Востока.—Г. Загоскинъ. Выставка В. А. Сѣрова.—Лѣтописецъ. Выставки старой Москвы.—Е. Бѣловъ. М. Н. Мусоговскій.—В. Дунаевъ. Сольвычегодскъ.—М. К. Роше. Новѣйшія теченія въ живописи. Перев. А. Конюсъ.—Отзывы о книгахъ.

„Варшавскія Университетскія Извѣстія“. (1914—IV). Е. А. Бобровъ. Этюды по исторіи древней философіи.—А. М. Евлаховъ. Русская литература о западныхъ писателяхъ. Критическіе очерки.—А. М. Евлаховъ. Въ поискахъ Бога. Этюды о Данте.—П. В. Верховскій. Библиотека Новгородской духовной семинаріи и ея сокровища.—В. А. Гагенъ. Западно-европейскій бѣднякъ.—Г. Зессель. Желточное ядро въ обществахъ у Rana esculenta.—К. И. Балашевичъ. О строении стрекательныхъ клѣтокъ у гидры.—С. А. Хвядковскій. О функциональныхъ уравненіяхъ.—А. Г. Рудневъ. Академикъ Н. С. Тихоновъ и его труды по изученію памятниковъ древне-русской литературы. (Оконч.).—Меторологическія наблюденія.

„Воспитаніе и Обученіе“. (1914—4). А. Удinceва. О дѣтскихъ играхъ.—Т. Солнцева. Вопросы семейнаго воспитанія.—Съездъ по эксперим. педагогикѣ.—Выставка въ деревнѣ.—Библиографія.

„Вѣра и Разумъ“. (1914—7). Проф.-прот. Н. Стеллецкій. Благодать Божія, какъ сила, вспомогательная нравственному усовершенствованію человѣка. (Оконч.).—С. Ивановъ. Мистика ареопажитикъ. (Оконч.).—И. Проданъ. Правда о Кантѣ. (Продолж.).—Н. И. Н. Возарѣвъ В. С. Соловьева на католичество.—Свящ. Н. Смирновъ. Логика вѣры.—Свящ. Н. Липскій. Вѣра и знаніе. (Продолж.).

„Вѣстникъ Знанія“. (1914—1). Ив. Ф. Наживинъ. Чего не хватаетъ нашей деревнѣ?—К. А. Пажитновъ. Эволюція русскаго марксизма.—Л. Двигъ. Философъ-гражданинъ (И. Фихте).—Проф. А. А. Кулябко. Оживленіе или переживаніе?—Д-ръ В. Цедербаумъ. Основаніе современной бю-патологіи.—Прив.-доц. П. Ю. Шмидтъ. Гип-

нозъ настѣжкомыхъ.—П. Ольричъ. Въ защиту науки.—Проф. В. К. Лебединскій. Двѣ эпохи въ физикѣ.—Проф. П. Ф. Кантеревъ. Очерденныя задачи народнаго образованія.—В. Голиковъ. Временное и вѣчное.—Ром. Водуанъ-де-Куртенъ. Десятикнижые Романъ-Роллана.—Д-ръ М. Вирнбаумъ. Значеніе пульса для врача.—Д-ръ Шаль. Хирургія сердца.—Научныя новости и хроника.—В. В. Витнеръ. Бесѣды съ молодежью. Знаніе и нравственность.—К. Эвальдъ. На морской глубинѣ.—М. Завадовскій. Русскій зоологич. питомникъ. Л. Леонидовъ. О червахъ-паразитахъ.—В. Г. Голиковъ. Великія души.—Прив.-доц. А. Генкель. Календарь природы.—А. А. Чикинъ. Звѣздное небо въ январѣ.—Н. А. Рубакинъ.—Въ помощь самообразованію.—Н. А. Рубакинъ. О перепискѣ съ читателями. Вопросы науки и практики; задачи.

„Вѣстникъ Знанія“. (1914—2). М. П. Орлова. Радій и его свойства.—Прив.-доц. Ф. Штрунцъ. Начала естествознанія въ исторіи культуры.—Д-ръ Гассельвандеръ. Роль клѣтки въ строеніи животнаго организма.—Проф. Кремеръ. „Грамотная“ собака Ролфъ.—Д-ръ М. Брюннеръ. Американскія Помпей.—Д-ръ П. И. Ивановъ. Платаніе и энергія.—Телеграфонъ.—В. Г. Голиковъ. Пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.—Библиографія.—Научныя новости и хроника.—В. В. Витнеръ. Бесѣды съ молодежью. „Огды и дѣти“.—К. Эвальдъ. Головастики.—В. Оствальдъ. Сказки.—Д-ръ Э. А. Брайанъ. Зимній нарядъ животных.—Н. А. Рубакинъ. Въ помощь самообразованію.—Р. Водуанъ-де-Куртенъ.—Романъ Келлермана „Туннель“.—Прив.-доц. А. Г. Генкель. Календарь природы.—А. А. Чикинъ. Звѣздное небо въ февралѣ.—Вопросы науки и критики; задачи.

„Вѣстникъ Знанія“. (1914—3). Прив.-доц. А. Г. Генкель. Эрнстъ Геккель, какъ естествоиспытатель и ученый.—Л. Двигъ. Геккель, какъ философъ-монистъ.—Э. Геккель. Тезисы мои ма.—Д-ръ Г. Захаріасъ. Эрнстъ Геккель.—Проф. В. Оствальдъ. Чѣмъ мы обязаны Э. Геккелю?—Проф. Р. Земонъ. Въ лабораторіи научной мысли.—Проф. П. Р. Радосавлевичъ. Педагогическія лабораторіи.—К. А. Пажитновъ. Сравнительный очеркъ положенія рабочаго класса на Западѣ и въ Россіи.—Л. Вызовъ. Невинно привлеченные къ суду и слѣдствію.—В. Г. Голиковъ. Поэмы экстазы.—Библиографія.—В. В. Витнеръ. Бесѣды съ молодежью. О счастьѣ.—К. Эвальдъ. Кусть сирени.—Ив. Ингуловъ. Прогулка на луну.—В. Г. Голиковъ. Цѣвецъ бобыльства.—Н. А. Рубакинъ. Въ помощь самообразованію.—Прив.-доц. А. Г. Генкель. Календарь природы.—А. А. Чикинъ. Звѣздное небо въ мартѣ.—Гибель города Кагосима.—Работаютъ ли растенія для поддержанія своей жизни?—Черезъ страну вѣчныхъ льдовъ.—Изъ нашей лабораторіи.—Наглядныя картины.—Вопросъ науки и практики; задачи.

„Вѣстникъ Знанія“. (1914—4). Проф. И. П. Скворцовъ. Объ измѣненіи климатовъ.—В. Андреевъ. Новѣйшіе успѣхи въ химіи.—Л. Двигъ. П. Эрлихъ.—Исполинскій электромагнитъ.—Д-ръ М. Ю. Лихтенштейнъ. Ревматизмъ и артритъ, ихъ сущность и лѣченіе.—Е. Трифоновъ. Электричество въ сельскомъ хозяйствѣ.—Майоръ Фаллеръ. Револьверъ съ прожекторомъ.—В. Г. Голиковъ. Имманентная критика.—Р. Водуанъ-де-Куртенъ. „Высокія пѣсни“.—Библиографія.—Научныя новости и хроника.—В. Витнеръ. Вѣ-

сѣды съ молодечью. „Передъ вами цѣль“. — К. Эвальдъ. Гусеница капустницы. — Долговѣчность животныхъ. — Какъ изучаютъ составъ солнца. — Н. Рубакинъ. Званіе жизни и оцѣнка жизни. — Черный материкъ. — Н. Рубакинъ. Въ помощь самобразованію. — Прив.-доц. А. Г. Генкель. Календарь природы. — А. Чикинъ. Апрельское небо. — Вопросы науки и практики; задачи.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“. (1914—4). Заграничная хроника: 1. Общ. жизнь: Гималай бюджета. Последнія выступленія суфражистокъ. Обычай кровавой мести въ Албавин. Тяготѣніе нашего времени къ эпохѣ Директоріи. Женское остроуміе. — 2. Истор. новости: Карнавалъ въ Римѣ въ эпоху Ренессанса. Писма Марин-Терезіи. — 3. Изъ области науки: Эпидемія въ арміяхъ. Въ странѣ рубиновъ. — Библиогр. отдѣл. — Эд. Самайкосъ. На людяхъ. — Х. Кэйвъ. Богомъ данная мѣть женщина. — К. Штробль. Чудесному вѣры! — К. Перъ. Кади замужемъ. — Г. афъ-Гейерстамъ. Старое письмо. — П. Гейзе. Арабата, повелла. — Ш. Дренъ. По дорогѣ колоколовъ. — А. Фулрандеръ. Жена Христофора Лерриса. — Уго Обетти. Деньги. — Е. фонъ-Мюлау. Ревнивая. — А. Дювернуа. Говорящая собака.

„Вѣстникъ Кооперации“. (1914—3). А. Чекинъ. Трансформация капитализма. — К. Оберучевъ. Католическіе кооперативы Бельгіи. — А. Гдѣшинскій. Промыслы коллективной мысли. — И. Красноперовъ. Кооперативное движеніе на западѣ. (Кооперация въ С.-А. Соед. Штатахъ). — М. Хейсинъ. По кооперативамъ Даніи. — А. Меркуловъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. (Вопросъ о служащихъ въ кооперативныхъ учрежд.). — Г. Лазарянцъ. Ловцы каспійскаго побережья и кредитная кооперация. — Н. Орловъ. Рабочая потребительная кооперация въ Петербургѣ. — М. Хейсинъ. Кооперация въ русской литературѣ. — Л. Щ.—въ и І. Шапиро. Кооперация въ иностранной литературѣ. — Отзывы о книгахъ.

„Вѣстникъ Опытной физики и Элементарной математики“. (1914—5/6(605/6). Прф. В. П. Ермаковъ. Полюиноу, сохранившій между данными предѣлами постоянный знакъ и наименѣе уклоняющійся отъ нуля. — Акад. П. И. Вальдевъ. О вліяніи физики на развитіе химіи. — П. Флоровъ. Результаты, проистекающіе изъ сравненія чиселъ съ ихъ натуральными логарифмами. — И. Таберъ. Первый Всерос. Сѣздъ преподавателей физики, химіи и космографіи. (Продолж.). — А. Киселевъ. По поводу статьи прив.-доц. С. О. Шатуновскаго „Къ ученію о радикалахъ“. — Научная хроника: Элементарн. фото-электрич. эффектъ. — Библиографія. — Задачи. — Рѣшенія задачъ.

„Вѣстникъ Теософіи“. (1914—4). Пасхальный привѣтъ. — Безантъ. Джордано Бруно—апостолъ Теософіи XVI в. Рѣчь. — А. Безантъ. Строевіе космоса, лекція. Перев. С. Татариновой. (Продолж.). — Орфическіе гимны. Перев. съ греч. Н. Павлиновой. — Е. Писарева. О развитіи психическихъ силъ человѣка. — П. И. Тимофеевскій. Отъ смерти къ безсмертію. — Алба. Изъ дневника теософа. — Данъ. Мечта. — Ф. Амьель. Огрызки изъ дневника. — В. Пушкина. Обзорніе теософической литературы. — Алба. Хроника теософическаго движенія. — Таосъ. Побѣда истины проходитъ вѣзмѣтно. — Вопросы и отвѣты. — Отзывы о книгахъ.

„Голосъ Минувшаго“. (1914—4). Акад. А-лрѣ Ж. Веселовскій. Пьеръ Вейль. — Ф. Гэффъ. Ж-

вописецъ яравовъ XVIII в. (Кармонтель). — А. А. Кизеветтеръ. Борьба за земство при его возникновеніи. — П. Н. Саулинъ. Психологія Бѣлинскаго. — Г. А. де-Волланъ. Очерки прошлаго. (Достоевскій, Успенскій, Пыпинъ, О. Милеръ). — И. П. Бѣлоковскій. Огрызки изъ воспоминаній. II. Жизнь въ Красноярскѣ. — Н. А. Толстой. Исповѣдь бывшаго сектанта. — Л. О. Свѣтлицевъ. Первое изданіе деревенскихъ очерковъ Г. И. Успенскаго. — В. А. Лопатинъ. Освобожденіе Ф. В. Волховскаго. — В. И. Семевскій. Довесенія Л. О. Дубельта къ А. Н. Чернышовой. — Кв. Д. И. Шаховской. Изъ послѣднихъ дней жизни А. И. Тургенева. — Н. Е. Щеголевъ. Катковъ, Валувъ, Тимашевъ. — А. З. Попельницкій. П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, некрологъ. — Обзоръ журналовъ: 1. В. Н. Перцевъ. Проектъ франко-прусскаго разоруженія въ 1870 г. 2. А. М. Васютинскій. Русское о-во 60-хъ годовъ по воспоминаніямъ французскаго инженеря. — 3. Статьи въ текущихъ журналахъ. — В. Н. Перцевъ. Новые русскіе труды по исторіи исторической науки. — К. Н. Успенскій. Новый трудъ по исторіи Византии. — В. Н. Семевскій. Диспутъ М. А. Островской. — Новыя книги. — Вл. Реймоннтъ. 1794 г.) ром. (Продолж.).

„Для Народнаго Учителя“. (1914—7). И. Скотниковъ. О несомѣстности общесреднеобразовательныхъ и профессиональных задачъ въ начальной школѣ. — С. Клодъ. Любопытство и любознательность въ современной школѣ. — А. Н. Древетельнъ. Къ предстоящимъ лѣтнимъ экскурсіямъ за границу. — В. Бабаковъ. Школьная практика. — Д. Л. В. 2-й всероссійскій сѣздъ преподавателей математики. — Систематическій сводъ резолюцій, принятыхъ секціями и комиссіями I всерос. сѣзда по вопросамъ народнаго образованія. — П. О. М. Доклады и рефераты педагогическаго содержанія въ Москвѣ. — Библиографія. — Письма съ мѣстъ. — С. Крюковъ. Письма къ учителю. — Библиотечная практика. — Разныя извѣстія. — Списокъ книгъ, допущ. ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Пр. — Дѣйствія и распоряженія правительства. — Письма въ ред.

„Дневники Писателей“. (1914—2 (апр.). Ал. Блокъ. Изъ воспоминаній. — Ю. Верховскій. Стихи. — О. Сологубъ. Стихи. — Ив. Рукавишниковъ. Курганъ. — Вл. Гиппиусъ. Соблазнъ, стихотв. — Зин. Венгерова. Символизмъ въ современномъ его пониманіи. — О. Сологубъ. Замѣтки. — Н. Мянскій. Изъ записной книжки. — Анс. Чеботаревская. Двѣ пенауры. Критика на критику. Изъ дневника. — Ив. Рукавишниковъ. Изъ моего дневника. — Дм. Крючковъ. Вечеромъ на озерѣ. — Л. Лонгиновичъ. Элементарныя мысли. — Письма въ ред. студентовъ С. Комиссарова и А. Тупина. — Вѣсти о писателяхъ и о книгѣхъ.

„Ежемѣсячный Журналъ“. (1914—4). Ив. Бунинъ. Ночлегъ, стих. — П. Сухотинъ. Ночи на Невѣ, стих. — Ал. Блокъ. Моей сестрѣ, стих. — Ю. Верховскій. Ал. Федоровъ, стих. — Л. Зильовъ. Діаконъ, стих. — Н. Шрейтеръ. Н. Ключевъ, стих. — Ал. Шаряевъ. Кладъ, стих. — Е. Яшновъ. Нищія, стих. — К. Одинцовъ. Лѣсная пѣсня, стих. — В. Верхоустинскій. Повѣсть о черниці и о Сиринѣ. — В. Винничевко. Божья, ром. (Продолж.). — С. Подлячевъ. Съ новостями пришелъ. — М. Мионовъ. Предатель. (Оконч.). — А. Деренталь. Слишкомъ рано. —

С. Семеновъ. Односельцы. (Оконч.). — Л. П. Никифоровъ. Д. Н. Толстой о себѣ. — В. Потемкинъ. Душа Тургенева. — А. Мейеръ. Платонъ. — Ст. В. Веселовскій. Кабачная реформа 1652 г. — Проф. М. Ростовцевъ. Курганъ „Солоха“. — Н. А. Морозовъ. Воспоминанія. (Оконч.). — М. Петровъ. „Лицо“ нашей культуры. — Е. Сталинскій. Движеніе народныхъ учителей во Франціи. — Вл. Скороходовъ. Изъ воспоминаній стараго общинника. На Кавказѣ. — Б. Черневковъ. Жизнь деревни. Община и прогрессъ хозяйства. (По поводу повѣсти С. Семенова „Односельцы“). — Кр. Мих. Новиковъ. Письмо изъ деревни. „Хулиганство“. — Ш. Гермеръ. Письмо изъ Англіи. Послѣдняя ставка англійскихъ консерваторовъ. — Ст. Вольскій. Письмо изъ Америки. Эмигранты. — Р. Гр.—въ. Письмо изъ Швейцаріи. Народная самооборона. — Гр. Шрейдеръ. Письмо изъ Италіи. Балансъ Савойской монархіи. — Евг. Синегубъ. Уловленіе умовъ. — Д. Конаваловъ. Религіозныя движенія въ Россіи. В. Радаевъ. (Продолж.). — И. Сок.—овъ. В. И. Луинъ. — Я. С. и В. А. Изъ міра цифръ. Народное образованіе. — Р. С. Лѣтописъ важнѣйшихъ событій. Мартъ. — Д. Святскій. Непосредств. знакомство съ небомъ. Апрель. Библиографія.

„Завѣты“. (1914—4). К. Бальмонтъ. Четыре пѣсни. — П. Орѣшникъ. Деревенскія пѣсни. — М. Салтыковъ-Щедринъ. „Тѣни“. Драматич. сатира въ 4-хъ д. — А. Чапыгинъ. Морока, разсказъ. — Г. Дм. Уэллсъ. Освобожденный міръ, ром. — В. Черновъ. Памяти великаго сатирика. — М. Е. Салтыковъ въ письмахъ къ Гр. Зах. Елишеву. — М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. — Ст. Вольскій. Два пріятыя міра. — М. Пришвинъ. По градамъ и веснямъ. „Астраль“. (По поводу дѣла „Охтенской богородицы“). — Текучая жизнь: Арс. Авраамовъ. Вен. Марковъ. Мстный судъ. С. Масловъ. Передѣлы общинной земли. П. Покровский. Нѣкоторые міровые итоги профессиональнаго рабочаго движенія. М. Новорусскій. Изверженіе на о. Сакураима. (Японія). — Ивановъ-Разумникъ. „Тѣни“, драматическая сатира М. Салтыкова. — Библиографія.

„Извѣстія по Народному Образованію“. (1914—4) Правительственныя распоряженія. — Л. О. Петцель. Дѣтскіе сады за границей. (Оконч.). — Р. П. Образованіе въ Западно-Сибирскомъ уч. округѣ въ 1913 г. — К. Съездъ по народному образованію. — Отзыви о книгахъ.

„Коммерческая Школа и Жизнь“. (1914—1 (вып. IV). Отъ редакціи (по поводу кончины С. М. Бараца). — М. В. Вернадскій. Русское золото за границей. — В. И. Шарый. Русская промышленность въ 1900 и 1903 гг. — В. В. Розенбергъ. Правовая охрана чистаго и прикладнаго искусства. — С. О. Загорскій. Договоръ найма торговыхъ служащихъ. — И. М. Кулишеръ. Промышленныя выставки и ихъ экономическое значеніе. — А. Н. Машковъ. Особенности преподаванія счетоводства въ торговыхъ школахъ, коммерческихъ училищахъ и на курсахъ коммерческихъ знаній. — Хроника. — Почтовый ящикъ. — Критика и библиографія. — С. Ф. Ивановъ. С. М. Баряцъ. — 3. Задачи бухгалтеріи.

„Коммерческая Школа и Жизнь“. (1914—2 (вып. V). П. Г. Мижуревъ. Лондонская школа экономическихъ и политическихъ наукъ. — С. О. Загорскій. Сндикаты и положеніе рабочихъ. — И. І. Шеталовъ. Нормальная организація пенсіоннаго обезпеченія. — В. Мукосѣевъ. Увели-

ченіе добычи золота и повышеніе товарныхъ цѣнъ. — Е. Н. Матросовъ. Три главныхъ конкурента на мировыхъ рынкахъ. — Л. Некрасовъ. Средняя школа въ системѣ коммерческаго образованія. — Л. И. Н.—въ. Вспомогательныя средства для изученія иностранныхъ языковъ. — А. Давидовъ. Нефтяныя предпріятія Россіи и опредѣленіе ихъ внутренней стоимости. — Хроника. — Критика и библиографія. — 3. Задачи по бухгалтеріи. — Экзамнаціонныя задачи по коммерческимъ предметамъ, предложенныя въ Германіи на право преподаванія коммерческихъ предметовъ.

„Коммерческая Школа и Жизнь“. (1914—3 (вып. VI). М. В. Вернадскій. Банковая реформа въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки. — М. Германъ. Высшее коммерческое образованіе въ Швейцаріи. — И. Кулишеръ. Универсальные магазины. — С. Загорскій. Къ борьбѣ за лучшій торговый договоръ съ Германіей. — Н. Сенкевичъ. Варшавскій банкъ кооперативныхъ товариществъ. — Скептикъ. Очерки по алкогольному вопросу. — Е. Вознесенскій. Проектъ закона о чекахъ. — Хроника. — Критика и библиографія. — Экзамнац. задачи по коммерч. предметамъ, предлагаемыя на испытаніяхъ на право преподаванія этихъ предметовъ въ Германіи.

„Кооперативная Жизнь“. (1914—7). Русско-германскій торговый договоръ и Россійская кооперация. — В. Кильчевскій. 2-й годъ дѣятельности Моск. Нар. Банка. — Л. Луццати. Признанія кооператора. — Кооперативная жизнь въ Россіи. — Кооперативная жизнь за границей. — А. Кулыжный. Практическіе шаги по осуществленію кооперативнаго сбыта яицъ. — Товарищескія операціи съ хлѣбомъ, въ 1913 г. — О рынкахъ и товарахъ. — А. Кулыжный. Заграничныя экскурсіи кооператоровъ. — Н. Левитскій. День и эмблема кооперации. — Н. Гибнеръ. Къ вопросу о порядкѣ увольненія служащихъ въ кооперативныхъ учрежденіяхъ. — Консультационный отдѣлъ. — Хроника Московск. Народн. Банка.

„Литературно-Медицинскій Журналъ“. (1914—3). Д-ръ мед. Р. Мильхнеръ. Основы внутренней медицины. Съ предисл. проф. Гольдгейдера. Авториз. перев. съ нѣм. д-ра мед. М. З. Геселевича. — Д-ра В. Брикнеръ, Э. Мошковица и Г. Гейсъ. 700 діагностическихъ и терапевтическихъ совѣтовъ для хирургической практики. Перев. съ 3-го америк. изд. д-ра М. Д. Лиона. (Оконч.)

„Домашній Докторъ“. (1914—3) Д-ръ С. Ф. Клейнъ. Наша пища и простѣйшіе способы изслѣдованія ея доброкачественности. — Правильное питаніе больныхъ. Перев. съ нѣм. Ю. Виттмена. — Д-ръ Э. И. Ландъ. Сперматоррея. — Дѣйствіе низкихъ температуръ на организмъ. — Практическая медицина. — Общественная медицина. — Растительный столъ. — Домашняя ветеринарія. — Медицинскія замѣтки.

„Логосъ“, (1914—т. I, в. II). Н. Лосскій. Воспріятіе чужой душевной жизни. — Г. Зиммель. Индивидуальный законъ (къ истолкованію принципа этики). — И. Ильинъ. Ученіе Гегеля о сущности спекулятивной мысли. — М. Шварцъ. Теорія научнаго познанія Э. Маха. — Б. библиографія. — Обзоръ русскихъ юридическихъ журналовъ за 1913 г. — Замѣтки.

„Маски“. (1913/4—6). Э. Коммиссаржевскій. „Декорация“ въ современномъ театрѣ. — И. Розенфельдъ. Интуитивизмъ и футуризмъ. — Е. Паня-

Въ защиту выразительнаго искусства. (Письмо изъ Парижа).—В. Кроиниъ. Искусство пластическихъ танцевъ.—Театральная лѣтопись.—Музыкальная лѣтопись.—Библиографія.

„Народное Образованіе“. (1914—3). А. Д. Емановъ. Первые шаги школьнаго хора.— Уголки школьной жизни: О. Кули. Въ вечеръ прошеннаго воскресенія; Учит. С. Троховъ. Въ студеную зимнюю пору. (Картинки съ натуры); Учит. Н. Павловъ. Однажды зимой... Свящ. Е. Куликовъ. Странный посѣтитель. (Изъ замѣтокъ бывшаго учителя). Летучая мышь. Филинъ.—Свящ. Е. Сосунцовъ. О преподаваніи катехизиса въ начальной школѣ.—Свящ. І. Скородумовъ. Школа и сектанство.—В. Р.—въ. Изъ педагогическихъ возвращеній К. П. Побѣдоносцева.—А. Обтемперанскій. Мысли по поводу исполнившагося 50-лѣтняго юбилея земской дѣятельности.—И. Успенскій. Вас. Андр. Золотовъ. (Очеркъ изъ исторіи русской педагогики). (Оконч.).—Свящ. І. Мултановскій. Изученіе евангельскихъ заповѣдей о блаженствѣ. Учит. О. Зеновъ. Опытъ обученія грамотѣ по словозрительному методу.—Книжное и журнальное обозрѣніе.—Н. Тичеръ. Изъ иностранной педагогической литературы.—Библиогр. отдѣлъ.—Церковно-школьная хроника.—Школьное дѣло на мѣстахъ.—Почтовый ящикъ. Школьное пѣніе. И. Мироносицкій. Записки по гармоніи. Н. В. Музыкально-библиографич. заимѣтки.

„Педагогическій Листокъ“. (1914—1). Э. Кревинъ. Современная педагогика и педагогическія идеи французскаго возрожденія.—В. Баранова. Дѣти—блустители порядка.—В. Мурзаевъ. Къ вопросу о „реформѣ“ школьныхъ экскурсій.—Н. Каринцевъ. Школа и жизнь ребенка.—А. Коринфскій. Изъ Янки Купалы, стихотв.—С. С.—о. Московское городское Управленіе и народное образованіе.—А. Доброхотовъ. Новогодній поклонъ, стих.—Хроника.—Библиографія.

„Педагогическій Листокъ“. (1914—2). Е. Звягинцевъ. О казенныхъ земскихъ прибавкахъ къ учительскому жалованію.—А. Обуховъ. Въ лѣтней колоніи.—А. Коринфскій. Вступающимъ въ жизнь, стих.—В. Тихоновичъ. Земскія учительскія экскурсіи.—Н. Кривобородовъ. Хыдырлѣхъ. (Мусульманскій школьный праздникъ въ Крыму).—В. Смирновъ. Что читаютъ ученики гимназій.—В. Г. А. Изъ записной книжки сельскаго учителя.—Первый Всерос. сѣздъ по народному образованію.—II-й Всерос. сѣздъ им. К. Д. Ушинскаго.—Г. Войнескулъ. Отдѣлъ по народному образованію при Аккерманской земской управѣ.—И. В. Потребность въ среднемъ образованіи (корреспон. изъ г. Грязовца, Волог. губ.).—Хроника.—Библиографія.

„Педагогическій Листокъ“. (1914—3). Н. Саввинъ. В. Г. Короленко въ школѣ.—Н. Каринцевъ. Подготовка народныхъ учителей въ различныхъ странах.—Я. Каплинскій. О рѣшеніи арифметическихъ задачъ.—А. Коринфскій. Изъ Янки Купалы, стих.—Б. Фромметъ. Учителя и кооперация.—С. С.—о. Памяти Т. Г. Шевченко.—50-лѣтіе. педаг. музея военно-уч. завед.—Хроника.—Библиографія.

„Педагогическій Листокъ“. (1914—4). П. Саломатинъ. Народный учитель въ роли изслѣдователя.—Я. Каплинскій. О рѣшеніи арифметическихъ задачъ. (Продол.).—Н. Кривобородовъ. Чтенія въ глуши Крыма.—В. Мурзаевъ. Собирались тучи червяки... стих.—Н. Каринцевъ.

Подготовка народныхъ учителей въ различныхъ странахъ. (Продолж.).—Е. Боборыкина. О дѣятельности О-ва попеченія о дѣтяхъ народныхъ учителей и учительницъ.—С. С.—о. Психологическій институтъ при Моск. Универс.—Хроника.—Библиографія.

„Просвѣщеніе“. (1914—4). В. Войтинскій. Лучъ свѣта среди ночи.—Ал. Липецкій. Зовъ весны, стих.—Н. Скопинъ. 25-лѣтіе пролетарскаго праздника.—Л. Старкъ. Родивъ, стих.—В. Ильинъ. О правѣ націи на самоопредѣленіе.—Г. З. Изъ переписки К. Маркса и Фр. Энгельса.—А. Шляпниковъ. О белгійскихъ металлстахъ.—Къ Вѣнскому конгрессу.—С. Астровъ. Апрель, стих.—Ко дню рабочей печати.—Г. Зиновьевъ. Противъ участія въ буржуазной печати.—Т. Алексинская. По поводу отравленій бензиномъ на резиновыхъ фабрикахъ.—Вивъ. Массовыя отравленія рабочихъ и санитарное состояніе промышленныхъ заведеній.—Г. З. Последний локаутъ и теорія „Стачечнаго азарта“.—В. И. Чему не слѣдуетъ подражать въ нѣмецкомъ рабочемъ движеніи.—Р. Раскольниковъ. Уголовныя наказанія за стачки въ Россіи.—Библиографія.

„Русская Мысль“. (1914—4). Ал. Блокъ. Стихотв.—О. Н. Рунова. Мудрость жизни, повѣсть.—Вяч. Ивановъ. Стихотв.—Г. Дм Уэллсъ. Страстная дружба. Перев. Э. К. Пименовой. (Оконч.).—К. Эрбертъ. Стихи о грозѣ.—Ю. Сіезкинъ. Ольга Оргъ, ром. (Продолж.).—Ю. Кнанабихъ. Сонатины. 1. Цвѣты изъ Ниццы. 2. Леливъ призракъ. 3. Въ купѣ.—В. Брюсовъ. Стихотв.—Ш. Луи-Филиппъ. Восемь разсказовъ. 1. Смерть старика. 2. Послѣ преступленія. 3. Телѣжка. 4. Поджигатель. 5. Возвращеніе. 6. Ревнивая жена. 7. Сосѣдки. 8. Молчаніе. Авториз. пер. съ фр. В. М. Эйхенбаумъ.—С. Н. Булгаковъ. Русская трагедія. О „Бѣсахъ“ О. М. Достоевскаго.—В. Агафоновъ. Электрометаллургія.—М. О. Гершензонъ. Н. А. Огарева. 1829—1913 гг.—А. А. Кауфманъ. Переселенцы на новыхъ мѣстахъ.—А. А. Корниловъ. Семейство Вакуниныхъ. (По неизданнымъ источникамъ).—Л. Гуревичъ. Нѣмецкій романтизмъ и символизмъ нашего времени.—Вяч. Ивановъ. Основной мнѣ въ романѣ „Бѣсы“.—Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры. Ал. Ковдрачевъ. Молодость поэта Щебюны.—Б. М. Эйхенбаумъ. Шаръ Луи-Филиппъ.—Е. В. Гешинъ. Вопросъ о наймѣ торговыхъ служащихъ.—Г. Тумановъ. Кавказскій политехникумъ.—И. О. Левинъ. Угро-русское движеніе и его историческій прецедентъ.—И. О. Левинъ. Конституціонный кризисъ въ Швеціи.—В. Каратыгинъ. „Парсифаль“ въ Петербургѣ.—В. Чудовскій. XI выставка „Союза русскихъ художниковъ“.—Ю. Никольскій. Творчество Игнатія Зубоага.—С. А. Котляревскій. Русский трудъ о гуманизмѣ.—В. Эйхенбаумъ. Распространеніе верхне-нѣмецкаго языка.—С. Франкъ. Книга Дильтея по исторіи философіи.—Г. Лавицъ. Эстетика чистаго чувства Г. Когена.—А. А. Смирновъ. О послѣдней книгѣ В. Розанова.—С. Демосфеновъ. Государственная теорія денегъ.—И. Н. Яковкинъ. Новое изслѣдованіе о трудномъ договорѣ.—Н. Нордовъ. Наши военно-морскіе бюджеты.—Некрологъ.—Критическое обозрѣніе.

„Русская Школа“ (1914—3). Законодательныя постановленія и правительственныя распоряже-

ня.—Н. Казимиръ-Вьюговъ. Воспитаніе жизне-
радостности.—Чл. Гос. Думы Нв. Ключевъ. На-
родное образованіе въ Швеціи.—В. Рутценъ.
Продолжительность курса въ русской начальной
школѣ.—Е. Рѣпина. Недостатки въ современ-
номъ спосѣ Сиб-хъ городскихъ начальныхъ учи-
лищъ.—Ө. С. Матвѣевъ. Подготовка учителей
и учительницъ для обученія глухонѣмыхъ дѣ-
тей.—Ник. Арсѣевъ. Актовый рѣчи. В. Я.
Стоюнина.—Н. Соколовъ. Вопросы школьной
политики въ постановленіяхъ Съѣзда по народ-
ному образованію.—Проф. Л. Гурлиттъ. Энер-
гетическій императивъ и его приложеніе къ пе-
дагогикѣ.—Фр. Гаубергъ. Основные идеи со-
временной педагогики.—И. Эвергетовъ.—Второй
съѣздъ по эксперимент. педагогикѣ въ Сиб.
(Оконч.).—Библиографія. (эксперим. отд.).—Кри-
тика и библиографія.—Педагогическая хроника.

„Свободный Журналъ“ (1914—2). Карменъ.
Магнать.—Вл. Кохановскій. Леночка Моржев-
ская.—А. Гринъ. Три брата.—С. Арефинъ.
Обрадованные.—А. Вознесенскій, Л. Андрусовъ
Як. Годиный. Стихотв.—Н. Рубакинъ. Наука и
міросозерцаніе.—Вс. Филатовъ. Трагедія либе-
рализма.—Д. Скворцовъ. На новыхъ путяхъ.—
Новыя книги.

„Свободный Журналъ“. (1914—3). В. Пись-
менная. Миганъ праздникъ.—М. Росляковъ.
Нынная косточка.—Ю. Слезкинъ. Злая сказка.—
Л. Василевскій. Цѣпи дьявола.—А. Рославлевъ,
Г. Вякинь, Ф. Черновъ, С. Астровъ, К. Одино-
въ, М. Моравская и Е. Новская. Стихотв.—
Н. Рубакинъ. Эюды по психологіи читатель-
ства.—Г. Гуревичъ. Солнце и его загадка.—Вяч.
Полонскій. Деревенская ссылка.—М. Смолен-
скій. Унылый юбилей.—И. Накатовъ. Театръ
живой и механической.—Новыя книги.

„Сибирскій Архивъ“. (1914—3/4). Н. Пути-
ловъ. Лѣтопись Усинской мысли.—„Золотая пѣ-
ничка“, комедія-сатира изъ жизни г. Иркутска
начала 1880-хъ годовъ.—И. Чибизовъ. „Гео-
графія Енисейской губ.“. И. П. Денисова.—А.
Рычковъ. Сграница изъ жизни вымирающаго
племени.—А. Линьковъ. Изъ исторіи народнаго
образованія въ Забайкальской обл. до 1872 г.—
В. А. Ватинъ. Къ 25-лѣтню Красноярской Го-
родской Обще-твенной Библиотеки.—В. Чепа-
ловъ. Протестъ политическихъ ссыльныхъ въ
Якутскъ въ 1904 г.—Н. П. Савинскій. Алтай
ваканунъ паденія крѣпостного права.—Замѣтки.

„Современникъ“. (1914—5). К. Эрбери. Сти-
хотв.—Н. Ю. Венгровъ. Огень, стих.—П. Су-
рожскій. Въ степи, разск.—Р. Бракко. Женить,
разск.—Его же. Leit-motiv, разск. Перев. О.
Грантъ.—Л. Горовъ цъ. Къ вопросу о наказуе-
мости аборта.—В. В. Нѣмецкіе интеллигенты
объ еврейхъ и еврейскомъ вопросѣ.—Л. Ла-
ржевичъ. Многовѣщающее научное открытіе.—
Л. Марговъ. На распутьи.—Ник. Сухановъ.
Рабочее движеніе и В. Розановъ.—В. Трутов-
скій. Творцы жизни.—Г. Новоторжскій. Протек-
ционизмъ или свобода торговли. (Къ пересмотру
торговаго договора съ Германіей).—Р. Сгрѣль-
повъ. Пятедесятъ лѣтъ Интернаціонала.—Р.
Ефимовъ. При свѣтѣ выстрѣла.—Е. Лундбергъ.
Т. Г. Шевченко.—П. Цвѣтаева. Парсифаль.—
Н. Станкевичъ. Женскій мѣсяць.—В. Ковровъ.
Подъ угрозою войны.—В. В. Выбора въ Стра-
ховой Свѣтъ.—Новыя книги.

„Современникъ“. (1914—6). М. Моравская.
Стих. „Тага земля“.—М. Пришвинъ. Медвѣжья

шуба, разск.—М. Сьерра. Сонная заводъ, разск.
Перев. К. Жихаревъ.—Л. Клейнбортъ. Горь-
кій на родинѣ.—А. Рабиновичъ. Международ-
ное рабочее право.—Л. Марговъ. Итоги послѣд-
нихъ дней.—Ник. Сухановъ. Нѣсколько словъ
о народничествѣ.—Як. Окуневъ. Въ глубинѣ.—
А. Шебунинъ. Александръ I.—Р. Сгрѣльцовъ.
Объединительная политика интернаціонала.—
Р. Ефимовъ. Гомруль.—Е. Лундбергъ. Сове-
ременная драма.—Н. Наумовъ. Фредерикъ Ми-
страль.—А. Никитскій. Господиный капиталъ.—
В. Вончъ-Брувичъ. Судъ надъ Д. В. Смирно-
вой.—Новыя книги.

„Современникъ“. (1914—7). А. Блокъ и Ю.
Верховской. Стихотв.—И. Вулгаковъ. Лукавый,
разск.—Густ. Янсонъ. Наши дѣти, разск. Перев.
Е. Влаговѣщенской.—С. Далинъ. Англійская
армія.—Вяч. Калининъ. Современные прито-
рианы.—Л. Марговъ. Первый этапъ.—Ник.
Сухановъ. Нѣсколько словъ о марксизмѣ и ре-
визионизмѣ.—Н. Огановскій. Итоги и перспек-
тивы землеустройства.—Н. Череванинъ. Поло-
женіе промышленности и ближайшія перспекти-
вы.—Н. Лазаревичъ. Новѣйшія открытія.—
Р. Ефимовъ. Швеція на распутьи.—И. Флоров-
скій. Національный утопизмъ и націоналистиче-
ская авантюра.—Евг. Лундбергъ. Огъ вѣчнаго
къ временному.—Шахъ-Эддинъ. Игнаціо Зуло-
ага.—Новыя книги.

„Современный міръ“. (1914—4). А. Малыш-
кинъ. Полевой праздникъ, разск.—И. Эрвбургъ.
Стихотв.—К. и О. Ковальскіе. Къ новымъ бе-
регамъ, ром. (Продолж.).—А. Чапыгинъ. Другой,
разск.—В. Волькенштейнъ. Вечерній пейзажъ,
стих.—А. Вережниковъ. Въ нѣдрахъ, очеркъ.—
Г. Галина. Стихотв.—Г. Мантъ. Вѣрнополян-
ный, ром. (Продолж.).—Вл. Кранихфельдъ. М.
Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ).—Л. Клейнбортъ.
Очерки рабочей демократіи. Рабочій—зритель
и артистъ.—Л. Кафенгаузъ. Подъемъ или кри-
зисъ?—В. Вересаевъ. Аполлонъ и Діонисъ. (О
Нишѣ). (Продолж.).—В. Майскій. Суфражистки.
(Письмо изъ Англи).—Д. Тальниковъ. „Симво-
лизмъ“ или „реализмъ“?—Евг. Чариковъ. Про-
винціальныя картинки.—І. Ларскій. Вопросы
текущей жизни. Патриархальный надзоръ.—
Критика и библиографія.

„Учитель и Школа“. (1914—4). И. П. Бѣлокон-
скій. Timeo danaos et dona ferentes.—Н. Кавуль.
Преподаваніе геометріи въ начальной школѣ.—
П. Саламатинъ. Экскурсія въ городъ.—Е. Звя-
гинцевъ. Земство и школьныя экскурсіи.—В.
Зиксъ. О постоянныхъ земскихъ учительскихъ
курсахъ.—Н. П. Малиновскій. Объ устройствѣ
публичныхъ систематическихъ лекцій и чтеній.—
А. Янсонъ. Первый Всероссійскій съѣздъ по
вопросамъ народнаго образов.—Мѣстная админи-
страція и съѣздъ по вопросамъ народнаго образо-
ванія.—Е. Чарюлуская. Странствующія выстав-
ки картинъ въ Германіи.—Е. Ч. Школа на
открытомъ воздухѣ въ Соединенныхъ Штатахъ.—
И. Кранчатовъ. Сообщенія съ мѣстъ.—Библио-
графія.

„Учитель и Школа“. (1914—5). Е. Звягинцевъ.
Министерскій циркуляръ о порядкѣ назначенія
народныхъ учителей.—Н. Ахутинъ. Что дѣлать
съ исторіей въ начальной школѣ.—С. Рубова.
Къ подготовкѣ народныхъ учителей.—А. Ш—еръ.
О значеніи методики.—А. Л. Педагогическій
музей военно учебныхъ заведеній.—Гр. Тро-
шинъ. Работа врачебно-педагогической (IV)

секцій 1-го Всерос. съѣзда по вопросамъ нар. образ.—Е. Чарнолуская. Учрежденія по вопросамъ изученія и охраны дѣтства.—А. Н. Лѣтняя сельская библиотека.

„Учитель и Школа“. (1914—6). В. Фромметтъ. Выбывающіе изъ школь.—М. Левитинъ. Современные реформаторы воспитанія.—П. Содома-тинъ. Культурный уровень народнаго учителя.—Л. Оршанскій. Второй всероссійскій съѣздъ по экспериментальной педагогикѣ въ Спб.—В. Закъ. О постоянныхъ земскихъ учительскихъ курсахъ.—А. Бевкенъ. Работы V съѣзда Всерос. Съѣзда по народн. образ.—Н. П. Работы Комиссіи съѣзда по нар. образ. по хозяйственнымъ вопросамъ школь.—Е. Чарнолуская. За границей: Специальная женскія школы. Вечернее приготовленіе уроковъ въ школь. Борьба англ. учителей за улучшеніе матеріальнаго положенія.—Собщенія съ мѣстъ.—Библиографія.

„Художественно-Педагогическій Журналъ“. (1914—5). М. Вайсбейнъ. Первый Всероссійскій съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія. (Продолж.).—В. Шуйскій. В. А. Сѣровъ. Біографическій очеркъ.—В. Шуйскій. Посмертная выставка В. А. Сѣрова въ Спб.—Искусство и жизнь.

„Художественно-Педагогическій Журналъ“. (1914—6). М. Вайсбейнъ. Первый Всероссійскій съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія. (Оконч.).—А. Щепинскій. Подготовка учащихся къ пониманію художественныхъ произведеній.—Формализмъ Академій Художествъ.—Искусство и жизнь.

„Что и какъ читать дѣтямъ“. (1913/4—7). О. Капица. Довъ-Кихоль Сервантеса въ дѣтской литературѣ.—Обзоръ біологическихъ очерковъ С. Покровскаго.—Обзоръ новыхъ изданій Кнебеля для дѣтей дошкольнаго возраста.—Разборъ журнала „Задуманное Слово“ за 1913 г. Отзывъ о книгахъ.—Отъ Педагогическаго Комитета по участію Россіи въ IV Международномъ конгрессѣ по семейному воспитанію.—Справки о новыхъ книгахъ.

Библиографія по отд. вопросамъ.

Педологія. [016:371/2].

(Продолженіе *).

Рудзевичъ, Л. и О. Дѣтская душа. Сборникъ художественныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, обрисовывающихъ психологію дѣтства. Изд. К. Тихомирова. М. 1907. Т. I—2 р. 50 к.; т. II—3 р.

Румянцевъ, Н. Первый международный педагогическій конгрессъ въ Брюсселѣ въ 1911 г. „Рус. Шк.“ 1912, 9.

Его же. Опытъ систематическаго изученія ребенка. „Восп. и Об.“ 1913, 2—5.

Его же. Педагогія (наука о дѣтяхъ). Изд. Богдановой. Спб. Стр. 82. 25 к.

Его же. Какъ изучается душевная жизнь дѣтей? (Педагог. Академія въ очеркахъ и монографіяхъ. Т. III, гл. I).

Руссо. Развитіе въ дѣтяхъ жизнерадостности и борьба съ пессимизмомъ. Спб. 1912. 60 к.

Рыбниковъ, Н. Первый всерос. съѣздъ по семейному воспитанію. „Вѣст. Восп.“ 1913, 2.

Его же. Дѣтскіе идеалы. „Для Народ. Уч.“ 1911, 19.

Свентицкая, М. Х. Нашъ дѣтскій садъ. М. 1913. Стр. 68. 30 к.

Сигизмундъ. Дѣтя и міръ. 1866. 1 р.

Сикорскій, И. А. Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства. 1884. 1 р.

Симизу, С. Домашнее воспитаніе въ Японіи. „Рус. Шк.“ 1911, 1.

Симоновичъ. Дѣтскій садъ. Практическое руководство для дѣтскихъ садовницъ. Перераб., съ рис. работъ, съ играми, нотами и разсказами. 3-е изд. И. Сытина.

Смирновъ, Н. Муки юной души. „Вѣст. Восп.“ 1910, 6.

Смирновъ, О. Къ итогам всероссійскаго съѣзда по семейному воспитанію. „Нар. Уч.“ 1913, 2.

Соловцова, А. Исторія дѣтскаго возраста. „Восп. и Об.“ 1908, 5 и 6.

Соловьевъ, И. М. Запросы дѣтской мысли. „Св. Восп.“ 1907/8, 6.

Соломинъ, Е. Праздничныя занятія и развлеченія. „Вѣст. И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества“. М. 1912. Стр. 20. 25 к.

Станиславская, М. О занятіяхъ въ дѣтскомъ саду. Челябинскъ. 1912. „Общ. дошк. восп.“ „Св. В.“ 10.

Столица, З. Развитіе въ дѣтяхъ жизнерадостности и борьба съ пессимизмомъ. (Энциклопедія общественнаго воспитанія и обученія, изд. Совѣтомъ Спб. Род. Кружка, подъ ред. В. Волконичъ, П. Ковалевскаго, З. Столица и В. Чулицкаго. Вып. V). Спб. Изд. Вольфа. 1911. Стр. IV+80. 60 к.

Стржемяскій. Мысли о первоначальномъ воспитаніи Ф. Ф. ебеля. Спб. 1897. Стр. 34.

Суворовскій, А. Нагъ Пинкертонъ въ дѣтскомъ повиманіи. „Вѣст. Восп.“ 1909, 1.

Сухотина, Т. Л. Марія Монтеessori и свободное воспитаніе. „Св. В.“ 1912/3, 7—9. [Вышла отд. изданіемъ].

Сѣдовъ, Л. Динамическіе факторы въ воспитаніи. „Вѣст. Восп.“ 1907, 4.

Туминъ. Дѣти-писатели. „Образ.“ 1909, 2 и 3.

Тѣнь. Наблюденіе надъ жизнью ребенка. Фармаковскій, В. Управленіе дѣтьми. Пособіе для родителей и воспитателей. По лекціямъ Циллера и др. источникамъ. М. 1912. Изд. А. Ступина. Стр. 154. 50 к.

Фесенко, И. О. Награды и наказанія въ семейномъ воспитаніи. „Энцикл. сем. восп.“ Вып. V. 25 к.

Его же. Городъ и деревня въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. „Энцикл. сем. восп.“ Вып. III. Стр. 46. 25 к.

Филипповъ, А. Идеальное устройство дѣтскаго сада и яслей. М. 1912. Стр. 16. 10 к.

Флеровъ, В. Впечатлѣнія дѣтства. По восп. Л. Толстого и Н. Пирогова. Кіевъ. 1912. Изд. автора. Стр. 59. 35 к.

Фребель, Ф. Дѣтскіе сады. Спб. 1880. 50 к.

Харди, Л. Дневникъ дѣтскаго сада. Пер. съ англ. подъ ред. и съ предисл. Н. В. Чехова. М. 1914. Изд. „Задруга“. Стр. 56. Съ иллюстр. 30 к.

Хмировъ, И. Не говорите дѣтской природы. „Для Нар. Уч.“ 1909, 5.

*) См. „Вѣст.“ № 15/6.

Холмъ, С. Собрание статей по педологии и педагогикѣ. Пер. съ англ. — „Душевная жизнь дѣтей. Библиотека педагогич. психологій, подъ ред. пр.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха“. Изд. „Московск. К-ва“. М. 1912. Стр. 444. 2 р. 50 к.

Хухъ, Ф. Страничка изъ жизни одного ребенка. „Вѣст. Восп.“ 1910, 8.

Чевасъ, д-ръ. Уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. Перев. съ англ. Е. Ильинской. Спб. 1907. 1 р. 50 к.

Чемберленъ, А. Дия. Очерки по эволюціи человека. Ч. 1. Пер. съ англ. М. 1911. Изд. „Моск. Книгоизд.“ 1 р. 50 к. Ч. II. — 1 р. 50 к.

Черкезовъ, Г. Приюты (для дѣтей) д-ра Бернардо въ Лондонѣ. „Св. В.“ 1912/3, 1.

Чехова, Л. Дѣтскіе сады во Франціи. „Вѣст. Восп.“ 1913, 5.

Шацкій, С. Т. Дѣти — работники будущаго. Первая кв. Моск. О-ва Селлементъ. Со вступит. ст. Зеленко и двумя анкетами Н. Казимирова. Съ 13 рис. 55 к.

Шининъ, М. Записки о развитіи ребенка. Изд. „Моск. Книгоизд.“ 1914. М. Т. I и II. (Печатаются).

Щеколинъ, Ѳ. Общество международнаго обща дѣтей. „Русск. Шк.“ 1911, 7.

Эльсландеръ, Ж. О воспитательномъ и научномъ порядкѣ сообщенія дѣтямъ знаний. „Св. Восп.“ 1908/9, 3.

Янжулъ, Е. Итальянскій дѣтскій садъ по системѣ г-жи Монтессори. „Вѣстн. Восп.“ 1912, 1 и 2. (Изд. отд. кн. Кіевъ. Стр. 22).

Яновская, Э. Домъ свободнаго ребенка. „Вѣст. Восп.“ 1913, 8.

Янтарева. Дѣтскіе типы въ произведеніяхъ Достоевскаго. Спб. 1895. Стр. 93. 60 к.

Яцимирскій, А. И. О новыхъ теченіяхъ въ западно-европ. экспериментальной педагогикѣ. „Р. Шк.“ 1907, 9.

Гербартъ. Педагогическія сочиненія. Изд. К. Тихомирова. М. 1906. II. 2 р. 25 к. Стр. 265.

Книги, поступившія въ редакцію

Изд. „Прометей“, Н. Н. Михайлова, Спб.

В. Львовъ-Рогачевскій. Дѣя правды. Книга о Л. Андреевѣ. 1 р. 50 к. — **Я. Окуневъ.** Каменное игло. Разказы. 1 р. 25 к. — **Ал. Гринъ.** Позорный столбъ. Разск. 1 р. 25 к. — **Ник. Ашешовъ.** Равы Любви. Разск. 1 р. 25 к. — **Келлерманъ.** Море. Романъ. 1 р. — **Л. Добронравовъ.** Новая бурса. Очерки. 1 р. 25 к. — **Маринетти.** Футуризмъ. 1 р. 25 к.

Изд. „Московск. Книгоиздательства“.

А. Купринъ. Слоны, разск. 25 к. — **Его же.** Бѣлый пудель, разск. 40 к. — **Его же.** Дѣтскіе рассказы. 2 р. 25 к. — **Ал. Амфитеатровъ.** Забытый смѣхъ. Сборникъ I. 1 р. 50 к. — **Е. Чириковъ.** Марья изъ Ямъ. 1 р. 25 к. — **Ал. Будищевъ.** Хата съ крау. 1 р. 25 к. — „Земля“. Собр. XIV. 1 р. 50 к.

Изд. И. И. Горбунова-Посадова, Москва.

Л. Лидалина. Въ горахъ Кавказа. Путешествіе. 1 р. — **С. Покровский.** Среди природы. 1 р. — **И. Л. Елинъ.** Капуста. 5 к. — **Его же.** Огурцы. 3 к. — **Любимыя игры дѣтей.** Сборникъ подъ ред. В. Полякова. 45 к. — **Р. Фрелихъ и Б. Сноу.** Искусство для дѣтей. (Для школы и семьи)

Книги I—III. 65 к. + 60 к. + 70 к. — **Дж. В. Ньюландеръ.** Мальчики въ Метсолѣ. 60 к. — **Люси-Фичъ Перкинсъ.** Маленькіе голландцы. 65 к. — **Т. Л. Сухотина.** Марія Монтессори и новое воспитаніе. 50 к.

Изд. „Польза“, В. Антихъ и К^о Москва.

П. Вальми. Погоня за любовью. 1 р. — **Е. О'Нейлъ.** Марія Стюартъ, королева шотландская. 10 к. — **Дж. Лондонъ.** Дѣти снѣговъ, разск. 20 к. — **Его же.** Красавица Ди-Павъ, разск. 40 к. — **Кн. Гамсунъ.** Последняя страда. 30 к. — **К. Альмкенсъ.** Мельница въ Шельмурѣ. 10 к. — **Ари. Беннетъ.** Святая любовь, ром. 30 к. — **В. Реймонтъ.** Мечтатель, ром. 30 к. — **Г. Швабъ.** Сказаніе о Гераклѣ. 10 к.

Изд. „Задруга“, Москва.

Эркманъ-Шатрианъ. Конецъ Наполеона, (Ватерлоо). 25 к. — **Л. К. Шульце.** Игры съ буквами. 35 к. — **Народное образованіе въ земствахъ.** Сборникъ 3 р.

Изд. д-ра Блюменталъ, Москва.

Ф. М. Блюменталъ. Новѣйшіе успѣхи серотерапіи. — **Его же.** Серотерапія дифтеріи въ свѣтъ. Теоріи боковыхъ цѣпей Эрлиха. — **Его же.** Общественная борьба съ туберкулезомъ въ 3. Европѣ и Америкѣ. Ч. I. Изд. 2-е. — **Обзоръ серотерапіи и вакцинаціи при главнѣйшихъ заразныхъ болѣзняхъ.** Ч. I. Изд. 3-е. — **Сборникъ монографій по дифтеріи,** изд. подъ ред. Ф. М. Блюменталъ и М. М. Грана. Вып. I. 1 р. 50 к.

Изд. „Лирика“, Москва.

Р.-М. Рильке. Книга часовъ, Стихи. Ч. I. 1 р. — **Гёте, Гайнъ.** 50 к. — **Б. Пастернакъ.** Близнецъ въ тучахъ. 50 к. — **Н. Асѣвъ.** Ночная флейта. 50 к.

Изд. Украинск. книжн. магаз. Спб.

В. Каррик. Малькованіе казочки. Бидніи вовкъ. — **Цанъта Баранъ.** — **Пан. Коцкіи.** — **Руковичка.** — **Рівка.** По 1 к. — **Г. Павлович.** Соломѣяні Вічокъ. Кривенька качечка. Червона хусточка. По 1 к. — **Т. Г. Шевченко.** 1 к. — **Колядничок.** 1 к.

Изд. „Освобожденіе“, Москва. — Спб.

Вл. Ленскій. Собр. соч., т. VI. Счастье. 1 р. 25 к. — **Б. Лазаревскій.** Красота. 1 р. 25 к. — **В. Рахмановъ.** Психологія, какъ наука о личности. 80 к. — **Н. Г. Помяловскій.** Молоотовъ. 10 к. — **А. И. Купринъ.** Анри Рошфоръ, его жизнь и литературная дѣятельность. 60 к. — **Н. Н. Киселевъ.** Сердце. 1 р. 25 к. — **Ис. Гуревичъ.** Шины любви. 1 р. 25 к. — **Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.** Тихій свѣтъ. 1 р. 50 к. — **Г. Артуровъ.** Въ странѣ хризантемъ. 1 р.

Изд. „Наука“, Москва.

Н. А. Ульяновъ. Химія на службѣ человѣку. 65 к. — **И. В. Владиславлевъ.** Жизнь замѣчательныхъ людей. („Что читать“, вып. III). 60 к. — **Проф. А. Н. Сѣверцовъ.** Современныя задачи эволюціонной теоріи. 80 к.

(Продолж. въ слѣд. №)

Издатели: { **В. Крандѣевскій.**
                  { **В. Носенковъ.**
Редакторъ **В. Крандѣевскій.**

4

Р.

в 7 годъ
за 24 кн.

БЮЛЛЕТЕНИ

ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедельный журнал НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА
на
1913—14
годъ
(5-й г. изд.)

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. большого формата. За годъ выйдеть 24 кн. (2000 страницъ). ● „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и неперіод., какъ русской, такъ и иностранной. ● Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной духовной жизни современности. ● „Бюллетени“—это коллективная литературная памятка выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждого, серьезно интересующагося внутренней жизнью человеческого коллектива. ● О типѣ журнала „Бюллетени“ еще 35—40 лѣтъ назадъ печатали такіе корифеи литературы, какъ Достоевскій и Успенскій. ● За истекшій годъ въ „Бюлл.“ напеч. 240 ст. по самымъ разнообраз. напр. и 700 отзывовъ о книгахъ; данъ перечень 2500 нов. кн. и приведено содержаніе болѣе 50 журн. за годъ. ● Библиографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Утро Рос.: „Журн. заслуживаетъ особаго вниманія. Въ журн. сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью“. ● Рус. Вѣд.: „Бюлл.“ знакомитъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни... ● Рус. Шк.: „Бюлл.“ дѣлаетъ свое дѣло умно и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюлл.“ оказываютъ огромную услугу... ● Огни: „Трудно представить себѣ человѣка, съ известными культур. напр., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.“... ● Рус. Сл.: „Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года“... ● Совр. Сл.: „Задача журн. имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе“... ● Голосъ: „Въ журн. сосредоточено все новое, что возмущаетъ постоянно быть въ бурѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и мировой мысли“... ● Илл. Обзор. Гол. М.: „Бюлл.“ безпристрастно и вполне объективно даетъ картину духа, нравственной, внут. русской жизни за цѣлый годъ“. ● Нов. Ж. для Вс.: „Бюлл.“ незамѣнимъ особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекомен. книгъ“. ● Ряз. Вѣст.: „Бюлл.“ умно и умно рисуетъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журн. отбѣчается

все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книж. рынокъ“... ● Сѣв. У.: „Журн. изъ дѣльных обзоровъ статейхъ даетъ квинтэссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго“... ● Рус. Москва: „Все то важное, что терзалось въ гущѣ журн. и нестроимъ содержаній газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые специально изъ этой области работаютъ—для нихъ журналъ незаменимъ,—но и самыя широкіе круги читателей“... ● Киев. Мысль: „Бюлл.“ могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющие возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ“, а для тѣхъ, кто такой возможности лишены, въ особенности для провин. читатели, руководителей библіотекъ и т. д., журналъ, вполне доступный и по цѣнѣ, представляетъ интересъ сугубый“. ● Рам. Утро: „Не говоря уже о практич. значеніи журнала... главнымъ образ. для провинціи, нельзя не отмѣтить интереса его, какъ періодич. дѣлописи нашей духовной жизни. Самыя широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюллетеними“.

Проспектъ журнала высылается бесплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 руб., 6 м.—2 р., 3 м.—1 р. За границу на годъ—5 р. Для сельск. учт. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ—3 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ

книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“ за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна комплекта 3 р. 50 к. съ пересылкой, въ переплетѣ (2 т.)—4 р. 50 к.

Контора и ред. Москва, Марьяковск. пер. д. 6. Тел. 5-02-06.

Издатель: В. Крайдовскій и В. Носенковъ.

Редакторъ: В. Крайдовскій.

Подписной
годъ
начинается
съ 1-го
сентября.

Можно под-
писываться
съ 1-го
числа
кажд. мѣс.

ОТЪ КОНТОРЫ:

Гг. подписчиковъ, срокъ подписки которыхъ кончается 1 июня, контора покорнѣйше проситъ, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала, — поспѣшить съ присылкой послѣдняго рублевого взноса.

НОВАЯ КНИГА „ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ“

Н. Абрамовичъ (Н. Кадмихъ).

(Отъ древней народной поэзии до нашихъ дней.)

Главная задача автора — освѣтить и оцѣнить послѣдовательно огромное творческое содержаніе русской поэзии отъ ея истоковъ до современныхъ повѣстныхъ проявленій. Древняя народная поэзія, эпоха ложноклассицизма въ русской литературѣ, сентиментализмъ, романтизмъ, реалистическія выступленія и мотивы классической поэзіи, — все это нашло соотвѣтствующее мѣсто въ этой книгѣ. Трудъ этотъ цѣненъ и какъ пособие для учащихся. Цѣна книгъ 1 р. 25 к. Высыл. по желанію палож. платеж.

Требованіе адресовать: Москва, Галицковскій пер., 6. „Книжная экспедиція“.

„ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ“

литературы, науки и общественной жизни“, издаваемый редакторомъ-издателемъ стараго „Журнала для всѣхъ“, В. С. Милолюбовымъ. Вышелъ № 4-й. Стихотворенія: Ивана Вунина—Ночлеги. Павла Сухотина—Ночи. На Невѣ. Александра Блока—Моей сестрѣ. Юрія Верховскаго. Александра Федорова. Льва Зилева—Діаконъ. Н. Штрейтера. Николая Клюева. Александра Ширяева—Кладъ. Е. Яшнова—Нящіе. К. Одинцова—Лѣсная пѣсня. Повѣсти и разказы В. Верхоустинскаго—Повѣсть о черниці и о Сиринѣ. В. Винниченко—Воски, романъ; продолженіе С. Подъячева—О новостяхъ пришелъ. М. Миронова—Предатель. Окончаніе. А. Деренталя—Олишкомъ рано. С. Семенова—Одессельцы. Окончаніе. Статьи и обзоръ: Л. П. Никифорова—Левъ Николаевичъ Толстой о себѣ. В. Петушкина—Душа Тургенева. А. Мейера—Платонъ. Ст. Б. Веселовскаго—Кабанья реформа 1652 года. Проф. М. Ростовцева—Курганъ „Солоха“, съ 14 рисунками. Н. А. Морозова—Воспоминанія. Окончаніе. М. Петрова—„Лицо“ нашей культуры. Е. Сталинскаго—Движеніе народныхъ учителей во Франціи. Владимира Скороходова—Изъ воспоминаній стараго общинника. Гл. П. На Кавказѣ. Бориса Черненкова—Жизнь деревни. Община и прогрессъ хозяйства; по поводу повѣсти С. Семенова „Одессельцы“. Какъ уничтожить чернокошеницу въ общинѣ. Кр-на Михаила Новикова—Письмо изъ деревни „Хулиганство“. Ш. Гермера—Письмо изъ Англіи. Послѣдняя ставка англійскихъ консерваторовъ. Ст. Воляскаго—Письмо изъ Америки. Эмигранты. Р. Гр-ва—Письмо изъ Швейцаріи. Народная самооборона. Гр. Шрейдера—Письмо изъ Италіи—Валансъ Савойской монархіи. Евг. Снегуба. Уловленія умовъ. Д. Коковадова—Религіозныя движенія въ Россіи. В. Радаевъ (продолженіе). И. Соколова В. И. Лукинъ, съ портретомъ. Я. С. В. А.—Изъ міра цифръ. Народное образованіе. Съ 9-ю рис. Р. С.—Лѣтопись важнѣйшихъ событій. Мартъ. Д. Селу-скаго—Непосредственное знакомство съ небомъ. Апрель; съ 2-мя картами неба. Библиографія. М. Моравской—Анна Ахматова. Четки. Стихи. Евг. З.—Сборникъ „Сиринъ“. Гр. Г.—Вибкиъ. Къ широкой дорогѣ. В. Т.—Ульяновъ. Химія на службѣ человѣку. Юридическіе отвѣты.

Подписка принимается только на годъ 4 руб. съ перес. Допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и 2 руб. къ 1 мая. Подписавшихся съ разсрочкой просимъ дослать по полученіи этой книжки 2 рубля, во избѣжаніе прекращенія высылки журнала. За границу 6 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 50 коп. Перемѣна адреса 30 коп. почтовыми марками. Книжными магазинамъ уплачивается 5%, только при передачѣ сразу полной годовой платы. Подписка въ разсрочку отъ нихъ не принимается. Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Илинскій пр., 18. Въ Москвѣ подписка принимается у Н. И. Печковской и у Посредника—Петровскія линіи; въ книгоизд. „Наука“ (складъ изданій) В. Никитская; у Карбасникова, Моховая; у Вельфа на Тверской; у Суворина на Неглинной; въ Одессѣ, въ маг. „Одесскія Новости“, Дерибасовская, 20.

Контора открыта отъ 11 до 4 час. ежедневно, кромѣ праздниковъ. Редакція по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 3 до 5 час., кромѣ праздниковъ. Телефонъ 617-61.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 18.

Май—II.

1914.

(Пятый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Преодоленіе страха смерти	1037	8. Идеалы современнаго капита-	
2. Провозвѣстіе Рамакришны	1043	лизма.....	1071
3. О вліяніи философіи Бергсона .	1049	9. Женщина на Западѣ. Бельгійская	
4. Отшельникъ объ искусствѣ и ху-		женщина. — Итальянская женщина.	1073
домнникахъ. Видѣніе Рафаэля.—		10. Теорія натарсиса и дѣтскія игры	
Замѣчательная смерть Франческа		съ точки зрѣнія этой теоріи...	1076
Франція. — Ученикъ и Рафаэль. —		11. Наканунѣ новой эры въ исторіи	
О всеобщности, терпимости и любви		передвиженія. Безвоздушный элек-	
къ ближнему въ искусствѣ. О двухъ		трический путь проф. В. П. Вейн-	
чудесныхъ языкахъ и ихъ таинствен-	1050	берга.—Летучій поѣздъ Эмиля Башле.	1081
ной силѣ		12. Отзывы о книгахъ	545
5. Изъ мыслей Вяч. Иванова объ		13. Новыя книги	564
искусствѣ.....	1059	14. Содержаніе журналовъ.....	571
6. Новыя пьесы. „Роза и Крестъ“ Ал.		15. Библіографія по отд. вопросамъ.	
Влоха.—„Пляска передъ зеркаломъ“		Педагогическая психологія	577
Фр. де-Кюреля.—„Эйвинъ и Хадла“		16. Книги, поступившія въ редакцію.	579
Юг. Сигуріонсона. — „Космосъ“ Э.	1060		
Барнаволя.....			
7. Два эпизода изъ жизни Салты-			
нова. (Къ 25-лѣтію со дня смерти)	1067		

Подписная цѣна: 12 м.—4 р.,
9 м.—3 р., 6 м.—2 р., 3 м.—1 р.,
1 м.—40 к. За границу—5 р.

Такса объявленій: 1 стр.—40 р.
 $\frac{1}{2}$ стр.—25 р., $\frac{1}{4}$ стр.—16 р.,
 $\frac{1}{8}$ стр.—10 р.

Редакція и контора: Москва, Мерзляковскій пер., домъ 6. Телеф. 5-02-03.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: 1) Москва, Б. Никитская, 10. Кв. маг. „Наука“.
2) С.-Петербургъ, Стремянная, 6. Кн. скл. „Провинція“.

Перемѣна адреса—20 коп. (Можно марками).

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПРАВОВѢДІЕ

ИВНА КАЛЛИНИКОВИЧА ГОЛУБЕВА.

Ножикова Государственной типографіи. МОСКВА, Никольская, д. Славянского Базара.

Магазинъ имѣетъ всѣ юридическія изданія: Анисимова, Березовскаго, Исаченко, Мартынова, „Право“, Нюрнберга, „Законовѣдѣніе“, Стасюлевича и др. Имѣются въ продажѣ спеціальныя справочники, алфавитныя указатели, полный сводъ сенатскихъ рѣшеній, таможенные и желѣзнодорожные тарифы, сборники циркуляровъ, военно-юридическія книги, учебники, конспекты и пр., а также портреты Государя Императора, Государственные гербы, зеркала (ц. отъ 25 до 50 руб.) и др. предметы для Присутственныхъ мѣстъ. Подыскиваются и продаются номера сенатскихъ объявленій съ публикаціями о вызовѣ наследниковъ, объ объявленіи несостоятельности и проч., дѣлаются справки въ собраніи узаконеній и пр., составляются юридическія бібліотеки. Принимаются книги на комиссію отъ Гг. авторовъ и издателей. Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. Сверхъ своей спеціальности магазинъ исполняетъ заказы на всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги. Кромѣ юридическаго при магазинѣ отдѣлы: военный, духовный и техническій. Заказы исполняются немедленно. Въ провинціи книги высылаются наложеннымъ платежомъ. По заказамъ отъ 10 р. желателенъ задатокъ.

ПОДБОРЪ КНИГЪ ПОСТОЯННО ПОПОЛНЯЕТСЯ НОВОСТЯМИ.

Каталогъ бесплатно

Для телеграммъ: „МОСКВА—ЮРИСТЪ“. □ ТЕЛЕФОНЪ МАГАЗИНА № 23—28

„Военное дѣло за границей“.

Прежде „Свѣдѣнія изъ области военного дѣла за границей“. 9-й годъ изданія, на годъ 3 руб. Военно-научный иллюстрированный журналъ. Выходитъ отдѣльными выпусками пять разъ въ годъ, по мѣрѣ накопленія матеріала. Объемъ cadaго выпуска около 10 листовъ. Задача журнала: „Изученіе и знаніе своего противника—важѣйшій залогъ успѣха на войнѣ“. Исходя изъ этого, журналъ изыскъ на себя задачу—знакомить возможно болѣе широкіе круги военной среды и общества съ наиболѣе интересными трудами и статьями, появляющимися въ заграничной военной печати, а также съ работой, жизнью и бытомъ иностранныхъ армій. Помѣщаемы въ журналѣ статьи могутъ служить пособіемъ для разработки научныхъ работъ, сообщеній, для тактическихъ занятій и военной игры. Въ концѣ cadaго выпуска помѣщается военная хроника и указатель матеріаловъ по различнымъ вопросамъ военного дѣла за границей. Журналъ не преслѣдуетъ никакихъ коммерческихъ цѣлей. Трудъ всѣхъ сотрудниковъ и редакторовъ бесплатенъ. Журналъ рекомендованъ Комитетомъ по образованію войскъ (Цирк. Гл. Шт. 21 февр. 1909 г. № 33 и 15 ноября 1910 г. № 209) и Командующими войсками округовъ: Варшавскаго, Виленскаго, Казанскаго, Кіевскаго, Московскаго, Одесскаго, Омскаго, Петербургскаго, Приамурскаго и Командиромъ отд. корпуса пограничной стражи. Выпуски съ 1 по 11, 16, 19—20 и 23 разошлись полностью. Остальные выпуски идутъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. 1913 годъ начинается 35-мъ выпускомъ. Условія подписки: подписная цѣна съ дост. и перес. во всѣ города имперіи на годъ (считая съ 1 января)—3 рубля. За границу 6 рублей. Перемѣна адреса 28 коп. (маркам). Пробный экземпляръ—80 коп. безъ пересылки; можно наложеннымъ платежомъ. Адресъ для подписки: г. Варшава, Штабъ военного округа. Редакция журнала: „Военное дѣло за границей“. Отвѣтственные редакторы-издатели: Генеральнаго штаба полковникъ Н. С. Батюшинъ, Генеральнаго штаба капитанъ В. В. Шевченко.

КАТАЛОГИ НА СТАРЫЯ И РѢДКІЯ КНИГИ

ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО

КНИЖНЫЙ
МАГАЗИНЪ

И. М. ФАДѢЕВЪ.

МОСКВА,
Никольск. д. 25.

Преодолѣніе страха смерти.

[151.6]

Вышла наконецъ въ русскомъ переводѣ книга *Метерлинка* о смерти *), уже знакомая, въ общихъ чертахъ, нашимъ читателямъ (№№ 7 и 20 „Бюл.“ за 1912/13 г.). Теперь „дадимъ слово“ самому автору ея. Если даже и не вполне, не въ цѣломъ оправдываетъ послѣдній философскій трудъ прославленнаго бельгійскаго писателя ожиданія, вызванныя толками и отзывами о новой книгѣ, то во всякомъ случаѣ найдутся въ ней отдѣльныя страницы и мысли, на которыхъ хочется сосредоточить вниманіе.

* * *

Для насъ—говоритъ Метерлинокъ—въ нашей жизни и во всей нашей Вселенной, есть только одно значительное событіе—это наша смерть. Она—тотъ пунктъ, гдѣ собирается и замыкаетъ противъ нашего счастья все то, что ускользаетъ отъ нашей бдительности. Чѣмъ больше мы стараемся удалить наши мысли отъ смерти, тѣмъ сильнѣе ихъ влечетъ къ ней. Чѣмъ больше мы ея боимся, тѣмъ она страшнѣе, ибо она пытается только нашимъ страхомъ.

„Не достойно христіанина (прибавимъ—человѣка), говорить гдѣ-то Боссюэ, великій поэтъ могилы, не достойно христіанина ополчаться противъ смерти только въ тотъ моментъ, когда она приходитъ взять его“. Было бы полезно, если бы всякій изъ насъ подготовлялъ мысль о ней при свѣтѣ своихъ лучшихъ дней и во всей силѣ своего разума и научился сохранять эту мысль. Онъ сказалъ бы смерти: „Я не знаю что ты, иначе я былъ бы твоимъ господиномъ, но въ тѣ дни, когда мои глаза видѣли яснѣе, чѣмъ сегодня, я узналъ, чѣмъ ты не можешь быть, и этого вполне достаточно для того, чтобы ты не стала моимъ господиномъ“. Такимъ образомъ, онъ запечатлѣлъ бы

въ своей памяти испытанный образъ, надъ которымъ не одержалъ бы верха послѣдній страхъ и на которомъ успокоились бы его взоры, осязаемые призраками.

„Rompra mortis magis terret quam mors ipsa“ („Церемонія смерти страшнѣе самой смерти“),—сказалъ Бэконъ. Научимся же видѣть ее такой, какою она есть въ себѣ, т.-е. освобожденной отъ ужасовъ матеріи и воображенія. Изгонимъ прежде всего все то, что ей предшествуетъ и что не принадлежитъ ей. Мы обвиняемъ ее въ мукахъ послѣдней болѣзни, и это несправедливо. Болѣзни не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что ихъ заканчиваетъ. Онѣ принадлежатъ жизни, а вовсе не смерти. Мы легко забываемъ самую жестокія страданія, возвращающія намъ здоровье, и первое солнце выздоровленія стираетъ самыя невыносимыя воспоминаванія, вынесенныя изъ комнаты тоски и испытаній. Но пускай придетъ смерть, и мы тотчасъ же упреекаемъ ее во всемъ злѣ, совершенномъ до нея. Мы упреекаемъ ее въ каждой пролитой слезѣ, въ каждомъ крикѣ скорби и боли. Она выноситъ на себѣ всю тяжесть ошибокъ природы или невѣжества науки, бесполезно продлившей страданія, за которыя мы прикидываемъ смерть,—и все только потому, что она положила имъ конецъ.

...По мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ наука, удлиняется агонія, являющаяся наиболѣе страшнымъ моментомъ,—по крайней мѣрѣ, для присутствующихъ при ней; ибо часто чувствительность „преслѣдуемаго смертью“, по выраженію Боссюэ, уже слишкомъ притуплена и воспринимаетъ только отдаленные отголоски страданій, которыя онъ съ виду переноситъ. Всѣ врачи считаютъ своимъ первымъ долгомъ продлить какъ можно больше жестокія конвульсіи агоніи. Кто изъ насъ, стоя у изголовья умирающаго, двадцать разъ не испытывалъ желанія броситься къ ногамъ врачей и просить о пощадѣ, но никогда не осмѣливался сдѣлать это? Они полны такой увѣренности, и долгъ, которому они подчиняются, оставляетъ такъ мало мѣста для сомнѣній, что жалость и здра-

*) Морисъ Метерлинокъ. Смерть. СПб. 1914. Цѣна 1 р. 25 к.

вый смысл, ослѣпленные слезами, подавляютъ свое возмущеніе и отступаютъ передъ закономъ, который всѣ признають и почитаютъ, какъ наивысшій законъ человѣческой совѣсти.

Когда-нибудь этотъ предразсудокъ покажется намъ варварскимъ. Его корни гнѣздятся въ неосознанномъ страхѣ, который оставили въ сердцахъ людей религіи, давно умершія въ ихъ сознаниі. Вотъ почему врачи поступаютъ такъ, какъ если бы были убѣждены, что нѣтъ ни одной мыслимой муки, которая не была бы предпочтительнѣе той, что ждетъ насъ въ неизвѣстномъ. Они кажутся убѣжденными, что каждая минута, отвоеванная цѣной самыхъ невыносимыхъ страданій, вырвана у несравненно болѣе страшныхъ страданій, ожидающихъ человѣка въ таинственномъ потустороннемъ мірѣ. И, чтобы избѣгнуть мнимаго страданія, они избираютъ единственное дѣйствительное. Кроме того, если они задерживаютъ конецъ страданія, который,—какъ сказалъ мудрый Сенека,—является лучшимъ, что есть въ страданіи, они уступаютъ общему заблужденію, съ каждымъ днемъ суживающему кругъ, въ которомъ оно замкнуто; выходятъ такъ, что продленіе агоніи увеличиваетъ страхъ смерти, а страхъ смерти требуетъ продленія агоніи.

...Страшенъ не приходъ смерти, а уходъ жизни. Мы должны дѣйствовать не на смерть, а на жизнь. Не смерть нападаетъ на жизнь, а жизнь дерзко противится смерти. Страданія сбѣгаются со всѣхъ сторонъ при ея приближеніи, но не по ея зову, и хотя они собираются вокругъ нея, они не пришли съ ней.

Обвиняете ли вы сонъ въ угнетающей васъ усталости, если вы не поддаетесь ему? Вся эта борьба, ожиданіе, альтернативы, трагическія проклятія,—все это находится на томъ склонѣ, за который мы еще цѣпляемся, а не на другомъ.

...Точно такъ же, какъ мы приписываемъ смерти всѣ страданія, которыя предшествуютъ, мы присоединяемъ къ внушаемому ею страху все, что слѣдуетъ за ней, совершая, такимъ образомъ, одинаковую несправедливость при ея приходѣ и уходѣ. Она ли вырываетъ наши могилы и приказываетъ намъ сохранять тамъ то, что должно исчезнуть? Если мы не можемъ подуматъ безъ ужаса о томъ, во что тамъ превращается любимое нами существо, то развѣ смерть его туда положила или мы? Неужели только потому, что она уноситъ невѣдомо куда наше сознание, мы станемъ упрекать ее въ томъ, что сами дѣлаемъ съ останками, которые она намъ отдаетъ? Она спускается къ намъ, чтобы переимѣнить жизнь или измѣнить ея форму; такъ будемъ же судить ее только за то,

что она дѣлаетъ, а не за то, что мы дѣлаемъ сами до ея прихода и послѣ ея ухода. Она уже далеко, когда начинается страшная работа, которую мы стараемся продлить, какъ можно дольше, въ убѣжденіи, что, молъ, эта наша единственная гарантія отъ забвенія. Я отлично знаю, что съ другой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія не человѣческой, эта работа весьма невиннаго характера; знаю также, что съ высшей точки зрѣнія разлагающаяся плоть противна не больше, чѣмъ увядающій цвѣтокъ или разрушающійся камень. Но она поражаетъ наши чувства, дѣйствуетъ на нашу память, угнетаетъ нашу бодрость; а между тѣмъ было бы такъ легко избѣгнуть этого нездороваго испытанія. Очищенное огнемъ, воспоминаніе живетъ въ лазури, какъ прекрасная идея, и смерть является только рожденіемъ безсмертія въ колыбели, сотканной изъ пламени. Это было отлично понято самыми мудрыми и самыми счастливыми народами прошлаго. Все происходящее въ нашихъ могилахъ отравляетъ наши мысли и тѣло. Въ воображеніи людей образъ смерти прежде всего находится въ зависимости отъ усыпальницы; и похоронные обряды управляютъ не только участію уходящихъ, но и счастьемъ остающихся, ибо въ глубинѣ жизни они водружаютъ великій образъ, на которомъ отдыхаютъ или отчаяваются ихъ взоры.

...Такимъ образомъ, остается только одинъ ужасъ, внушаемый смертью, ужасъ неизвѣстности, въ которую она насъ низвергаетъ.

* * *

Мы передъ пропастью. Въ ней нѣтъ всѣхъ тѣхъ грезъ, которыми населили ее наши отцы. Они думали, что знаютъ, что тамъ находится, мы же знаемъ только, чего тамъ нѣтъ, и отъ этого познанія пропасть расширилась. Въ ожиданіи того момента, когда научно обоснованная достовѣрность разсвѣтъ мракъ, окутывающій ее,—ибо человѣкъ всегда въ правѣ надѣяться постигнуть то, чего онъ еще не постигъ,—единственный вопросъ, который насъ интересуетъ, это узнать, страшно или нѣтъ то неизвѣстное, куда мы идемъ. Этотъ вопросъ интересуетъ насъ потому, что онъ находится въ томъ небольшомъ кругѣ, который среди непрогляднаго мрака начерталъ нашъ современный умъ.

Внѣ религіи мыслимы только четыре рѣшенія: полное небытіе, потустороннее существованіе съ нашимъ нынѣшнимъ сознаниемъ, потустороннее существованіе безъ всякаго сознанія, наконецъ, потустороннее существованіе въ міровомъ сознаніи, либо съ сознаниемъ иного рода, чѣмъ то, которое у насъ есть въ этомъ мірѣ.

Полное небытіе невозможно. Мы плѣнники безвыходной безконечности, гдѣ ничто не погибаетъ, гдѣ все разсѣивается, но гдѣ ничто не пропадаетъ. Ни какое-либо тѣло, ни мысль не могутъ упасть внѣ Вселенной, внѣ времени и пространства. Ни одинъ атомъ нашей плоти, ни одна вибрація нашихъ нервовъ не могли бы очутиться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы ихъ больше не было, ибо такого мѣста нѣтъ. Свѣтъ звѣзды, погасшей миліоны лѣтъ тому назадъ, блуждаетъ еще въ эфирѣ, гдѣ, быть можетъ, наши глаза уловятъ его сегодня вечеромъ въ его нескончаемомъ бѣгѣ. Точно такъ же происходитъ со всѣмъ, что мы видимъ и чего не видимъ. Для того, чтобы возможно было уничтожить вещь, т.-е. низринуть ее въ небытіе, необходимо было бы, чтобы небытіе могло существовать; если же оно существуетъ въ какой бы то ни было формѣ, оно уже перестаетъ быть небытіемъ.

...Во всякомъ случаѣ,—и это самое главное для насъ,—если бы небытіе даже было возможнымъ, оно не можетъ страшить насъ, такъ какъ оно—ничто.

Обратимся теперь къ вопросу о потустороннемъ существованіи съ сохраненіемъ нашего сознанія.

Изъ чего, собственно, составляется это чувство „я“, дѣлающее каждого изъ насъ центромъ Вселенной,—единственнымъ важнымъ пунктомъ въ пространствѣ и времени? Образовалось ли оно изъ ощущеній нашего тѣла или изъ мыслей, независимыхъ отъ него? Сознаетъ ли себя наше тѣло безъ нашей мысли и, съ другой стороны, что случилось бы съ нашей мыслью безъ тѣла? Мы знаемъ тѣла безъ мыслей, но не знаемъ мысли безъ тѣла. Почти навѣрно можете сказать, что умъ, не имѣющій никакого чувства и никакихъ органовъ для его созданія и питанія, существуетъ, но нѣтъ возможности вообразить себѣ, чтобы въ такомъ состояніи могъ существовать нашъ умъ, оставаясь подобнымъ тому, который извлекаетъ свое живое начало изъ нашей чувствительности.

Это „я“, какимъ мы его постигаемъ, когда мыслимъ о послѣдствіяхъ его разрушенія, не есть, значитъ, ни нашъ духъ, ни наше тѣло, ибо мы признаемъ, что оба они являются какъ бы волнами, которыя текутъ и непрерывно возобновляются. Является ли оно незыблемой точкой, которая не можетъ быть ни формой, ни вѣчно видоизмѣняющейся субстанціей, ни жизнью,—причиной и слѣдствіемъ формы и субстанціи? Дѣйствительно, мы не можемъ уловить его или опредѣлить,—сказать, гдѣ оно. Когда мы хотимъ подняться до его источника, мы находимъ только рядъ воспоминаній, рядъ

спутанныхъ и непостоянныхъ идей, связанныхъ съ инстинктомъ жизни; предъ нами рядъ привычекъ нашей чувствительности и сознательныхъ или безсознательныхъ реакцій на окружающія явленія. Въ итогѣ, наиболѣе устойчивой точкой этой туманности является наша память, которая, съ другой стороны, кажется внѣшней, второстепенной способностью, и во всякомъ случаѣ, одной изъ наиболѣе хрупкихъ, исчезающихъ быстрѣе всѣхъ при малѣйшемъ нарушеніи нашего здоровья. „Именно то,—какъ справедливо сказалъ англійскій поэтъ,—что громко требуетъ безсмертія, погибнетъ во мнѣ“.

Но все равно; это „я“, столь недостоверное, столь неуловимое, столь призрачное и непрочное, является до такой степени центромъ нашего существа, такъ исключительно насъ интересуетъ, что все реальное стирается предъ этимъ фантомомъ. Намъ безразлично, познаетъ ли въ вѣчности наше тѣло, или его субстанція, всѣ радости, подвергнется ли оно самымъ прекраснымъ превращеніямъ, превратится ли оно въ цвѣтокъ, въ ароматъ, въ красоту, въ свѣтъ, въ эфиръ, звѣзду,—и нѣтъ сомнѣнія, что это такъ и будетъ и что не на кладбищахъ, а въ пространствѣ, въ свѣтѣ и жизни мы должны искать своихъ умершихъ; намъ такъ же безразлично, разовьется ли нашъ умъ до такой высоты, чтобы причаститься къ существованію міровъ, къ его постиженію и къ господству надъ нимъ. Мы убѣждены, что все это насъ нисколько не тронетъ, не доставитъ намъ никакого удовольствія, не дойдетъ до насъ, если эта память о нѣсколькихъ почти всегда незначительныхъ фактахъ не будетъ съ нами и не будетъ свидѣтелемъ невообразимаго счастья. Для меня безразлично,—говорить себѣ это ограниченное и упорное въ своей тупости „я“,—будутъ ли высшія, наиболѣе свободныя наиболѣе прекрасныя части моего духа вѣчно живы и будутъ ли они ярко пылать въ высшихъ радостяхъ; онѣ больше не мои,—я ихъ больше не знаю. Смерть перерѣзала сѣтъ нервовъ или воспоминаній, которыя связывали эти части съ какимъ-то невѣдомымъ центромъ, гдѣ находится все мое „я“. Участь этихъ частей, отдѣленныхъ такимъ образомъ отъ меня и витающихъ въ пространствѣ и времени, такъ же чужда мнѣ, какъ участь отдаленнѣйшихъ звѣздъ. Все, что произойдетъ, существуетъ для меня только при условіи, если я смогу связать это съ тѣмъ таинственнымъ существомъ, которое находится неизвѣстно гдѣ—вѣтрище нигдѣ—и которое я ношу, какъ зеркало, въ этомъ мірѣ, явленія котораго реальны лишь поскольку, поскольку они отражаются въ этомъ зеркалѣ.

Такимъ образомъ, наша жажда безсмертія разрушается, формулируясь, такъ какъ весь интересъ нашего потусторонняго существованія мы строимъ на одной изъ второстепенныхъ и наиболѣе призрачныхъ частей всей нашей жизни. Намъ кажется, что если наше существованіе не продолжается вмѣстѣ съ большинствомъ нашихъ убожествъ, недостатковъ и мелочей, которые его характеризуютъ, то ничто не отличить его отъ жизни другихъ существъ; намъ кажется, что оно станетъ безвѣстной, безсознательной каплей въ океанѣ невѣдомаго и что съ этого момента все, что произойдетъ, насъ больше не касается.

Какое же безсмертіе можно обѣщать людямъ, которые почти по необходимости представляютъ его себѣ такимъ? Что дѣлать?—говоритъ намъ ребяческій, но глубокий инстинктъ. Всякое безсмертіе, которое не влачитъ черезъ всю вѣчность, подобно каторжнику, влачащему свои цѣпи, это странное сознаніе, образовавшееся за нѣсколько лѣтъ движенія, всякое безсмертіе, не несущее на себѣ этой несмываемой печати нашей самоличности, представляется намъ такимъ, какъ если бы его вовсе не было...

Вотъ центръ загадки. Развѣ требовать, чтобы это маленькое сознаніе, это чувство спеціальнаго, почти дѣтскаго и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно ограниченаго „я“, эта слабость нашего земнаго ума, сопровождала насъ въ безконечности временъ и дала намъ возможность постичь эту безконечность и наслаждаться ею,—развѣ требовать этого не значитъ—желать постигнуть какой-нибудь предметъ съ помощью органа, который не предназначенъ для подобнаго постиженія? Не значитъ ли это требовать, чтобы наша рука видѣла свѣтъ или чтобы нашъ глазъ чувствовалъ запахъ? Съ другой стороны, не значитъ ли это поступать подобно больному, который чтобы найти себя и убѣдиться, что онъ—дѣйствительно онъ, а не кто-либо другой, счелъ необходимымъ продолжать свою болѣзнь въ здоровомъ состояніи до безконечныхъ временъ.

...Повидимому, потустороннее существованіе, съ сохраненіемъ нашего внѣшняго сознанія, почти столь же невозможно и непостижимо, какъ полное небытіе *). Но если бы даже оно

*) Въ этой мысли авторъ утверждаетъ еще болѣе, ознакомившись близко съ ученіемъ теософовъ о перевоплощеніи душъ и съ результатами спиритическихъ опытовъ общенія съ мертвыми. Метерлинкъ доказываетъ, что источникъ получаемыхъ спиритами, даже нео-спиритами (англо-американское „Общество психическихъ изысканій“) откровеній надо искать не въ загробной жизни „духовъ“, а въ области подсознательной жизни живыхъ людей, такъ или иначе причастныхъ къ опытамъ.

было пріемлемо, оно нисколько не страшно. Несомнѣнно, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ тѣла исчезнуть также всѣ физическія страданія, ибо нельзя вообразить себѣ духа, страдающаго въ тѣлѣ, котораго у него больше нѣтъ. Вмѣстѣ съ физическими страданіями, уйдетъ и все то, что мы называемъ духовными и нравственными страданіями, ибо всѣ они, если разсмотрѣть ихъ поближе, зарождаются изъ привычекъ и привязанностей нашихъ чувствъ. Нашъ духъ испытываетъ отголосокъ страданій нашего тѣла или тѣлъ, окружающихъ его. Въ себѣ же и черезъ себя онъ страдать не можетъ. Неизвѣданныя ощущенія, разбитая любовь, разочарованіе, безпомощность, безсиліе, отчаяніе, измѣна, личное униженіе, скорбь по утраченному любимому существамъ,—все это пріобрѣтаетъ способность угнетать нашъ духъ, только проходя черезъ тѣло, которое онъ оживляетъ. Освобожденный отъ своей оболочки, духъ можетъ скорбѣть только объ этой оболочкѣ. Возможно также, что онъ еще печалится о тѣхъ, кого покинулъ на землѣ. Но на взглядъ того, кто не считаетъ больше дней, земныя страданія будутъ казаться столь краткими, что онъ не уловитъ даже ихъ длительности; и кромѣ того, зная ихъ смыслъ и цѣль, къ которой они ведутъ, онъ не сочтетъ ихъ тягостными и суровыми.

Духъ нечувствителенъ ко всему, что не есть счастье. Онъ созданъ только для безконечной радости познаванія и постиженія. Онъ можетъ скорбѣть, только замѣчая свои предѣлы; но для духа, не связаннаго болѣе ни пространствомъ, ни временемъ, замѣтить предѣлы—значитъ уже перешагнуть черезъ нихъ.

*
* *

...Такимъ образомъ, мы неизбежно наталкиваемся на гипотезы мірового сознанія или видоизмѣненнаго сознанія, либо на гипотезу потусторонняго существованія безъ сохраненія сознанія.

...Сразу наиболѣе вѣроятнымъ кажется послѣднее. Съ точки зрѣнія страданій или благовѣстій, ожидающихъ насъ по ту сторону гроба, потустороннее существованіе безъ сознанія равносильно небытію. Такимъ образомъ, людямъ, предпочитающимъ наиболѣе легкое рѣшеніе и наиболѣе сообразное съ современнымъ состояніемъ человѣческой мысли, проще всего ограничить этимъ свои тревоги. Имъ нечего бояться, ибо всякій страхъ, будучи рассмотрѣнъ поближе, расцвѣтилъ бы надеждой. Тѣло растворяется и болѣе страдать не можетъ; мысль, отдѣленная отъ источника радости и страданій, гаснеть, разсѣивается и теряется въ без-

граничномъ мракѣ; и начинается великій покой, безконечный сонъ безъ пробужденія и безъ видѣній, сонъ, котораго мы такъ часто жаждемъ.

Но это есть рѣшеніе, только убаюкивающее лѣнь. Всѣ говорящіе о потустороннемъ существованіи безъ сохраненія сознанія, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ въ виду только свое нынѣшнее сознаніе, ибо человѣкъ не постигаетъ другого, а мы только что видѣли, что почти невозможно, чтобы такое сознаніе сохранилось въ безконечности.

Это, очевидно, такъ, если только они не хотятъ отрицать какое бы то ни было сознаніе, даже сознаніе Вселенной, въ которомъ утонетъ ихъ сознаніе. Но это значить слѣпо и съ плеча, однимъ взмахомъ шпаги въ темнотѣ, разрѣшить самый высокій и самый таинственный вопросъ, который когда-либо зарождался въ человѣческомъ мозгу.

...Потустороннее существованіе, абсолютно лишенное всякаго сознанія, было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы мы отрицали сознаніе Вселенной. Но разъ мы допускаемъ послѣднее въ какой бы то ни было формѣ, мы неизбежно должны быть къ нему причастны. И тогда вопросъ до какой-то степени сливается съ проблемой болѣе или менѣе видоизмѣненнаго сознанія. Пока на разрѣшеніе этой проблемы нѣтъ никакой надежды, но мы можемъ обследовать окружающій ее мракъ, не проглядывая котораго, быть можетъ, недавно сильно во всѣхъ точкахъ.

Здѣсь простирается открытый океанъ. Здѣсь начинается область удивительныхъ возможностей, единственная область, находящаяся на высотѣ человѣческой любознательности, единственная, соответствующая наивысшему желанію человѣка. Привыкнемъ разсматривать смерть, какъ форму жизни, которой мы еще не понимаемъ; приучимся смотрѣть на нее такъ же, какъ на рожденіе, и тогда радостное ожиданіе, пріивѣтствующее послѣднее, будетъ сопровождать нашу мысль, когда она склоняется надъ ступеньками могилы.

Представьте себѣ, что дитя, находясь во чревѣ матери, было бы одарено нѣкоторымъ сознаніемъ; что близнецы, напримѣръ, могли бы какимъ-нибудь невѣдомымъ образомъ обмѣниваться тамъ своими впечатлѣніями, тревогами и надеждами. Никогда не познавъ ничего, кромѣ теплой материнской стѣны, они не чувствовали бы себя тамъ ни несчастными, ни стѣсненными. Вѣроятно, у нихъ была бы только одна мысль, — какъ можно болѣе продлить эту беззаботную, изобильную жизнь и спокойный сонъ. Но если бы, подобно намъ, знаю-

щимъ, что намъ предстоитъ умереть, они знали, что имъ предстоитъ родиться, т.-е. вдругъ разстаться съ этимъ пріятнымъ мракомъ и навсегда покинуть это утѣшное, но мирное существованіе и быть низринутыми въ совершенно иной, незнакомый и непредвѣданный міръ, то какова была бы ихъ тревога и ужасъ! А между тѣмъ нѣтъ никакого основанія, чтобы наша тревога и нашъ ужасъ были болѣе основательны и менѣе смѣшны. Характеръ, духъ, настрѣнія, благосклонность или безразличіе невѣдомаго, которому мы подчинены, не измѣняются отъ нашего рожденія до смерти. Мы всегда остаемся въ той же безконечности, въ той же Вселенной. Вполнѣ разумно и законно убѣдиться, что могила не страшнѣе колыбели.

...Чтобы исчерпать весь этотъ вопросъ и обследовать мракъ, который мы считаемъ наиболѣе близкимъ къ истинѣ, и чтобы ничему не отдавать предпочтеніе, мы можемъ сказать желающимъ остаться навсегда самими собой, что достаточно было бы, чтобы ихъ пережила хоть какая-нибудь мелочь, принадлежащая имъ, чтобы они снова возродились въ безконечности, отъ которой ихъ больше не отдѣляетъ ихъ тѣло.

Если намъ представляется невозможнымъ, чтобы движеніе, вибрація или радіація оставались, либо исчезли, то почему жѣ возможно было бы исчезновеніе мыслей? Несомнѣнно, ихъ сохранится много, и онѣ будутъ достаточно могучи, чтобы зародить новое „я“, чтобы питаться и расти за счетъ всего, что они найдутъ въ новой безконечной средѣ, какъ прежнее „я“ на нашей землѣ питалось и росло за счетъ всего, что встрѣчало. Если мы сумѣли пріобрѣсти наше нынѣшнее сознаніе, то почему бы намъ было невозможно пріобрѣсти другое? Ибо это „я“, которое намъ такъ дорого и которымъ мы будто бы обладаемъ, не создано за одинъ день; въ часъ нашего рожденія оно не было такимъ, какое оно теперь. Въ его образованіе вошло значительно болѣе случайности, чѣмъ воли, и значительно болѣе чуждой намъ субстанціи, чѣмъ наша врожденная. Оно является только длиннымъ рядомъ пріобрѣтеній и превращеній, съ которыми мы начинаемъ считаться только съ момента пробужденія нашей памяти; его же ядро, природы котораго мы не знаемъ, быть можетъ, менѣе матеріально, чѣмъ мысль. Но если новая среда, въ которую мы вступаемъ, выходитъ изъ чрева матери, до такой степени преображаетъ насъ, что нѣтъ, такъ сказать, никакого отношенія между эмбриономъ, которымъ мы были, и человѣкомъ, которымъ мы стали, то развѣ нельзя предположить, что болѣе новая, бо-

тѣ невѣдомая, болѣе обширная и плодотворная среда, въ которую мы снова проникнемъ, уйдя изъ жизни, не преобразить насъ еще больше?

Въ томъ, что происходитъ съ нами здѣсь, мы можемъ видѣть какъ бы символъ, фигуру того, что ждетъ насъ тамъ; мы можемъ допустить, что наше духовное существо, освободившись отъ своей оболочки, постепенно развивается въ безконечности, если даже не сливается всецѣло съ ней,—выбираетъ тамъ свою субстанцію и, не будучи больше сдерживаемо пространствомъ и временемъ, безконечно растетъ. Весьма возможно, что наши высшія нынѣшнія желанія становятся закономъ нашего будущаго роста. Весьма возможно, что наши лучшія мысли встрѣчаютъ насъ на другомъ берегу и что качество нашего ума опредѣляетъ качество безконечности, кристаллизующейся вокругъ него.

...Гипотеза видоизмѣннаго сознанія не требуетъ утраты крохотнаго сознанія, пріобрѣтеннаго нашимъ тѣломъ, но она дѣлаетъ его ничтожнымъ, растворяетъ его въ безконечности. Разумѣется, подкрѣпить эту гипотезу достаточными доказательствами невозможно; но ее не такъ легко разрушить, какъ предыдущія. Если бы было позволено говорить о правдоподобности,—когда наша единственная правда заключается въ томъ, что мы не видимъ правды, можно было бы сказать, что эта гипотеза наиболее правдоподобна и широко раскрываетъ двери—для наиболее вѣроятныхъ, наиболее разнообразныхъ и обольстительныхъ грезъ...

Тѣмъ не менѣе, какъ только этотъ сонъ слишкомъ далеко заносится въ потустороннюю область, онъ натывается на странныя препятствія и ломаетъ себѣ крылья. Если мы допускаемъ, что наше „я“ не остается вѣчно такимъ, какимъ оно было въ моментъ смерти, мы не можемъ больше вообразить себѣ, что въ опредѣленный моментъ оно остановится, перестанетъ шириться, расти, достигнетъ своей полноты и совершенства и превратится въ незбылемую вещь, подвѣшенную въ вѣчности, въ нѣчто конечное, среди безконечнаго. Это была бы единственная и истинная смерть; и она была бы тѣмъ болѣе ужасна, что положила бы конецъ несравненной жизни и несравненному разуму, предъ которыми земная жизнь и разумъ казались бы каплей рядомъ съ океаномъ или песчинкой рядомъ съ цѣпью горъ.

Однимъ словомъ, либо мы полагаемъ, что наша эволюція когда-либо остановится, и тогда это былъ бы непонятный конецъ и непостижимая смерть; либо мы допускаемъ, что эта эволюція не будетъ имѣть конца, и тогда, бу-

дучи безконечной, она принимаетъ всѣ особенности безконечности и должна слиться съ ней. Впрочемъ, къ этому именно и приходитъ теософія, спиритизмъ и всѣ религіи, по которымъ человекъ въ высшемъ блаженствѣ поглощается божествомъ. И это, опять-таки, непонятный конецъ, но, по крайней мѣрѣ, это жизнь. Сдѣлавъ все въ предѣлахъ возможнаго, чтобы постигнуть одну или другую загадку, намъ безразлично, на какой изъ нихъ остановить свой выборъ, такъ какъ обѣ онѣ одинаковы непонятны; изберемъ же предпочтительно наиболее обширную и, слѣдовательно, наиболее правдоподобную, которая заключаетъ въ себѣ всѣ остальные и послѣ которой больше ничего не остается.

...Расширя тайну Вселенной, мы расширяемъ пространство, въ которомъ вращается наша мысль. Она представляется намъ такой, какой мы сами создали ее въ своемъ воображеніи, такъ пусть же это представленіе ширится до отдаленнѣйшихъ горизонтовъ нашего постиженія! Разумѣется, тайны мы никогда не разгадаемъ, но у насъ несравненно больше шансовъ приблизиться къ ней, если мы повернемся къ ней лицомъ и будемъ идти туда, куда она насъ влечетъ, чѣмъ, если мы повернемся къ ней спиной и ставемъ отступать туда, гдѣ ея навѣрно нѣтъ. Уменьшая размахъ нашей мысли, мы не уменьшимъ разстоянія, отдѣляющаго насъ отъ послѣднихъ истинъ; только какъ можно больше усиливая этотъ размахъ, мы можемъ быть увѣрены, что меньше ошибемся. И чѣмъ выше становится наша идея о безконечности, тѣмъ больше проясняется и очищается духовная атмосфера, въ которой мы живемъ, тѣмъ шире и глубже становится горизонтъ, къ которому устремляются наши мысли и чувства, питающіяся этимъ оживляющимъ ихъ горизонтомъ. Спенсеръ сказалъ: „Постоянное созданіе идей, требующихъ высшаго напряженія нашихъ способностей, и постоянное признаніе, что эти идеи должны быть отброшены, какъ пустая измышленія,—показываетъ намъ лучше какаго бы то ни было другого способа величіе того, что мы безуспѣшно пытаемся охватить. Вѣчно стремясь познать и вѣчно отступая назадъ съ все болѣе и болѣе глубокимъ убѣжденіемъ невозможности познанія, мы поддерживаемъ живымъ наше сознаніе, что наша высшая мудрость и нашъ высшій долгъ заключается въ томъ, что мы должны смотрѣть, какъ на непознаваемое, на все, чѣмъ существуетъ каждая вещь“.

...Не будемъ надѣяться, что кто-нибудь на землѣ произнесетъ слово, которое положить конецъ нашей неуверенности. Напротивъ, весьма

вѣроятно, что никто ни въ этомъ мірѣ, ни, быть можетъ, въ другомъ, не откроетъ великой тайны Вселенной. И если подумать, то очень хорошо, что это такъ. Мы не только должны покориться необходимости жить въ непостижимомъ, но радоваться, что не можемъ выйти изъ него. Если бы не было больше неразрѣшимыхъ вопросовъ и неразгаданныхъ тайнъ, безконечность не была бы безконечностью; и тогда пришлось бы навсегда проклясть судьбу, которая пустила насъ во Вселенную, доступную нашему разуму. Все существующее стало бы только тюрьмой безъ выхода, неисправимой ошибкой. Невѣдомое и непознаваемое были и, вѣроятно, всегда будутъ необходимы для нашего счастья. Во всякомъ случаѣ, я не пожелалъ бы даже своему злѣйшему врагу, будь его мысль въ тысячу разъ выше и въ тысячу разъ могучѣе моей, чтобы онъ былъ навѣки осужденъ жить въ мірѣ, основную тайну котораго онъ постигъ и въ которомъ онъ начинаетъ что-либо понимать.

Провозвѣстіе Рамакришны.

[294.1:92(Р)]

Въ прошломъ столѣтіи въ Индіи жилъ и проповѣдывалъ замѣчательный святой и мудрецъ Шри Рамакришна Парамагамза. Профессоръ *Максъ Мюллеръ* въ своей книгѣ: „*Шри Рамакришна*“ (книгоизд. „Зеленая Палочка“) даетъ его біографію, а въ недавно вышедшей книгѣ его ученика *Махазайи* „*Провозвѣстіе Рамакришны*“ (книгоизд. „Новый Человѣкъ“) мы находимъ поученія этого замѣчательнаго человѣка, записанныя непосредственно изъ его устъ.

Происходя изъ очень бѣдной браминской семьи, Рамакришна съ дѣтства съ увлеченіемъ изучалъ религіозныя и философскія системы и поражалъ окружающихъ своимъ развитіемъ. Къ годамъ юности его влеченіе къ религіознымъ истинамъ стало выливаться въ формѣ безконечныхъ моленій богинѣ Кали, которую онъ страшно просилъ посѣтить его и наградить своей любовью и мудростью. Проводя цѣлыя дни въ храмѣ въ молитвѣ и аскетическихъ упражненіяхъ, онъ сталъ по временамъ впадать въ состоянія экстаза, послѣ которыхъ восторженный и исполненный божественной любви горячо проповѣдывалъ окружающимъ. Одни считали его за святого, другіе за безумца, но слава его все росла и доставляла ему все новыя толпы учениковъ и послѣдователей. Ведя аскетическую жизнь, не зная женщинъ, то впадая въ экстатическое состояніе на цѣ-

лые часы, то поучая окружающихъ, Рамакришна всю жизнь бродилъ по Индіи, сопровождаемый толпой почитателей. Въ 1885 году онъ умеръ, достигнувъ апогея своей славы.

Чтобы понять обаяніе Рамакришны, нужно вспомнить, что Индія въ цѣломъ, отъ нижнихъ слоевъ населенія до махараджей и браминовъ высшей касты, живо интересуется религіозными вопросами, живетъ ими, не забываетъ ихъ даже въ потокѣ повседневной трудовой жизни, что философско-религіозная мысль бьетъ ключомъ въ этой загадочной странѣ, несмотря на политическій гнетъ ея владыкъ, что тамъ кажется въ воздухѣ носятся возвышенныя идеи о Богѣ, мірѣ и назначеніи человѣка, до того онѣ присущи всѣмъ. Вотъ въ такой-то напряженной атмосферѣ и училъ пламенный Рамакришна. Не будучи оригинальнымъ, излагая философію Веданты, одну изъ великихъ философскихъ системъ Индіи, онъ замѣчательнѣе тѣмъ, что сдѣлалъ ее болѣе доступной для всеобщаго пониманія, болѣе популярной и старался проводить въ жизнь ея возвышенныя принципы.

„Философія Веданты учитъ, что, существуетъ и можетъ существовать только одна реальность, назовемъ ли мы ее Богомъ, Безконечностью, или Абсолютнымъ, Непознаваемымъ, или Брамой, а изъ этого, по самымъ строгимъ правиламъ логики, слѣдуетъ, что, если что-нибудь есть или кажется, что есть, то это можетъ быть только этимъ единымъ абсолютнымъ, хотя и ложно воспринимаемымъ благодаря, какъ говоритъ эта школа, авидіа или Невѣднію. Душа человѣческая, какъ и все другое, есть и можетъ быть только Брамой или абсолютнымъ, хотя на нѣкоторое время и ложно понимается благодаря тому же невѣднію. Желаніе каждой отдѣльной души не въ томъ, какъ это обыкновенно говорятъ, чтобы приблизиться или слиться съ Брамой, но въ томъ, чтобы стать тѣмъ, чѣмъ она всегда была, вспомнить свое прошлое бытіе, признать вѣчной основой каждой индивидуальной души всенаполняющаго и вѣчнаго Браму.

...Если спросить ведантистовъ, что же есть реальнаго въ вещахъ и въ каждой индивидуальной душѣ, они отвѣтятъ вамъ, что это—Брама, Единый безъ втораго, Единый, кромѣ котораго нѣтъ ничего...

Люди говорятъ, что міръ это вотъ то-то и то-то, а сами они вотъ то-то и то-то. Они думаютъ, что человѣкъ—это я, заключенное въ тѣлѣ, видящее и слышащее, понимающее, разсуждающее и дѣйствующее, въ то время какъ для строгаго ведантиста истинное я лежитъ глубоко подъ его его, то-есть, его вре-

меннымъ я, которое все цѣликомъ принадлежить міру иллюзій.

...Какъ бы ни казался намъ страннымъ этотъ монизмъ тѣмъ не менѣе столь распространенная идея, что Богъ создалъ міръ изъ ничего, строго говоря, не можетъ выражать ничего иного, какъ то, что Богъ изъ своей собственной энергіи взялъ и матеріалъ, и первопричину міра.

...Все, что существовало потенциально или въ тонкой невидимой формѣ въ одномъ Брамѣ, будучи еще въ своемъ неразвитомъ состояніи, становится видимымъ, матеріальнымъ, объективнымъ и индивидуальнымъ въ этомъ феноменальномъ мірѣ. Могутъ ли желать наши эволюціонисты лучшаго предка себѣ?

...Въ Упанишадахъ мы читаемъ: „воистину вселенная это Брама“. Ее надо бы почитать, какъ начало, бытіе и конецъ всего. Матерія ея это мысль, жизнь есть ея тѣло, свѣтъ—форма. Воля ея есть истина, ея „я“—безконечный эфиръ. Она дѣлаетъ все, она желаетъ всего, она пахнетъ всѣмъ, она имѣетъ вкусъ всего, обнимая вселенную, молчаливую, равнодушную. Таково я въ самой глубинѣ сердца, меньшее, чѣмъ зерно горьчичное. Таково я, большее, чѣмъ вся земля, все небо, чѣмъ всѣ міры. Все творящее, всехотящее, всепахнущее, всеобнимающее, молчаливое, равнодушное, таково я въ самой глубинѣ сердца,—это Брама, этимъ стану я, когда уйду отсюда...

Одна оболочка за другой снимаются, пока не остается чистое Я. Сперва снимается тѣло изъ мяса и крови, затѣмъ жизненное дыханіе, затѣмъ манасъ и съ нимъ мысль, до тѣхъ поръ пока не остается только Я, полное блаженства. Это и есть то Я, которое даетъ блаженство, миръ и покой въ невидимомъ, въ нематеріальномъ, невыразимомъ, неизмѣримомъ...

Всякое слово, которое можно придумать для выраженія невыразимаго, приписывается въ Упанишадахъ Брамѣ. Брама ни коротокъ, ни длиненъ, ни тонокъ, ни грубъ; онъ не имѣетъ частей, не знаетъ дѣятельности, онъ тихъ, безпороченъ, не знаетъ лукавства, онъ никогда не рожденъ и никогда не старѣетъ, не увядаетъ, не умираетъ, ничего не боится“.

Объ отношеніи души человѣческой къ міровой душѣ эта система говоритъ строго и ясно: „ты есть то“, т.е. субстанція Бога и человѣка одна и та же, познавая самого себя въ своей истинной сущности, человѣкъ познаетъ единственнаго вѣчнаго Брамъ. Для прозрѣвшаго истину весь вѣдѣнный міръ съ его безконечнымъ разнообразіемъ формъ есть иллюзія, отъ которой слѣдуетъ избавиться.

Эта возвышенная философія развивалась въ Индіи въ теченіе вѣковъ, ея жила Индія, продолжаетъ жить и до сихъ поръ. Ниже мы приводимъ къ ней иллюстраціи изъ Рамакришны, который не оставилъ цѣльной, законченной системы, а излагалъ свои мысли въ видѣ притчъ и изреченій по тому или другому поводу.

* * *

Каково отношеніе души міровой (Бога) къ душѣ человѣческой? Если черезъ воду переброшена доска, то вода кажется раздѣленной на двѣ части,—такъ же и недѣлимое кажется раздѣленнымъ надвое временными условіями Майи. На самомъ же дѣлѣ существуетъ только одно.

—

Магнитная скала, скрытая подъ водой, когда надъ ней проходитъ корабль, вытягиваетъ изъ его корпуса всѣ желѣзные гвозди, отчего доски, которыми онъ обитъ, раздвигаются и пароходъ идетъ ко дну. Точно такъ же человѣческая душа притягивается магнетизмомъ Мірового Сознанія: въ одно мгновеніе оно разрушаетъ ея личность и себялюбіе и погружаетъ ее въ океанъ безконечной божественной любви.

—

Познай самого себя и тогда ты познаешь и то, что не ты, и Бога. Что есть мое я? Рука ли вотъ эта, нога, мясо, кровь, мускулы? Подумай поглубже, и ты увидишь, что нѣтъ такой вещи, какъ я. Какъ очищая луковицу постепенно, слой за слоемъ, такъ и анализируя свое я, ты увидишь, что нѣтъ никакого реальнаго я въ тебѣ. Конечнымъ результатомъ твоего изслѣдованія будетъ Богъ. Когда эгоизмъ отпадаетъ, проявляется Божество.

—

Разъ въ лѣсу паслось стадо овецъ. Въ этотъ моментъ близости тигрица родила дѣтеныша и умерла на мѣстѣ. Овцы нашли тигренка и стали воспитывать его со своими агнятами. Онѣ сами ѣли траву, и тигренокъ научился слѣдовать ихъ примѣру. Онѣ блеяли, и тигренокъ научился блеять. Такимъ образомъ, тигренокъ выросъ и сталъ по вѣдѣнности тигромъ, но по своему поведенію онъ былъ овцой. Однажды къ стаду подошелъ другой тигръ и съ удивленіемъ увидѣлъ тигра, пасшагося среди овецъ. Онъ подошелъ ближе, и тогда тигръ началъ блеять вмѣстѣ съ овцами. Тогда настоящій тигръ оттащилъ молодого тиг-

ра въ сторону къ берегу озера и сказалъ ему: „Смотри въ воду. Сравни твой обликъ съ моимъ. Развѣ есть какая-нибудь разница, и развѣ ты похожъ на овцу? Ты тигръ, такой же, какъ и я, и трава совсѣмъ не твоя пища. Твоя пища—мясо животныхъ“. Но молодой тигръ, привыкшій ѣсть траву, не вѣрилъ этому. Только черезъ долгое время старому тигру удалось убѣдить его, что они принадлежатъ къ одному роду. Онъ далъ молодому тигру кусокъ мяса, но тотъ не хотѣлъ трогать его и началъ блеять и искать травы. Наконецъ, старый тигръ убѣдилъ его ѣсть мясо. Молодому тигру понравился вкусъ крови; онъ пересталъ ѣсть траву и блеять и почувствовалъ, что онъ не овца, а тигръ.

Человѣческая душа—это дитя Бога, но она не знаетъ этого и поэтому живетъ, какъ будто бы она была смертной (т.-е. какъ овца по сравненію съ тигромъ); но когда человѣкъ почувствуетъ свою истинную природу, онъ станетъ свободнымъ отъ всякаго страха, достигнетъ совершенства и будетъ тогда способенъ отличать реальное отъ нереальнаго и чувствовать, что Богъ есть истина и что міръ нереаленъ.

Чувство „Я“ въ насъ есть величайшее препятствіе на пути къ видѣнію Бога. Въ этомъ заключается вся истина. Когда „Я“ мертво, всѣ затрудненія прекращаются. Если по милости Бога человѣкъ ощутитъ, что не онъ является дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ событіяхъ его жизни, то въ тотъ же моментъ человѣкъ освобождается отъ рабства на всю свою послѣдующую жизнь. Это чувство „Я“ похоже на густое облако. Маленькое облако можетъ скрыть сіяющее солнце. Такъ и это облако „Я“ скрываетъ славу Вѣчнаго Солнца.

...Гангъ знанія, текущій въ душѣ мудраго человѣка, несетъ свои воды только въ одномъ направленіи. Для него вся вселенная есть сонъ. Онъ всегда живетъ въ своемъ собственномъ истинномъ „Я“. Но Гангъ любви въ сердцѣ религіознаго человѣка течетъ не въ одномъ направленіи. Онъ имѣетъ свои собственные приливы и отливы. Человѣкъ смѣется, плачетъ, тапцуетъ и поетъ. Онъ хочетъ наслаждаться своимъ Возлюбленнымъ, погрузиться въ Него, и онъ плаваетъ въ Немъ, ныряетъ, поднимается, какъ кусокъ льда, плавающій въ водѣ.

Кукла, сдѣланная изъ соли, пошла разъ къ океану, чтобы измѣрить его глубину. Она имѣла желаніе разсказать другимъ, какъ глубоко

океанъ. Но, увы, ей не удалось исполнить своего желанія. Какъ только она опустилась въ океанъ, она сразу начала таять и оч-нь скоро вся растворилась въ океанѣ, стала съ нимъ однимъ. Кто же могъ принести другимъ курамъ свѣдѣнія о глубинѣ океанъ? Положеніе индивидуальнаго „Я“, когда оно входитъ въ Безконечный Океанъ Абсолютнаго, подобно этому.

Богъ подобенъ морю безсмертія. Развѣ вы не согласились бы погрузиться въ это море безсмертія? Представьте себѣ, что вы видите сосудъ, наполненный сладкою жидкостью, и что вы сами муха, которая хочетъ сладкаго. Гдѣ вы сядете и откуда вы будете пить? Ученикъ сказалъ ему. „Конечно, съ края. Если я пойду дальше, я утону и потеряю жизнь“. И онъ отвѣтилъ ему на это: „Въ океанѣ Божественности такого страха быть не можетъ. Развѣ вы не знаете, что это море безсмертія? Кто погружается въ это море, тотъ не умираетъ, но, наоборотъ, получаетъ вѣчную жизнь.

Всѣ религіи подобны тропинкамъ, ведущимъ къ одной общей цѣли единаго Безконечнаго Божества.

Четверо слѣпыхъ подошли къ слону. Одинъ дотронулся до ноги слона и сказалъ:—слонъ похожъ на столбъ. Другой дотронулся до хобота и сказалъ:—слонъ похожъ на толстую дубину. Третій дотронулся до живота слона и сказалъ:—слонъ похожъ на огромную бочку. Четвертый дотронулся до ушей и сказалъ:—слонъ похожъ на большую корзину. И потомъ они начали спорить между собой относительно того, каковъ слонъ. Прохожій, услышавъ ихъ споръ и ссору, спросилъ, о чемъ идетъ рѣчь. Они разсказали ему все и попросили его разсудить ихъ. И прохожій сказалъ: никто изъ васъ не видалъ слона. Слонъ совсѣмъ не похожъ на столбъ, но его ноги похожи на столбы. И онъ не похожъ на бочку, только его животъ похожъ на бочку, и онъ не похожъ на корзину—его уши похожи, и также онъ не похожъ на дубину, а только его хоботъ похожъ. Слонъ соединяетъ въ себѣ все это вмѣстѣ“.

Точно такъ же и тѣ сектанты, которые ссорятся и спорятъ между собой, видѣли одинъ аспектъ Божества. Но только тотъ кто видѣлъ всѣ аспекты, можетъ рѣшить всѣ эти споры.

Прежде всего старайтесь ощутить Бога. Когда вы приближаетесь къ базарной площади, вы слышите общій шумъ и гудъ. Когда вы подойдете ближе, общій гулъ исчезнетъ, и вы

будете замѣчать, что кричить каждый изъ торговцевъ.— Не видя берега, вы только слышите шумъ волнъ, но, находясь у самой воды, вы видите корабли, чаекъ и вы можете считать набѣгающія волны. Нельзя ощутить Божество путемъ чтенія книгъ. Есть огромная разница между книжнымъ знаніемъ и непосредственнымъ ощущеніемъ. Когда явится непосредственное ощущеніе, всѣ книги, науки и писанія кажутся ненужной соломой.

Я видѣлъ разъ одного истиннаго мудреца, блуждавшаго, какъ сумасшедшій. Онъ пришелъ въ садъ при храмѣ. Онъ такъ почувствовалъ единство духа со всѣми живыми существами, что, видя разъ собаку, которая ѣла выброшенные остатки пищи, онъ взялъ ее за уши и сказалъ: „О, братъ! Неужели же ты съѣшь все?“ И потомъ онъ взялъ часть того, что ѣла собака, и началъ ѣсть вмѣстѣ съ ней. И онъ сказалъ Хридаю: „Когда священные воды Ганга и вода сточной канавы кажутся одинаковыми, тогда приходитъ сознаніе Божественнаго Единства“.

Живите въ мірѣ, какъ сухіе листья. Вѣтеръ несетъ сухой листъ въ домъ или на дорогу. Листъ не имѣетъ своего выбора. Точно такъ же пусть вѣтеръ Божественной Воли несетъ васъ, куда захочетъ. Если онъ оставитъ васъ въ мірѣ, будьте довольны. И если онъ понесетъ васъ въ лучшее мѣсто, одинаково отдайтесь его волѣ. Господь оставляетъ васъ въ мірѣ, что можете вы сдѣлать? Отдайте все Ему, даже вашу милую волю, и тогда всѣ ваши тревоги пройдутъ. Вы увидите тогда, что Богъ дѣлаетъ все. Все на свѣтѣ есть воля Рамы (Бога).

Въ одномъ селеніи жилъ ткачъ. Онъ былъ очень духовный человѣкъ, всѣ довѣряли ему и любили его.

Вечеромъ послѣ обѣда онъ всегда долго сидѣлъ и размышлялъ о Богѣ, повторяя Святое Имя. Разъ была уже поздняя ночь; ткачъ не могъ заснуть и сидѣлъ у себя на дворѣ и курилъ. Мимо проходила шайка разбойниковъ. Имъ нуженъ былъ носильщикъ, и, увидѣвъ ткача, они схватили его и потащили съ собой. Затѣмъ они взломали дверь одного дома и нагнали тамъ много вещей, часть которыхъ взвалили на плечи бѣднаго ткача. Въ это время проходила стража; грабители бросились бѣжать, но бѣдный ткачъ со своей тяжелой ношей былъ пойманъ. Ночь онъ провелъ въ заключеніи, и на слѣдующее утро его привели къ судѣ. Жители селенія, услышавъ, что случилось, пришли, чтобы видѣть ткача. И они

всѣ въ одинъ голосъ говорили судѣ: „Господинъ, этотъ человѣкъ не могъ ничего украсть“. Тогда судья заставилъ ткача описать все, что съ нимъ случилось. Ткачъ сказалъ: „Господинъ, по волѣ Рамы я сидѣлъ во дворѣ; по волѣ Рамы была поздняя ночь; по волѣ Рамы я размышлялъ о Богѣ и повторялъ Его Святое Имя; по волѣ Рамы по дорогѣ проходили грабители; по волѣ Рамы они потащили меня съ собой; по волѣ Рамы они ворвались въ домъ; по волѣ Рамы навалили узлы съ похищеннымъ на мои плечи; по волѣ Рамы пошла стража; и по волѣ Рамы я былъ пойманъ. Потомъ по волѣ Рамы меня заперли въ тюрьму и на утро воля Рамы привела меня къ тебѣ“.

Судья, видя невинность и духовность этого человѣка, велѣлъ его немедленно освободить. И, выходя изъ суда, ткачъ сказалъ своимъ друзьямъ:—Воля Рамы освободила меня.

Есть два случая, когда Господь не можетъ не улыбнуться.—Бываетъ, что человѣкъ опасно боленъ и близокъ къ смерти. И врачъ говорить матери больного: „Не бойтесь, я спасу его“. Врачъ забываетъ, что въ основѣ всякаго событія жизни или смерти лежитъ воля Господа. И, слыша его слова, Господь улыбается, думая: „Какъ глупъ долженъ быть этотъ человѣкъ, который хвастается, что спасетъ жизнь своего пациента, умирающаго по моей волѣ“. И еще Господь улыбается, когда два брата дѣлятъ свое имѣніе. Они измѣряютъ землю и говорятъ: „Эта часть моя, а та часть твоя“. И Господь улыбается, думая: „Вся вселенная принадлежитъ мнѣ, но эти глупые братья говорятъ: „Эта часть моя, а эта твоя““.

Одинъ дровосѣкъ, очень религіозный человѣкъ, былъ настолько счастливъ, что видѣлъ богиню, и богиня очень любила его и выказывала ему милость и расположеніе. Однако онъ долженъ былъ продолжать работу дровосѣка и продавать дрова для того, чтобы поддерживать существованіе. Изъ этого слѣдуетъ, что преданный поклонникъ Бога совѣтъ не долженъ непремѣнно пользоваться благосостояніемъ въ этомъ мірѣ. Но онъ богатъ духомъ, хотя можетъ быть очень бѣденъ въ земномъ смыслѣ. Деваки въ тюрьмѣ видѣла Бога въ формѣ человѣческаго существа, держащаго раковину, дискъ, палицу и лотосъ въ своихъ четырехъ рукахъ, но, несмотря на то, что она видѣла Бога, она не могла выйти изъ тюрьмы.

Четыре путешественника открыли неизвѣстное мѣсто, окруженное высокой стѣной, безъ

какихъ-либо отверстій. Путешественникамъ очень хотѣлось видѣть, что находится за этой стѣной, и одинъ изъ нихъ влѣзъ на стѣну, но, поднявшись туда и заглянувъ за стѣну, онъ только испустилъ крикъ радости и изумленія и, не сказавъ больше ничего своимъ товарищамъ о томъ, что онъ видѣлъ, спрыгнулъ по ту сторону стѣны. Другіе путешественники тоже рѣшили подняться на стѣну. Они спрыгивали внизъ и больше не возвращались. И всякій, кто поднимается на верхъ стѣны, съ необыкновенною радостью прыгаетъ внизъ по ту сторону и никогда не возвращается, чтобы рассказать, что онъ тамъ нашелъ. Таково царство Абсолюта. Великія души, познавшія Бога, не возвращаются назадъ, потому что, достигнувъ высшаго знанія, человѣкъ абсолютно теряетъ чувство „я“. Умъ перестаетъ быть дѣятельнымъ, и всякое чувственное сознаніе исчезаетъ. Это есть божественная мудрость.

Пока человѣкъ, остается въ невѣдѣніи, другими словами, пока онъ не ощутилъ Бога, онъ будетъ подлежать новымъ рожденіямъ. Но, достигнувъ богопознанія, человѣкъ больше не приходитъ на землю и не рождается ни въ какомъ другомъ мірѣ. Горшечники, сдѣлавъ глиняные горшки, сушатъ ихъ на солнцѣ. Потомъ одни обжигаются на огнѣ, а другіе не обжигаются. Когда разобьется горшокъ изъ необожженной глины, эта глина идетъ на новый горшокъ, но, если разобьется обожженный горшокъ, то черепки больше нигде не годятся, и горшечникъ выбрасываетъ ихъ. Подобнымъ образомъ, когда „я“ не обожжено на огнѣ мудрости, послѣ смерти оно получаетъ новую форму и будетъ рождаться снова и снова. Если посадить поджаренное зерно, оно не дастъ ростка. Точно такъ же души, внутренняя природа которыхъ прошла черезъ огонь мудрости, больше не подлежатъ эволюціи, *но достигаютъ абсолютной свободы отъ новыхъ рожденій.*

Былъ человѣкъ, который очень гордился своими магическими силами. Онъ былъ хорошій человѣкъ и аскетъ. Однажды пришелъ къ нему Господь подъ видомъ святого и сказалъ: „Уважаемый господинъ, я слышалъ, что ты обладаешь удивительными силами“. Тотъ принялъ его ласково и предложилъ ему сѣсть. Въ это время мимо проходилъ слонъ. Святой спросилъ: „Господинъ, если бы ты пожелалъ, могъ бы ты убить этого слона?“ Человѣкъ отвѣчалъ: „Да, это возможно“; и, взявъ горсть пыли, онъ произнесъ мантрамъ и бросилъ

пыль въ слона. Животное заревѣло, упало на землю въ агоніи и испустило духъ. Видя это, святой воскликнулъ: „Какой удивительной силой ты обладаешь! Ты убилъ такое громадное животное въ одинъ моментъ! Ты также долженъ обладать силой вернуть его къ жизни“. Человѣкъ отвѣчалъ: „Да, это тоже возможно“. Снова онъ взялъ горсть пыли, спѣлъ мантрамъ и бросилъ въ слона, и слонъ ожилъ и вернулся къ жизни. Святой былъ пораженъ при видѣ этого и снова воскликнулъ: „Удивительны твои силы! Но позволь мнѣ задать тебѣ одинъ вопросъ. Ты убилъ слона и вернулъ ему жизнь; что ты этимъ выигралъ? Ощутилъ ли ты Бога?“ Сказавши это, святой исчезъ.

Не могу я сказать никому „исцѣлись“! Я никогда не просилъ у моей Божественной Матери этой силы. Я просто прошу любви и ничего больше.

Когда вы бываете въ обществѣ другихъ людей, вы должны любить ихъ всѣхъ, абсолютно слиться съ ними воедино. Не питайте ненависти къ людямъ. Не разбирайте касты или вѣры. Не говорите, что этотъ человѣкъ вѣруетъ въ личнаго Бога, а тотъ въ безличнаго; этотъ человѣкъ поклоняется Богу, имѣющему форму, а тотъ исповѣдуется Богу, не имѣющему формы; этотъ человѣкъ индусъ, а тотъ христіанинъ или магометанинъ. Не осуждайте другъ друга, говоря такъ. Эти различія существуютъ потому, что Богъ внушилъ различнымъ людямъ понимать Его различнымъ образомъ. Разница заключается въ природѣ людей. Зная это, вы сойдетесь со всѣми, насколько возможно близко, и полюбите ихъ, насколько возможно для васъ, крѣпко. Тогда вы будете блаженно счастливы въ душѣ. Зажгите свѣтильникъ мудрости въ тайникѣ вашего сердца. При этомъ свѣтѣ взгляните въ лицо моей Абсолютной Матери, и вы увидите истинную природу вашего „я“.

Почему ты не живешь со своей женой, какъ живутъ всѣ?—спросили Рамакришну. Онъ отвѣчалъ: богъ Картикея, командующій небеснымъ воинствомъ, опаралъ однажды кошку. Возвратившись домой, онъ увидѣлъ, что на щекѣ его матери паразитъ. Увидавъ это, онъ спросилъ: мать, дорогая, какъ это случилось, что на твоей щекѣ эта безобразная паразитъ? Богиня Дурга отвѣчала: это дѣло твоихъ же рукъ, дитя. Удивленный Картикея спросилъ: что ты говоришь, мать? Я не помню, чтобы я когда-нибудь опаралъ тебя. Мать отвѣча-

ла: развѣ ты забылъ, дорогой мой, что сегодня утромъ ты оцарапалъ кошку? Тотъ отвѣчалъ: да, это вѣрно, что я оцарапалъ кошку, но какъ же эта царапина очутилась на твоей щекѣ? Мать отвѣчала: дорогое дитя, въ мірѣ ничего не существуетъ кромѣ меня. Я — все твореніе. Кого бы ты ни ударилъ, ты дѣлаешь больно мнѣ. Картикейя былъ очень удивленъ этимъ и съ этихъ поръ рѣшилъ не жениться, ибо на комъ онъ женился бы? Всякая женщина была бы ему матерью. Я какъ Картикейя — я смотрю на всякую женщину, какъ на мою божественную Матерь.

Когда я смотрю на цѣломудренныхъ женщинъ изъ хорошей семьи, я вижу въ нихъ Божественную Матерь въ одѣянiяхъ цѣломудрія, когда же я смотрю на публичныхъ женщинъ въ городѣ, которыя сидятъ у оконъ во всемъ своемъ безстыдствѣ и позорѣ, я вижу въ нихъ точно такъ же мою Божественную Матерь, только въ иномъ видѣ.

Разъ я увидѣлъ женщину въ голубомъ платьѣ, стоящую подъ деревомъ. Это была проститутка. Но, когда я посмотрѣлъ на нее, передо мной внезапно стоялъ идеальный образъ Ситы *), и я забылъ о томъ, что это уличная женщина, и видѣлъ передъ собой только чистую, непорочную Ситу, приближавшуюся къ Рамѣ, къ воплощенію Божества, и въ теченіе долгаго времени я оставался неподвижнымъ. Я поклонялся всѣмъ женщинамъ, представлявшимъ собой въ моихъ глазахъ Божественную Мать. Я чувствовалъ Мать вселенной въ каждой женской фигурѣ.

„Мать, я поручаю себя Твоему милосердію. Да хранить меня лотосъ Твоихъ ногъ отъ всего, что удаляетъ Твоихъ дѣтей отъ Тебя! Я не ищу, добрая Мать, чувственныхъ удовольствій; не ищу славы. Нѣтъ у меня стремленія къ Сидхи (силы іоговъ), которыя помогаютъ совершать чудеса. Я молюсь, добрая Мать, о чистой любви къ Тебѣ, незапятнанной желаніями, любви безъ примѣси, любви, не жаждущей мірскихъ вещей, любви къ Тебѣ, которая выливается непрощенная изъ глубины безсмертной души. Сдѣлай также, о Мать, чтобы Твое дитя, очарованное обаяніемъ Твоихъ волшебныхъ силъ (Маи), не забывало Тебя; запутавшись въ красивой сѣти Самсары **), которую Ты выткала. Сдѣлай такъ,

чтобы Твое дитя не прельстилось ими. О добрая Мать, развѣ Ты не знаешь, что Твое дитя не имѣетъ никого въ мірѣ, кромѣ Тебя? Я не знаю, какъ воспѣвать Твое имя съ достаточной преданностью. Нѣтъ у меня достаточнаго знанія, ведущаго къ Тебѣ, нѣтъ у меня достаточной любви къ Тебѣ. Дай мнѣ эту любовь по Твоему безконечному милосердію!“

* * *

Благодатная почва Индіи способствовала конечно въ немалой степени успѣху Рамакришны, но большую роль играли при этомъ и его обаятельная личность. Вотъ какъ восгорженно описываетъ его одинъ изъ современниковъ:

„Рамакришна улыбулся ученику и покинулъ свое мѣсто. Онъ вышелъ на веранду, рядомъ съ Его комнатою, и глядѣлъ нѣсколько времени на солнце, быстро заходящее на горизонтѣ. Потомъ онъ взглянулъ внизъ на святая воды священной рѣки передъ нимъ. Ученикъ прохаживался одинъ передъ храмомъ на берегу Ганга. Была середина лѣта; священная рѣка катилась, слегка волнуясь. День клонился къ концу, былъ уже шестой часъ; небо было покрыто облаками и представляло великолѣпное зрѣлище, особенно на сѣверѣ. На первомъ планѣ были Панчавати съ рядомъ высокихъ ивъ позади, съ серебряной рѣкой направо. На заднемъ планѣ — великолѣпныя темно-синія облака и темная рѣка подъ ними.

Ученикъ смотрѣлъ на очаровательную картину. Когда Шри Рамакришна, улыбаясь, какъ пятилѣтній ребенокъ, приблизился, прекрасный видъ сталъ какъ будто еще понятнѣе. Съ одной стороны была вселенная, а съ другой — Единая Душа, которая отражала вселенную и созерцала ее въ ея реальной природѣ. Да, ученикъ почувствовалъ, что въ присутствіи этой великой души онъ настолько близко къ разрѣшенію проблемъ жизни, насколько это возможно. Именно То, присутствие Чего ощущалось въ душѣ Рамакришны, сотворило все — боговъ и богинь, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, деревья, цвѣты, зелень, каждую пядь земли въ этомъ Храмѣ, полномъ духовности и радости Божіей. Да, онъ чувствовалъ, что отъ Рамакришны исходили непреодолимые чары на все въ этомъ удивительномъ мѣстѣ, на всѣ предметы, одушевленные и неодушевленные, видимые наружными и внутренними глазами, отъ пыли подъ ногами до священныхъ изображеній, которымъ люди поклоняются въ храмѣ или которыя заключены въ иномъ храмѣ, тѣлѣ человѣка, этомъ истинномъ „откровеніи во плоти“. Онъ былъ

*) Сита была супругой Рамы, воплотившагося на землѣ Бога и героя Ремайяны. По индуистскимъ понятіямъ, она представляетъ собою идеальный типъ женщины.

**) Матеріи.

какъ бы зачарованъ Тѣмъ, Что здѣсь присутствовало“.

Какъ бы тамъ мы ни смотрѣли на этого удивительнаго человѣка, за кого бы ни считали, за пророка или безумца, или за то и другое вмѣстѣ, мы обязаны его пылкой проповѣди и славной жизни тѣмъ, что онъ пробудилъ въ широкихъ кругахъ живѣйшій интересъ къ одной изъ самыхъ красивыхъ и стройныхъ религіозныхъ системъ.

О вліяніи философіи Бергсона.

[1(6)]

Если задаваться вопросомъ о нынѣшнихъ „властителяхъ думъ“, именно *думъ*, то первымъ приходитъ на память имя Анри Бергсона. Не будетъ ошибкой сказать, что „бергсонизмъ“—это своего рода знамя переживаемаго десятилѣтія (а можетъ быть, и всего нашего вѣка?). Въ чемъ же секретъ обаянія бергсоновской философіи? что это за магическая сила дѣлаетъ ее не только столь популярной, но и модной?

Французскій журналъ „La grande Revue“ предпринималъ анкету о вліяніи идей Бергсона на его многочисленную аудиторію и на современное искусство и литературу. Овѣты извѣстныхъ писателей, представителей позитивно-научной и религіозной мысли, растяннулись на цѣлыхъ пять книжекъ журнала. Съ результатами данной анкеты знакомитъ русскую публику А. Филипповъ въ „Нови“ (№ 89).

„Негромкая слава Бергсона (изъ анкеты мы узнаемъ, что и въ Америкѣ, и въ Японіи Бергсонъ не менѣе извѣстенъ, чѣмъ въ Европѣ), и не его широкая популярность, а та страстность и острая искренность, съ которой говорятъ о немъ его адепты и его противники, выявляютъ исключительность этого властителя думъ.“

Во Франціи послѣ Ренана, послѣ Тэна никто не владѣлъ умами въ такой степени, какъ въ настоящее время Бергсонъ. Но, конечно, ни къ Ренану, ни къ Тэну умы человѣческіе не тянулись съ такой жадностью, съ такой надеждой, съ какой внимаютъ слову Бергсона. Два, три поколѣнія, люди, стоящіе въ разныхъ соціальныхъ плоскостяхъ, на разныхъ ступеняхъ интеллекта, взираютъ на него, какъ на апостола новой вѣры.

Проф. Жильберъ Меръ считаетъ „бергсонизмъ“ самой значительной философской системой, созданной послѣ Аристотеля.

Танкредъ де-Визанъ (авторъ имѣвшей успѣхъ книги „О современномъ лиризмѣ“) пишетъ:

„...Бергсонъ — Фихте нашего поколѣнія. Онъ далъ намъ самую глубокую, самую убѣдительную критику стараго рационализма и открылъ намъ интуицію, метафизику, построенную на идеѣ жизни, метафизику стройную, динамическую, отвѣчающую самымъ сокровеннымъ нашимъ душевнымъ движеніямъ, волнующую и увлекающую насъ... Бергсонъ самъ, быть можетъ, не сознавая этого, далъ эстетическое обоснованіе нѣсколькимъ туманнымъ положеніямъ символизма. Музыка съ Клодомъ Дебюсси, скульптура съ Роденомъ, поэзія съ Анри де-Реніе и Вьеле де-Гриффиномъ, живопись съ Клодомъ Моне — не что иное, какъ художественныя воплощенія „бергсонизма“.“

Большинство опрошенныхъ лицъ сходятся на томъ, что своимъ яркимъ, убѣдительнымъ протестомъ противъ механизированія и овеществленія міра и разсудочности и математическаго естествознанія философія Бергсона открыла новые горизонты человѣческой мысли и человѣческому творчеству. Бергсонъ „продолжилъ мысли новый путь къ метафизическому познанію, выдвинулъ на первый планъ интуицію и свободную волю, вернулъ человечеству его права и значеніе, такъ долго оспаривавшіяся въ XIX столѣтіи позитивизмомъ Конта, монистическими теоріями Тэна и, наконецъ, обезличивающимъ жизнь марксизмомъ“...

Романъ Ролланъ считаетъ Бергсона „великимъ поэтомъ мысли, который скорѣе совершилъ *вмѣстѣ со своей эпохой* огромную работу мысли, чѣмъ вліялъ на нее. Вліяніе иныхъ мыслителей въ области искусства и литературы сказалось лишь много, много лѣтъ послѣ того, какъ они ушли изъ жизни,—Бергсонъ тѣсно слился съ настоящимъ. Въ этомъ его сила и, быть можетъ, его слабость. И отсюда это почти единодушное признаніе, этотъ радостный энтузіазмъ интеллигентной молодежи. Долговѣчно ли это вліяніе — трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, историкъ, который будетъ изучать нашу эпоху, найдетъ самыя значительныя ея черты, ея глубокую душу въ волшебномъ зеркалѣ поэтической мысли Бергсона“.

Бывшій профессоръ Сорбонны, теперь редакторъ „Revue bleue“, Поль Фла высказалъ мысли, болѣе и менѣе исчерпывающія значеніе „бергсонизма“. Поль Фла проводитъ мысль о томъ, что стремленія нашего поколѣнія выйти изъ тѣсныхъ келій индивидуализма въ широкое русло коллективизма нашли въ Бергсонѣ мощнаго резонатора. Указывая людямъ на ихъ безконечныя потенциальныя возможности, философъ открылъ имъ путь къ ихъ собственнымъ сердцамъ, въ которыхъ дремлетъ тайна

общенія съ міромъ, съ человѣчествомъ. До сихъ поръ Бергсонъ, развивая свою теорію интуиціи, говорилъ, главнымъ образомъ, о проявленіи интеллектуальныхъ силъ, о духовныхъ прозрѣніяхъ, и только намѣчалъ планъ своей ближайшей, нетерпѣливо ожидаемой книги о нравственности. Бергсоновская теорія интуиціи и въ области морали должна привести къ той же вѣрѣ въ способность человѣческую извлечь изъ нѣдръ духа всеобъемлющую любовь и добро.

Мода на Бергсона—почти компрометирующая. Но изъ того, что онъ въ модѣ, еще не слѣдуетъ, что бергсонизмъ—только мода. Надо видѣть эту восьмую аудиторію „College de France“ въ часы лекцій Бергсона, и эту безчисленную толпу, заливающую оба крыла коридоровъ, и почувствовать напряженность, съ какой слушается каждое слово лектора въ такой необычайной, волнующей тишинѣ... Нѣтъ, не одна мода гонитъ сюда и этихъ свѣтскихъ дамъ, и модернистскихъ дѣвицъ, блѣдныхъ юношей съ живописными шевелюрами и немолодыхъ уже мужчинъ съ растеряннымъ тревожнымъ взглядомъ...

Это—вѣра въ воскресеніе творящихъ силъ, созидающей воли, тоскливое упованіе уйти отъ своей пустоты, малости, надежды тѣмъ-то озарить, наполнить жизнь, стать тѣмъ-то...

„Человѣкъ все можетъ,—говоритъ имъ Бергсонъ,—онъ даже смерть можетъ одолѣть“... (Творческая эволюція).

Бергсоновское слово *интуиція* ложно толкуется и вульгаризируется нечитавшими книгъ Бергсона и неусвоившими сути его ученія. Не интуиція, какъ пріятно и безболно являющіяся догадки, а какъ прозрѣванія, дающіяся только путемъ страстнаго, глубокаго напряженія духовныхъ силъ, связанныхъ въ одинъ узелъ,—прозрѣванія, приходящія къ людямъ, умѣющимъ уходить въ себя и чутко вслушиваться въ то, что рождается въ тишинѣ сердца...

„Въ самую глушь бытія вводитъ насъ интуиція, то-есть одухотворенный инстинктъ, сознающій себя, способный анализировать и углублять себя“.

Такъ понимаетъ Бергсонъ свое слово, которое теперь у всѣхъ на устахъ, и отсюда понятна обнадёживающая, окрыляющая прелесть его ученія.

„Всякое дѣло человѣческое, заключающее въ себѣ долю изобрѣтательности, каждое свободное проявленіе воли, каждое движеніе организма, обнаруживающее свободное пробужденіе,—приноситъ въ міръ нѣчто новое“... (Творческая эволюція).

Пѣвецъ вдохновенія, Бергсонъ самъ свои ослѣпительныя и нежданныя, какъ молніи, мысли выводитъ изъ строго логическихъ и свѣтлыхъ, какъ день, построений. Надо слушать, какъ Бергсонъ читаетъ, вглядываясь въ слушателей и никого не видя своими небольшими, острыми, свѣтящимися глазами, какъ слова падаютъ съ его тонкихъ аскетическихъ губъ, и видѣть, какъ онъ прижимаетъ къ столу сухіе, длинные пальцы, будто убѣждая самого себя, будто провѣряя достояніе своей мысли,—чтобы почувствовать, какой огромный путь прошла эта мысль, какой огромный грузъ вѣковъ въ себя вобрала для того, чтобы бросать людямъ такіа легкіа, крылатая слова, какъ откровеніе, какъ интуиція!..

Онъ увѣровалъ въ человѣка и въ его мощь, и потому его философія, правильно понятая, ставитъ человѣку такіа безмѣрные требованія,—говоритъ авторъ замѣтки. Кому много дано, съ того много спрашивается. И потому, что человѣкъ все можетъ, онъ много обязанъ въ отношеніи самого себя, а черезъ себя и въ отношеніи многихъ. Самоуглубленіе, облагораживая, утончая духъ, создаетъ въ немъ атмосферу, въ которой могутъ вспыхивать молніи откровеній, и только такъ понятая бергсоновская вѣра въ человѣка уясняетъ, почему такъ призывно и влекуще его ученіе.

Несомнѣнно, слово XX вѣка—бергсонизмъ. Но это не только брошенная людямъ красивая лесть, даръ интуиціи, а мощный зовъ извлечь изъ нѣдръ духа тайно дремлющее и напряженіемъ всѣхъ силъ прокладывать путь для подсознательнаго. Бергсонъ много далъ людямъ и все же только открылъ имъ путь къ тѣмъ источникамъ, откуда они сами должны черпать радость и смыслъ жизни“...

Отшельникъ объ искусствѣ и художникахъ.

[7.01]

Кн-во Некрасова выпустило любопытную книгу подъ такимъ заглавіемъ: „Объ искусствѣ и художникахъ. Размышленія отшельника, любителя изящнаго, изданныя Л. Тикомъ“.

Объ авторѣ этой книгѣ, а также и о самой книгѣ П. Сакулникъ пишетъ въ послѣсловіи слѣдующее:

„На утренней зарѣ нѣмецкаго романтизма, въ талантливой семьѣ молодыхъ писателей

ярко выдѣляется восторженный и свѣтлый юноша, котораго какъ бы сама природа предназначила быть чистымъ сосудомъ новаго міроощущенія. Вильгельма Генриха *Ваккенродера* почти нельзя назвать писателемъ, его имени нѣтъ и въ заглавіи издаваемой нами книги, а между тѣмъ, исторія нѣмецкаго романтизма не мыслима безъ Ваккенродера, какъ невозможно себѣ представить исторіи русскаго идеализма безъ Веневитинова и Станкевича. Между послѣдними и ихъ нѣмецкимъ собратомъ есть какое-то трогательное сродство. Короткая жизнь всѣхъ троихъ*), какъ оборвавшаяся мелодія, оставляетъ впечатлѣніе тихой грусти и чего-то загадочно-недосказаннаго; ранняя смерть предохранила ихъ отъ всякаго налета земной пошлости; красивыми и одухотворенными хранятся ихъ образы въ памяти далекаго потомства. Такіе люди дороги прежде всего общему обаянію своей нравственной личности.

Возвышенный эстетизмъ Ваккенродера оказалъ существенное вліяніе на развитіе нѣмецкой романтики, и проводникомъ этого вліянія былъ, главнымъ образомъ, Людвигъ Тикъ. Тѣсная, задушевная дружба соединяла обоихъ писателей.

...Ваккенродеръ слишкомъ много далъ Тикѣ, чтобы послѣдній могъ забыть своего вдохновителя и друга. Жадно внималъ онъ „сердечнымъ изліаніямъ“ Ваккенродера и невольно заражался его эстетическимъ энтузіазмомъ.

...„Иное только, а именно въ 15 и 16 отрывкахъ,—заявляетъ самъ Тикъ въ предисловіи,—принадлежитъ мнѣ; но такъ много тому прошло времени, что я и отличить своего труда не умѣю. Помню только, что мысли всѣ моего друга, а я ихъ собралъ и написалъ“.

...Этой книгѣ суждено было сыграть немалую роль и въ исторіи русскаго романтизма. Въ 1826 г. ее перевели С. П. Шевыревъ, В. П. Титовъ и Н. А. Мельгуновъ, сотрудники „Московского Вѣстника“, близко стоявшіе къ кружку т. н. любомудровъ, т.-е. представителей нашего философскаго романтизма. Переводчики скрыли свои имена подъ инициалами. Русское изданіе книги Ваккенродера — важный памятникъ нашего любомудрія. Характеренъ для него уже самый выборъ книги: на первыхъ порахъ, когда у насъ еще только вырабатывались основы новой, идеалистической эстетики, въ „размышленіяхъ отшельника, любителя изящнаго“ искали опоры для борьбы съ классической теоріей, и эта небольшая кни-

жечка несла съ собой подлинное благовѣстіе романтической эстетики.

Книжка Ваккенродера — красивая пропилем, которая легко и удобно вводить читателя въ настроеніе раннихъ нѣмецкихъ романтиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ многое объясняютъ въ психологіи русскаго романтизма. Этимъ въ достаточной степени оправдывается наше намѣреніе переиздать ее именно въ старомъ переводѣ: намъ казалось цѣлесообразнымъ сохранить въ полной неприкосновенности его колоритный, старомодный стиль: не затрудняя сколько-нибудь значительно современнаго читателя, онъ важенъ самъ по себѣ, какъ свидѣтель нашихъ раннихъ попытокъ создать языкъ для новыхъ эстетическихъ понятій“.

Однако, книга Ваккенродера имѣетъ не только историческое значеніе. Она очень поучительна и для нашего времени, въ конецъ „изолгавшагося и запутавшагося въ липкой паутинѣ безпощаднаго теоретизированія“. Она можетъ многихъ остановить и образумить, ибо въ ней вопросы о сущности искусства ставятся и рѣшаются съ большою религіозною страстностью и высокой нравственной чистотой. Приводимыя ниже отрывки изъ книги Ваккенродера вполне подтверждаютъ это.

Видѣніе Рафаэля.

...Какое множество анекдотовъ и значительныхъ изреченій безпрестанно повторяется изъ жизни художниковъ! — и какъ ни странно, что имъ внимаютъ съ пустымъ удивленіемъ и никто по симъ ясно говорящимъ признакамъ не заключить о священной силѣ Искусства, ими знаменуемой, и никто, говорю, здѣсь, какъ и во всей природѣ, не признаетъ перста Божія!

Что касается до меня, во мнѣ уже давно таится эта вѣра; она, прежде темная, теперь озарена лучами свѣтлаго убѣжденія. Я счастливъ: меня, кажется, Небо избрало для того, чтобы возвѣщать Его славу яснымъ откровеніемъ чудесъ невѣдомыхъ: я успѣлъ воздвигнуть новый алтарь во славу Божію.

Рафаэль (какъ солнце блистающій между всѣми живописцами) въ письмѣ своемъ къ Графу Кастильоне оставилъ слова, которые для меня драгоценнѣе золота, и я не могу ихъ читать безъ какого-то тайнаго, невятнаго чувства благоговѣнія и любви. Вотъ онѣ:

„Въ мірѣ такъ мало изображеній прелести женской; посему-то я прильпился къ одному тайному образу, который иногда *называетъ* мою душу“.

Къ моей невыразимой радости я недавно

*) Ваккенродеръ умеръ въ 1798 г., когда ему не было еще двадцати шести лѣтъ.

сверхъ чаянія объяснилъ тайну значительныхъ словъ Рафаэля.

Просматривая въ нашемъ монастырѣ сокровищницу древнихъ рукописей, я въ кучѣ ненужнаго пыльнаго пергамента отрылъ нѣсколько листочковъ, исписанныхъ рукою Браманты; нельзя постигнуть, какимъ образомъ они зашли въ это мѣсто. На одномъ изъ нихъ я прочелъ слѣдующее и передаю это на своемъ языкѣ, какъ можно ближе къ подлиннику.

„Для памяти и для собственнаго удовольствія здѣсь я хочу сохранить чудо, которое довѣрилъ мнѣ дорогой другъ мой, Рафаэль, и приказалъ тайть подъ печатью молчанія. Однажды, когда я ему съ открытымъ и полнымъ сердцемъ выражалъ удивленіе надъ прелестными образами Мадонны и Святаго семейства и убѣдительно просилъ его, чтобы онъ разгадалъ мнѣ: гдѣ, въ какомъ мѣстѣ онъ видѣлъ эту несравненную красоту, трогательный взглядъ и выраженіе неподражаемое въ образѣ Пресвятой Дѣвы? Съ юношеской стыдливостью, со скромностью, ему свойственной, Рафаэль нѣсколько времени хранилъ молчаніе; потомъ, сильно тронутый, со слезами бросился мнѣ на шею и открылъ свою тайну. Онъ разсказалъ, что отъ самой южной юности всегда пламенѣло въ душѣ его особенное святое чувство къ Матери Божіей; даже иногда громко произнося Ея имя, онъ ощущалъ грусть душевную. Отъ самаго перваго побужденія къ живописи онъ питалъ внутри себя необоримое желаніе—живописать Дѣву Марію въ небесномъ Ея совершенствѣ; но никогда не смѣлъ довѣрять своимъ силамъ. И ночь и день безпрестанно неутомимый духъ его трудился въ мысляхъ надъ образомъ Дѣвы, но никогда не былъ въ силахъ удовлетворить самому себѣ; ему казалось, что этотъ образъ все еще отуманенъ какимъ-то мракомъ передъ взорами фантазіи. Однако иногда будто небесная искра заранивалась въ его душу и образъ въ свѣтлыхъ очертаніяхъ являлся передъ нимъ такъ, какъ хотѣлось бы ему нарисовать его; но это было одно летучее мгновеніе: онъ не могъ удерживать мечты въ душѣ своей. Непрестанное безпокойство волновало духъ Рафаэля; онъ только мимоходомъ взиралъ на черты своего идеала, и темное чувство души никогда не хотѣло преобразиться въ свѣтлое явленіе; наконецъ, онъ не могъ удерживаться долѣе, трепетной рукою принялся живописать Мадонну; во время работы внутренній духъ его болѣе и болѣе распламенялся. Однажды ночью, когда онъ во снѣ молился Пресвятой Дѣвѣ, что бывало съ нимъ часто, вдругъ отъ сильнаго волненія, воспрянулъ отъ сна. Во мракѣ ночи взоръ

Рафаэля привлеченъ былъ свѣтлымъ видѣніемъ на стѣнѣ противъ самаго его ложа; онъ взглянулъ въ него и увидѣлъ, что висѣвшій на стѣнѣ, еще не dokonченный образъ Мадонны блисталъ кроткимъ сіяніемъ и казался совершеннымъ и будто живымъ образомъ. Онъ такъ выражалъ свою божественность, что градомъ текли слезы изъ очей изумленнаго Рафаэля. Съ какимъ неизъяснимо-трогательнымъ видомъ онъ смотрѣлъ на него очами слезными, и каждую минуту, казалось ему, этотъ образъ хотѣлъ уже двгаться; даже мнилось, что онъ двигается въ самомъ дѣлѣ. Но чудеснѣе всего, что Рафаэль нашелъ въ немъ именно то, чего искалъ всю жизнь и о чемъ имѣлъ темное и смутное предчувствіе. Онъ не могъ припомнить, какъ заснулъ опять; но вставши утромъ, будто вновь переродился: видѣніе навѣки вѣзалось въ его душу и чувства, и вотъ почему удалось ему живописать Матеръ Божію въ томъ образѣ, въ какомъ онъ носилъ Ее въ душѣ своей, и съ тѣхъ поръ всегда съ благоговѣйнымъ трепетомъ онъ смотрѣлъ на изображеніе своей Мадонны. — Вотъ что мнѣ разсказалъ другъ мой, дорогой Рафаэль, и я почелъ это чудо столь важнымъ и замѣчательнымъ, что для собственнаго наслажденія сохранилъ его на бумагѣ“.

Таково содержаніе неоцѣненнаго листочка, который попался мнѣ въ руки. Теперь ясно, что божественный Рафаэль разумѣлъ подъ сими значительными словами:

„Я прилѣпился къ одному тайному образу, который иногда навѣщаетъ мою душу“.

Замѣчательная смерть Франческа Франчіа.

Если эпоха возрожденія наукъ и учености произвела мужей, замѣчательныхъ въ челоѣчествѣ, всеобъемлющихъ, сильныхъ духомъ и богатыхъ званіями; то и славный вѣкъ живописи, когда она, подобно Фениксу, возникла изъ дремлющаго пепла, ознаменованъ мужами, возвышенными творческой силой Гевія. Это время представляетъ истинный героическій вѣкъ Искусства: мы можемъ, подобно Оссіану, со вздохомъ сказать, что духъ и величіе сего золотого вѣка вмѣстѣ съ нимъ исчезли съ лица земли. Во многихъ мѣстахъ славились многіе художники; каждого возвышала собственная сила. Ихъ жизнь и трудолюбіе весьма достойны были того, чтобы современные почитатели Искусства въ особенныхъ лѣтописяхъ передали потомству память о великихъ. Съ тѣмъ же благоговѣніемъ должно взирать на гевій сихъ художниковъ, съ какимъ взираемъ на ихъ брадатые лица, которые сохранены въ драгоцен-

ныхъ собраніяхъ ихъ портретовъ. Между ними случались происшествія необыкновенныя и нынѣ невѣроятныя потому, что пламень восторга, который въ то золотое время обнималъ весь міръ земной, нынѣ свѣтитъ въ немногихъ избранныхъ душахъ, да и то подобно свѣту тусклой лампы. Перерожденное потомство сомнѣвается въ истинѣ рассказовъ о томъ времени и со смѣхомъ выдаетъ ихъ за сказки: видно искра огня божественнаго въ немъ совершенно угасла.

Смерть одного древняго живописца Франческа Франчіа, перваго основателя школы въ Болоніи и Ломбардіи, есть одно изъ самыхъ примѣчательныхъ повѣствованій такого рода; безъ удивленія я не могъ читать этого происшества; но сердце никогда не осмѣливалось сомнѣваться въ истинѣ оного.

Родители Франческа были незначущіе ремесленники; онъ же непрестаннымъ возвышеніемъ духа и неутомимымъ трудолюбіемъ достигъ высочайшей степени славы. Въ юности онъ отдавъ былъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру и въ скорое время изумилъ всѣхъ отличной работою серебряныхъ и золотыхъ вещей. Долгое время онъ выбивалъ клейма на медаляхъ; всѣ князья и герцоги ломбардскіе вмѣняли себѣ въ честь имѣть на монетахъ свои изображенія работы Франческовой. Въ то время вельможи и сограждане, чуждаясь зависти, любили громогласными похвалами возвышать отечественнаго художника. Весьма многія знаменитыя особы крови царской, проѣзжая чрезъ Болонію, немедленно просили Франческа срисовать ихъ портреты и потомъ вырѣзать и выбить на металлѣ.

...Громкія похвалы произвели благотворное вліяніе на нашего Франческа; живой духъ его возвышался болѣе и болѣе съ благороднымъ величіемъ художника; онъ началъ вѣрить присутствію небснаго Генія въ глубинѣ души своей. Гдѣ нынѣ найти эту возвышенность духа? Тщетно станемъ искать ее въ тщеславныхъ художникахъ нашего времени, которые не Искусствомъ гордятся, но собою.

Изъ всѣхъ современныхъ живописцевъ одинъ Рафаэль былъ достойнымъ ему соперникомъ. Франческо во всю жизнь не выѣзжалъ изъ своей Болоніи и потому никогда не имѣлъ счастливаго случая — видѣть творенія Рафаэля. Но по нѣкоторымъ описаніямъ онъ составилъ въ умѣ своемъ поватіе о характерѣ его живописи; а скромное, всегда привѣтливое обхожденіе въ письмахъ Урбинскаго художника сильно убѣдило Франческа, что онъ во многихъ своихъ твореніяхъ сравнился съ нимъ, а въ иныхъ даже превзошелъ его. Судьба назначила

ему въ старости увидѣть собственными глазами произведеніе Рафаэля.

Вдругъ неожиданно онъ получилъ отъ него письмо; Рафаэль увѣдомляетъ Франческа, что онъ докончилъ образъ св. Цециліи, назначенный для алтаря въ Болонскую церковь св. Іоанна, что скоро пришлетъ свое произведеніе къ нему, какъ своему другу, и проситъ оказать ему милость избрать приличное мѣсто для образа, а если онъ случайно поврежденъ на дорогѣ или здоровый вкусъ художника найдетъ не остатки въ исполненіи, то по праву друга великодушно ихъ исправить. Франческо былъ внѣ себя отъ письма Рафаэля. Какъ? — Великій художникъ Рима смиренно уступаетъ ему кисть свою! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ образа! Ахъ! онъ не зналъ, что ему предстояло.

Одважды, возвращаясь домой съ прогулки, вдругъ ученики бѣгутъ ему навстрѣчу и всякій наперерывъ съ восторгомъ рассказываетъ, что картина Рафаэля получена, что они выставили ее въ мастерской на самомъ лучшемъ мѣстѣ: Франческо, внѣ себя, бросился въ комнату.

Но какъ мнѣ изобразить передъ нашимъ безчувственнымъ свѣтомъ тѣ ощущенія, которыя внезапно растерзали всю душу необыкновеннаго человѣка при взглядѣ на божественный образъ. Представьте: если кто-нибудь съ пламеннымъ восторгомъ летитъ въ объятія къ любезному брату, разлученному съ нимъ отъ самаго младенчества, и вдругъ, вмѣсто человѣка, видитъ передъ собою свѣтлаго, небснаго Ангела: то было съ Франческомъ. Этотъ взглядъ пронзилъ насквозь всю его внутренность: словно на части разорвалось его сердце, словно онъ падалъ ницъ передъ существомъ высочайшимъ!..

Долго стоялъ онъ передъ образомъ: какъ будто громъ оглушалъ его. Ученики тѣснились вокругъ старика, хватали его за руки, спрашивали, что съ нимъ сдѣлалось? и не знали, что подумать.

Онъ едва опомнился, но неподвижные взоры все устремлены были на божественный образъ. О, бѣдный Франческо! Съ какой высоты величія онъ упалъ внезапно! Какимъ тяжкимъ покаяніемъ должно очистить ему грѣхъ той гордости, въ которой онъ надѣялся даже до звѣздъ достигнуть, стать выше его, выше божественнаго Рафаэля. Онъ ударялъ себя по сѣдой своей головѣ, плакалъ горькими слезами прискорбія и думалъ самъ съ собою: какъ? я провелъ всю жизнь въ суетныхъ замыслахъ честолюбія, часть отъ часу становился безумнѣе, и теперь, на краю гроба, осужденъ смо-

трѣть на цѣлую жизнь свою, какъ на жадную, недоконченную картину какого-нибудь грѣшнаго художника!.. Потомъ съ умиленіемъ поднявъ слезные взоры къ образу св. Цециліи, открылъ передъ Небомъ раны сердца, уязвленнаго раскаяніемъ, и смиренную принесъ молитву о прощеніи.

Силы старика ослабѣли; ученики принуждены были положить его на постель. При выходѣ изъ комнаты, нѣкоторыя картины его работы, а особенно образъ умирающей Цециліи, бросились ему въ глаза: онъ едва не умеръ отъ горести.

Съ той самой поры душа Франческа страдала отъ непрестаннаго номѣшательства: въ немъ замѣтили почти совершенное отсутствіе ума. Къ тому же старость ослабила силы тѣлесныя, творческій духъ утомился отъ дѣятельности, всегда напряженной, и все это разрушило до основанія свѣтлый храмъ души его. Тѣ безконечныя образы, которые прежде наполняли живописный міръ его воображенія и часто въ минуту восторга оживлялись на холстѣ чудеснымъ сліяніемъ красокъ и очертаній, теперь въ обезображенныхъ видахъ бродили въ душѣ и, подобно грознымъ призракамъ, устрашали несчастнаго во время болѣзненныхъ припадковъ. Однажды ученики неожиданно нашли его мертваго въ постелѣ.

Этотъ человѣкъ не былъ ли великъ и потому, что призналъ свое ничтожество передъ небеснымъ Рафаэлемъ? Зато Гений искусства, по всеобщему голосу своихъ избранныхъ, возложилъ вѣнецъ на главу сего мученика, умершаго жертвою своего художественнаго восторга...

Ученикъ Ии Рафаэль.

Въ то время, когда изумленный міръ видѣлъ у себя въ гостяхъ великаго Рафаэля — (мало сказать великаго, невольно назовешь его божественнымъ), — въ то время, — на которое я, право, сейчасъ бы промѣнялъ все просвѣщеніе, всю мудрость позднѣйшихъ столѣтій, — въ это золотое время въ одномъ городкѣ Флорентинской области жилъ молодой человѣкъ, по имени Антоніо, который весьма прилежно занимался Живописью. Отъ самаго дѣтства воспламенялась въ немъ любовь къ этому искусству; еще будучи ребенкомъ, онъ съ большимъ стараніемъ рисовалъ вѣкъ образа Святыхъ, какіе ему попадались. Но, несмотря на свою постоянную ревность и на пламенное желаніе создать что-либо изящное, онъ не имѣлъ внутренняго созерцанія, этой творческой силы, безъ которой чувство изящнаго растетъ медленно, прерывисто, и никогда не можетъ твердо

и свободно вознестись къ небу: таково несчастное сочетаніе силъ духовныхъ; сколько несовершенныхъ художниковъ родилось въ мірѣ подъ симъ роковымъ созвѣздіемъ!

Антоніо долгое время списывалъ лучшіе современные образцы Искусства; первые опыты удались; онъ съ неизъяснимымъ удовольствіемъ видѣлъ сходство своихъ подражаній и твердо надѣялся на будущіе успѣхи. Наконецъ случилось ему взглянуть на рисунки и картины Рафаэля; онъ съ давняго времени слышалъ, какими похвалами превозносили его имя, и однажды нашелъ удобный случай списать одно произведеніе славнаго художника. Но на этотъ разъ, какъ ни трудился прилежный Антоніо, все никакъ ему не удавалось; онъ не зналъ, отчего бы это могло быть, съ нетерпѣніемъ бросилъ кисть, подумалъ, рѣшился и написалъ слѣдующее письмо:

„Первому изъ всѣхъ живописцевъ,
Рафаэлю Урбинскому“.

„Извините меня, я хочу говорить съ вами, но не знаю, съ чего долженъ начать: вы человѣкъ непонятный, необыкновенный, а я простъ, да къ тому же и красиво писать не выучился. Уже я долго, долго думалъ, вѣжливо ли будетъ съ моей стороны послать къ вамъ письмо, когда я не имѣю чести звать васъ лично. Но мнѣ такъ много говорили о вашемъ откровенномъ и добромъ сердцѣ, что я наконецъ рѣшился.

„Не буду лишними словами отнимать у васъ золотого времени; я воображаю, какъ вы должны быть прилежны. Хотѣлось бы мнѣ только открыть вамъ мое сердце и принести мою покорнѣйшую просьбу.

„Я еще ученикъ въ Живописи, но люблю ее болѣе всего; она одна веселитъ мое сердце. Мнѣ вѣрится даже, что едва ли кто-нибудь, разумѣется, кромѣ васъ и другихъ славныхъ мастеровъ нашихъ, имѣетъ такую же любовь, такую страсть къ своему искусству, какъ я. Всѣми силами стараюсь какъ-нибудь ближе подойти къ моей цѣли, но эта цѣль слишкомъ отъ меня далека; могу сказать, что не только дня, даже часа не провожу праздно, и съ радостію замѣчаю, что съ каждымъ днемъ, хоть и помаленьку, а все-таки впередъ иду. Уже я много списалъ картинъ славныхъ мастеровъ нашего времени; но какъ принялся за ваши, не знаю, куда дѣвалось умѣнье: хоть опять начинаю учиться. Удалось мнѣ срисовать не одну голову, и скажу не въ похвальбу себѣ, кажется, и черты, и свѣтъ, и тѣни—все въ моихъ снимкахъ какъ должно быть; но не такъ бываетъ, когда тружусь надъ

вашими изображеніями Апостоловъ и Учениковъ Христовыхъ, Вожіей матери, младенца Іисуса; стараюсь приноровить точь въ точь, съ такимъ напряженіемъ, что не понимаю, какъ глазъ у меня достаетъ; а потомъ, какъ взгляну на всю картину, какъ сравню ее съ подлинникомъ, такъ ужасъ меня возьметъ: ваши отъ моихъ, какъ небо отъ земли, лица совсѣмъ не тѣ. А съ перваго взгляда на ваши изображенія, кажется, ихъ легче срисовать, чѣмъ другія; въ нихъ словно говорить сама природа, въ каждой картинѣ узнаю лица знакомыя, какъ будто я прежде гдѣ-то видалъ ихъ. Также нѣтъ у васъ этого труднаго, необыкновеннаго сокращенія членовъ, въ чемъ хотѣтъ показать свое превосходство другіе мастера нашего времени и тѣмъ терзаютъ насъ бѣдныхъ учениковъ своихъ.

„Какъ я ни думалъ, какъ я ломалъ себѣ голову, но все не могъ постичь, что особеннаго въ вашихъ картинахъ, почему нельзя вамъ подражать, почему невозможно достигнуть вашего совершенства; нѣтъ, это выше моего понятія. Но не откажите мнѣ въ помощи! Прошу, умоляю васъ, научите меня — вамъ должно быть это извѣстно — что я долженъ дѣлать, чтобы хоть нѣсколько вамъ уподобиться? О, какъ глубоко врѣзался бы вашъ урокъ въ моей памяти! съ какимъ стараніемъ я бы его выполнилъ! Признаюсь вамъ, простите великодушно, я даже иногда осмѣливался думать, что вы владѣете какой-нибудь чудесной тайной, о которой никто другой не можетъ имѣть понятія. Какъ бы хотѣлось мнѣ хоть полденечка видѣть васъ за работой; но вы вѣрно въ это время къ себѣ никого не допускаете. Что еслибы былъ я богатымъ царемъ — много, много золота я далъ бы вамъ за вашу тайну!“

Таково было письмо юнаго Антоніо къ Рафаэлю, который съ обыкновенной своей веселостью написалъ къ нему слѣдующій отвѣтъ:

„Милый Антоніо!

„Твоя пламенная любовь къ живописи, твое неутомимое трудолюбіе весьма похвальны; ты меня душевно порадовалъ, другъ мой. Къ сожалѣнію, я самъ не могу отвѣчать тебѣ на вопросъ, не потому, чтобы это была у меня заветная тайна: нѣтъ, я всей душой радъ бы открыть ее и тебѣ и каждому, но потому, что она для самого меня остается загадкой.

„Знаю впередъ, ты мнѣ не повѣришь, а все-таки скажу сущую правду. Спроси пѣвца: откуда у него взялся грубый или пріятный голосъ? — можетъ ли онъ отвѣчать тебѣ? такъ

и я не могу сказать, почему изображенія подь моею рукою ложатся такъ, а не иначе.

„Миръ ищетъ чего-то особеннаго въ моихъ картинахъ; колы мнѣ замѣтятъ ту или другую красоту въ моемъ изображеніи, я съ улыбкой смотрю на нее и самъ удивляюсь, какъ удалось мнѣ такъ хорошо сдѣлать. Это совершилось въ какомъ-то пріятномъ снѣ; во время труда я болѣе думалъ о предметѣ, нежели о томъ, какъ мнѣ изобразить его.

„Если ты въ своихъ снимкахъ не можешь передать собственнаго выраженія моихъ картинъ, то вотъ тебѣ совѣтъ мой, любезный Антоніо: возьми себѣ за образецъ одного изъ славныхъ живописцевъ нашего времени; каждый изъ нихъ по особенному достоинству заслуживаетъ подражанія; я съ большою пользою у нихъ учился и теперь еще часто люблюсь ихъ разнообразными красотоми. Что касается до рода моей живописи, то каждый долженъ имѣть свой собственный; мой дала мнѣ природа; я ви мало надъ нимъ не трудился; этому никакими усиліями научиться невозможно. Итакъ, любезный Антоніо, продолжай съ любовію упражняться въ своемъ искусствѣ — прости“.

О всеобщности, терпимости и любви къ ближнему въ искусствѣ.

Творецъ, создавшій землю и все на ней сущее, всеобъемлющимъ взоромъ Своимъ окинулъ нашу планету, — потокъ благодати разлился во все концы земаго шара. Изъ таинства Своего разсѣлъ Онъ міриады многоразличныхъ зародышей творенія, которые въ несчетныхъ плодахъ своихъ образуютъ во славу Его имени вертоградъ величайшій, пестроты несравненной. Солнце Свое движетъ Онъ чудесно около шара земаго въ мѣрныхъ кругахъ, и лучи онаго солнца досагаютъ до земли въ безчисленно различныхъ направленіяхъ, и въ каждой полосѣ ея возбуждая жизнь, оплодотворяютъ почву къ многообразнымъ произведеніямъ.

Въ одно и то же великое мгновеніе Онъ ровнымъ окомъ почитъ надъ твореніемъ рукъ Своихъ, съ благостію пріемля жертвы природы и живой и безжизненной. Рыканію льва внимаютъ Онъ съ тѣмъ же веселіемъ, какъ и крику оленя; алая испускаетъ для Него запахи столь же вѣжнны, какъ роза и гіацинты.

Равно и человѣкъ изъ Творческой десницы Его исшелъ въ тысячеобразныхъ видахъ. — Братія *едино*го семейства — люди не знаютъ, не разумѣютъ себѣ подобныхъ; они, выражаясь различными языками, дивятся другъ другу: но

Онъ вѣдаетъ всѣхъ и радуются Своему творенію; ровнымъ окомъ поковтсѣ Онъ надъ созданіемъ рукъ Своихъ и отъ лица всей природы пріемлетъ жертву хваления. Онъ слышитъ, сколь разнородно языки человѣковъ судятъ о Его божественныхъ твореніяхъ, и знаетъ, что всѣ, — всѣ единогласно — даже безъ вѣдѣнія, безъ умысла, Его Единого, Невзреченнаго славословятъ.

Онъ внемлетъ равнымъ образомъ внутреннему чувству человѣка, говорящему въ различныхъ стравахъ, въ различные вѣка, разными языками; внемлетъ, какъ люди въ своемъ неразуміи между собою состязуются: но вѣчный Духъ Господень въ Себѣ разрѣшаетъ все въ единое созвучіе. — Онъ вѣдаетъ, что каждый говоритъ языкомъ, Имъ же каждому внушеннымъ, что всякій обнаруживаетъ свои внутренніе помыслы по своимъ силамъ и назначенію; — и если они въ слѣпотѣ своей между собою состязуются, то вѣдаетъ и признаетъ Онъ въ каждомъ права его: милостиво взираетъ Онъ на каждого и на всѣхъ, и веселится стройному смѣшенію.

Искусство можно назвать цвѣтомъ чело-вѣческихъ чувствованій. Въ вѣчно измѣняемыхъ видахъ возрастаетъ оно къ небу изъ разнообразныхъ странъ земли, возсылая изъ сосудовъ своихъ единую, сліянную волю благоуханія ко Всеобщему Отцу, Который въ десницѣ Своей держитъ и землю, и все на ней сущее.

Онъ признаетъ въ каждомъ твореніи искусства, въ какой бы странѣ оно ни было, слѣдъ той небесной, божественной искры, которая, изъ Него исшедъ и воспламенивъ грудь человѣка, является и въ его малыхъ твореніяхъ, гдѣ просіяваетъ новыми лучами предъ взоромъ Великаго Создателя. Для Него готическій храмъ столько же благолѣпенъ, какъ и храмъ грековъ; для Него грубая, воинственная музыка дикихъ столь же благозвучна, какъ и обильные гармоніею хоры и пѣсни церковныя.

Но когда я отъ Него, Безконечнаго, чрезъ неизмѣримыя пространства небесъ, вновь нисхожу на землю и переносусь въ среду моихъ собратій, — то, увы! Громкія стenanія исторгаются изъ груди моей, когда вижу, сколь мало они пекутся уподобить себя ихъ Вѣчному Образцу небесному. У нихъ — непрестанные раздоры, непрестанное недоумѣвіе; они не знаютъ, что всѣ стремятся къ одной общей метѣ; каждый заматерѣлъ недвижимо на мѣстѣ своемъ, и взоры не пріобыкли надъ цѣлымъ возносятся.

Людямъ слабоумнымъ непостижимо, какъ

могутъ быть на земномъ шарѣ антиподы, относительно къ которымъ и они суть то же. Сіи люди почитаютъ мѣсто, гдѣ находятся, центромъ тяготѣнія для цѣлаго, и ихъ духу недостаеетъ крыльевъ, чтобъ облетѣть весь шаръ, и цѣлое, въ самомъ себѣ утвержденное, обнять единымъ взоромъ.

Точно также они почитаютъ и свое чувство средоточіемъ всего прекраснаго въ искусствѣ, и гласомъ судей произносятъ о всемъ приговоръ рѣшительный, не размысливъ, кѣмъ дано имъ это право, и не въ правѣ ли осужденные также порицать ихъ?

Почему не обвиняете индѣйца въ томъ, что онъ выражается не нашимъ языкомъ, а индѣйскимъ? А вините средній вѣкъ за то, что его храмы созданы не по размѣрамъ греческимъ?

Такъ проникните же во внутренность чуждыхъ для васъ душъ, и увѣрьтесь, что вы съ непознанными братіями вашими воспріяли дары духа изъ одной и той же Десницы! Постигните, что каждое существо развиваетъ въ себѣ внутреннія силы, отъ Неба ему вѣрныя, и что дѣла его суть вѣрное отраженіе его духа. И если вы не въ состояніи сочувствовать симъ чуждымъ существамъ и какъ бы ихъ же сердцемъ ощущать ихъ творенія: то да увѣдитъ васъ въ этомъ собственный вашъ разумъ!

Если бы всераспредѣляющая десница Божія возрастила сѣмя духа твоего въ пустыняхъ африканскихъ, то лоснистая, черная кожа, широкое, плоское лицо, и короткіе курчавые волосы были бъ для тебя верхомъ красоты, а перваго тебѣ встрѣчнаго европейца ты бъ осмѣялъ и презиралъ. Если бы душа твоя перенеслась еще далѣе къ Востоку, въ страну Индіи, ты бы въ маленькихъ, стрѣнныхъ и многорукихъ кумирахъ, почувствовалъ присутствіе таинственнаго духа, который скрытно отъ взоровъ нашихъ одушевляетъ ихъ, — а при взглядѣ на изваяніе Венеры Медицейской, не зналъ бы, что сказать о ней. И если бы Тому, Чья власть надъ тобою отъ вѣка, угодно было тебя забросить въ толпы южныхъ островитянъ, то въ дикомъ боѣ барабана, пронзительныхъ и звонкимъ ударахъ мелодій находилъ бы ты глубокий смыслъ, котораго теперь вовсе не постигаешь. Да изъ какого же источника почерпнулъ бы ты во всѣхъ сихъ случаяхъ и творческій даръ, и чувство наслажденія изящнымъ, если не изъ Источника предвѣчнаго, всеобщаго, коему ты равно и теперь обязанъ за сокровища, на тебя изліянные?

Единство ума слѣдуетъ у всѣхъ народовъ земли однимъ и тѣмъ же законамъ, съ тою только разницею, что здѣсь простирается на

безконечно великое поле предметовъ, тамъ же на менѣе обширное. Подобнымъ образомъ и чувствованіе изящнаго есть одинъ и тотъ же небесный лучъ свѣта, но который только по разнообразнымъ гранямъ стекла чувственности преломляется цвѣтами безконечно разнообразными.

Красота: чудесное, таинственное слово! Найдите сначала новыя имена для каждого особаго чувства изящнаго, для каждого отдѣльнаго произведенія искусства; на всякомъ изъ нихъ играетъ своя краска, для всякаго есть особый нервъ въ составѣ человѣка.

Но холодный разсудокъ вашъ изъ имени красоты извлекаетъ строгую систему и хочетъ принудить всѣхъ чувствовать по вашимъ предписаніямъ и правиламъ, а сами вы вовсе безчувственны!

Кто вѣрить какой-либо системѣ, тотъ изгналъ изъ сердца своего всеобщую любовь! Гораздо своѣе нетерпимость чувствованій, нежели разсудка: *Сувекоріе* все лучше *Системовѣрія*.

Возможно ли принудить меланхолика, чтобы веселая, подблюдная пѣснь была ему по сердцу? Или сангвиника, чтобы сердце его принимало съ удовольствіемъ ужасы трагедій?

Такъ оставьте же каждого смертнаго и каждый народъ въ поднебесной при его вѣрѣ и его блаженствѣ!—и если не умѣете внушить другимъ наслажденія болѣе возвышеннаго и болѣе достойнаго, то не отравляйте ихъ радости, и учитесь раздѣлять ее съ ними.

Мы, сыны сего вѣка, имѣемъ то преимущество, что находимся на вершинѣ высокой горы, у подножія коей простираются ряды странъ и столѣтій предъ взорами нашими. Дайте же намъ воспользоваться симъ благомъ и яснымъ окомъ обтечь всѣ времена и народы, дабы во всѣхъ разнообразныхъ чувствованіяхъ и твореніяхъ человѣковъ находить повсюду *человѣческое*

Каждое существо ищетъ красоты совершенной: но оно не въ силахъ преступить круга, въ коемъ находится, и видитъ прекрасное только въ самомъ себѣ. Подобно какъ во взорѣ каждого смертнаго радуга отражается различнымъ образомъ, такъ въ каждомъ человѣкѣ чувство прекраснаго принимаетъ особенный оттѣнокъ отъ окружающихъ предметовъ. А всеобщая, первоначальная красота, которую мы въ минуты восторженнаго созерцанія только именуемъ, хотя не можемъ изъяснить словами, является въ полномъ величіи Тому, Кто и радугу, и взоръ, ее обозрѣвающий, содѣлалъ.

Начавъ съ Него, Неизреченнаго, рѣчь мою, къ Нему же и обращаюсь, подобно Гевію искусства,—подобно всякому духу, который изъ

Него испедеъ, къ Нему же во срѣтеніе, чрезъ атмосферу земли, возносится на всесоуженіе.

О двухъ чудесныхъ языкахъ и ихъ таинственной силѣ.

Рѣчь есть великое даяніе Неба, которымъ Всезидитель навѣки облагодѣлалъ человѣковъ, отрѣшивъ языкъ перворожденнаго, и давъ ему способность именовать какъ всѣ предметы, коими Всевышній окружилъ его въ природѣ, такъ и всѣ духовные образы, Сотворшимъ въ его душѣ напечатлѣнные, — способность, помощію которой его духъ многообразно можетъ располагать безчисленнымъ богатствомъ именуемыхъ предметовъ. Рѣчь подвергаетъ нашей власти кругъ земной; рѣчь съ легкимъ трудомъ доставляетъ намъ всѣ богатства міра: одно *Невидимое*, что *превыше насъ*, — одно оно не сводится рѣчью въ наше понятіе.

Предметъ земной мы постигаемъ, какъ скоро произнесемъ его названіе; но когда при насъ называютъ безпредѣльную благодѣль Божію, доблести Святыхъ, — которыя должны бы потрясти всѣ глубины нашего сердца, — тогда одинъ лишь слухъ нашъ поражается тщетными звуками, а духъ не принимаетъ надлежащаго паренія.

Я знаю однако два чудесныхъ языка, въ которыхъ Создатель далъ людямъ понимать и разумѣть небесные предметы во всей силѣ, разумѣтся (дабы не сказать дерзко) въ той мѣрѣ, какъ сіе возможно для тварей подверженныхъ тлѣнію. Сіи два языка дѣйствуютъ на душу совѣмъ иными способами, нежели помощію словъ: они чудеснымъ образомъ подвигаютъ *вдругъ* цѣлый составъ нашъ и отзываются въ каждой нити нервовъ, въ каждой каплѣ крови, намъ принадлежащей. Однимъ изъ чудныхъ языковъ сихъ говоритъ единый Богъ, другимъ—только немногіе между человѣками избранники, которыхъ онъ помазалъ Своєю благодатію. Подъ первымъ языкомъ разумѣю *Природу*, подъ вторымъ—*Искусство*.

Отъ раннихъ лѣтъ моей юности, когда я началъ изъ древнихъ, священныхъ книгъ нашего Закона впервые познавать Бога всѣхъ человѣковъ, — *Природа* служила мнѣ всегда основательнѣйшимъ и вмѣстѣ легчайшимъ изъясненіемъ свойствъ и существа Его. Шопотъ вершинъ густого лѣса, раскаты грома въ отдаленіи, не разъ провѣшали мнѣ о Немъ тайны высокія, которыя слова не въ силахъ выразить. Прекрасная долина посреди неправильныхъ утесовъ, или ровная рѣчка, гдѣ глядятся согбенныя деревья, или веселый, зеленый

лугъ, осіянный небесною лазурью — всѣ сіи предметы побуждали во глубинѣ моего сердца болѣе чудные порывы, преисполняли болѣе мой духъ Божиимъ всемогуществомъ и благостію, наконецъ, очищали и возвышали душу мою болѣе, нежели когда-либо возможетъ языкъ словесный. Мнѣ кажется, онъ есть орудіе слишкомъ плотское и грубое, чтобы можно было обымать имъ безтѣлесные, подобно тѣлеснымъ предметамъ.

Я нахожу въ семъ важный поводъ восхвалять могущество и благость Создателя. Онъ окружилъ насъ человѣкомъ безчисленными предметами, изъ которыхъ каждый имѣетъ естество отличное и каждый равно неизъяснимъ для насъ и неповятенъ. Намъ нимало неизвѣстно, что такое дерево, что такое лугъ или гранитъ скалы; на нашемъ языкѣ нельзя съ ними бесѣдовать, ибо имъ мы понимаемъ однихъ себѣ подобныхъ. И несмотря на все это, Творецъ одарилъ человѣческое сердце такимъ чуднымъ сочувствіемъ съ всеми предметами, что они какими-то безвѣстными путями могутъ привоситъ ему ощущенія или помыслы (какъ хотите называйте сіи явленія), которыхъ въ вѣкъ намъ не доставятъ слова самая точныя.

Похвальное рвеніе къ истинѣ завлекло мудрецовъ міра въ ложныя мѣтвія: они хотѣли, снявъ съ небеснаго таинственный покровъ, поставить оное въ обыкновенномъ земномъ свѣтѣ на ряду съ прочими предметами и, смѣло защищая права разума, истогнуть изъ глубины сердца *темныя предчувствія* о высшемъ.—Дано ли слабому смертному облачать тайны небесныя? Сможетъ ли онъ дерзко вывести на свѣтъ сокровенное подъ самою десницею Божіей? И темныя предчувствія, подобно Ангеламъ незримымъ къ намъ свыше нисходящія, — посмѣетъ ли онъ высокомерно отъ себя отринуть?—Я въ глубокомъ смиреніи въ нихъ вѣрую и, помышляя о высокой благодати Бога, ниспославшаго къ намъ сіи недолжныя свидѣтельства истины, складываю руки и творю молитву.

Языкъ *Искусства* совершенно отличенъ отъ языка *Природы*; но и ему дано столь же безвѣстными и темными путями дѣйствовать сильно на сердце человѣка. Онъ выражается посредствомъ человѣческихъ образовъ и говорить какъ будто черезъ іероглифы, для насъ по однимъ вѣшнымъ своимъ признакамъ понятные. Но сей языкъ столь трогательнымъ и столь чудеснымъ образомъ сливается духовное и сверхчувственное съ изображеніями вѣшными, что онъ въ свою очередь потрясаетъ и колеблетъ всю плѣтость нашего состава въ самыхъ основахъ оного. Смѣло скажу, что мно-

гія картины изъ страстей Христовыхъ, изъ жизни Богоматери или Святыхъ Отцовъ, болѣе назидали мою душу и вливали въ мое внутреннее чувство благолюбивѣйшіе помыслы, нежели плѣлыя системы нравственныхъ правилъ и наблюденій умозрительныхъ. Я между прочимъ не могу безъ благоговѣнія подумать объ одномъ превосходно написанномъ изображеніи нашего Св. Севастіана, гдѣ онъ стоитъ нагой, привязанный у дерева, и Ангелъ извлекаетъ у него стрѣлы изъ груди, между тѣмъ какъ другой Ангелъ приносить съ неба вѣнокъ для главы его. Этой картинѣ я обязанъ многими глубоко и неизмѣнно поселившимися во мнѣ христіанскими мыслями, и до сихъ поръ не могу себѣ представить ее живо, безъ того, чтобы слезы не навернулись на глаза мои.

Изысканія мудрецовъ приводятъ въ движеніе одинъ мозгъ, одну токмо половину нашей самости; но тѣ два чудныхъ языка, которыхъ силу я повѣдалъ, дѣйствуютъ на чувства равно, какъ и на духъ нашъ; или, лучше сказать, они какъ бы сливаютъ всѣ части нашего (намъ самимъ непостижимаго) существа въ единый новый органъ (не могу выразиться лучше), который симъ двоякимъ способомъ постигаетъ и объемлетъ чудеса надземныя.

Одинъ изъ языковъ сихъ, которымъ Всевышній глаголетъ Самъ съ Собою отъ вѣчности до вѣчности, *Природа* безпредѣльная, безсмертная, чрезъ неизмѣримыя пространства воздуховъ насъ возноситъ непосредственно къ престолу Божества. *Искусство* же, которое, стремясь къ достиженію внутренняго совершенства, въ узкомъ, ограниченномъ пространствѣ, посредствомъ замысловатаго смѣшенія крашеной земли съ небольшимъ количествомъ влаги, представляетъ образъ человѣческій, и творить, какъ дано творить существамъ смертнымъ, — *Искусство* отверзаетъ намъ сокровищницу человѣческаго сердца и, направляя взоръ нашъ во внутренность насъ самихъ, въ человѣческомъ образѣ показываетъ намъ небесное, подъ названіемъ котораго я разумѣю все, что есть божественнаго, благороднаго, высокаго...

...*Искусство* представляетъ намъ высочайшее совершенство человечества. *Природа*, сколько ее видѣть можетъ око смертнаго, подобна несвязнымъ прореченіямъ изъ устъ Всевышняго. Но, если позволено столь смѣло судить о предметахъ такого рода, можно было бы спросить себя: не то же ли для Бога вся *Природа* и весь міръ, что для насъ произведеніе *Искусства*?

Изъ мыслей Вяч. Иванова объ искусствѣ.

[7.01]

Въ мартовской книжкѣ „Аполлона“ напечатана лекція Вяч. Иванова „Чурлянишь и проблема синтеза искусств“, прочитанная имъ недавно въ Москвѣ (см. „Бюл.“ № 12, „Идеи, образы, факты“). Остановимся на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ этой статьи-лекціи.

* * *

Таинственнымъ и непонятнымъ представляется намъ порой предметъ живописнаго изображенія. Мы не знаемъ, зачѣмъ сѣли эти двѣ женщины, съ которыми играетъ Эротъ, одна полупагая и возносящая лампаду, другая отягченная пышнымъ убранствомъ, у противоположныхъ концовъ мраморнаго саркофага — на картинѣ Тиціана, что слыветъ подъ именемъ „Небесная и Земная Любовь“. Мы не знаемъ, зачѣмъ собралъ всѣ эти разнообразныя фигуры Лука Синьорелли на полотнѣ, изображающемъ „Воспитаніе Пана“. Въ этихъ случаяхъ мы спрашиваемъ себя, что значать вызванные предъ нами образы, что хотѣлъ сказать ими художникъ.

Тоньше и глубже впечатлѣніе загадочности, когда изображеніе, эта нѣмая повѣсть, рассказанная красками, само по себѣ въполнѣ понятно, но непонятно его магическое дѣйствіе на душу зрителя, то безотчетное, смутное волненіе, которое волшебникъ кисти заставляетъ васъ испытывать, межъ тѣмъ какъ предъ нами простая реальность, напимѣръ — только портретъ тихо улыбающейся женщины, флорентійской патриціанки, Мадонны Лизы. Здѣсь мы даже не опредѣлимъ, что собственно насъ волнуетъ, изображенное ли лицо съ его улыбкой, или то, какъ увидѣлъ и запечатлѣлъ на полотнѣ художникъ это лицо и эту улыбку.

Свидѣтельство живописца о томъ, какъ видѣть онъ видимый міръ (и нами видимый, но видимый иначе), — вотъ подлинная загадка живописца, радостная отгадка которой снимаетъ пелены съ нашихъ глазъ и навѣки обогащаетъ человѣчество новымъ зрѣніемъ. Ибо истинные творцы живописи суть, прежде всего, свидѣтели о томъ, что они видятъ въ мірѣ видимомъ. Не мечтаніями ихъ мы прозрѣваемъ, но ихъ истолкованіемъ дѣйствительности или того, что привнесли они въ свое мечтаніе изъ дѣйствительности.

... Самое драгоцѣнное въ гениальномъ художникѣ — то, что онъ дышитъ Богомъ. Вселенскою жизнію дышитъ онъ и благодатью

Духа. „Духъ же вѣетъ, гдѣ хочетъ, и никто не скажетъ, откуда Онъ приходитъ и куда уходитъ“. Божественною мыслию дышитъ высокій художникъ и, выдыхая ее, являетъ предвѣчный замыслъ въ преходящихъ личинахъ міра. Научимся дышать Единымъ, какъ онъ, — и вотъ уже пересталъ намъ казаться загадочнымъ вдохновенный художникъ.

„Каждый, въ своей отдѣльности, захотѣлъ бы исчезнуть, чтобы снова обрѣсть себя въ безграничномъ“, — говоритъ Гете. Но все же человѣкъ не можетъ побѣдить своей отдѣльности, по крайней мѣрѣ, при жизни, и тотъ, кто созерцалъ въ упоеніи и экстазѣ знакъ Макрокосма, вслѣдъ за тѣмъ восклицаетъ: „Какое зрѣлище! но, ахъ, только зрѣлище! Какъ охвачу я тебя, безпредѣльная природа? Гдѣ васъ найду, божественныя груди, васъ, источники всякой жизни? Къ вамъ прильнули небеса и земля, къ вамъ ищете прикинуть и эта увядающая грудь человѣка. Вы источаете жизнь и поите все мірозданіе, а я одинъ по васъ тоскую напрасно“. Никакое созерцаніе, никакое прозрѣніе не можетъ утолить само по себѣ алканій человѣческаго сердца. „На что мнѣ всѣ тайны и все познаніе, если я не имѣю любви?“ — спрашиваетъ апостолъ. Всякое познаніе и созерцаніе остается только идеальнымъ и идеалистическимъ, если оно не одушевлено единымъ истиннымъ реализмомъ — реализмомъ любви.

...Исканія космическаго реализма, жажда и предвкушеніе любви вселенской, запросы этой любви, а не постулаты созерцанія, составляютъ религію.

Отвлекаясь отъ того четвертаго измѣренія, которое мы зовемъ „временемъ“, живопись предполагаетъ вещи статически-неподвижными, и само движеніе подъ ея взоромъ Горгоны окаменѣваетъ въ вѣчно длящейся мигъ. Кинетическая природа музыки раскрывается намъ во времени и заставляетъ насъ забыть о пространствѣ. Такъ противоположны одна другой обѣ сестры: Живопись, знающая одно пространство, и Музыка, дружная съ однимъ только временемъ. Синтезъ между обѣими метафизически мыслимъ, какъ умопостигаемая гармонія сферъ, какъ стройное движеніе міровъ, покоющихъ красками и свѣтящихся звуками, но въ искусствѣ не осуществимъ.

...А между тѣмъ за послѣднее время много стали говорить и еще больше втихомолку мечтать о такъ называемомъ „синтезѣ искусствъ“.

...Попытки синтеза искусствъ вытекаютъ изъ

стремленія обратить сочетаемые искусства въ служебныя средства для досиженія цѣли, положенной внѣ ихъ предѣла. Поскольку нарушается при этомъ природа каждаго изъ искусствъ и отношеніе къ нимъ художника становится не цѣльнымъ, эти попытки не могутъ быть признаны законными. Но, при условіи глубокаго и вѣрнаго служенія искусству, позволительно ли вообще подчинять его цѣлостный и внутренно-неприкосновенный организмъ чему бы то ни было, поставляемому выше его? Въ наши дни поверхностнаго эстетизма многіе отвѣтятъ на это: „нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ“. Но всѣ тысячелѣтія протекшей исторіи искусствъ на лицѣ земномъ утверждали и осуществляли такое подчиненіе.

Вѣчная задача искусства — Человѣкъ, и не польза человѣка, а его тайна. И — лишь постольку-то, чѣмъ человѣкъ сталъ, поскольку оно служить путемъ къ тому, чѣмъ человѣкъ будетъ. И весь видимый міръ для искусства лишь часть Человѣка. Человѣкъ къ его вертикали, въ его ростѣ въ глубь и въ высь — вотъ содержаніе искусства. Вокругъ божественнаго человѣческаго образа, вокругъ Діониса и Аполлона, разоблачающихся человѣкомъ-Орфеемъ, — водятъ Музы свой хороводъ. Но лучшее свое Человѣкъ отдаетъ своему Богу, и, когда онъ призываетъ искусство къ богослуженію, каждая Муза радостно шептала: „Се раба Господня“. Ибо каждое искусство — жена, и во всѣхъ нихъ живетъ и дышитъ единая Жена, Душа Мира. Въ богослуженіи вдохновенно и дружно сплетались Музы въ согласный хоръ, и съ незапамятныхъ временъ того „синкретическаго дѣйства“, въ которомъ Александръ Веселовскій усматривалъ колыбель искусствъ, впоследствии раздѣлившись: драмы, лирики, эпоса, орхестики и музыки, — естественно и вольно осуществлялся искомымъ нами съ такою раціоналистическою надуманностью синтезъ.

Что этотъ синтезъ можетъ быть только литургическимъ, понималъ и творецъ музыкальнаго дѣйства о Парсифалѣ. Бросимъ взглядъ и на отправляемое поныѣ богослуженіе. Всѣ искусства представлены въ немъ, и больше, чѣмъ всѣ искусства, — все чувственно пріятное, какъ благовонія, и то искусство, что ревниво удержала за собой Мать-Природа, отступившая отъ лучшаго въ пользу своего наследника-человѣка, — искусство кристаллическаго граненія и раскраски самоцвѣтныхъ камней. Вотъ три двери въ иконостасѣ, — три двери трагической сцены эллиновъ. Вотъ солея — проскеніонъ, и архіерейское мѣсто — оимела орхестры. А вокругъ строятся два полухорія древняго хора, и антифонно звучатъ строфа и

антистрофа, и орхестически движутся въ драгоцѣнныхъ столахъ священнослужители, и звучитъ въ речитативахъ и пѣніи все гимническое великолѣпіе эллинской поэзіи; и фрески мерцаютъ сквозь эфирную ткань голубого оиміама, какъ видѣнія неосвязаемо зрительнаго міра, и въ озареніи безчисленныхъ пылающихъ свѣточей, какъ въ ночь стародавнихъ мистерій, переливаются мерцаніемъ жемчуга, играютъ алмазы и яхонты, и разсыпаны все золото и серебро сокровищницъ царственныхъ. А зодчество — въ чемъ, какъ не въ созданіи домовъ Божіихъ, расцвѣтало прекраснѣйшимъ своимъ цвѣтомъ зодчество? Въ богослуженіи, и только въ богослуженіи, находятъ системы искусствъ свою естественную ось, причемъ каждое вращается на своей естественной оси и описываетъ свою естественную орбиту.

Но наше время — время сдвига всѣхъ осей; оттого зашаталось въ немъ и каждое отдѣльное искусство. Поэтому ближайшая задача художника выравнить каждое въ сферу его законнаго вращенія вокругъ неподвижной оси. Проблема же синтеза искусствъ, творчески отвѣчающая внутренно обновленному соборному сознанію, есть задача далекая и преслѣдующая единственную, но высочайшую для художества цѣль, имя которой — Мистерія. Проблема этого синтеза есть вселенская проблема грядущей Мистеріи. А проблема грядущей Мистеріи есть проблема религіозной жизни будущаго.

НОВЫЯ ПЬЕСЫ.

„Роза и Крестъ“ Александра Блока.

[891.7.09]

Драма Блока, напечатанная въ первомъ сборникѣ альманаха „Сиринъ“, относится къ тѣмъ произведеніямъ, которыя при всѣхъ своихъ достоинствахъ, оставляютъ достаточно сильное впечатлѣніе въ душѣ далеко не всякаго серьезнаго читателя. Это, какъ говорится, вещь на любителя. Чтобы такая, такъ написанная пьеса „дошла до сердца“, путь къ сердцу предварительно долженъ быть расчищенъ именно любовью — къ той литературной школѣ, къ которой принадлежитъ авторъ, въ особенности же любовью къ самому этому автору и его музѣ. Надо быть хоть чуточку „блокистомъ“.

Но это не значитъ, что „Роза и Крестъ“ сами по себѣ представляютъ слишкомъ мало интереса для читателя, для широкаго читателя. Трудно только передать содержаніе блоковской

драмы-поэмы, полной специфических намековъ, загадокъ, всяческихъ тумановъ, такъ, чтобы читательскій интересъ до конца удержался на надлежащей высотѣ. Пусть здѣсь помогутъ намъ своимъ толкованіемъ пьесы критики, писавшіе о ней, вообще ея интерпретаторы: С. Адриановъ („Вѣст. Евр.“), Ивановъ - Разумникъ („Завѣты“), А. Рѣдько („Рус. Бог.“), К. Вогакъ („Любовь къ тремъ апельсинамъ“) и др.

Мира восторгъ безпредѣльный
Сердцу пѣвучему данъ.
Въ путь роковой и безцѣльный
Шумный зоветь океанъ.
Сдайся мечтѣ невозможной,
Сбудется, что суждено.
Сердцу законъ непреложный—
Радость-Страданье одно.
Путь твой градушій—скитанье,
Шумный поетъ океанъ.
Радость, о, Радость—Страданье,
Воль неизвѣданныхъ ранъ!
Всюду бѣда и утраты.
Что тебя ждетъ впереди?
Ставь же свой парусъ косматый,
Мѣть свои крѣпкія латы
Знакомъ креста на груди.

Эту пѣсню о рокѣ, безцѣльномъ подвигѣ и радости-страданіи сложилъ невѣдомый труверъ, и ее стали распѣвать трубадуры по всей Франціи. Дошла она до веселаго Лангедока, но ухо слушателей легче и охотнѣе воспринимало сладкія и такія понятныя пѣсни о любви соловья и розы, чѣмъ темную балладу о рыцарѣ Креста. Страстной тревогой взволновала она только душу юной красавицы Изоры, жены суроваго графа Арчимбаута, да тайно влюбленнаго въ нее рыцаря-неудачника Бертрана (прозваннаго Рыцаремъ-Несчастьемъ), который сторожить замокъ графа.

Но и Изора и Бертранъ могутъ вспомнить только открывки загадочной пѣсни, и темень для нихъ смыслъ ея, какъ ни стараются они разгадать этотъ смыслъ. Все развитіе драмы построено на развитіи отношенія красавицы-графини и Рыцаря-Несчастья къ странной пѣснѣ.

Изора такъ толковала ея темныя слова: „Сердцу законъ непреложный... любить и ждать... Радость-страданье... да, и страданье-радость съ милымъ!..“ И томится она тоской неразгаданности, и кажется ей, что если увидитъ она того, кто сложилъ эту балладу, то разрѣшится мука ея сердца, свершится то, о чемъ грезить ея горячая кровь, о чемъ поетъ обаяніе весны, что выше и святѣе почтительной и страстной любви, слагаемой къ ея ногамъ прекраснымъ пажемъ Алисканомъ.

И вотъ она видитъ во снѣ невѣдомаго рыцаря, котораго зовутъ Странникомъ. Онъ мо-

лодь, свѣтлокудръ, такъ привлекателенъ; на груди у него красуется черная роза. Что-то говорить сердцу Изоры, что плѣнившая ее пѣсня исходитъ отъ него,—какъ-то связанъ онъ съ этой пѣсней. И уже не знаетъ покоя Изора. Она посылаетъ вѣрнаго Бертрана,—для котораго сама она (Изора это знаетъ) недостижимое видѣніе, Прекрасная Дама,—отыскать и привести къ ней невѣдомаго пѣвца, „хотя бы пришлось всѣ страны снѣговъ и тумановъ пройти“.

Послѣ тяжкихъ испытаній обиженный людьми и судьбою Рыцарь-Несчастье находитъ того, кого онъ ищетъ, въ далекой Бретани. Зовутъ его дѣйствительно Странникомъ, но онъ уже старъ; не „кудри свѣтлѣе льва, рассыпавшіяся по плечамъ“, украшаютъ его голову, а остатки сѣдыхъ волосъ. И нищенскимъ своимъ видомъ не столько онъ похожъ на рыцаря-странника, вдохновеннаго пѣвца, сколько на обыкновеннаго бродягу. И не черная, цвѣта густой крови, роза на его груди, а знакъ креста.

Этотъ крестъ дала ему фея:

Люdiamъ ты будешь зовомъ безцѣльнымъ.
Быть можежъ, тронешь ты
Сердце дѣвы земной,
Но никѣмъ не тронется
Сердце твое...
Оно во власти моей...
Странникомъ въ мѣрѣ ты будешь!
Въ этомъ твое назначенье.
Радость—Страданье твое!..

Бертранъ приводитъ стараго рыцаря къ своей госпожѣ. Утомленный дорогомъ, старикъ засыпаетъ въ заросли розъ подь окномъ Изоры. А та не знаетъ этого, но снова видитъ она въ лунномъ лучѣ образъ молодого Странника.

Странникъ! Гдѣ роза твоя?
На груди твоей крестъ горитъ!

Возьми эту розу!
Такъ черна моя кровь, какъ она!
Не уходи! Съ ума сойду я...
Ближе, ближе ко мнѣ полойди!
Дай страшный твой крестъ
Черною розою закрыть!

И черная роза, брошенная Изорой, падаетъ на спящаго подь окномъ Странника,—утромъ онъ находитъ розу на своей груди.

Но зачѣмъ ему невѣдомая роза? Газтанъ (такъ зовутъ Странника) признаетъ только знакъ креста, роза земной любви отъ него далека. Она Газтану даже не понятна—оттого онъ такъ легко соглашается на горячую просьбу Бертрана, который знаетъ, откуда эта роза, уступить ее ему. Пускай тотъ—этотъ чудаковатый стражъ замка—благословѣнно прячетъ подь свой панцырь брошенную розу, а для него, Странника, для пѣвца, отъ-

ченного крестомъ, символъ земной любви ничѣмъ не отличается отъ простыхъ цвѣтовъ. *Роза и крестъ* не сливаются ни для Газтана, ни для Бертрана; тайна Радости-Страданья въ сущности обимъ имъ непонятна. Самъ сочинитель таинственной пѣсни, посланникъ феи, собственно не догадывается объ истинномъ смыслѣ своей баллады...

Въ это же самое утро въ замкѣ графа Арчимбаута справляется весенній праздникъ. Шуты, жонглеры, менестрели выступаютъ одинъ за другимъ, чтобы развеселить прекрасную Изору. Выступаетъ и Газтанъ. „Старикъ!“ уронила графиня, равнодушно отворачиваясь отъ него. А неказистый старый рыцарь поетъ ту самую пѣсню, которая отравила душу красавицы. Изора поражена. „Этотъ голосъ мнѣ снился!..“ Но вѣдь совсѣмъ иной образъ того, кто долженъ былъ разрѣшить всѣ ея томленія и порывы, нашептало тоскующей супругѣ суроваго графа свѣжее, нетронутое чувство... Изора потрясена до обморока.

Уходитъ навсегда странникъ, спѣвъ свою пѣсню, а очнувшаяся графиня уже навсегда забыла о Прекрасномъ Принцѣ... Волненіе, возбужденное пѣсню о Радости—Страданьи, бросаетъ ее теперь въ объятія молодого пажы Алискана. Смыслъ таинственной пѣсни понимаетъ Изора теперь просто:

Да... радость, радость... любить,
Страданье... не знать любви...

А въ сущности, радость-страданье, конечно, „одно“: запретная любовь миловиднаго пажы несетъ ей и радость, и страданье,—последнее приходится вѣдь постоянно ожидать со стороны обманутаго мужа-властелина...

Итакъ, Изора, отказавшись отъ сна, беретъ явь—Алискана. Странникъ взялъ крестъ, Изора—розу. А Бертранъ?.. Онъ какъ будто остался ни съ чѣмъ, но нѣтъ: въ груди у него—крестъ любви, а на груди—черная роза, даръ его Прекрасной Дамы, правда, не ему предназначенный. И „Рыцарь-Несчастье“ удостоился великой чести и счастья слить воедино эти два дара судьбы, одинъ только онъ удостоился.

Враги графа неожиданно напали на замокъ. Внезапное нападеніе удается отбить главнымъ образомъ благодаря Бертрану, но это стоило ему тяжелой раны. Не обращая вниманія на свою рану, онъ ночью, по просьбѣ графини, становится на стражу у башни ея, когда къ ней подъ покровомъ темноты поднимается пажъ Алисканъ. Онъ же, Бертранъ, обезсиленный метерей крови, помогаетъ счастливому пажу взобраться въ окно.

И вотъ, истекая кровью, умирая на стражѣ любви своей Прекрасной Дамы, Бертранъ начинаетъ понимать:

Счастлива будь, Изора!
Мальчикъ красивый
Лучше туманныхъ и страшныхъ сновъ!
О, какъ далекъ отъ тебя, Изора,
Тотъ феей данный,
Тотъ выцвѣтшій крестъ!

И по мѣрѣ того, какъ онъ теряетъ силы, послѣднія силы, и растутъ его муки, тѣлесныя и душевныя,—жалкій „Рыцарь-Несчастье“ все больше проникается тайною чудесной пѣсни, тайною черной розы Радости и свѣтлаго креста Страданія.

Рана открылась,
Силы слабѣютъ мои..
Роза гори!
Смерть, умудряешь ты сердце..
Я понялъ, понялъ, Изора:
Сердцу законъ непреложный—
Радость—Страданье одно..
Радость, о Радость—Страданье,
Боль неизвѣданныхъ ранъ!..

Бертранъ остается вѣренъ себѣ—и своей Дамѣ—до самого конца: падая мертвымъ, онъ успѣваетъ подать условный сигналъ любовникамъ о томъ, что къ башнѣ приближается поднятый на ноги доносомъ свирѣпый графъ, ея обманутый супругъ,—падая онъ со звономъ роняетъ мечъ.

„Пляска передъ зеркаломъ“ Франсуа де-Кюреля.

[84.09]

Франсуа де-Кюрель,—какъ пишетъ о немъ и его послѣдней, недавно поставленной въ Парижѣ пьесѣ нѣкто П. въ № 3, „Театр. Газ.“,—одинъ изъ тѣхъ немногихъ французскихъ драматурговъ, которые желаютъ, чтобы зрители смотрѣли далѣе фабулы и ожидали большого, чѣмъ даетъ смѣна сценъ за рампой.

Молодая дѣвушка, Регина, богатая—въ драмѣ говорятъ даже о милліонахъ—и независимая, страстно влюблена въ эlegantнаго жуира Поля Бреана, который ее тоже любитъ, какъ она предполагаетъ. Регинѣ показалось, что въ его глазахъ она прочла какое-то неизъяснимое колебаніе; она приходитъ къ нему поздно вечеромъ, готовая на все, если это необходимо, чтобы привязать къ себѣ нерѣшительнаго. Находить она его... въ самомъ неожиданномъ обществѣ.

Регина рассказываетъ объ этомъ грубомъ приключеніи своей подругѣ и повѣренной Луизѣ, а эта передаетъ ей газету, гдѣ сообщается, что Поль бросался въ Сену, но его спасли. Что же теперь думать о немъ Регинѣ?

Обыкновенный ли это прожигатель жизни или отчаявшійся герой?

Является самъ Поль, блѣдный, полный стыда за свое неудавшееся покушеніе. Онъ объясняетъ, почему онъ рѣшился на это: онъ потерялъ все свое состояніе и не могъ прожить руки богатой наслѣдницы. Въ то же время онъ не способенъ отказаться отъ роскоши и зарабатывать себѣ на пропитаніе трудомъ. Но прежде чѣмъ уйти изъ жизни, онъ хотѣлъ забыться.

Регина восхищенно смотритъ на человѣка, который хотѣлъ убить себя изъ-за нея.

„Если бы я нуждался въ васъ, если бы я былъ обезчещенъ, изгнанъ изъ общества, что сдѣлали бы вы?—спрашиваетъ Поль. „Спасла бы васъ!“—отвѣчаетъ она. Эти слова, однако, зарождаютъ въ немъ тяжелое подозрѣніе. Быть можетъ, Регинѣ крайне необходимо, чтобы на ней женились?..

Онъ уходитъ въ ледяномъ настроеніи. Регина, которой Луиза сообщаетъ о подозрѣніяхъ Поля, весьма довольна: наконецъ-то у нея есть средство привязать его къ себѣ! Онъ думаетъ, что она ищетъ спасенія въ немъ, желая покрыть его именемъ свой дѣвическій позоръ. Пусть остается въ этомъ заблужденіи. Этимъ путемъ она лучше попытается, герой онъ или авантюристъ.

Луиза, которая должна укрѣпить Поля въ его заблужденіи, находитъ его въ такомъ отчаяніи, что откровенно рассказываетъ ему объ уловкѣ Регины. Бреанъ обѣщаетъ хранить молчаніе. Но при видѣ досады Регины, досады вызванной той легкостью, съ которой онъ переноситъ свое положеніе, Поль сознается, что ему все известно. Тогда она опять все запутываетъ, чтобы яснѣе видѣть сердце Бреана. Регина заявляетъ ему, что Луиза обманула его и что она дѣйствительно беременна.

Бреанъ опять уничтоженъ и говоритъ, что согласно своему обѣщанію женится на ней, но затѣмъ покончитъ съ собой. Лжетъ онъ или не лжетъ? Молодая дѣвушка хочетъ знать, что стоитъ за этими угрозами самоубійства,—вымогательство или благородное чувство, и хочетъ довести комедію во что бы то ни стало до конца.

Въ третьемъ актѣ Поль и Регина только что поженились. Вопреки всѣмъ ея экспериментамъ, она все еще плохо знаетъ душу того, кто называется ея мужемъ. Она нашла въ его комнатѣ заряженный револьверъ и прощальное письмо „Моей женѣ“, и въ то же время ей стало извѣстно, что онъ навѣлъ видлу въ Лугано. Хочетъ онъ умереть или жить?

Луиза, которой она повѣряетъ мученія своей

совѣсти, отвѣчаетъ ей банальными словами о томъ, что всѣ мы одиноки. Напрасно пытаться узнать человѣка, котораго любишь. Въ глазахъ возлюбленного или возлюбленной видишь ту картину, какую хочешь видѣть, но не подлинную. Обманчивое зеркало отражаетъ всегда чужой образъ.

Входящій Поль выслушиваетъ упреки въ разыгранномъ героизмѣ. Онъ клянется въ искренности. Регина страстно бросается въ его объятія. Луиза была права! Люди, которые любятъ, могутъ видѣть и хорошо знать, кого они любятъ.

Поль, наклонившись надъ ней, восклицаетъ: — Да, я вижу себя въ твоихъ глазахъ. Я вижу себя героемъ, о которомъ ты мечтала.

— Не пытайся,—шепчетъ Регина,—разбить зеркало, показывающее такую чудную картину.

— Нѣтъ, не зеркало! Оно должно сохранить эту чудную картину.

И Поль приближаетъ револьверъ къ виску и убиваетъ себя.

Для Регины онъ навсегда остается героемъ...

„Эйвинъ и Хадла“ Юганна Сигуріонсона.

[849.11.09]

Эта пьеса принадлежитъ перу исландскаго драматурга, одного изъ самыхъ талантливыхъ представителей „молодой Исландіи“, занимающей теперь свое опредѣленное, своеобразное и видное мѣсто въ обще-скандинавской литературѣ. Новая драма Сигуріонсона явилась едва ли не крупнѣйшимъ событіемъ закончившагося театральнаго сезона въ Норвегіи и Даніи и встрѣчена тамошней критикой съ восторгомъ. Содержаніе пьесы мы узнаемъ изъ корреспонденціи А. М. Л. въ „Рѣчи“ (№ 74).

Эйвинъ и Хадла—это два человѣка, любящіе другъ друга. Но не въ обыкновенныхъ, даже не обычно исландскихъ условіяхъ созрѣваетъ, растетъ и развивается ихъ любовь. Эйвинъ—бѣглый воръ, удравшій изъ тюрьмы и послѣ долгихъ скитаній по горамъ, подъ чужимъ именемъ поступившій батракомъ къ богатой красавицѣ-вдовѣ Хадлѣ. Кражу онъ совершилъ подъ напоромъ крайней нужды: пошелъ къ богатому пастору просить взаймы сѣстное для умирающей съ голоду семьи отца, получилъ отъ пастора отказъ и, не устоявъ противъ соблазна, укралъ пасторскую овцу. Но уголовное право не знаетъ пощады: Эйвина приговариваютъ къ десятилѣтней каторгѣ. Онъ

не въ силахъ подчиниться несправедливому приговору и бѣжать изъ тюрьмы.

Въ усадьбѣ Хадлы онъ своимъ прилежаніемъ, своей честностью, добротой и услужливостью подчиняетъ себѣ всѣ сердца. Онъ съ каждымъ днемъ дѣлается лучше и добрѣе, ибо сердце его озаряется любовью къ Хадлѣ. Но незамѣтно для другихъ, его гложетъ червь: онъ знаетъ, что не достать ему Хадлы—не потому, что онъ бѣдный батракъ, а потому, что свобода его виситъ на тонкой ниточкѣ. Его могутъ узнать, и судьба его рѣшена: онъ долженъ или опять уйти въ горы, чтобы жить страшною жизнью „отверженнаго“, или, что было бы во сто разъ хуже, попасть на всю жизнь въ тюрьму за побѣгъ. И вотъ катастрофа разражается: Каури (такъ онъ назвалъ себя) узнавъ—онъ не Каури, а Эйвинъ, бѣглый воръ, „отверженный“ Эйвинъ.

Вначалѣ никто кругомъ и особенно Хадла не хотѣлъ вѣрить этому: она уже давно любила Каури, и ей нелѣпнымъ кажется обвиненіе противъ него. Оскорбленная за него, она хотѣла вознаградить его за перенесенную отъ нея родственника обиду и первая признается ему въ любви. Она поражена, когда Каури не кидается къ ней съ расprostертыми объятіями, но онъ тутъ же признается ей, что обвиненіе противъ него справедливо, что онъ дѣйствительно Эйвинъ: онъ не въ силахъ скрыть отъ нея правду, хотя ждетъ, что она тотчасъ же отшатнется отъ него.

Но Хадла, которую авторъ до сихъ поръ показывалъ намъ живой, жизнерадостной, добродушной и веселой женщиной, Хадла не изъ тѣхъ, чье сердце легко перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку. Она любитъ Каури и никакого Эйвина не знаетъ. Съ Каури же она должна дѣлать все. Узнавъ правду, она всю силу своей воли, все свое вліяніе, всю свою хитрость направляетъ на то, чтобы отсрочить арестъ заподозрѣннаго, чтобы выиграть время. Она съ перваго же момента рѣшила бѣжать съ нимъ. Ей и въ голову не приходитъ, что она можетъ поступить иначе: „Неужели ты думаешь, что я удовлетворюсь мечтами о тебѣ?“, спрашиваетъ она Каури, старающагося остановить ее на опасномъ пути. Она бросаетъ все свое богатство, она отказывается отъ своей гражданской чести, она добровольно вступаетъ въ ряды „отверженныхъ“ и уѣзжаетъ верхомъ въ горы съ тѣмъ, кого она любитъ.

Среди далекихъ горъ, въ сосѣдствѣ жутко стонущихъ водопадовъ, зловѣще зіяющихъ горныхъ ущелій и скользкихъ горныхъ тропинокъ разворачивается вся почти сверхчеловѣ-

ческая сила этой женщины-валькиріи, цѣликомъ ушедшей въ свое великое чувство любви къ Каури и протеста противъ отвергнувшаго его и ее общества. Мы видимъ ее, привыкшую къ домашнему уюту и богатству, среди самыхъ ужасныхъ лишеній, мы узнаемъ, что она уже семь лѣтъ какъ живетъ со своимъ возлюбленнымъ въ горахъ.

Но она вся еще полна молодости и жизнерадостности. Мы видимъ ее съ ея ребенкомъ, прелестной двухлѣтней дѣвочкой, и слышимъ, какъ всѣ ея помыслы, всѣ ея мечтанія направлены на то далекое еще время, когда маленькая Тота вырастетъ. Мы видимъ, какъ она встрѣчаетъ возвращающагося съ охоты Каури; все такъ же сильна ея любовь къ нему. И мы вѣримъ ей, когда она говоритъ: „Я могу жить, если даже Каури не всегда одинаково любить меня, но лишь только я разлюблю его,—я умру“.

Въ этой фразѣ, такой какъ будто простой, вся загадка необычайной и почти невѣроятной силы Хадлы. Она можетъ жить, она можетъ безъ конца страдать, она можетъ совершать самые геройскіе подвиги, она можетъ наносить себѣ самые жестокие удары, пока цѣль святой огонь въ ней самой, пока не разрушенъ тотъ внутренний центръ, вокругъ котораго она строитъ свою жизнь, пока въ ней самой есть та точка, на которую она опирается. Цѣлостъ этого центра, наличность этой точки даетъ ей возможность жить и любить жизнь даже послѣ того, какъ жестокія условія заставили ее вынести на морозъ своего первенца, родившагося осенью и поэтому осужденнаго на медленное умираніе или болѣзную жизнь.

Но вотъ судьба ставитъ Хадлу передъ новымъ ужаснымъ испытаніемъ. Ея давнишній врагъ, водостной старшина, набрелъ на ихъ слѣдъ и явился съ вооруженными людьми, чтобы арестовать ихъ. Представленіе о томъ, что ея маленькая Тота станетъ жертвой мстительности этого жестокаго человѣка, сразу мутитъ ея умъ: не помня себя она схватываетъ спящую дѣвочку и съ крикомъ: „ребенка я имъ не отдамъ!“ сбрасываетъ ее со скалы. Затѣмъ, гонимая все тѣмъ же ужасомъ, она съ душой раздирающимъ крикомъ, напоминающимъ крикъ раненой волчицы, кидается бѣжать. Каури за нею, и они опять скрываются въ горахъ, защищающихъ ихъ отъ людей.

Но съ того момента, какъ Хадла принесла въ жертву молоху жизнь своего второго ребенка, силы ея отказываются собраться вокругъ стараго центра. Нѣтъ больше этой точки, и жизнь отверженныхъ становится все невы-

носимѣ и невыносимѣ. Вѣчныя лишения и вестерпимая нужда день за днемъ вливаютъ потоки горечи въ души этихъ двухъ людей. Все еще держится въ душѣ Хадды ея любовь къ Каури, все еще эта любовь даетъ ей возможность жить. Но вотъ немилосердно долгая зима обрекла ихъ на долгій голодъ, и въ Каури, подъ вліяніемъ голода, просыпается необходимый эгоизмъ: онъ не въ силахъ больше терпѣть и хочетъ спуститься внизъ за пищей. Онъ не внимаетъ просьбамъ Хадды остаться съ нею. Онъ впадаетъ въ отчаяніе и униженно молить Бога о пощадѣ. Онъ плачетъ. Все это является послѣднею каплею, переполнившюю чашу горечи въ сердцѣ Хадды. Звѣрски-эгоистическаго, слабого, плачущаго Каури она не можетъ любить. А, не любя его, она не можетъ жить.

Погасъ внутренній огонь въ душѣ Хадды и объялъ ее страшный холодъ. Сильнѣе всякихъ словъ и всякихъ фразъ дѣйствуетъ на читателя и зрителя этотъ жуткій нервный ознобъ Хадды. Напрасно Каури старается согрѣть ее, напрасно онъ спѣшитъ за дровами, чтобы раздуть огонь на очагѣ. Хадду уже не согрѣть. И она выходитъ въ бушующую мятель, чтобы отдаться во власть той немилосердной силѣ, которая вырвала изъ ея объятій ея двухъ малютокъ.

Рухнулъ центръ въ душѣ Хадды, и она гибнетъ.

„Космосъ“ Эжена Барнаволя.

[849.3.09]

Все чаще и чаще теперь дѣлаются попытки дать настоящую социальную драму самого широкаго размаха. Одну изъ такихъ попытокъ отмѣчаетъ съ восторгомъ А. Луначарскій въ журналѣ „Борьба“ (№ 3), какъ весьма удачную. Пьеса молодого бельгійскаго поэта, существующая только въ печати, обратила на себя уже серьезное вниманіе. Вотъ ея сюжетъ.

Первый актъ называется „Столпы порядка“. Въ немъ мы присутствуемъ на засѣданіи фанатовъ акулъ, ежеминутно готовыхъ пожрать другъ друга, но и объединиться въ одну безпощадную стаю, когда ихъ диктатурѣ грозитъ опасность. Одинъ другого лучше эти прожженные циники, надъ которыми господствуетъ въ своей свѣршной наглости Дюро-отецъ.

Не только положеніе огромнаго треста „Космосъ“, но и положеніе монархіи пошатнулось въ результатъ возстанія, гдѣ-то далеко, одного изъ эксплуатируемыхъ народовъ. Золотыя рѣки, создавшіяся изъ мелкихъ вкладовъ въ сберегательныя кассы, направлены были туда съ

благословенія короля, который такимъ образомъ скомпрометированъ въ глазахъ народа.

Но все это можно поправить. Военно-научнымъ экспедиціямъ приказано было найти въ одной изъ колоній золото. Нашли Въ послѣднюю голову Дюро послать туда своего сына лейтенанта, чтобы дать ему возможность отличиться.

Молодой человекъ обладаетъ тѣмъ же гравитнымъ характеромъ, что и его негодный отецъ. Но сила эта нашла у него другой исходъ. Индивидуалистъ, не цѣнящій ни почестей, ни денегъ, онъ сдѣлалъ себѣ кумиръ изъ Истины. Онъ ученый, и хочетъ быть вѣренъ своей научной чести. Онъ не нашелъ золота и хитя знаетъ, какимъ крахомъ грозятъ его разоблаченія. — идетъ навстрѣчу всѣмъ возможнымъ скандаламъ. Трагическое столкновеніе разгорается между нимъ и его классомъ, между нимъ и его отцомъ. Въ патетической сценѣ, полной страсти, честный человекъ отвергаетъ всѣ попытки подкупа, софизмы и угрозы и, неясно сознавая даже, куда идетъ, — капитанъ Дюро переходитъ на сторону народа, чтобы раскрыть ему глаза на огромный обманъ, со всѣхъ сторонъ его обволакивающей.

Второй актъ носитъ названіе „Бунтъ“ и распадается на три картины.

Въ первой мы спускаемся на дно, къ „лупамъ“, къ оборванцамъ. Эти отчаянные люди уже чуютъ какія-то новыя возможности для себя. Подняться до опредѣленной социальной цѣли они конечно не могутъ, но въ нихъ живы духъ разрушенія и хищная жажда поживиться.

Настоящимъ сатаной этого ада является Мозельбергъ. Въ компаніи съ геркулесомъ-мясникомъ, на плечахъ котораго онъ ѣздитъ въ вихряхъ всякой драки и другихъ исчадій горя и разложенія, Мозельбергъ, умный, дерзкій, безсовѣстный, всѣхъ и все невидящій, со своей гордой осанкой и въ потертомъ цилиндрѣ, является признаннымъ вождемъ опасной арміи отчаянія. Самого его привлекаютъ только безудержная личная отвага, авантюры и метительное разрушеніе. Этотъ отверженецъ общества — какъ бы воплощеніе преступленія. Капиталъ не брезгаетъ пользоваться имъ и оплачивать его услуги, когда нуждается въ томъ, чтобы спровоцировать толпу на эксцессы и успокоить ее свинцомъ. И Мозельбергъ охотно берется за такое ужасное дѣло, думая, что служитъ духу разрушенія, въ который только и вѣрить въ своей горькой и сумасшедшей ненависти къ обществу.

Сцена кончается волчьимъ гимномъ, свистящей и звенящей марсельезой воровъ и убійцъ, которые, какъ грязная пѣна поднимаются со дна

на поверхность, чуя, что общественное море заволодалось.

Вторая картина рисует намъ бюро сберегательной кассы, осажденное безпокойной и негодующей толпою главнымъ образомъ мелкихъ мѣщанъ, прислуги и т. п. Директоръ водить ихъ за носъ и ждетъ войска. Мозельбергъ, заранѣе подговоренный финансовой кликой, ограбляется перевозившимся въ кассу подъ конвоемъ сундукъ, якобы полный деньгами. Это сдѣлано было однако лишь для того, чтобы взорвать накопившійся порохъ и бросить возможно болѣе тѣни на весь вопросъ о государственномъ банкротствѣ. Толпа все яростнѣе кричащая: „Наши гроши, наши гроши“, наконецъ забрасывается камнями директора, убѣдившись, что „грошей“ она не получить. Ей отвѣчаютъ пулями.

Третья картина даетъ грандіозное зрѣлище митинга. Тутъ на первомъ планѣ уже пролетаріатъ. Толпа вначалѣ нерѣшительна. Кое-кто боится кровопролитія, но частью любопытство, частью сознание долга удерживаетъ всѣхъ. Толпа раздѣляется у Барнаволя на множество личностей, то появляющихся, чтобы выкрикнуть какую-нибудь фразу, то исчезающихъ. Она играетъ передъ вами всей радугой мѣній, отъ обывательщины до социализма, анархизма; всѣми градаціями сознательности, отъ полной темноты до вполне отлившаго міросозерцанія.

Короткіе споры и стычки, приливы, отливы и водовороты. Начинаются рѣчи.

Либеральный ораторъ восторженно призываетъ къ борьбѣ за всеобщее избирательное право. Искренно увлеченный открывшимися возможностями, онъ заявляетъ, что пришло время дѣйствовать, что отдѣльные партійные отъѣмки стерлись, ибо лозунги: всеобщая стачка, революція и избирательное право теперь слились.

Между тѣмъ въ толпу вмѣшивается разгоряченная, рваная, отчасти уже окровавленная стихія подонковъ. Рабочая стихія встрѣчаетъ эту примѣсь съ отвращеніемъ. Между ними пропасть. „Лумпы“ уже готовы съ ненавистью обвинить пролетаріевъ въ аристократизмѣ, пролетаріи предвидятъ, сколько помѣхи они встрѣтятъ отъ этихъ навязчивыхъ союзниковъ.

Драка уже закипаетъ, когда толпу успокаиваетъ и старается объединить социалистическій депутатъ Ліонель. Но въ прибоѣ волна идетъ за волною, все грознѣе и рѣшительнѣе. Ліонеля отбрасываетъ косматая фигура „человѣка дѣла“ Мартина съ его бунтарскими рѣчами, а за нимъ уже видѣется пугающее лицо Мозельберга, который дразнитъ толпу двусмысленными словами, бросаетъ ей свое презрѣніе и глумится надъ начинающейся революціей „ста-

да“. И вотъ приливы и отливы и водовороты становятся все кипучѣе и шумнѣе. Только крики о наступленіи солдаты вдругъ сливаютъ всю эту сумятицу въ огромный героическій потокъ. Уже есть убитые. Слившись въ жаждѣ мести и свободы, толпа чувствуетъ свою космическую силу и подъ громовое пѣніе интернаціонала идетъ навстрѣчу смерти или побѣдѣ.

Правительство не разсчитало своихъ силъ. Солдаты перешли на сторону народа. Бунтъ побѣдилъ и превратился въ революцію.

Третій актъ—„Революція“—еще богаче красками.

Побѣдитель—пролетаріатъ стихійно придаетъ своей революціи социалистическій характеръ. Либералы въ ужасѣ перекочевываютъ по другую сторону баррикадъ и братаются съ дворянско-клерикальной властью. Они надѣются выиграть больше всѣхъ, помиривъ народъ на либеральной конституціи.

Между тѣмъ въ лагерѣ побѣдителей нѣтъ порядка и согласія. Надо наладить хозяйственную жизнь страны на новыхъ началахъ. Задача трудная. Многіе идеологи оказываются слишкомъ непрактичными для ея выполнения. Массы относятся нетерпѣливо къ интеллигенціи, но сами не въ состояніи проявить сконцентрированную и организованную волю. Между тѣмъ опасности растутъ. Мозельбергъ, полный пропіи, каркаетъ о скоромъ пораженіи. Великолѣпна сцена, въ которой сатанинскую гордыню Мозельберга раздавливаетъ крѣпкій и сознательный пролетарій Матру. Но послѣднее слово останется все же за Мозельбергомъ, потому что послѣднее слово остается за реакціей. Мозельбергова компанія помогаетъ финансистамъ. Заранѣе подстроенными нападеніями на консуловъ она даетъ великимъ державамъ поводъ вмѣшаться въ революцію и раздавить ее. Въ то самое время, какъ Ліонель истинно вдохновенною рѣчью старается послѣ ареста совѣта рабочихъ депутатовъ вызвать новый взрывъ народной энергіи,—въ порту появляются вражескіе броненосцы.

Все погибло. Остается одна только надежда, что, можетъ быть, солдаты чужестранныхъ державъ откликнутся на братскій призывъ и откажутся стрѣлять.

Подчиниться игу финансистовъ, сдѣлавшихъ, какъ оказывается, на революцію великолѣпную интернаціональную аферу и овладѣвшихъ въ лицѣ Дюро-отца полною властью, рабочая масса больше не можетъ. Побѣда или смерть! Теперь и Мозельбергъ, не изъ энтузіазма, не изъ симпатій, а изъ какого-то сумрачнаго отчаянія—идетъ умереть со всѣми. Не все ли равно... Толпа поетъ Интернаціоналъ за сценой,

но пѣніе прерывается залпами. И съ каждым залпомъ голоса слабѣютъ. Въ залу Народнаго Дома, гдѣ остались только босяки-паразиты, вбѣгаетъ двое маленькихъ дѣтей.

„Старшій.—Гдѣ они? Скажите? Гдѣ? Вѣдь папа съ ними... Никто не отвѣчаетъ.

Младшій (кричитъ)—Папа, папа!

Старшій.—Молчи. Слышишь?

„Ясный чистый вибрирующий голосъ женщины одинъ только поетъ теперь торжественный мотивъ Интернаціонала. Выстрѣлъ... Молчаніе.

Оба малютки дрожать и потомъ вдругъ въ благородномъ порывѣ ихъ страстныхъ маленькихъ душъ изо всей силы дѣтскіе груди запѣваютъ великій народный гимнъ“.

Паразиты (бросаясь къ нимъ). — Молчите, молчите, дѣтвора: вѣдь насъ здѣсь всѣхъ убьютъ!

Въ то время какъ старшій продолжаетъ пѣть, младшій кричитъ: „Труссы, труссы“ и плюетъ на нихъ. За сѣной слышна команда и тяжелые шаги солдатъ. Паразиты разбѣгаются. Мальчики, равнодушные ко всему, прижавшись другъ къ другу, поютъ въ увлеченіи, какъ будто они хотѣтъ утвердить свою непоколебимую вѣру въ превращеніе сегодняшняго пораженія въ завтрашнюю побѣду.

Два эпизода изъ жизни Салтыкова.

(Къ 25-лѣтію со дня смерти).

[92(С)]

Въ той массѣ печатнаго матеріала, которымъ почтили наши газеты и журналы память великаго сатирика, среди всѣхъ этихъ статей, замѣтокъ, очерковъ, воспоминаній о немъ и среди опубликованныхъ впервые произведеній его обращаютъ на себя вниманіе два сообщенныхъ здѣсь факта. Они рисуютъ покойнаго писателя съ довольно неожиданныхъ сторонъ, особенно—„романическая глава изъ автобіографіи“, приведенная въ № 219 „Солнца Россіи“ съ комментаріями *Вл. Кранихфельда*. Второй эпизодъ—приглашеніе Іоанна Кронштадтскаго къ больному М. Е. незадолго до его кончины; объ этомъ разсказалъ въ „Нов. Вр.“ (№ 13694) сынъ покойнаго, *К. Салтыковъ*.

„Романической главой изъ автобіографіи“ г. Кранихфельдъ называетъ найденный имъ въ рукописяхъ сатирика отрывокъ, самимъ писателемъ оставленный безъ заглавія. Названный изслѣдователь, ознакомившись тщательно съ документомъ, приходитъ къ убѣжденію, что мы имѣемъ здѣсь не что иное, какъ страничку изъ дневника М. Е.

Между раннимъ юношескимъ восторженнымъ преклоненіемъ Салтыкова передъ какой-то „маленькой, милой“ Бетси, его „первой свѣжей любовью“, „первыми сладкими тревогами сердца“, съ одной стороны, и между „разсуждающей любовью“ къ Ел. Ап. Болтиной, ставшей его женою, съ другой—до сихъ поръ мы не подозрѣвали никакого пробѣла. Казалось, суровый сатирикъ былъ чуждъ всякой другой любви. Но вотъ теперь,—если признать правильной догадку г. Кранихфельда,—приходится влести въ біографію Салтыкова новую, весьма существенную главу, главу о „кратковременномъ бурномъ романѣ“,—о „неровныхъ, насыщенныхъ электрическими зарядами неудовлетворенной чувственности, отношеніяхъ его къ Ольгѣ Погоониной. Женщина съ дѣтски-цѣломудреннымъ профилемъ и съ дѣвственно-невиннымъ взоромъ, Ольга жила загадочною двойной жизнью, въ которой тайная оргія разнузданной чувственности занимала далеко не послѣднее мѣсто. И съ этой-то женщиной столкнула судьба Салтыкова“. Однако, какъ ни удивительно открытіе, сдѣланное въ архивѣ писателя, надо принять во вниманіе слѣдующее: Салтыковъ и въ этомъ случаѣ остался, въ концѣ концовъ, вѣренъ себѣ, своей натурѣ. „Салтыковъ,—замѣчаетъ комментаторъ новой „главы“,—и въ этомъ бурномъ романѣ съ „инфернальной“ Ольгой оказался человѣкомъ „разсуждающей любви“,—человѣкомъ, подчиняющимъ свои чувства верховному контролю разума“.

Данный эпизодъ относится, повидимому, къ вятскому періоду жизни М. Е. Вотъ содержаніе „странички изъ дневника“.

„Вчера ночь была такая тихая, такая темная и звѣздная! Не похоже даже, чтобы это было на далекомъ сѣверѣ, и чтобы на дворѣ стоялъ сентябрь въ половинѣ; точно теплая, славная южная осень, которой я, впрочемъ, не видѣлъ. Мнѣ было какъ-то тоскливо, томительно грустно послѣ вчерашнихъ сладостныхъ впечатлѣній; и вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя сердце мое болѣло, хотя всѣ струны души моей были настроены на печальный ладъ, мнѣ было хорошо и легко.

Часу въ восьмомъ я вышелъ бродить по улицамъ; вездѣ уже, во всѣхъ окнахъ зажглись огни, которые на этотъ разъ какъ-то особенно привѣтливо смотрѣли; гуляющихъ не было, чему я на этотъ разъ былъ очень радъ. И сердце, и привычка влекли меня къ дому, гдѣ живутъ Погоонины, но когда я поровнялся съ нимъ, во мнѣ явилось, несмотря на вчерашнее запрещеніе, непреодолимое желаніе хоть издали посмотреть Ольгу, видѣть ея дѣт-

ски-цѣломудренный профиль, полюбоваться ей граціозною и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто утомленною позою, вновь испытать всѣ тревоги ненасытнаго и неудовлетвореннаго желанія. Тихо перелѣзъ черезъ заборъ ихъ сада, безъ шума прошелъ по темнымъ аллеямъ, усыпаннымъ желтыми листьями березъ; вонъ сквозь вѣтви сверкнулъ огонекъ въ окнахъ ея комнаты...

Она сидѣла на диванѣ вся въ бѣломъ, грудь ея, эта чудная полная грудь, къ которой такъ еще недавно губы мои съ такимъ трепетомъ прикасались, была раскрыта; на щекахъ горѣлъ румянецъ, глаза были мутны, губы сухи отъ желанія; было душно, тяжело въ этой атмосферѣ, провѣкнутой мѣзмами сладострастія... Подлѣ нея сидѣлъ Дерновъ, тотъ самый Дерновъ, о которомъ она вчера съ такимъ презрѣніемъ говорила. Я видѣлъ, какъ онъ обнималъ ее, слышалъ его поцѣлуй! Но нѣтъ, это были не объятія, это были не поцѣлуи,—то была какая-то оргія чувственности, которой нечистыя испаренія долетали до моего обонянія; до слуха моего отчетливо долетали судорожные вздохи, которыми разрѣшалась эта вакханалія; глаза мои впились въ эту бѣлую, какъ пѣна, грудь; я самъ весь изнемогалъ, весь дрожалъ отъ сладострастія, кровь горѣла, во рту было сухо, однимъ словомъ, я сдѣлался какъ бы участникомъ этой невестовой драмы...

И вотъ къ чему привела меня эта любовь! Вотъ оно, это цѣломудріе, эта дѣвственная невинность взора, эти жалобы на одиночество, это стремленіе къ любви идеальной, чуждой чувственности, эти слезы оскорбленной гордости, но не той черствой гордости, которая отталкиваетъ, а гордости женственной, полной любви и снисхожденія!..

И, между тѣмъ, я, дѣйствительно, вѣрилъ всему этому, вѣрилъ до такой степени, что и теперь мнѣ больно, что случай раскрылъ мнѣ глаза... Зачѣмъ, зачѣмъ злой мой геній навелъ меня на эту сцену! Если главная задача жизни счастье, и если счастье заключено въ невѣдѣніи, зачѣмъ же я увидалъ, зачѣмъ я самъ разрушилъ свое счастье?

Я воротился домой разбитый; не могу объяснить, однакожъ, натуру чувства, которое овладѣло мной; то не была ревность, потому что для ревности нужно сомнѣніе, то не была злоба или жажда мщенія, потому что злоба предполагаетъ энергію, которой у меня нѣтъ; то не было даже отчаяніе... нѣтъ, то была какая-то общая слабость, близкая къ примиренію, то была гнусная, подлая трусость серд-

ца, не могущаго разстаться съ любимой игрушкой.

На другой день, то-есть сегодня, я, по обыкновенію, около трехъ часовъ пошелъ къ Погониннымъ. Мужъ еще работалъ у себя въ кабинетѣ, и Ольга была одна; на лицѣ ея не было и слѣдовъ вчерашней оргіи; взоръ ея, по обыкновенію, былъ спокоенъ и блѣденъ и утомленъ, потому что, тотчасъ какъ я вошелъ, она взяла меня за руки, почти насильно посадила подлѣ себя и съ такимъ участіемъ начала разспрашивать, не боленъ ли я, что мнѣ стало досадно и больно.

И вдругъ пришла мнѣ въ голову блистательная мысль, что пора перестать быть дуракомъ, что надо пользоваться обстоятельствами и пр. и пр.

— Что съ вами? Что съ вами?—прошептала она встревоженная, но все еще ласковымъ тономъ.

— А то, что достаточно вы притворялись, и пора мнѣ, наконецъ, перестать разыгрывать роль Абеяра*).

И зачѣмъ я рассказалъ ей ея вчерашнія похождения, и такъ какъ я выбивался изъ силъ, чтобы быть ироническимъ и остроумнымъ, то все выходило у меня крайне глупо и плоско.

Я пристально смотрѣлъ на нее; она, дѣйствительно, поблѣднѣла, и губы ея слегка дрожали.

Наконецъ, чуть слышное „подлецъ!“ долетѣло до моего слуха.

Мнѣ вдругъ стало такъ совѣстно самого себя, что я желалъ бы въ эту минуту провалиться сквозь землю. Я повялъ, что я былъ и грубъ и глупъ, что между мною и этой женщиной легла цѣлая пустыня, которую мнѣ никогда, никогда, не перейти.

Какое я имѣлъ право впадать въ жизнь этой женщины, потревожить хоть на нѣсколько минутъ ея спокойствіе? Какое я имѣлъ право такъ нагло и плоско поступать съ нею? Если и предположить, что всѣ слухи о ея соблазнительныхъ и почти невѣроятныхъ похожденияхъ справедливы, развѣ это можетъ исключить мысль объ искренности ея отношеній ко мнѣ? Развѣ не могла она возвыситься до чистой, идеальной привязанности, чуждой чув-

*) Абеяръ (Abeillard)—знаменитый французскій схоластикъ и богословъ XII столѣтія. Романическія отношенія Абеяра и красивой и даровитой Элоизы послужили поводомъ къ насильственному оскотленію Абеяра, послѣ чего онъ, а за нимъ и Элоиза удалились въ монастырь.

ственности и ея побуждений? Развѣ не могла она быть чистосердечной, говоря мнѣ, что любить меня, какъ дитя своего сердца, и что эту свѣтлую привязанность она не промѣняла бы на всѣ восторги иной, плотской любви. Не натурально ли даже, что эта женщина, истерпавшая всѣ наслажденія любви, выпившая до дна ея чашу, захотѣла, наконецъ, отдохнуть на чувствѣ болѣе спокойномъ, но представляющемъ также источникъ неисчерпаемыхъ наслаждений?

И какое право я имѣлъ оскорблять ее, когда она была въ отношеніи меня всегда ласкова, всегда предупредительна, всегда съ терпѣніемъ и любовью переносила мои капризы и мою болѣзненную раздражительность, которая подчасъ бываетъ нестерпима?

Я снова плакалъ и снова молился... И она простила меня, но слова прощенія выходили чуть слышно и, прозвнявъ ихъ, она блѣднѣла, а когда рука моя обвивала ея станъ, по всему тѣлу ея пробѣгала дрожь. Я смутно понималъ это, но было мгновеніе, когда разсудокъ мой совершенно помутнѣлъ, и я уже ничего не чувствовалъ; я жаждалъ блаженства и достигъ его. Но когда я обнималъ ея тѣло, я чувствовалъ, что въ рукахъ моихъ трупъ, которому чужды всѣ мои восторги, когда я цѣловалъ ея грудь, губы мои не умягчались ея влажной теплотою...

Ужасъ и какое-то омерзѣніе вдругъ овладѣли всѣмъ существомъ моимъ; я вдругъ понялъ, что за минуту передъ симъ совершилось гнуснѣйшее изъ всѣхъ гнуснѣйшихъ преступленій, которыя когда-либо существовали! И мной овладѣлъ истерическій припадокъ, до такой степени сильный, что я, позабывъ все, рыдалъ такъ громко, что во всемъ домѣ слышались мои рыданія.

Она подошла ко мнѣ и тихо обняла меня, поцѣловала; глаза ея какъ-то особенно кротко и ласково горѣли; ее, видимо, изумляла полнота и самая рѣзкость чувства, ею вызваннаго... Бѣдная! Она не поняла, что это чувство уже не существовало, что не оно рыдало, а рыдало мое самолюбіе, безпощадно уязвленное за минуту передъ тѣмъ.

Черезъ часъ я былъ дома и спокойно себя засыпалъ.

Черезъ мѣсяцъ. Я довольно рѣзко прекратилъ знакомство съ Погониними; въ городѣ это замѣтили, потому что давно уже обратили должное вниманіе на мое равнодушіе къ Ольгѣ; одна дама, отличавшаяся въ особенности тѣмъ, что грудь ея была такъ ненаатурально выдѣлана, что для незнакомаго съ ава-

томіей тѣла человѣческаго казалась сплошнымъ надутымъ пузыремъ, даже не безъ нѣкотораго остервенѣнія мнѣ самому дѣлала намеки на то, какъ я счастливъ и какъ разсѣянъ. Съ тѣхъ поръ я встрѣчался съ Ольгой у общихъ знакомыхъ, но сухо и всячески избѣгалъ разговора съ нею.

Дѣйствительно, я совершенно спокоенъ, и воспоминаніе о ней не производитъ во мнѣ никакого волненія. Это фактъ; утѣшительнъ ли онъ, — другое дѣло. Сдается мнѣ иногда, что такое быстрое охлажденіе послѣ столь неутишенной восторженности едва ли говорить въ мою пользу. Не означаетъ ли оно вялость, сухость сердца, не способнаго ни искренно привязаться, ни даже сохранить надолго и ту привязанность, которая родилась въ сердцѣ не его собственною дѣятельностью, а какъ бы насильственно брошена въ него прихотью разгоряченнаго воображенія? Не означаетъ ли это, что всѣ движенія души моей фальшивы и ложны, что слезы мои — просто верное разстройство, а негодованіе противъ злоупотребленій и взяточниковъ — плѣнной мысли раздраженіе?

Говорятъ, будто есть такіе люди, которые всякое движеніе души своей могутъ настроить по желанію, и, наконецъ, до того привыкаютъ къ этому, что и сами признаютъ ихъ искренними: при словѣ „добродѣтель“ приходятъ въ святые восторги и проливаютъ слезы, при словѣ „семейство“ благодушно улыбаются и т. д. Это вещь довольно возможная, особенно въ отношеніи къ такъ называемымъ возвышеннымъ предметамъ; вѣрно, что въ иныхъ случаяхъ, особенно при нервной раздражительности, можно чувствительность свою настегать до весьма удовлетворительной степени и ломаться передъ почтеннѣйшею публичкою весьма искусно и, къ своему собственному удивленію, совершенно искренно.

Ужели и я принадлежу къ числу этихъ людей (N. B. Далѣе въ рукописи зачеркнуто: „Если такъ, то, признаваясь, порядочно же гнусенькое я созланице!“).

Прочитавъ все, что записано мною вчера въ журналъ, я не могъ не расхохотаться. Одинъ мой пріятель, очень самолюбивый человѣкъ, въ припадкѣ откровенности, однажды признался, что нѣтъ для него пищи любезіе и фиміама благовоніе, какъ ежели кто начнетъ ему исчислять его недостатки. Издали это кажется парадоксальнымъ, но въ сущности чрезвычайно натурально. Самолюбивый человѣкъ любитъ свои недостатки или, лучше сказать, свое самолюбіе, паче всего на свѣтѣ; онъ имъ тѣшится, какъ ребенокъ, потому что считаетъ себя выс-

шимъ организмомъ, котораго прихоти и даже пороки должны имѣть особый, непонятный для простаго глаза, смыслъ. А если это лицо, къ несчастію, почти всегда обладающее нѣкоторымъ виѣшнимъ блескомъ, попадаетъ въ такую среду, въ которой всякій его капризъ служить предметомъ удивленія и всякое движеніе закономъ, то деспотизму его нѣтъ предѣловъ, и носится онъ съ своимъ высокоуміемъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не наскучить своими притязаніями и этой непривередливой толпѣ, которая долго и терпѣливо кадила ему. А послѣднее нерѣдко случается, потому что самолюбивый человѣкъ до того опьяняется, что теряетъ чувства мѣры и такта и не удостоиваетъ замѣтить, что вокругъ него происходитъ безпрестанное измѣненіе.

Я полагаю теперь, что и я, какъ самолюбивый человѣкъ, понося себя вчера столь гнуснымъ образомъ, хотѣлъ себя до крайности разутѣшить и наговорилъ тысячу грубостей, которыхъ тайный смыслъ заключалъ въ себѣ тысячу любезнѣйшихъ вещей. А, въ сущности, я вѣдь предобрѣтшее созданіе, всѣмъ увлекающееся, но довольно самолюбивое, и, если бы не это послѣднее качество, то могъ бы быть въ обществѣ очень любезнымъ кавалеромъ.

Напустилъ я на себя нѣкую дурь, будто бы я и лучше и чище всѣхъ, и эта дурь поддерживава во мнѣ пріѣздомъ въ Крутыя Горы, потому что въ семь городѣ, дѣйствительно, презибируютъ животныя нечистыя; она награждена довольно сильнымъ щелчкомъ въ послѣднихъ моихъ любовныхъ похожденияхъ, а такъ какъ самая эта любовь была результатомъ единственно одного лишь самолюбія, которое стремилось непременно овладѣть тѣмъ, что составляло для всѣхъ предметъ зависти и домогательства, а не искренней потребности любить, то весьма натурально, что самое мое самолюбіе заставило меня отказаться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, какъ скоро цѣль была достигнута... хотя и насильственно".

* *

О посѣщеніи Салтыкова о. Іоанномъ Кронштадтскимъ сынъ писателя рассказываетъ слѣдующее.

„Мать моя, видя что здоровье его (отца) не поправляется, убѣдила папу въ томъ, что слѣдуетъ пригласить о. Іоанна.

Отецъ согласился, и тогда мама начала хлопотать о томъ, чтобы о. Іоаннъ посѣтилъ насъ.

Задача была не изъ легкихъ, такъ какъ всѣ часы пребыванія кронштадтскаго протоіеря въ столицѣ были заранѣе расписаны.

Возила о. Іоанна по городу какая-то дама, у которой и принималась запись на его визиты. Дама эта, узнавъ о томъ, что о. Іоанна желаетъ видѣть мой отецъ, сдѣлала для насъ исключеніе и назначила его визитъ къ намъ въ первый же пріѣздъ въ Петербургъ. И вотъ въ назначенный день кронштадтскій протоіерей дѣйствительно прибылъ къ намъ.

Батюшка вошелъ къ намъ привѣтливо, какъ будто онъ посѣщалъ насъ не впервые, освѣдомился о томъ, гдѣ находится болящій, и узнавъ, что въ кабинетѣ, прошелъ туда, обнялъ отца, а затѣмъ наединѣ съ нимъ довольно долго бесѣдовалъ.

О чемъ—отецъ никогда намъ этого не говорилъ. Затѣмъ батюшка попросилъ поставить по серединѣ гостиной столикъ съ иконой, поставилъ папу на колѣни и началъ читать молитву.

Читалъ онъ ее невнятно, порывисто, особенно ударяя на нѣкоторые слова, какъ бы споря съ кѣмъ-то невидимымъ намъ.

Это чтеніе производило какое-то жуткое впечатлѣніе на насъ, тоже благоговѣйно опустившихся на колѣни.

Наконецъ, о. Іоаннъ закончилъ свою молитву и, давъ отцу приложиться къ св. кресту, пригласилъ и всѣхъ бывшихъ въ квартирѣ сдѣлать то же самое.

Затѣмъ мы пригласили о. Іоанна пить чай въ столовую и здѣсь произошелъ интересный инцидентъ.

Отецъ боялся, что если С. П. Воткинъ *) узнаетъ о томъ, что его посѣтилъ о. Іоаннъ, то онъ, Воткинъ, обидится и больше не станетъ навѣщать его.

Вслѣдствіе этого былъ отданъ курьезный приказъ швейцару въ томъ случаѣ, если Сергѣй Петровичъ пріѣдетъ, сказать ему, что отца дома нѣтъ.

Курьезенъ былъ этотъ приказъ уже по тому одному, что папа нигде не выѣзжалъ, такъ какъ ему тѣмъ же Воткинымъ было запрещено выходить на воздухъ зимой.

Кромѣ того, мы не учли того обстоятельства, что разъ къ кому-нибудь заѣзжалъ о. Іоаннъ, то вѣсть объ этомъ моментально облетала всю округу и около кареты его собиралась громадная толпа народа, ожидавшая его благословенія.

Такъ оно случилось и на этотъ разъ. Едва вѣсть о визитѣ къ намъ батюшки разнеслась по околотку, какъ вся часть Литейнаго пр.,

*) Извѣстный проф. мед., лѣчившій Салтыкова.

на которой мы жили, оказалась запруженной народомъ.

С. П. Боткинъ какъ разъ въ это самое время задумалъ навѣстить отца и не мало удивился и даже, какъ онъ намъ рассказывалъ послѣ, побоялся, не умеръ ли папа, когда увидѣлъ передъ домомъ такую толпу народа.

Освѣдомившись у перваго же встрѣчнаго человѣка о причинѣ такого скопленія толпы, онъ, конечно, узналъ въ чемъ дѣло и понялъ, что батюшка навѣрное у насъ, а потому, не слушая залутанныхъ объясненій швейцара, прямо пошелъ наверхъ и, такъ какъ двери квартиры заперты не были, вошелъ въ прихожую, снялъ шубу и появился въ столовой.

Трудно описать то смущеніе, которое овладѣло всѣми нами, когда въ дверяхъ появилась высокая плотная фигура С. П.

Воцарилось неловкое молчаніе.

Одинъ о. Іоаннъ былъ, видимо, пріятно удивленъ, увидѣвъ профессора.

Онъ всталъ и съ доброй улыбкой обнялъ Боткина.

— Ай, ай, ваше превосходительство,—укоризненно качая головой по адресу папы Сергѣя Петровичъ,—какъ вамъ не стыдно скрывать отъ меня моего друга, о. Іоанна... Видъ мы оба врачи, только я врачую тѣло, а онъ душу...

Конечно, послѣ этой фразы неловкость, овладѣвшая всѣми, исчезла, и между взрослыми началась непринужденная, даже веселая бесѣда.

Узжая, батюшка поцѣловалъ отца въ уста.

Какъ намъ потомъ объяснили, поступалъ онъ всегда такъ, когда видѣлъ, что помощь его бесполезна.

Это было его послѣднее напутствованіе больного туда, откуда, увы, никто не возвращается“...

Идеалы современнаго капитализма.

[339.2:158.1]

Въ своей новой книгѣ „Der Bourgeois“ извѣстный экономистъ, берлинскій проф. В. Зомбартъ, съ присущимъ ему искусствомъ описываетъ типъ предпринимателя, вообще человѣка нашей капиталистической эпохи. Нигдѣ въ своихъ прежнихъ работахъ Зомбартъ не занимается такъ много душевной жизнью тѣхъ, кто руководитъ хозяйствомъ, и не разсматриваетъ эту душевную жизнь такъ широко. Интересующая насъ характеристика современнаго капитализма и его представи-

телей передана въ очеркѣ Н. П., реферированнаго въ „Рус. Вѣд.“ (№ 83) названный трудъ нѣмецкаго ученаго.

Современный человѣкъ и современный предприниматель, — говоритъ Зомбартъ, — ближе всего напоминаетъ, какъ это ни странно, ребенка, душевная жизнь современнаго дѣльца страшно упрощена.

Ребенка поражаетъ прежде всего все большое, быстрое и новое; онъ любитъ быстроту движенія, бросаетъ одно, чтобы взять за другое, любить чувствовать себя сильнымъ надъ тѣмъ, надъ чѣмъ онъ можетъ быть сильнымъ. Въ наше время люди также любятъ все большое, количественно измѣримое. По словамъ Брайса, теперь существуетъ тенденція смѣшивать большое и великое. Совершенно не важно, что есть это большое,—число жителей въ городахъ или странѣ, высота памятника, ширина рѣки, число самоубійствъ или пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ, размѣръ корабля или число музыкантовъ въ оркестрѣ. Деньги даютъ удивительный способъ количественно соизмѣрять несоизмѣримое, — американцы говорятъ о Рембрандтѣ въ 50 тыс. долларовъ, о новой яхтѣ Карнеджи въ 500 тыс. долларовъ. Возможность количественно измѣрить одно и то же въ два разныхъ момента удивительно развиваетъ идею успѣха и неуспѣха. Любовь къ спорту есть та же любовь къ количественно измѣримому. Объ этомъ не думали ни въ греческой палестрѣ, не думаютъ въ Испаніи на боѣ быковъ.

Затѣмъ люди стали любить быстроту, — сто или двѣсти километровъ въ часъ на поѣздѣ, автомобилѣ, аэропланѣ, — это ихъ идеалъ. Что поѣздъ между Берлиномъ и Гамбургомъ сталъ идти на 10 минутъ скорѣе, что новый пароходъ прибылъ въ Нью-Йоркъ на три часа раньше, что одна газета выпустила сообщеніе, — можетъ быть, совершенно ненужное или ложное, — не въ 6 час., какъ другіе, а въ 5 часовъ,—это важно. Наше время работало даже новое понятіе для всего того, что особенно цѣнно и, какъ цѣнное, должно остаться въ памяти: это — понятіе рекорда. Тѣ кто будутъ писать о нашемъ времени лѣтъ черезъ 200, вѣроятно, назовутъ его эпохой рекордовъ.

Затѣмъ люди гонятся постоянно за новымъ; имъ нужна сенсація, что-то такое, чего не было до сихъ поръ. На сенсаціи построена пресса.

И, наконецъ, люди любятъ власть надъ чѣмъ только возможно. Какъ у ребенка, такъ и у современнаго человѣка это стремленіе къ власти не есть признакъ силы, а признакъ слабости. Истинно сильному человѣку идея

власти безразлична. Не Зигфридъ, а Миме, не Бисмаркъ, а Лассаль, не король, а тотъ торговецъ деньгами, который радъ, когда можетъ заставить короля дожидаться въ своей передней, нуждаются во власти. Если нельзя властвовать надъ людьми, надо властвовать надъ природой. Она уже не есть что-то цѣнное и прекрасное само по себѣ, — это только что-то такое, что должно быть захвачено, покорено, для чего, — не важно. Люди ни передъ кѣмъ не поклоняются такъ, какъ передъ изобрѣтателями и миллионерами.

Эти идеалы одинаково значатъ и для современнаго человѣка, и для современнаго предпринимателя.

Для современнаго предпринимателя неживой человѣкъ есть мѣрило и цѣль предпріятія; предпріятіе становится цѣлью само по себѣ. Его постоянно надо расширять и расширять, — такъ заставляетъ жизнь, затѣмъ надо заботиться объ его прибыльности. Предпріятіе бессмысленно въ настоящее время, если оно не даетъ прибыли. Затѣмъ, если современный предприниматель для дѣла и предпріятія забываетъ того, кто можетъ и долженъ быть его единственной разумной цѣлью, онъ не интересуется болѣе и тѣмъ, что онъ производитъ. Плохи ли, хороши ли предметы, имъ производимые, важно, чтобы предпріятіе рентировалось. Въ производствѣ, наконецъ, его начинаетъ интересовать и привлекать не продуктъ, а именно техническая сторона.

Наше время — время главнымъ образомъ производства средствъ производства, роста техники въ широкомъ смыслѣ слова. Техника есть та единственная область, въ которой наше время можетъ безбоязненно подвести итогъ тому, что сдѣлано послѣдними поколѣніями. Съ увлеченіемъ техникой связано увлеченіе матеріальной стороной жизни, увлеченіе прогрессомъ. Предприниматель вѣрить, — если онъ вообще нуждается въ вѣрѣ во что-либо, — что онъ способствуетъ прогрессу, выпуская столько-то летательныхъ машинъ, освѣтительныхъ аппаратовъ, рекламъ или т. п. Вѣдь если идея прогресса и имѣетъ какое-либо значеніе, то только въ области техники. Нельзя сказать, что Кантъ стоитъ выше, чѣмъ Платонъ, или Бентамъ выше, чѣмъ Будда, но можно всегда сказать, что паровая машина типа 1913 г. стоитъ выше, чѣмъ паровая машина Уатта.

Въ воззрѣніяхъ современнаго предпринимателя живой человѣкъ пропалъ, онъ — только средство. Естественный, живой міръ лежитъ въ развалинахъ; вмѣсто него на этихъ развалинахъ воздвигнуть новый міръ, созданный

изъ человѣческой изобрѣтательности и мертвой матеріи. И если техника вытѣснила живого человѣка, какъ цѣнность и цѣль, изъ производства, живой человѣкъ пересталъ также быть непосредственной цѣлью и цѣнностью всего хозяйственнаго и культурнаго прогресса.

По своему содержанію хозяйственная дѣятельность современнаго предпринимателя осталась тою же, что была и раньше. Надо завоевывать, организовывать, торговать, спекулировать и дѣлать расчеты. Если и развилась особенно какая-нибудь сторона дѣятельности, то это ея торговая и спекулятивная сторона. Современное предпріятіе все болѣе и болѣе захватывается биржей, — то, что предпріятія сливаются въ тресты, показываетъ только, что производство и торговля все болѣе подпадаютъ ея вліянію. Качественныя различія отпадаютъ, — важенъ расчетъ голыхъ цифръ. Затѣмъ дѣятельность предпринимателя безгранично расширяется интенсивно и экстенсивно. Въ каждую отдѣльную минуту дѣятельность напрягается до наивысшаго предѣла; и дѣятельности отдается все время дня, года и жизни. Весь вопросъ въ томъ, чтобы идти все болѣе и болѣе скорымъ темпомъ. Человѣкъ становится рабомъ дѣла; другимъ интересамъ нѣтъ мѣста и времени. Въ Келлермановскомъ туннелѣ его творецъ живетъ только тѣмъ, что связано съ этимъ туннелемъ. Изъ всѣхъ друзей у него остался лишь одинъ; когда они сходятся по вечерамъ, они сидятъ въ своихъ креслахъ и — молчатъ...

У современнаго дѣльца вѣтъ болѣе времени даже для любви, — ни для тонкой sentimentalной любви, ни для галантныхъ любовныхъ приключеній, ни для большой трагедіи любви. Любовь или вообще не имѣетъ болѣе никакого значенія, или покупается на короткое время. Въ душѣ человѣка старыя цѣнности исчезли, и онъ принужденъ былъ создать себѣ новыя, — дѣло, предпріятіе, прогрессъ.

Дѣятельность ведется на новыхъ основаніяхъ. Ничто, даже мелкая подробность въ технику или организацію дѣла, не должно оставаться неизслѣдованнымъ, неизученнымъ, непоставленнымъ въ такія условія, чтобы работа давала самые большіе результаты. Все можетъ и должно быть отброшено въ сторону, разъ найдено что-либо лучшее. Предприниматель долженъ этому подчиниться, даже если бы онъ не хотѣлъ, — объ этомъ позаботятся конкуренція и тѣ, которые работаютъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать технику и организацію производствъ болѣе совершенной, и этимъ живутъ. Дѣло должно приносить пользу; при современныхъ условіяхъ оно для этой цѣли должно постоян-

но расширять свой сбытъ. Для этого надо захватить кліента, кричать ему въ уши всѣми голосами и въ глаза всѣми красками и всѣми формами. Современная реклама художественно отвратительна, нравственно безстыдна. Вся цѣль ея — въ томъ, чтобы убѣдить человѣка, что то, что ему предлагается, необыкновенно выгодно и что это именно ему нужно. Затѣмъ необходимо удешевлять производство. Погоня за кліентомъ и расширеніе предпріятія требовали полной свободы „для игры доктей“; право, нравственность, эстетика, — все должно уступить мѣсто тому, что Зомбартъ называетъ *Skrupellosigkeit*: исторія американскаго табачнаго треста, жизнь Эдв. Гарримана, это — сплошная цѣпь нарушеній всякихъ законовъ.

Старыя добродѣтели бюргера, — трудолюбіе, бережливость и коммерческая солидность, — не исчезли, но измѣнились. Не быть трудолюбивымъ современнымъ предприниматель не можетъ, какъ не можетъ не быть трудолюбивымъ работникъ у машины. Бережливость самого предпринимателя никого не интересуетъ, онъ можетъ тратить на себя что хочетъ, но въ дѣлѣ бережливость должна соблюдаться до крайнихъ предѣловъ. Солидность предпріятія зависитъ не столько отъ того, какъ живетъ и какъ ведетъ себя предприниматель, а въ какомъ положеніи находится его балансъ и какъ ведутся его дѣла, — не все ли равно, кто стоитъ за акціонернымъ предпріятіемъ или за крупной фирмой. Для крупныхъ предпріятій просто подразумѣвается, что они солидны... покуда не выйдетъ на свѣтъ какая-нибудь исторія. Здѣсь, какъ и вездѣ, происходитъ процессъ овеществленія, живой человѣкъ отходитъ на задній планъ.

Зомбартъ спрашиваетъ, что принесетъ будущее. Можно ли сломить капитализмъ, если онъ разрушаетъ жизнь природы и людей? Зомбартъ думаетъ, что нѣтъ; великана, разорвавшаго желѣзныя цѣпи религій, не связать шелковыми нитками Кенягсберга и Веймара. Все, что можно сдѣлать, — это поставить на случай пожара пожарныя ведра, съ хорошо организованнымъ штатомъ при нихъ, — создать законы для защиты людей отъ людей. Затѣмъ Зомбартъ спрашиваетъ, вѣченъ ли капитализмъ, и отвѣчаетъ, что нѣтъ. Онъ думаетъ, что капитализмъ можетъ ослабѣть тремя путями. Онъ можетъ впасть въ сытое рантьество и вернуться къ жизни сеньеровъ; онъ можетъ бюрократизироваться; онъ можетъ остановиться въ своемъ развитіи, если остановится приростъ населенія.

Что будетъ дальше, Зомбарта это пока не интересуетъ. Можетъ-быть, слѣпой великанъ

будетъ осужденъ тащить демократическую телегу, можетъ быть, произойдетъ общее крушеніе, „гибель боговъ“ (*Gottterdammerung*), и золото будетъ снова возвращено Рейну. Кто знаетъ.

Женщина на Западѣ.

[396(493+45)]

Такъ называемый женскій вопросъ, являясь вопросомъ международнымъ, общечеловѣческимъ, мировымъ, имѣетъ, конечно, язы и болячки, общія всѣмъ странамъ. Но въ каждой отдѣльной странѣ онъ выливается въ свою, „національную“ форму (гдѣ болѣе, гдѣ менѣе тяжелую) и рѣшаться долженъ тоже *по-своему*, ибо слишкомъ по разному сложился бытъ женщины французской, англійской, нѣмецкой, русской и т. д.

Вотъ, напр., передъ нами бельгійка и итальянка. И та и другая, въ массѣ, „приспособились“ къ мужинамъ, „дисциплинированы“, но какъ несхожи эти двѣ типическія фигуры!

Бельгійская женщина.

О ней читаемъ мы въ очеркѣ Д. Николаева, въ № 94 „Гол. Москвы“:

„Изъ всѣхъ основныхъ чертъ, характеризующихъ бельгійскую женщину, какъ нѣкоторую противоположность женщинѣ русской, намъ, русскимъ, болѣе всего въ глаза бросается ея дисциплинированность, создавшаяся, повидимому, вѣками. Богъ ихъ знаетъ, какъ бельгійцы добились такого результата, но современная бельгійская женщина даже и не мечтаетъ о томъ, чтобы властвовать въ жизни. Она — главная распорядительница при домашнемъ очагѣ, но она не смѣетъ и пикнуть, когда мужъ находится дома. Она знаетъ только свои обязанности и не мечтаетъ о правахъ. Если мужу нужно быть въ городѣ въ семь часовъ утра, то она безропотно встанетъ въ пять часовъ, и къ его утреннему кофе домъ будетъ блестѣть, какъ зеркало. Трудоспособность бельгійки — поразительна, умопомрачительна, необъяснима. Въ бельгійскомъ домѣ, какъ богатомъ, такъ и бѣдномъ, не бываетъ разбросанныхъ вещей, неприбранныхъ постелей, столовъ съ объѣдками пищи и невытыми стаканами. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что прислуга здѣсь рѣдкость и роскошь, допускаемая только въ домахъ съ большимъ бюджетомъ и широкимъ заработкомъ.

Въ рѣдкой бельгійской квартирѣ вы не найдете швейной машины. И здѣсь это не

мебель и не загадочный аппарат, приводимый въ дѣйствіе наемной швеей, а такой же центръ хозяйственной жизни, какъ въ Россіи самоваръ есть центръ жизни семейной. При ужасающей дороговизнѣ пищевыхъ продуктовъ, въ Бельгіи живутъ сотни тысячъ семействъ на 125—150 фр. въ мѣсяцъ, т.-е. на 45—55 рублей, и живутъ по наружному виду приличнѣе русскихъ такъ называемыхъ интеллигентныхъ семей, проживающихъ триста рублей въ мѣсяцъ. Происходитъ это не только потому, что бельгійцы питаются картофелемъ и дешевыми сельдами, а, главнымъ образомъ, потому, что женщина здѣсь — настоящее PROVIDENCE семьи.

Она устроила прислугу, приемы гостей, ея туалеты стоятъ ровно столько, сколько можетъ израсходовать мужъ. Она не позволяетъ сдѣлать ни копейки долга для удовлетворенія текущихъ нуждъ, для которыхъ существуетъ постоянный бюджетъ. Ея гордость въ томъ, чтобы къ концу мѣсяца съэкономить нѣсколько франковъ...

Не слѣдуетъ, однако, думать, что въ описанныхъ рамкахъ повседневной дѣятельности бельгійская женщина становится тѣмъ, что въ Россіи съ презрѣніемъ называютъ „кухаркой“. Бельгійка одѣвается съ большимъ вкусомъ, съ настоящимъ хорошимъ шикомъ. Красивая обувь, изящные чулки здѣсь высшая гордость женщины, и она ихъ бережетъ, какъ зеницу ока, во всякомъ случаѣ, гораздо больше, чѣмъ свою добродѣтель. Нигдѣ въ Европѣ, даже въ Парижѣ, не увидишь такихъ изящныхъ, простыхъ, но дающихъ интересное красочное пятно шляпъ, какъ въ Брюсселѣ и другихъ большихъ бельгійскихъ городахъ. Нигдѣ не одѣваются такъ дешево и вмѣстѣ съ тѣмъ красиво и изящно, какъ въ Бельгіи. Здѣсь не увидишь ни оборванныхъ тесемокъ, ни грязныхъ подоловъ, ни искривленныхъ каблуконъ. Назвать женщину неряхой будетъ въ Бельгіи высшимъ оскорбленіемъ, за которое мировой судья не помилуется.

Можетъ быть, нигдѣ такъ ярко не выступаетъ дисциплинированность бельгійской женщины, какъ въ вопросѣ о тѣхъ расходахъ, которые вы, случайный или постоянный ея знакомый, можете повести оттого, что она находится въ вашей компаніи. Женщина здѣсь не рассчитываетъ на то, что вы „обязаны“ заплатить за нее извозчику, въ трамваѣ, въ кафѣ или въ театрѣ. Она не посмѣетъ, буквально не посмѣетъ, спросить въ ресторанахъ что-нибудь дорогое, даже если вы ее пригласили и, слѣдовательно, обязались нести расходы. Она будетъ долго колебаться между ди-

леммой, можно ли спросить цѣлую кружку пива или удовольствоваться половиной.

Эта странная для насъ, русскихъ, черта здѣшнихъ женщинъ поражаетъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вы имѣете дѣло съ посѣтительницами ночныхъ кафѣ и вообще съ женщинами, очевидно, не святого поведенія. Онѣ, пожалуй, еще болѣе скромны, чѣмъ такъ называемыя приличные женщины, вѣроятно, потому, что знаютъ, что съ ними тутъ ужъ никто не станетъ церемониться. Еще болѣе удивляетъ новыхъ пришельцевъ въ Бельгію то обстоятельство, что „такія“ женщины умѣютъ себя отлично вести и что онѣ ни манерами, ни жесами, ни разговоромъ, — ничѣмъ не отличаются отъ женщинъ буржуазнаго круга.

Главнѣйшій минусъ бельгійки — ея либеральныя воззрѣнія на собственную добродѣтель. Поработивъ себя мужчинѣ и интересамъ семьи, бельгійка пѣвко, какъ настоящая женщина, держится за обычное право располагать своимъ, не скажу — чувствомъ, а тѣломъ. Добродѣтели здѣсь только или больныя или исключительно безобразныя женщины. Ни состояніе въ бракѣ, ни семейныя обязанности, ни социальное положеніе, ни надзоръ не мѣшаютъ бельгійкамъ пользоваться жизнью настолько, насколько хватаетъ темперамента. А темпераментомъ онѣ обладаютъ богатымъ, на что имѣются весьма основательныя историческія причины. Бельгія еще въ ганзейскія времена была проходнымъ дворомъ тогдашняго міра. Авантюристы обоихъ полушарій въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ приносили сюда свои пороки и свои вождельнія. Временные завоеватели Бельгіи оставили здѣсь не мало своей крови: испанской, римской, венгерской. Въ разныхъ мѣстахъ этой страны и посейчасъ имѣются города съ явно испанскимъ типомъ женщинъ. Съ другой стороны, постоянное присутствіе въ предѣлахъ страны полумилліона иностранцевъ, по большей части холостыхъ и располагающихъ средствами, вызываетъ спросъ на легкомысленныя нравы, а для такой страны, какъ Бельгія, уже этого одного совершенно достаточно. Вотъ почему только злѣйшему врагу можно посоветовать жениться въ Бельгіи.

Какъ же относятся къ врожденному, стихійному легкомыслію мѣстныхъ женщинъ сами бельгійцы? О, весьма снисходительно. У нихъ нѣтъ поговорки о томъ, что женщина — судъ скудельный, но имѣется добрый десятокъ поговорокъ о томъ, что, въ концѣ концовъ, самые лучшіе мужчины все-таки бываютъ обмануты, по крайней мѣрѣ, сто разъ въ теченіе жизни. Кромѣ того, поландрическомъ

навыку бельгійскъ соответствуетъ полигамическая привычка бельгійцевъ, своего рода око за око. И все обходится благополучно.

Въ психологій населенія Бельгій имѣется одна чрезвычайно любопытная черта. Физическая любовь здѣсь не запретный плодъ, изъ нея не дѣлаютъ захватывающей, сладкой тайны, не обостряютъ ее всѣмъ тѣмъ нездоровымъ антуражемъ, въ которомъ повинны болѣе восточные народы, въ томъ числѣ и русскіе, и, можетъ быть, именно потому населеніе Бельгій болѣе здорово и духомъ, и тѣломъ. Я убѣжденъ, что если допросить, какъ слѣдуетъ, многихъ здѣшнихъ мужчинъ и женщинъ, то окажется, что любовь стоитъ у нихъ въ той же рубрикѣ явленій природы, что и хорошая ѣда, выдержанное вино и добрая сигара. Любовь есть украшеніе жизни, а не драма и безпокойство. Эта мысль проходитъ красной нитью черезъ творчество всѣхъ бельгійскихъ беллетристовъ. Вотъ почему въ Бельгій какъ-то неловко возмущаться тѣмъ видомъ бюджетнаго сотрудничества супруговъ, при которомъ семья живетъ отчасти на средства такъ называемаго друга, а то и друзей дома. Уже очень много невозмутимости бельгійцы и бельгійки вносятъ въ эту деталь ихъ повседневнаго существованія.

Бельгійскій женскій вопросъ вообще не носитъ трагическаго характера, — вѣроятно, вслѣдствіе отмѣченной выше атмосферы дисциплины, проникающей весь обиходъ жизни. Въ хорошо организованной казарменной жизни офицерскіе чины не испытываютъ страданій вслѣдствіе того, что у нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ можетъ быть плохой характеръ. Въ Бельгій женщина — несомнѣнно нижній чинъ, и даже въ рабочей средѣ она не станетъ жаловаться на своего мужа, такъ какъ знаетъ, что при всѣхъ обстоятельствахъ сама же выйдетъ виноватой. Насколько это — общее правило, видно изъ процессовъ о разводѣ, а еще болѣе изъ судебныхъ дѣлъ, возникающихъ по жалобамъ невѣщаныхъ женщинъ на мужчинъ, съ которыми онѣ живутъ. Бельгійскій судъ всегда становится на сторону мужчинъ, и председатели судовъ не стѣсняются въ выраженіяхъ, когда имъ нужно убѣдить обиженную сторону, что женщина всегда сама виновата въ неустойчивѣ домашняго очага, что хорошая, привѣтливая хозяйка, умѣющая скрасить трудовую жизнь, никогда не будетъ ни обругана, ни бита, что назначеніе женщины — дѣлать жизнь красивой, веселой и пріятной, а не адомъ и не сплошнымъ затрудненіемъ. Иногда такая рѣчь продолжается очень долго и окан-

чивается чаще всего тѣмъ, что женщина беретъ назадъ свою жалобу и удаляется въ убѣжденіи, что лучше смириться.

Вопросъ о женщинѣ и о женщинахъ безконеченъ, какъ воздухъ и какъ воздухъ же неустойчивъ. Необъятность его точно такъ же трудно исчерпать газетной статьей, какъ и цѣлой книгой. Приходится ограничиться примѣрными экскурсіями и случайными набѣгами. Но даже и при такихъ экскурсіяхъ легко увидѣть, что Западная Европа сумѣла создать и въ этомъ отношеніи нѣчто такое, передъ чѣмъ мы остававливаемся въ изумленіи. Бельгійцамъ удалось подчинить себѣ женскую стихію, можетъ быть, самую капризную и непокорную изъ стихій, передъ которой пасовали великіе умы и благороднѣйшія сердца.

Итальянская женщина.

Итальянскую женщину, преимущественно — южанку, характеризовали недавно *М. Первухинъ* („Рус. Мысль“, ноябрь), — какъ на основаніи собственныхъ наблюденій, такъ и со словъ другихъ наблюдателей, — и корреспондентка „Моск. Газ.“ *П. Т.—на* (№ 307). Хотя „китайская стѣна“ окостенѣвшихъ предрассудковъ, суевѣрій, отжившихъ традицій, держащихъ въ тискахъ итальянскую женщину, распадается, разрушается въ послѣднее время съ неудержимой, все увеличивающейся быстротою, и уже вопросъ о расширеніи женскихъ правъ — гражданскихъ и даже политическихъ — можно считать въ Италіи дѣломъ ближайшаго будущаго, однако феминизму тамъ предстоитъ еще очень и очень большая работа.

„Въ крупныхъ даже городахъ Сициліи и Калабріи, — пишетъ г. Первухинъ, — женщина ни въ какомъ случаѣ не можетъ отправиться въ одиночку на ближайшій базаръ:

— Неприлично. Безвразвѣдно! — говоритъ мужчина — мужъ, отецъ, братъ.

— Развѣ я — продажная тварь, что могу ходить въ одиночку?! — говоритъ сама женщина.

Обитательницы дома, стоящаго въ двухъ шагахъ отъ рынка, собираются въ урочный часъ всѣ вмѣстѣ и выходятъ группою, и группою же бродятъ по магазинамъ, цѣпляясь одна за другую, *смыдя одна за другою*. И всѣ вмѣстѣ возвращаются домой.

Всюду въ Италіи существуетъ совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ Римѣ, стоя у воротъ гимназіи, вы можете видѣть прелюбопытную картину: нянюшки и мамыши, тетюшки и экономки *приводятъ* на уроки дѣвочекъ и дѣвушекъ, начиная съ десятилѣтняго

возраста и кончая восемнадцатилѣтнимъ. Въ *одиночку* не придетъ ни одна гимназистка: ее не пустятъ родители. Причина? Быть! Трагидія:

— Развѣ моя дочь — распутная тварь, что можетъ безъ контроля *шляться* по улицѣ?

Въ итальянскомъ университетѣ широко раскрыты двери для женщины. Насчитывается въ данный моментъ *нѣсколько сотъ* учащихся дѣвушекъ и... и нѣсколько сотъ ихъ мамашъ и тетусекъ. Дѣвушки въ университетѣ учатся, ихъ мамы и тетушки... вяжутъ чулки или спятъ на лекціяхъ. Но стоически выдерживаютъ шестилѣтній курсъ посѣщенія университета:

— Развѣ можно отпустить дѣвушку одну въ университетъ? Развѣ наша дочь — потерянная женщина.

Въ итальянскихъ университетахъ имѣется нѣсколько женщинъ-профессоровъ. Есть между ними социалистки.

Вы знакомы съ такою социалисткою и профессоромъ. Вамъ нужно съ нею увидѣться. Устраивается „*appuntamento*“ или дѣловое свиданіе — на улицѣ, въ кафѣ. И социалистка-профессоръ приходитъ на это, повторяю, *чи-то дѣловое* свиданіе... со всюду сопровождающею ее тетушкою или мамашею, которая все время вашихъ объясненій будетъ позѣвывать и дремать, но ни на минуту не спуститъ глазъ съ „сопровождаемой“:

— Развѣ она (социалистка-профессоръ) — развѣ она — продажная тварь, что можно ей предоставить безъ контроля бесѣдовать съ мужчиною?

„Пойти въ театръ одной, — добавляемъ изъ корреспонденціи г-жи Т—ной, — если мужъ по какимъ-либо причинамъ хочетъ остаться дома или если онъ гдѣ-нибудь занятъ или просто развлекается, — объ этомъ итальянская женщина не смѣетъ даже и подумать.

Вообще ни одна итальянка не рѣшится выйти изъ дома безъ мужа послѣ восьми часовъ вечера. Исключенія очень рѣдки, и ихъ надо полностью отнести къ иностранному влиянію.

Не лишено интереса, что въ Италіи во всѣхъ увеселительныхъ учрежденіяхъ бросается въ глаза отсутствіе въ зрительномъ залѣ женщинъ. Я не ошибусь, если скажу, что число женщинъ не составляетъ пятой части всего числа зрителей. Сюда, конечно, входятъ и многочисленныя иностранки.

Для русскаго уха звучитъ необычно такое итальянское выраженіе, какъ „отпустить жену изъ дома“. Но въ итальянскихъ нравахъ существуютъ выраженія еще болѣе оскорбитель-

ныя и еще болѣе характеризующія рабскую зависимость итальянки отъ мужа.

Только въ высшихъ кругахъ общества и среди итальянской финансовой аристократіи женщины пользуются нѣсколько большей свободой.

Для иллюстраціи сказаннаго я приведу фактъ изъ личныхъ наблюденій.

Я познакомилась съ итальянкой, кончившей медицинскій факультетъ, и пригласила ее къ себѣ вечеромъ на чашку чая.

Она отказалась отъ приглашенія, потому что ея мужъ, — кстати сказать, докторъ медицины, — долженъ былъ уйти въ этотъ вечеръ изъ дома на товарищескую пирушку.

Ее, жenu, онъ, конечно, не бралъ съ собой. И, тѣмъ не менѣе, она не рѣшалась выйти безъ него.

Лишь послѣ моихъ усиленныхъ просьбъ она обѣщала выпросить у мужа разрѣшеніе притти ко мнѣ.

Просьба эта не имѣла успѣха: мужъ не далъ согласія“...

Теорія катарсиса и дѣтскія игры съ точки зрѣнія этой теоріи.

[158.2]

Ученіе о катарсисѣ, или очищеніи души отъ волнующихъ ее страстей, является однимъ изъ древнѣйшихъ психологическихъ теорій. Еще Аристотель въ IV вѣкѣ до Р. Х. высказывалъ въ своей „Поэтикѣ“ взглядъ на цѣль искусства, состоявшій въ отождествленіи цѣлей искусства съ катарсисомъ, благодаря которому страсти и аффекты очищаются и преобразуются въ болѣе возвышенныя чувства. Отсюда и знаменитое аристотелевское опредѣленіе трагедіи, какъ поэтическаго произведенія, въ которомъ катарсисъ достигается путемъ страха и сожалѣнія.

Нѣсколько иное значеніе получилъ терминъ „катарсисъ“ у одного изъ главныхъ представителей новоплатонизма, Плотина (III вѣкъ послѣ Р. Х.). По ученію этого философа, міръ произошелъ благодаря погруженію Духа въ матерію, и цѣль человѣческой жизни состоитъ въ освобожденіи отъ оковъ тѣла и возвращеніи въ міръ идей. Нравственная задача философіи и религіи состоитъ въ постепенномъ возвращеніи души отъ матеріальнаго или плотскаго черезъ чувственное къ идеальному и божественному, что достигается черезъ катарсисъ, и притомъ не сразу. Первымъ шагомъ къ возвышенію надъ чувственнымъ является безкорыстное отношеніе къ

самой чувственности, взглядъ на нее, какъ на предметъ познанія, а не вождельнія; второй шагъ есть отвлеченное мышленіе; болѣе высокой подъемъ даетъ любовь къ прекрасному, ради одной заключенной въ немъ идеи, и наконецъ, чистое умозрѣніе приводитъ насъ къ познанію истины, хотя и на этой ступени остается различіе между созерцающимъ и созерцаемымъ, вполне исчезающее лишь въ экстазѣ, когда сознание наполняется божественнымъ свѣтомъ. Такимъ образомъ, Плотинъ понимаетъ катарсисъ, какъ очищеніе отъ оковъ зла и разрывъ союза души съ тѣломъ.

Дальѣйшее развитіе ученія о катарсисѣ, по всѣмъ понятнымъ причинамъ, находилось въ зависимости отъ изученія природы и сущности нашихъ чувствъ и аффектовъ, а такъ какъ эта именно часть психологіи была разработана сравнительно поздно, то лишь въ недавнее время, благодаря работамъ Джемса и его психо-физиологической гипотезѣ о природѣ эмоций, теорія катарсиса вновь привлекла вниманіе психологовъ и превратилась въ очень интересное ученіе о воспитаніи чувствъ, о культурѣ эмоций.

Эмоція, какъ это выяснилъ анализъ Джемса, Карла Ланге и Н. Я. Грота, сложные психическіе факты. Съ одной стороны, это инстинкты, съ другой—комплексы органическихъ ощущеній. Кромѣ того органическія ощущенія окрашены чувственнымъ тономъ. Возникая по поводу какого-нибудь вѣшняго воспріятія или же внутреннего стремленія, эмоція въ первомъ своемъ фазисѣ является простой реакціей организма на раздраженіе и состоитъ изъ соотвѣствующихъ органическихъ ощущеній—усиленія кровообращенія, суженія сосудовъ и т. п., за которыми слѣдуютъ мимическія движенія, которыя, по Дарвину, суть не что иное, какъ полезныя ассоціированныя привычки, пріобрѣтенныя первоначально вполне сознательно, а затѣмъ перешедшія въ рефлекторныя движенія. Одновременно съ мимическими движеніями возникаютъ опредѣленные чувствованія, стремящіяся найти выходъ въ цѣломъ рядѣ поступковъ, которыми всякая эмоція и заканчивается. Послѣдній фазисъ долженъ непремѣнно слѣдовать за первымъ, его уничтожить нельзя, и разъ эмоція возникла, она должна разрядиться какимъ-нибудь волевымъ актомъ. Всѣмъ извѣстно, что злобу „срываютъ“, горе „выплакиваютъ“. Въ зависимости отъ способа разряда, эмоціи могутъ слѣдаться или причиной цѣлаго ряда плодотворныхъ поступковъ, или, наоборотъ, слѣлать насъ самихъ игрушкой въ рукахъ страстей. Цѣль и задача катарсиса, въ современ-

номъ пониманіи, найтрализовать эмоцію, обезвредить, насколько возможно ея разрядъ путемъ подчиненія разумной волѣ, какъ бы направить эмоцію по другому руслу, менѣе опасному и болѣе желательному. По удачному сравненію проф. Грооса, катарсисъ—предохранительный клапанъ, который, уменьшая излишекъ пара, не лишаетъ въ то же время машину работоспособности.

Тѣсно примыкаетъ къ катарсису модный въ настоящее время психоанализъ Фрейда, особый терапевтический методъ. Фрейдъ видитъ причину болѣзненныхъ состояній при неврозахъ и истеріи въ неразрѣшенномъ аффектѣ. Эмоція, не получивъ разряда, спускается въ подсознательную область и вызываетъ психическую травму, болѣзненное состояніе, часто даже несознаваемое самимъ субъектомъ. Тщательнымъ анализомъ субъективнаго состоянія больного, бесѣдами съ нимъ, разборомъ свовидѣній, сторонники этого метода стремятся обнаружить скрытую психическую или нравственную травму и вызвать отреагированіе, другими словами—тотъ же катарсисъ. Часто одно воспоминаніе давно забытыхъ переживаній и откровенный рассказъ о нихъ вызываетъ у больного облегченіе, какъ исповѣдь облегчаетъ тягостное душевное состояніе.

Такимъ образомъ, теорія катарсиса въ настоящее время приложима къ самымъ различнымъ вопросамъ психологіи, и интересную попытку распространить эту теорію на дѣтскія игры дѣлаетъ извѣстный нѣмецкій психологъ К. Гроосъ въ статьѣ „Игра, какъ катарсисъ“ (журналъ „Обновленіе Школы“ 1914 г. книга XXIII—XXIV). Переводъ Ад. Румянцевой.

„Мысль эта, пишетъ онъ, развилась изъ того опредѣленія дѣтской игры, которое я обозначаю, какъ теорію ослабленія. Представителями такого направленія въ Америкѣ являются Стенли Холль, Алленъ и Гуликъ, которые поставили значеніе игры въ связь съ „біогенетическимъ основнымъ закономъ“. Игра ребенка, которая по традиціи сохранила такъ много фактическихъ слѣдовъ отдаленнаго прошлаго (вспомните дѣтскіе хороводы, употребленіе лука и т. п.), есть, по ихъ мнѣнію, онтогенетическое повтореніе филогенетическаго развитія *). При этомъ, по мнѣнію Холла, должна главнымъ образомъ преслѣдваться цѣль привести безвреднымъ образомъ къ упражненію, а черезъ это и къ ослабленію, тѣ низшіе инстинкты, которые остались въ зачаточ-

*). Онтогенезисъ—развитіе индивидуума, филогенезисъ—развитіе вида. Прим. ред.

номъ видѣ отъ міра животныхъ или отъ временъ первобытнаго человѣка.

Если теперь принять во вниманіе, что возбужденіе, напр., инстинкта борьбы, который Холль выдвигаетъ на первый планъ, сопровождается душевнымъ волненіемъ, то, повиdimому, обнаруживается дѣйствительное сходство между теоріей ослабленія и аристотелевскимъ ученіемъ о катарсисѣ страстей при помощи трагедіи, такъ какъ и здѣсь душа должна быть освобождена отъ чего-то вреднаго черезъ очищающій разрядъ.

...Цѣлесообразность игры состоитъ въ томъ, чтобы создать быстрое и безвредное разряженіе инстинктивному стремленію, и такимъ образомъ избѣжать опаснаго проявленія его въ неослабленномъ видѣ.

Разряженіе въ игрѣ можно сравнить съ ослабленіемъ силы пара посредствомъ предохранительныхъ клапановъ, которые устраниаютъ серьезный взрывъ, но не уменьшаютъ работоспособности машины.

Такое пониманіе игры съ полной ясностью установилъ психологъ Клапаредъ.

„Теорія Карра“, говоритъ онъ въ своей „Психологіи ребенка“, сводится не къ подавленію, но къ отведенію вредныхъ стремленій. Что же касается принятія дѣйствительнаго катарсиса (очищенія), то можно его примѣнить, если допустить, что изгоняться будутъ не опредѣленные дѣятельности, а эмоціи, и что это разряженіе только мгновенное, а не длительное. Когда мы сердимся, насъ облегчаетъ и успокаиваетъ, если мы разобьемъ тарелку, хлопнемъ дверью или изрѣжемъ мягкой стулъ. Во время возни ребенка съ товарищами, его инстинктъ борьбы, который понадобится ему, конечно, въ серьезномъ случаѣ, не исчезаетъ окончательно, но приносить въ данный моментъ разряженіе вытекающимъ изъ инстинкта эмоціямъ, которыя иначе, пока не существуетъ повода къ серьезной дѣятельности, могли бы повести къ вреднымъ въ социальномъ отношеніи проявленіямъ.

...Готовность нервныхъ центровъ къ разряженію, созданная продолжительнымъ покоемъ, или другими причинами, находитъ въ игрѣ освобождающій (облегчающій) выходъ. Но у насъ вопросъ идетъ не объ этомъ общемъ стремленіи къ дѣятельности, а о прирожденныхъ инстинктивныхъ стремленіяхъ. Особенно же мы хотимъ направить вниманіе на такіе инстинкты, которые легко приводятся къ опаснымъ взрывамъ, и при которыхъ особенно подходитъ наше сравненіе игры съ предохранительнымъ клапаномъ.

Весьма важенъ, прежде всего, инстинктъ бор-

бы, который можетъ достигать болѣе или менѣе безвреднаго разряженія въ разнообразныхъ дѣтскихъ играхъ. Но кромѣ инстинкта борьбы къ нашей цѣли подходитъ вторая группа унаслѣдованныхъ предрасположеній: это сексуальный инстинктъ, при которомъ проблема безвреднаго разряженія часто встрѣчаетъ особенныя трудности.

Признавъ объ эти группы инстинктовъ наиболѣе важными для насъ, мы тѣмъ самымъ приготовили отвѣтъ на возникающій затѣмъ вопросъ: въ какомъ возрастѣ болѣе всего проявляется значеніе идеи катарсиса? Это возрастъ, въ которомъ пробуждается половой инстинктъ, который связанъ у мужского пола съ ростомъ инстинкта борьбы, значить не дѣтство, а юность въ узкомъ смыслѣ слова. Мы можемъ поэтому вообще сказать: теорія катарсиса игры примѣняется въ телеологическомъ смыслѣ прежде всего къ обѣимъ группамъ инстинкта борьбы и къ сексуальному инстинкту; ея значеніе главнымъ образомъ въ періодъ полового созрѣванія, который ставитъ психологамъ такъ много еще не рѣшенныхъ задачъ.

Теперь послѣ данныхъ опредѣленій мы стараемся понять значеніе теоріи катарсиса. Если мы при этомъ начнемъ съ проявленія инстинкта борьбы, мы тотчасъ натолкнемся на одно подраздѣленіе, съ которымъ опять придется встрѣтиться въ сексуальной области. Игра-борьба можетъ представляться или какъ столкновеніе съ реальнымъ противникомъ, или какъ идеальное переживаніе борьбы въ фантазіи, каковое даетъ намъ, напр., искусство (прежде всего въ поэзіи и мимикѣ).

Игры борьбы съ реальными противниками принимаютъ очень многообразныя формы. Здѣсь мы обратимъ вниманіе только на нѣкоторые пункты, которые вытекаютъ какъ разъ изъ понятія катарсиса.

Мы уже говорили, что облегчающее разряженіе не всегда можетъ быть непременно безвреднымъ. Такъ какъ инстинктъ борьбы въ своемъ первоисточникѣ стремится причинить серьезный вредъ, уничтожить противника, то и игры борьбы легко могутъ перешагнуть границы безопаснаго.

Тормозящія противодѣйствія создаются силами, которыя связаны съ социальными инстинктами. Прежде всего противникъ въ игрѣ не только противникъ, но также и товарищъ. Чѣмъ сильнѣе социальная связь, которая соединяетъ борющихся, тѣмъ вѣрнѣе будетъ держаться борьба въ рамкахъ кажущейся дѣятельности. Но этого внутреннего тормоза во многихъ случаяхъ будетъ недостаточно. Даже

друзья могутъ серьезно поссориться, а товарищество гораздо болѣе легкая связь, чѣмъ настоящая дружба.

...Несмотря на всѣ сдерживающіе законы, такіа игры, напр., какъ футболъ или студенческій поединокъ, часто достигаютъ такого развитія, когда послѣдствіемъ является значительный вредъ; и часто необходимо было серьезное возмущеніе общественнаго мнѣнія, возбужденное какимъ-нибудь особенно тяжелымъ случаемъ, чтобы вновь ввести такіа игры въ границы безвреднаго катарсиса. Здѣсь передъ прессой стоитъ важная социальная задача, которая часто только тогда ею сознается, когда зло зашло уже слишкомъ далеко.

Но есть особая группа физическихъ игръ борьбы, которая получаетъ новое освѣщеніе благодаря нашему требованію возможно безвреднаго разряженія опасныхъ инстинктовъ. Рядомъ съ настоящей борьбой, въ которой играющій схватывается съ противникомъ, стоитъ состязаніе, которое, устанавливая общую цѣль, направляетъ старанія участниковъ не другъ противъ друга, но двигаетъ ихъ, такъ сказать, параллельно. Ясно, что при этомъ разрушительное дѣйствіе инстинкта борьбы менѣе легко прорывається.

Если бы состязанія, которыя у всѣхъ народовъ высокой и низкой культуры пользуются такимъ большимъ вниманіемъ и оцѣнкой, совершались бы съ сознательной и обдуманной цѣлью, то можно было бы ихъ съ точки зрѣнія нашего принципа разсматривать, какъ гениальное изобрѣтеніе. Привлекая надеждой на побѣду, оно отнимаетъ у естественнаго инстинкта средство, безъ котораго эта побѣда на первый взглядъ кажется невозможной: непосредственное нападеніе на врага. Такимъ образомъ игры состязанія наиболѣе соответствуютъ идеѣ безвреднаго катарсиса“.

Но не всегда и въ играхъ состязанія удается избѣжать опасностей. Одной изъ такой опасностей является гордость побѣдителя и насмѣшка надъ побѣжденнымъ. Будучи однимъ изъ лучшихъ средствъ исправленія, когда осмѣиваются дурныя качества и привычки, насмѣшка можетъ вызвать въ осмѣиваемомъ смертельную ненависть. Какой же выходъ изъ этой дилеммы?

Такой выходъ даетъ шутка, которую можно считать веселымъ разряженіемъ инстинкта борьбы. Удовольствіе шутки, которое встрѣчается уже и въ животномъ мірѣ, составляетъ одинъ изъ первоначальнѣйшихъ источниковъ комическаго. Словомъ или дѣломъ оно стремится достигнуть наслажденія чужой малоцѣн-

ностью. Не только безвредное, но и воспитательное дѣйствіе веселой шутки лучше всего осуществляется въ социальныхъ группахъ, исполненныхъ духа „добраго товарищества“; такимъ образомъ, и здѣсь также социальныя стремленія даютъ необходимый противовѣсъ. Педагогическая цѣнность безвреднаго разряда въ шуткѣ особенно бросается въ глаза въ общественныхъ организаціяхъ молодежи. Такимъ образомъ, немалая доля пользы студенческихъ союзовъ заключается въ воспитательномъ значеніи той веселой взаимной насмѣшки, которая приводитъ къ разряженію инстинкта борьбы безъ вредныхъ послѣдствій, потому что сознаніе социальной связи отнимаетъ у него чувство вражды и презрѣнія. Тотъ, надъ кѣмъ подтруниваютъ, знаетъ, что въ смѣхѣ нѣтъ злобы, и если даже онъ нѣсколько огорченъ насмѣшкой или ударомъ въ игрѣ, все же неписанный законъ товарищества предохраняетъ отъ того, чтобы показать свою слабость. Но, конечно, и при такой формѣ воспитанія нѣтъ недостатка въ различныхъ выходахъ, какъ и въ другихъ областяхъ игры-борьбы. Это въ сущности смертельный ядъ, употребляемый какъ лѣкарство, и тѣ, кто его отпускаетъ, не всегда сознаютъ свою педагогическую миссію и обусловленные ею границы. Пословица говоритъ: „Что любишь, надъ тѣмъ шутишь“. Можно было бы добавить: только надъ тѣмъ можно шутить, что любишь“...

Мечтанія также могутъ носить характеръ игры. „Большинство людей,—продолжаетъ авторъ,—замыкаютъ это молчаливое царство глубоко въ груди, и нѣкоторые всю жизнь даже близкимъ людямъ, ни однимъ словомъ не выдаютъ таинственное жилище мечты, въ которое они сами удаляются ежедневно, и ключъ отъ котораго никогда никому не даютъ“. Самое важное — это мечты юности. Въ періодъ полового созрѣванія онѣ проявляются у такихъ людей, которые впоследствии, позднѣе, не знаютъ больше игры фантазіи. Пока мы остановимся на такихъ мечтаніяхъ, которыя вытекаютъ изъ потребности въ эмоціяхъ борьбы. Игра юношеской фантазіи въ этой области можетъ имѣть величайшее значеніе для позднѣйшей жизни; изъ этой скрытой мастерской выходятъ герои и преступники. Это иногда забываютъ, потому что вѣдь часто бываютъ также „только“ мечтатели, которые не выходятъ изъ области фантазіи. Но сны наяву могутъ также легко выразиться и во внѣшнихъ дѣйствіяхъ; и тогда они являются мѣстомъ рожденія рѣшительныхъ поступковъ. При разряженіи эмоцій борьбы

только въ идеальномъ переживаніи юность можетъ перечувствовать великое, въ которомъ дѣйствительность ей отказывается.

...Вторая область игры, къ которой примѣнима идея катарсиса, связана съ возбужденіемъ полового инстинкта. Мы встрѣчаемся здѣсь снова съ извѣстнымъ уже различіемъ разряженія эмоцій въ игрѣ: или по отношенію къ реальнымъ лицамъ, или же можетъ идти рѣчь только объ идеальномъ переживаніи половыхъ отношеній въ фантазіи. Я начну съ перваго.

...Возбужденіе въ игрѣ, вытекающее изъ чувства, корень котораго лежитъ въ сексуальной области, разряжается въ сношеніяхъ съ реальными лицами въ танцахъ и общественныхъ играхъ мужской и женской молодежи. Но не только въ этихъ играхъ въ собственномъ смыслѣ слова; сюда надо отнести кромѣ того, какъ особый родъ игры „фляртъ“, „ухаживаніе“, „любезничаніе“, если, конечно, при этомъ для участниковъ рѣчь идетъ не о серьезной попыткѣ сближенія, а только о „препровоженіи времени“. Тотъ, кому приходилось наблюдать эти невинныя проявленія, не можетъ не поддаться впечатлѣнію, несмотря на разсужденія нѣкоторыхъ ригористовъ, что въ данномъ случаѣ инстинктъ, способный вызвать опасѣйшія катастрофы, если его предоставитъ самому себѣ, приводить къ удивительно безвредной дѣятельности. Какъ возможно такъ обуздать могучую грозную силу природы, что она не стремится вырваться изъ своихъ узъ подобно „Тигрицѣ, которая разломала желѣзную рѣшетку и стала вдругъ страшной, вспомнивъ нумидійскій лѣсъ“.

Безвредность названныхъ игръ и подобной имъ дѣятельности будетъ достигаться, какъ мнѣ кажется, при помощи двухъ средствъ. Первое—это ограниченіе пробуждающаго инстинкта на первоначальной стадіи. Этой цѣли служить со стороны внутренней робость передъ неизвѣстными.

Извѣстна игра заключена въ рамки социальной группы веселаго общества. И этого простаго факта, что отношенія половъ въ танцахъ, играхъ и шуткахъ молодыхъ людей развертываются на глазахъ этого общества, совершенно достаточно, чтобы съ успѣхомъ противоѣдствовать сближенію, переходящему границы существующаго обычая.

...Второе средство, которое можетъ содѣйствовать уменьшенію опаснаго развитія, это — отведеніе возбужденія въ другой каналъ. Такъ, танцы, несмотря на ихъ несомнѣнное отношеніе къ сексуальности, будутъ доставлять неспорченной молодежи удовольствіе преимуществен-

но, какъ игра движенія, потому что половое стремленіе въ ихъ сознаніи не выступаетъ отчетливо.

...Шутливо-насмѣшливый тонъ въ отношеніяхъ половъ есть особенно пригодное средство для того, чтобы удерживать сближеніе въ границахъ безвредной игры.

...Я считаю возможнымъ утверждать, что юноша, которому не дозволено такое безвредное веселое препровожденіе времени съ представителями другого пола, или который не хочетъ этого по собственной волѣ, легче подвергнется различнымъ опасностямъ, связаннымъ съ пробужденіемъ инстинкта. Къ этому надо прибавить еще цѣнность доставляемаго игрой упражненія, которое, на первый взглядъ кажется, отсутствуетъ въ занимающихъ насъ явленіяхъ, по крайней мѣрѣ въ мѣрѣ людей. Но едва ли можно сомнѣваться, что такіа отношенія половъ въ игрѣ даютъ большую увѣренность въ серьезномъ ухаживаніи, а съ другой стороны важный опытъ, который облегчаетъ выборъ подруги жизни. Извѣстно, что молодые люди, которые избѣгаютъ общенія въ своемъ социальномъ кругу, легче всего ошибаются въ бракъ.

Одна изъ опасностей, угрожающихъ юношѣ, который избѣгаетъ общества—это чрезмѣрное разгоряченіе фантазіи“.

Творчество художника и писателя давно разсматривалось, какъ видъ катарсиса. Писатель, надѣлая своихъ героев личными чертами, въ ихъ переживаніяхъ находитъ выходъ своимъ собственнымъ чувствамъ, какъ бы исповѣдуется предъ читателемъ. Намъ, русскимъ, чтобы понять эту мысль, достаточно вспомнить творчество Толстого, Достоевскаго и Гончарова. Карлъ Гроосъ выражаетъ то же самое такимъ образомъ:

„Художникъ открываетъ свою душу, скрываясь подъ маской; онъ облегчаетъ себя, выливая свое существо, самые глубокіе тайники сердца въ самостоятельныя формы и какъ бы отдѣляя ихъ такимъ образомъ отъ себя. Къ культу Діониса присоединяется культъ Аполлона. При этомъ между крайностями импульсивнаго „возбужденія“ и сознательной, часто полной страданія работы творчества, можетъ также дѣйствовать стимулъ игры: „потому что это меня радуетъ“...

Иначе обстоятъ дѣло при эстетическомъ наслажденіи художественнымъ произведеніемъ.

...Большая публика разсматриваетъ лирическія, этическія и драматическія произведенія не только со стороны ихъ художественной формы, но прежде всего, какъ цѣль свободнаго живого переживанія состязательскихъ и эротиче-

скихъ отношеній. Опредѣленіе эротическаго при этомъ очень разнообразно,—начиная отъ того, которое дается ему въ автлійскихъ семейныхъ новеллахъ, романахъ и лирической поэзіи для благородныхъ дѣвицъ, до другой крайности пониманія его въ порнографической литературѣ. Въ первомъ случаѣ уже извѣстны намъ ограниченія на первоначальной стадіи, здѣсь — раздражающее обнаженіе непристойностей. Въ центрѣ же неудовимая ясность Боккачіо или Рабле. Безвредность разряженія зависитъ, конечно, не только отъ тѣхъ или иныхъ границъ, но также отъ индивидуальности наслаждающагося. Даже романы Марлитта могутъ вызывать у юныхъ читателей сильныя возбужденія, какъ показываютъ наблюденія.

Поэтому съ педагогической точки зрѣнія важно, чтобы для наслаждающагося, такъ же какъ и для художника, извѣстны намъ средства „отведенія“ или „перемѣщенія“ были и тогда дѣйствительны, когда изображеніе эротическаго не ограничивается боязливо первоначальной стадіей... Важное средство „перемѣщенія“—это обращеніе въ комическое. Въ то время, какъ поэтъ — въ этомъ Боккачіо большой мастеръ—изображаетъ рискованныя положенія въ холодномъ освѣщеніи насмѣшки, онъ разряжаетъ ихъ душную атмосферу и самъ вмѣстѣ съ читателемъ переправляется черезъ мутный потокъ, готовый его поглотить, на чистый воздухъ. Не безынтересно отмѣтить, что здѣсь примѣняются тѣ же средства, что при любовныхъ играхъ съ реальными лицами, такъ подтруниваніе надъ лицомъ, за которымъ пути ухаживаютъ, обращаетъ отношеніе въ комическое, а къ танцамъ съ другимъ поломъ можно справедливо примѣнить выраженіе Шиллера объ „уничтоженіи матеріи черезъ форму“.

Въ заключеніе я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу игры неприличными остротами и специально непристойностями сексуальнаго характера. Извѣстно, что въ этой области, если нѣтъ противоѣдствія застѣнчивости (робости) и развитію вкуса, достаточно соискать откровеннаго, неприкрытаго формой насмѣшки, шутивлаго намека, чтобы вызвать очень интенсивное веселье. Этотъ фактъ подтверждается также первобытными народами, у которыхъ, какъ утверждаетъ Фр. Фишеръ, отсутствуетъ сознаніе нарушенія какихъ бы то ни было рамокъ.

Мы имѣемъ здѣсь неоспоримое облегчающее разряженіе половой эмоціи...

...Трудно утверждать, что нашъ послѣдній примѣръ изъ области катарсиса можетъ быть

разсматриваемъ, какъ безвредное или, смотря по обстоятельствамъ, даже полезное разряженіе. Для юношескаго періода, по крайней мѣрѣ, который мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ, вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ грубыя и грязныя руки разрываютъ нѣжную ткань—благодѣтельную робость предъ неизвѣстнымъ — которая, защищая, окутываетъ душу юноши“.

Наканунѣ новой эры въ исторіи передвиженія.

[629.11]

Не разъ уже случалось, что надъ какимъ-нибудь открытіемъ или изобрѣтеніемъ одновременно,—но независимо другъ отъ друга, даже не подозревая о такомъ совпаденіи,—работало нѣсколько умовъ. Бываютъ моменты, когда какая-нибудь новая важная научная или техническая идея, назрѣвая, виситъ, такъ сказать, въ воздухѣ, и къ ней упорно обращаются, надъ ней непременно задумываются, ее стараются такъ или иначе осуществить — въ разныхъ концахъ міра. Такъ было, напр., съ изобрѣтеніемъ телеграфа (въ 1837-8 гг. сокр. пр. во Франціи, Англіи, Германіи и Соед. Штатахъ) и, еще совсѣмъ недавно,—беспроводочнаго телеграфа, или напр., съ открытіемъ періодической системы химическихъ элементовъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ божковъ современной цивилизаціи — это идеалъ скорости. Быстрота—альфа и омега нашей лихорадочной жизни, духъ времени. И вотъ, сейчасъ мы являемся свидѣтелями *одновременной* разработки идеи совершенно новаго способа передвиженія, или точнѣе сказать—радикальнаго усовершенствованія желѣзнодорожнаго дѣла, для полученія тахитизма скорости. Такой чудо-поѣздъ,—„летучій“ поѣздъ скаковой скорости, — обѣщаетъ намъ русскій ученый, проф. томскаго технологическаго института В. П. Вейнбергъ, обѣщаетъ (и уже подготавливаетъ) и франко американскій инженеръ Эмиль Башле, нѣчто въ этомъ родѣ — „облегченный электромагнитный путь“—проектируютъ, по слухамъ, и американцы. Оба—и проф. Вейнбергъ и Башле—но по-разному взялись за задачу перемѣщенія вагона безъ рельсовъ, колесъ и локомотивовъ, дѣйствіемъ электромагнитныхъ силъ. Особенно впечатлительнъ, поражающъ воображеніе, необычайно смѣлый и грандіозный планъ нашего русскаго изобрѣтателя.

Безвоздушный электрический путь проф. Б. П. Вейнберга.

Интересъ представляетъ прежде всего самый процессъ мысли, приведшій томскаго физика къ его замѣчательному открытію (надо замѣтить, что онъ занялъ своей задачей уже 6 лѣтъ). Свѣдѣнія объ этомъ беремъ изъ его брошюры: „*Движеніе безъ тренія*“. (Изд. „Естествоисп. Ц. 50 к.).

Въ брошюрѣ помѣщена таблица, дающая обзоръ главнѣйшихъ успѣховъ практической физики, своего рода итогъ матеріальнаго прогресса человечества. Человѣчеству предстояло и предстоитъ рѣшить 20 основныхъ задачъ использованія физическихъ дѣятелей, непосредственно на насъ дѣйствующихъ: вещества, силы, теплоты, звука и свѣта. Дѣйствуютъ они во времени и въ пространствѣ. Что касается времени, то тутъ, въ конечномъ счетѣ, возможны лишь двѣ основныя задачи: „вызвать существованіе, или *создать* физическій дѣятель, и *сохранить* созданный или имѣющійся физическій дѣятель. По отношенію же къ пространству возможна лишь одна задача—измѣнить форму, объемъ и положеніе той части пространства, гдѣ проявляетъ свое дѣйствіе данный физическій дѣятель,—или короче—*перемѣстить* физическій дѣятель. Если же насъ интересуютъ не только самое перемѣщеніе физическаго дѣятеля, но и тотъ промежутокъ времени, который идетъ на это перемѣщеніе, то мы получаемъ четвертую основную задачу практической физики: *передать* физическій дѣятель изъ одной части пространства въ другую.

...Такимъ-то образомъ, мы получаемъ 20 основныхъ задачъ практической физики: умѣть создать, сохранить, перемѣстить и передавать вещество, силу, теплоту, звукъ и свѣтъ.

Въ предлагаемой вниманію читателей таблицѣ (см. стр. 1083) курсивомъ обозначены тѣ задачи, которыя нашли себѣ практическое разрѣшеніе за послѣднія 30 — 40 лѣтъ, а жирнымъ шрифтомъ — тѣ, которыя еще ждутъ себѣ практическаго рѣшенія, хотя робкіе шаги по направленію къ ихъ рѣшенію физикою уже сдѣланы.

И вотъ, „обдумывая, поскольку физикою разрѣшены эти 20 основныхъ задачъ, я,—замѣчаетъ проф. Вейнбергъ,—естественно остановился на тѣхъ ихъ частныхъ случаяхъ, которые или вовсе еще не разрѣшены, или рѣшеніе которыхъ слишкомъ мало проникло въ жизнь культурнаго человечества.

... Меня поразила заброшенность второй части перваго закона Ньютона: „Каждое тѣло упорствуетъ въ своемъ состояніи покоя или *равноумнаго прямолинейнаго движенія*,

пока приложенными къ нему силами оно не будетъ принуждено измѣнить свое состояніе“, — поразило отсутствіе попытокъ использовать это упорство въ сохраненіи постоянства величинъ и направленія скорости движущагося поступательно тѣла (упорство въ сохраненіи угловой скорости у вращающагося тѣла находятъ все большія и большія примѣненія). Чтобы использовать это упорство у движущагося поступательно тѣла, надо поставить движущееся тѣло въ такія условія, чтобы оно вовсе не встрѣчало сопротивленія, чтобы было немыслимо, что „оно приложенными къ нему силами принуждается измѣнить свое состояніе“. Для этого надо поступить радикально: избавиться отъ этихъ силъ—*силы сопротивленія среды и силы внѣшняго тренія о путь*.

При движеніи твердаго тѣла по водѣ и воздуху силы внѣшняго тренія почти нѣтъ. Поэтому воду и воздухъ надо отбросить, если мы ищемъ идеальный путь. При движеніи же въ трубѣ съ пустотою неизбѣжно, повидимому, треніе о дно трубы, такъ какъ ничто не уравновѣшиваетъ тамъ силы тяжести. Но послѣдняя неизбѣжность—лишь кажущаяся, потому что съ силою тяжести можно успѣшно бороться не только при помощи ея самой, какъ въ обычныхъ корабляхъ и въ воздушныхъ корабляхъ, и не только при помощи силы энергіи, какъ въ аэропланахъ. Силѣ тяжести весьма успѣшно противостоятъ, ее весьма успѣшно могутъ преодолевать, напр., силы магнитныя и электромагнитныя.

Возьмемъ, напр., стеклянную трубку съ желѣзнымъ шарикомъ и будемъ водить надъ ней магнитомъ. Желѣзный шарикъ будетъ кататься по полу трубки, но съ меньшимъ давленіемъ на ея нижнюю часть, а, слѣдовательно и съ меньшимъ треніемъ объ нее. Приблизимъ магнитъ еще болѣе,—и шарикъ будетъ теперь двигаться по потолку этой трубки. Правда, мы мало выиграли бы такимъ способомъ, потому что треніе объ полъ мы замѣнили треніемъ о потолокъ. Возьмемъ теперь большую катушку изолированной мѣдной проволоки, поставимъ ее вертикально, помѣстимъ подъ нею этотъ желѣзный стержень, ввода его верхушку внутрь катушки. Пропустимъ чрезъ эту катушку, чрезъ этотъ соленоидъ постоянный электрическій токъ отъ станціи,—и стержень энергично втягивается внутрь него, и, совершивъ нѣсколько колебаній вверхъ и внизъ, повисаетъ внутри него на невидимыхъ силовыхъ магнитныхъ линіяхъ, какъ виситъ, по вѣрованіямъ магометанъ, въ Меккѣ гробъ Пророка.

Этотъ опытъ и навелъ меня на мысль объ идеальномъ безвоздушномъ электрическомъ

Двадцать основныхъ задачъ практической физики.

	Создать.	Сохранить.	Перемѣстить.	Передавать.
Вещество.	Искусственное при- готовленіе различныхъ матеріаловъ. Живот- но-птице-и рыбо-вод- ство. Земледѣліе. Обра- ботка воды и воздуха.	Консервирован. раз- личныхъ матеріаловъ и предметовъ. Зданія, сосуды. Воспроизведеніе об- разца машиннымъ спо- собомъ. Книгопечата- ніе.	Всевозмож. издѣлія изъ твердыхъ тѣлъ. Проникновеніе вглубь земли и воды, въ не- обитаемая мѣстности, къ полюсамъ, въ верх- ніе слои атмосферы. Горное дѣло. Кана- лизация воды, газа, от- бросовъ.	Движеніе по твер- дой и жидкой поверх- ности земли, <i>подъ во- дою и по воздуху</i> . Артиллерійское дѣ- ло; пневматическая почта.
Силу.	Полученіе различ- ныхъ видовъ силы и энергій. Пользованіе энер- гіею вѣтра, падающей воды, волнъ. Полученіе работы за счетъ тепловой энер- гій. Полученіе работы изъ химической энер- гій. Утилизация лучи- стой энергій солнца.	Изоляція наэлек- триз. тѣлъ и провод- никовъ съ токами. Экр нированіе отъ магнитныхъ и электри- ческихъ силъ. Аккумуляціонное энергій (<i>сжатые га- зы, маховое колесо, гиростаты, взрывча- тые вещества, по- стоянные магниты, электрическіе акку- муляторы.</i>)	Многіе изъ указан- ныхъ аккумуляторовъ энергій.	Передача силы уп- ругими твердыми тѣ- лами (рычаги и другія простыя и сложныя машинны, валы, ремни, цѣпи). Передача силы жид- кими и газообразными тѣлами. Передача энергій при посредствѣ элект- ромагнитныхъ силъ. Электромагнитный те- леграфъ; <i>телеграфъ безъ проводовъ</i> ; элект- родвигатели; <i>элект- рическіе трамваи</i> . Передача энергій безъ проводовъ.
Теплоту.	Полученіе теплоты за счетъ химической энергій. Приготовленіе пи- щи, выплавка метал- ловъ, стекольное про- изводство, гончарное дѣло.	Одежда, жилища. Холодильное дѣло.	Канализація горя- чей воды. Паровое и водяное отопленіе.	<i>Электрическое ото- пленіе.</i>
Звукъ.	Источники звука. Музыкальные ин- струменты.	Письменность, ноты, <i>фонографъ</i> .	Рупоръ, говориль- ная и слуховыя тру- бы. Раціональн. устрой- ство аудиторіи.	<i>Телефонія по прово- дамъ и безъ проводовъ.</i>
Свѣтъ.	Источники свѣта. <i>Электрическое освѣ- щеніе.</i> Окрашиваніе тѣлъ.	Живопись, скульпту- ра, фотографія одно- цвѣтная, въ <i>нату- ральныхъ цвѣтахъ</i> , стереоскопическая, <i>ки- нематографическая</i> . Стереонинематографія и кинематографія въ натуральныхъ цвѣтахъ. Фотографированіе <i>ин- фракрасными, ульт- рафиолетовыми и рентгеновскими лу- чами</i> .	Оптическіеinstrу- менты. Проекторы, проек- ціонныя приборы, те- лескопъ, микроскопъ, <i>ультрамикроскопъ</i> .	<i>Передача изобра- женій на разстояніе.</i> <i>Передача быстро смѣ- няющихся картинъ на разстояніе.</i>

пути, по своему принципу совершенно отличномъ отъ обычныхъ способовъ сообщенія. Пустимъ тѣло желѣзное или съ желѣзными стѣнками—въ горизонтальномъ направленіи въ горизонтальной трубѣ, изъ которой выкачанъ воздухъ и въ которой такимъ образомъ унято сопротивление среды. А чтобы не было тренія о дно, будемъ поддерживать это летящее въ этой пустотѣ тѣло при помощи магнитовъ, электромагнитовъ или соленоидовъ съ токомъ, подрегулированныхъ такъ, чтобы этотъ заколдованный вагонъ не касался дна и не подтягивался къ самому потолку,—и тогда вагону не придется преодолевать какихъ-либо силъ, и онъ будетъ продолжать безконечное свое движеніе, не измѣняя ни величины, ни направленія своей скорости.

Нѣтъ воздуха — нѣтъ сопротивленія среды; нѣтъ касанія ко дну или потолку трубы — нѣтъ вѣншаго тренія, нейтрализована сила тяжести,—и разъ получившее скорость тѣло, мчитъ дальше съ этою скоростью, не мѣняя ея. И нѣтъ теоретически предѣловъ скорости, — если исключить изъ разсмотрѣнія электромагнитную инерцію,—и не надо никакой энергіи, чтобы поддерживать скорость постоянной.

При осуществленіи такого безвоздушнаго электрическаго пути къ существующимъ тремъ способамъ передвиженія—по землѣ, по водѣ, по воздуху—прибавился бы четвертый, по наиболѣе идеальной средѣ,—эвиру.

...Если легкость—и дешевизна благодаря тому—сообщеній по водѣ заставила съ глубокой древности придавать громадное значеніе этому способу сообщенія, если за послѣднее время стали упорно стремиться къ завоеванію воздуха, то будемъ надѣяться, что слѣдующимъ—и, очевидно, послѣднимъ—этапомъ въ этомъ расширеніи доступныхъ человѣчеству средъ для передвиженія по нимъ будетъ эвиръ, — тотъ самый эвиръ, который непосредственно — въ беспроволочной телеграфіи—или косвенно—привсякомъ электрическомъ токѣ—служитъ мѣстомъ дѣйствія электрическихъ и магнитныхъ силъ и тѣмъ самымъ обуславливаетъ всевозможныя примѣненія человѣчествомъ самаго покорнаго своего раба, „электричества“, — тотъ самый эвиръ, который мчитъ намъ источникъ всей жизни на землѣ — лучистую энергію солнца. Мнѣ хочется вѣрить, что и въ вопросѣ ускоренія движенія вещественныхъ тѣлъ слово переходитъ теперь къ эвиру,—и что въ результатѣ споровъ между землею, водою, воздухомъ и эвиромъ послѣднее слово и останется за эвиромъ“.

Проф. Вейнбергъ подробно излагаетъ всѣ существенныя детали своего оригинальнаго про-

екта. Мы, однако, для болѣе подробнаго знакомства съ этимъ проектируемымъ „безвоздушнымъ электрическимъ путемъ“, обратимся не къ самому автору книжка, а къ статьѣ Я. Перельмана въ „Совр. Сл.“ (№ 2265, „Въ борьбѣ съ пространствомъ“), гдѣ техническая сторона дѣла представлена гораздо популярнѣе.

„Поѣзда, несущіеся въ пустотѣ, безъ рельсовъ, безъ тренія, безъ локомотивовъ, свободно и быстро, какъ планеты въ мировомъ пространствѣ... Вагоны-ядра, выбрасываемые станціей-пушкой, со скоростью 700 верстъ въ часъ. Перелетъ изъ Петербурга во Владивостокъ въ 11 часовъ *)... Развѣ это не утопія, въ родѣ фантастическаго Келлермановскаго туннеля подъ дномъ Атлантики? Но нѣтъ—проектъ реаленъ при всей своей необычайности. Онъ технически неуязвимъ, разработанъ до мелочей, успѣшно испробованъ на моделяхъ и—что всего неожиданнѣе — вовсе не требуетъ для своего осуществленія какихъ-либо непомѣрныхъ денежныхъ затратъ.“

Идея „безвоздушнаго электрическаго пути“, по проекту проф. Вейнберга, осуществляется въ слѣдующемъ видѣ. Необходимо соорудить вмѣсто обычнаго рельсоваго пути трубу, діаметромъ около сажени, съ непроницаемыми для воздуха стѣнками. Будетъ ли эта труба пролегать на поверхности земли, будетъ ли она висѣть на столбахъ или залегать подъ землей, на подобіе трубъ пневматической почты—это несущественная частность. Воздухъ изъ трубы долженъ быть выкачанъ — на всемъ своемъ протяженіи гигантская труба должна быть абсолютно пуста. Надъ трубой, въ опредѣленныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, должны быть разставлены сильныя электромагниты. Назначеніе ихъ—противодѣйствовать силѣ тяжести, а именно — притягивать къ себѣ движущіеся внутри трубы желѣзные вагоны и мѣшать имъ падать. Сила и частота магнитовъ разсчитаны такъ, что желѣзный вагонъ, двигаясь внутри трубы все время остается между ея поломъ и потолкомъ, не прикасаясь ни къ тому, ни къ другому: электромагнитъ подтягиваетъ проносящійся мимо него вагонъ вверхъ, но удариться въ потолокъ вагонъ не успѣваетъ—сила тяжести влечетъ его внизъ; однако, и опуститься вплотную къ полу онъ также не успѣваетъ, ибо его своевременно подхватываетъ притяженіе слѣдующаго магнита. Итакъ, подхватываемый во время полета электромаг-

*) Можно, напр., — „пообѣдать въ Москвѣ, прѣхать прослушать оперу или докладъ въ Петербургъ и вернуться къ ужину въ Москву“ (въ 45 минутъ),—мечтаетъ самъ проф. Вейнбергъ.

нитами, мчится вагонъ по слегка волнистой линіи, не касаясь ни дна, ни потолка, безъ тренія, въ совершенной пустотѣ, словно вися на невидимыхъ нитяхъ магнитнаго притяженія.

Что же представляютъ собой сами вагоны? Это—сигарообразные цилиндры, по формѣ похожіе на вагончики пневматической почты. Вагонъ невеликъ, высотой немногимъ больше человѣческаго роста (взлѣзть придется лежа), длиной около двухъ сажень. Конечно, вагонъ герметически закрытъ — вѣдь онъ движется въ безвоздушномъ пространствѣ—и, подобно подводнымъ лодкамъ, снабженъ внутри приспособленіями для автоматической очистки и возобновленія воздуха. Последнее, впрочемъ, не всегда необходимо, такъ какъ переѣзды будутъ въ общемъ непродолжительны (при гигантской скорости движенія), а надичный запасъ воздуха въ вагонѣ на одного человѣка достаточенъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Въ видахъ предосторожности вагоны снабжены колесами, которыя при нормальныхъ условіяхъ не нужны, но могутъ предотвратить катастрофу, если нарушится почему-либо точное регулированіе силы электромагнитовъ: тогда вагоны покатаются по дну или по потолку трубы. Вагоны отправляются со станціи не непрерывною цѣпью, а на разстояніи версты одинъ за другимъ,—согласно проекту, по 12 въ минуту, (по 15.00(0) въ сутки), съ промежутками въ 5 секундъ.

Самый способъ отправленія вагоновъ въ путь совершенно отличенъ отъ всего, что намъ извѣстно до сихъ поръ: его можно сравнить развѣ только съ пушечнымъ выстрѣломъ. И дѣйствительно, вагоны Вейнберга буквально „выстрѣливаются“, какъ ядра, — только „пушка“ здѣсь не пироксиллиновая, а электромагнитная. Кстати, электромагнитныя пушки вовсе не фантазія—онѣ уже лѣтъ десять тому назадъ изобрѣтены проф. Биркеландомъ. Устройство электромагнитной пушки (какъ и станціи отправленія Вейнберговскихъ поездовъ) основано на свойствѣ спирально закрученной, въ формѣ катушки, проволоки при прохожденіи тока втягивать въ себя желѣзный стержень; втягиваніе происходитъ съ такой стремительностью, что стержень, при достаточной длинѣ обмотки и силѣ тока, можетъ приобрести огромную скорость. Въ электрической пушкѣ эта сила извергается бомбы, въ новой электрической дорогѣ она будетъ выбрасывать вагоны.

Что касается скорости движенія вагоновъ, то теоретически она можетъ быть какъ угодно велика—тысяча или хоть десять тысячъ верстъ въ часъ. Но въ разсматриваемомъ проектѣ изо-

брѣтатель остановился на сравнительно скромной цифрѣ 800 километровъ въ часъ, то-есть около 720 верстъ. Такая скорость перенесетъ насъ изъ Петербурга въ Москву въ 45 минутъ, а въ 10—11 часовъ прочитъ поперекъ почти всего Старого Свѣта, отъ Финляндіи до Великаго океана.

Но такая скорость, быть можетъ, опасна для здоровья?—спросите вы.—Вынесетъ ли ее человѣческій организмъ? Напрасныя опасенія. Никакое прямолинейное перемѣщеніе, какъ бы быстро оно ни происходило, не можетъ быть опасно для организма, если только оно совершается *равномерно*. Равномернаго движенія мы даже и не можемъ замѣтить—таковъ одинъ изъ самыхъ основныхъ законовъ природы. Развѣ вы чувствуете, что земной шаръ мчатъ васъ въ міровомъ пространствѣ со скоростью 28 вер. въ секунду, а солнце, въ свою очередь, уноситъ васъ вмѣстѣ съ землей съ такой же чудовищной быстротой? Столь же мало ощутительно будетъ для васъ движеніе въ вагонѣ-бомбѣ: вамъ покажется, что вы въ абсолютномъ покоѣ. И только въ самый моментъ отправленія, когда скорость вашего тѣла будетъ нарастать отъ нуля до 150 сажень въ секунду, вы будете испытывать нѣкоторыя, довольно любопытныя, но совершенно безвредныя ощущенія**).

Здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшія подробности проекта, не мѣсто разсматривать всѣ затрудненія, которыя пришлось преодолѣть изобрѣтателю. Достаточно замѣтить, что всѣ они въ проектѣ предусмотрены и блестяще устранены остроумными приспособленіями. Для насъ, пожалуй, въ данный моментъ интереснѣе финансовая сторона дѣла, такъ какъ она до нѣкоторой степени рѣшаетъ практическую судьбу проекта. И вотъ, оказывается, что, по предварительнымъ подсчетамъ, идеальная безвоздушная электрическая дорога обойдется лишь немного дороже обыкновенной: 200 тысячъ рублей верста *). Провозоспособность до-

**) „Трудно сказать съ увѣренностью, — пишетъ объ этомъ проф. Вейнбергъ, — насколько переносимо будетъ для организма человѣка *приведеніе* его въ движеніе съ такою скоростью, которое, если производить его даже съ ускореніемъ, равнымъ численно ускоренію свободного паденія, потребуетъ болѣе трети минуты и станціи отправленія, длиною въ 2½ километра въ сторону движенія,—а также *остановка* его. Если бы такое ускореніе оказалось губительнымъ для человѣка (для чего нужны особые опыты), то придется растягивать станцію на большое разстояніе“.

*) Самъ авторъ проекта опредѣляетъ эту цифру въ 200—300 тысячъ.

роги—140 тысячъ пудовъ или 10 тысячъ чело-
вѣкъ въ сутки, при чемъ стоимость пасса-
жиро-версты не выше одной копейки, а пу-
до-версты—не выше одной десятой копейки.
Колоссальный выигрышъ въ скорости, какъ
видите, не потребуетъ почти никакихъ допол-
нительныхъ расходовъ.

Проектъ Б. П. Вейнберга, какъ мы его опи-
сали, представленъ въ его идеальномъ видѣ.
Но огромное преимущество этого проекта со-
стоитъ въ томъ, что онъ допускаетъ рядъ ком-
промиссовъ, т.-е. можетъ быть осуществленъ
и въ упрощенномъ видѣ, не утрачивая при
этомъ существенныхъ выгодъ. Мы можемъ, на-
примѣръ, поступиться требованіемъ абсолютной
пустоты и заставить вагоны двигаться въ воз-
душной средѣ. Это значительно удешевитъ путь,
не слишкомъ уменьшивъ проектированную ско-
рость передвиженія. Мы можемъ, далѣе, уси-
ливъ электромагниты, заставить вагоны ка-
таться по потолку трубы, съ минимальнымъ,
едва ощутимымъ треніемъ; можемъ, также, на-
оборотъ, ослабивъ магниты, заставить облег-
ченные вагоны мчаться по дну трубы, опять-
таки съ самымъ ничтожнымъ треніемъ. Конеч-
но, мы не получимъ тогда полностью всѣхъ
выгодъ проекта, но значительную часть ихъ
мы все же получимъ; проектъ далеко не утра-
чиваетъ своего значенія въ этомъ упрощен-
номъ видѣ, гдѣ „почти“ становится на мѣсто
„вполнѣ“. Наконецъ, мы можемъ, если хотимъ,
осуществить проектъ хотя бы въ миниатюрѣ,—
для перевозки почты; но, конечно, такая „элек-
трическая почта“ должна быть международной,
чтобы выигрышъ въ скорости былъ достаточно
ошутителенъ.

Въ этой гибкости проекта, въ его приспо-
собляемости къ упрощеннымъ условіямъ ле-
житъ залогъ его практической осуществимости.
Правда, въ области желѣзнодорожной техники
не разъ уже дѣлались весьма полезныя усо-
вершенствованія, которыя, однако, не осуще-
ствлялись; вспомнимъ хотя бы прекрасно разра-
ботанный и восторженно принятый специали-
стами проектъ однорельсовой жироскопической
дороги, основанной на принципѣ волчка. Прак-
тика имѣетъ свою логику, свои капризы; ста-
рая вражда между теоріей и практикой остае-
тся и повинѣ еще въ полной силѣ. Но все же
смѣлый проектъ русскаго физика, сулящій гран-
діозную революцію въ области передвиженія,
имѣетъ всѣ шансы выйти побѣдителемъ изъ
этой борьбы“.

Летучій поѣздъ Эмиля Башле.

Инженеръ Башле, американизировавшійся
французъ, цѣлыхъ двадцать съ лишнимъ лѣтъ,

въ тайнѣ отъ всѣхъ, трудился надъ реализа-
ціей своей идеи. Теперь онъ привезъ свое изо-
брѣтеніе въ Лондонъ и демонстрируетъ тамъ
модель, вызывая сенсацію и среди специали-
стовъ-техниковъ, и въ финансовомъ мірѣ, и
въ правительственныхъ кругахъ. Газеты пест-
рятъ описаніями модельной желѣзной дороги
новаго типа, сулящей переворотъ въ дорож-
номъ дѣлѣ. Въ числѣ другихъ побывалъ въ
„лабораторіи“ изобрѣтателя и корреспондентъ
„Рус. Сл.“ А. Вернеръ. Его сообщенію
(№ 107) даемъ здѣсь главное мѣсто.

Представьте себѣ рельсовый путь въ мини-
атюрѣ, устроенный на длинномъ столѣ. Вдоль
пути, между рельсами, размѣщены электромаг-
нитныя катушки. На рельсахъ стоитъ вагон-
чикъ цилиндрической формы, нѣсколько похо-
жій на торпеду, вѣсомъ немного болѣе одного
пуда. Изобрѣтатель дотрогивается до выключа-
теля, раздалось тихое жужжаніе — и вдругъ
вагонъ поднялся на высоту полудюйма и по-
высь въ воздухѣ.

Башле предлагаетъ поѣздителю придавить
вагончикъ къ рельсамъ. Оказывается, это тре-
буетъ огромнаго усилія: на вагонъ надо по-
ставить грузъ въ 2½ пуда, чтобы онъ опу-
стился на рельсы. Когда нажимаешь на вагонъ,
испытываешь впечатлѣніе, будто вдавливаешь
въ воду пустое ведро. Кажется, что между
нимъ и рельсами находится слой жидкости или
очень упругая пружина. Эта невидимая жид-
кость—эиръ, приведенный электромагнитами
въ особое состояніе; тотъ самый эиръ, кото-
рый переноситъ свѣтъ и передаетъ на разсто-
яніе электрическія и магнитныя дѣйствія. Стран-
ное чувство овладѣваетъ вами: до сихъ поръ
эиръ казался чѣмъ-то отвлеченнымъ, какою-
то математической фикціей, а тутъ вы можете
ощупать его, чувствуете подъ руками его да-
вленіе, ощущаете его, какъ упругое веще-
ство...

Явленіе это открыто 27 лѣтъ назадъ въ
Америкѣ (Э. Томсономъ) и Англии (Дж. Фле-
мингомъ) одновременно. Если черезъ катушку
электромагнита пропускать переменный токъ,
то куски такихъ металловъ, какъ мѣдь, алюминій,
серебро, отталкиваются отъ сердечника катушки,
а желѣзо притягиваются. Если вы на катушку
поставите мѣдный тазъ и пропустите токъ,—
онъ поднимется на воздухъ и будетъ стоять
на нѣкоторой высотѣ, зависящей отъ вѣса
таза. Вы можете налить въ тазъ воды,—онъ
опустится, но все еще будетъ держаться на
воздухѣ, будто держась на поверхности какой-
то невидимой и очень тяжелой жидкости, —
напримѣръ, ртути. Желѣзо притягивается та-
кою катушкою съ огромной силой, но если вы

положите кусокъ желѣза на дно мѣдной чашки, то онъ не будетъ уже притягиваться катушкой; наоборотъ, онъ оттолкнется отъ дна чашки; чашка будетъ держаться надъ катушкой, а желѣзо будетъ какъ-будто плавать на поверхности невидимой жидкости, заполняющей чашку.

Заслуга Э. Башле въ томъ, что онъ показалъ, какъ можно примѣнить это явленіе къ желѣзнодорожному дѣлу. Онъ расположилъ такія катушки вдоль всего пути, при чемъ вагончикъ (съ алюминиевымъ основаніемъ) несетъ на себѣ родъ „троллей“—скользящій контактъ, который по очереди включаетъ въ электрическую цѣпь одну катушку за другой. Этотъ маленький аппаратъ, названный изобрѣтателемъ „Synchronising interrupter“ (одновременный прерыватель), даетъ токъ силою въ 3.000 вольтъ. Такимъ образомъ, токъ идетъ только по катушкамъ, надъ которыми проходитъ—или точнѣе, пролетаетъ—въ данный моментъ вагончикъ. Этотъ же „троллей“ позволяетъ питать токомъ аппаратъ, служащій для тяги вагона. У Башле есть двѣ системы тяги. Въ одной системѣ вагонъ движется впередъ пропеллеромъ, въ родѣ аэропланнаго; этотъ пропеллеръ приводится въ дѣйствіе электрическимъ моторомъ на вагончикѣ. Другая система: вдоль всего пути поставлены „соленоиды“, въ формѣ тоннелей, изъ нѣсколькихъ рядовъ изолированной проволоки, силой притяженія сообщающіе вагону поступательное движеніе. Когда вагонъ подходит къ такому тоннелю, по проводокъ пробѣгаетъ токъ, и тоннель сначала „всасываетъ въ себя вагончикъ, а потомъ выталкиваетъ его чрезъ другой конецъ.

Эта послѣдняя система позволяетъ вагончику двигаться съ колоссальной скоростью: когда изобрѣтатель нажимаетъ рукоятку выключателя перваго тоннеля, — вагонъ перелетаетъ черезъ весь столъ по воздуху (надъ рельсами), какъ мячъ, по которому ударили лоптой. Въ системѣ Башле скорость вагона ограничена только сопротивленіемъ воздуха, — нѣтъ ни тренія о рельсы, ни тренія въ осяхъ колесъ и подшипникахъ мотора. На основаніи опыта, изобрѣтатель обѣщаетъ, что скорость его „летучаго поѣзда“ легко можетъ быть доведена до

480—500 верстъ, т.-е., что изъ Петербурга можно доѣхать до Москвы въ $1\frac{1}{4}$ часа, до Баку—въ 5 часовъ и до Парижа—въ 10 часовъ.

Система электрическаго контроля, вводимая изобрѣтателемъ, даетъ возможность, по его словамъ, пускать поѣзда по одному и тому же пути съ промежутками въ полминуты безъ всякой опасности столкновеній.

Прежде чѣмъ приспособить свое изобрѣтеніе къ пассажирскому движенію (одна крупная англійская желѣзнодорожная компанія предлагаетъ для дальнѣйшихъ опытовъ подходящій участокъ своей дороги), инженеръ Башле хочетъ использовать его для передачи почты на большія разстоянія, вмѣсто существующихъ „трубныхъ“ и подземныхъ желѣзныхъ дорогъ, и съ этой цѣлью ведетъ переговоры съ почтовымъ вѣдомствомъ. По вычисленіямъ изобрѣтателя, верста его дороги (считая, кромѣ постройки пути, еще и сооруженіе электрическихъ станцій, — по одной на каждыя 160 верстъ) обойдется въ 30 тысячъ рублей. Между Петербургомъ и Москвою, напр., дорога системы Башле стояла бы около 18 милліоновъ рублей. Эксплоатація дороги должна стоить очень дешево, такъ какъ, изъ-за отсутствія тренія, почти нѣтъ изнашиванія частей. Что же касается расходовъ на токъ, то, по вычисленію изобрѣтателя, потребленіе электрической энергіи будетъ 8 килоуаттовъ на пудъ груза въ часъ на каждый вагончикъ, несущій $2\frac{1}{2}$ пуда почтовыхъ посылокъ и писемъ. Въ Англіи это составитъ расходъ всего въ 60 коп., такъ что пробѣгъ между Москвою и Петербургомъ, по англійскимъ цѣнамъ, обошелся бы всего въ 75 к. съ вагона.

Башле проектируетъ построить дорогу своей системы между Лондономъ и Ливерпульемъ; она будетъ доставлять корреспонденцію въ 45 минутъ.

Несомнѣнно, такая дорога имѣла бы огромное значеніе для общества и администраціи. Особенное же значеніе она будетъ имѣть для газетъ; такая скорость доставки должна совершенно преобразовать всю постановку газетнаго дѣла.

Письма въ редакцію:

I.

Анкета о Народныхъ Домахъ.

Литературно-Издательскій Комитетъ Лиговскаго Народнаго Дома гр. С. В. Паниной предпринялъ изданіе „Народный Домъ“, имѣющее цѣлью теоретическую и практическую разработку вопросовъ, связанныхъ съ организаціей и дѣятельностью Народныхъ Домовъ. Для изданія производится специальная анкета о современномъ положеніи Народныхъ Домовъ въ Россіи. Собираются матеріалы о Народ. Домахъ въ другихъ странахъ. Изданіе предполагается закончить въ теченіе 1914—1915 г. г. Важное общественное значеніе этого начинанія побуждаетъ инициаторовъ обратиться съ просьбой о широкой общественной его поддержкѣ. Съ глубокой благодарностью будутъ приняты всякое содѣйствіе дѣлу и заявленія, касающіяся постановки и программы изданія. Проектъ программы высылается интересующимся бесплатно. Въ виду полнаго отсутствія регистраціи Народ. Домовъ, особенно важно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы отвѣты на производимую анкету были получены отъ всѣхъ Народныхъ Домовъ Россійской Имперіи. Означенная анкета производится черезъ посредство мѣстныхъ Земскихъ и Городскихъ Учрежденій и просвѣдательныхъ организацій. Для гарантіи полноты и своевременности изслѣдованія, очень желательно, чтобы всѣ Народ. Дома, не ожидая полученія опросныхъ бланковъ, немедленно же сообщили свои подробные почтовые адреса и свое точное наименованіе по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Невскій, 92, кв. 17, Редакціи журнала „Вѣстникъ Народнаго Образованія“, для „Бюро по изслѣдованію Народныхъ Домовъ въ Россіи“. По этому же адресу слѣдуетъ направлять и всю переписку по предпринятому изданію.

Предсѣдательница Комитета гр. С. В. Панина.

Завѣдующій Бюро В. Чарнолуцскій.

II.

Уже два года въ Парижѣ существуетъ Общество Взаимопомощи лицъ интеллигентнаго труда, имѣющее цѣлью объединить живущихъ въ Парижѣ русскихъ интеллигентовъ на почвѣ ихъ моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ.

О-во насчитываетъ около 200 членовъ, среди которыхъ есть люди всевозможныхъ интеллигентныхъ профессій: врачи, инженеры, журналисты, корреспонденты—газетные и торговые, преподаватели, переводчики, знающіе по нѣскольку языковъ, дактилографы, гиды и проч. При О-вѣ существуетъ Бюро труда, занятое присканіемъ работы членамъ О-ва, что составляетъ главную заботу О-ва. О-во беретъ на себя производство всевозможныхъ справокъ въ бібліотекахъ, архивахъ, музеяхъ, принимаетъ работы по переводамъ русскаго языка на иностранные и наоборотъ, переписку на машинахъ и т. п. Всѣ работы производятся подъ контролемъ и за отвѣтственностью Правленія.

Средства О-ва составляютъ изъ членскихъ и вступительныхъ взносовъ и процентныхъ отчисленій съ заработка, полученнаго черезъ О-во. При О-вѣ существуютъ для его членовъ бесплатныя курсы франц. и англ. языковъ, дактилографіи и стенографіи, на которыхъ преподаютъ бесплатно же члены О-ва.

Въ виду того, что главнымъ контингентомъ лицъ, могущихъ дать работу членамъ О-ва, большинство которыхъ очень въ ней нуждается, являются русскіе, то О-во хотѣло бы оповѣстить о своемъ существованіи читателей Вашего уважаемаго журнала, для того, чтобы они обращались въ О-во въ случаяхъ, когда имъ встрѣтится надобность въ исполненіи какой-либо работы за границей.

Кромѣ того О-во могло бы быть полезно тѣмъ изъ нихъ, которымъ придется быть въ Парижѣ: въ немъ они найдутъ добросовѣстныхъ и знающихъ людей, которые помогутъ имъ въ ихъ дѣловыхъ частныхъ сношеніяхъ съ французами и въ ознакомленіи съ Парижемъ. О-во помѣщается въ центрѣ Латинскаго Квартала, вблизи всѣхъ учебныхъ заведеній, недалеко отъ центра города. Адресъ его слѣдующій: 12, rue Bignon, Paris.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ.

378. [. . . . . 016(048):792

Сборникъ рецензій пьесъ для народнаго театра. Вып. I. (Секція содѣйствія устройству деревенскихъ и фабричныхъ театровъ при М. О. Н. У. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. Стр. 155. Ц. 40 к.

Въ предисловіи къ книжкѣ констатируется фактъ, что устройство драматическихъ спектаклей въ селахъ и на фабрикахъ за послѣдніе годы принимаетъ характеръ широкаго движенія, проникающаго въ самую глубину народной жизни. Театръ, не какъ зрѣлище, а какъ могучее средство проведенія культуры и просвѣщенія, вошелъ въ сознаніе широкихъ слоевъ деревенской интеллигенціи. Составители „Сборника рецензій“ задались цѣлю дать отвѣтъ на одинъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ этой интеллигенціи: что играть? какія пьесы ставить? Одни думаютъ, что народу можно давать только бытовые пьесы, другіе—что слѣдуетъ ставить пьесы героическаго характера, третьи стоять за поучительскія пьесы и т. д. Составители сборника стоятъ на той точки зрѣнія, что пригодность пьесы опредѣляется лишь ея литературно-художественными достоинствами, такъ какъ театр—зрѣлище, состоящій изъ обстановочныхъ пьесъ, не театръ въ настоящемъ значеніи этого слова; тенденціозный театръ также лишь фальсификація театра... (Н. В. „Народн. Образ.“ 1914—1).

При оцѣнкѣ пьесы признавалось основнымъ критеріемъ, опредѣляющимъ пригодность пьесы для народнои сцены, ея литературно-художествен. достоинства, независимо отъ того, какую область жизни она затрагиваетъ. Секція допустила только нѣкоторые уклоненія отъ этого принципа въ двухъ направленіяхъ: „желаніе дать для начинающихъ деревенскихъ исполнителей пьесы, очень легкія для исполненія съ схематическими характерами дѣйствующихъ лицъ и самыми несложными переживаніями, заставляя допускать пьесы, не представляющія собою вполнѣ художествен. произведеній“; кромѣ того допускаются пьесы, способныя идейною стороною особенно сильно интересовать деревенскаго зрителя, хотя бы въ нихъ и замѣчались дефекты художествен. творчества. Но въ обоихъ случаяхъ пьесы должны удовлетворять опредѣленнымъ литературнымъ требованіямъ. Въ сборникѣ даны рецензіи о 87 пьесахъ. Въ каждой рецензіи заключается: краткое содержаніе пьесы, характеристика ея главныхъ дѣйствующихъ лицъ, режиссерскія

указанія; тутъ же сообщаются полезныя свѣдѣнія о костюмахъ и декораціяхъ, нужныхъ для постановки пьесы. Пользуясь этимъ сборникомъ, режиссеръ или устроитель спектакля можетъ съ полнымъ вниманіемъ и осторожностью выбрать ту или другую пьесу для спектакля, смотря по мѣстнымъ условіямъ, по наличности состава и силамъ исполнителей. Изъ 38 авторовъ, перу которыхъ принадлежатъ разобранныя пьесы, больше всѣхъ мѣста удѣлено А. Н. Островскому. (А. Локтинъ. „Волян. Унив.“ 1914—8; „Дѣла Нар. Уч.“ 1904—6).

... Эта книга идетъ къ народу, взываетъ къ самостоятельности, даетъ свѣдѣнія и указанія, которыя будутъ полезны на мѣстахъ... (А. Евдокимовъ. „Кооп. Жизнь“. 1914—3).

379. Елачичъ, Е. 158:59

Инстинктъ. — Психологич. библіотека, подъ ред. проф. А. П. Нечаева № 1. 1913. СПб. 104 стр. Съ 35 рис. Ц. 70 к.

Авторъ книги ставитъ себѣ скромныя заданія. Не имѣя въ виду спеціалиста-психолога, онъ хочетъ только, основываясь на строго проверенныхъ фактахъ, выяснитъ въ популярной формѣ понятіе инстинкта. Матеріаломъ для него служатъ исключительно жизнь насѣкомыхъ, т. к. психологія ихъ изучена, сравнительно, лучше всего, и такъ какъ этотъ классъ животныхъ даетъ наилучшую картину чисто инстинктивной дѣятельности. Зоопсихологія должна быть объективной, она должна разрабатываться обычнымъ методомъ естествознанія, именно съ помощью наблюденія и эксперимента. Большое значеніе для нея имѣетъ методъ выведенія среднихъ данныхъ, среднихъ признаковъ, который гарантируетъ намъ правильное представленіе о типичномъ. Книга читается съ интересомъ, подборъ фактовъ ярокъ и доказателенъ. Въ плюсъ автору надо поставить его научную добросовѣстность: сталкиваясь съ необъясненнымъ до сихъ поръ фактомъ, напр., чувствомъ направленія у птицъ и насѣкомыхъ, онъ имѣетъ мужество признаться, что всякаго рода объясненія являются въ данномъ случаѣ пока слишкомъ поспѣшными. Въ общемъ, понятіе инстинкта выяснено Е. съ достаточной полнотой и опредѣленностью, причемъ общедоступная форма изложенія удачно совмѣщена съ научностью. (Л—скій. „День“. 1914—49).

Е., извѣстный нашъ педагогъ, съ видимою любовью и вниманіемъ рассмотрѣлъ заинтересовавший его психологическій вопросъ объ инстинктѣ животныхъ. Онъ не только цитируетъ авторовъ, но и сообщаетъ результаты собственныхъ опытовъ надъ осами. Въ своихъ выводахъ авторъ

примыкает къ школѣ В. Вагнера, отрицающей за животными право на названіе мыслящихъ существъ: истина справедливая, если подѣ „мыслью“ разумѣть ту ея стадію, на которой она наблюдается въ психикѣ человѣка. Но было бы непростительнымъ солипсизмомъ утверждать, что мысль совершенно отсутствуетъ у низшихъ представителей зоологической эволюціонной лѣстницы: какъ чувство не создается сразу изъ пѣвы морской, подобно Афродитѣ, такъ и мысль не вылетѣла готовой изъ головы человѣка, подобно Афинѣ Палладѣ. Да и авторъ этого, конечно, не думаетъ: создавать для мысли черту осѣдлости въ человѣческомъ мозгу значило бы грубо противорѣчить теоріи Дарвина, и на это именно и указываетъ авторъ на первыхъ же страницахъ своей книги. (А. Н. „Кіев. М.“ 1914—81).

Колоссальный успѣхъ, достигнутый за послѣднее время въ области точнаго знанія, отразился также и на психологіи. Психологи, ранѣе примѣнявшіе исключительно спекулятивный методъ изслѣдованія, освободились отъ путъ метафизики и стали примѣнять экспериментальный методъ. Вслѣдъ за психологіей по тому же пути пошла и зоопсихологія, которая до этого мало интересовала зоологовъ, такъ какъ, подобно психологіи человѣка, она рѣзко отличалась по методамъ изслѣдованія отъ остальныхъ зоологическихъ дисциплинъ. Методы, примѣнявшіеся въ психологіи человѣка, цѣликомъ были перенесены и на изслѣдованіе психологіи животныхъ; какъ психологія исходила изъ личныхъ ощущеній и была вполне субъективной, такъ и зоопсихологія въ основу сравненій брала человѣка и была антропоморфической. Когда психологія стала объективной, то и зоопсихологія перестала быть антропоморфической. Тѣмъ не менѣе и старые методы, пока они примѣнялись къ высшимъ животнымъ, могли давать въ общемъ вполне удовлетворительные результаты. Такъ, изслѣдованія Ч. Дарвина надъ выраженіемъ чувствъ у млекопитающихъ до сихъ поръ не потеряли своего значенія. Самъ Дарвинъ ограничился высшими животными, и потому Е. не правъ, обвинявъ его и его ученіе во всѣхъ ошибкахъ зоопсихологіи, которые были сдѣланы благодаря распространенію на низшихъ животныхъ выводовъ, сдѣланныхъ имъ лишь для высшихъ. Вся первая глава книги Е. посвящена нападкамъ на эволюціонистовъ и потому непослѣдовательно звучатъ заключительныя слова къ этой главѣ: „И разумѣется, эволюціонное ученіе стоитъ непоколебимо твердо, а антропоморфическая зоопсихологія должна разсѣяться какъ туманъ и должна разсѣяться именно при свѣтѣ эволюціоннаго ученія, укрѣпленію и научному обоснованію котораго такъ безконечно много содѣйствовали великій Дарвинъ и не менѣе великая рать его послѣдователей. Опредѣленіе инстинкта авторъ даетъ слишкомъ длинное, хотя и точное. Фактический матеріалъ, сообщаемый въ книгѣ, вполне наученъ и свѣжъ, и съ этой стороны книга заслуживаетъ вниманія. Слѣдуетъ только отмѣтить, что въ выборѣ этого матеріала видна односторонность. Такъ, весь онъ, за немногими исключеніями, сводится къ наблюденіямъ и опытамъ надъ насѣкомыми, да и изъ нихъ лишь надъ насѣкомыми съ полнымъ превращеніемъ. Отсюда, и выводы автора являются односторонними. Впрочемъ, авторъ послѣднее обстоятельство, т.-е. исторію развитія насѣкомыхъ, совсѣмъ упустилъ изъ виду.

Существуетъ взглядъ на инстинктъ, какъ на сложный рефлексъ безъ видимаго, вишняго раздраженія. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ дарвинистовъ, извѣстный физиологъ И. М. Сѣменовъ, написалъ исключительную по глубинѣ анализа книгу „Рефлексы головного мозга“, въ которой путемъ логическихъ построеній намѣтилъ тѣ положенія, къ которымъ привели въ наше время проф. Павлова лабораторные опыты надъ собаками. Такимъ образомъ, въ рефлексѣ нужно искать тотъ мостъ, который долженъ открыть путь къ научному доказательству единства происхожденія психики различныхъ представителей животнаго царства, вплоть до самаго человѣка. (В. Капельникъ. „Вѣст. Восп.“ 1914—4).

Книжка интересна. Изложеніе довольно живое, но разсчитанное на читателя, уже имѣющаго вѣкторію подготовку. (А. Бронскій. „Учит. Вѣст.“ 1914—3).

380. Зусманъ, А.

296

Ессеи (религіозное теченіе въ Палестинѣ во времена Иисуса Христа). 1914. М., кн-во „Зеленая Палочка“. 48 стр. Ц. 15 к.

Въ небольшомъ очеркѣ З. излагаетъ въ сжатой и популярной формѣ исторію возникновенія и жизни секты ессеевъ, которая оказала несомнѣнное вліяніе на появленіе христіанства. Вкратцѣ передаетъ она непрестанную работу еврейской религіозной мысли, приведшей къ организаціи этой секты, такъ напоминающей въ своихъ основныхъ чертахъ современное духовное братство; излагаетъ постепенное развитіе внутренней организаціи „ордена“, его религіозныя установленія, религіозно-классовую группировку его членовъ, бытовую сторону жизни ессеевъ и ихъ религіозныя предрасудки. Заканчивается книга исторіей послѣдней борьбы Палестины съ Римомъ, борьбы во время которой погибло братство ессеевъ.

Нельзя не согласиться съ тѣми соображеніями, которыя высказываетъ редакція издательства въ предисловіи къ этой книгѣ. Интересны и важны книги греческихъ и римскихъ писателей, поэтовъ, историковъ, но развѣ не болѣе важны въ духовной жизни человѣчества творцы библіи, книги, вѣроятно, самой распространенной на всемъ земномъ шарѣ? И развѣ проповѣдь еврейскихъ пророковъ имѣла въ жизни людей меньшее значеніе, чѣмъ философія Аристотеля? А лучший перлъ въ вѣнцѣ человѣчества, солнце правды, Иисусъ? ... Надо привѣтствовать появленіе общедоступнаго сочиненія, лишний разъ напоминающія намъ о религіи народа, среди котораго родился, жилъ и мыслилъ „Солнце правды, Иисусъ“. („Прчб.“. 1914—53).

... Во всякомъ случаѣ, ессеи должны занимать cadaго, интересующагося исторіей христіанства, особенно сильно, такъ какъ именно они болѣе, чѣмъ кто-либо другой, близки были въ тѣ отдаленныя эпохи къ христіанскому міровоззрѣнію. „Ессеи, — пишетъ З., — желали быть „совершенными іудеями, исполняющими законъ во всей его полнотѣ“... За ревностнымъ исполненіемъ закона послѣдовало сейчасъ же тщательное изученіе Свящ. Писанія и примѣненіе къ жизни многого изъ того, что тамъ указывалось и что отыскивали и что прочли, толкуя иносказательно, эти пытливые люди. Конечно они обра-

тили вниманіе на имущественное положеніе своихъ сочленовъ и искорѣ личную бѣдность и общность имущества они возвели въ основу своей общественной жизни. Само собой понятно, что и тогда, какъ и теперь, такое утвержденіе жизни не могло нравиться тѣмъ богатымъ и господствующимъ классамъ, которые все свое благополучіе, счастье, почетъ и славу строили на стяжаніи богатствъ въ однѣ руки въ личную собственность. Взглядъ на частную собственность у ессеевъ отъ вещей переходилъ и на людей. Въ то время очень сильно было распространено рабство, у ессеевъ рабство было совершенно уничтожено. Имѣть рабовъ считалось тягчайшимъ грѣхомъ. У ессеевъ — всѣ были свободны, всѣ звали другъ друга братьями и работали другъ для друга. Старшіе лѣтами пользовались особымъ почетомъ и повиновеніемъ. Браки у ессеевъ не поощрялись, но и не запрещались. Свѣтскіе ессеи, т. е. тѣ, которые еще не удалились изъ міра, не отвергали бракъ. Однако, брачующіеся подвергались большому искусу. Женщина могла вступать въ бракъ съ ессеемъ только послѣ того, какъ подверглась трехлѣтнему испытанію. Цѣлью брака считалось исключительно дѣторожденіе, а отнюдь не удовлетвореніе похоти. „Но ессеи, ушедшіе отъ міра въ свои колоніи, въ бракъ не вступали, т. к. боялись, что бракъ будетъ соблазномъ и препятствіемъ на пути къ достиженію желаннаго совершенства; они брали на воспитаніе чужихъ дѣтей въ томъ нѣжномъ возрастѣ, когда еще можно вліять на нихъ, и воспитывали ихъ въ своемъ духѣ“. Въ обществѣ ессеевъ могъ вступать каждый. Только съ теченіемъ времени пришлось ввести нѣкоторый періодъ искуса, ибо требованія, предъявляемые правилами общегитіи ессеевъ, были для многихъ совершенно не подъ силу, и ослабѣвающіе въ подвигъ самосовершенствованія давали дурной примѣръ для остальныхъ. Передъ вступленіемъ въ общество новоприбывшій членъ давалъ обѣты и клятвы, по содержанію своему очень напоминающіе намъ „заповѣди“ различныхъ сектантовъ восточнаго происхожденія. Очевидно, одинаковость положенія сектантовъ по отношенію господствующихъ классовъ, несмотря на разницу вѣковъ, приводитъ къ однимъ и тѣмъ же навыкамъ и привычкамъ членовъ организаціи.

Удивительно сохранился на пространствѣ всей исторіи христіанской эры типъ сектантской организаціи, черпавшей всегда свое основаніе, принципы жизни и устройства изъ одного и того же источника: изъ Евангелія, куда, очевидно, перешли навыки тѣхъ религіозн. организацій еврейскаго народа, которыя наиболѣе были близки ему по духу. Ессеи не посѣщали храмовъ, потому что другихъ евреевъ они считали невѣрными и главнымъ образомъ потому, что священствовавшихъ въ немъ „богатыхъ, двоедушныхъ, алчныхъ саддукеевъ“, считали совершенно непригодными и недостойными этого званія, этой важной должности. Стремясь жить для души, они пренебрежительно смотрѣли на тѣло. „Взглядъ ихъ на тѣло, какъ на источникъ зла, привелъ ихъ къ аскетизму“, очевидно, такъ же, какъ всегда приводитъ къ тому послѣдовательныхъ христіанъ. Вѣда такой образъ жизни эти люди вырабатывали соотвѣтствующее міровоззрѣніе, во многихъ частяхъ своихъ крайне напоминающее христіанскіе завѣты. И если, — какъ

совершенно вѣрно говорить З., — нельзя говорить съ увѣренностью о прямомъ вліяніи ессеевъ на Христа, то все-таки нельзя не видѣть, что во многихъ отношеніяхъ Онъ былъ къ нимъ очень близокъ. (*Владиміръ Бончъ-Вруссевичъ. „Утро“. 1914—2281*).

Безпристрастно написанная, понятнымъ и простымъ языкомъ, брошюра эта, при чрезвычайной бѣдности русской популярно-научной литературы по еврейской исторіи, явится полезной для желающихъ въ общихъ чертахъ ознакомиться съ положеніемъ еврейства въ эпоху отъ Асмонеевъ до гибели храма, ибо авторъ излагаетъ происхожденіе и состояніе ессейзма въ рамкахъ общей культурной исторіи евреевъ. Иные взгляды въ этой компіляціи уже, конечно, устарѣли. [Отмѣчены неправильности въ словоупотребленіи нѣкоторыхъ именъ]. (*И. В. „День“. 1914—63*).

381. Шефферъ, К., проф. 58+59

Опытъ надъ живою природою. Для начинающихъ любителей естествознанія. Съ 100 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. прив.-доп. П. Ю. Шмидта. Спб., 1914. Изд. А. Ф. Девріена. 269 стр., ц. 2 р.

Книга Ш. представляетъ юному экспериментатору довольно высокія требованія. Она содержитъ нѣсколько сотъ опытовъ по физиологіи растений (включая сюда и споровыя), по біологіи животныхъ (преимущественно наблюденія надъ инфузоріями, гидрами, дафініями и нѣкоторыми видами насекомыхъ — пчелами, осами, муравьями) и, наконецъ, по физиологіи человѣка. Опыты конструированы удачно, изложены ясно и кратко, достигаютъ своей цѣли — ознакомить учащагося на практикѣ съ основными явленіями жизни... при одномъ условіи: если экспериментаторъ прошелъ уже теоретически солидный курсъ ботаники, зоологіи и физиологіи человѣка. Безъ этой предварительной подготовки, книга Ш. въ рукахъ юнаго любителя природы — мертвый капиталъ. А насколько эта подготовка должна быть серьезной, видно изъ того, что авторъ ставитъ, между прочимъ, опыты съ чистыми культурами бактерій, изслѣдуетъ клубеньковыя бактерии, демонстрируетъ разложеніе мочевины почвенными бактеріями, фото-гео-и хемо-таксисъ у инфузорій, весьма сложные опыты надъ водорослями и грибами и проч. Названія нѣкоторыхъ растений даны лишь на латинскомъ языкѣ. Въ общемъ, въ условіяхъ русской школы, книга Ш. скорѣе пригодится преподавателю, чѣмъ ученику. Преподаватель, дѣйствительно, съ пользой утилизируетъ многіе описанные тамъ опыты, въ особенности въ области ботаники.

Переводъ сдѣланъ добросовѣстно, но переводчикъ мало поработалъ для того, чтобы сдѣлать книгу доступной для русскаго начинающаго любителя... Авторъ помѣтилъ болѣе доступные (относительно) опыты — звѣздочкой. Переводчикъ почему то указываетъ, что звѣздочка относится къ опытамъ „болѣе легкимъ и не требующимъ примѣненія микроскопа“. Между тѣмъ стоитъ просмотрѣть десятокъ — другой этихъ отмѣченныхъ опытовъ, чтобы убѣдиться, что половину изъ нихъ нельзя поставить безъ микроскопа. [Указываются нѣкоторыя руководства для начинающихъ, преслѣдующіе тѣ же цѣли, какъ и

книга III.] (Борисъ Райковъ. „Что и какъ чит. дѣт.“ 1913/4—7).

Наблюденіе и опытъ есть основа всего естествознанія, но наблюденіе и опытъ не одно и то же, оба понятія хотя и близки, но смѣшивать ихъ не слѣдуетъ. Между тѣмъ какъ авторъ, такъ и переводчикъ не дѣлаютъ между ними разницы. Отличительною чертою эксперимента является искусственность условій, при которыхъ производится наблюденіе, должствующее дать „надлежащій“ отвѣтъ на интересующій изслѣдователя вопросъ; этихъ искусственныхъ условій какъ разъ и нѣтъ во многихъ „опытахъ“, предлагаемыхъ проф. III... Къ счастью, однако, такое смѣшиваніе логическихъ терминовъ ницуть не отразилось на научности предлагаемыхъ работъ. Всѣ онѣ какъ по поставленнымъ задачамъ, такъ и по выполненію вполнѣ отвѣчаютъ современнымъ научнымъ теченіямъ и уже по одному тому заслуживаютъ самаго сочувственнаго отношенія.

Въ книгѣ проф. III. приведена не одна сотня работъ изъ области живой природы, при чемъ большая часть, какъ и можно было ожидать, посвящена растеніямъ, меньшая — животнымъ. Какъ въ ботаническомъ отдѣлѣ, такъ и въ зоологическомъ работы затрогиваютъ главнымъ образомъ двѣ области — физиологію и біологію въ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ зоологическомъ отдѣлѣ много вниманія уделено инстинкту. Часть имѣющихся въ немъ работъ требуетъ лабораторной обстановки и потому наиболѣе пригодна для зимнихъ занятій, другая же часть работъ предназначена для непосредственнаго наблюденія природы и возможна только лѣтомъ. Всѣ работы очень просты и изложены вполнѣ толково, а потому вполнѣ пригодны для цѣлей самообразованія. [Книга], безъ сомнѣнія, „встрѣтитъ такой же благосклонный приемъ у насъ, какъ и за границей, и принесетъ свою долю пользы начинающимъ любителямъ естествознанія“.

Переводъ книги сдѣланъ хорошимъ русскимъ языкомъ и безукоризненъ съ точки зрѣнія точности и вѣрности, но не лишенъ корректурныхъ недосмотровъ... Издана книга опротно. (В. Капелькинъ „Вѣст. Восп.“ 1914—2).

Пособіе III. страдаетъ серьезнымъ изъяномъ: плохо продуманы матеріалъ и назначеніе книги. Рядомъ съ элементарнѣйшими наблюденіями и опытами для дѣтей, начинающихъ знакомиться съ естествознаніемъ, фигурируютъ опыты, требующіе примѣненія микроскопа, при чемъ не дано описанія приемовъ микроскопической техники (манипуляцій съ микроскопомъ, бритвой, объектами изслѣдованія). Но для владѣющаго микроскопомъ книга III. слишкомъ „жидка“: онъ будетъ пользоваться болѣе серьезными и богатыми матеріаломъ пособіями; а дѣйствительно начинающій, если-бы и приобрѣлъ микроскопъ, окажется въ безпомощномъ положеніи съ книгой III. и вынужденъ будетъ приобрѣсти болѣе солидное руководство: для ребенка же микроскопъ не доступенъ. — Наиболѣе систематическій и связанный характеръ имѣютъ опыты, относящіеся къ растеніямъ ($\frac{2}{3}$ общаго числа); довольно безсвязный, разнородный, случайный — опыты, относящіеся къ біологіи, психологіи и физиологіи человѣка и животныхъ. Неприятное впечатлѣніе производятъ употребленіе выраженій — „чувство осязанія“ и т. п. у растеній: не слѣдуетъ вну-

шать начинающимъ представленія совершенно произвольныя и не вытекающія изъ опыта.

Но это не дѣлаетъ однако, ее безполезной. Именно біологическая литература страдаетъ отсутствіемъ элементарныхъ пособій, рассчитанныхъ на самостоятельныя наблюденія и опыты занимающихся. Книга III., хотя и не совсѣмъ удачно, но все же восполняетъ этотъ пробѣлъ: большая часть описанныхъ въ ней опытовъ доступна для начинающаго и дадутъ ему порядочную сумму свѣдѣній, приобретенныхъ самостоятельно, путемъ личнаго наблюденія и опыта. (М. Э—дтс. „Своб. Журн.“ 1914—3).

...Всѣ приведенные опыты... общедоступны. Изложеніе также популярно, почему книга можетъ рассчитываться на широкое распространеніе, котораго она вполнѣ и заслуживаетъ. Слѣдуетъ все же замѣтить, что... работу III. слѣдуетъ особенно рекомендовать лицамъ съ нѣкоторой подготовкой, и на первой очереди учителямъ, которые въ ней найдутъ цѣнное учебное пособие... (Б. В. „Совр. Миръ“. 1914—4).

...Пользованіе книжкой облегчается тѣмъ, что очень многіе изъ описываемыхъ авторомъ опытовъ не требуютъ никакихъ особыхъ приспособленій, или же для ихъ постановки достаточно предметовъ домашняго обихода, въ родѣ банокъ изъ-подъ варенья, цвѣточныхъ горшковъ и т. п. Такого большинства опытовъ надъ развитіемъ растенія и его отношеніемъ къ почвѣ, надъ влияніемъ внѣшнихъ условій на ростъ и развитіе растенія, надъ опыленіемъ и скрещиваніемъ растеній, опыты надъ ракообразными и насѣкомыми (отношеніе гусеницы къ свѣту, питаніе муравьевъ, утаскиваніе ими добычи, нахожденіе муравьями дороги безъ помощи зрѣнія), опыты надъ дыханіемъ, многіе опыты надъ глазомъ и зрѣніемъ, надъ чувствительностью кожи и т. д. Только для опытовъ надъ бактеріями и инфузоріями (къ слову сказать, весьма интересныхъ) требуется микроскопъ. (А. Бронскій. „Учит. Вѣст.“ 1914—3).

...Настоящая книга пополняетъ пробѣлъ въ нашей популярно-научной литературѣ, не имѣвшей до сихъ поръ руководства для начинающихъ по біологическимъ наукамъ для производства опытовъ надъ живою природой... (В. Т. „Моск. Вѣд.“ 1913—293).

(См. аналогичн. отзывъ „Сар. Вѣст.“ 1914—19).

...Опыты изложены кратко и точно. Вообще, это очень полезная книга. („Россія“ 1913—2494).

...Мы смѣло можемъ рекомендовать эту книжку для юныхъ любителей природы... („Нов. Вр.“ 1914—13706).

382. Эдингъ, Б. фонъ

72

Ростовъ Великій. Угличъ. — И. Грабаръ. Русскіе города-разсадники искусства. Вып. I. 1914. М., изд. I. Кнебель. 198 стр. съ 170 иллюстр. Ц. 3 р. 50 к.

.. Изданіе должно дать рядъ „портретовъ“ русскихъ городовъ въ ихъ индивидуальныхъ чертахъ, не въ томъ, что ихъ сближаетъ, а въ томъ, что различаетъ; ибо „—что городъ, то норевъ“. Монографіи эти посвящены городамъ-музеямъ Новгороду, Пскову, Владиміру, Ярославлю, Суздалью, и др.

Книги эти — не просто собраніе цѣнныхъ документовъ, онѣ вводятъ насъ въ бытовія и идейныя условія внутренняго созиданія Россіи,

въ древнюю жизнь, мистическую, кровавую и простодушную, показываютъ намъ несбывшіяся возможности самобытнаго расцвѣта городовъ и областей, къ которымъ тянутся жадные и сильные шупальцы чудовищаго и безпошадно-властнаго города-спрута Москвы. Тексту перваго выпуска предпослано весьма лаконическое предисловіе И. Грабаря. Статьи о каждомъ изъ городовъ раздѣлены на двѣ основныя части; первая—посвящена ихъ историческимъ судьбамъ, вторая—ихъ художественному наслѣдію. Текстъ служитъ поясненіемъ къ значительному иллюстраціонному матеріалу; большинство снимковъ исполнено авторомъ книги, многіе — Борщевскимъ. Изложеніе книги добросовѣстно и незатѣйливо, но нѣсколько безжизненно. Э. увѣренно владѣетъ технич. и историческими свѣдѣніями о русскомъ зодствѣ; данныя мѣстныхъ и лѣтописныхъ традицій использованы имъ съ должнымъ вниманіемъ и критикой. Но воскресить обаяніе древней культуры, раскрыть эстетическую сущность большого впечатлѣнія отъ описанныхъ памятниковъ, установить живую связь между характеромъ послѣднихъ и свойствами современной нашей художественной чувствительности автору не удалось въ достаточной степени. У него не мало хвалебныхъ эпитетовъ, но нѣтъ словъ, пронизывающихъ сознаніе читателя, какъ обнаруженіе сокровеннаго. То, что могъ бы дать тутъ большой талантъ, не подѣ силу вкусу и трудолюбію. Вѣтшій видъ монографіи привлечетелевъ. Слѣдующаго выпуска ожидаешь съ нетерпѣливымъ интересомъ. (Андрей Левинсонъ. „День“. 1914—70).

Книга содержитъ не очень обильный, но обстоятельный текстъ ф.-э., прекрасно иллюстрированный большими снимками. Правда, многія изъ иллюстрацій, несмотря на размѣръ, не отличаются особой художественностью передачи фотографич. оригиналовъ (по причинѣ сравнительно дешевизны словеной бумаги), но репродукціи хотя и туманныя, все же передаютъ, какъ говорится „настроеніе“ изображенныхъ памятниковъ, вслѣдствіе хорошаго выбора точекъ зрѣнія и вообще умѣнія снять. Единственнымъ упрекомъ который, можетъ быть поставленъ составителю книги, является то, что въ главѣ „XVIII в. и эпоха классицизма“,—такъ сжато составленной, пропущены многія указанія на постройки этого періода въ Ростовѣ и почти не дано изображеній этихъ послѣднихъ. [Указаны нѣкоторые интересные постройки]. Приложеніе хотя бы списка—перечня этихъ невоспроизведенныхъ памятниковъ сдѣлало бы книгу о Ростовѣ вполне законченной. То же, что объ описанія Ростова, приходится сказать и объ Угличѣ (Г. Лукомскій. „Аполлонъ“. 1914—4).

Ростовъ-Великій и Угличъ, особенно первый, — замѣчательные образцы городовъ — музеевъ. Затерянные въ глуши, они спасли сокровища своего искусства отъ вандализма разрушителей и реставраторовъ, сберегли свои храмы, стѣны, терема и башни почти нетронутыми. Только немногіе любители старины знали и цѣнили до сихъ поръ эти памятники старины. Изданія И. Грабаря покажутъ и широкой публикѣ эту скрытую до сихъ поръ отъ нея красоту. Очерки Э. написаны съ большимъ знаніемъ и любовью. (Книжничекъ. „Кіев. М.“ 1914—63).

383. Карповичъ, В. С., худ.-арх. 72:69

Особняки въ городѣ и деревнѣ. Введеніе

Д. Д. Протопопова. 1914. Спб., изд. жур. „Город. Дѣло“. XXIX—165 стр. Съ иллюстр. Ц. 3 р. 75 к.

Д. Протопоповъ въ введеніи кратко знакомитъ читателя съ наблюдающимся на Западѣ стремленіемъ городского населенія уйти изъ городскихъ, каменныхъ громадъ и устроить свою жизнь по-иному, давъ „свѣтлее городской и сельской жизни“. Соображенія эстетическія, гигиеническія, санитарныя и вообще соображенія моральнаго и матеріальнаго удобства и культуры требуютъ дифференціанціи нашего жизненнаго уклада на двое — на рабочій, дѣловой и на домашній, интимный. Соотвѣтственно этому на Западѣ и появилось движеніе въ пользу городовъ-садовъ, разрѣшающее задачи синтеза преимуществъ городской и сельской жизни и преобразованія нашего теперешняго жизненнаго уклада. Въ Россіи, какъ справедливо указываетъ Д. Протопоповъ, для такого же движенія есть еще больше основаній, чѣмъ на Западѣ, т. к. дороговизна квартиръ у насъ прямо-таки непомерная; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Россіи еще не заглухла память о деревенской жизни. Къ сожалѣнію, несмотря на эти благоприятныя объективныя условія, широкое сознательное движеніе въ пользу выселенія изъ городовъ у насъ еще не народилось, и русскіе интеллигентные круги все еще находятся подъ обаяніемъ „города“. „Такова ужъ судьба русскихъ людей“—говоритъ авторъ—, „повторять западно-европейскіе азы и полагать, что сущность культуры въ уходѣ отъ природы, а не въ возвратѣ къ ней“.

Главное содержаніе книги заключается въ изложеніи технической стороны вопроса особнякаго строительства. Д. Протопоповъ въ общихъ чертахъ, а В. Карповичъ — подробно и обстоятельно устанавливаетъ, что „красота“ и „стиль“ должны быть самобытны, національны и свободны, должны быть „гармоничны“ съ требованіями гигиены и удобства. Старый „дворцовый“ стиль умеръ; теперь условія существованія иныя; нѣтъ рабовъ, крѣпостныхъ и челяди; семья живетъ болѣе интимно и индивидуально а, слѣдовательно, и стиль итальянскихъ „паллацо“ сейчасъ для жилыхъ домовъ нелѣпы. Наша культура выработала другой типъ построекъ, рубленыхъ деревянныхъ теремовъ и избъ. Архитектурѣ предстоитъ развивать сознательно тѣ положительныя черты русскаго строительства, которыя въ прошломъ укрѣпились случайно-стихійно. Книга и показываетъ намъ, какъ красиво, уютно и умно можно устроить человѣка свою жизнь дома. Эта книга даетъ рядъ рецептовъ подобной организаціи нашего жилья...

При всемъ ея интересѣ, книга практическое значеніе будетъ имѣть лишь для небольшого круга городской крупной и отчасти средней буржуазіи, а для демократическихъ и рабочихъ круговъ, она послужитъ лишь еще однимъ лишнимъ доказательствомъ того, что видъ коллективныя усилія трудящихся, безъ ихъ давленія на государственную власть и мѣстное самоуправленіе—имъ нечего ждать улучшенія ихъ быта и разрѣшенія жилищнаго вопроса. Все это, конечно, ровно ничего не говоритъ противъ книги В. Карповича и противъ идеи городовъ-садовъ, но только подчеркиваетъ, что не въ плоскости чисто практическихъ, техническихъ рецептовъ лежитъ разрѣшеніе жилищнаго кризиса, а въ направле-

нии социальных мероприятий и борьбы, о которых не говорится в разбираемом нами, интересном и прекрасно изданном труде. (М. Петровъ, „Заветы“. 1914—4.)

... Введение принадлежит В. Д. Протопопову, одному из немногих в России знатоков жилищного дела; в нем дается историко-культурное и эстетическое освещение вопроса; на основании богатого западно-европейского опыта выясняются преимущества особняка перед „квартирой в большом доходном домостроении“. Вторая, по объему, главная часть книги должна наметить практические возможности, реальные условия для постройки особняков в России. Она написана известным архитектором В. С. Карповичем, много поработавшим над постройками особняков.

В дальнейшем изложении К. дает 17 проектов особняков (11 деревянных и 6 каменных), снабженные планами, чертежами и фотографиями с натуры. Все они интересны, но приходится пожалеть, что автор ограничился только своими проектами.

Любопытно следующее: К. везде указывает цену постройки и это вполне правильно. И вот оказывается, что самый дешевый, деревянный особняк, состоящий всего из трех жилых комнат, обходится по проекту К. в 4000 руб.

Проекты К. рассчитаны не на демократическую массу, а на более зажиточного обывателя. Тем не менее, рассматриваемая книга принесет пользу.

В больших русских городах прочно привилась самая неудачная из существующих систем домостроительства, а именно система больших, доходных казарм. С этой привычкой нужно бороться и пожалуй легче всего пробить здесь первую брешь в среде людей более зажиточных, где скорее можно встретить желание и средства устроиться не по шаблону, испытать новые пути. В этом направлении книга К. является первой в русской литературе. Приветствуем хороший почин. (А. Ю. Блохъ, „Речь“ 1913—351).

...Что дает книга читателю и, главное, что дает задумавшему строить особняк? Руководящие нити книга дает бесспорно: дает начала хорошего доброго вкуса, убеждает бросить любовь к мишурам. С этой точки зрения и во введении и в тексте самой книги есть много славных мест. Но иллюстрационный материал нас, к сожалению, не убедил, и мы боимся — не убедит он тем более читателя, впервые обучающегося началам строительной эстетики. Кроме одного — двух особнячков (между прочим — очаровательного, принадлежащего автору книги), в книге не встретить ничего действительно интересовающего. Мы боимся, что своеобразно-специальная физиономия чертежей и сукроватости форм рекомендуемых построек — не смогут внушить любви к простым и благородным формам тому, кого книга предназначена просветить, ибо для специалиста, зодчего, художника она не дает ничего ни нового, ни полезного. Книга рассчитана на читателя-дилетанта, провинциального чиновника, на небогатого помещика или фабриканта... Приемы отрицательного строительства, приведенные в книге, также не убедительны. Приводимый в качестве источника, из которого можно якобы черпать начала русского стиля,

рисунок — вовсе не типичен; надо было взять, хотя бы из „Истории русского искусства“ И. Грабаря снимок с какой-нибудь олонечкой избы. Вообще выбор иллюстраций неудачен, а между тем в отделе библиографии автор очень строго разбирает пособия иностранной литературы... Отнесемся же и мы строго к его труду. Издание нельзя не приветствовать, и такое пособие нужно: в нашей литературе не было даже подобного. Но книга могла бы быть лучше — материал ведь в изобилии... (Георгий Лукомский, „Аполлон“ 1913—8).

384. Скородумовъ, Н. В.

792

Народный театр. Новый метод упрощенных постановок. С прилож. статей и эскизов декораций акад. В. Д. Полънова. 1914. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. — Секция содвѣст. устр. дер. и фабр. театровъ при Моск. о-вѣ Нар. Унив. — 71 стр. С 23 эск. в красках. С 73 иллюстр. и чертеж. Ц. 2 р.

С. — знаток деревенского и вообще народного театра. Он сам работал над созданием дерев. театра и имеет теоретические познания по данному вопросу. Сверх того лично ознакомился с постановкой дела сельских театров за границей. „Секция сод. устр. дер. и фабр. театровъ“ рекомендует эту работу „как вполне достойный труд по новому упрощенному методу постановок с боковыми сукнами“; она приняла описываемую систему для своих постановок, посылаемых на места, в виду ее удобства при перевозке. В то же время Секция, однако, считает обычный способ постановок в павильонах и с рисованными кулисами вполне приемлемым, как имевший свои положительные стороны. С. является горячим защитником, как и акад. В. Д. Полъновъ, упрощенных постановок (устройство сцены и декораций). Автор говорит в предисловии, что, работая много лет в селѣ, он наблюдал, как вредно отзывается на развитии дела народного театра неумѣнье устроителей правильно организовать внешнюю сторону спектакля: как наиболее рационально оборудовать сцену, как устроить декорации, как произвести тѣ или другіе световые или звуковые эффекты, как одѣвать костюмы и т. д. „Эта внешняя сторона, — продолжает автор, — оказывается настолько важной, что, когда хотят поставить какую-либо новую пьесу, первым делом рассматривают ее с этой стороны. Десетки прекрасных пьес отвергаются лишь потому, что „очень сложна постановка“, и часто вместо них идут пьесы „легкія по обстановкѣ“, но совершенно не выдерживающія никакой критики ни со стороны художественности, ни стороны содержания“. Чтобы избѣжать такого крайне нежелательнаго явления, необходимо при постановкѣ сельск. спектаклей воспользоваться методом упрощенн. постановок. В первой части книги С. трактуются чисто технические вопросы, во второй — излагается самый метод упрощ. постановок и напечатаны три статьи академика Полънова: „Первоначальные правила перспектив“, „Краткія свѣдѣнія для декораций“, „Нѣкоторыя указанія для деревен. театра“. Заслуживает также вниманія глава, написанная С. — „Принципы кооперации в сельскомъ театрѣ“. Книга издана великолепно, снаб-

жена прекрасными иллюстрациями и заслуживает широкого распространения среди устроителей и организаторов сельских народных театров. (А. А. Докминз. „Для Нар. Уч.“ 1914—6; „Вольн. Унив.“ 1914—8).

Книга С.—цѣнная для практическаго дѣятеля сцены. Это сборникъ, такъ сказать, театральныхъ рецептовъ: „какъ устраивать сцену, декорации, различный сценический инвентарь“ при наименьшей затратѣ средствъ. Книга очень подробно касается всѣхъ сторонъ театральной дѣла. Она научитъ неопытныхъ любителей сцены и какъ воспроизвести молнію (вспышкой магніа за сценой), и какъ устроить „всплески воды“ (шпелкомъ мокраго холста о полъ). Но самое цѣнное въ книгѣ—совѣты объ устройствѣ декораций (на ширмахъ и др.) и приложенные эскизы съ декораций В. Д. Полѣнова. Эти эскизы, благодаря своей простотѣ и характерности, дадутъ возможность и въ простой сельскій театръ внести прекрасныя открытія современной сценической декоративности. Вѣдь приходится признавать, что если въ какой области современный театръ достигъ безспорнаго прогресса передъ театромъ нашихъ стцовъ и дѣдовъ, то это именно въ области художественной обстановки сцены. А, отправляясь отъ этого успѣха, можно, пожалуй, питать упованіе и на счетъ остальныхъ сторонъ сложнаго театрального искусства... (П. М.—ий. „Нов. Вр.“ 1914—13685).

...Эта книга идетъ къ народу, вызываетъ къ самодѣятельности, даетъ свѣдѣнія и указанія, которыя будутъ полезны на мѣстахъ. ...Нѣсколько высокая цѣна книги все же оправдывается и ея вѣщностью и внутреннимъ поучительнымъ содержаніемъ. (А. Евдокимовъ. „Кооп. Жизнь“. 1914—3).

Задача автора, конечно, трудная, и онъ самъ отлично это сознаетъ, говоря въ предисловіи, что данный его очеркъ „есть только первая попытка въ этой области“. Самое странное въ книгѣ то, что С. какъ будто не выяснилъ себѣ ея цѣль—для кого книга написана. Для опытныхъ ли руководителей народнаго театра, для крестьянскаго ли общества, пытающагося своими домашними средствами создать себѣ театръ, или это трудъ для публики вообще. Если бы цѣль книги была явно универсальная (всѣмъ и обо всемъ понемногу), то, конечно, можно было бы пожелать этой книгѣ успѣха, и больше бы участь ея насъ не интересовала; но, какъ это ни странно, самъ авторъ предлагаетъ книгу въ руководство устроителямъ народн. спектаклей, мало знакомымъ съ этимъ дѣломъ. Что она не написана для специалистовъ народн. театра, ясно: зачѣмъ режиссеру читать скучныя, всѣмъ извѣстныя разсужденія о томъ, какъ поставить на маленькой сценѣ массу, зачѣмъ декоратору начальныя правила перспективы и свѣдѣнія о наборѣ кистей... Не останавливаясь на фантастическихъ планахъ автора,—писанія декораций для народн. театровъ акварельн. способомъ, рассмотримъ одно серьезное предложеніе—именно на замѣнѣ въ народн. спектакляхъ писанныхъ кулисъ однотонными боковыми сукнами. Народный театръ требуетъ, по нашему мнѣнію, по возможности, натуралистическихъ декораций, и если бы съ живописными кулисами, и особенно съ ажурными (деревья, листья), не была связана масса практическихъ неудобствъ по работѣ ихъ, по установкѣ и пр., то ни о какихъ бо-

ковыхъ сукнахъ и рѣчи не могло бы быть. Оуществленіе предложенія автора дѣлать декорации изъ цвѣтныхъ лоскутовъ бумаги и колденкора, по нашему мнѣнію, возможно только въ городахъ—гдѣ есть бумага всякихъ оттѣнковъ—и подъ наблюденіемъ умѣлаго руководителя. Теперь перейдемъ къ солидному приложенію книги—къ эскизамъ Полѣнова. Эскизамъ предпосланы элементарныя правила перспективы. Интеллигентный крестьянинъ или народный учитель, просмотрѣвъ эти основныя правила декоративн. искусства (допустимъ—разобравшись въ нихъ), приступаетъ къ писанію декораций по эскизамъ Полѣнова. И лучше бы этотъ талантливый самоучка не учился, меньше было бы огорченій въ его жизни, т. к. даже со средне-хорошими знаніями дѣла нарисовать по этимъ эскизамъ путнаго ничего нельзя. Въ эскизахъ совсѣмъ нѣтъ той упрощенности—простоты, о которой С. такъ ратуетъ въ своемъ трудѣ. Специалистамъ же пользоваться подобными живописными мотивами, при теперешнемъ богатствѣ и расцвѣтѣ декоративн. искусства, конечно, и въ голову не придетъ. Гдѣ же цѣль книги? Вѣдь какъ ни бѣдна техническая литература о театрѣ, но человекъ интеллигентный, желающій работать по театру вообще или народному въ частности, можетъ найти серьезное пособие въ солидныхъ специальныхъ трудахъ Ан. А. Петрова, а уже упроститъ весь пріобрѣтенный матеріалъ въ томъ или иномъ направленіи—это уже дѣло небольшое. Для простаго же человѣка—крестьянина, учителя,—интересующагося дѣломъ народнаго театра, дѣйствительно цѣнныя сообщенія книги С. теряются между фантастич. способами писанія декораций акварельными красками, сказочными пловучими театрами на баркахъ, противорѣчивыми предложеніями писать декорации, то съ изысканныхъ нѣмецкихъ модернистовъ, то съ неподходящихъ эскизовъ Полѣнова, а то и съ совсѣмъ убогихъ русскихъ художниковъ, въ родѣ Гермашова. („Союзъ Потреб.“ 1914—9).

385. [. . . . . 792(47.31.М.) (09)

Московскій Художественный театръ. Историческій очеркъ его жизни и дѣятельности. Т. II. (1905—1913 гг.). Изд. журн. „Рампа и Жизнь“. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

Еще болѣе цѣннымъ, чѣмъ то, что заключалось въ первомъ томѣ, богато заполненъ вышедшій на дняхъ второй томъ „Исторія московскаго Художественнаго театра“. Содержаніе гораздо болѣе разнообразное и болѣе вдумчивое, уступившее мѣсто непосредственнаго восхищенія тщательному художественно-критическому анализу, которымъ проникнуто изложеніе театральной лѣтописи отъ 1905 года до нашихъ дней. Здѣсь, въ лѣтопись чисто театральныхъ событій, невольно вторгается шумъ бурныхъ вѣшнихъ водъ, и читатель не безъ волненія прочтетъ тѣ страницы, въ которыхъ разсказывается о театрѣ, превращенномъ въ госпиталь, куда сносили раненыхъ на улицахъ и баррикадахъ для оказанія имъ первой помощи. Таково-же характера и воспоминаніе о „Дѣтахъ солнца“, когда, подъ вліяніемъ пережитыхъ впечатлѣній, публика такъ экспансивно реагировала на сцену погрома, что пришлось дать занавѣсъ и прекратить дѣйствіе... Это о „жизни“, втор-

гающей въ область „рампы“. Что касается послѣдней, то она отмѣчает все крупное и существенное—отъ „Горе отъ ума“, „Бранда“ и „Ревизора“—до „Братьевъ Карамазовыхъ“ и „Николая Ставрогина“. Сюда, къ этимъ страницамъ, придется не разъ обращаться интересующемуся театромъ и искусствомъ вообще, и здѣсь онъ можетъ почерпнуть многое и отъ портретовъ, снимковъ и отъ обстоятельныхъ статей.

Исключительный интересъ представляютъ воспоминанія В. И. Немировича-Данченко о различныхъ поѣздкахъ, о берлинскихъ успѣхахъ, о пражскихъ торжествахъ и о разстроившейся поѣздкѣ въ Парижъ, по весьма интереснымъ обстоятельствамъ: театръ не могъ унизиться до сдѣлки съ представителями прессы, поведение которыхъ въ этомъ эпизодѣ обрисовано во всей откровенности.

— Либо 25 тысячъ франковъ за рекламу, либо... не совѣтуемъ!..

Столь же интересны странички воспоминаній К. С. Станиславскаго о Метерлинкѣ.

Кромѣ статей историко-критическаго содержанія, кромѣ воспоминаній, во второй томъ вошло нѣсколько этюдовъ и отдѣльныхъ характеристикъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поверхностныхъ, какъ, напр., характеристика Станиславскаго, написанная Н. Эфросомъ. Здѣсь можно было ожидать чего-то болѣе глубокаго и вдумчиваго.

Книга заканчивается подведеніемъ блестящихъ художественныхъ итоговъ пятнадцатилѣтней артистической работы, той работы, которая, вызывая всеобщее преклоненіе и восхищеніе, побуждаетъ выразить пожеланіе дальнѣйшаго роста, дальнѣйшихъ исканій и достижений. (В. Ч. „Кіев. Мысль“. 1914—63).

Все, что правдиво изображаетъ жизнь и дѣятельность Художественнаго театра, интересно, потому что самъ Художественный театръ представляетъ особенный интересъ. Вторая часть уже извѣстнаго читателямъ изданія, посвященная этому театру, такъ же красиво издана, такъ же изобилуетъ рисунками, какъ и первая. Портреты артистовъ и руководителей театра, декораторовъ, завѣдующихъ различными частями театральной дѣятельности, снимки и макеты декораций, различныя сцены различныхъ пьесъ во множествѣ даются читателю... Лѣтопись, напоминающая различные моменты жизни театра, интересна,—и весь выпускъ съ удовольствіемъ прочтется многочисленными почитателями лучшаго русскаго театра. (—г. „Русск. Вѣд“. 1914—35).

...Благодаря этому изданію для будущаго сохранено самое цѣнное,—атмосфера, воздухъ, въ которомъ слалась и текла жизнь этого театра, равно значительнаго и въ промахахъ и въ побѣдахъ... (С. Кречетовъ. „У. Рос.“ 1914—20).

...Изданіе представляетъ особенную цѣнность, какъ первая лѣтопись замѣчательнаго русскаго театра, удостоившагося памятника еще при жизни его руководителей. („Ран. Утро“. 1914—26).

...Будущій историкъ [русскаго театра] несомнѣнно оценитъ тотъ неблагодарный трудъ, который продѣлалъ составитель „Лѣтописи Худож. театра“ Ю. Соболева. Нужно было просмотрѣть груды газ. вырѣзокъ, выбрать изъ нихъ наиболѣе характерныя, чтобы дать полную картину дѣятельности театра за сезонъ 1904—1913 гг... Въ книгѣ интересны два бѣглыхъ силуэта-на-

броска г. Н. Эфроса—Станиславскій и Качаловъ и небольшой набросокъ г. Ал. Вознесенскаго о творчествѣ композитора Ильи Саца. Очень интересенъ и умѣло подобранъ въ книгѣ богатый иллюстраціонный матеріалъ. (Мизаръ. „Путь“. 1914—3).

...Весь этотъ матеріалъ вамъ давно уже знакомъ, но такъ интересенъ, что его можно снова пробѣжать, равно какъ снова на минуту остановиться взглядомъ на снимкахъ различныхъ сценъ и артистовъ въ роляхъ, хотя большинство изъ нихъ вы видѣли въ газетахъ. Меньше васъ заинтересуетъ „Лѣтопись Художественнаго театра“ Юр. Соболева... (Б. Нейманъ. „Приаз. Край“. 1914—10).

386. Озаровскій, Ю. 792:8

Музыка живого слова. Основы русскаго художественнаго чтенія. Пособіе для чтецовъ, пѣвцовъ, драматическихъ и оперныхъ артистовъ, ораторовъ и педагоговъ. Изд. 1-ва О. Н. Поповой. Спб. 1914. 320 стр. Ц. 2 р.

Съ какимъ хорошимъ чувствомъ встрѣчаешь по нынѣшнимъ временамъ грамотную книгу по вопросамъ „Науки о театрѣ“. Новая книга О... не только грамотная работа, но и къ тому же еще согрѣтая подлиннымъ, искреннимъ чувствомъ... Мы имѣемъ теперь превосходный фундаментъ для нашего „голосового образованія“ въ видѣ книги О., солиднаго учебника Сладкопѣвцева и чудесной хрестоматіи по декламации Глазунова. Эти книги, какъ нельзя лучше, взаимно дополняютъ другъ друга: у Сладкопѣвцева все вниманіе обращено на научную сторону вопроса, а у О.—на эмоциональную; тонкое же чутье и солидный практический опытъ Глазунова даетъ отличный матеріалъ для разработки голоса и рѣчи. Такимъ образомъ, центръ тяжести книги О. лежитъ въ оцннкѣ эстетики рѣчи и, такъ сказать, въ философскомъ освѣщеніи предмета,—почему главное вниманіе автора тяготеетъ къ „теоріи художественнаго чтенія“. Авторъ вполне инстинктивно рѣшаетъ многіе вопросы, чѣмъ и можно объяснить чисто внѣшній недостатокъ его работы: это нѣсколько заигрывающій тонъ непосредственнаго обращенія къ читателю и какое-то нервное интимичаніе съ нимъ. Основное же положеніе, что голосовое чтеніе есть видъ самостоятельнаго искусства, хотя и не ново и, быть можетъ, не всегда математически строго доказано, но глубоко привлекательно. Авторъ, если и не вездѣ рѣзко, въ этомъ убѣждаетъ, то онъ такъ вѣрится самъ, что какъ-то проникаешься его сердечнымъ пыломъ и невольно идешь за нимъ. [Дальше рецензентъ подвергаетъ книгу детальному разбору и указываетъ рядъ мелкихъ недочетовъ].

...Считая этотъ трудъ положительно необходимымъ каждому стороннику искусства, я особенно хотѣлъ бы обратить на него вниманіе педагоговъ и преподавателей русскаго языка. Такая, напр., превосходная часть книги, какъ „диксическій алфавитъ“, должна заинтересовать и специалистовъ-филологовъ. При современной любительствующей болтовнѣ въ вопросахъ театра книга О.—совершенно исключительное явленіе. (Евг. Безпятавъ. „Театръ и Искусств.“ 1914—8).

Трудъ О. окажетъ дорогую услугу, конечно, прежде всего профессиональн. дѣятелямъ (чтецамъ, пѣвцамъ, драмат. и опернымъ арти-

стамъ, ораторамъ, педагогамъ), которые найдутъ здѣсь обильныя и точныя свѣдѣнія о слухѣ, дыханіи, голосѣ, произношеніи и т. д. Но хочется указать, что эта книга говорить не только и не столько о техникахъ чтенія, сколько объ общемъ художественномъ его значеніи. Мы находимъ въ ней интереснѣйшія главы о музыкѣ мысли (логикѣ, ритмѣ и гармоніи чтенія) и психологич. и эстетич. декламации. Этотъ отдѣлъ книги любопытенъ и важенъ и для любителей художественнаго слова, особенно же — для преподавателей словесности. Книга написана исковымъ и живымъ языкомъ, изобилуетъ удачно выбранными примѣрами и заботливо снабжена библиографич. указателемъ „словаремъ цтеца“. (Н. Пиксановъ. „Дѣнь“. 1914—15).

О. небезызвѣстный драматическій артистъ, прошедшій хорошую школу художественнаго чтенія. Своими богатымъ опытомъ и знаніемъ онъ дѣлится теперь съ публикой. Авторъ смотритъ на художественное чтеніе какъ на видъ музыкально-пластическаго искусства, необходимаго не только для профессионаловъ, но и для обыкновенной разговорной рѣчи. Мы не умѣемъ выразительно говорить, иначе сказать: не умѣемъ какъ слѣдуетъ пользоваться такимъ могущественнымъ средствомъ культуры, какъ слово. Книга О. приходитъ на помощь всякому, кто желалъ бы отточить это орудіе культуры или кому приходится помогать въ этомъ отношеніи другимъ, напр., педагогамъ. („Сарат. Вѣст.“ 1914—81).

...Не въ библиографической замѣткѣ касаться, хотя бы въ краткихъ чертахъ, общаго, систематизированнаго, прекраснымъ языкомъ изложеннаго и въ высокой степени интереснаго содержанія книги: и потому мы ограничиваемся указаніемъ на этотъ трудъ, не только объясняющій искусство чтенія и обучающій этому искусству, но и доставляющій художественное наслажденіе той красотой, которую раскрываетъ трудъ О. въ музыкѣ русскаго слова, въ поэзіи и въ прозѣ, въ эпосѣ, лирикѣ и драмѣ. (Н. П. „Вятск. Рѣчь“. 1914—91).

...Все, что говоритъ авторъ о художественномъ чтеніи, конечно, изобрѣтено не имъ. И Коровиковъ, и Бродовскій, и всѣ тѣ, длинный списокъ сочиненій которыхъ приложенъ въ книгѣ О., говорили много о „выразительномъ“ и художественномъ чтеніи. Долголѣтній преподавательскій опытъ далъ ему возможность дополнить прежнихъ авторовъ и развить и расширить въ-которые отдѣлы“... (А. „Истор. Вѣст.“ 1914—4).

387. Софокль.

88—2

Драма. Т. I. Перев. съ введеніемъ и вступительнымъ очеркомъ В. Ф. Зѣлинскаго. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. XVI+423 стр. Ц. 3 р.

Боязливо и старательно обходить нашъ театр ту завѣтную дверь, на которой надпись: античная драма. А если и приближался къ ней, то всегда съ ржавыми ключами въ рукахъ и звѣкомъ во рту. И были постановки въ бѣлыхъ одеждахъ, бѣлыхъ колоннахъ, вымученныхъ жестахъ и напыщенныхъ словахъ.

Надо сказать правду: если античность выходила такой накрахмаленной и деревянной старухой, то нельзя было въ этомъ не обвинять между прочимъ и переводы. И если театр, стяхнувъ бытовую тину, ждетъ теперь большихъ

задачъ и большихъ рѣшеній, то на помощь ему приходитъ литература, по крайней мѣрѣ, что касается греческой трагедіи. Недавно мы получили на русскомъ языкѣ Еврипида,—страстнаго, маташагося и порою остро современнаго драматурга, который въ переводѣ Ин. Анненскаго не утратилъ ни одной изъ этихъ чертъ. Теперь очередь пришла Софоклу, въ чьихъ драмахъ матежность личной жизни такъ удивительно сочетается съ умиротвореніемъ жизни міровой, спокойной, какъ поверхность самыхъ глубокихъ озеръ.

Зѣлинскій издалъ I томъ своихъ переводовъ С. Здѣсь помѣщены Аянтъ, Филоклетъ и Электра. Книгѣ предпослано общее введеніе. Въ немъ кратко, но чрезвычайно содержательно противопоставляются жизнь и бытъ, античная трагедія упадочной драматургіи 2-й половины 19 вѣка. Затѣмъ слѣдуетъ историческая часть: описаніе хода игры—красочное изображеніе діонисійскаго настроенія (побѣды надъ бытомъ), примиреніе разнорѣчивыхъ мнѣній о происхожденіи трагедіи и сжатая, но яркая біографія С. Опѣивать общее значеніе этой прекрасной книги здѣсь не мѣсто. Она безусловно—литературное событіе. ...Книга Зѣлинскаго открываетъ театру большія возможности; будемъ надѣяться, что онъ не упуститъ. (С. Радловъ. „Любовь къ тремъ апельс.“ 1914—2).

Широко задуманная работа проф. З.—капитальное приобращеніе для нашей литературы. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что выше ея не можетъ быть поставленъ ни одинъ аналогичный трудъ въ Зап. Европѣ. Превосходному переводу cadaго изъ великихъ произведеній С. предпослано введеніе, дающее полный къ нему комментарий, выясняющій отношеніе его къ преданію, послужившему для него первоосновой, къ предшествующимъ обработкамъ той же темы, къ идеѣ, вдохновлявшей автора. Эта послѣдняя сторона выступаетъ на видъ особенно рельефно и служить источникомъ глубокаго интереса. Разсматривая „Аянта“ какъ „трагедію чести“, „Филоклета“—какъ „трагедію правды“, „Электру“—какъ „трагедію возмездія“, З—и рисуетъ въ рядѣ яркихъ картинъ различныя ступени древняго міросозерцанія, иногда ухода далеко впередъ, иллюстрируя сѣдую старину параллелями съ настоящими или недавними прошлыми... Въ общей вступительной статьѣ „Софокль и героическая трагедія“... съ удивительнымъ искусствомъ авторъ переноситъ насъ въ Афины временъ Кимона и Перикла, въ атмосферу радостныхъ праздничныхъ дней передъ началомъ и во время ежегодно повторяющихся театральныхъ представлений. Для насъ становится яснымъ настроеніе толпы, создаваемое ожиданіемъ и созерцаніемъ трагедіи и въ свою очередь отражающееся на творчествѣ великихъ трагиковъ V в. Какъ ученый изслѣдователь, З. знакомитъ насъ съ различными фазисами развитія античной трагедіи; какъ художникъ, онъ раскрываетъ передъ нами взаимодѣйствіе трагедіи и жизни. На этомъ фонѣ вырисовывается отчетливо и ясно величавая фигура Софокла... (К. А. „Вѣст. Евр.“ 1914—4).

...Стихи не воздъ гладки. Видимо, авторъ сѣлъ на Пегаса только по необходимости, чтобы дать исполнѣ точный, добросовѣстно выполненный переводъ, чего было бы трудно добиться отъ профессиональнаго стихотворца. Обстоятельство это не только не умаляетъ, но увеличиваетъ достоинство работы З., въ особенности для тѣхъ

кто, не владея языкомъ Софокла, ищетъ въ его произведеніяхъ духа древнихъ трагедій. Духъ этотъ переданъ переводчикомъ. Издана книга превосходно и необходима каждой библиотекѣ. (А. „У. Росс.“ 1914—8).

... Первый томъ твореній Софокла вноситъ крупный вкладъ въ литературу, весьма богатую solidными переводами древнихъ классиковъ.

... Предпосланный драматъ вступительный очеркъ „Софокль и героическая трагедія“ даетъ цѣнный свѣдѣніи историко-критическаго характера. Изданіе украшено отлично исполненными снимками. (Б. „Россия“. 1914—2581).

Тамъ, гдѣ З. остается ученымъ и превосходнымъ стилистомъ,—во вступительномъ очеркѣ и во введеніяхъ къ отдѣльнымъ драмамъ,—онъ даетъ много цѣннаго, поучительнаго и возбуждающаго. Ментеудовлетворительное впечатлѣніе создается, когда ученому надлежитъ превратиться въ поэта, то-есть въ самого переводъ. Софокль и безъ того писалъ чрезвычайно образнымъ языкомъ. Переводчикъ еще усиливаетъ эту образность, прибавляя къ образамъ античнаго поэта свои новые образы. Онъ мѣстами скорѣе перефразируетъ, чѣмъ переводитъ поэта. И хорошо еще, если бы это распространеніе подлинника сопровождалось и оправдывалось совершенствомъ языка перевода. Къ сожалѣнію, у почтеннаго переводчика хромаютъ ударенія; сомнѣваемся также, что въ нашей литературной рѣчи законны были нѣкоторые выраженія З. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что переводъ представляетъ и немало одушевленныхъ и удавшихся отрывковъ, но тѣмъ рѣзче выступаютъ среди нихъ промахи и пятна. Въ цѣломъ переводъ проф. З. останется все-таки интереснымъ опытомъ приобщенія къ нашей художественной литературѣ однимъ переводчикомъ полнаго Софокла. (Д. Ш. „Нов. Вр. 1914—13631).

388. Копылова, Л. 891.7—1.

Стихи. Тетрадь вторая 1914. М., изд. В. Португалова. 79 стр. Ц. 50 к.

... Основнымъ стилемъ вѣщности К. является приближеніе къ рококо, постоянные завитки, завертываніе, окруженіе, усложненіе, сворачиваніе, что-то очень лукавое, очень изысканное, увертывающееся отъ прямой линіи, безконечно неутомимое въ своихъ зигзагахъ. И, несмотря на это, „рококо“, иногда усложняющее стихъ до какой-то сознательной спутанности мотка, изъ коего читателю предоставляется вытаскивать начало и конецъ нитки,—къ К. можно отчасти примѣнить слова Теофиля Готье: „Я бросаю мои фразы на воздухъ, какъ колетки,—и увѣренъ, что онѣ упадутъ на ноги“... Ея стихотворные зигзаги, несмотря на ихъ запутанность, всегда падаютъ на ноги, т.-е. приобретаютъ закооченный смыслъ. Какъ примѣръ такого рококо, я укажу на послѣднюю строфу стихотворенія „Встрѣча“:

Но въ безднѣ любви недопитой,
На пеплѣ угасшихъ желаній
И чудо, должно быть, безволно.
Склонившись надъ бездною, я,
Съ тобой собирая разбитый
Сосудъ золотыхъ упованій,
Лишь сердце порѣзала больно
Обо остро-живые края.

Въ этой строфѣ все удивительно спутано; слова кидаются на воздухъ и совершенно по-ко-

шачьи падаютъ на лапки, чтобы вмѣстѣ съ послѣднею строкою завершить не только очень длинный, но и очень изящный и красивый образъ... Но эта любовь къ завитку, къ круженію и закруживанію—не только во вѣшней плоти стиховъ К. Она, очевидно, характерна и для души поэта. Вотъ странное признаніе:

Изъ сердца моего точится острый ядъ.
Я тайной вѣщности не вѣрю темнымъ бреднямъ.
Давъ первый поцѣлуй, мечтаю о послѣднемъ,
Послѣдній подаривъ, беру его назадъ.

И, пожалуй, едва ли не самое характерное, стихотвореніе для всего сборника, для всего творчества К.—это прелестный „Пейзажъ“, лукавый рисунокъ, котораго не хочется разрѣзывать на цитаты:

Надъ моремъ вечернее солнце раскрылось, какъ
свѣжая рана;
И запахомъ тлѣющихъ стеблей овѣяло порть
Гудауты.
Хитритъ мое бѣдное сердце. Концы кипарисовъ
загнуты,
Какъ темное-зеленые туфли на стройныхъ
ногахъ Сулеймана.
Везетъ Сулейманъ мнѣ подарки—вотъ вижу я
парусъ надутый—
На темно-оранжевой ткани, какъ будто изъ
нитей шафрана,
Какъ темно-зеленые туфли на стройныхъ ногахъ
Сулеймана,
Узоры бобовъ разноцвѣтныхъ капризно лѣною
загнуты.
Сегодня у контрабандистовъ два мужъ мой
купили ятагана.
О, бѣдное, хитрое сердце, все слушаешь пѣсню
одну ты—
Концы ятагановъ, я вижу, упрямо и хищно
загнуты,
Какъ темно-зеленые туфли на стройныхъ ногахъ
Сулеймана.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что К. наиболѣе удаются стихи, закованные въ столь искусственную форму, какъ сонетъ. Можно указать на сонетъ „Бусы“, который почти совершененъ по сочетанію внутренней и вѣшной изысканности. (М. Шагинянъ. „Приаз. Край“. 1914—116).

Въ книжкѣ мало интереснаго, но „что-то“ есть. Есть, хотя очень робкая, очень невыявленная, но своя,—не манера письма,—а, такъ сказать, тоска по этой манерѣ:

Родныхъ полей печаль простая,
Мнѣ ближе въ тѣ изъ смутныхъ дней,
Когда летитъ по небу стая
Неугомонныхъ журавлей.
Въ тѣ дни я робко ставлю ногу,
Томимая своей тоской,
На изъясненную дорогу,
Неосторожной бороной.
... Ея изрѣзанные комья,
Хранятъ въ себѣ зерно надеждъ,
Но не видала ни на комъ я
Печальнѣе ея одеждъ..

Здѣсь есть какія-то, какъ любилъ выражаться Ин. Анненскій, „лексическія причуды“.—Очень ужъ узокъ пока кругъ творчества К., небогатъ ея словарь.., но почти во всѣхъ вещахъ этой изящной книжки чувствуются какая-то стойкая слитность ритма и содержанія, выдержанность формы и спокойно увѣренное стремленіе прочь отъ

банальности. Все это позволяет думать, что въ лицѣ К. мы имѣемъ— „потенціального“ въ данное время, но вообще настоящаго—поэта. (В. Пастър. „День“. 1914—15).

... К. не отличается поэтической плодотворностью, богатствомъ фантазіи, яркостью красокъ. Это художникъ—авареллистъ, чуткій, задумчивый и грустный, любящій очарованіе полутѣней и жуткую плѣнительность глубокихъ интимныхъ переживаній. ... У нея подлинная оригинальность и въ образахъ и во всемъ складѣ поэзіи, хотя, конечно, не всѣ ея стихотворенія находятся на одинаковомъ уровнѣ высоты. Стихъ поэтессы не отличается блескомъ и музыкальностью, но онъ привлекаетъ той, а бы сказала, скромной изысканностью, которая не должна быть смѣшиваемъ съ манерностью. (А. С—кій. „Приаз. Край“. 1914—72).

„Обида смутная“ и „Горькіе цвѣты“—такъ называются два отдѣла сборника стихотвореній К. Обиды ея, дѣйствительно, смутны, и въ этой смутности своеобразная прелесть неуверенно сложенныхъ, неяркихъ, но и совсѣмъ не банальныхъ стихотвореній. „Горьчѣ цвѣтовъ“ не слишкомъ убедительна: здѣсь отдѣльныя удачныя строки растворяются въ неясномъ текстѣ. [Далѣе указываются неудачныя и удачныя стихотворенія и отдѣльныя строки]. (Е. Лундбергъ. „Загнѣты“. 1914—2).

Раньше стихи К. были изъ рукъ вонъ плохи. Теперь появилось въ нихъ нѣчто правдивое и простое, какъ откликъ какихъ-то пережитыхъ страданій. (Сергій Городецкій. „Рѣчь“. 1914—33).

339. Купринъ, А. 891.7—3

Лазурные берега. Изд. ж. „Нов. Жизнь“. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

... Въ этой книгѣ описано путешествіе по городамъ французской и итальянской Ривьеры, по Корсикѣ и нѣкоторымъ портамъ Средиземнаго моря. Какъ художникъ-бытовикъ, крѣпко выросшій всѣми корнями своего таланта въ родную почву, К. вначалѣ лѣтливо таетъ къ богатому матеріалу чужихъ и мало понятныхъ странъ. Съ холоднымъ спокойствіемъ и съ нѣкоторымъ ироническимъ недоумѣріемъ присматривается К. къ шумному движенію западной жизни. Смутно и поверхностно разбирается въ значеніи мелькающихъ фактовъ. И обо всемъ—о честности, о плутовствѣ, о вѣрѣ и безвѣріи иностранцевъ, объ ихъ роскоши и убожествѣ—онъ говоритъ съ трудно сдерживаемой улыбкой, сквозь которую явно просвѣчиваетъ „ожиданіе необыкновенныхъ контрастовъ и духовная жажда къ маскардамъ“. ... К. придаетъ этимъ описаніямъ веселый и магický блескъ. Въ нихъ виденъ прекрасный и наблюдательный умъ, къ которому еще присоединяется огромный изобразительный талантъ. Поэтому каждая страница читается съ большимъ интересомъ. Вѣдшія событія, мелкія бытовые намеки схвачены и переданы чрезвычайно живописно. Но чувствуется, что авторъ не въ силахъ поймать души этой жизни и все ему рисуется, какъ нелѣпая путаница, какъ пестрый хаосъ и рядъ пустыхъ и забавныхъ безполезностей, именуемыхъ почему-то общественными интересами и общественной работой. Всюду въ глаза ему бросаются одни контрасты. Онъ видитъ отвратительную роскошь курортовъ; человеческую жадность и глупость, эксплуатируемую въ игорныхъ домахъ; скуку, продажность и

лицемѣріе, выступающія въ самомъ обнаженномъ видѣ на всѣхъ празднествахъ и бульварахъ. И оттого въ словахъ его даже слышатся рѣзкіе полуоблачительныя, полупрезрительныя нотки...

... Но по мѣрѣ того, какъ вѣдшіе, „маскарадные“ элементы перестаютъ поражать воображеніе К., онъ изъ лѣтливо и небрежно любовящегося путешественника превращается въ тонкаго наблюдателя жизни. Онъ начинаетъ улавливать тайное согласіе между костюмомъ и нравами страны, онъ самъ сростается съ окружающимъ. и изъ-подъ пера его выходятъ страницы, очаровательныя по яркости и по богатству остро-подмѣченныхъ подробностей. Эти страницы такъ ясно, такъ пронзительно-четко рисуютъ каждую бытовую деталь, что вы какъ будто сами присутствуете при зрѣлищахъ, которые описываетъ К. ... Авторъ дѣйствительно снабжаетъ васъ своимъ четкимъ, пронзительнымъ зрѣніемъ, своимъ тонкимъ ухомъ и своей любовью и умѣньемъ проникнуть въ каждое чувство, въ каждую складку лица и въ каждую ласку природы.

Съ глубокимъ восторгомъ принимаетъ въ себя К. всѣ эти шумные потоки жизни, жадно поглощаетъ ихъ и торопливо кидается навстрѣчу новымъ лицамъ, голосамъ и событіямъ. Это глубокое наслажденіе жизнью отразилось въ ритмѣ его фразъ. На всѣхъ словахъ его лежитъ отпечатокъ свѣжей и бодрой радости. Отъ нихъ вѣетъ романтическимъ пахосомъ, они производятъ впечатлѣніе истинно-прекраснаго, потому что въ этихъ странныхъ соборахъ, въ этихъ чужихъ сооруженіяхъ, въ незнакомыхъ лицахъ К. уловилъ какой-то асный и понятный внутренний напѣвъ, какія-то близкія грезы о человѣкѣ и съ величайшею искренностью, съ чистой сердечной привязанностью отразилъ эту близость въ описаніяхъ, полныхъ любви и оглушительнаго восхищенія жизнью... (Л. Войтоловскій. „Кіев. Мысль“. 1914—70).

... На книгѣ лежитъ печать оригинальности. Путешественника К. интересовало не то, что обычно привлекаетъ вниманіе туристовъ. „Меня не влекутъ къ себѣ ни музеи,—пишетъ онъ,—ни картинныя галереи, но три мѣста всегда неотразимо притягиваютъ меня: кабачокъ средняго разбора, большой портъ—и, грѣшный человѣкъ,—среди жаркаго дня—полутемная, прохладная, старинная церковь“...

Это придаетъ впечатлѣніямъ К. своеобразие и интересъ, и лучшія страницы книги какъ разтѣ, на которыхъ онъ рассказываетъ о встрѣчахъ своихъ съ простымъ людомъ, веселящимся послѣ трудового дня.

Книга заканчивается почему-то двумя разсказами: „Нарциссъ“ и „Фараоново племя“, никакого отношенія къ „Лазурнымъ берегамъ“ не имѣющими. (Вяч. Полонскій. „День“. 1914—77).

... Книга К. оче ѣ оригинальное описаніе оригинальнаго путешествія по западной Европѣ... Въ картинахъ здѣсь много солнца и синяго простору, и движенія, и звуковъ. Это—живопись, соединенная съ музыкой. Что-то бодрящее, молодое и смѣлое чувствуется въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ живого, занимательнаго разсказа. (Я. Н. „Одес. Нов.“ 1914—933).

Книжка производитъ грустное впечатлѣніе. Бѣда не въ томъ, что авторъ увидѣлъ въ Монте-Карло только „проклятую дыру“, что онъ называлъ Нидцу „болотомъ и клоакой“—плохо то, что онъ вообще на „за-границу“ смотритъ или

слишком благодушно или зря-пренебрежительно и не искалъ въ ней того, что въ ней на самом дѣлѣ значительно и важно и серьезно-интересно.

Авторъ проводитъ время въ кабацкѣ „Rendez-vous des cochers et des chauffeurs“ съ „добродушными и малыми“ извозчиками и боксерами, свѣдѣнія собираетъ у содержателей гостиницъ, кофеенъ и винныхъ погребковъ. Все путешествие совершается какъ бы въ туманѣ, среди маленькихъ ненужныхъ встрѣчъ, ненужныхъ приключеній... (П. Кожевниковъ. „У. Рос.“ 1914—38 и „Новь“. 1914—69).

... Впервые эти наброски были напечатаны въ газетѣ [„Рѣчь“], гдѣ они м. б. были уместны. Изданіе ихъ отдѣльной книгой рѣшительно ничѣмъ не обосновано. Наблюденія, сдѣланные авторомъ, незначительны, поверхностны, личные переживанія—мимолетны и несущественны. Появленіе такого сочиненія за такой отвѣтственной подписью, вещь немислимая... нигдѣ, гдѣ существуетъ опредѣленный укладъ жизни и вкусовъ. У насъ же, очевидно, все дозволено. Выдающійся талантъ считаетъ возможнымъ „выйти на публику“ не только тогда, когда у него есть, что сказать, но и тогда, когда ему хочется поболтать о пустякахъ. Впрочемъ, по Сенькѣ и папка, говоритъ поговорка. М. б. нашему „Сенькѣ“ действительно никакой другой „шапки“ не требуется. (Р. Стрѣльцовъ. „Соврем.“ 1914—4).

390. Марь, Анна. 891.7—3

Идущіе мимо. Рассказы. Изд. „Моск. Книгоизд.“ М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Въ наши дни всякихъ переопынокъ и самокритикъ появляется много любопытныхъ писаній совсѣмъ особаго рода. Это—книжки-документы. Онѣ не имѣютъ особеннаго значенія для литературы и врядъ ли оставить въ ней слѣды: не читаются онѣ съ большимъ интересомъ. Онѣ волнуютъ дыханіемъ современности, трепетомъ живой души. Кто знаетъ: не въ этихъ ли сырыхъ, полудилетантскихъ, но нѣжныхъ интимныхъ произведеніяхъ полнѣе всего звучитъ голосъ жизни? Во всякомъ случаѣ, здѣсь этотъ голосъ непосредственнѣе, чѣмъ въ подлинно-художественной литературѣ, имѣющей дѣло уже съ обобщеніями, съ отстоємъ жизни... Эти субъективные книжки даютъ болѣе точный и ясный отвѣтъ на волнующіе вопросы дня, чѣмъ всякія специально устраиваемыя анкеты. Особенной экспансивностью въ раскрытіи своего сокровеннаго отличаются женскія книжки. Непринужденностью и щедрой открытостью онѣ напоминаютъ дневники.

Такова, напримѣръ, недавно вышедшая книжка рассказовъ Марь, изъ которыхъ любопытны два: „Идущіе мимо“ и „Лампады незажженныхъ“. Оба рассказа написаны лирически, въ свободной формѣ, съ той же, частью умышленной, частью неумышленной небрежностью, что и „Ступени“ Вѣры Рудичъ, и точно такъ же не безъ таланта. Пожалуй, въ литературномъ отношеніи рассказы М. отличаются большей законченностью, чѣмъ Рудичъ. Нѣкоторыя страницы даже красивы. Рассказы волнуютъ своимъ сгущеннымъ, глубокимъ настроеніемъ и правдивымъ внутреннимъ тономъ. Въ рассказахъ М. удачно намѣчена психология новой, вѣрнѣе, переходной женщины, — той, которая, презирая „равноправіе“, старается упрочить за собой равенство съ мужчиной исключительно въ одной области — поло-

вой. Это женщина, пріемляющая „танго“, рѣзко порвавшая со старыми традиціями, но не чувствующая себя отъ этого счастливою.

Утвержденіе Л. Вакста, будто бы „танго“ захватилъ міръ, вызвало протесты и возраженія. А, между тѣмъ, область, гдѣ царитъ „танго“, — действительно, цѣлый „міръ“. Хотя и въ кавычкахъ, а все же — міръ. Дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Это міръ обособленный, замкнутый, самодавлѣющій: „міръ“ въ мірѣ... Спорить о томъ, есть ли онъ, совершенно безцѣльно. Можно только чувствовать или не чувствовать это своеобразное, выдѣлившееся ядро, живущее своею жизнью.

Не самъ по себѣ танго, этотъ манекенный, порнографическій танецъ, усыновленный французами и претендующій „на выраженіе ихъ національнаго духа“, не конкретный танго, а его убогая, растлѣнная душа, это — чуть ли не символъ новой жизни и новой психологіи.

Душа танго какъ бы рветъ надъ нами, даетъ себя чувствовать въ настроеніяхъ и чувствахъ, въ творчествѣ. Какой это жуткій символъ для современности! Не пародія ли это на всѣ ея вкусы и желанія?

Новый внутренній человѣкъ стремится къ освобожденію отъ всѣхъ лишнихъ цѣпей и мертвыхъ шаблоновъ, къ возстановленію упроченной цѣльности и гармоніи, къ стихійности, — къ природѣ... А кака-то темная сила въ немъ самомъ презрительно смѣется надъ этими мечтами. Она душистъ этого стремящагося къ обновленію человѣка, загоняетъ его въ тупикъ, она враждуетъ съ цѣлостностью, искусственно выпячиваетъ отдѣльные его стороны и склонности, всякія болячки и извращенія, названные инстинкты...

— Пойми себя! — нашептываетъ человѣку этотъ „внутренній врагъ“ его: — не Шалипинъ, не Бергсонъ твой влатель и бальзамъ, а танго.

Развѣ призракъ пикантнаго танго не нависъ надъ новѣйшей литературой, такой тонкой и изысканной, но анемичной, литературой, призванной къ стихійности, но пропитанной рационализмомъ, похоронившей великую любовь и воспѣвавшей „оргазмъ“ или животность?

Для современной женщины танго — особенно знаменательный символъ, почти переходъ черезъ Рубиконъ.

Рыдарскій защитникъ женщинъ, поклонникъ и „старой и новой“ женщины, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, напрасно протестуетъ противъ подобнаго утвержденія и противъ особой, по его мнѣнію, оскорбительной клички: женщина-танго.

— Точно женщина танцуетъ это танго одна, безъ благосклоннаго участія кавалера. Отчего же не кавалеръ-танго, а дама-танго? — саркастически спрашиваетъ маститый баллетристъ.

Отвѣтъ напрашивается самъ собой. Танцуетъ женщина, конечно, не одна... Но танцуетъ она по иному, больше внося и больше теряя. Черезъ танго женщина, действительно, достигла желаннаго равноправія съ мужчиной, хотя и въ одной только специфической области. Но обрѣла она это половое равенство дорогой цѣной, отрѣшившись кое-отъ-чего существеннаго, безъ чего прежнюю женщину совсѣмъ нельзя себѣ представить, отъ своей сокровенной интимности — специально женской.

Чистота прежней женщины не всегда бывала органической; она нерѣдко поддерживалась искусственно, догматически, по шаблону. Женщина

грѣшила противъ „нравственности“, — можетъ быть, не меньше мужчины, но тайкомъ, не афишировала своего грѣха. А новая женщина открыто и сознательно, съ внутреннимъ правомъ нарушила старыя заветы. Она сказала мужчине: буду поступать такъ же, какъ и ты, и не изъ подражанія тебѣ, а потому, что хочу! Хочу быть свободной, пользоваться жизнью...

Но расширить эту „свободу“, добытую черезъ танго, женщина не можетъ и ограничивается только ею. Не умѣетъ она использовать этой свободы для себя. Чаще всего она стоитъ на распутьи, полная сомнѣній и разлада, смутно жалея о чемъ-то безвозвратно потерянномъ и не зная, куда идти.

Героини М. принадлежать къ тѣмъ женщинамъ, которые безстрашно переступали заветный порогъ. Для нихъ „половая чистота“ — предразсудокъ. О а не отождествляется для нихъ съ моралью и ничего не говоритъ о женщинѣ, какъ и о мужчинѣ. Это вопросъ темперамента и вкуса — вопросъ „бѣлаго и краснаго вина“. Теоретически онѣ тверды въ этомъ новомъ катехизисѣ, но на практикѣ онѣ имъ не по силамъ. Онѣ для этого слишкомъ женственны. Отсюда ихъ горькое чувство пустоты и неудовлетворенности, постоянное колебаніе между новымъ и старымъ.

...Ни особенной наружностью, которая бы увеличивала соблазнъ, ни исключительнымъ темпераментомъ, который толкалъ бы на путь грѣха, героини М. не надѣлены. Напротивъ, онѣ валы, и, если и привлекаютъ мужчинъ, то развѣ своей ярко выраженной пассивной женственностью. „Паденіе“ совершается какъ бы по инерціи, просто потому, что нѣтъ къ тому преградъ — бабушкины устои устарѣли. Въ мимолетныхъ союзахъ онѣ ищутъ того, чего не сталъ бы искать никакой мужчина: выхода изъ одиночества, сердечной привязанности, а иногда и властелина, который владѣлъ бы хоть временно. Въ этомъ сказывается ихъ подлинно женская природа.

Въ героинѣ М., по собственному признанію, живутъ и существуютъ двѣ женщины: новая и старая. Первая обладаетъ смѣлостью и самокритицизмомъ, борется съ условностями и традиціями, стремится къ освобожденію, а вторая — робка и покорна, мечтаетъ лишь о томъ, чтобы выйти господина, и упасть къ его ногамъ. Эта послѣдняя очень жалка въ своемъ рабѣзѣ метанія отъ одного мужчины къ другому: если ужъ нуженъ непременно господинъ, то не лучше ли имѣть дѣло съ однимъ, чѣмъ съ многими? Героини М. — не выдающіяся, а среднія женщины. Благодаря этому, ясно обрисовывается трудность положенія новой, переходной женщины, стоящей на рубежѣ между старымъ и новымъ, выясняются всѣ „да“ и „нѣтъ“, которыя принесъ ей современный танго.

Крупная женская личность, которой свобода нужна для осуществленія опредѣленныхъ жизненныхъ задачъ, для проявленія своихъ склонностей и дарованій, сумѣла бы рѣшить самую запутанную проблему — каждая индивидуально для себя. А средняя женщина изнемогаетъ отъ своихъ сложныхъ настроеній, и даже отвоеванную для себя специфическую „свободу“ — половую, часто обращаетъ противъ себя же самой, превращая ее въ распущенность.

Героини М. постоянно терзаются, сомнѣваются въ себѣ и не знаютъ ни минуты не только нрав-

ственного удовлетворенія, а и покоя. Какая уже тутъ свобода!

...Вообще, „развратъ“ у новыхъ женщинъ М. исполнѣтъ уживается съ мечтой о великой любви, а иногда и съ самою любовью. Никогда, кажется, эта молитвенная экстазическая мечта о романтической всезаполняющей любви не была такъ сильна, какъ въ искусственный вѣкъ танго. Вѣроятно, — по контрасту! И далеко не всегда „предметъ“ достоинъ такой любви. Но не все ли равно, какова Дульцина, изъ-за которой умираетъ вѣрный ей рыцарь Донъ-Кихотъ?... (Е. Колмоновская. „День“ 1914—90).

...Творчество молодой беллетристики М. представляетъ полную противоположность типичнымъ дамскимъ писаніямъ. Красивый, отчетливый рисунокъ чувствуется въ каждомъ ея рассказѣ. Правда, она не даетъ законченныхъ закругляющихся линій, избѣгаетъ общаго контура, предпочитая отдѣльные, хотя и энергичные мазки, изъ которыхъ, какъ изъ кусочковъ мозаики, должно составиться у читателя нѣчто цѣлое. Эта манера очень идетъ къ такимъ эскизамъ, какъ серія ея „cartes postales“, но на вещахъ болѣе крупныхъ по размѣру она нѣсколько утомляетъ кинематографическимъ мельканіемъ орывочныхъ сценъ, чрезмѣрной экономіей красокъ, которыя то тамъ, то здѣсь брошены на бумагу, оставляя незаполненными пустые простѣты. Хотѣлось бы отъ автора въ такихъ произведеніяхъ, какъ талантливая повѣсть „Идущее мимо“, болѣе спаянности изложенія, болѣе плавности кисти. При этихъ условіяхъ М. значительно выиграла бы въ формѣ.

Что касается самаго духа ея творчества, то авторъ, къ сожалѣнію, грѣшитъ чрезмѣрной однородностью своихъ художественныхъ устремленій: лейтъ-мотивы произведеній М., кромѣ вѣсколькихъ прелестныхъ рассказовъ изъ области дѣтскихъ переживаній, это „хождение по мукамъ“ женской души. Страданіе въ любви и любовь въ страданіи съ сильной примѣсью характернаго католическаго мистицизма, мистицизма, окрашеннаго при этомъ большою дозой болѣзненной чувственности, — неизмѣнный элементъ почти всѣхъ ея рассказовъ. Авторъ какъ будто заигривотизированъ одной стороной жизни, глаза его слишкомъ прикованы къ опредѣленной примѣ воспріятій, и сама жизнь кажется нѣсколько обезцвѣченной въ узкихъ рамкахъ женской „проблемы пола“.

Ея героини объединены одинаковыми переживаніями — это рабыни чувства, женщины съ болѣзненно обнаженными нервами, нравственно-малокровныя существа, которыя отдають всѣ силы своего ума и сердца развѣздающему анализу своихъ настроеній, распинають себя на Голгофѣ истерической чувственности, теряють послѣдніе остатки здороваго жизненнаго инстинкта въ переходахъ отъ протеста къ покорности, отъ голоса духа къ голосу плоти. Ихъ утонченность — утеченность самоистязующая, болѣзненная издерганная и крайне пассивная. Своей воли, чистаго и свѣтлаго кристалла личности въ нихъ нѣтъ и слѣда. Каждая изъ этихъ женщинъ — „трусъ вѣтромъ колеблемая“, и ея страданія часто вмѣсто сочувствія вызываютъ только раздраженіе и досаду.

Можетъ быть, въ этомъ случаѣ А. М. отразила въ своихъ произведеніяхъ тотъ болѣзненный процессъ, который переживается въ наше

время моральных революцій наиболее издеганными и нравственно-худосочными женщинами, которыя, освободившись отъ всего стараго уклада жизни, сугубо подпали подъ власть нервическаго сладострастія и чувствуютъ себя прищемленными дверями того самаго алькова, куда въ теченіи многихъ вѣковъ они несли безъ разсужденій всю совокупность своего нравственнаго и физическаго существа, свои самоотверженныя порывы и свои темныя инстинкты. Теперь онѣ узнали цѣну этого алькова, но одинаково не имѣютъ силы ни отвернуться отъ него, ни войти съ открытымъ лицомъ, а, унижаясь и стесая, ползаютъ у его порога, то призывая на себя проклятія, то ища себѣ поддержки и санкціи въ извращенно-понятыхъ мистическихъ откровеніяхъ.

Этотъ характеръ творчества М. особенно чувствуется при чтеніи всей совокупности ея произведеній и заставляетъ искренно пожелать татангливой писательницѣ выйти на новую, болѣе широкую и свѣтлую дорогу. Не можемъ не замѣтить попутно еще и того, что авторъ значительно вредитъ своимъ произведеніямъ тѣмъ своеобразнымъ стилемъ, который оставляетъ впечатлѣніе какого-то перевода съ иностраннаго языка, въ родѣ выраженій „маленькая г-жа В...“. Отъ чистой русской рѣчи писанія М. только выиграютъ (*Гаррисъ. „Гол. М.“ 1914—2*).

...Женщина остается женщиною, какою-то другою разновидностью человѣческаго рода, и когда эти обособляющіе ея признаки развиваются у нея съ большою яркостью, когда ими полна ея душа и окрашено все ея существованіе, какимъ сфинксомъ кажется она мужчинамъ, какими разными языками говорятъ они, эти два обреченныя на тягостное другъ къ другу существа?

Если васъ это интересуетъ, разверните новую книгу М., этой женщины съ такою нѣжною и трепетною душою. Передъ вами пройдутъ образы этого загадочнаго существа, которому, конечно, ничего не принесутъ всѣ завоеванія суфражистокъ, которому нужно нѣчто гораздо болѣе простое, но и еще труднѣе достижимое: пониманіе ея мужчиною и его любовь ко всей той мучительной сматенности, которая царитъ въ ея душѣ. (*Сергій Глаголь. „Стол. Молва“. 1914—354*).

...М. описываетъ средней обывательскій кругъ женщинъ, вышедшихъ изъ мелкопомѣщичьей среды, связанныхъ еще ея традиціями. Захваченныя борьбой за индивидуальную свободу, онѣ остаются вѣрными клерикально-консервативнымъ воззрѣніямъ. Онѣ мистически религіозны, слабовольны. Эти женщины умѣютъ только „страдать или умереть“. Въ конфессіональнѣ черпаютъ онѣ свою силу, ища оправданія. М. красиво и чутко передаетъ „настроенія“ кладбищъ и церквей, — страстныхъ литаній Маріи-Дѣвы. Всѣ эти „настроенія“ пропитаны влою грустью, осужденной на покорное умираніе, не переходящей въ яркій протестъ или неистовую ярость. Женщины М. подъ ударами Рока, лишь умѣютъ приходить къ равнодушію. Въ наше время женщина сумѣла проявить много упорства, вѣры и темперамента. Женщины М. съ ихъ покорностью, равнодушіемъ и повышенной религіозностью — идущія мимо. Онѣ проходятъ около борьбы, вло смутно. Онѣ — слѣпцы. Очень милъ разсказъ „Богъ“. У автора несомнѣнно есть дарованіе — мягкое и женственное. (*Н. К. „Нов.“ 1914—69*).

391. Рудичъ, Вѣра.*)

891.1—3.

Ступени. Слб., 1914.

Въ этой небольшой повѣсти, написанной въ видѣ дневника, мало картинности и еще меньше психологическаго содержанія. Но у нея есть особое достоинство: она написана женщиною, и притомъ женщиною, умѣющей и желающей правдиво излагать свои мысли... Но... мнѣ все-таки кажется, что женщина до сихъ поръ не умѣетъ думать и писать о себѣ. Все, что написано о женщинѣ или въ защиту женщины, вышло изъ-подъ пера мужчины. ...Между словомъ — печатнымъ словомъ — женщины и ея душой нѣтъ заака равенства... Таковы просто результаты ея поднвольности...

...Только съ началомъ истиннаго освобожденія женщины послѣдняя впервые ощутила потребность быть до конца правдивой, впервые заявила о своемъ правѣ думать и дѣйствовать по-своему. И это приблизило насъ къ пониманію женской души. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ литературѣ появился совершенно новый отдѣлъ: женщины о самихъ себѣ. Или, сказать точнѣе, народилась настоящая женщина-писательница. Не кокетка, не актриса, удачно имитирующая мужской талантъ или кокетничавшая словомъ, а художница, открывающая совершенно новую страну въ искусствѣ: Марія Конопницкая, Элиза Ожешко, Нарциса Жмыковская и друг.

Русская литература также понемногу приобщается къ этому циклу правдивыхъ женщинъ. И въ числѣ ихъ Р. Многое въ ея повѣсти наивно, кое-что модернизировано. Въ ней мало психологическихъ оттънковъ. Она ничего не рѣшаетъ. Но иной разъ полезно правдиво поговорить о вопросѣ, даже не разрешая его. А въ „Ступеняхъ“ Р., благодаря правдивости автора, есть странно-волнующія сцены, которыя отъ соприкосновенія съ правдой загораются на минуту свѣтомъ истиннаго искусства.

„Ступени“ — это не символы, а эмблемы. Эпаны въ исторію женской души. ...Интересенъ правдивый голосъ женщины. Онъ говорить о томъ, что судьба наградила женщину (или нѣкоторыхъ женщинъ) почти геніальнымъ чувствомъ любви — глубоко изощреннымъ, нѣжнымъ и исполненнымъ тончайшихъ нюансовъ. Но судьба-же подчинила этому чувству всю природу женщины. Послѣдняя живетъ только мыслями о мужчинахъ. Она съ гораздо болѣею охотой думаетъ о своихъ маленькихъ сердечныхъ дѣлахъ, чѣмъ о всей вселенной — со всѣми ея свѣтилами и мірами.

Что это, вѣчное или случайное свойство?

Объ этомъ мы сейчасъ помолимъ. Важно послушать женщину, которая безъ пышныхъ, кричащихъ фразъ, правдиво и искренно заявляетъ: пусть взоръ женщины, живущей самой свободной, самой эмансипированной жизнью, научится смотрѣть внутрь самой себя. Мало работать шиломъ или перомъ, какъ мужчина. Можно перестать быть женщиною-наседкой, женщиною-самкой, женщиною-сильфидой, но нельзя отрѣшиться отъ своей женской природы, нельзя побороть въ себѣ *das ewig mannliche*.

Такое признаніе и интересно, и дѣнно.

Конечно, и Р. училась у мужчины. Она учи-

*) См. „Бюлет.“ № 8 „Женщина въ новѣйшей беллетристикѣ“.

лась у Пшибышевскаго, у Вейнингера. Но все, что она узнала, она усвоила и передѣлала по-женски. Она дала всему этому какое-то особое направленіе. Она искренно разсказала свои женскія мысли. И этимъ она внесла свою лепту въ ту большую книгу о жизни, которую творить теперь женщина. (А. Войтоловскій. „Кіев. Мысль“. 1914—57).

...Книжка поразительно обнажена, поразительно невинна, она оставляетъ въ душѣ много смуты и тоски о нашихъ милыхъ дѣвushкахъ. ...Разсказъ Р. очень легокъ, остороженъ, не вульгаренъ... (В. Розановъ. „Нов. Вр.“ 1914—13668).

...Вѣра Р. прежде всего, поэтъ, отсюда талантъ въ нѣсколькихъ строкахъ красиво и ярко дать много, дать настроеніе, переживаніе, картинку изъ жизни. Въ своей маленькой книжкѣ Р. дала, дала талантливо, нѣчто очень цѣнное, цѣнное своей серьезной искренностью, доходящей до самобычанія почти; она дала одинъ изъ типовъ психологіи женской чувственности. Строгая, интимнѣйшая искренность ея, составляющая цѣнность ея книги, въ то же время составляетъ и ея недостатокъ, излишнимъ субъективизмомъ своимъ, могущимъ ввести въ обманъ, привыкшаго къ легкимъ обобщеніямъ читателя. Вопросъ, затронутый Р., до крайности объективенъ по самому существу своему, кромѣ самой личности, тутъ играетъ роль тысяча преводящихъ обстоятельствъ, очень часто чисто внѣшнихъ, мелочей жизни. ...Воспитаніе, наследственность и мелочи жизни даже, даютъ тысячу разныхъ отгѣнковъ затронутому Р. вопросу, единственно вѣрной общей схемой которому можетъ служить изреченіе Л. Н. Толстого.

...Въ періодъ молодости физическое опережаетъ духовное, въ періодъ зрѣлости духовное идетъ рука объ руку съ физическимъ, на склонъ же лѣтъ — духовное побѣждаетъ физическое“. (Скарабѣ. „Нов. Вр.“ 1914—13631).

...„Ступени“ производятъ впечатлѣніе; въ безпощадной отчетливости анализа всего того, что и. б. названо „женскимъ“, чувствуется несомнѣнная сила. До сихъ поръ читающая публика знала Р., какъ автора нѣсколькихъ книжекъ красивыхъ стиховъ; „Ступени“ переводятъ ее въ бытописатели женской души. („Вѣст. Евр.“ 1913—8).

Вѣдная, схематичная, мало интересная книжка Р. останавливаетъ вниманіе на минуту, какъ искренній документъ, какъ жалоба женщины на женскую долю... Аграфена В. Зайцева — богатый созерцаніемъ, живой, яркій образъ, „Катерина Ивановна“ — мучительная загадка, а Лиза въ кн. „Ступени“ — что-то сѣренькое, нудное, и дневникъ ея похожъ на слезиницу... Но имѣтели литературную и общественную цѣнность такой дневникъ?... сомнѣваемся. (Львовъ-Рогачевскій. „Соврем.“ 1913—10).

392/3. Успенскій, Ѳ. И. 9(3)

Исторія Византійской имперіи. Т. I. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб., изд. 1914. Ц. 22 р.

Передъ нами выдающійся трудъ, представлющій завершеніе цѣлой жизни, результатъ многолѣтнихъ изысканій. У. изучаетъ Византію въ теченіе сорока лѣтъ. Онъ написалъ множество специальныхъ изслѣдованій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и теперь, подходя къ предѣлу земного существованія, рѣшилъ познакомить

публику съ плодомъ своихъ ученыхъ работъ. Мы съ признательностью принимаемъ исторію родственной намъ Византіи, скрѣпленную авторитетнымъ именемъ, которую читать и полезно и приятно. По словамъ автора, онъ питаетъ завѣтную мысль дать соотечественникамъ цѣльную систему въ такой области, которую онъ считаетъ наиболее важной послѣ отечественной исторіи для національнаго самосознанія культурнаго русскаго обывателя. Въ какомъ же смыслѣ надо понимать эти слова? Былъ ли византизмъ, оплодотворявшій славянскую и русскую культуру, силой благотворной или зловредной? Взглядъ автора какъ будто двоится. „Византизмъ, — говоритъ онъ, — долженъ быть поставленъ рядомъ съ романізмомъ. Но, отдавая должное романизации въ процессѣ образованія западно-европейской государственности, мы, съ другой стороны, не можемъ не придавать значенія и византизму, какъ организующему началу историческаго развитія на юго-востоку Европы. Будемъ справедливы и согласимся, что, если романизмъ формируетъ франкское государство, если римскія правовыя воззрѣнія оказываютъ очень сильное дѣйствіе во всей исторіи Запада, византизмъ, со всей стороны, становится идеаломъ славянскаго царства, къ какому стремятся передовые славянскіе народы. Византизмъ идетъ до Кіева и Москвы. Словомъ, византизмъ есть историческій принципъ, дѣйствія котораго обнаруживаются въ исторіи народовъ юга и востока Европы. Этотъ принципъ управляетъ развитіемъ многихъ народовъ и до настоящаго времени, выражая собой складъ вѣрованій и политическихъ учреждений, равно какъ особый видъ организаціи сословныхъ и экономическихъ отношеній“. Съ одной стороны, авторъ превозноситъ византійскую культуру и увѣряетъ, будто Византія служила для западно-европейскихъ народовъ обильнымъ источникомъ знаній и просвѣщенія, а западно-европейскіе народы платили ей лишь зависію, недоброжелательствомъ и жестокостями. Съ другой стороны, онъ указываетъ на пагубное византійское вліяніе, испытанное славянами.

У. знакомитъ насъ съ эпохой очень интересной и важной для исторіи европейской цивилизации, со временемъ Юстиніана и Ираклія, когда древне-римская имперія преобразовывается въ новое византійское государство. Хотя давно отошли отъ насъ всѣ эти событія, авторъ оживляетъ ихъ намеками на современность. (П. Б. „Истор. Вѣст.“ 1913—12).

...Въ хронологическомъ порядкѣ излагается исторія международныхъ отношеній, законодательства и администраціи, развитіе торговли, промышленности и образовательныхъ учреждений, ходъ церковныхъ дѣлъ... („Рус. Мысль“. 1914—2).

Появленіе въ свѣтъ I т. Исторіи Византійской имперіи У-го, одного изъ виднѣйшихъ знатоковъ ея не только у насъ, но и въ Европѣ, несомнѣнно, должно быть сочтено крупнымъ событіемъ... Великолѣпнѣйшая внѣшность... видѣляетъ ее, какъ выдающееся явленіе на книжномъ рынкѣ, какъ находку для любителей роскошныхъ изданій. Неизмѣримо важнѣе ея содержаніе... [Рецензія представляетъ собой обширный и детальный разборъ труда У.]. (К. Успенскій. „Гол. Мин.“ 1914—4).

...Главною заслугой У. въ настоящемъ I т. является подробное изслѣдованіе одного изъ

важнѣйшихъ вопросовъ ранней Византійской исторіи, а именно вопроса объ иммиграціи варваровъ въ имперію, т. е. германцевъ и особенно славянъ... Много интереснаго читатель найдетъ въ кн. У. и по другимъ вопросамъ вѣвшей и внутренней жизни Византии...

...Появленіе труда У. должно считать праздникомъ для русской исторической науки въ широкомъ смыслѣ этого слова... Надо отъ души пожелать, чтобы У. смогъ закончить въ наиболѣе краткій срокъ задуманное имъ трудное, но вѣстѣ съ тѣмъ и полезнѣйшее дѣло... (А. Васильевъ. „Вѣст. Евр.“ 1914—2).

...У. даетъ намъ описаніе средневѣковаго Константинополя, его улицъ и важнѣйшихъ зданій, и изъ его книги, написанной и вполнѣ популярно, и вполнѣ научно, мы почерпаемъ множество любопытныхъ свѣдѣній о византійской цивилизаціи, византійскомъ искусствѣ и византійской жизни вообще. Исторія У. особенно цѣнное пріобрѣтеніе для преподавателей гимназій, такъ какъ, познакомившись съ ней, они могутъ значительно оживить сухое изложеніе учебниковъ. (П. Б. „Обес. Лист.“. 1913—252).

...Проф. У. нельзя выразить благодарности, что онъ приступилъ къ такому труду, приступилъ во всеоружіи специальныхъ знаній и общаго историческаго образованія, чѣмъ его трудъ, выгодно отличается отъ другихъ недавнихъ попытокъ въ этой области, оказавшихся неудачными. Въ смыслѣ изложенія авторъ хотѣлъ сдѣлать свой трудъ общедоступнымъ, и нужно желать, чтобы издательство Брокгауза-Ефрона выпустило книгу и въ другомъ изданіи, по цѣнѣ своей доступномъ всѣмъ, кому трудъ проф. У. можетъ быть интересенъ и нуженъ. Самый бѣглый взглядъ, брошенный на „исторію Византійской имперіи“, даетъ право сказать, что читателей у нея можетъ быть не мало... Слѣдуетъ еще отмѣтить, что большая часть иллюстрацій нигдѣ еще не появлялась въ печати: онѣ заимствованы изъ коллекцій русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. (Н. Каргезъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—250).

394. Филиппсонъ, А., проф. 91(47)

Европейская Россія. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. А. Крубера. 1913. М., складъ изд. у т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. VI + 148 стр. Съ 9 карт. и 32 иллюстр. Ц. 80 к.

Съ удивительнымъ искусствомъ Ф. сумѣлъ въ небольшой книжкѣ дать отчетливое и точное представленіе не только о природѣ, но и объ особенностяхъ жизни и Европ. Россіи въ цѣломъ, и ея главнѣйшихъ физико-географич. областей. Всѣ его характеристики выпуклы, чрезвычайно содержательны при всей сжатости изложенія и нерѣдко оригинальны и поучительны даже для специалиста-географа... Ф. практически сумѣлъ показать, что географія страны—не простое механическое соединеніе въ одной работѣ некоординированныхъ свѣдѣній изъ разныхъ областей знанія, а выясненіе органической связи явленій, присущихъ данной мѣстности, и описаніе тѣхъ органическихъ единствъ (областей, ландшафтовъ и т. п.), которыя возникаютъ какъ результатъ пространственныхъ взаимоотношеній вещей и явленій. Книга Ф. показываетъ, какъ слѣдуетъ описывать географически страну, чтобы всѣ слагающія ея обликъ

явленія—отъ горной породы до человѣка съ его культурой включительно—нашли въ географической характеристикѣ ея свое естественное причинно-мотивированное мѣсто. Русскій переводъ выполненъ превосходно: при большой текстуальной точности, онъ безукоризненъ и въ литературномъ отношеніи... Конечно, вѣмецкіи авторъ не всюду достаточно полно знакомъ съ русской специальной литературой; это вполнѣ понятно, и надо скорѣе удивляться тому, что допущенные авторомъ недосмотры касаются почти исключительно второстепенныхъ фактовъ. Во многихъ случаяхъ недочеты исправлены редакторомъ перевода, но, къ сожалѣнію, не всѣхъ. Кое-что изъ замѣченныхъ неточностей мы отмѣтимъ. [Давы указанія на недосмотры и неправильности въ текстѣ книги].

...Вѣщность русскаго изданія значительно лучше, чѣмъ вѣмецкаго оригинала, рисунки удачны, и ихъ больше. Желаемъ книгѣ самаго широкаго успѣха. Мы считаемъ ее необходимой для каждого интеллигентнаго читателя... (А. Борзовъ. „Вѣст. Восп.“ 1914—4).

...Несмотря на свой небольшой объемъ, эта книга своего рода шедевръ ясности и точности изложенія, богатой эрудиціи автора и того педагогическаго опыта, который создается лишь долгими годами. (И. Державецкій. „Бюл. Харьк. О-ва Люб. Пр.“ 1913—5).

...Мы не имѣемъ до сихъ поръ соответствующаго учебнаго, научно-популярнаго очерка, который далъ бы ясную физико-географическую и социально-экономическую картину страны. Этому именно требованію удовлетворяетъ сжатая по изложенію, но выразительная по содержанію книга проф. Ф.

Редакторъ перевода, какъ на интересную особенность очерка, указываетъ на попытку Ф. раздѣлить Евр. Россію на районы исключительно на основаніи физико-географическихъ и геологическихъ данныхъ. Благодаря этому имъ соблюдается принципъ единства признака въ классификаціи, чего нѣтъ въ обычныхъ классификаціяхъ нашихъ учебниковъ. Въ главѣ „Русское плато“, послѣ общаго обозрѣнія выделяются девять „частей страны“. Это—наиболѣе обширная и интересная глава. Нельзя все-таки не отмѣтить въ которой условности обобщеній, дѣлаемыхъ авторомъ. Особенно ярко это сказывается въ заключеніи книги, гдѣ авторъ подводитъ итоги разсмотрѣнныхъ имъ фактовъ и ихъ соотношеній. По крайней мѣрѣ не всегда можно видѣть тѣснѣйшую связь между культурно-историческими фактами и природными условіями страны, чтобы можно было, напримѣръ, обнаружить „раздвоенность между первоначальной восточно-славянской основой и современной западно-европейской сущностью“.

Но зато эти культурно-историческіе факты, размѣщенные живой и содержательной творческой мыслью автора на интересной и строго систематической естественно-исторической канвѣ, даютъ читателю много поучительнаго и легко понимаемаго матеріала. Очеркъ, особенно благодаря своему указателю, пригоденъ и для справокъ. (Вл. Б. „Рус. Вѣд.“ 1914—29).

395. Гершензонъ, М. 92(К.)

Декабристы Кривцовъ и его братья. 1914. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 229 стр. Ц. 2 р.

...На первый взгляд может показаться, что авторъ просто пересказываетъ докумен- тальной хроники, причемъ, благодаря выдающемуся литературному таланту его, этотъ пересказъ воз- вышается до цѣльной художественной картины и читается съ живымъ интересомъ, какъ мастерски написанный романъ. Но по мѣрѣ чтенія нельзя не замѣтить, что въ форму яркаго разсказа о жизни той или иной семьи былой эпохи авторъ въ высшей степени искусно вкладываетъ психо- логическій и историко-бытовой анализъ обще- ственныхъ типовъ соответствующаго времени, отбѣивая этимъ господствовавшія черты культур- наго развитія общества; бокъ-о-бокъ съ художе- ственнымъ изображеніемъ идетъ научное изслѣ- дованіе, въ основу котораго полагается при- стальный микроскопическій анализъ старинной частной переписки, мемуаровъ, дневниковъ и тому подобныхъ матеріаловъ.

Въ книгѣ о брат. К. особую цѣнность съ этой точки зрѣнія имѣетъ психологическій портретъ Николая К., въ характерной фигурѣ котораго авторъ весьма удачно выявляетъ многія типич- ныя черты русскаго барства 20-хъ и 30-хъ го- довъ минувшаго вѣка. Передъ нами выступаютъ во весь ростъ русскій дворянинъ, блестящій ло- скомъ европейской образованности, съ достоин- ствомъ поддерживающей знакомство съ корин- феями западной ученной и литературной братии и укорно хранящій подъ этимъ вѣншиимъ налетомъ культуры нравъ дикаря и самодура. Либер- альныя фразы на языкѣ и деспотическіе ин- стинкты въ душѣ, искреннее самоуслажденіе ли- беральной риторикой и столь же искреннее признаніе за собой права на всевозможный произволъ по отношенію къ подвластнымъ лю- дямъ, — вотъ черты, изъ соединенія которыхъ порождались многочисленныя Кривцовы той эпо- хи, имя же имъ — легіонъ. Для исторіи русскаго барственно-дворянскаго, распылчато-поверх- ностнаго либерализма эпохи Александра I фи- гура Николая К. представляетъ многообясняю- щую иллюстрацію. А рядомъ съ этой фигурой выведена другая: Сергій К. — типъ пассивнаго декабриста, за одно платоническое сочувствіе освободительнымъ идеямъ вынесшаго жестокаго страданія каторги и ссылки въ Туруханскомъ краѣ. Драма его жизни въ изложеніи Г. произво- дитъ глубокое впечатлѣніе. Наконецъ, очень вы- пукло выступаетъ передъ читателемъ и третья фигура: мать К. — одна изъ тѣхъ прекрасныхъ старушекъ, которыя умѣли разливать вокругъ себя величайшую нравственную силу глубоколо- башаго сердца. Чтеніе книги Г. даетъ читателю въ одинаковой мѣрѣ и умственное, и эстетиче- ское наслажденіе. (*А. Кизиветтеръ. „Рус. Вѣд.“ 1914—76*).

...Г. любить старую русскую жизнь, но это вовсе не значить, что онъ ее идеализируетъ. Конечно, его картины не безъ розоватой дымки, но тонкое чувство мѣры заботливо охраняетъ Г. отъ всякихъ сужалскихъ пріемовъ въ ту или другую сторону. Люди — какъ люди, — говоритъ онъ въ своихъ книгахъ, у каждаго изъ нихъ немало недостатковъ, но всмотритесь, и почти у каждаго найдете, за что его можно любить... Книга Г. — это романъ о трехъ братьяхъ К. Его нельзя передавать, излагать, его надо прочесть... Г. не антикварій. Онъ — русскій интел- лигентъ послѣреволюціонной эпохи. „Хорошо, — пишетъ онъ, — на часъ-другой уйти душою въ

прошлое, и отдохнуть, и освѣжиться тамъ въ созерцаніи иной жизни, въ забвеніи себя и оглу- шающей сумятицы дня; а если окунуться глубже — большія теченія исторіи неизбежно выносятся мысль изъ прошлаго назадъ въ настоящее, но окрѣпшею и просвѣтленною“.

Если въ этомъ укладѣ въ прошлое, дѣйстви- тельно, чувствуется порой и усталость отъ сумя- тицы современности, то онъ для Г. служить и источникомъ большой, интересной работы мысли. (*А. С. Изгоевъ. „Речь“. 1914 — 100*).

...Методъ, принятый авторомъ, конечно, не- пріемлемъ для историческихъ работъ, объемлю- щихъ ту или иную обширную область историче- скихъ событій, но для изслѣдованія отдѣль- ныхъ эпизодовъ или для изученія небольшого общественнаго круга — методъ этотъ незамѣнимъ. Обычный недостатокъ историч. работъ заклю- чается въ томъ, что изъ-за событій не видно людей; дѣйствующія лица какъ-то отходятъ на второй планъ, и совершенно не видно ихъ ха- рактеровъ, чувствованій, взглядовъ и пережива- ній. Г. счастливо избѣгъ этого... Яркія, характе- ристики, живое описаніе событій, интересные и временами глубокія мысли, встречающіяся въ книгѣ, наконецъ, легкое изложеніе — это дѣлаетъ книгу Г. очень интересной и приковываетъ къ ней вниманіе читателя. (*М.-ий. „Утро“. 1914 — 2295*).

396. Гершензонъ, М. 92 (Р.-К.):891.7.09

Грибоѣдовская Москва. 1914. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 120 стр. Ц. 1 р.

Свое повѣствованіе авторъ хотѣлъ связать въ сознаніи читателя неперемѣнно съ героями Грибоѣдовской комедіи. Однако, далеко не всѣ дѣй- ствующія лица семейной хроники Римскихъ-Корсаковыхъ напоминаютъ героевъ Грибоѣдова, и, наоборотъ, въ „Горѣ отъ ума“ много типовъ, не встрѣчающихся въ бытовомъ кругу Р.-К. Въ этомъ кругу не видимъ ни Молчалина, ни Ска- лозуба, ни Репетилова и др. Здѣсь нѣтъ намека на ту „другую, свѣтлую, образованную Москву“, о которой настойчиво напоминалъ кн. В. А. Ва- земскій и къ которой принадлежалъ самъ творецъ „Горы отъ ума“. Правда, въ повѣсти Гершензона многое, дѣйствительно, живо напоми- наетъ „грибоѣдовскую“ Москву. Такова, напр., сама Марья Ив. Римская-Корсакова, такъ похо- жая и на Хлестову, и на Татьяну Юрьевну; ея дочь, Софья Ал., — близкая родня Нат. Дм. Го- ричевой; у горничной Корсаковыхъ, Дунаши, съ ея близостью къ барыня, съ ея жеманной фран- цузской рѣчью, много схожаго съ Лизой; на- конецъ, Метакса, „надоѣдалка“, какъ его назы- вали у Р.-К., конечно, — родной братъ грибоѣдо- вскому „турку или греку, черномазенькому, на ножкахъ журавлиныхъ“. Сходства такъ велики, что Гершензонъ готовъ видѣть здѣсь портреты, ссылаясь на „собственное признаніе“ Грибоѣдо- ва въ письмѣ къ Катенину. На это письмо ссы- лались многіе — и такъ же неосновательно, какъ и Гершензонъ. Подъ портретностью Грибоѣдовъ разумѣлъ не близость къ тому или другому жи- вому лицу, а художественную индивидуализацию, характерность персонажа — такую, чтобы въ немъ были не только типическія и общечеловѣческія, но и личныя черты и особенности; Грибоѣдовъ отвергалъ тѣмъ самымъ схематичность и услов- ность многихъ образовъ старой драмы. Аналогимъ [Гершензона] удостовѣряютъ только, что въ одно-

родной и замкнутой бытовой средѣ старого московскаго барства одни и тѣ же типы встрѣчались часто, а Грибоѣдовъ мѣтко схватывалъ ихъ черты и мастерски комбинировалъ въ своихъ поэтическихъ образахъ. Разумѣется, и „Горе отъ ума“ не могло исчерпать всего богатства быта и нравовъ старой Москвы. Тѣмъ менѣе можно было этого ждать отъ семейной переписки Корсаковыхъ. Желая пополнить неизбѣжные въ такомъ матеріалѣ пробѣлы, Г. обставляетъ его литературными справками изъ мемуаровъ и др. печатныхъ источниковъ. Такъ обрисованы имъ пребываніе москвичей въ Нижнемъ въ 1812 г. и характерная личность извѣстной Офросимовой. Но подобныхъ экскурсовъ въ книгѣ немного. Такимъ образомъ, если подѣ „грибоѣдовской Москвой“ разумѣть всю барскую Москву александровскаго времени, то книжка Гершензона даетъ меньше, чѣмъ обѣщаетъ. Но, съ другой стороны, она даетъ и больше. Многія страницы ея являются прекрасной бытовой иллюстраціей не только къ „Горю отъ ума“, но и къ „Войнѣ и миру“. Гершензонъ счастливъ на архивныя находки. Разбираемая книжка создана изъ писемъ къ Григорію Ал. Римскому-Корсакову его матери и сестеръ. Изъ этой переписки постепенно съ полнотой и законченностью вырисовывается и сама Корсакова, и ея семья, и весь ихъ бытовой кругъ. Впрочемъ, ярче всѣхъ выступаетъ характеръ и вся духовная личность Маріи Ів. Положительно, у нея было литературное дарованіе—и другое большее: душевная бодрость, внутренняя свобода, смѣлое самоутвержденіе личности. Она вовсе не утруждала своего ума отвлеченными размышленіями, не проявила нарочитаго благородства, не ставила своей цѣлью высокихъ подвиговъ; по строгому сужденію ея біографа, она прожила „грѣшную жизнь, пустую жизнь“. Она жила для жизни, любила жизнь во всей ея полнотѣ и такой любовью заражаетъ и позднѣйшихъ читателей ея интимной переписки. Замѣчательны и языкъ ея писемъ: порывистый, смѣлый, живописный, обвѣянный духомъ народной рѣчи. Фигуры другихъ членовъ семьи блѣднѣе, но достаточно отчетливо рисуются въ письмахъ: Григорій Ал.—честный человѣкъ, не стойвшій горячей любви матери, типъ богатаго кутилы-офицера; замужня дочь Софья, вся погруженная въ житейскія заботы; другая дочь, Варвара,—нѣжная, поэтическая, рано умершая отъ горловой чахотки; своенравная младшая дочь, красавица Александра. Не беремся подробно охарактеризовать эту семью, пусть читатели сами прочтутъ трепещущія жизнью письма. Въ нихъ, конечно, много „историческаго“, характернаго именно для данной эпохи, и Гершензонъ, прекрасный знатокъ русской культурной исторіи XIX в., всюду заботливо отдѣиваетъ этотъ *couleur historique*. Но душа героев его хроники отразилась въ письмахъ съ такой интимностью, что они получаютъ иное, психологическое или надъ-историческое значеніе, какъ поэтическіе образы въ художественномъ произведеніи. (Н. Пиксановъ. „День“. 1914—103).

...Разсказчикъ-историкъ вводитъ насъ въ роскошный дворянскій цвѣтникъ, выросшій на крѣпостномъ навозѣ, въ эту сытую, грѣшную и пустую, но не во всемъ грѣшную и пустую жизнь. Было въ ней кое-что хорошее, а главное, и такое встрѣчалось, чему мы, люди болѣе и слож-

ного и нравственно-требовательнаго вѣка, не можемъ не позавидовать. Это—духовная цѣльность, съ которою жили и умирали такіе натуры, какъ главная героиня „Грибоѣдовской Москвы“; внутренняя и внѣшняя законченность словъ и поступковъ, свойственная только людямъ, выражающимъ собою нѣкую замкнутую, завершонную, успокоившуюся въ достигнутомъ величій культуру... (Н. Л. „Речь“. 1914—53).

...Читая книгу Г., прежде всего изумляешься его искусному перевоплощенію въ художника-хроникера, а потомъ ужъ соглашаешься, что его очеркъ—превосходный опытъ исторической иллюстраціи къ „Горе отъ ума“... (Н. Бродскій. „Рус. Вѣд.“. 1914—59).

...Читатель будетъ съ интересомъ, ни на минуту не ослабѣвавшимъ, слѣдить за лѣтописью долгихъ лѣтъ семейныхъ тревогъ и радостей, подмѣчая прелестные штрихи быта и психологизма и наслаждаясь тѣмъ ароматомъ подлинной старины, который такъ чудесно хранятъ въ себѣ старыя письма. Не часты бываютъ книги, такъ богатыя подобными впечатлѣніями, какъ книга о „Грибоѣдовской Москвѣ“. (Книжничекъ. „Киев. М.“. 1914—55).

397/8. Спенсеръ, Г. 92 (С)

Автобіографія. Перев. съ англ. подъ ред. и съ вступительными статьями проф. Л. Владимірова. Спб. 1914. Изд. „Просвѣщеніе“. Ч. I. 355 стр. Ч. II. 266 стр. Ц. за оба тома 2 р. 50 к.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что автобіографія такого человѣка, какъ Спенсеръ, имѣетъ огромный интересъ. Творецъ десяти томной „Синтетической философіи“, мыслитель, опередившій Дарвина въ созданіи эволюціоннаго міровоззрѣнія, главный представитель англійской философіи XIX вѣка,—такой человѣкъ, естественно, привлекаетъ вниманіе всего образованнаго міра, и желаніе заглянуть въ закулисную сторону жизни такого человѣка, желаніе узнать, какъ слагалось его міровоззрѣніе, слѣдуетъ считать вполне законнымъ...

Эта біографія знакомитъ насъ, между прочимъ, съ двумя интересными чертами жизни и характера С.: во-первыхъ, съ тѣми исключительно неблагоприятными условіями, при которыхъ работалъ знаменитый философъ; во-вторыхъ, съ его независимымъ, самобытнымъ характеромъ. Неблагоприятныя обстоятельства, при которыхъ работалъ С., не исчерпывались тѣмъ, что въ то время интересъ къ философіи въ Англіи былъ слабъ, книги С. приносили одинъ убытокъ, и нашъ философъ постоянно бѣдствовалъ и не разъ приходилъ къ убѣжденію, что ему придется прекратить печатаніе своего труда до его окончанія. Нѣтъ, ко всему этому присоединялось еще и плохое состояніе здоровья С.

...Самою выдающеюся чертою характера С. была его полная умственная самостоятельность: совершенное игнорированіе всякихъ авторитетовъ являлось основною чертою его характера съ самаго ранняго его дѣтства. Когда ему было 13 лѣтъ, его дядя, обучавшій его, началъ преподавать ему физику по учебнику Арно, но когда дѣло дошло до изложенія ученія объ инерціи, до „*vis inertiae*“, мальчикъ началъ спорить и доказывать, что и авторъ учебника, и дядя, оба ошибаются.

...Эта полная умственная самостоятельность является, конечно, драгоценнымъ качествомъ, характеризующимъ всякій дѣйствительно крупный умъ; однако у С. она, къ сожалѣнію, соединилась еще и съ умственной нетерпимостью: если какое-либо положеніе другого мыслителя казалось ему ошибочнымъ, онъ сразу отбрасывалъ его, не пытаясь выяснитъ себѣ того, путемъ какихъ соображеній и на основаніи какихъ данныхъ этотъ другой мыслитель пришелъ къ своему ошибочному, по его мнѣнію, выводу. Въ этомъ отношеніи характерна исторія чтенія С. „Критика чистаго разума“ Канта. Онъ говоритъ: „Я началъ читать эту книгу, но прочелъ немного. Я сразу же и навсегда отбросилъ ту теорію времени и пространства, которая считаетъ ихъ „только“ субъективными формами, принадлежащими исключительно нашему сознанию и не имѣющими внѣ его ничего, соответствующаго себѣ... Считаю автора логичнымъ и последовательнымъ, я думаю, что разъ его основные принципы ошибочны, то и все остальное не можетъ быть чѣмъ-нибудь хорошимъ. Поэтому я и бросилъ читать эту книгу“ (т. I, стр. 220—221).

Спенсеръ не только писалъ философскія книги, но былъ еще и изобрѣтателемъ, и инженеромъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, былъ и помощникомъ редактора одного журнала, и старшиной въ знаменитомъ Athenaeum Club'ѣ. Благодаря этому, онъ встрѣчался съ разнообразными лицами, и въ его автобиографіи дана нѣкоторая характеристика духовной жизни Англіи за время жизни автора (1820—1903 гг.); мы находимъ здѣсь также и изображенія многихъ выдающихся лицъ, съ которыми встрѣчался Спенсеръ. Дарвинъ, Милль, Бокль, Огюсть Контъ, Викторъ Гюго, Карлейль, Гексли, Тиндаль, Льюисъ, Дж. Эліотъ и нѣкоторые другія выдающіяся лица того времени болѣе или менѣе охарактеризованы Спенсеромъ въ его автобиографіи.

...Но, къ сожалѣнію, и новый переводъ, сдѣланный подъ редакціей проф. Владимірова, также является сокращеннымъ: изложеніе подлинника весьма часто замѣняется здѣсь краткимъ пересказомъ „своими словами“. Эти сокращенія тѣмъ болѣе непонятны, что они не могутъ быть оправданы даже экономіей мѣста, ибо, сокративши С., проф. В. счелъ нужнымъ прибавитъ свои размышленія, а именно: къ первому тому прибавлена статья проф. В.: „Автобиографія какъ предметъ изученія для самовоспитанія“, занимающая 121 стр., а ко второму прибавлена статья того же автора: „Значеніе автобиографіи Спенсера“, занимающая 30 стр. Обѣ эти статьи не имѣютъ никакого интереса. Къ этому нужно добавитъ еще, что переводъ и пересказы далеко не безупречны. [Указываются недостатки.] ...Этотъ переводъ не будучи особенно плохимъ, все-таки недостоинъ профессора и еще меньше достоинъ Спенсера. („Рус. Вѣст.“ 1914—4).

...Нитшеанскіе и декадентскіе круги много твердили о стилѣ личности, но практически осуществили эти мечтанія лишь всевозможными „стильными“ скандалами и безобразіями. Мало сказать, что подлинная стильная жизнь—тягота не для слабыхъ плечъ. Не всякій колоссъ стильно прожить сумѣетъ. Развѣ можно, напримѣръ, говорить про Льва Толстого, что вся его жизнь и все творчество скроены изъ одного куска? Будь такъ, великому писателю не пришлось бы

глубоко презирать цѣлыя полосы своей жизни и brakовать творчество прежней поры.

Люди, строго выдержанные въ одномъ стилѣ, великая рѣдкость. Встрѣтитъ такой типъ, удивиться, что не ошибся, скинешь почтительно шапку и замрешь съ вытаращенными отъ удивленія глазами. Стильный человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь ниже, вызываетъ и другія душевныя движенія; онъ немного пугаетъ своей однотонностью и временами вызываетъ глубокую жалость. Передъ нами С....

Мы, грѣшные, кое-какъ живемъ, а существованіе С.—какая-то отвлеченная формула жизни. Все въ ней тщательно взвѣшено на вѣсахъ разума, отсчитано, вымѣрено, пригнано въ надлежащее мѣсто и спаяно желѣзной логикой. Передъ нами не живой человѣкъ, а какой-то ходячій интеллектъ, напоминающій марсианина, изображеннаго фантазіей Уэльса. Много разнообразныхъ жизненныхъ условій способствовало выработкѣ интеллектуальной односторонности С. Детали его однобокой жизни прекрасны. Но интеллектуальный стиль С., взятый цѣликомъ, наводитъ ужасъ и не нуженъ человечеству въ качествѣ примѣра для подражанія. Ив. Кирѣевскій правъ: кто не повѣлъ жизни чувствомъ, тотъ не понялъ ее вполне. Безъ полнаго понятія прожилъ и С. Онъ ввелъ въ науку и прочно обосновалъ принципъ Непознаваемого, но бытія Божьяго съ ясностью крѣпко вѣрующаго человѣка никогда не ощутилъ. Это—самый существенный недочетъ въ жизни интеллектуальнаго праведника...

Автобиографію С. стоитъ прочесть. Она хорошо переведена, хотя издана дороговато. (Евг. Вороновъ. „Россія“. 1914—2542).

...Несмотря на увлеченіе редактора собственными мыслями и на сравнительно дорогую цѣну, книжка вполне заслуживаетъ вниманія... (Г. Ч.—ий. „Нижег. Листъ“. 1914—19).

О громадномъ теоретическомъ интересѣ и воспитательномъ значеніи исторіи развитія такой громадной индивидуальности, какъ С., говорить не приходится. Мы полагаемъ, что „Автобиографію“ полезно не только читать; но и изучать, особенно въ наше время, когда утратилось умѣнье жить, изсякъ вкусъ къ жизни, когда истомленные безвременьемъ люди ничтожными житейскія невзгоды такъ охотно разрѣшаютъ шестью золотниками свинца и цѣнистымъ кали... Статьи [проф. В.], въ общемъ проникнутыя гуманнымъ духомъ, мѣстами содержатъ положенія, которыя способны вызвать путаницу понятій. [Указ., что именно]... (А. Навлинъ. „Сиб. Жизнь“. 1914—77).

...Автобиографія С.—замѣчательный комментарий къ его произведеніямъ, дающій подсказку ключъ къ исторіи развитія его идей, но разсказа „о жизни“, если не свести всю „жизнь“ къ „мысли“, въ ней въ сущности нѣтъ. Вопреки проф. В., никакихъ портретовъ своихъ предковъ, да еще „художественныхъ“, С. въ автобиографіи не даетъ. С.—это воплощенная, какъ бы оторвавшаяся отъ жизни мысль, логически переходящая отъ одного положенія къ другому.

Человѣческая страсти, человѣческая душа, внѣ разсужденій о душѣ и о страстяхъ, какъ будто и не касаются его. Неудивительно, что С. остался холодакомъ, что онъ не испытывалъ страсти, не любилъ такихъ людей, какъ Карлейль, что онъ умеръ, измученный холодомъ своей логически безстрастной мысли. „Въ послѣдніе годы,—вы-

рывается у него крик отчаянія,—мысль, что безконечное пространство безъ начала и безъ причины существовало и будетъ существовать, вызвали во мнѣ чувство, приводившее меня въ содроганіе“.

Автобіографія С., помимо своего значенія, какъ комментарія къ „Синтетической философіи, цѣнна, какъ рѣдкій человѣческій документъ, свидѣтельствующій о трагедіи, если можно такъ выразиться, „чистаго“ интеллекта... Простые смертные будутъ удивляться силѣ и работоспособности его интеллекта, но въ его жизни они найдутъ мало для себя поучительнаго. Страницы ея читаются съ интересомъ и уваженіемъ къ автору, но „автобіографія“ не трогаешь, не увлекаешь, не возбуждаетъ ни любви, ни ненависти... (А. С. Изгоевъ. „Речь“. 1914—74).

Книгу эту... можно было бы рекомендовать безъ всякихъ оговорокъ, если бы не недостатки ея, обусловленные редакціей изданія... Совершенно излишенъ скучный и нарочито добродѣтельный наборъ мѣткихъ обт. „Автобіографія, какъ предметъ изученія и самовоспитанія“... Очеркъ „Г. Спенсеръ“ тоже совершенно излишенъ, такъ какъ это — блѣдный и схематическій пересказъ „Автобіографія“... („Жизн. Слово“. 1914—7).

НОВЫЯ КНИГИ.

Общія сочиненія [0]

1914. Верещагинъ, В. А. 002, 14:18“
Русская и иностранная книга XV—XIX вѣка. 1914. Спб., изд. Клуба Любит. Рус. Изыщ. Изданій. 129 стр. Съ иллюстр. Ц. 3 р.

1915. [. . . . .] 016:01
Библиотека Д. В. Ульянинскаго. Библиографич. описаніе. Т. II. Библиографія. 1913. М., изд. автора. Тип. П. П. Рябушанскаго. Стр. 411—1196. Ц. 5 р.

1916. Педашенко, А. Д. 016:63] „1910“
Указатель книгъ, журнальн. и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1910 г. 1913. Спб., изд. Главн. Упр. Земледѣл. и Землеустр. XV+545 стр. Ц. 2 р.

1917. Мамонтовъ, И. И. 016:632] „1911“
Библиографическій указатель сочиненій и статей о болѣзняхъ и поврежденіяхъ культурныхъ растений за 1911 г. 1914. Спб. Тип. М. Меркушева. 48 стр. Ц. 25 к.

1918. Робертсъ. 087.1
Четвероногій Робинзонъ. Пер. съ англ. В. Гатцука. 1914. М. Изд. журн. „Юная Россія“. 160. 24 стр. Ц. 5 к.

1919. Соловьева, П. (Allegro) 087.1
Головоломка. Библиотека „Тропинки“. Подъ ред. П. Соловьевой и Н. Манасеиной. 1914 М., Изд. Т-ва И. Д. Сытина. 79 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

1920. Соловьева, П. (Allegro) 087.1
Приключенія Кроли. 1914. Спб. Изд. „Тропинка“. 63 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

1921. Шведеръ, Е. 087.1
Лѣто красное.—Деш. библ. для семьи и школы. 1914. М., Изд. ред. журн. „Юная Россія“. 64 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

1922. Лазаревскій, Ив. 09

Среди коллекціонеровъ. 1914. Спб., изд. А. И. Грамматикова. 172 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Рѣдкия русскія изданія. [О собирателяхъ книгъ. Коллекціонированіе русскихъ иллюстр. изданій. Книжныя рѣдкости. Военныя книги. Книги о масонствѣ. Книги, посвященныя театру. Бродячіе антиквары—книжники. Вукинистъ Н. В. Герасимовъ.] Русская мебель. Фарфоръ. Памятники прошлаго [плетенки изъ волосъ].

Философія [1]

1923. Вундтъ, В., проф. 15

Основы физиологической психологіи. Пер. подъ ред. А. А. Крогуса, А. Ф. Лазурскаго и А. П. Нечаева. Т. III. Вып. XVI. О теченіи и связи душевныхъ процессовъ. Психическія соединенія. Аномалія сознанія. 1914. Спб., изд. П. П. Соикина. Стр. 371—786. Съ портр. Ц. 4 р. 50 к.

1924. Безантъ, А. 17

Путь къ посвященію и совершенствованіе чловѣка. Пять лекцій, прочитан. Б. въ Лондонѣ, въ мартѣ 1912 г. Пер. В. Пушкиной. 1914. Спб., изд. жур. „Вѣст. Теософіи“. 50 стр. Съ портр. Безантъ. Ц. 45 к.

Содержаніе: Мирянине.—Первые шаги. Исканіе Учителя. Обрѣтеніе Учителя. Христова жизнь. Христосъ торжествующій и работа Іерархін

1925. Шагинянь, М. 17

Двѣ морали. 1914. М., кн-во „Альціона“. 42 стр. Ц. 40 к.

Изъ брошюры: „... не только образъ дѣйствій, но и самое благо понимается различно и видится неодинаково, смотря потому, глядѣть ли на него одинъ чловѣкъ за свой собственный страхъ и рискъ, либо родовое существо, обремененное кровавыми узами...“

1926. [. . . . .] 179.3

Естественная жизнь и вегетаріанство. Первый Альманахъ Москов. Вегетаріан. О-ва. Подъ ред. П. И. Барюкова и Н. Н. Гусева. 1914. М., скл. изд. Моск. Вегет. О-во (Газетный л., 12). 196 стр. Съ иллюстр. Ц. 75 к.

Содержаніе: Отъ редакціи. Четыре письма Л. Н. Толстого о вегетаріанствѣ. Л. Н. Толстой о вегетаріанствѣ и естественной жизни. (Изъ записокъ Д. П. Маковидкаго). Дворъ смерти. (Очеркъ петербург. бойни). С Радаева. Легенда о Францискѣ Ассизскомъ. Междунар. Вегетар. конгрессъ въ Гаагѣ Вегетаріанство во Франціи. Секреть здоровья. Д-ра де-Фореста. Въглужское тѣло. (Народн. легенда) Л. Зилова. Апостолъ простой и свободной жизни Г.-Д. Торо. (Биографич. очеркъ) Х. Досева. Недоѣданіе, переѣданіе и постъ. Д-ра И. Теодорова. Памяти Ж.-Ж. Руссо. (Къ 200-лѣтію со дня рожденія) Х. Уилльямса. Вредъ алкоголя. Д-ра И. Теодорова. Междунар. Союзъ Эсперант.-Вегетар. А. Н. Шараповой. Исторія Моск. Вегетар. О-ва. Хроника вегетар. движенія въ Россіи за 1912 г. Адреса вегетар. столовыхъ въ Россіи. Лѣчебницы съ вегетар. столомъ. Адреса главнѣйш. вегетар. столовыхъ и санаторій за границей. Открытіе Народной Вегетар. столовой въ Москвѣ. Л. Д. Николаевой.

Религія [2]**1927. Лундбергъ, Е.** 2(04):891.7.09

Мережковский и его новое христианство. Приложение: Религія и лирика несвободной души. (З. Н. Гиппиусъ). 1914. Спб., скл. изд. въ кн. маг. О. Н. Поповой. 192 стр. Ц. 1 р.

Изъ книги: "... подчиненіе разуму—„блудница“, по выраженію Лютера,—подчиненіе традиціоннымъ идеямъ европейской будничной культуры привело М., несмотря на пророческую вѣщность его писаній къ религіозному вырожденію и недѣланію—къ злѣйшимъ врагамъ великаго духа религіозной пытливости". „Есть писатели, которымъ нельзя обойтись безъ религіи, какъ хромоту безъ костылей. Печально лишь то, что для Г. костыли стали символомъ движенія и что она отдала едва ли не всѣ свои творческія силы малоинтересному дѣлу принсканія возможно-удобныхъ костылей. Подобно М., она раздѣлила міръ на двѣ неравныя половины. Въ одной—ищу, иду, нѣжность, любовь, жизнь, смыслъ. Въ другой—пыль, смерть, горечь, плѣнь, пѣвкое и липкое. Въ одной—ея надежда и вѣра. Въ другой—паденія и раскаянія. По существу дѣла подобное раздѣленіе оснований не имѣетъ: разъ есть паденія и раскаянія, значитъ пыль и смерть любезны не одному только вѣшнему, навязанному повтесѣ судьбой миру, но и ея душѣ".

1928. Бруно, Дн. 21

Изгнаніе—Торжествующаго звѣря, [предложенное Юпитеромъ, выполненное Совѣтомъ, возвышен. Меркуріемъ, рассказан. Софією, выслушан. Саулиномъ записаномъ Ноланцемъ, въ трехъ діалогахъ, подраз. на три части]. Пер. и примѣч. Алексія Золотарева. 1914. Спб., изд. „Огни". 224 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к. Съ прилож. перечня произведеній В. и краткой библиографіи. о В. (на рус. и иностр. яз.).

Изъ предисловія: Въ книгѣ В. естественнѣ всего вылилась проповѣдь новой религіи человѣчества, религіи разума и борьбы за свободу мысли и совѣсти, проповѣдь, поставившая В. на историч. грани, какъ творца и вдохновителя новой философіи и культуры".

1929. Березкинъ, Д. М. 22:58

Библейская флора. Наглядное пособіе при чтеніи и изученіи Вибліи. 1914. Спб., изд. Я. Вашиакова и К^о. 49. VIII+174 стр. Съ табл., 159 рис. и карт. Ц. 5 р.

Соціальныя науки [3]**1930. [. . . . .]** 301 (082)

Новыя идеи въ социологіи. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти. Сборникъ № 4. Генетическая социологія I. 1914. Спб., изд. „Образованіе". 136 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисловіе. А. Л. Погодинъ. На грани животнаго и человѣческаго. Н. Д. Кондратьевъ. Г. Куновъ о происхожденіи и развитіи религіи. П. А. Сорокинъ. Э. Дюркгеймъ о религіи. М. М. Ковалевскій. Обособленіе дозволенныхъ и недозволенныхъ дѣйствій. А. Бруно. Къ вопросу о происхожденіи семьи.

1931. Villari, L. 308(45)

Италія. (Italian life in town and Country). Пер. съ англ. А. И. Анекштейна. Съ 51 рис.—Страны

Зап. Европы. Т. 1. — 1914. М., изд. „Образов. Экскурсія". 222 стр. Съ XXVII табл. иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Населеніе. Аристократія. Средній классъ. Финансовое и экономич. состояніе Итали. Домашняя жизнь и положеніе женщины. Политич. жизнь. Религіозн. жизнь. Армія и флотъ. Граждан. служба. Земледѣльч. населеніе. Промыслы и эмиграція. Мѣстное управленіе. Судъ и полиція. Народн. образованіе. Народа. развлеченія. Литература и пресса. Современ. живопись и музыка.

1932. Витте, С. Ю. 32

По поводу непреложности законовъ государственной жизни. 1914. Спб., тип. Брокгауза-Ефронъ. II+IV+376 стр. Ц. 2 р. 50 к.

1933. Петровъ, С. 323.1:(X)92.4

Правда и ложь объ евреяхъ. 1914. Спб. изд. „Прибой". 32 стр. Ц. 3 к.

1934. Вошининъ, В. 325(47)

Очерки Новаго Туркестана. Свѣтъ и тѣни русской колонизаціи. 1911. Спб., тип. „Нашъ Вѣкъ". 86 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

1935. Миліо, Э., проф. 33(01)

Общественная экономія. (Наука о публичномъ хозяйствѣ). Предметъ. — Методъ. — Программъ работъ. Пер. съ франц. В. Попова, подъ ред. и съ предисл. М. Д. Заграцкова. 1914. М., кн-во „Трудъ". 124 стр. Ц. 20 к.

Изъ предисловія: „Быть можетъ, построенія М. не всегда оригинальны, но принятая имъ и въ значительной мѣрѣ осуществленная попытка дать точное определеніе обществен. хозяйства, какъ объекта самостоят. дисциплины, и намѣтить методы его изслѣдованія заслуживаетъ вниманія всѣхъ, кто теоретич. или практич. интересуется вопросами социальной экономіи".

1936. Рудинъ, П. 331(47)

Законодательство и жизнь. Забѣтки и статьи по приказничьему вопросу. 1913. Петропавловскъ, Акмол. обл., скл. изд. въ кн. кіоскѣ И. Н. Зайцева. 94 стр. Ц. 30 к.

Содержаніе: Предисловіе. Шагъ назадъ (вѣсколько словъ по поводу законопроекта „Объ обезпеч. норм. отд. служ. въ торг. зав., скл. и конт."). Уступка жизни. (Воскр. и праздн. отдыхъ въ думской комиссіи по город. дѣламъ) Въ одной изъ стадій. (Норм. отдыхъ торг.-пр. служ. въ с.-д. фракціи Гос. Думы). Волчьи аппетиты. Въ пленумѣ Думы. Законодат. и жизнь. (По поводу законопроекта о наймѣ торг. служ.). Приложение: Врем. правила объ обезп. норм. отдыха служ. въ торг. зав., скл. и конт. Высоч. утвержд. полож. Совѣта Мин. (Дополн. къ закону 15 нояб. 1906 г.). Огъ автора.—Библиографія по приказч. вопросу.

1937. Виленцъ-Горовицъ, Е. В. 331:396

Женская фабричная инспекція. 1914. Спб., тип. Б. Вольфа. 20 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

1938. Витгерсъ, Г. 332

Денежный рынокъ. Пер. съ англ. А. Р. Орбинскаго. 1914. Одесса, скл. изд. у „Матезистъ". XVI+280 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Введеніе. Звонкая монета. Бумажныя деньги. Вексель. Созданіе кредита. Лондонъ, какъ міровая расчетная палата. Чекоплатные (коммерч.) банки. Вексельные маклера и дисконтные дома. Акцентн. конторы и иностр.

банки. Вексельные курсы. Английский банк. Официальн. и частный учет. Отчеты Английск. банка. Золотой запас. Другие резервы. Итоги и заключение.

1939. Меркуловъ, А. и Хейсинъ, М. 334

Кооперативная пропаганда и культурно-просветительная работа въ кооперативахъ. (Уставы, инструкции, законы, литература и пр.). 1914. Спб., тип. Л. Ганзбурга. 64 стр. Ц. 30 к.

1940. Зомбартъ, В. 338(43), 18*

Исторія экономического развитія Германіи въ XIX вѣкѣ. (Исторія по эпохамъ и странамъ въ средние вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карбева и И. В. Лучицкаго). Перев. съ нѣм. М. А. Лихарева и со вступит. замѣткою проф. А. А. Кауфмана. Вып. II и послѣдній. 1914. Спб., изд. Брокгаузъ и Ефронъ. 257+548 стр. Ц. 1 р. 50 к.

1941. Тютчевъ, А. П. 343:63

Правила о потравахъ и другихъ поврежденіяхъ земельныхъ угодій. (Сводъ зак. т. XII ч. 2. Уст. Сел.-Хоз. ст. ст. 164—188, изд. 1903 г. и по прод. 1912 г.). 1914. Спб., изд. кн. маг. В. П. Анисимова. VI+112 стр. Ц. 50 к.

1942. Робунъ, Евг., част. пов. 343.1

Новый мировой судъ и новое въ его судопроизводствѣ. Вып. I. Гражданскія дѣла. 1914. Харьковъ, скл. изд. у автора. (Молочная, 47). 48 стр. Ц. 25 к.

Содержаніе: Мировые судьи и ихъ сѣзды. Нововведенія въ производствѣ граждан. дѣлъ. О понудит. исполненія по актамъ. О внесеніи предмета обязат. въ судъ на храненіе. О продажахъ предмета обязат. съ публич. торга. Объ уничтоженій довѣренности. О вводѣ во владѣніе недвиж. имѣніемъ. Приложенія: такса вознагражд. судебн. приставовъ и разсылн. О засвидѣт. явки актовъ.

1943. Маклаковъ, В. А. 343.1:296

Убийство А. Юшинскаго. Рѣчь въ Кіевскомъ Окр. Судѣ 25 окт. 1913 г. (По стенографич. отчету). 1914. Спб., скл. изд. кн. маг. „Законовѣдѣніе“ И. И. Зубкова. 87 стр. Ц. 25 к.

1944. Кlementьевскій, Н. М. 347.235

Городской земельный инвентарь. 1914. М., изд. „О-ва русск. земледѣльцовъ“. 108 стр. Ц. 1 р.

1945. Цыпкинъ, П. С. 347.62(47)

Законъ 12-го марта 1914 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ дѣйствующихъ узаконеній о личныхъ имуществен. правахъ замужнихъ женщинъ и объ отношеніи супруговъ между собою и къ дѣтямъ. Съ разъясн. и комментаріями, извлеченными изъ законодат. мотивовъ и научныхъ трудовъ и статей по граждан. праву. 1914. Спб. изд. кн. маг. „Законовѣдѣніе“ И. Зубкова. VIII+114 стр. Ц. 80 к.

1946. Вольскій, В. 351.751

На пути къ свободѣ слова. 1914. Спб., изд. „Наканунъ“—Обществ. вопросы. № 2. 48 стр. Ц. 10 к.

Содержаніе: Деспотизмъ и свобода слова. Способы обузданія печати при Наполеонѣ I. Гоненія на печать при Людовикѣ XVIII. Мѣры противъ печати при Луи-Филиппѣ и Наполеонѣ III. Современ. законодат. о печати Франціи и Германіи. Положеніе печати въ Россіи. Правила 6 апр. 1865 г. 1905-ый г. Правила 25 нояб. 1905 г. Обяз. постановленія. Новый факторъ. Законопроектъ о печати: порядокъ выпуска

периодич. изд. Образоват. цензъ для редакторовъ. Ухудшен. предварит. цензура. Тайна. Печатаніе отчетовъ о засѣдан. законодат. палатъ. Судебн. отвѣтств. Кого судятъ? За что судятъ и караютъ? Кто и какъ судятъ и караютъ? Давность. Кары. 1947. Вишнякъ, М. В. 354

Къ вопросу о судебной отвѣтственности министровъ. (Отд. отд. изъ № 1—2, 1914 г. „Юридич. Зап.“, изд. Демид. Юрид. Лицеумъ). 1914. Ярославль, тип. Губерн. Правл. 78 стр. Ц. не обозн.

Изъ книги: „Ради того большого, что несетъ съ собою требованіе политич. отвѣтств. министровъ, облакающееся въ привлекательную форму желательнаго наклоненія, не слѣдуетъ пренебрегать благами, которыя можетъ представить судебная отвѣтств., обремененная въ простое изъяснит. наклоненіе и представляющее въ тоже время „одну изъ лучшихъ гарантій, которыя можно дать народу, желающему быть свободнымъ и мирно пользоваться своими правами“, какъ выразился объ этомъ институтѣ его франц. апологетъ Паскаль Дюпра“.

1948. Орловъ, Ф. 355(47)

Павловскій и екатерининскія гренадерки и л.-гв. С.-Петербургскій полкъ. Историч. справка 1914. Варшава, тип. „Рус. О-ва въ Варшавѣ“. Изд. 2-ое. 84 стр. Ц. 75 к.

1949. Шульцъ, Г. 368(42:47)

Страхование въ Англіи и у насъ. 1914. Спб., Изд. „Прибой“. 16 стр. Ц. 2 к.

1950. Эртли, Эд. 371.73

Народная школа и трудовое начало. (Перераб. изд. работы, удостоен. награды Цюрихскимъ кантон. воспитат. совѣтомъ). Авториз. пер. съ нѣм. изд., издани. „Швейцар. союзомъ для расширенія ручного труда среди дѣтей“ по случаю 25-лѣтія его существованія. 1914. Спб., изд. газ. „Школа и Жизнь“. 82 стр. Ц.

Изъ предисловія автора: „Эта книга разсматриваетъ школьную реформу отнюдь не съ партійной точки зрѣнія сторонниковъ „ручного труда“. Признавая высокое значеніе практич. воспитанія, она, однако, не хочетъ забыть объ огромномъ значеніи, которое имѣютъ физич., нравств. и умственное воспитаніе. Эта книжка ставитъ свою цѣль твердо установить общія положенія трудового начала. Практич. примѣненіе его указано на различныхъ примѣрахъ“.

1951. Новорусскій, М. В. 372.

Что дѣлать народному учителю. Руководство къ оборудованію своей школы. 1914. Спб. Тип. М. Александрова. 143 стр. Съ рис. Ц. 85 к.

1952. Успенскій, М. И. 372(47.41)

Начальное народное образованіе въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ. Статистич. очеркъ. 1914. Спб., Коммерч. скоропечатня. 54 стр. Ц. не обозн.

Чистыя науки [5]

1953. Личковъ, Б. 5(01)

Границы познанія въ естественныхъ наукахъ. 1914. Кіевъ, кн-во И. И. Самоненко. 260 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Естествознаніе и философія. (вмѣсто введенія).—Механич. пониманіе природы и агностицизмъ. Естество-научное образованіе понятій. Законы природы и факты въ естеств. наукахъ. Качество и количество въ естеств. наукахъ. Символизмъ въ естеств. наукахъ. „По-

свідня объяснительная наука" и механич. пониманіе природы. Энергетич. пониманіе природы и его критика. Естествознаніе и гипотеза. Гипотеза, аналогия и модель. Описаніе и объясненіе въ естеств. наукахъ. Науки генерализующія и науки индивидуализирующія.

1954. [. . . 5(07)(082)
Естествознаніе въ школь. Неперіод. изд., выход. подъ общей ред. проф. В. А. Вагнера и В. Е. Райкова. Сборникъ № 6. Общіе вопросы преподаванія естествознанія. II. 1914. Спб., изд. "Образованіе". 140 стр. съ портр. А. Я. Герда. Ц. 80 к.

Содержаніе: Л. Н. Никонъ (Спб.) А. Я. Гердъ. Біографич. очеркъ. В. Е. Райковъ (Спб.) А. Я. Гердъ и школьное естествознаніе. Г. Кершенштейнеръ (Мюнхенъ). Образоват. значеніе естествознанія и положеніе его въ организаціи школы. А. Черни (Страсбургъ). Значеніе естествозн. въ современной культурѣ. Л. С. Свѣрукъ (Спб.). Къ исторіи реставраціи естествозд. въ русской средней школѣ. Ф. И. Альдингеръ (Кіевъ). Рисованіе въ преподаваніи естествозн. А. Пабстъ (Лейпцигъ). Значеніе лѣпки для преподаванія естествозн. Л. Вундеръ. Изъ записной книжки преподавателя естествознанія.

1955. [. . . 51(082)
Новыя идеи въ математикѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. засл. проф. А. В. Васильева. Сборникъ № 9. Начала геометріи. I. 1914. Спб., изд. "Образованіе". 172 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Ф. Эриксъ. Начала геометріи. (Пер. П. Юшкевича): Введеніе. Элементарное направленіе. Начало теоріи континуума и проективной геометріи. Проективная метрика. Принципы общей метрики. Отношенія связности неограниченныхъ пространствъ. Неархимедова геометріи. Примѣчанія.

1956. Смирновъ, Е. И. 52(075)
Юный астрономъ. 1914. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 107 стр. 2 порт. и рис. Ц. 30 к.

1957. [. . . 52(082)
Новыя идеи въ астрономіи. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. А. А. Иванова. Сборникъ № 6. Марсъ и его каналы. 1914. Спб., изд. "Образованіе". 146 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Отъ редакціи. П. Ловелль. Двойные каналы Марса въ 1903 г. Бронтеъ. Исслѣдованіе развитія Марсова "канала". Дж. Эвансъ и Э. Маундеръ. Опытъ противъ реальности каналовъ Марса. С. Ньюкомбъ. Оптическое и психологич. принципы, необходимыя при истолкованіи т. наз. каналовъ Марса. Ж. Маскаръ. Проблемы Марса. Антониади. Физическій видъ планеты Марса. С. Арреніусъ. Физич. условія на планетѣ Марсъ.

1958. Бавъ, К. Л. и Высотскій, А. Н. 52(084)
Атласъ картинъ по астрономіи. Съ объяснит. текстомъ. 1914. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 40. 20 стр. Съ 36 табл. картинъ. Ц. 2 р. 50 к.

1959. Васнецовъ, М. 523.7
Солнечное затмѣніе 8 августа 1914 г. 1914. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 43 стр. Ц. 35 к.

1960. Вейнбергъ, Б. П., проф. 531
Движеніе безъ тренія. (Безвоздушный электрич. путь). [Публич. лекція, прочит. въ Спб. 31 марта 1914 г.] 1914. Спб., кн-во "Естествоиспытатель". 56 стр. Ц. 50 к.]

1961. Клоссовскій, А. В., проф. 551.5(02)
Основы метеорологіи. 1914. Одесса, изд. "Матезисъ", 2-е перераб. и доп. ХХІІІ+511+8 стр. Ц. 4 р.

1962. Гребнеръ, П. 58
Географія растений. Переводъ съ передѣлками и дополн. проф. М. Голенина. 1914. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ. VIII+419 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

1963. Гуринь, Г. И. 591.4
Анатомія домашнихъ животныхъ. Руководство для сельско-хозяйств. завед. 1914. М. Изд. т-ва "Агрономъ". 377 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 25 к.

1964. Бау, А. 595.7(4)
Опредѣлитель жуковъ Средней Европы. Пер. съ нѣм. похъ ред. В. М. Шица съ предисл. проф. Н. А. Холодковского. 1914. Спб., изд. А. Ф. Девриена. VII+585 стр. съ рис. Ц. 2 р. 75 к.

1965. [. . . 598.2(024.7)
Птицы. Краткое руководство для перваго знакомства съ главнѣйшими нашими птицами съ одной раскрашенной таблицей, для учащихся и самообразованія. Подъ ред. В. В. Станчинскаго. 1914. М., изд. І. Кнебель. 59 стр. Ц. 1 р.

1966. Богдановъ, М. Н., проф. 598.2(47)
Наши полезныя птицы. Первое знакомство съ родными птицами. Рис. Р. Шнейдера. 1914. М., изд. А. Д. Ступина. 78+2 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Прикладныя науки [6]

1967. [. . . 61(082)
Новыя идеи въ медицинѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. А. М. Левина, при близ. участіи проф. Л. В. Блуменау, проф. А. А. Кадьяна, д-ра Е. С. Лондона и акад. И. П. Павлова. Сборникъ № 2. Анафилаксія. 1914. Спб., изд. "Образованіе". 134 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: П. Курмовъ. Анафилаксія. Ж. Мине и Ж. Леклеркъ. Практич. приложенія анафилаксіи: Предисловіе. Введеніе. Приложеніе анафилаксіи къ патогенезу нѣкоторыхъ болѣзн. состояній, къ распознаванію нѣкоторыхъ болѣзн. Антианафилаксія. Приложеніе анафилаксіи къ судебной медицинѣ. С. И. Златогоровъ. Объ антанафилаксіи.

1968. Villiger, Emil. 611
Головной и спинной мозгъ. Руководство къ изученію морфологіи и хода волоконъ. Пер. съ нѣм. М. Авикина и А. Мокроусова, подъ ред. проф. И. Ф. Огнева и д-ра Э. В. Шмидта. Съ 232 рис., отчасти въ краскахъ. 1914. М., тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. VII+288 стр. Ц. 3 р. 75 к.

1969. Никитинъ, А. Ф., д-ръ. 613(074)
Руководство къ составленію учебнаго музея по гигіенѣ. 1913. Спб., изд. Э. И. Блэкъ. 57 стр. Ц. 50 к.

1970. Золотницкій, В. Н., д-ръ. 613.5(47.8)
Путеводитель кумысника. Подробное описаніе кумысо-лечебн. санаторій, заведеній, деревень и др. мѣстъ Самарской, Уфим., Оренб. и Пермской губ. и нѣкот. др. мѣстъ. 1914. Ниж.-Новг., изд. 3-е, испр. и доп., скл. изд. у автора. Съ картами и 58 иллюстр. Ц. 75 к.

Содержаніе: Отъ автора. О соврем. положеніи кумысолѣченія на юго-востокъ Россіи.— Уфимская губ.; деревни и поселки долины р. Демы, Самарская и Оренбург. губ. (Тургайская

обл., Астрах. губ.) Пермская губ. (Сибирские санатории и курорты. Санатории: Саратов., Воронеж., Волын., Витеб., Гродн., Вилен., Войска Донск., Кавказа, Киев., Харьк., Тамб., Новгор., Любл. губ. и под Москвой). Приложение: О показаніях и противопоказаніях при употребленіи кумыса.

1971. Jahr, R., dr. 616

Болезни мочевых органов съ обращеніемъ особаго вниманія на ихъ распознаваніе и леченіе. Пер. съ нѣм. съ примѣч. д-ра С. И. Лукомича. Съ предисл. д-ра В. Н. Хольцова. 1914. Спб., изд. журн. „Медиц. Современ.“. X+344 стр. Съ 140 рис. Ц. 3 р.

1972. Семеновъ, В. П., д-ръ. 616

Руководство къ практическимъ занятіямъ по изслѣдованію мочи для клиническихъ цѣлей. Съ предисл. проф. Г. Ю. Яв-яна. 1914. Спб., тип. „Грамотность“. XIV+167 стр. Съ 74 рис. и 3 табл. Ц. 1 р. 50 к.

1973. West Samuel, проф. 616.2

Болезни органовъ дыханія. Въ двухъ томахъ. Томъ II. Пер. со 2-го пересмотр. англ. изд. В. Михайлова. 1914. Спб., изд. журн. „Медиц. Современ.“. 490—1013 стр. Съ рис. и диаграм. Ц. 4 р.

1974. Fehling, H., пр., и Franz, K., проф. 618.1

Учебникъ женскихъ болезней. Перев. съ нѣм. д-ра А. В. Залкина. 1914. Спб., изд. журн. „Медиц. Современ.“. XIV+463 стр. Съ 222 рис. Ц. 4 р.

1975. Гауберъ, В., проф. 620.1

Сопровожденіе матеріаловъ. Авториз. пер. съ послѣдн. нѣм. изд. инж. А. Н. Арделя (Русское изд. „Sammlung Göschel“). 1914. Рига, изд. „Наука и Жизнь“. 160. 139+2 стр. съ 1 черт. 7 табл. Ц. 65 к.

1976. Корвинъ, А. В. 621.3

Что слѣдуетъ знать объ электрич. освѣщеніи въсѣмъ, желающимъ его установить и абонентамъ электрич. станцій. (Огд. огт. изъ журн. „Уральскій Техникъ“, №№ 7—9 за 1913 г.). 1913. Екатеринбургъ, изд. О-ва Урал. горн. техн. 34 стр. Ц. 40 к.

1977. Шевлягина, Н. 628.1

Вода и ея значеніе для человѣка. Съ 4 рис. въ текстѣ. 1914. Спб., кн-во „Жизнь и Знаніе“—Общедост. библи., кн. 4. 69 стр. Ц. 20 к.

Содержаніе: Вода необходима для человѣка. Загрязненіе воды. Питьевая вода можетъ разносить заразу. Микробы. Воду можно очистить. Городскую грязь тоже очищаютъ. Въ деревняхъ о питьевой водѣ заботятся меньше, чѣмъ въ городахъ.

1978. Ростовцевъ, В. Н., инж. 628.36

Подземныя воды. Руководство къ отысканію ихъ. 1914. Спб., изд. А. Ф. Девриена. IV+92 стр. Съ 55 черт. Ц. 60 к.

1979. Модестовъ, А. Р. 63(47.7)

Главные вопросы южно-русского земледѣлія. (По многолѣтнимъ работамъ опытныхъ учреждений). Съ предисл. проф. В. Р. Вильяма. 1914. М., изд. т-ва „Агрономъ“. 224 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

1980. Грачевъ, М. 631

Удобреніе и обработка почвъ. Руководящія начала земледѣлія, основанныя на свойствахъ почвъ и требованіяхъ, предъявляемыхъ къ нимъ сельско-хозяйств. растеніями. 1913. Спб., изд. А. Ф. Девриена. 94 стр. Съ 33 рис. Ц. 50 к.

1981. Вальта, Ф. И. 632

Кли, какъ средство защиты растеній отъ различныхъ поврежденій. 1914. Спб., изд. журн. „Рацион. Удобреніе“. 59 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

1982. Станкевичъ, А. К. 634

Интенсивное промышленное плодоводство. 1914. Спб., изд. А. Ф. Девриена. VIII+95 стр. Съ 27 рис. Ц. 70 к.

1983. Клинге, А. Г. 66(03)

Сборникъ техно-химическихъ рецептовъ. Вып. II. Покрытіе поверхности металловъ, дерева и др. матеріаловъ: лаки, полатура, замазки, клеи, сплавы, пластическія массы, зеркала. 1914. Спб., изд. К. Л. Риккера. 160 стр. Ц. 1 р. 40 к.

1984. [. . . . .] 666

150 лѣтъ Никольско-Бахметьевскаго хрустальнаго завода кн. А. Д. Оболенскаго. Описаніе исторіи завода и краткій очеркъ о развитіи стекляннаго дѣла въ Россіи. 1914. Спб., изд. „Постоян. бюро съѣздовъ стекло-заводч.“ 40. LI+322 стр. Съ иллюстр. Ц. 6 р.

1985. Бобринской, А. А., гр. 674(47)

Народныя русскія деревенскія издѣлія. Предметы домашняго, хозяйств. и отчасти церковнаго обихода. Вып. XII (дополнит.). 1914. М., скл. изд. у автора (М. Никитская ул., 12). 40.8 стр. Съ 37 табл. рис. Ц. 5 р.

1986. Кэртингъ, И. 697

Отопленіе и вентилляція. I. Сущность и разсчета оборудованія отопленія и вентилляція. Авториз. пер. съ послѣдняго нѣм. изд. инж. В. Каценельсона. („Русское изданіе „Sammlung Göschel“). 1914. Рига, изд. „Наука и Жизнь“. 160. 179 стр. Ц. 65 к.

Изящныя искусства [7]

1987. [. . . . .] 7(04)

Объ искусствѣ и художникахъ. Размышленія отшельника, любителя изящнаго, изданныя Л. Тикомъ. Переводъ съ нѣмецкаго [С. П. Шевырева, В. П. Титова и Н. А. Мельгунова] Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1826.— Съ послѣслов. и примѣч. П. Н. Сакулина. 1914. М., кн-во К. Ф. Некрасова. VI+308+XVIII стр. Ц. 90 к.

Изъ послѣсловія Сакулина: „...Этой книгѣ суждено было сыграть немалую роль и въ исторіи русскаго романтизма. ... (Указывая важнѣйшую литературу для самостоят. изученія направленій первой четверти XIX в., Н. А. Котляревскій вслѣдъ за художествен. произведеніями нѣмецк. литературы конца XVIII в. усиленно рекомендуетъ именно книжку В.)“.

1988. [. . . . .] 708(47.31М)

Москва въ ея достопримѣчательностяхъ.— Библиотека „Экскур. Вѣстн.“, подъ ред. С. И. Гинтовта и И. Н. Бороздина. 1914. М., изд. журн. „Экскур. Вѣстникъ“. 160. 23+37 стр. Съ иллюстр. Ц. 5 к.+10 к.

Содержаніе: № 1. В. К. Трутневскій. Оружейная палата. № 2. Н. и В. Щербаковы. Историческій музей.

1939. Фарбманъ, М. 72(45)

Архитектура Итальянскаго Ренессанса. Съ 41 иллюстр. въ текстѣ и 1 табл. на отд. листѣ.— Энциклопедія искусствъ въ иллюстр. монографіяхъ—Итальянск. Ренессансъ. 1914. Спб., скл. изд. „Градуцій день“. 88 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Отъ редакціи. Введеніе. Характеръ, конструктивн. система и декоративн. формы Ренессанса. Ранній Р. (І. Архитектура Тосканы. ІІ. Архитектура Верхней Италии и Венеціи). Высокій Р. Поздній Р.

1990. Копъ, М. 782

Рихардъ Вагнеръ.—„Нюрнбергскіе мастера пѣвнѣ“. Музыкальная драма въ 3-хъ дѣйств. Историко-сценический и музыкальный разборъ съ многочисленными нотными примѣрами. 1914. Спб., изд. „Музыка“. 160. 130 стр. Ц. 60 к.

1991. Келлерманъ, Б. 793(52)

„Сасса-іо-ясса“! Японскіе танцы. Авториз. пер. съ вѣм. А. Даманской. 1914. Спб., изд. М. Гутцаца. 160. 142 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

1992. Гончаровъ, А. 794(02)

Краткій учебникъ шахматной игры. 1914. Спб., изд. Спб. Шахматнаго Собранія. V+231 стр. Съ портр. Ц. 2 р.

Литература [8]

1993. [. . . . .] 8—8

Литературные альманахи „Жатва“. Кн. V. Обложка Милицы Подгоричани. 1914. М., ред. А. А. Смирновъ (Арбатъ, 18). 358 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Стихи: К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, Г. Эрарда, Н. Бернера.—Г. Чулковъ. Сатана. (Повѣсть). Вас. Сахновскій. Холодный домъ. (Разсказъ). Е. Курловъ. Палачъ. (Психол. этюдъ).—Критика (литер. и научная): Н. Львова. Холодъ утра. (Нѣсколько словъ о женскомъ творчествѣ). Е. Архиповъ. Грааль печали. (Лирика Е. А. Боратынскаго). Ю. Соболевъ. У истоковъ творчества. (Письма А. П. хова). А. Булдѣевъ: (Н. Львова. Старая сказка. Н. Крандѣевская. Стихи). Н. Бернеръ: (В. Ходасевичъ. Счастливый домикъ). А. Альвингъ: (И. Анненскій. Оамира Киваредъ. В. Эльсверъ. Выборъ Париса и Пурпуръ Киверъ. „Бюллетени литературы и жизни“). Г. Кузскій: (В. Шершеневичъ. Сатмина). К. К.: (В. Шершеневичъ. Экстравагантные флаконы и др. дебюты кн-ва „Мезонинъ Поэзій“). Е. Вишняковъ: (Вѣйна и миръ.—Сборн. памяти Л. Н. Толстого. Французъ въ Россіи.—По восп. соврем. иностр.). Б. Романовъ: (Медиц. микробиология для врачей и студ.).—Евг. Архиповъ. Библиографія Ив. Анненскаго. Театръ: Е. Наумовъ. О жизни и смерти театра. Живопись: С. Глаголь. Выржеденіе и возрожденіе? (футуризмъ, кубизмъ и пр. модныя теченія соврем. живописи).—Золотая доска „Жатвы“.

1994. [. . . . .] 8—8

Земля. Сборникъ 14-й. 1914. М., изд. „Моск. Кн-ва“. 286 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: М. Ацубашевъ. Разсказъ объ одной помечивѣ. В. Виниченко. Завѣты отцовъ. Е. Чириковъ. Гиблое мѣсто. А. Оедоровъ. Арабъ.

1995. Кумовъ, Р и Поссе, Т. 8—8

Жизнь для дѣтей. Сборникъ. 1914. Спб., изд. „Жизнь для всѣхъ“. 288 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Вмѣсто предисловія. И. Тургеневъ: Христосъ. Пѣвцы. Русский языкъ. Воробей. Студентъ Аевиръ Сорокоумовъ. Коть Мурлыка: Два вечера. „Божья вѣра“. С. Надсонъ: „Я не Тому молюсь“... Тютчевъ: „Пошлы, Господь, свою страду“... Салтыковъ-Щедринъ:

Христовъ. Г. Успенскій: Слѣпой пѣвецъ. В. Башкивъ: Родина. Н. Некрасовъ: Тишина. Крестыян. дѣти. Волга. Русскія женщины. (Отрывокъ). Желѣзная дорога. Беравже: Тоска по родиѣ. Лонгфелло: Совѣ невольника. Амичисъ: Маленькій падуанскій патриотъ. Учитель моего отца. Андерсенъ: Птица народноѣ пѣсни. Денъ. Домовой. Тервистый путь славы. Л. Мей: Запѣвка. Колумбъ. Гоголь: Русское слово. Двѣ казни. Л. Толстой: Въ гостяхъ у дядюшки. П. И. Мельниковъ-Печерскій: Четыре времени года на Руси. Островскій: Снѣгурочка. А. Чеховъ: Ночь на берегу рѣки. Вѣра въ человека. И. Бунинъ: Листопадъ. Фетъ: „Чудная картина“. Теннисовъ: Королева мая. Байронъ: Океанъ. О. Достоевскій: Каторжныя животныя. Н. Лѣсковъ: Левъ старца Герасима. В. Гаршинъ: Четыре дня. Гю-де-Мопассанъ: Два пріятеля. С. Лагерлефъ: Маргарета Мировозвѣстница. В. Гюго: На баррикадѣ. В. Короленко: Въ тюрьмѣ. А. Толстой: Колодники. В. Фигнеръ: „Если, товарищъ, на волю ты выйдешь“... Изъ Т. Гуда: Пѣснь о рубашкѣ. „Ахъ! сколько, сколько пало ихъ“.

1996. [. . . . .] 8—8

Сиринъ. Сборникъ третій. 1914. Спб., кн-во „Сиринъ“. LVI+409 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: З. Гиппиусъ. Молчаніе. Вяч. Ивановъ: Стихотворенія. (Сатмина атмосеаса. А. Блокъ. Сѣдое утро. А. Бѣлый. Петербургъ. (Романъ). О. Сологубъ. Барышня Лиза (Повѣсть). А. Ремизовъ. Кузовокъ. Вещь темная.

1997. [. . . . .] 8—8

Литературно-худож. альманахи изд-ва „Шиповникъ“. Кн. 23. 1914. Спб., кн-во „Шиповникъ“. 278 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: В. Г. Танъ. Крыловосный Икаръ (Повѣсть). Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ въ Художеств. театрѣ. (Собралъ Л. А. Сулержицкій). А. Черный. Ной. (Поэма). В. Зайцевъ. Пошада (пѣса).

1998. Беравже, П. Ж. 84—1

Полное собраніе пѣсенъ Беравже въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. И. Ф. Тхоржевскаго. Съ критико-біографич. очеркомъ Вл. Зотова и портр. В. 1914. Спб., изд. т-ва М. О. Волифъ. X+586+X стр. Ц. 3 р.

Изъ книги: „Избравъ неособенно благодарный родъ поэзіи—пѣсню, Б. сумѣлъ придать ей значеніе наиболѣе распростран. поэтик. твореній и подвналъ ее на такую высоту, какой она не достигала ни при комъ изъ его предшественниковъ, и не достигла ни при комъ изъ его послѣдователей... Но Б. былъ не только поэтомъ: онъ былъ и великимъ гражданиномъ и политикомъ. Въ немъ поэтъ и политикъ составляли неразрывное цѣлое: стихи—его орудіе борьбы, въ нихъ—его власть народнаго трибуна... Какъ тѣсно ни связыва каждая его пѣсня, каждая строчка его пѣсни съ исторіей Франціи и бытомъ ея народа,—пѣсня Б. понятна и русскому, и вѣмцу, и венгру, и испанцу, и балкан. славянину и многимъ другимъ“.

1999. Лобачевъ, Л. 891.7—1

Подожжикъ. (Стихотворенія). 1914. М., кн-во „Звѣзда“, Н. Н. Орфенова. 61 стр. Ц. 40 к.

2000. [. . . . .] 891.7—1

Руководъ. [Сборникъ стиховъ и критики]. Обложка рѣб. С. Вагрова. Москва первый турбогодъ. 4191). 1914. М., кн-во „Центрифуга“... 48 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: Памяти И. В. Игнатъева. Стихи: Ив. В. Игнатъева, В. Гнѣдова, В. Пастернака, Е. Кузьминой-Караваевой, Р. Иванова, П. Широкова, Н. Асѣва, Д. Крючкова, С. Боброва, Вождяра. Грамота Н. Асѣва, С. Боброва, И. Зданевича, В. Пастернака. Вассерманова реакція, статья В. Пастернака. Книжные новости, библиографич. замѣтки Ц. Ф. Г. Липостранствіе, поэма Марь Іолѣна.

2001. Юнгеръ, Вл. 891.7—1

Пѣсни полей и комнатъ. (Стихи). 1914 Спб. Изд. „Цехъ поэтовъ“ 92 стр. Ц. 1 р.

2002. Надминъ. (Абрамовичъ). 891.7-1] (09)

Исторія русской поэзіи отъ доеврей народоной поэзіи до нашихъ дней. Т. I. 1914. М., изд. Акціон. О-ва „Москов. Изд-во“ 258 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловіе. Древняя народная поэзія (Общія черты народа. эпоса. Религія и міросозерц. славянъ Былины. Историч. пѣсня, Малорусскія „Думы“. Духовные стихи. Народаая лирика). Слово о полку Игоревѣ. Театръ и лирика XVII и перв. пол. XVIII в. Кн. А. Кантемиръ. Эпоха ложно-классицизма въ русск. литературѣ (Тредьяковский, Ломоносовъ, Сумароковъ, Екатерин. эпоха, Державинъ, Херасковъ, Петровъ, Богдановичъ, Хемницеръ, Костровъ, Майковъ, Чулковъ, Кляшнинъ, Кплнисть, Аблесимовъ, Барковъ. Новая идейн. теченія, Радищевъ, Сковорода). Сентиментализмъ (Мелединскій-Мелецкій, Карамзинъ, Дмитріевъ, Шаликовъ, В. Пушкинъ, Нахимовъ и др.) Романтизмъ (Жуковский—Жизнь и Поэзія). Реалистич. выступленія. Мотивы классич. поэзіи. (Крыловъ, Катенинъ, Кульманъ, Озеровъ, Мерзляковъ, Гнѣдичъ, Вятюшковъ). Озвучки романтизма (Козловъ, Глинка). Поэты-декабристы (Рылѣевъ, Бестужевъ-Марлинскій, Одоевскій, Кюхельбекеръ).

2003. Островскій, А. Н. 891.7—2

Василиса Маленъева. Драма въ 5-ти дѣйств. 1914. Спб. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“. 112 стр. Ц. 70 к.

2004. Островскій, А. Н. 891.7—2

На всякаго мудреца довольно простоты. Комедія въ 5 дѣйств. 1914. Спб., Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“. 137 стр. Ц. 85 к.

2005. Артуровъ, Г. 891.7—3

Въ странѣ хризантемъ. Повѣсть изъ японской жизни. 1914. М., скл. изд. „Освобожденіе“. 144 стр. Ц. 1 р.

2006. Воиновъ, В. 891.7—3

Солнечные рассказы. 1914. Спб., изд. „Новый Сатириконтъ“. VIII+192 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: На зарѣ жизни. На прихватку. „Импортёры“. Валя. Рыбалки. Пустынная операція. Чанъ-си. Крутьковская пасха. Большой городъ. Въ заповѣдныхъ водахъ. Въ камышахъ. Невѣста. „На старика“. „На разсвѣтъ“. Абрекъ Мистулка. Стихи: Среда. „Профессоръ по назначенію“. Проклятіе Земли. Первый иней. У разбитаго корыта. Когда сжигали Гуса на кострѣ. Отдыхающему Марсу. Поэтъ надъ озеромъ.

2007. Гуревичъ, Ис. 891.7—3

Шипы любви. Юмористич. рассказы. [1914]. Спб., кн-во „Освобожденіе“. 192 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Отдѣлы: Алая Розы. Флеръ д'Оранжъ. Красныя Зори. Слабыя струнки.

2008. Гусевъ-Оренбургскій, С. И. 891.7—3

Полное собраніе сочиненій. (1893-1913). Т. XI.

Враги 1914. Спб., изд. „Жизнь и Знаніе“. 328 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Враги. Рахиль. Стрѣла. Соперники. Козилихинскій дьяконъ. Жало. Не отъ міра сего. Сирень.

2009. Егоровъ, Е. 891.7—3

Военные рассказы. Рассказы, шаржи, статьи и замѣтки. 1913. Спб., изд. В. Березовскаго, 2-ое доавл. 172 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Огъ автора. Шанжанъ. Преимущества военныхъ. Смотръ. Приборы. Осенніе могилы. Букетъ. Г-жа Бумага. Навожденіе. Тактическія занятія. Думы передъ прибавкой жалованья. Инициатива. Новая номенклатура. Стадиометрически. Послѣ маневровъ. Компромиссъ. Повѣрка знаній. Подполковникъ Безличновъ. По новой „Инструкціи“. Загадки. Огрызки изъ дневника. Двѣ „Переписки“. Приспособляющіеся. Новый угломѣръ. Опытное поле. Простое средство. Пятница у Чичикова. Куда идемъ? Если виновны, то заслуживаютъ снисхожденія. Удешевленіе жизни офицеровъ. Подчиненіе артиллеріи. Обрядность. Хорошо только то, что понятно.

2010. Кисилевъ, Н. Н. 891.7—3

Собраніе рассказовъ. Кн. 2. Сердце. [1914]. Спб., кн-во „Освобожденіе“. 220 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Мечта. Побѣтъ. Несчастіе. Генераль. Звѣзда „Ясной Долины“. Волна людская. Въ концѣ дороги. Бѣлая смерть. Жажда. Припадокъ.

2011. Немировичъ-Данченко, В. И. 891.7—3

Тихій свѣтъ. [1914]. Спб., кн-во „Освобожденіе“. 328 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Близнецы св. Николая. Мальчикъ простилъ. Удача. Старый классикъ. Лялька.

2012. Теффи. 891.7—7

Дымъ безъ огня. 1914. Спб., изд. „Новый Сатириконтъ“. 184 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: І. Пизоръ. Продащица. Демоническая женщина. Письмо. Послѣ праздниковъ. Гаганіе. Въ осенній праздникъ. Папочка. Телеграммы. Телефонъ. Сладкая Ограва. Вдова. О дневникахъ. Черный ярисъ. Чужая бѣда. Раскаившаяся судьба. Самодавъ. Жизнь и творчество. Америк. рассказы. Рыбья сказка. О солницѣ и затмѣніи. II. На чужбинѣ. Тоска по родинѣ. Въ Абганіи. Море и Солнце. Экскурсія. Типъ старика-нищаго. Эскалонъ. Старый морякъ. Маріенбадъ. О моленьникахъ. Жизнь и темъ. Сграшный гость. Праздничное веселье. Провидецъ. Гедда. Габлеръ. Оміатюреныче. Золотое дѣтство.

Исторія и географія [9]

2013. Борецкій-Бергфальдъ, Н. Н. 9(4)

Колоніальная исторія западно-европ. континент. странъ. Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго. 1914. Спб., изд. Брокгаузъ-Ефронъ. 232 стр. Ц. 1 р. 50 к.

2014. Карамзинъ, Н. М. 9(47)

Записки о Древней и Новой Россіи. Ред. проф. В. В. Яковлева. 1914. Спб., изд. гр. М. Н. Толстой. XIV+134 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Отъ издательницы: „Записка“ была сочинена К. по просьбѣ Вел. Кн. Екатерины Павл... К. сочинилъ свою „Записку“ для подачи

ея Государю... Несомнѣнно, что Государь разгнѣвался на К.

Отъ редактора: Впервые „Записка“ была напечатана за границей (Берлинъ, 1861 г.), но весьма небрежно. Затѣмъ была напечатана въ „Рус. Арх.“ (1870 г.), но изъ журнала была вырѣзана и уничтожена... до сихъ поръ нѣтъ отдѣльнаго изданія этого, въ высокой степени цѣннаго, историч. документа, краснорѣчиво характеризующаго русскія обществ. настроенія наканунѣ грозы 1812 г... Благодаря содѣйствию гр. Т., мнѣ удалось отыскать въ Собств. Его Имп. Вел. библиотекѣ хорошую копію „Записки“... Я позволилъ себѣ при печатаніи текста нѣкоторую свободу: пунктуацию я ввелъ новую, ввелъ нѣкоторое единообразіе въ правописаніе... и ввелъ нѣсколько существен. поправокъ въ текстъ“.

2015. Верещагинъ, В. А. 902.6

Памяти прошлаго. (Статьи и замѣтки). [Обложка работы С. Чеховина]. 1914. Спб., тип. „Сиріусъ“. 218 стр. Съ 55 рис. въ текста и виньет. въ текстѣ. Ц. 5 р.

Содержаніе: Вступленіе. Статьи: Разоренное гнѣздо. („Ст. Г.“ 1908). Русская жизнь въ Отечественную войну. (Предисловіе къ каталогу выставки 1912 г. Кружка любит. рус. изданий). Женскія моды Александров. времени. („Ст. Г.“ 1908). Вѣрѣ и грація. („Ст. Г.“ 1910). Очеркъ творчества П. Ф. Томира. („Ст. Г.“ 1907). Русская и иностран. книга. (Предисловіе къ каталогу выставки 1914 г. Кружка любит. рус. изданий). Замѣтки: Английское серебро въ царскихъ хранилищахъ. („Ст. Г.“ 1909). Старый шкафикъ. („Ст. Г.“ 1912). Бронзовая модель мраморной статуи Вольтера. („Ст. Г.“ 1908). Испанская статуэтка. („Ст. Г.“ 1907). Журналъ каррикатуръ на 1808 г. („Рус. Библ.“ 1911). Кабинетъ Аспазіи. („Ст. и Ус.“ 1914). Путевые замѣтки Львова. („Ст. Г.“ 1909). Двѣ странички стараго альбома. („Ст. Г.“ 1908). Старый дневникъ. („Рус. Библ.“ 1912). Путевые наброски: Страстная и Святая въ Севильѣ. („Нов. Вр.“ 1885). Фольклоръ въ Антверпенѣ. Судьба одной капеллы. („Ст. Г.“ 1907). Въ ущельяхъ пламенной Колхиды. („Ст. Г.“ 1910). Въ дебряхъ Индіи. („Ст. Г.“ 1910.—Отд. отг. „Вѣрѣ и грація“). Примѣчанія. Указатель именъ.

2016. Городцовъ, В. А. 902.6

Руководство для археологическихъ раскопокъ. 1914. М., Археол. Инст. 63 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

2017. Грифцовъ, Б. 91(45)

Римъ. Съ 36 рис. культурн. центры Европы. Т. 3—1914. М., изд. „Образоват. экскурсія“. 256 стр. Съ XXVII табл. рис. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Паломничество въ Римъ. Форумъ. Паладинъ. Античный городъ. Античная скульптура. Вилла Адриана. Катакомбы и аппіева дорога. Римское средневѣковье. Микель Анджело и Рафаэль. Соборъ св. Петра. Новый Римъ. Библиограф. указатель.

2018. [. . . . .] 91(47.41 Спб.)

Путеводитель по Петербургу. (Экскурсія начальныхъ школъ). 1914. Спб., изд. О-ва 6. Воспит. Спб. Земской Учит. Школы. 84 стр. съ планомъ Спб. Ц. 25 к.

Содержаніе: Введеніе. Программа экскурсій въ Спб. Предварит. бесѣды. Экскурсія съ дѣтьми сельской школы въ Спб. Зоологич. музей Имп. Акад. Наукъ и краткій планъ для осмотра

оранжерей Имп. Ботанич. Сада, сост. В. П. Мальчевскимъ. Маршрутъ экскурсій. Правит. поста. новленія и распоряж.

2019. Соловьева, П. и Манасеина, Н. 92

Родные завѣты. Біографія замѣчательныхъ людей. 1914. М., изд. тов. И. Д. Сытина. 178 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

2020. Жаковъ, О. К. 92(Ж)

Сквозь строй жизни. Т. III. Вып. II. 1914. Спб., изд. И. К. Борисова. 81—154 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: Гарамортъ преподаватель. Экзаменъ. Г. Небо. Размышленія Г. Г. въ женскомъ пансіонѣ, преподаватель въ гимназій. Какъ праздникъ проводилъ Г. и о чемъ думалъ онъ. Совѣтъ звѣрей. Бесѣда Г. съ тѣнями древнихъ мудрецовъ о томъ, какъ жить на свѣтѣ. Я собираюсь въ Сибирь. Череповецъ. Екатеринбургъ. Челябинскъ. Черезъ Курганъ къ Омску. Омскъ. Вѣлый старикъ. Къ Красноярску. Въ Красноярскѣ. Въ Иркутскѣ. О томъ, какъ читалъ свои лекціи Г. въ богатомъ городѣ Иркутскѣ. Чита. По дорогѣ въ Харбинъ. Харбинъ. Черезъ Никольскъ—Уссурийскъ, Хабаровскъ и Владивостокъ въ Японію. Г. на Японскомъ морѣ. Г. странствуетъ по Японіи. Православная миссія въ Японіи. Японецъ Хигучи. Наша дальнѣйшая жизнь въ Японіи. Японка—горничная. Нашъ отъѣздъ изъ Токіо. Отъѣздъ изъ Японіи. Разлука съ Кузьмичемъ въ Харбинѣ. Томскъ. Снова въ Спб. Исповѣдь Г.

2021. Кванинъ, С. 92(Ч)

О письмахъ Чехова. (Уединенно вѣрующій). 1904—2—VII—1914—1914. М., скл. изд. кн. маг. „Наука“. 32 стр. Ц. 30 к.

Изъ книги: „Когда задумаешься надъ судьбою Ч., надъ загадкой личности его, то видишь, что онъ весь вышелъ изъ этой вѣры въ человѣка, изъ этой влюбленности въ человѣческое лицо. Вѣра въ святость отдѣльныхъ личностей имѣетъ для Ч. глубокой, религіозный смыслъ. .. Ч. всю жизнь шелъ одиночнымъ путемъ, оставался чуждымъ уединенной вѣры. Только она есть великое въ человѣкѣ. И каждую душу полюбить нужно, потому что у каждой есть свое „святая святыхъ“. Это дѣлаетъ даже самаго послѣдняго человѣка великимъ, приобщаетъ его къ вѣчности... Ч. не хотѣлъ, чтобы измѣрили и направляли жизнь по теоріямъ—жизнь, въ которой „ничего не разберешь“. ... Онъ зналъ, что „душа не имѣетъ законовъ“. Ч. хотѣлъ быть только свободнымъ художникомъ, человѣкомъ живой правды, живыхъ убѣжденій“

Содержаніе журналовъ.

„Аполлонъ“. (1914—4). Макс. Волошинъ. Памяти Н. Н. Сапунова.—О. Комиссаржевскій. Сапуновъ—декораторъ.—Ф. Дмѣтріевъ. Мысли о русскомъ мастерствѣ. (По поводу выставки произведеній изъ собранія П. В. Деларова).—Силарть. По маленькимъ выставкамъ Парижа.—Вал. Чудовскій. Книга Фромантена.—Вл. Соловьевъ. Театральный традиціонализмъ.—А. Р. въ. Выставки и художественныя дѣла.—У. „Школа народнаго искусства“ въ Петербургѣ.—Каратыгинъ. Музыка въ Петербургѣ.—Я. Т-дъ. Письмо изъ Москвы. Выставка Сапунова.—Е. Н. Письмо изъ Гамбурга.—Paolo Ruzzi. Письмо

изъ Италіи.—Новыя книги.—Художеств. вѣсти съ Запада.—Rossica.

„Богословскій Вѣстникъ“. (1914—4). Св. Максима Исповѣдника житіе. Переводъ, изданіе и примѣчанія М. Д. Муретова.—Письма еп. Игнатія (Брянчанинова) къ разнымъ лицамъ. Сообщ. М. А. Новоселовъ.—А. Н. Купреянова. Изъ семейныхъ воспоминаній.—С. А. Голованенко. Философія смерти и воскресенія. (Проективизмъ Н. О. Ѳедорова).—Прот. А. А. Бѣляевъ. Проф. Московской дух. акад. П. С. Казанскій и его переписка съ архіеп. Костромскимъ Платономъ.—Прот. Н. Н. Сахаровъ.—Кризисъ въ нѣмецкомъ протестантизмѣ.—Вл. Ф. Эрнъ. Споръ о психологизмѣ въ итальянскій философіи.—Письма К. Н. Леонтьева къ Аватолію Александрову. Сообщ. А. А. Александровъ.—В. О. Чистяковъ. Изъ обществ. жизни. Памяти старца. (По личнымъ воспоминаніямъ).—Критика.

„Борьба“. (1914—2). Государство и народное хозяйство.—М. Покровский. Изъ исторіи общественныхъ классовъ Россіи.—В. Ш.—ъ. Наше профессиональное движеніе за послѣдніе два года.—Воспоминанія К. Каутскаго. Перев. съ рукописи.—Н. Незнакомцевъ. Къ задачамъ марксистовъ въ центральныхъ страховыхъ учрежденіяхъ.—Трибуна: Отъ редакціи. Отъ ред. къ обзору мнѣній по національному вопросу.—Анъ. Национальный вопросъ.—Среди петербургскихъ рабочихъ. Женскій день.—Профессиональный Интернаціональ.—Обзоръ международнаго рабочаго движенія.

„Борьба“. (1914—3). Расходы милитаризма.—Н. Троцкий. Рабочая коалиція.—В. Ш.—ъ. Наше профессиональное движеніе за два года.—А. Дуначарскій. Очерки пролетарской литературы.—Анъ. Национальный вопросъ. Трибуна: Ю. Ларинъ. Споръ двухъ направленій и объединеніе.—Отъ редакціи: Вопросъ единства.—Памяти П. А. Злыднева.—Среди петербургскихъ рабочихъ.—Обзоръ международнаго рабочаго движенія.

„Борьба“ (1914—4). Рабочая печать.—Н. Троцкий. Марковскіе итоги.—М. Покровский. Изъ исторіи общественныхъ классовъ въ Россіи.—В. Ш.—ъ. Наше профессиональное движеніе за послѣдніе два года.—Анъ. Борьба теченій и вопросы единства.—С. Л. Клячко, некрологъ.—Рабочее движеніе въ Россіи.—Приглашеніе на международный социалистическій конгрессъ въ Вѣнѣ.—Обзоръ международнаго рабочаго движенія.

„Борьба“. (1914—5). Думскій локаутъ.—Лозунгъ момента.—М. Покровский. Изъ исторіи общественныхъ классовъ въ Россіи.—Эмъ-Эль. Рабочіе и Народный Университетъ.—Анъ. Национальный вопросъ. Либеральное рѣшеніе вопроса.—Трибуна: Письмо въ редакцію отъ впередовцевъ.—Редакція. По поводу письма тт. впередовцевъ.—Ларинъ. Соціальное безсилье реакціи.—Къ расколу думской с.-д. фракціи. Перев. съ нѣм.—Рабочее движеніе въ Россіи: Итоги забастовочнаго движенія въ 1912 г. Первое мая.—М. Борецкій. Изъ исторіи с.-д. организаціи въ Берлинѣ.—Обзоръ международнаго рабочаго движенія: А. Авдѣевъ. Трѣдновое рабочее движеніе въ Швейцаріи.—Первое мая.

„Вегетарианское Обзоріе“. (1914—4). I. П. Къ исторіи вегетарианскаго движенія въ Россіи.—Проф. А. И. Воейковъ. А. П. Зеленковъ.—Хр. Досевъ. Община „Возрожденіе“ въ Болгаріи.—К. Шохоръ-Троцкий. О В. К. Скута-

евѣ.—Л. Перно. Письма изъ Англіи. Изъ книги „Человѣчность и діета“.—Юс. Перперъ. Памяти д-ра А. П. Зеленкова.—І. Шлізбергъ. Движеніе въ пользу созданія городовъ-садовъ.—С. О. Перперъ. Письма изъ Италіи. Интернаціональный конгрессъ противъ оспопрививанія въ Римѣ.—К. Г. Греновъ. Какъ я сдѣлался вегетарианцемъ.—М. Николаева. I. Вегетарианство и школы домоводства. II. Приготовленіе питательнаго хлѣба.—Голосъ читателей.—Старый Вегетарианецъ и С. О. Перперъ. По міру. Хроника.—Библиографія и критика.—Э. К. Вегетарианскій кулінарный отдѣлъ.—Смѣсь.

„Вольный Университетъ“. (1914—7). В. Водовозовъ. Свобода слова, цензура и наше законодательство о печати.—І. Виноградовъ. Старость и смерть въ мірѣ животныхъ.—К. Пажитновъ. Дороговизна съ жизнью и борьба съ нею.—В. Фромметтъ. Кому и чему служить кооперация?—Е. Кускова. Хроника внутренней жизни.—В. К. Новое въ наукѣ и техники.—Е. Смирновъ. Заграничная жизнь.—Ник. Андреевъ. Что читать по исторіи перевыбитной культуры.—Письмо въ редакцію.

„Вольный Университетъ“. (1914—8). Е. Смирновъ. Депутатская неприкосновенность.—Ю. Залькиндъ. Что такое химическій элементъ.—В. Богучарскій. Мих. Ал. Бакувинъ.—В. Козельскій. Хроника внутренней жизни. (Распаденіе общины и землеустройство).—В. Майскій. Англійскій пролетаріатъ и культурно-просвѣтительная работа.—В. К. Новое въ наукѣ и техники.—К. Соколовъ. Что читать по вопросамъ общаго ученія о правѣ и государствѣ.—А. Локтинъ. Книжки о сельскомъ театрѣ.

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи“. (1914—3/4). С. А. Сухановъ. Парадененція и гивдофренія.—В. Э. Держинскій. Отношеніе эпилепсін къ расстройству функціи железъ съ внутренней секреціей.—Давиденковъ. О такъ наз. „защитныхъ рефlekсахъ“ Бабинскаго и „рефlekсахъ“ спиннаго автоматизма“.—Congrès des médecins alienistes et neurologistes de France et des pays de la langue française.—Рецензіи.—Рефераты.—Хроника.

„Вѣра и Разумъ“. (1914—8). Свящ. І. Филевскій. Слово въ день тезоименит. Госуд. Имп. Александры Ѳеодоровны.—Пр. Н. Стеллецкій. Опытъ нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи.—Мих. Струменскій. Ученіе св. апостола Павла о молитвѣ. Н. И. Н. Воззрѣнія В. С. Соловьева на католичество. (Продолж.).—И. Проданъ. Правда о Кантѣ. (Продолж.).—Свящ. Н. Липскій. Вѣра и званіе. (Продолж.).—Вл. Пархоменко. Къ вопросу о начальной исторіи христіанства на Руси.

„Вѣстникъ Воспитанія“. (1914—4). П. Сакулъ. Соціологическая сатира. (Памяти М. Е. Салтыкова).—Прив.-доц. А. Волтуновъ. Къ вопросу объ изслѣдованіи умственной одаренности.—А. Израэльсовъ. Изъ жизни санаторіи-школы. (Оконч.). IV. О лѣтнихъ каникулахъ и какъ мы проводимъ лѣто.—С. Крюковъ. Воспомогательныя школы въ Германіи.—М. Вайсфельдъ. Психологизмъ и его примѣненіе къ педагогикѣ.—В. И. Сыромятниковъ. Очередная культурная задача.—В. Бекетовъ. О сельскохозяйственныхъ школахъ для народа.—Ю. Веселовскій. Къ характеристикѣ новыя армянской литературы.—А. Витаевъ. Культурно-правовое положеніе на-

роднаго учителя прибалтійской инородческой школы.— Критика и библиография.— Хроника.

„Вѣстникъ Европы“. (1914—5). А. Забытыя слова, стих.— М. Е. Салтыковъ. Незданные произведения. I. Господа ташкентцы. II. Ташкентцы приготовительнаго класса. III. Благонамѣренная повѣсть.— С. Астровъ. Изъ Джованни Пасколи.— Е. Чириковъ. Возвращеніе, ром. (Оконч.).— К. Эбергъ. I. В. Е. Ивановой. II. II. Ю. К. Стихотв.— С. Аникинъ. Безземельный.— Вл. Фишеръ. Зовы, стих.— К. и О. Ковальские. Земные странники, повѣсть.— Вѣра С. Стихотв.— Д. Успенскій. Видѣнія смутнаго времени.— К. Залевскій. Индивидуализмъ въ новейшемъ искусствѣ.— А. Гроссманъ. Русский Кандидъ. Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Достоевскаго.— Д. Овсянко-Куликовский. Вопросы времени. III. Подъ ягомъ словесности.— I. Вайеръ. Вѣлыя ночи, ром. Перев. съ норв. З. Журавской.— Н. Котляревскій. Памяти М. Е. Салтыкова.— К. Арсеньевъ. М. Е. Салтыковъ въ памяти его современниковъ.— А. Деренталь. Письмо изъ Софіи.— Ор. Шкапскій. Организациа воднаго хозяйства въ Туркестанѣ.— П. Мажуевъ. Критика и теорія одной образцовой англійской фабрики.— Г. Чарнолуская. Кружки фермеровъ въ Бельгіи.— Е. Колтоновская. Вунниъ, какъ художникъ-повѣствователь.— Л. Слонимскій. Изъ воспомин. Фрейсина.— Литературное обозрѣніе.— Ив. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе.— Иностранное обозрѣніе.— Вопросы внутренней жизни.— Библиографич. листокъ.

„Вѣстникъ Знанія“. (1914—5). П. Звѣздичъ. Къ вопросу о борьбѣ съ безработицей.— В. Лебедевъ. Въ обѣтованной странѣ кооператизма.— Проф. В. Лебединскій. Галилеевская наука и физика нашихъ дней.— М. Завадовскій. П. Ив. Бахметьевъ.— Д-ръ Ю. Стефанъ. Весенія бабочки.— Д-ръ М. Вирьбаумъ. Сонъ и сновидѣніе.— В. Г. Голиковъ. Людѣтѣни.— Р. Водулянде-Куртенъ. „Галопомъ впередъ!“— Библиография.— Научныя новости и хроника.— В. Битнеръ. Вездѣ съ молодежью. „Сила и добро.“— Ч. Робертъ. Лѣсной палашъ.— Путешествіе Лаперуза и его габель.— Н. А. Рубакинъ. Въ помощь самообразованію.— Н. А. Рубакинъ. Что значить почитать и что значить учиться посредствомъ чтенія.— Прив.-доц. А. Г. Генкель. Календарь природы.— А. А. Чикинъ. Звѣздное небо въ маѣ.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“. (1914—5). Заграничн. хроника: I. Обществ. жизнь: Столкновѣніе Сѣверно-Америк. Соед. Шт. съ Мексикой. Квартирный кризисъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ.— II. Историч. новости: Наполеонъ на пути на ост. Эльбу.— III. Изъ области науки: Интересы семьи и интересы рода. Изъ исторіи почтовыхъ марокъ.— Библиографич. отдѣлъ.— Я. Буллъ. Местъ свѣта.— Эд. Самакойсъ. На людяхъ.— Х. Кэйнъ. Богомъ данна мнѣ женщина.— К. Штробль. Чудесному вѣры!— К. Перъ. Каді замужемъ.— Ю. Каденъ. Прислуга.— А. Дювернуа. Отмѣтки.— В. Джекобъ. Мастеръ Джонсъ.— Его же. Искушеніе Самуэля Вержа. Э. де-Марки. Чиновники.— Ст. Ликонъ. Старый пріятель.— Ал. Умрейхъ. Поцѣлуй въ снѣгу.— Фр. Кранцъ. Маллузіанецъ.

„Вѣстникъ Кооперациа“. (1914—4). Ю. Переславскій. Районъ дѣйствія Кредитнаго Товарищества.— Ф. Краснянскій. Въ чьихъ рукахъ сосредоточена „благожелательная опека“ за

учрежденіями мелкаго кредита.— Вал. Галевичъ. Школьные кооперативы.— М. С. Баранцовъ. Кустарно-слесарныя артели Тульской губ.— П. Миролюбовъ. Кредитная кооперациа въ С.-Петербургской губ.— Н. Орловъ. Рабочая потребительная кооперациа въ С.-Петербургѣ.— Ю. Переславскій. Кооперативное движеніе на Западѣ. (Кредитная кооперациа на Западѣ).— А. Малышевъ. Новыя формы кооперативнаго объединенія въ деревнѣ. (Письмо изъ Италіи).— А. Булатовъ. Взаимодѣйствіе. Спб. Отд. Комит. и Земствъ по инструктированію кооперативовъ.— А. Вончъ-Осмоловскій. Собраніе уполномоченныхъ Сибирскаго союза. (Письмо изъ Сибири).— Литература о кооперациа.

„Вѣстникъ Психологій, Криминальной Антропологии и Педагогій“. (1914—т. XI, в. II.) Проф. С. К. Гогель. Современное движеніе по охранѣ дѣтства.— М. Я. Басовъ. О психическомъ темпѣ.— Л. Н. Скородумовъ. Сущность и происхожденіе ударенія и ритма и рѣчи.— В. Штефко. Цвѣтное слышаніе. Отчеты: М. Басовъ. Иррадиациа и концентрациа нервныхъ процессовъ въ большихъ полушаріяхъ головного мозга. (Докладъ акад. И. П. Павлова въ Спб. Біологич. О-вѣ).— Д. Ф. Забугинъ. О логической и механической памяти. (Докл. Н. А. Рыбникова въ Моск. О-вѣ Эксперим. Психологій).— М. Басовъ и С. П. Кожинъ. Первый Всерос. съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія.— Рефераты: М. Басовъ. Д-ръ В. П. Кащенко и С. Н. Крюковъ. Воспитаніе трудныхъ дѣтей;— П. Березинъ. Н. А. Хитковъ. Показательный садикъ;— Онъ же. Новыя идеи въ философіи, сб. 10;— Т. Райновъ. Новыя идеи въ философіи, сб. 12;— Онъ же. И. Изорскій. Введеніе въ теорію метафизическаго знанія. Проблема чужой одушевленности;— Е. Никитинъ. D-g O. Degroly et m-lle Degand. Observations relatives au développement de la notion du temps chez une petite fille.— Школа и Жизнь.— Смѣсь.

„Голосъ Минувшаго“. (1914—5). В. П. Кравихфельдъ. Среди Ташкентцевъ.— Н. Щедринъ. Господа Ташкентцы. Изъ воспомин. одного просвѣтителя.— Н. Щедринъ. Ташкентцы приготовительнаго класса.— Ю. М. Стекловъ. Последніе годы жизни М. А. Бакунина.— В. В. Міаковский. Учебные годы А. Н. Радищева.— Г. А. де-Волланъ. Очерки прошлаго.— О. Е. Кафіеро. Другъ Бакунина Карло Кафіеро.— Н. А. Толстой. Исповѣдь священника.— Л. П. Никифоровъ. Мои тюрьмы.— А. Россъ. Бакунинъ и его вила Бароната.— Ч. Вѣтринскій. М. Е. Салтыковъ и Гл. Ив. Успенскій.— Д. А. Милотинъ. Письмо къ Г. А. Джаншиеву.— К. В. Сивковъ. Провинціальная администрациа въ 1812 г.— В. А. Францевъ. Приглашеніе русскихъ на славянскій съѣздъ въ Прагѣ въ 1848 г.— М. М. Клевенскій. Освободительное движеніе въ освѣщеніи „Историческаго Вѣстника“.— Вл. Реймонъ. 1794 годъ. (Продолж.).— Критика и библиография.

„Для Народнаго Учителя“. (1914—8). Учитель Н. В. Экзамены и ревізій въ начальной школѣ.— Н. Ивакинъ. Роль рисованія въ начальномъ обученіи.— П. Скотниковъ. О несовмѣстности общеобразовательныхъ и профессиональныхъ задачъ въ начальной школѣ.— В. Н. Дренельскій. Къ предстоящимъ лѣтнимъ экскурсіямъ за границу.— В. Съѣздъ дѣятелей по народному образованію въ Московскомъ уѣздномъ зем-

ствѣ.—В. Бабаковъ. Школьная практика.—Средѣ книгъ, газетъ и журналовъ.—Библиографія.—Библиотечная практика.—Письма съ мѣстъ.—Ф. Р. Изъ жизни учителейскихъ организацій.—Предстоящіе лѣтніе курсы для учителей въ Моск. Учит. Домѣ.—Разныя извѣстія.

„Естествознаніе и Географія“. (1914—3). Проф. В. Н. Волдыревъ. Очеркъ по исторіи фізіологій въ связи съ развитіемъ медицины и біологій. (Оконч.).—Бекетовъ, А. В., д-ръ. Радій и его свойства.—Проф. Вл. Челинцевъ. Изъ путешествія по Карталики, Имеретин и Гуріи.—В. И. Граціановъ. На берегу Ламанша. (Оконч.).—К. Д. Мачаваріани. Городъ Сухумъ и Абхазія въ настоящемъ и прошломъ. (Продолж.).—Критика и бібліографія.—Смѣсь.

„Жизнь для Всѣхъ“. (1914—4). Р. Кумовъ. Иванъ Ступинъ.—А. Туркинъ. Голоса.—М. Пивтковский. Терніи. (Записки сельскаго учителя).—С. Гадіевъ: Asay. Перев. съ осетинск.—Д. Страховъ. Побѣда современнаго земледѣлія.—В. П. Токинъ. Дѣтскій алкоголизмъ и борьба съ нимъ.—Ив. Власовъ. Очеркъ доревенской жизни.—В. Носъ. Сердце великой любви и великаго гнѣва. (Памяти М. Е. Салтыкова).—В. А. Поссе. Общественная жизнь.—П. Миролюбовъ. Кооперация и дѣти.—Сводка отвѣтовъ на опросный листъ.—Товарищеская бесѣда.—К. Дубровский, Вл. Носъ и Ив. Садовскій. Стихи.

„Журналъ Министерства Юстиціи. (1914—4). Законодательство.—Извлеченія изъ Высоч. приказовъ по гражд. вѣдомству.—Приказы по вѣдомству Мин. Юст.—Циркулярныя распоряженія по Мин. Юст.—В. І. Громовъ. Акты предъявленія личности на предварительномъ слѣдствіи.—Б. С. Мартыновъ. Новый законъ о давности владѣнія.—С. П. Мокринскій. Медицина въ ея конфликтахъ съ уголовнымъ правомъ.—Т. П. Ефименко. Очеркъ организаціи городскихъ ремеселъ въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв.—Э. Г. Пфефферъ. Школа научной полиціи и дактилоскопическая регистрація въ Италіи.—Хроника.—М. А. Горановскій. Предѣлы примѣненія 309 ст. уст. угол. суд.—А. А. Фруктовъ. Кассационная практика.—В. Гора. Законодательная дѣятельность въ Австріи.—Ф. Энекенъ. Письма изъ Парижа.—Сесиль Мидъ Алленъ. Письма изъ Англіи.—Литературное обозрѣніе.

„Завѣты“. (1914—5). А. Бѣлый Стих.—С. Гедройцъ. Красный ангелъ, стих.—Б. Зайцевъ. Бездомный.—А. Соболевъ. Ростомъ не вышелъ.—Ив. Вольный. Юность. (Оконч.).—Г. Дж. Уэллсъ. Освобожденный міръ. Повѣсть о человечествѣ. Перев. съ англ. М. Ликиардопулло.—А. И. Иванчикъ-Писаревъ. Кое-что изъ жизни Гл. Ив. Успенскаго. (По воспомин.).—В. Черновъ. Н. К. Михайловскій, какъ этический мыслитель. Ст. вторая.—І. Гроссманъ. Бакунинъ и Берсонъ.—А. Пругавинъ. Борьба съ антихристомъ. (Очеркъ религіозно-аграрнаго движенія на Уралѣ).—Ивановъ-Разумникъ. Литература и общественность. Завѣты прошлаго и достиженія будущаго. (О „врагахъ“ справа и слѣва).—С. Мстиславскій. Свое и чужое. „Стальная наличность“.—К. Петровъ-Водкинъ. Письма объ искусствѣ.—Б. Энгельгардтъ. В. Вундтъ объ основахъ искусствъ.—М. Петровъ. Городская реформа и задачи момента.—Б. Фромметтъ. Молодая крестьянская интеллигенція.—А. И. Крестьяне и земство.—В. Вороновъ. Хроника рабочаго движенія.—З. К. Бельгійская рабочая партія и „король соды“.—

А. Карповъ. Къ пріѣзду Германа Когена.—Ивановъ-Разумникъ. Жеманщицы. („Четки“ А. Ахматовой и „Печальное вино“ В. Инберъ).—Библиографія.

„Историческій Вѣстникъ“. (1914—5). М. Г. Веселкова-Кильштетъ. На родной почвѣ, ром. (Продолж.).—Гр. Н. П. Игнатьевъ. Записки (Продолж.).—Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ. На каюкахъ, разск.—Н. Н. Фирсовъ. Въ ред. журн. „Русское Слово“. (Изъ воспом. шестидесятника).—В. Анжу. Повеселились. (Разсказъ изъ морской жизни).—К. И. Федюшинъ. П. А. Столыпинъ и студенты. (Отрывки изъ воспомин.).—Т. А. Мартыяновъ. Комедія о царѣ Максимилианѣ.—А. А. Измайловъ. Подъ фіолетовой мантіей. (Эпизодъ изъ жизни бывш. экзарха Грузіи, архіеп. Никона).—Б. В. Глинскій. Памяти А. А. Винницкой.—Кн. В. В. Барятинскій. Еще о „дарственномъ мистикѣ“.—Н. Н. Оглоблинъ. Въ смутные дни. (Очерки и наброски).—Б. В. Глинскій. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). (Продолж.).—В. Анфиловъ. Маловѣдомыя красоты. (Алтайскія замѣтки).—Вел. Кн. Николай Михайловичъ. Нѣкоторыя соображенія по поводу письма, отъ 31 дек. 1825 г. изъ Таганрога, кн. С. Гр. Волконской Импер. Маріи Феодоровны.—Е. С. Шумигорскій. Изъ записной книжки историка. (Двѣ легенды объ Импер. Александрѣ І).—Критика и бібліографія.—А. А. Измайловъ. Новости исторіи. Обзорніе журналовъ.—Заграничныя историческія новости и мелочи.—Смѣсь.—Некрологи.

„Литературно-Медицинскій Журналъ“. (1914—4). Б. Фромметтъ. Безуміе въ жизни и творчествѣ В. М. Гаршина.—Р. Мильхнеръ, д-ръ мед. Основы внутренней медицины. Съ предисл. проф. Гольдшейдера. Авториз. перев. съ нѣм. д-ра мед. М. З. Геселевича. (Продолж.).—„Домашній Докторъ“. (1914—4). Противоракъовый сѣздъ въ Петербургѣ.—Д-ръ С. И. Цѣликова. Волчанка и способы ея леченія.—Новые взгляды на сахарную болѣзнь.—Д-ръ Г. С. Сперанскій. Наложеніе повязокъ.—М. Макаелисъ. Значеніе сна и отдыха для развитія ребенка.—Д-ръ Э. И. Ланда. Сперматорея. (Оконч.).—Практическая медицина.—Обществ. медицина.—Растительный столъ.—Домашняя ветеринарія.—Медицинскія замѣтки.

„Наша Заря“. (1914—4). Вл. Войновъ. Полу-чай!!! разск.—Сергій Р. Въ голодный годъ, очеркъ.—Верхарнъ, П. Орѣшинъ, М. Моравская. Стихи.—К. Оранскій. Рабочая печать подъ судомъ.—Ө. Ротштейнъ. Поворотъ въ международныхъ отношеніяхъ; К. Дмитріевъ. Общіе вопросы рабочаго законодательства, ст. І.—Ив. Кубиковъ. О романѣ Библика.—Ф. Вайсъ. Сѣзды латышскихъ марксистовъ.—В. Левидикъ. Германская с.-д-ія на нелегальномъ положеніи.—А. Потресовъ. Критическіе наброски. (Еще къ вопросу о пролетарской культурѣ).—Ф. Д. Бурные дни.—Н. Череванинъ. Кризисъ обостряется.—А. Мартыновъ. Иностранное обозрѣніе.—Я. Пилецкій. Письмо въ редакцію.—Библиографія.

„Обновленіе Школы“. (1914—XXIII / XXIV). Проф. К. Гроссъ. Игра, какъ катарсисъ. Перев. Ад. Румянцевой, съ предисл. Н. Румянцева.—Д-ръ І. Штимфль. Значеніе психологій дѣтства для учителя. (Оконч.).—Юл. и Вл. Лабунскіе. Къ вопросу о вѣтшкельныхъ занятіяхъ учащихся дѣтей среднеобразовательной школы.—А. Е. Лозовъ. Пѣніе въ начальной школѣ, до-

кладъ.—Н. Мальцева. Обновление итальянской школы.—Библиографія.—Хроника.

„Педагогический Сборникъ“. (1914—5). М. Марковский. И. С. Тургеневъ съ современной точки зрѣнія.—В. Л. Розенбергъ. О динамическомъ измѣреніи силъ и принципі равенства дѣйствія и противодѣйствія.—А. Полтарацкій. Международный конгрессъ по физическому воспитанію въ Даніи въ 1911 г.—С. Кудленко. О введеніи „военной игры“ въ курсъ тактики военныхъ училищъ.—Критика и библиографія.

„Педагогическое Обозрѣніе“. (1914—5). Н. Рыбниковъ. Къ вопросу о логической и механической памяти.—В. Мураевъ. Ручной трудъ въ связи съ уроками родного языка въ начальной школѣ. (Оконч.).—Н. Сперанскій. Задачи начальной школы.—И. Петровъ. Вопросы дѣтскаго чтенія на сѣздѣ дѣятелей по народному образованію въ Моск. уѣздномъ земствѣ.—Н. Мальцева. О методахъ изысканій по мѣстной исторіи.—Изъ книгъ и журналовъ.—Хроника школьной жизни.—В. Фишеръ. Литературныя бесѣды въ средней школѣ.—Критика и библиографія.

„Путь“. (1914—4). Н. Марксъ. Дангалакъ. Изъ крымскихъ очерковъ.—Дм. Семеновскій. Лѣтній вечеръ, стих.—О. Д. Весеннею ночью, разск.—А. Вѣлоусовъ. Память сестры, стих.—В. Булгаковъ. Изъ дневника кавказскихъ скитаній, очерки.—А. Треплевъ. Пльнникъ „Навѣхъ чаръ“.—Д. Мировъ. Памяти великаго литератора.—Литературная хроника.—Ю. Соболевъ. Замѣтки о новыхъ книгахъ.—Библиограф. замѣтки.

„Русская Старина“. (1914—5). А. Н. Куломзинъ. Сообщение въ память Вел. Кн. Владимира Александровича, сдѣланное въ засѣданіи 2 апр. 1910 г. Импер. Русск. Историч. О-ва.—Гр. Н. П. Игнатьевъ. Поѣздка по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—78 гг. (Съ примѣч. П. Д. Воейкова).—Е. С. Шумигорскій. Къ исторіи импер. Павла.—Н. Полевою. Устройство быта крестьянъ въ царствѣ Польскомъ Калишскою комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ въ 1865—1870 гг.—Н. Макшеевъ. Воспоминанія А. И. Макшеева о Т. Г. Шевченко.—Б. Колюбакинъ. Материалы по изслѣдованію войны 1812 г.—Кн. М. В. Волконская. За 38 лѣтъ.—Изъ записокъ Г. А. де-Воллана.—П. Козловъ. Асканія-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ.—М. Л. Гофманъ. Лирика Е. А. Боратынскаго.—Н. П. Хитрово. Мои отношенія къ штабу отд. корпуса жандармовъ въ 1871 г., шефу жандармовъ, гр. Шувалову и извѣстному публицисту славянофилу г. Аксакову.—В. Левисонъ. Поѣздка въ Наблусъ (Сихемъ). Дневникъ проф. В. А. Левисона.—М. Я. Корольковъ. Шейхъ-Мансуръ Аванскій. (Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ завоеванія Кавказа).—Ал. Гене. Виленскія воспоминанія.—Библиографическій листокъ.

„Русское Богатство“. (1914—5). Вл. Короленко. Въ пустынныхъ лѣсахъ.—Вл. Ладыженскій. Огни, стих.—Ю. Делевскій. Противорѣчія Прудона.—В. Никоновъ. Случай съ председателемъ.—А. Ширманъ. Библиотека, музей и кинематографъ, какъ народно-образовательное средство.—Г. Уордъ. Семья Корисоновъ, ром. Переводъ съ англ. Е. Н. Нелидовой.—Леонидъ В. Стихотв.—Н. Изъ воспоминаній, отрывокъ.—А. Чекинъ. Семейный распадъ и женское движеніе.—Леонидъ В. Стихотв.—Ал. Малышевъ. Крестьянскія организаціи въ Италіи. (Письмо

изъ Реджіо Эмиліи).—В. Майскій. О вадорожаніи жизни.—А. Рабиновичъ. Англійское социальное законодательство 1908—1913 гг.—Діонео. Изъ Англіи. Наканунѣ великихъ реформъ въ Англіи.—А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни.—Н. С. Русановъ. Обзоръіе иностранной жизни.—А. Пѣсехоновъ. На очередныя темы. Община, кооперация, земство.—Новыя книги.—Письмо въ ред.

„Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“. (1914—4). Акад. В. В. Бартольдъ. Къ исторіи орошенія Туркестана.—В. Н. Покровскій. Біологическіе методы различія бѣлковъ различнаго происхожденія и результаты примѣненія этихъ методовъ къ различію растений.—Н. Л. Склозубовъ. Опытныя учрежденія, селекціонныя поля, сѣмевныя хозяйства. Москва.—Б. М. Вельбель. Вегетаціонныя опыты 1910—1912 гг. по изслѣдованію лѣсного спелінка Полтавскаго опытного поля.—С. Л. Ивановъ. Обзоръ литературы по вопросу о холодостойкости растений.—Профес. П. В. Вудринъ. Изслѣдованія въ области физиологическаго питанія высшихъ растений.—Л. А. Испытаніе кукурузныхъ уборочныхъ машинъ и конныхъ граблей.—Е. В. Перепелкинъ. Контроль союзовъ для разведенія рогатаго скота въ Лифляндіи и контрольное кормленіе скота въ Харьков. губ. Помощь агрономической организаціи маслослѣдую въ Томск. г.—А. О. Фабрикантъ. Обзоръ земской агрономической дѣятельности. Центральный районъ.—П. О. Широкихъ. Рефератъ работъ по сыроваренію.—В. Н. Вѣгисевъ. Успѣхи агрономіи въ Англіи за послѣднее 20-лѣтіе.—Библиографія.—Прилож.: Д. Х. Робинсонъ. Основы и практика разведенія домашней птицы.

„Сельскохозяйственное Образованіе“. (1914—3). К. И. Дебу. Школа сельскохозяйственнаго машинновѣдѣнія въ Вормсѣ.—Ал. Порхуновъ. Методика вступительнаго курса химіи.—Д. С. Леванда. О преподаваніи общественной агрономіи въ среднихъ сельскохоз. училищахъ.—Изъ практики школьнаго дѣла.—Хроника.—Е. Гердъ. Реформы въ сельскохоз. образованіи во Франціи.—Обзоръ журналовъ.—Вопросы и отвѣты.—Спросъ и предложеніе труда.

„Современная Психіатрія“. (1914—4). Н. А. Алфеевскій. Случай острого бреда въ теченіе сыпного тифа.—М. И. Везпалова и Л. А. Прозоровъ. Случай психическаго заболѣванія послѣ отравленія свѣтильнымъ газомъ.—С. М. Родіоновъ. Сумеречныя состоянія хроническихъ алкоголиковъ и ихъ судебно-психіатрическое значеніе. (Оконч.).—Т. И. Юдинъ. Объ евгеникѣ и евгеническомъ движеніи.—Рецензіи.—Рефераты.—Хроника.

„Современникъ“. (1914—8). Б. Садовской. Стихотв.—П. Булгаковъ. Лукавый, разск. (Оконч.).—Г. Гейерстамъ. Маргитъ, повѣсть. Перев. В. Спасской.—С. Германовъ. М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.—В. Ковровъ. Наступаютъ... А. Никитскій. Милитаризмъ и алкоголизмъ.—А. Чаановъ. Къ вопросу о народномъ благосостояніи въ Европѣ.—Р. Стрѣльцовъ. Мексика.—Р. С. Выборы въ Швеціи и во Франціи.—В. Трутовскій. Современная педагогика.—Евг. Лундбергъ. М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.—М. Андерсенъ. „Танго“ и его „идея“.—Гр. Голосовъ. Ко дню рабочей печати.—Д. Берестовъ. Недуги кооперативнаго строительства.—В. Станчъ. Шахматный турниръ.—Новыя книги.

„Сѣверныя Записки“. (1914—4). С. Сергѣевъ-

Ценский. Преображение, ром. (Продолж.).—Л. П. Фаргъ. Шарль-Луи Филиппъ. Перев. съ рукописи А. А. Кипена.—Ш. Л. Филиппъ. Шарль Бланшаръ. I. Хлѣбъ. Авториз. перев. съ фр. А. А. Кипена.—М. Шагинянъ. Стихотв.—Р. Броунингъ. Паппа проходитъ, драма. (Оконч.). Перев. съ англ. Н. Гумилева.—А. Дунканъ. Что я думаю о танцѣ.—Н. В. Недоброва. Стихотв.—И. Добровольскій. Радиоактивные вещества въ медицинѣ. (Къ вопросу о леченіи рака радіемъ).—Власъ Подгорный. Записки трудовика.—І. М. Бикерманъ. Горе отъ ума. (Къ 25-лѣтію со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина).—Дм. Илимскій. Пролетарское горе въ Сибири.—В. Ковровъ. Дѣло Н. С. Чхеидзе.—Библиографія.

„Украинская Жизнь“. (1914—4). Ан. Василько. К. П. Михальчукъ.—Акад. А. А. Шахматовъ. Памяти К. П. Михальчука.—Вол. Я. На стражѣ научной правды и необходимости.—С. В. Петлюра. Памяти К. П. Михальчука.—Изъ отзѣвовъ печати о К. П. Михальчукѣ.—В. Прокоповичъ. Народная школа и родной языкъ на Украинѣ. (Оконч.).—П. Э. Россіянинъ. Каинство. (Письмо къ В. В. Розанову).—С. Иткинъ. Годовщина. (Страничка изъ воспом. о М. М. Коцюбинскомъ).—В. В. Садовской. Статистическія фантазіи г. Щеголева.—О. Назаринъ. Національный музей во Львовѣ. (Его исторія, организація и современное состояніе).—Н. В. Чеховъ. Отвѣтъ на анкету объ украинскомъ національномъ возрожденіи.—С. В. Петлюра. Случайныя замѣтки. „Imagination vive“ проф. А. Л. Погодина.—И. Л. Изъ украинской печати.—В. Добрецькій. На Украинѣ и внѣ ея.—Библиографія.

„Учитель и Школа“. (1914—7). В. Веселовскій. Программа министерства Л. А. Кассо.—М. Леитинъ. Современные реформаторы воспитанія.—Вл. Трофимовъ. Къ вопросу о реформѣ правописанія.—И. Крапчатовъ. О педагогическихъ курсахъ прошлаго лѣта въ Москвѣ.—Е. Чарюлуская. Новое въ области народной школы въ Испаніи.—Ч. Гурскій. По поводу проекта „Сберегательно-вспомогательно-пенсіонной кассы служащихъ въ Слѣб. городскомъ общ. управленіи“.—Библиографія.—Сообщенія съ мѣстъ.—Резолюціи I Всероссийскаго сѣзда по вопросамъ народнаго образованія.

„Фельдшерская Мысль“. (1914—1). Ред. Вмѣсто программной статьи.—К. Захаренко. Объ алкоголизмѣ въ войскахъ.—П. Цюрупа. Сѣзды по реформѣ фельдшерскаго образованія.—А. Ивановъ. Роль фельдшеровъ въ земской медицинѣ.—Сѣверянинъ-Ахтырскій. Изъ постановленій земскихъ собраній.—Правдинъ. Новая земская Россія.—П. Жадановскій. Борьба съ эпидеміями и фельдшера.—А. Вѣлениновъ. Памяти А. А. Горбачевича.—Лѣтопись общественной гигиены, санитаріи, медицины.—Жизнь фельдшерско-акушерскихъ о-въ и союза ихъ; сѣзды.—Изъ текущей печати.—Разныя извѣстія.

„Фельдшерская Мысль“. (1914—2). Г. П. Задера. По поводу резолюціи криминалистовъ объ абортѣ.—В. И. С-ръ. Союзъ по охранѣ материнства и младенчества.—К. Захаренко. Памяти безвѣстныхъ героев.—А. Звѣринъ и Н. Соколовъ. Отъ комиссіи по устройству санаторія для лицъ фельдшерско-акушерской корпораціи.—Лѣтопись общественной гигиены, санитаріи и медицины.—Объ абортахъ.—Жизнь фельдшерско-акушерскихъ о-въ и союза ихъ; сѣзды.—Прогнѣ положенія о фельдшерахъ и акушеркахъ.—

IX-делегатское собраніе Союза фельдшерско-акушерскихъ о-въ.—Изъ текущей печати.—Библиографическія замѣтки.—Разныя извѣстія. „Фельдшерская Мысль“. (1914—3). Ред. Юбилей фельдшерской литературы.—Г. П. Задера. О призрѣніи душевно-больныхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и членовъ ихъ семействъ.—Правдинъ. На поверхностяхъ. (О борьбѣ съ алкоголизмомъ).—М. Письмаревъ. Объ остромъ эпидемическомъ гастроентеритѣ въ войскахъ.—Лѣтопись общественной гигиены, санитаріи и медицины.—Жизнь фельш.-акушерск. о-въ и союза ихъ; сѣзды.—Изъ текущей печати.—Библиографическія замѣтки.—Биографія дѣятелей по фельдшерскому вопросу: Н. Ю. Домбровскій.—Разныя извѣстія.

„Фельдшерская Мысль“. (1914—4). Н. Домбровскій. Къ вопросу о борьбѣ съ проституціей и венерическими болѣзнями.—Ред. Всерос. сѣзда по борьбѣ съ раковыми заболѣваніями.—П. Жадановскій. Земскія подвижныя выставки по борьбѣ съ народными болѣзнями.—Игн. Машута. Фельдшерская жизнь.—Лѣтопись общественной гигиены, санитаріи и медицины.—Жизнь фельдш. и акушерск. о-въ и союза ихъ; сѣзды.—Изъ текущей печати.—Библиографич. замѣтки.—Биографія дѣятелей по фельдш. вопросу: В. И. Сулима-Сильванскій.—Разныя извѣстія.

„Художественно-Педагогическій Журналъ“. (1914—7). Е. Разыграевъ. Къ вопросу объ эстетическомъ воспитаніи.—Н. Н. Вахтинъ. Устройство домашняго кукольнаго театра.—А. Щепинскій. Планъ изслѣдованія художественнаго развитія учащихся.—Ходатайство Всерос. Союза Художниковъ о возстановленіи въ высшемъ художеств. училищѣ класса медальернаго искусства.—Искусство и жизнь.

„Что и какъ читать дѣтямъ“. (1914—8/9). Отъ ред.—Мурзаевъ. Рисованіе въ соединеніи съ дѣтскимъ чтеніемъ.—Обзоръ пособій для наблюденія природы и составленія естественно-историческихъ коллекцій.—Обзоръ дѣтской библиотечки изд. т-ва И. Д. Сытина.—Разборъ ж. „Доброе Утро“.—Отзѣвы о книгахъ.—О книгахъ по поводу полнаго затменія солнца.—Справки о вновь вышедшихъ книгахъ.

„Юридическій Вѣстникъ“. (1914—кв. VI(II)). Е. В. Спекторскій. Къ столѣтію исторической школы въ правовѣдѣніи.—А. С. Алексѣевъ. Исторія разработки французской конституціонной хартіи 4 июня 1814 г.—А. М. Кулишеръ. Государственное единство Англіи и Гомруль.—П. П. Гронскій. Вотчинные округа въ Пруссіи и Саксоніи.—Н. Н. Поляинскій. Къ вопросу о правѣ частныхъ лицъ на субсидіарное обвиненіе.—А. Н. Филипповъ. „Русская Правда“ въ изслѣдованіи вѣмцаго ученаго.—С. А. Первушинъ. Теорія кризисовъ М. И. Туганъ-Барановскаго.—С. А. Котляревскій. Памяти В. Н. Чичерина.—Юридическое обозрѣніе: А. М. Ваванеръ. Понятіе обязательства по проекту обязательственнаго права 14 окт. 1913 г.—Кн. К. В. Кекуатовъ. Союзъ и товарищество. (Опытъ анализа понятій).—А. І. Заць. Къ 50-лѣтію Моск. Городскаго Рукавишниковскаго пріюта и IX сѣзду представителей русскихъ воспитательно-исправительныхъ заведеній.—Н. В. Давыдовъ. Юридическое о-во, состоящее при Имп. Моск. ун-тѣ.—Литературное обозрѣніе.—Приложенія: I. Протоколъ засѣданій Юридическаго о-ва при Имп. Моск. ун-тѣ. II. Отчетъ по при-

ходу и расходу денежных средств Юридического о-ва за 1913 г. и баланс на 1914 годъ. III. Протоколъ заведеній о-ва им. А. И. Чупрова для разработкѣ общественныхъ наукъ при Имп. Моск. ун-тѣ.

Библиографія по отд. вопросамъ.

Педагогическая психологія.

[15:371]

Амети, В., д-ръ. Душа ребенка. Съ рис. Пер. съ 3-го нѣм. изд. Я. Траурингъ. Спб. 1908. 1 р.

Ананьинъ, С. Дѣтскіе идеалы. [Результатъ анкетъ]. „Рус. Шк.“ 1911, 7 и 9.

Андреева, О. Миръ фантазій въ жизни дѣтей „Восп. и Об.“ 1907, 4.

Анри. Воспитаніе памяти. Изд. „Вѣст. Восп.“ М. 1900. Стр. 61. 50 к.

Anten, D., prof. О разстройствахъ развитія у дѣтей. Авториз. пер. подъ ред. д-ра М. В. Шапиро. Кн-во „Наука“. М. 1913. Стр. 72. 50 к.

Бальвинъ, А. М. Введеніе въ психологію. Пер. подъ ред. Спиридонова. М. 1902. 175 стр. Ц. 1 р.

Его же. Психологія и ея приложеніе къ воспитанію. Перев. съ англ. 1904. 20 к.

Бауманъ, Ю. Введеніе въ педагогику. [См. во II ч. очерки педагогики. психологіи]. Перев. съ нѣм. Г. Зоренфея. Спб. 1905. 1 р.

Безобразова, М. Психологія дѣтей. „Восп. и Об.“ 1908, 8.

Ея же. Можно ли бороться съ разсѣянностью. „Восп. и Об.“ 1908, 2.

Бернштейнъ, Богдановъ, Зиновьевъ. Практическіе методы индивидуальнаго экспериментально-психологическаго изслѣдованія личности. (Труды психол. лабор. при Моск. Педаг. Собр.). Блнз, А. Измѣненіе личности. Пер. Томашевскаго. Спб. 1893.

Бине, А. Куртье, Ф. Введеніе въ экспериментальную психологію 1894. 275 стр. Ц. 1 р.

Ихъ же. Умственное утомленіе. 1899. 345 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Бине, А. и Симонъ, Т. Развѣтїе интеллекта у дѣтей. Съ предисл. А. Бернштейна. Пер. съ фр. Зандеръ. М. 1911 г. Изд. В. М. Саблина. 75 к.

Бэнъ. Объ изученіи характера. Перев. съ англ. Цитовича. Спб. 1866. 1 р. 50 к.

Waldstein. Подсознательное „я“ и его отношеніе къ здоровью и воспитанію. Пер. съ нѣм. эк.-вр. М. А. Фрейденштейнъ. „Психо-терапевтич. библиотека“, подъ ред. д-ровъ Н. Е. Осипова и О. В. Фельдмана. Вып. VII. Кн-во „Наука“. М. 1913. Стр. 111. 60 к.

Васильковъ, Н. О развитіи наблюдательности у дѣтей. „Образ.“ 1899, 5 и 6.

Вентцель, К. Какъ бороться съ преступками и недостатками дѣтей. „Св. Восп.“ 1907/8, 4.

Викторовъ, П. Ученіе о личности и настроеніяхъ. 2 вып. Изд. 2-е Д. Ефимова. М. 1904. По 1 р. 50 к.

Вирениусъ, А. С. Физиологическія основы душевнаго настроенія учащихся. „Труды 1-го съѣзда гор. уч.“ Т. II. вып. 2.

Его же. Новый взглядъ на отношеніе психологіи и воспитанія. „Образ.“ 1901, 4 и 5.

Владимирскій, А. В. Содержаніе душевныхъ

переживаній при отсутствіи зрѣт. и слух. представленій Спб. 1910 г. 34 стр.

Его же. Умственная работоспособность въ различныя часы дня Спб. 1909 г. 96 стр.

Волынецвичъ, В. Черты переходнаго возраста „Вѣст. Восп.“ 1912, 7.

Его же. Психологія переходнаго возраста „Пед. Сб.“ 1912, 1.

Вундтъ, В., проф. Основы физиологической психологіи. Перев. подъ ред. А. А. Корнуса, А. Ф. Лазурскаго и А. П. Нечаева. Объ элементахъ душевной жизни. Спб. 1913. Стр. 150. 1 р. 50 к.

Гагеманъ. Что такое характеръ и какъ онъ можетъ быть образованъ воспитаніемъ? 1888. 40 к.

Гальтонъ, Ф. Наслѣдственность таланта. Изд. ж. „Знаеніе“. Спб. 1876. 2 р.

Гаупль, Р. Психологія ребенка [ж. „Вопросы Педагогич. Психологіи, Кримин. Антропол. и Педологіи“ 1911—У] Перев. А. Шубертъ, подъ ред. А. Бернштейна. М. Изд. Сытина. 75 к.

То же. Пер. съ нѣм. Левонескаго, подъ ред. Д. Фельдберга Спб. 1910. Изд. О. Богдановой. 75 к.

Гельвигъ. Четыре темперамента въ дѣтскомъ возрастѣ. Съ нѣм. 41 стр. 1874 г.

Гейфдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Спб. 1904 г. 348 стр. 1 р. 50 к.

Грейденобергъ, Б. Чувства и ихъ взаимныя отношенія съ точки зрѣнія воспитанія. Рефератъ. Харьковъ 30 стр. 20 к.

Гринъ, Д. Экспериментальное изслѣдованіе педагогическихъ проблемъ въ Россіи. „Рус. Шк.“ 1910, 1.

Громбахъ, К. Внушаемость у дѣтей. „Образ.“ 1901, 7 и 8.

Гроссъ, К. Душевная жизнь дѣтей. Избранныя лекціи. Пер. О. Нечаевой и А. Соколовой. Съ доп. и предисл. автора. („Педаг. библи.“ подъ ред. А. Нечаева, вып. IV). Изд. М. Пейкеръ. Спб. 1906. 1 р.

Гундобинъ, Н. Темпераментъ и характеръ у ребенка. Спб. 1897. 40 к.

Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Перев. съ фр. Нахомкиса. Спб. 1900. 1 р. 75 к.

Дернова Ермоленко, А. Психологія ссоръ между дѣтьми. „Нар. Уч.“ 1913, 12.

Дессуаръ, М., проф. Очерки психологіи. Авторизованный переводъ съ нѣм. М. В. Райхъ. Спб. 1912.

Джемсъ, У. Бесѣды съ учителями по психологіи. Пер. съ англ. А. Громбаха. Изд. 2-е. С. Скирмунта. М. 1904. 50 к.

Его же. Психологія. Съ Англ. Спб. 1910 г.

Дриль, Д. А. Этюды по педагогической психологіи. В. I. Роль чувства въ жизни души. 1907. Стр. 114.

Dubois, P. Воображеніе, какъ причина болѣзней. Изд. „Наука“ 1912. 50 к.

Его же. Психотерапія. Изд. „Наука“. 1911. 80 к.

Дюга. Застѣнчивость и ея лѣченіе. Перев. съ фр. Андреевъ. Спб. 1899. 35 к.

Ельницкій, Н. В. Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе. „Энци. Сем. Восп.“ Вып. X. Стр. 32. 30 к.

Ерузалемъ, В., проф. Учебникъ психологіи. Перев. съ предисл. и дополн. проф. Н. Н. Ланге. Изд. „Миръ“. М. 1912. 1 р. 20 к.

Зачиняевъ, А. Типы памяти. „Рус. Шк.“ 1908. 7/8 и 9.

Зеленский, М. Основы для ухода за правильным развитием мышления и чувствъ. Основы для развитія ума. Спб. 1882. 5 р. 50 к.

Его же. Объ умѣ и методѣ его воспитанія. Спб. 1890. 2 р.

Золотаревъ, В. Борьба съ лѣнью. Популярно-научный очеркъ. М. 1907. 60 к.

Каптеревъ, П. Педагогическій процессъ. Изд. „Русск. Шк.“ Спб. 1905. 75 к.

Его же. Педагогическая психологія для учителей, воспитателей и воспитательницъ. Изд. 2-е. Спб. 1881. 2 р. 50 к.

Его же. О природѣ дѣтей. Спб. 1899. 30 к.

Его же. О дѣтской подражательности. Спб. 1898. 30 к.

Его же. О страхѣ и мужествѣ въ первоначальномъ воспитаніи. Спб. 60 к.

Каринцевъ, Н. Воспитаніе воли. „Восп. и Об.“ 1909, 7.

Его же. О воспитательномъ значеніи эмоцій. „Восп. и Обуч.“ 1909, 2.

Его же. Воспитаніе памяти ребенка. „Восп. и Об.“ 1909, 12.

Его же. Воспитаніе способности сужденія. „Восп. и Об.“ 1910, 1, 2.

Его же. Воспитаніе разума ребенка. „Восп. и Об.“ 1910, 6.

Его же. Воспитаніе наклонностей ребенка. „Восп. и Об.“ 1910, 7.

Его же. Развитие наблюдательности у дѣтей. „Восп. и Об.“ 1911, 6.

Его же. Робость у дѣтей. „Восп. и Об.“ 1911, 8.

Его же. Воспитаніе инициативы и отвѣтственности въ дошкольномъ возрастѣ. „Восп. и Об.“ 1911, 11.

Карцовъ, Н. Записки по педагогической психологіи. Для начинающихъ заниматься вопросами воспитанія. Съ приложеніемъ общихъ основъ дошкольнаго обученія. Указат. соответствующаго чтенія по даннымъ вопросамъ. Спб. 1911. Изд. 2-е, испр. и дополн. X+174 стр. 75 к.

Его же. Капризъ и раздражительность дѣтей. „Энцикл. сем. восп.“ Вып. VIII. Стр. 44-30 к.

Кашенко. Коллекція специальныхъ пособій для формальнаго развитія и изслѣдованіе умственно-дефективныхъ дѣтей. 1912 г. 26 стр. М. 60 к.

Кейра, Ф. Воображеніе и различныя формы его у ребенка. Очеркъ по экспериментальной психологіи въ приложеніи ея къ интеллектуальному воспитанію. Перев. (съ 4-го фр. изд.). Под. ред. С. Соллертинскаго. Спб. 1912. 103 стр. 40 к.

Его же. Воображеніе и память. Пер. съ фр. Максимовой. Спб. 1898. 40 к.

Его же. Развитие мышленія у дѣтей. Пер. съ фр. Егуновыхъ. Спб. 1904. 40 к.

Его же. Дѣтскія игры. Изслѣдованіе о творческомъ воображеніи дѣтей. Пер. съ нѣм. М. Пичера, подъ ред. И. М. Соловьева. М. 1908. 80 к.

Клапаредъ, Э. Психологія ребенка и экспериментальная педагогика. Пер. съ 2-го фр. изд. под. ред. Д. Карпева. Съ предисл. и доп. автора къ русск. изд. Спб. 1911. Изд. О. Богдановой. 1 р.

Книжки педагогической психологіи. Под. ред. А. П. Нечаева. I—XI. По 70 к.

Коменскій, Янъ Амосъ. О культурѣ природныхъ дарованій. Перев. съ латинск. Н. Модзалевской. Спб. 1893. 30 к.

Компйе, Г. Отрочество, его психологія и пе-

дагогика. Перев. С. Вознесенскаго. Изд. О. Богдановой. Спб. 1910. 50 к.

Коноровъ, М. Лабораторія экспериментальной педагогической психологіи при педагогическомъ музеѣ военно-уч. заведеній. Спб. 1911. 70 стр. 50 к.

Его же. Учебная коллекція психологическихъ приборовъ и таблицъ. Съ рисунками аппаратовъ и таблицъ. Спб. 1912. Стр. 38. 25 к.

Костылевъ, Н. Фрейдъ и фрейдисты. „В. Евр.“ 1912. 4.

Краевскій, Б. Горе и радость дѣтскаго возраста. Лекціи по психологіи чувствъ ребенка. Изд. П. Брейтгама. Харьковъ. 1905. 60 к.

Кронфельдъ, А. Психологическая механика. Критич. оцѣнка ученія Фрейдъа. Пер. съ нѣм. „Вопросы психологіи безсозн.“ под. ред. д-ра Н. Котика. Вып. VII. М. 1913. Книгоизд. „Начало“. 119 стр. 85 к.

Кропоткинъ, П. Умственный и ручной трудъ. Перев. А. Коншина. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1910. 12 к.

Лазурскій, А. Школьныя характеристики. Спб. 1913. Изд. К. Л. Риккера, 2-е испр. и доп. Стр. VI+214. 1 р. 60 к. [См. также журн. „Изв. по Нар. Образ.“ 1908, 3—7].

Его же. Объ естественномъ экспериментѣ. „Рус. Шк.“ 1911, 4.

Его же. О развитіи воли и характера у дѣтей. „Энци. сем. восп.“ Вып. XI. 62 стр. 40 к.

Его же. Общая и экспериментальная психологія. (Составлено по лекціямъ, читаннымъ въ Психоневрологическомъ Институтѣ въ 1911—12 уч. г.). Изд. М. К. Костина. Спб. 1912. Стр. 264. 1 р. 25 к.

Его же. Очеркъ науки о характерахъ. Изд. 2-е. Спб. 1909. 1 р. 50 к.

Лазурскій, А. Ф. и Франкъ, С. А. Программа изслѣдованія личности въ ея отношеніи къ средѣ. „Рус. Шк.“ 1912, 1 и 2.

Лакомбъ. Воспитаніе, основанное на психологіи ребенка. Изд. 2-е, „Посредникъ“. Спб. 50 коп.

Ланге, Н. Н. Душа ребенка въ первые годы жизни. 1892. Стр. 64. 40 к.

Ле-Бонъ, Г. Психологія воспитанія. Перев. съ 2-го фр. изд. С. Будаевского. Спб. 1910. 90 к.

Леви, П. Рациональное воспитаніе воли. Практическое руководство къ духовному самолѣченію и самовоспитанію. Пер. съ 7 франц. изд. А. Е. Никифораки. Спб. 1912. Изд. О. Богдановой. Стр. 190. 1 р.

Л. Г. Школа и характеръ. „Пед. Лист.“ 1908, 4 и 5.

Его же. Новѣйшіе успѣхи гипнозизма въ воспитаніи. „Вѣст. Восп.“ 1907, 7.

Лесгафтъ, П. Школьныя типы. Посмертное сокращ. изд. Спб. Биологич. Лабораторія Лесгафта. Спб. 1911. 60 к.

Липманъ. Очеркъ психологіи для учителей 1912. Спб. [См. также журн. „Обновл. Шк.“ кн. I—V].

Лихницкій, В. Психологія воспитанія „Вѣст. Зн.“ 1913, 11.

Лозинскій, Е. Вина и наказаніе съ точки зрѣнія педагогической психологіи. „Вѣст. Восп.“ 1911, 8.

(Продолж. въ слѣд. №).

Книги, поступившія въ редакцію

Изд. „Грядущій День“. Спб.

Г. К. Соломинъ. Джотто Дибондонэ. 2 р. 50 к.—
Н. Корниль. В. Штернъ и др. Христіанство въ
освѣщеніи протестантскихъ теологовъ. 1 р.—
С. Городецій. Цвѣтущій посохъ. 1 р.

Изд. П. И. Бонадурера. Спб.

Н. В. Гоголь. „Иллюстр. Гоголевск. библ.“ Со-
рочинская ярмарка. 7 к.—Майская ночь, или
утопленница. 7 к.—Ночь передъ Рождествомъ.
10 к.—Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. 6 к.—
Страшная месть. 8 к.—Старосвѣтскіе помѣ-
щики. 8 к.—Тарась Бульба. 20 к.—Вій. 10 к.—
Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ива-
новичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. 10 к.—
Носъ. 8 к.—Шинель. 8 к.—Ревизоръ. 20 к.—
Женитьба. 10 к.—Г. В. Александровскій. Исто-
рико-литературн. комментаріи къ повѣстямъ
Гоголя „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. 20 к.

Изд. С. С. Панафидина. Москва.

Б. Дитмаръ. Курсъ географіи Россіи. 60 к.—
П. И. Ретсень. Букварь „Живые звуки род-
ной рѣчи“. 20 к.—В. Колокольникова. Кавказъ.
Изд. 2-е. 15 к.

Изд. Н. И. Карбасникова. Москва.

М. Метерлинкъ. Смерть. 1 р. 25 к.—Н. Николь-
скій. Краткій курсъ начальной географіи.
10 к.—Е. П. Радинъ. д-ръ. Футуризмъ и безу-
міе. 50 к.—Н. М. Карамзинъ. Записки о древ-
ней и новой Россіи. 1 р. 25 к.

Изд. „Зеленая Палочка“. Москва.

Николаевъ, П. П. Духовно-мистиическое пони-
маніе міра. 60 к.—Ив. Наживинъ. Собр. соч.
т. IV. Бѣлые голуби принцессы Риты. 1 р.—
Его же. Т. V. Моя исповѣдь. 1 р. 20 к.—А.
Зусманъ. Эссеи. Религіозное теченіе въ Па-
лестинѣ во вр. Іисуса Христа. 15 к.—М. Бу-
лановскій. Бѣганы. 35 к.—М. Мюллеръ. Фило-
софія Веданта. 40 к.—Его же. Шри Рама-
кришна Парамагамза, его ученіе и жизнь. 50 к.

Изд. В. С. Спиридонова. Москва.

А. А. Морозовъ и В. А. Горбуновъ. Синтаксисъ
русскаго языка. 30 к.—К. И. Добрынинъ. Со-
кращенный курсъ всеобщей исторіи въ связи
съ русскою для высшихъ начальныхъ училищъ.
1 р.—Его же. Новая исторія. Курсъ VI и VII
кл. м. и ж. гимн. и V и VI кл. реальн. уч.
1 р.—Ан. М. Гусевъ. Сборникъ статей, стихо-
твореній и художеств. отрывковъ съ планами.
Вып. I и II. 50 к. + 75 к.—А. И. Никитинъ.
Русское правописаніе. 1, 2, 3 и 4 годъ началь-
ной школы. 25 к. + 30 к. + 25 к. + 15 к.—
Его же. Маленькій словарь и краткія правила
правописанія. 6 к.

В. Филоненко. Уязычниковъ-инородцевъ Уфим-
ской губерніи.

Инструкція по библиографическому описанію,
составл. Комиссіей Сибирск. Библиогр. при

Русскомъ Библиогр. О-вѣ въ Москвѣ. Изд. ж.
„Библиогр. Изв.“

Ю. Віанорскій. Сборникъ миниатюръ. 50 к.

П. Паскаль. Магнето-химія. 50 к.

Ал. Шиловъ. IV международный алкогольный
конгрессъ въ Миланѣ. 10 к.

Дм. Крючковъ. Цвѣты ледяные, стихи. 35 к.

А. Евлаховъ. Въ поискахъ Бога. Этюдъ о Данте.
15 к.—Его же. Гдѣ дѣйствительный субъектив-
измъ и дилетанство? 20 к.—Его же. Русская
литература о западныхъ писателяхъ. Критич.
очеркъ. I. 30 к. Изд. автора.

М. Альтеръ. Миги забвенія. 1 р.

„Пушкинистъ“. Историко-литературный сборникъ
подъ ред. С. А. Венгерова. I. Изд. „Проме-
тей“. 1 р. 25 к.

Свято-муч. Іустинъ-философъ объ имени Божіемъ.
Изд. „Исповѣдникъ“. 20 к.

С. Масловъ. Новые законы о крестьянской зе-
млѣ. Изд. „Живая Правда“. 20 к.

П. П. Николаевъ. Понятіе о Богѣ, какъ совер-
шенной основѣ жизни. (Духовно-мистиическое
мировоззрѣніе). Части I и II.

Гр. Ф. де-ля-Бартъ. Литературное движеніе на
Западѣ въ первой трети XIX ст. 1 р. 50 к.

Готанъ, д-ръ, прив.-доц. Ископаемыя растенія.
Изд. ж. „Природа“. 1 р.

Проф. Р. Бернштейнъ и проф. В. Маривальдъ.
Видимые и невидимые лучи. Изд. ж. „Приро-
да“. 80 к.

Д. К. Третьяковъ. Прозрачные препараты.
Шпальтегольца. Изд. ж. „Школя. Экск. и
Шкля. Музей“. 10 к.

„Всееленское Дѣло“. Сборн. I. Памяти Н. Ѳ.
Ѳеодорова. 1 р. 50 к.

А. Чапыгинъ. Лѣнвивый Лыско. В. Каррикъ. Ше-
нокъ. К. Горбуновъ. Сватовство гордаго мы-
шенка. Изд. „Медвѣженокъ“. 40 к.

Жюль Мелинъ. Назадъ къ землѣ. Изд. „Трудъ“.
Ежегодникъ Пермскаго Губ. Земства и кален-
дарь на 1914 г. 50 к.

В. Бѣдновъ. Матеріалы для исторіи колонизаціи
бывшихъ Запорожскихъ владѣній. 25 к.

П. Брюнелли. Адвокатъ рабочаго. Изд. „Молодой
адвокатъ“. 1 р. 75 к.

Н. Д. Полонская. Историко-культурный атласъ
по русской исторіи. Вып. I, II и III. Изд. В.
С. Кулыжнаго. По 2 р. за вып.

Дж. Холіонъ. Исторія Рочдальскихъ пионеровъ.
Изд. „Трудъ“ 1 р. 50 к.

А. Давыдовъ. Научныя доказательства нашего
личнаго безсмертія. Изд. „Высшая Школа“.
1 р.

Н. Парадѣевъ. Дѣтская книга и для взрослыхъ
по Закону Божію. 15 к.

Проф. Н. Ѳ. Кащенко. Смерть и долготѣіе съ
біологической точки зрѣнія. Изд. „Bios“. 45 к.

В. А. Бѣляевъ. Лейбницъ и Спиноза. 2 р. 50 к.

Н. Н. Завьяловъ. Педагогическая хрестоматія.
Изд. „Школа“. 1 р. 50 к.

Толстовскій музей. II. Переписка Л. Н. Толстого
съ Н. Н. Страховымъ. 2 р. 50 к.

Л. Тезаровская. Народный дѣтскій садъ. Кружка
Совмѣстнаго воспитанія и образованія дѣтей.

П. Рудинъ. Законодательство и жизнь. Забѣтки
по приказчиному вопросу. 30 к.

Труды Второго всерос. съѣзда имени К. Д.
Ушинскаго. Изд. Спб. Педаг. О-ва Взаимной
помощи. Вып. I.

М. В. Вишнякъ. Къ вопросу о судебной отвѣт-

- ственности министровъ. (Оттискъ изъ ж. „Юридич. Записки“).
- Е. В. Бредтъ. Д-ръ. Нравственность и безнравственность въ искусствѣ. Изд. „Соврем. Пробл.“ 1 р. 50 к.
- Евг. Лундбергъ. Мережковский и его новое христианство. Изд. О. Н. Поповой. 1 р.
- Н. Автономовъ. Странички изъ исторіи библиотеки Нѣжинскаго Александровск. греч. уч. и Института кн. Безбородко.
- Д. В. Владимировъ. Планы и сочиненія по русской литературѣ курса VI—VIII кл. Изд. Гликсманъ въ Ригѣ. 1 р. 25 к.
- С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Собр. соч. Въ т. XI. Врачи. Изд. „Жизнь и Знаніе“. 1 р.
- Ф. Орловъ. Павловскія и екатерининскія гренадерки и л.-гв. Спб. полкъ. Историч. справки. 75 к.
- Ковалевъ. Художникъ и поэтъ, сказка. Изд. „Суриковск. Литер.-худож. Кружка“. 5 к.
- В. Вольскій. На пути къ свободѣ слова. Изд. „Наканунъ“. 10 к.
- „Жатва“. Кн. IV. 2 р.
- А. Безантъ. Путь къ посвященію и совершенствованію человѣка. Изд. ж. „Вѣсти Теософіи“. 45 к.
- А. Александровичъ. Изъ уроковъ по русской литературѣ, ч. I и II. Изд. В. П. Замѣрица. Харьковъ. По 1 р. 10 к.
- Отчетъ о дѣятельности Костромскаго научнаго о-ва по изученію мѣстнаго края за 1913 г.
- М. Моравская. Цвѣты въ подвалѣ, разск. для дѣтей. 1 р.—Ея же. На пристани. Стихи. 1 р. Изд. О. Н. Поповой.
- „Всемирное Единеніе“. Вып. II. 1914 г. Изд. Н. А. Шейермана. 45 к.
- С. А. Ардовъ. Евреи-евангелисты. Изд. „Москва“. 35.
- Материалъ для бесѣдъ съ маленькими дѣтьми. Изд. „Грамотей“. 40 к.
- Н. Н. Боголюбскій, проф. Вѣра науки и религіозная вѣра. Лекція. 20 к.
- Луи Винамъ и П. Дегрѣ. Радій. Его примѣненіе при лечен. рака. Изд. журн. „Медицинскій Парижъ“. 75 коп.
- В. Міяковскій. „Пѣснь историческая“. А. Н. Радищева и „Considerations“ Монтескье. Оттискъ изъ журн. „Русск. Стар.“.
- С. А. Алексѣевъ. (Аснольдовъ). Мысль и дѣйствительность. Изд. „Путь“. 1 р. 80 к.
- Чаадаевъ. Сочиненія и письма. Т. II, изд. „Путь“.
- Леонарда да-Винчи. Флорентійскія чтенія. Изд. Маевского. 4 р.
- Л. Б. Хавкина. Нью-Йоркская Публичная библиотека. Изд. автора. 50 к.
- „Въ помощь земледѣльцу“. Мури. №№ 3 и 4, за 1914 г. Изд. Калужск. с.-х. о-ва.
- И. В. Гринъ. Абортъ преступленіе или операція? Книги по философіи. Изд. „Трудъ“. 20 к.
- К. Ө. Жановъ. Сквозъ старой жизни. Т. III, вып. I. Изд. Н. В. Ворсцова. 60 к.
- И. И. Огіенно. Русское литературное удареніе. Изд. 2-е. 50 к.
- Украинскій вопросъ. Изд. ж. „Укр. Жизнь“.
- Ник. Ашукинъ. Осенній цвѣтникъ. Стихи. 50 к.
- Атома и микроорганизмы. I. Проф. И. И. Боргманъ. Атомическая теорія строенія тѣл.—II. Проф. С. И. Златогоровъ. Микроорганизмы и ихъ роль въ природѣ. Изд. „Земля“. 70 к.
- Отчетъ о дѣятельности О-ва народныхъ университетовъ въ 1911—12 гг.
- Мих. Пришвинъ. Славны Будни и др. разск. Изд. „Знаніе“. Т. III. 1 р. 25 к.
- Пѣсни, собранія П. Н. Рыбниковымъ. Изд. 2-е, подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. I—III. 6 р. 50 к.
- Д. Святскій. Предстоящее полное затменіе солнца 8 авг. 1914 г. 15 к.
- С. Бобровъ. Лирическая тема. XVIII экскурсовъ въ ея область. Изд. „Центрифуга“. 50 к.
- Ал. Закржевскій. Рыцари безумія. (Футуристы). 1 р.
- А. Ахматова. Четки. Стихи. Изд. „Гипперболой“. 1 р. 25 к.
- Евг. Робунъ, частн. пов. Новый мировой судъ и новое въ его судопроизводствѣ. Вып. I. Гражданскія дѣла. 25 к.
- М. И. Успенскій. Начальное народное образованіе въ Спб. Учебн. Окружъ. Статистическій очеркъ.
- Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Серія сборн. по періодамъ. Періодъ второй. 1 р.
- А. Ю. Купаловъ. Литературные конспекты. Изд. автора. 90 к.
- В. С. Сѣровъ, Ал. Никол. и Валент. Алекс. Изд. „Шиповникъ“. 2 р. 25 к.
- Руд. Штейнеръ. Изъ лѣтописи міра. Изд. „Духовное Знаніе“. 1 р. 25 к.
- Ленскія Волны. Журн. № 4, за 1914 г. Якутск. Записки математическаго Кружка, при Оренбургскомъ реальномъ училищѣ № 9—10, 1914 г.
- Б. Кушнеръ. Семафоры. Стихи. I. 50 к.
- Свящ. І. Амитревскій. Тайна жизни при свѣтѣ библіи, науки и оккультныхъ знаній. 1 р.
- „Очарованный Странникъ“. Альманахъ интуитивной критики. Вып. IV, 35 к.
- Альманахъ. Иллюстрированный литературно-художественный и популярно-научный ежемѣсячникъ. №№ 1, 2 и 3 за 1914 г. По 20 к.
- В. М. Хвостовъ, проф. Участіе женщины въ умственной культурѣ человѣчества.
- В. А. Гурко. Бѣлая опасность. Востокъ и Западъ. Изд. автора. 60 к.
- Фр. Руффини. Религіозная свобода. Исторія идеи. Вып. I. Изд. П. Н. Карбасникова. 1 р. 25 к.
- Геонъ. Между прочимъ. Сто стихотвореній. Изд. П. Н. Карбасникова.
- „Слово“. Сборникъ III. Изд. „Книгоизд. писателей въ Москвѣ“. 1 р. 50 к.
- П. В. Каменскій. I. О разрушеніи Александровскаго хутора для глухонѣмыхъ. II. Журналъ засѣданія центрального Комитета 16—III. 1914 г.
- В. Егорьевъ и В. Марковъ. Свирѣль Китаи. Стихи. Изд. „Союза Молодежи“. 1 р. 50 к.
- „Очарованный Странникъ“. Альманахъ интуитивной критики и поэзии. Вып. III. 35 к.
- Н. И. Ефимовъ. Преподобный Кириллъ Бѣлозерскій и его посланія. 20 к.
- К. Евсѣевъ. Вопросы о литературныхъ бесѣдахъ въ русской педагогической литературѣ. 40 к.
- „Ленскіе Волны“, журн. №№ 1, 2 и 3. Изд. Е. Олейникова. Якутскъ. По 15 к. №.
- Н. А. Саввинъ. Опытъ ежегодника дѣтской литературы. Изд. М. „Пед. Листъ“. 20 к.
- А. Сибирякъ. Стихи. Изд. „Арс“. 25 к.

Издатели: { В. Крандіевскій.
В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

4 Р.
в годъ
за 24 кн.

БЮЛЛЕТЕНИ

ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедельный журнал НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА
на
1913—14
годъ
(5-й г. изд.)

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (2000 страницъ). ● „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ периодич., такъ и непериод., какъ русской, такъ и иностранной. ● Главная задача журн. — всесторонне отражать картину идейной духовной жизни современности. ● „Бюллетени“ — это коллективная литер. памятка наиболее выдающихся явлений и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. ● О типѣ журнала „Бюллетени“ еще 35—40 лѣтъ назадъ печатали такіе корифеи литературы, какъ Достоевскій и Успенскій. ● За истекшій годъ въ „Бюлл.“ напеч. 240 ст. по самымъ разнообраз. напр. и 700 отзывовъ о книгахъ; данъ перечень 2500 нов. кн. и приведено содержание болѣе 50 журн. за годъ. ● Библиографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самого широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Утро Росс.: „Журн. заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ журн. сообщается все наиболее интересное, что дано текущей печатью“. ● Рус. Вѣд.: „Бюлл.“ знакомитъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни... ● Рус. Шм.: „Бюлл.“ дѣлаетъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюлл.“ оказываютъ огромную услугу... ● Огни: „Трудно представить себѣ человека, съ извѣстными культур. напр., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.“... ● Рус. Сл.: „Въ журн. заключена вся литер. жизнь года“... ● Совр. Сл.: „Задача журн. мнѣтъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе“... ● Голосъ: „Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и мировой мысли“. ● Илл. Обзор. Гол. М.: „Бюлл.“ безпристрастно и вполне объективно даетъ картину духа, нравственной, внут. русской жизни за цѣлый годъ“. ● Нов. Ж. для Во.: „Бюлл.“ незамѣнимъ особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекомен. книгъ“. ● Раз. Вѣст.: „Бюлл.“ умѣло и умно рисуетъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журн. ставятся

все наиболее интересное, что поступаетъ на книж. рынокъ“... ● Сѣв. У.: „Журн. въ дѣльных обстоѣт. статей дѣтъ внимательнѣе всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... Служить гармоническимъ объединятелемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго“... ● Рус. Молва: „Все то важное, что терлѣлось въ гущѣ журн. и нестроило содержаній газетъ, навѣщено вѣстливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые спеціально въ этой области работаютъ — для нихъ журналъ незаменимъ, — но и самые широкіе круги читателей“... ● Киев. Мысль: „Бюлл.“ могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющіе возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ“, а для тѣхъ, кто такой возможности лишены, въ особенности для провинц. читателей, руководителей библіотекъ и т. д., журналъ, вполнѣ доступный и во цѣнѣ, представляетъ интересъ сугубый“. ● Рам. Утро: „Не говоря уже о практич. значеніи журнала... главнымъ образ. для провинціи, нельзя не отмѣтить интереса его, какъ периодич. лѣтописи нашей духовной жизни. Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюллетенями“.

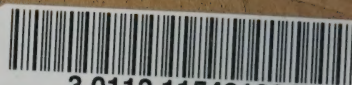
Проспектъ журнала высылается бесплатно. Подписка цѣна: на годъ 4 руб., 6 м. — 2 р., 3 м. — 1 р. За гравизу на годъ — 5 р. Для садск. учнт. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ — 3 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ

Подписной
годъ
начинается
съ 1-го
сентября.

книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“ за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна комплекта 3 р. 50 к. съ пересылкой, въ переплетѣ (2 т.) — 4 р. 50 к.
Монитор и ред. Москва, Мераляковс. пер. д. 6. Тел. 5-02-06.
Издатель: В. Крамдѣвскій и В. Носенковъ.
Редакторъ: В. Крамдѣвскій.

Можно под-
писываться
съ 1-го
числа
января.

ОТЪ КОНТОРЫ:

Гг. подписчиковъ, срокъ подписки которыхъ кончается 1 июня, контора покорнѣйше просить, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала, — поспѣшить съ присылкой послѣдняго рублевого взноса.

ИЗВѢСТІЯ

ОДЕССКАГО БИБЛЮГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Выходятъ двухлѣтными выпусками ПО ЧЕТЫРЕ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА КАЖДЫЙ.

Содержаніе: доклады членовъ общества, рецензій и статьи о нижнихъ новостяхъ (преимущественно изъ области историческихъ, социальныхъ и гуманитарныхъ наукъ); библиографическіе матеріалы; библиографическіе обзоры и указатели; статьи и замѣтки по библиотечновѣдѣнію и старинѣ Новороссійскаго Края, Бессарабіи и Крыма; краткіе протоколы засѣданій общества; кнѣжныя объявленія.

Цѣна выпуска 35 коп.

Цѣна перваго тома (за 1911—1912 гг.) 3 р.

Цѣна втораго тома (за 1913 г.) 2 р.

Книги для рецензій (желательно въ двухъ экземплярахъ) направляются по адресу: Одесса, Преображенская ул., Библиотека Универс., Одесскому Библиографическому О-ву.

Въ Прагѣ началъ выходить новый чешско-руссій художественный журналъ подъ названіемъ.

„Жизнь и Мѣстъ“

Первые №№ настоящаго журнала ожидаются съ громаднымъ интересомъ, т. е. вокругъ

„Ж. и М.“ тѣсно сплотилась группа молодыхъ живописцевъ, ваятелей, литераторовъ и водичей. Чешское искусство должно тѣсно и непосредственно примкнуть къ жизни своего народа — вотъ давно жданный призывъ, теперь открыто провозглашаемый приверженцами новаго журнала, которые стремятся ввести въ толщу жизни новыя живительныя струи, создать положительныя дѣятели.

Какъ противовѣсъ вліянію нѣмецкаго запада, издатели журнала „Ж. и М.“ отмѣчаютъ мощь русскаго творчества, духъ котораго властно простерся надъ всею русскою культурой, издатели ясно чувствуютъ назрѣвшую потребность болѣе близкихъ интимныхъ сношеній со Славянскими Востокомъ. Но „Жизнь и Мѣстъ“ займется не только ознакомленіемъ чеха съ переливами русскаго творчества, но также на восьми страницахъ русскаго приложенія представить русскому культурному міру характерныя этапы чешской духовной жизни, отразившейся въ искусствѣ. Художественныя воспроизведенія въ достаточномъ количествѣ украсятъ журналъ. Изъ содержанія, живописующаго чешскую современность, приводимъ: 1) „Кто мы?“ 2) Матезіусъ—Европа и Чехія; 3) Малота: памятникъ Я. Жижкѣ. Чешская часть: 1) Б. Матезіусъ Европы и Чехія. 2) Сапикъ и Ворехъ. — Памятникъ Я. Жижкѣ (идея и форма). 3) Малота—Въ бою за націю. 4) Ярешь—Пятьдесятъ лѣтъ чешскаго творчества (1863-903). Репродукція. 1) Сапикъ—Максимъ Горькій (бронза); 2) Манесъ—портр. Шарачо. 3) Вубакъ—Жестокая скала; 4) Касарекъ—А. Хибарка у рѣки; 5) Касарекъ—Сельская свадьба; 6) Касарекъ—Рузійскій пейзажъ; 7) Касарекъ—Крконошскій пейзажъ; 8) Вальдхаузеръ—Державскій прудъ; 9) Кутногарскія фрески конца 15 ст.: а) Распятие, в) Сабская королева, г) Сводъ „святыхъ святыхъ“; 10) Билокъ ф.—Слѣпцы (лип. дер.); 11) Вилекъ—Ужасъ (бук. дер.); 12) Сапикъ и Ворехъ—проектъ памятника Я. Жижкѣ (модель подробностей) 13) Сапикъ и Ворехъ—проектъ памятн. Я. Жижкѣ изъ Трочнова (почвенный и детальный разрѣзъ).

Подписная цѣна на 1 годъ—6 руб., 1/2 года—Зруб.

Администрація журнала: Praha (Австрія) Jungmannova 39 „Umčleaka beseda“.

Типографія В. М. САБАИНА. Москва, Петровка, д. Обидной. Телефонъ 88-60 и 1-31-34.